3 1761 03935 4899

НИКОЛАЙ КОСТОМАРОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ТОМЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ
МОНОГРАФІИ
и
ИЗСЛѢДОВАНІЯ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА

ТОМЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Гостиный дворъ, №№ 17 и 18.

МОСКВА,
Петровка, д. Михалкова, № 5.

1882.

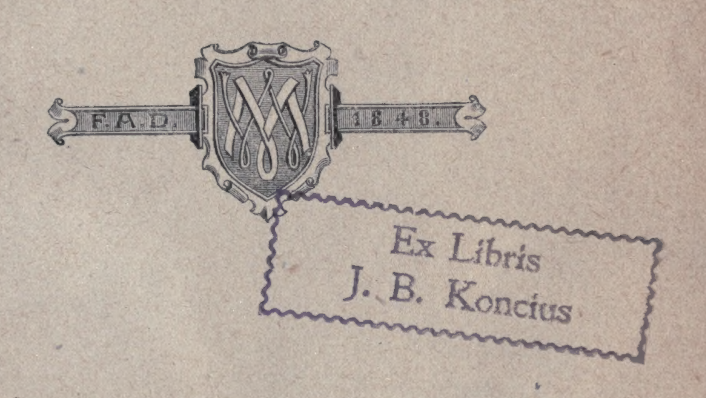
РУИНА.

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФІЯ

1663 — 1687.

ГЕТМАНСТВА БРУХОВЕЦКАГО, МНОГОГРѢШНАГО и САМОЙЛОВИЧА.

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА.



ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

С. ПЕТЕРБУРГЪ,
Гостиный дворъ, №№ 17 и 18.

МОСКВА,
Петровка, д. Михалкова, № 5.

1882.

Типографія М. О. Вольфа (Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5).

РУИНА.

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФІЯ 1663—1687 ГГ.

РУИНА.

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФІЯ 1663—1687 ГГ.

«Руиною» называется въ исторіи малороссійскаго края время смутъ, потрясавшихъ этотъ край во второй половинѣ XVII вѣка — преимущественно съ раздѣленія гетманщины на два гетманства по двумъ сторонамъ днѣпровскаго побережья. Этотъ періодъ можно считать со второй половины 1663 г. по іюль 1687 г., въ управленіе трехъ утвержденныхъ московскою властью одинъ за другимъ гетмановъ: Бруховецкаго, Многогрѣшнаго и Самойловича — до избранія, вмѣсто послѣдняго въ гетманы Мазепы. Названіе «Руина» — не выдуманное; оно осталось въ народномъ воспоминаніи, особенно по отношенію къ правобережной Украйнѣ, которая буквально была обращена въ «руину»; лишившись своего народонаселенія на нѣкоторое время, тамошній край превратился въ совершенную пустыню. Настоящая монографія служитъ непосредственнымъ продолженіемъ нашихъ двухъ монографій: «Гетманство Выговскаго» и «Гетманство Юрія Хмельницкаго», печатанныхъ нѣкогда въ періодическихъ изданіяхъ, а потомъ вошедшихъ въ сборникъ нашихъ историческихъ трудовъ, подъ названіемъ: «Историческія монографіи и изслѣдованія».

При составленіи новой монографіи мы руководствовались главнымъ образомъ документами московскихъ архивовъ иностранныхъ дѣлъ и юстиціи; нѣкоторая часть этихъ документовъ была напечатана въ изданныхъ археографической коммиссіею, подъ нашею редакціею, «Актахъ, относящихся къ исторіи Южной и Западной Россіи». Затѣмъ мы пользовались и другими историческими печатными источниками, какъ русскими, такъ и иностранными, указанія на которые приводятся въ надлежащихъ мѣстахъ, подъ слѣдующими сокращеніями:

А) Русскаго языка:

1) *А. И. Д.:* Дѣла бывшаго посольскаго приказа, заключающія сношенія съ Малороссіею и разными иностранными государствами и хранящіяся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ связкахъ и особо отдѣленномъ отъ нихъ собраніи подлинниковъ.

2) *А. Ю. З. Р.:* Акты Южной и Западной Россіи. Изданіе археографической коммиссіи. Томы VI—X.

3) *Арх. Юг. Р.:* Архивъ Югозападной Россіи, издаваемый временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, Высочайше учрежденной при кіевскомъ военномъ, волынскомъ и подольскомъ генералъ-губернаторѣ.

4) *Арх. Юст.:* Дѣла московскаго архива министерства юстиціи, заключающіяся въ книгахъ и столбцахъ.

5) *И. К. З.:* Исторія о козакахъ запорожскихъ. Издана въ „Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древности“, 1847 г.

6) *И. М. Р.:* Исторія Малой Россіи, Бантышъ-Каменскаго. Изданіе 1822 и 1842 гг.

7) *К. О. М.:* Краткое описаніе Малороссіи, изданное кіевскою временною коммиссіею 1878 г. при „Лѣтописи Самовидца“ (малороссійская лѣтопись, не лишенная любопытныхъ свѣдѣній и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляющая подобіе съ „Лѣтописью Грабянки“).

8) *Лаз. Р. А.:* Очерки малороссійскихъ фамилій — Александра Лазаревскаго. „Русскій Архивъ“, 1875—1878 гг.

9) *Л. Вел.:* Лѣтопись событій въ Югозападной Россіи въ XVII вѣкѣ—Самуила Величка. Издана кіевскою временною коммиссіею. Четыре тома. (Авторъ, жившій въ первой четверти XV вѣка, собиралъ и заносилъ въ свое повѣствованіе все, что ему попадалось подъ-руку, безъ малѣйшей критики, и самъ сознается, что въ его сочиненіе вошло много невѣрнаго. Даже есть цѣлые акты и документы чисто сочиненные, поэтому имъ можно пользоваться только съ крайнею осторожностью.)

10) *Лѣт. Граб.:* Лѣтопись Григорія Грабянки. Издана кіевскою временною коммиссіею 1854 г. (Авторъ, жившій въ началѣ XVIII вѣка, заимствовалъ многое изъ иностранныхъ сочиненій своего времени, но сообщаетъ также многія туземныя свѣдѣнія. Ею пользовался, главнымъ образомъ, Ригельманъ въ своемъ повѣствованіи.)

11) *Л. П. Риг.:* Лѣтописное повѣствованіе о малороссійскомъ народѣ Ригельмана. Изд. Моск. общ. ист. и древ., 1846 г.

12) *Л. С. 1846 г.*, и *Л. С. 1878 г.:* Лѣтопись самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго и о междоусобіяхъ, бывшихъ въ Малороссіи по его смерти. Издано моск. общ. ист. и древ., 1846 г., и кіевскою временною коммиссіею, 1878 г. по новооткрытымъ спискамъ. (Лучшее и достовѣрнѣйшее изъ туземныхъ повѣствованій).

13) *Мил.:* Историческія сочиненія о Малороссіи и малороссіянахъ — Миллера. Изд. въ Чтеніяхъ Моск. общ. ист. и древ., 1847 г.

14) *П. К. К.:* Памятники, изданные кіевскою временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ.

15) *П. Кор. М.:* Дѣла польской коронной метрики, заключающія сношенія польской Рѣчи Посполитой съ иностранными державами, хранящіяся въ моск. глав. архивѣ иностр. дѣлъ.

16) *П. С. З.:* Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Томы I—IV.

17) *С. Г. Г. Д.:* Собраніе государсгвенныхъ граматъ и

договоровъ, хранящихся въ государственной коллегіи иностр. дѣлъ.

18) *Симон.:* Краткое описаніе о козацкомъ малороссійскомъ народѣ—Петра Симоновскаго. Издано въ Чтеніяхъ Моск. общ. ист. и древ. 1847 г. (Сборникъ извѣстій, почерпнутыхъ преимущественно изъ разныхъ иностранныхъ сочиненій.)

19) *Сол.:* Исторія Россіи — Сергѣя Соловьева. Томы XII—XIV.

20) *Чт.:* Чтенія императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей, 1858 г. Томъ первый. (Документы, относящіеся къ гетманствамъ Многогрѣшнаго и Самойловича, извлеченные изъ Москов. глав. архива мин. иностр. дѣлъ.)

Б) Иностранныхъ языковъ:

21) *Ann. Pol.*, и *Klimoct. IV:* Annalium Poloniae Climacteres Scriptore a Kochowo Kochowski. Четыре тома. Четвертый томъ изданъ въ польскомъ переводѣ. (Авторъ, извѣстный своего времени польскій поэтъ, написалъ исторію своего времени, отличающуюся, впрочемъ, не вездѣ строгою вѣрностью).

22) *Coll.*: Collectanea. Изданіе Senkowskiego. Два тома. (Турецкіе источники, переведенные по-польски, съ примѣчаніями).

23) *Dz. P. Szujs.:* Dzieje Polskie podług ostatnich badań przez Józefa Szujskiego. Четыре тома.

24) *H. P. J. K.:* Historja Panowania Jana Kazimierza przez nieznajomego autora. Два тома. (Очень похожа на Annalium Poloniae Climacteres Scriptore a Kochowo Kochowski.)

25) *Kr. M. L.*: Kronika Miasta Lwowa, przez Zubrzyckiego.

26) *L. Jerl.:* Latopisiec Jerlicza. Два тома. (Авторъ, южнорусскій православный шляхтичъ, жившій въ XVII вѣкѣ велъ дневникъ своей жизни, записывая иное по слухамъ, а потому не вездѣ отличается вѣрностью.)

27) *Ojcz. Sp.:* Ojczyste Spominki. Diaryusze, Relacye, Pa-

miętniki, etc., z rękopismów zebrane przez Ambrożego Grabowskiego. Два тома.

28) *P. Jem.:* Pamiętnik Jemiołowskiego Lwów.

29) *P. Pas.:* Pamiętniki Jana Chryzostoma Paska, 1656—1688.

30) *Tag. Gord.:* Tagebuch des Generals Patrick Gordon. Три тома. (Извѣстія о разныхъ событіяхъ въ Малороссіи, писанныя очевидцемъ, довольно правдивыя и любопытныя, между прочимъ — о чигиринской войнѣ, крымскомъ походѣ низложеніи Самойловича).

31) *V. L.:* Volumina Legum. Восемь томовъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЕТМАНСТВО БРУХОВЕЦКАГО.

I.

Правобережный гетманъ Тетеря приглашаетъ польскаго короля къ походу противъ московскаго государства. — Вступленіе польскаго войска въ Украйну. — Совѣтъ въ Бѣлой Церкви. — Ставище — складъ боевыхъ запасовъ. — Переходъ черезъ Днѣпръ. — Универсалы Тетери. — Запорожская Сѣча. — Косаговъ. — Сѣрко. — Битвы съ татарами, тогдашними союзниками Польши.

Осенью 1663 года, послѣ казни Сомкà съ товарищами и послѣ ссылки другихъ лицъ въ Сибирь, Бруховецкій утвердился въ своемъ гетманствѣ надъ Украйной лѣвой стороны Днѣпра. Новому гетману предстояла борьба съ соперникомъ, съ гетманомъ на правой сторонѣ, утвержденнымъ въ своемъ достоинствѣ польскимъ королемъ. То былъ Тетеря. Избранный еще въ январѣ 1663 года, онъ съ самаго своего избранія приглашалъ короля Яна Казимира двинуться съ войскомъ въ Украйну и предпринять возвращеніе подъ власть Польши лѣвой стороны Днѣпра, захваченной Москвою. Человѣкъ хитрый, честолюбивый столько же, какъ и корыстолюбивый, Тетеря передъ королемъ и панами прикидывался, будто рѣшился принять гетманское достоинство, единственно исполняя волю своего государя, польскаго короля, и опасаясь оскорбить его отказомъ. Въ письмѣ

своемъ къ Яну Казимиру, отъ 15-го іюля, онъ жаловался, что, ставши гетманомъ, попалъ въ лабиринтъ золъ и затрудненій, увѣрялъ въ готовности всегда оставить гетманскій санъ безъ всякихъ для себя почестей и преимуществъ [1]), но покамѣстъ просилъ вспомогательныхъ силъ. 25-го іюля, онъ отправилъ къ королю посланцами Гарадзу и Олистратенка и просилъ, чтобы король осчастливилъ Украину своимъ посѣщеніемъ, принявши лично начальство надъ войскомъ, туда назначеннымъ [2]). «Великое Княжество Литовское (писалъ онъ тогда къ коронному канцлеру Пражмовскому) часто имѣетъ ту консоляцію, что его королевское величество не отказываетъ ему въ своемъ посѣщеніи, а мы, жители Княжества Русскаго, и Войско Запорожское, признаемъ своимъ особеннымъ несчастіемъ, что намъ adimitur aspectus (отъемлется лицезрѣніе) его величества». Тетеря указывалъ, что присутствіе короля полезно подѣйствуетъ противъ московскихъ козней, будетъ удерживать въ повиновеніи и вѣрности русскій народъ въ Украинѣ, увлекающійся непостоянствомъ именно оттого, что не знаетъ и не видалъ никогда въ лицо королевской особы; оно укрѣпитъ и союзъ съ татарами, которые, по замѣчанію Тетери, уже начали лукавить. Наконецъ, прибытіе короля полезно будетъ и потому, что тогда онъ самъ лично можетъ поставить надъ козаками гетмана, а самъ Тетеря продолжалъ изъявлять готовность отказаться отъ возложенной на него должности [3]).

Король Янъ Казимиръ по такимъ подущеніямъ сталъ готовиться къ походу. Нѣкоторые паны были противъ

---

[1]) П. К. К. т. IV, 347—354.
[2]) Ibid., 356—359.
[3]) Ibid., 363—370.

такого похода и въ числѣ ихъ знаменитый государственный человѣкъ и полководецъ польскій Юрій Любомирскій. Онъ представлялъ королю, что нельзя ни довѣрять козакамъ, ни возлагать надежду на союзъ съ татарами; притомъ если уже идти въ походъ, то, по мнѣнію Любомирскаго, надлежало идти съ весны, и для этого созвать посполитое рѣшенье. Король не только не послушался такого совѣта, но окончательно не поладилъ съ Любомирскимъ, котораго уже и прежде не любилъ за его обличенія злоупотребленій въ финансовомъ управленіи. Любомирскій, раздосадованный тѣмъ, что его совѣтовъ не слушалъ король, отказался идти въ предполагаемый походъ, а король не дозволилъ участвовать въ этомъ походѣ и полку, устроенному Любомирскимъ.

Въ началѣ сентября прибылъ король въ Сокольники, и тамъ учиненъ былъ смотръ войска. Нашли его въ количествѣ сорока тысячъ; оно казалось красиво, но уже тогда представлялась опасность, что, при обычной въ Польшѣ неисправности въ платежахъ жалованья служащимъ, многіе скоро уйдутъ изъ войска.

15-го сентября назначено было выступить. Войско пошло тремя отрядами и тремя путями. Первый отрядъ подъ командою короннаго гетмана Потоцкаго двинулся на Тарнополь, другой — подъ начальствомъ русскаго воеводы Чарнецкаго на Дубно, третій — Яна Собѣскаго на Баръ, гдѣ надлежало сойтись ему съ союзными татарами, которые съ своимъ ханомъ Махметъ-Гиреемъ стояли уже на Цецорскихъ поляхъ. Ханъ писалъ къ королю, что хотя падишахъ и повелѣвалъ ему идти съ ордою противъ нѣмецкаго императора, но онъ, ханъ, предпочитаетъ всему на свѣтѣ дружбу съ королемъ и желаетъ за-одно съ поляками воевать московитянъ, исконныхъ враговъ татарскаго народа. Самъ король шелъ

съ частью войска, составлявшаго четвертый отрядъ, бывшій подъ командою лифляндца Бокуна. Изъ-подъ Сокольниковъ король двинулся въ Бѣлый-Камень и тамъ разстался съ королевой; проводивши супруга, она вернулась въ Варшаву; король съ военною силою отправился въ Подгайцы [1]). Простоявши тамъ шесть дней, пока починяли переправы на рѣкахъ, король прибылъ въ Шароградъ. Тѣмъ временемъ Собѣскій сошелся съ передовымъ татарскимъ отрядомъ, находившимся подъ начальствомъ Дедышъ-аги; Собѣскому сообщили, что, вслѣдъ за этимъ татарскимъ отрядомъ, идетъ орды сорокъ тысячъ, подъ начальствомъ двухъ султановъ, а если этого для поляковъ окажется недостаточно, то явится самъ ханъ со всею крымскою силою, какая у него есть подъ властью [2]).

8-го октября прибылъ король въ Бѣлую Церковь; то была уже средина Украины. Здѣсь явился королю Тетеря и полковники правобережныхъ козацкихъ полковъ, находившихся подъ начальствомъ гетмана Тетери; тутъ были въ числѣ ихъ: Ханенко, Милешко, Гоголь, Богунъ, Гуляницкій; всѣ кланялись королю какъ своему государю и изъявляли готовность жертвовать за него жизнью Всѣхъ насчитывали ихъ тринадцать [3]). Здѣсь явилась тогда депутація отъ православнаго духовенства съ архимандритомъ Гедеономъ, бывшимъ гетманомъ Юріемъ Хмельницкимъ. Только-что передъ тѣмъ совершился въ Кіевѣ выборъ митрополита — событіе всегда важное для Украины и особенно важное при тѣхъ смутныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ колебался край: нравствен-

---

[1]) Мѣстечко на рѣкѣ Коропцѣ, въ Галиціи.
[2]) Anc. Pol. Climact, III, 82.
[3]) Н. P. J. K., I, 245.

ное и политическое положеніе народа много зависѣло отъ того, чьимъ сторонникомъ — московскаго государства или Польши, явится новый владыка. Большинствомъ голосовъ избранъ былъ бѣлорусскій епископъ Іосифъ Тукальскій. Королю этотъ выборъ не нравился; не нравился онъ и коронному канцлеру Пражмовскому. Угодничая имъ, пытался-было Тетеря не допустить такого избранія, но не могъ сдѣлать ничего. Говорили, что Гедеонъ Хмельницкій, теперь являвшійся къ королю на челѣ депутаціи отъ духовенства, самъ хотѣлъ быть избраннымъ въ санъ митрополита. Королю во всякомъ случаѣ желалось, чтобы этотъ человѣкъ, а не кто другой сталъ тогда главнымъ святителемъ Южной Руси. Королю и вообще полякамъ думалось, что такого святителя можно будетъ повернуть куда угодно, а слѣдовательно, употребить орудіемъ для служенія извѣстному польскому замыслу — введенію уніи. Тетерѣ во время выбора хотѣлось услужить полякамъ, однако онъ долженъ былъ теперь сознаться въ своемъ безсиліи въ духовномъ дѣлѣ [1]).

Въ Бѣлой-Церкви на собранномъ у короля военномъ совѣтѣ возникло два противорѣчивыхъ мнѣнія; одни говорили, что надобно со всѣми силами вторгнуться въ предѣлы московскаго государства и отвоевать обратно лѣвобережную Украину; другіе находили, что лучше вести войну на берегахъ Днѣпра, но не удаляясь далеко въ глубь лѣвой стороны. Первое мнѣніе взяло верхъ, тѣмъ болѣе, что его поддерживали и Тетеря, и татарскій предводитель Дедышъ-ага, твердившій, что воевать въ чужой землѣ всегда лучше, нежели въ своей. Рѣшили въ мѣстечкѣ Ставищѣ устроить центральный складъ бое-

---

[1]) П. К. К. IV, 382, 388, 391.

выхъ принадлежностей. Для его охраненія съ отрядомъ оставленъ былъ полковникъ Себастіанъ Маховскій.

Гетманъ Тетеря прилагалъ стараніе расположить козаковъ и народъ лѣвой стороны въ пользу польскаго короля. 22-го октября онъ распустилъ универсалъ, въ которомъ убѣждалъ жителей склониться на польскую сторону и отступить отъ Москвы. «Лѣвая сторона Днѣпра», — писалъ онъ, — «отпавши отъ короля, своего наслѣдственнаго государя, и отдавшись подъ высокую руку московскаго царя, попала въ неволю. Уже многихъ знатныхъ особъ казнили, пожитки и имущества другихъ захватили, женщинъ и дѣтей загнали въ неволю. Услышалъ объ этомъ милосердый король, государь вашъ, соболѣзнуетъ онъ о разореніи людей своихъ, и, рѣшившись подвергать опасностямъ свое королевское здравіе, идетъ противъ непріятелей съ тѣмъ, чтобъ освободить васъ, своихъ подданныхъ, и, соединивши, учинить миръ. По долгу христіанской любви и по своей гетманской обязанности — остерегаю васъ. У короля сила не малая, и наше козацкое войско идетъ съ нимъ, и орды сильныя съ самимъ ханомъ придутъ; если вы поклонитесь королю вашему, то забвенны будутъ прежнія вины ваши и вы останетесь въ милости у короля» [1]).

Мало вліянія оказали такія воззванія на жителей лѣвой стороны. Только городки Потокъ, Переволочна и Кременчугъ поддались правобережному гетману, и самъ Тетеря поспѣшилъ въ Кременчугъ, но вскорѣ Пархомъ Нужный, войсковой генеральный эсаулъ Бруховецкаго, овладѣлъ Потокомъ, потомъ приступилъ къ Кременчугу. За Нужнымъ явился подъ Кременчугомъ самъ гетманъ Бруховецкій съ царскимъ воеводою, находившимся при

---

[1]) А. Ю. З. Р., V, 188.

его особѣ, Кирилломъ Хлоповымъ. Тетеря поспѣшилъ убраться обратно за Днѣпръ, но оставилъ въ Кременчугѣ своихъ правобережныхъ козаковъ, засѣвшихъ во внутреннемъ городѣ, составлявшемъ сердцевину Кременчуга [1]).

13-го ноября король съ своимъ войскомъ переправился черезъ Днѣпръ у Ржищева. Татары переплывали Днѣпръ подъ Трипольемъ, своимъ обычнымъ способомъ — держась за хвосты своихъ лошадей. Тетеря снова явился въ Кременчугѣ и тогда отправилъ посольство въ Сѣчу съ увѣщательною граматою. Онъ напоминалъ запорожцамъ, что ихъ дѣды и прадѣды, находясь подъ королевскою, а не подъ иною властью, рождались и славы добывали на морѣ и на сушѣ, обѣщалъ отъ имени короля милости и сохраненіе вольностей, увѣрялъ запорожцевъ, что самъ не желаетъ гетманской власти и готовъ передъ ними снять съ себя урядъ, предоставляя запорожскимъ товарищамъ право избрать, кого захотятъ сами. Онъ обѣщалъ особую милость отъ короля кошевому Сѣрку и обнадеживалъ его, что если онъ передастся на королевскую сторону, то польское войско выведетъ его семью изъ Полтавы, гдѣ она тогда находилась, и, такимъ образомъ, поляки избавятъ ее отъ царскаго мщенія за дружбу съ поляками [2]).

Въ Запорожской Сѣчѣ находился съ царскими ратными силами стряпчій Косаговъ, прибывшій туда въ концѣ сентября. Въ октябрѣ, вмѣстѣ съ Сѣркомъ и запорожцами, онъ отправлялся въ походъ противъ татаръ и чуть было не взялъ Перекопа: турки и крымцы успѣли

---

[1]) А. Ю. З. Р., V, 189.
[2]) А. Ю. З. Р., V, 146.

подойти къ нимъ сзади, русскіе отступили, но увели съ собой много плѣнныхъ, которыхъ всѣхъ, не исключая женщинъ и дѣтей, Сѣрко приказалъ перебить. Впослѣдствіи Сѣрко въ своемъ донесеніи извинялъ такое варварство, будто это сдѣлалось по причинѣ свирѣпствовавшаго тогда въ Крыму мороваго повѣтрія; но запорожскіе посланцы, бывшіе въ Москвѣ, объяснили, что никакого повѣтрія не было, а сдѣлалось такъ по войсковому приговору. Запорожское товарищество, находясь подъ нравственнымъ вліяніемъ Сѣрка, всячески показывало преданность и угодливость московскому государю, и Косаговъ въ своихъ донесеніяхъ, отправляемыхъ въ малороссійскій приказъ, могъ только хвалить запорожцевъ за это, но въ другомъ тонѣ пришлось ему отписываться, когда въ Сѣчу дошли универсалы Тетери. Правда, большая часть товарищей не хотѣла слушать воззваній заднѣпровскаго гетмана, прислужника ляховъ, но общество запорожское было такъ же разнообразно, какъ и непостоянно. Самъ Сѣрко былъ человѣкъ характера, легко поддававшагося впечатлѣніямъ, не отличался всегда твердостію и постоянствомъ въ разъ принятомъ направленіи; въ то время не было ничего, что бы могло возбудить въ немъ какую-нибудь досаду и нерасположеніе къ Москвѣ, а потому онъ тогда былъ искренно преданъ московской сторонѣ. Но мимо его въ Сѣчѣ нашлось не мало такихъ, которымъ было по вкусу, что Тетеря подаетъ имъ поводъ къ волненіямъ, и положеніе находившагося въ Сѣчѣ предводителя царской рати стало ему казаться не безопаснымъ. «Пришло, кажется, послѣднее мое», — писалъ Косаговъ къ отцу своему: — «вѣрно мнѣ уже не быть дома и не видать тебя, государя моего. Если черкасскіе городы сдадутся королю, то и Запорожье сдастся

ему, и тогда мнѣ съ Сѣркомъ тутъ будетъ матъ!» [1]). Бывшіе съ Косаговымъ великороссійскіе ратные люди — копейщики, рейтары, солдаты и донскіе козаки по обычаю стали бѣгать, и это, по донесенію Косагова, дѣлалось тогда не отъ голода: разнесся слухъ, что ляхи, татары и измѣнники черкасы хотятъ приходить въ Сѣчу. Побѣги ратныхъ до того умножились, что съ Косаговымъ осталось великороссіянъ всего двѣсти человѣкъ [2]).

Но храбрый и на то время вѣрный Сѣрко успѣлъ на время удержать товарищей и направить ихъ на дѣло, полезное царю. Къ счастью Косагова, къ нему прибыли калмыки, заклятые враги крымцевъ, всегда готовые помогать той сторонѣ, которая была въ войнѣ съ послѣдними. 6-го декабря, Сѣрко съ запорожцами и Косаговъ съ калмыками отправились снова противъ татаръ, съ цѣлію помѣшать ханскому походу на помощь къ польскому королю. Запорожцы пожгли нѣсколько татарскихъ ауловъ около Перекопа, освободили болѣе сотни малороссійскихъ и великороссійскихъ полоненниковъ, и 16-го декабря нанесли пораженіе перекопской ордѣ: ея начальникъ Карабчей, его братъ, его племянникъ, его писарь и казначей — пали въ этой битвѣ. Извѣчные враги крымцевъ, калмыки съ остервененіемъ кололи всѣхъ и не дозволяли брать никого живьемъ въ плѣнъ. Эта побѣда была тѣмъ блистательнѣе, что съ Сѣркомъ было всего девяносто сѣчевиковъ, а у Косагова, кромѣ калмыковъ — великороссійскихъ ратныхъ людей всего тридцать и донскихъ козаковъ шестьдесятъ человѣкъ; татаръ же съ Карачбей-мурзою участвовало въ этой битвѣ до тысячи [3]).

[1]) А. Ю. З. Р. V., 146.
[2]) А. Ю. З. Р., V., 141.
[3]) Ibid., 148.

Важнѣе всего, послѣдствіемъ этой побѣды было то, что ханъ крымскій долго послѣ того не рѣшался выступать съ ордою въ Украину на помощь королю, а счелъ нужнымъ оберегать съ сѣвера предѣлы крымскихъ юртъ отъ вторженія запорожцевъ и калмыковъ [1]).

У польскаго короля послѣ перехода черезъ Днѣпръ было намѣреніе овладѣть Кіевомъ, но такое намѣреніе было оставлено. Кіевъ былъ самымъ крѣпкимъ городомъ и тратить надъ нимъ время сочли неумѣстнымъ; поляки надѣялись, что, когда весь край будетъ завоеванъ, то Кіевъ и самъ сдастся побѣдителямъ [2]). На лѣвой сторонѣ Днѣпра не встрѣчали они противъ себя московскихъ силъ, но слыша, что Ромодановскій гдѣ-то далеко стоитъ, думали, что онъ — полководецъ великаго ума и сообразительности, что онъ нарочно прикидывается медлительнымъ и мало искуснымъ въ военномъ дѣлѣ, а у него разсчетъ хитрый и очень вѣрный: «этотъ московитинъ понялъ, что полякъ горячъ, словно солома — скоро загорается и скоро сгораетъ и огня послѣ мало оставляетъ; поэтому-то Ромодановскій стоитъ съ войскомъ на одномъ мѣстѣ, разославши по сторонамъ отряды, чтобъ у насъ живость отнимать, и мы бы, въ чужой землѣ находясь, голодъ терпѣли». Бруховецкій, напротивъ, изъ Кременчуга посылалъ въ приказъ жалобы на Ромодановскаго, что онъ не слушаетъ царскихъ указовъ и не спѣшитъ съ войскомъ на оборону малороссійскаго края: всю осень продержалъ войско въ сборѣ, какъ-будто наготовѣ къ военному походу, а какъ только слухъ пошелъ, что король переходитъ Днѣпръ и вступаетъ въ малороссійскій край, то словно умышленно своихъ рат-

[1]) Ibid. 150.
[2]) Н. Р. J. К., II. 249, 250.

ныхъ по домамъ распустилъ [1]). На самомъ дѣлѣ Ромодановскій не былъ отличнымъ стратегомъ, какъ подозрѣвали о немъ враги, но не былъ и виновенъ, какъ доносилъ на него Бруховецкій, обвинявшій его почти въ измѣнѣ. Ромодановскій дѣйствовалъ, строго подчиняясь царскимъ указамъ. Онъ по царскому указу распустилъ изъ Бѣлграда ратныхъ людей по домамъ на одинъ мѣсяцъ, а когда услыхалъ о вторженіи польскаго войска и получилъ новый царскій указъ, тотчасъ разослалъ въ разные города гонцовъ съ отписками о высылкѣ ратныхъ людей, отправилъ къ Бруховецкому своего товарища Петра Скуратова съ вспомогательнымъ отрядомъ и обѣщалъ гетману идти на соединеніе съ нимъ, какъ только ратные, отпущенные по домамъ, соберутся [2]). Ромодановскій слушался своего правительства, которое поступало по давнему московскому обычаю — распускать военныя силы, какъ только не предвидится близкой опасности, и тѣмъ подавать поводъ врагамъ дѣлать неожиданныя вступленія въ предѣлы государства.

Послѣ прихода Скуратова, Бруховецкій доносилъ въ приказъ, что и теперь съ Хлоповымъ и Скуратовымъ все-таки онъ не въ состояніи выступать противъ польской силы и просилъ, чтобъ указано было Ромодановскому и Петру Шереметеву идти съ своими ратями на выручку Малороссіи [3]).

---

[1]) А. Ю. З. Р., V., 192.
[2]) А. Ю. З. Р., V., 178.
[3]) Ibid., 192.

II.

Движеніе польскаго войска въ лѣвобережной Украйнѣ. — Взятіе Воронкова, Барышполя, Остра, Ромна, Борзны, Солтыковой-Дѣвицы, Сосницы. — Осада Глухова. — Неудачные приступы. — Отступленіе къ Новгородъ-Сѣверску. — Стычка подъ Пироговкою. — Колебаніе малороссіянъ. — Казнь Богуна.

Польскіе источники передаютъ, что, тотчасъ послѣ переправы поляковъ черезъ Днѣпръ у Ржищева, къ королю пріѣзжалъ московскій гонецъ съ изъявленіемъ отъ своего правительства готовности начать переговоры о мирѣ. Гонцу данъ былъ отвѣтъ, что поляки не прочь толковать о мирѣ, если московскій царь пришлетъ своихъ уполномоченныхъ для этой цѣли [1]). Но польскіе паны, окружавшіе короля, разсуждали, что не слѣдуетъ поддаваться уловкамъ непріятеля, который думаетъ какъ-нибудь продлить время въ своихъ видахъ.

Вступивши въ лѣвобережную Украину польское войско мало везло за собою продовольствія, надежда была найти все нужное въ изобиліи въ непріятельской странѣ. Оказалось, однако, что войско въ этой непріятельской землѣ не такъ легко могло доставать себѣ все нужное. За сборомъ провіанта и фуража посылалисъ отряды; козаки нападали на эти отряды, иногда отбивали возы, нагруженные запасомъ, иногда и самихъ жолнѣровъ истребляли. Отъ этого польское войско не получало необходимаго; сперва пѣхота стала терпѣть голодъ, а за нею конница; тоже и лошади пропадали отъ безкормицы.

Приходилось полякамъ на пути раздѣлываться съ

---

[1]) Krajewski, Hist. Jana Kazim., II, 330.

укрѣпленными городами, а такихъ городовъ впереди насчитывали поляки до трехсотъ. Изъ нихъ прежде всего удачно расправились поляки съ Воронковымъ: онъ былъ ограбленъ и сожженъ войсковою прислугою, которая у поляковъ называлась лузьною челядью (lużna czeladż). За Воронковымъ слѣдовалъ Барышполь, также укрѣпленный. Сначала барышпольцы храбрились и на требованіе поляковъ сдать городокъ, отвѣчали: «мы вамъ дороги не загораживаемъ, можете себѣ идти мимо нашихъ валовъ, только насъ не зацѣпляйте, а если зацѣпите, то знайте, что и мы не безъ рукъ, и Москва отъ насъ не далече: придутъ къ намъ на выручку». Польный коронный писарь Сапѣга взялся добыть мѣстечко; пѣхота пошла на приступъ; бросили въ городокъ нѣсколько бомбъ и гранатъ; загорѣлось мѣстечко, москвитяне не приходили на выручку; тогда духовные первые подали совѣтъ сдаться. Извѣстили барышпольцы Сапѣгу, что готовы просить у короля пощады и милосердія. Ворота мѣстечка отворились, вышли впереди всѣхъ духовные, заправлявшіе сдачей городка, за ними жители вели выдавать полякамъ своего сотника Собу, совѣтовавшаго держаться до крайности. Этимъ барышпольцы купили себѣ жизнь, но затѣмъ должны были доставлять провіантъ и скотъ для польскаго войска.

По невооброзимой осенней слякоти двигалось польское войско до Остра. Этотъ городокъ лежалъ въ углу, образуемомъ Десною и впадающими въ Десну Остромъ и Папрокомъ. Съ одной стороны городокъ защищали болота, съ другихъ сторонъ были выведены укрѣпленія. Осенній разливъ воды въ тотъ годъ былъ такъ великъ, что поляки острили, называя городъ плавающею уткою. Король послалъ требованіе сдаться.

«Мы не можемъ сдаться, еслибъ даже и захотѣли» —

отвѣчали полякамъ жители: городъ нашъ охраняютъ московскіе ратные люди, у нихъ во власти и ворота, и валъ, и всѣ укрѣпленія».

Взять этотъ городокъ было трудно, но, къ счастію поляковъ, вдругъ стало мерзнуть и притомъ — такъ быстро и сильно, что черезъ нѣсколько дней можно было уже ходить по льду. 6-го декабря, польская пѣхота разложила по льду фашинникъ и стала подходить къ городку, а войсковая прислуга пустилась въ пригородныя села набирать дерева; разбирали для этого даже хаты и стали строить мостъ. Такимъ средствомъ успѣли приблизить къ городу пушки, которыхъ невозможно было повезти по льду, еще не окрѣпшему, начали изъ нихъ пускать ядра и гранаты, а пѣхота пошла на приступъ. Остерскіе обыватели усердно помогали козакамъ и приступъ отбили; но польскія ядра и гранаты сдѣлали свое дѣло. Въ полночь поднялся въ городѣ шумъ и крикъ, а утромъ изъ города сообщили полякамъ, что московскій гарнизонъ ушелъ изъ города, и тогда поняли поляки, что происходилъ шумъ ночью во время ухода москвитиновъ, которыхъ, какъ они догадались, вовсе и не было слишкомъ много. Король обѣщалъ остерцамъ пощаду, если обяжутся давать провіантъ на войско [1]).

Здѣсь военный совѣтъ рѣшилъ дать войску роздыхъ и переждать время наступившихъ тогда жестокихъ холодовъ; жолнѣровъ развели по зимнимъ квартирамъ, и самъ король помѣстился въ предмѣстьѣ, въ хаткѣ, наскоро выстроенной нарочно для него. Съ нимъ было два полка тѣлохранителей и королевская прислуга. Въ такомъ положеніи поляки проводили праздники Рождества Христова.

---

[1]) Н. Р. J. К., II, 251.

Между тѣмъ другая часть войска, что была подъ начальствомъ Чарнецкаго, отправлена была въ сторону отъ Остра — приводить городки и мѣстечки къ повиновенію королю. Къ Чарнецкому примкнулъ отрядъ правобережныхъ козаковъ подъ начальствомъ полковниковъ Богуна и Гуляницкаго. Отряженный Чарнецкимъ, Тележинскій взялъ Роменъ: жители выпустили московскихъ ратныхъ людей задними воротами и сами за ними ушли изъ городка, оставивши свои дома пустыми во власть врага. Тележинскій велѣлъ въ окрестностяхъ собирать провіантъ и фуражъ. Вслѣдъ за Ромномъ стали сдаваться и другіе городки и мѣстечки; сдавались они преимущественно Богуну, потому что имя этого сподвижника Хмельницкаго было еще въ уваженіи и въ славѣ у малороссійскаго народа. Въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ малороссіяне не только сдавались на королевское имя, но и сами присоединялись къ отряду Богуна. Только мѣстечко Монастырище упорно сопротивлялось полякамъ и было разорено жолнѣрами: тамошніе козаки и жители въ наказаніе за свое упорство были отданы татарамъ въ полонъ [1]). Но когда одни поляки брали русскія мѣстечки, русскіе платили за то другимъ полякамъ: козацкія ватаги нападали на жолнѣровъ, расположенныхъ на квартирахъ около Остра, и безпрестанно тревожили ихъ.

Обогатившись яссыромъ, татары оставляли поляковъ и уходили прочь съ толпами малороссійскихъ плѣнниковъ; напрасно король силился подарками удержать ихъ султановъ. «Мы уже и такъ довольно помогли вамъ» — отвѣчали султаны. Въ утѣшеніе полякамъ одинъ мурза именемъ своего хана обѣщалъ королю, что скоро снова придетъ

---

[1]) Л. С., 42.

на помощь полякамъ свѣжая орда. Утрата союзниковъ побудила короля потребовать къ войску козацкаго гетмана Тетерю съ тѣмъ козацкимъ войскомъ, которое оставалось на правомъ берегу Днѣпра. Въ то же время послано было приказаніе литовскому войску приблизиться къ королевскому для совмѣстнаго дѣйствія противъ непріятеля. Послѣ рождественскихъ праздниковъ король рѣшился не терять больше времени и идти прямо въ границы московскаго государства [1]).

Въ первыхъ числахъ января 1664 года король Янъ Казимиръ выступилъ изъ Остра; затѣмъ и все его войско оставило зимнія помѣщенія. Поляки обогнули Нѣжинъ, не отваживщись нападать на него, потому что этотъ городъ былъ и укрѣпленъ, и снабженъ значительнымъ гарнизономъ; поляки прошли на Олишевку.

Богунъ между тѣмъ взялъ Борзну, гдѣ находился тогда лубенскій полковникъ; городъ Борзна сдался безъ сопротивленія; самъ лубенскій полковникъ изъявлялъ готовность покориться королю [2]). Гетманъ Тетеря, получивъ приказаніе присоединиться къ королевскому войску, проходилъ черезъ Прилуки и Ичню.

На пути королевскому войску стояло на берегу Десны мѣстечко Солтыкова-Дѣвица. По извѣстію польскаго лѣтописца, это мѣстечко было притономъ всякаго рода бродягъ, жившихъ грабежомъ; награбивъ въ разныхъ мѣстахъ чужое добро, они свозили награбленное въ это мѣстечко и торговали, то продавая, то промѣнивая добычу. Такъ изображаютъ это мѣстечко польскіе источники [3]). Мѣстечко это было укрѣплено палисадомъ и

[1]) Н. Р. J. К., 254—Л. В.. II., 80.
[2]) Л. С., 42.
[3]) Н. Р. J. К.. II., 255.

валами; къ нему примыкалъ замокъ въ видѣ полумѣсяца; его обтекала съ трехъ сторонъ рѣка, незамерзавшая въ жестокую стужу, потому что въ глубинѣ ея на днѣ струилось множество родниковъ. Замкомъ и мѣстечкомъ начальствовалъ какой-то донской козакъ, по прозвищу Трикачъ. Жители рѣшились упорно защищаться, но на случай, если ужь никакъ невозможно будетъ удержаться, приготовили себѣ мѣры къ спасенію. Они затопили въ водѣ паромы въ противоположной сторонѣ отъ той, откуда приходило польское войско, надѣясь приподнять эти паромы, когда нужно будетъ — и ускользнуть на нихъ. Эта предосторожность имъ же во вредъ обратилась. Королевскій трубачъ, подъѣхавши къ валу городка, закричалъ:

«Солтыкова-Дѣвица должна сдаться его величеству королю, своему законному государю».

Ему отвѣчали съ вала:

«Солтыкова-Дѣвица принадлежитъ не королю, а его царскому величеству».

Послѣ того въ другой разъ съ тѣмъ же предложеніемъ послалъ король трубача.

Козаки на этотъ разъ отвѣтили выстрѣлами изъ смиговницъ (родъ старинныхъ стѣнныхъ пушекъ).

Тогда поляки острили: «упрямая Дѣвица! она достойна того, чтобы быть изнасилованною»!

Король приказалъ идти на приступъ.

Зимній день склонялся къ вечеру. Раздались пушечные выстрѣлы; дымъ поднялся тучею, помрачившею дневной свѣтъ; ядра и гранаты полетѣли въ мѣстечко; пѣхота полѣзла на валы. Козаки мужественно отбивались, пѣхота подалась назадъ; затѣмъ козаки сами сдѣлали три вылазки одну за другою. Уже стало смеркаться. Пѣхота еще разъ попыталась начать приступъ и катила

передъ собою заставы изъ бревенъ для защиты отъ выстрѣловъ. Но козаки и теперь отбили наступающихъ съ прежнею храбростію.

Ночь уже покрыла землю. Бой продолжался. Но въ то время, когда козаки бились на вылазкѣ, польская войсковая прислуга толпою отправилась на противоположную сторону мѣстечка — искать брода и случайно открыла затопленные въ водѣ паромы. Поняла прислуга въ чемъ дѣло; тотчасъ принялись копать плотину: вода ринулась черезъ прокопъ, паромы поднялись, бросились на нихъ жолнѣры, достигли дубоваго палисада, составлявшаго стѣну зàмка, и принялись топорами рубить палисадныя бревна. Отпора не было: въ зàмкѣ были только женщины и дѣти, которыхъ оставили тамъ козаки, вышедшіе на вылазку. Они надѣялись, что ихъ семьи вполнѣ будутъ безопасны въ этомъ зàмкѣ, пристроенномъ къ мѣстечку. Но польская войсковая прислуга, открывши убѣжище козацкихъ семей, дала знать въ польское войско; жолнѣры массою бросились туда и подвезли тараны для скорѣйшаго разрушенія стѣнъ. Тутъ козаки, бывшіе на вылазкѣ, бросились назадъ, но спасенія ихъ семьямъ уже не было: въ палисадѣ сдѣлано было нѣсколько проломовъ.

«Згода! милосердія!» — кричали козаки.

Поляки обѣщали имъ милосердіе, если сдадутся, и русскіе отворили имъ ворота, покидали оружіе [1]).

— Нѣтъ вамъ милосердія! — запѣли имъ тогда поляки. Разсвирѣпѣвшіе жолнѣры, опьянѣвшіе отъ торжества побѣды, темною ночью неистово истребили и старыхъ и малыхъ, и мужчинъ и женщинъ, сами не видя въ потьмахъ, кого бьютъ. «Мстимъ за нашихъ погиб-

---

[1]) Л. С., 43.

шихъ братій! — кричали они. Упрямая Дѣвица, потанцуй-ка теперь съ нами военный танецъ! Пропала твоя краса, пропали твои наряды! Вмѣсто свадьбы, погребеніе твое празднуется!»

Невозможно было остановить одурѣвшихъ отъ крови жолнѣровъ. Какой-то капитанъ вздумалъ-было черезчуръ энергически удерживать ярость жолнѣровъ, и тѣ его искалѣчили. До десяти тысячъ народа обоего пола, всякаго возраста, погибло въ этой свирѣпой рѣзнѣ. Начальникъ Трикочъ найденъ мертвымъ съ простреленнымъ горломъ [1]). Украинскій лѣтописецъ иначе описываетъ покореніе поляками этого мѣстечка: онъ говоритъ, что поляки вытѣснили русскихъ изъ мѣстечка въ замокъ, потомъ брали ихъ тамъ приступомъ нѣсколько дней [2]); русскіе, дошедши до крайности, увидали, что нѣтъ имъ спасенія, — просили пощады; поляки имъ пощаду обѣщали, но не сдержали обѣщанія.

Послѣ взятія Солтыковой-Дѣвицы, войско двинулось къ Сосницѣ; на дорогѣ пойманные языки наговорили, что въ Сосницѣ находятся московскіе посланники, что они привезли съ собою отъ своего государя тридцать большихъ возовъ, нагруженныхъ деньгами, чтобъ роздать эти деньги въ жалованье козакамъ. Повѣривши этой баснѣ, поляки подступили къ сотенному городу Сосницѣ. По принятому поляками обычаю, прежде всякихъ военныхъ дѣйствій, послали они приглашеніе сдаться. Въ Сосницѣ не было сотника, онъ находился въ Березной; козаки сосницкіе сообразили, что, при своемъ малолюдствѣ, — не въ силахъ будутъ отстоять себя, и согласились. Поляки болѣе всего старались добраться до

---

[1]) Н. Р. J. К., II, 258.
[2]) Л. С., 43.

московскихъ людей съ денежными возами, о которыхъ имъ наболтали языки. Жители Сосницы выдали ѣхавшихъ черезъ ихъ городъ московскихъ людей. Послѣдніе увѣряли, что никакихъ денегъ у нихъ не было; они, напротивъ, ѣхали въ Кіевъ — забрать тамъ сложенную казну, составившуюся изъ податей, собираемыхъ съ украинскихъ жителей въ пользу царя. Московскихъ людей подвергли пыткѣ огнемъ, но они ничего не сказали подъ огнемъ болѣе того, что прежде говорили, а только прибавили, видно въ утѣшеніе полякамъ, что вторженіе польскихъ войскъ въ царскія владѣнія произвело большой переполохъ въ самой Москвѣ. Поляки заковали московскихъ людей и держали подъ карауломъ; козацкихъ же посланцевъ, изъ Батурина отъ Бруховецкаго ѣхавшихъ къ царю въ Москву и пойманныхъ, казнили смертію какъ измѣниковъ. Такъ поступлено было съ ними потому, что поляки признавали всѣхъ малороссіянъ вообще польскими мятежными подданными, а не иноземными непріятелями [1]).

По взятіи Сосницы король съ войскомъ двинулся къ Новымъ Млинамъ. Мѣстечко было не укрѣплено, а потому вовсе не сопротивлялось; польское войско прошло черезъ него и расположилось станомъ за его предѣлами, разбивая шатры и разводя огонь. Канцлеръ Пражмовскій, ѣхавшій съ важными бумагами и со множествомъ дорогихъ вещей, расположился ночевать въ самомъ мѣстечкѣ. Про это провѣдалъ конотопскій сотникъ Нужный, и со своими козаками ворвался въ мѣстечко, пользуясь продолжительностію зимней ночи. Канцлеръ едва успѣлъ выскочить и уйти отъ полона, но козаки захватили много цѣнныхъ вещей, серебряную посуду королев-

---

[1]) H. P. J. Kaz., II, 260.—Hist. J. K. Krajew., 4.

скаго буфета, всѣ бумаги канцлера и даже взяли канцлерскую серебряную чернильницу.

Сначала у короля была мысль идти на Батуринъ, гдѣ, какъ доносили языки, остановился тогда гетманъ Бруховецкій съ главными силами козацкаго войска. Для точнѣйшаго дознанія отправили туда подъѣздъ. Воротившись назадъ, подъѣздчики донесли, что батуринская крѣпость довольно сильна, взять ее трудно, людей у Бруховецкаго много, и козаки не допустили польскихъ подъѣздчиковъ до хуторовъ, окружавшихъ городъ Батуринъ. Сообразно такому донесенію, король отмѣнилъ намѣреніе добывать Бруховецкаго въ Батуринѣ и двинулся съ войскомъ далѣе на сѣверъ.

Между тѣмъ литовскій гетманъ Сапѣга и польный литовскій же гетманъ Пацъ шли на соединеніе съ королемъ. Московское войско подъ начальствомъ князя Борятинскаго перегородило имъ путь подъ Брянскомъ; тамъ произошло сраженіе и окончилось безъ рѣшительной выгоды и для той, и для другой стороны. Однако, въ Путивлѣ стоялъ князь Куракинъ и къ нему шелъ въ соединеніе князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій; эти московскіе воеводы намѣрены были не допустить литовскаго войска соединиться съ короннымъ. Король услыхалъ объ этомъ и повернулъ съ войскомъ своимъ къ Путивлю. Князь Черкасскій уклонился отъ битвы и ушелъ лѣсомъ, а король не сталъ добывать Путивля: ему языки донесли, что туда прибыли свѣжія силы московскаго войска. Король повернулъ къ Новгородъ-Сѣверску и оттуда двинулся къ Глухову.

Король расположился обозомъ за нѣсколько верстъ отъ Глухова, а къ городу отправилъ передовой отрядъ на вывѣдку. Осажденные сдѣлали вылазку, отогнали поляковъ, но послѣдніе успѣли схватить нѣсколько поло-

ненниковъ, годныхъ быть языками. Они сказали, что глуховцы ожидаютъ прибытія сильной московской рати для пополненія гарнизона. Полякамъ надобно было предупредить прибывающихъ. Король, не выходя самъ изъ обоза, отправилъ Чарнецкаго съ пѣхотою и артиллеріею на приступъ.

Въ городѣ Глуховѣ были козаки глуховской сотни [1]) подъ начальствомъ Дворецкаго [2]) и жители окрестностей, ушедшіе въ осаду. Но тамъ былъ начальникъ и выше генеральный судья Животовскій [3]). Былъ тамъ и гарнизонъ великорусскихъ ратныхъ людей подъ начальствомъ Аврама Лопухина [4]). Городъ былъ опоясанъ двойнымъ валомъ и двумя рвами; глуховскіе козаки дѣлали необходимыя поправки въ укрѣпленіяхъ и готовились биться съ врагомъ, хотя бы многочисленнымъ и сильнѣйшимъ. Удержать Глуховъ было не маловажнымъ дѣломъ; отъ судьбы его зависѣли дальнѣйшіе обороты войны: взятіе Глухова открывало полякамъ путь въ предѣлы московскаго государства, и потому полезно было для русскаго дѣла задержать ихъ подъ Глуховымъ, пока тѣмъ временемъ отъ Батурина могли двинуться Брюховецкій и Ромодановскій и ударить на королевское войско съ боку. Если бы поляки миновали этотъ городъ, какъ сдѣлали съ Батуринымъ, то могли бы нанести царскимъ владѣніямъ чувствительное опустошеніе.

Прежде всего Чарнецкій потребовалъ добровольной сдачи города. Ему отвѣчали отказомъ. Тогда Чарнецкій началъ приступъ.

---

[1]) Л. Вел., 8.
[2]) Н. Р. J. К., II, 267.
[3]) Лѣт. Граб., 185.
[4]) А. Ю. З. Р., V, 195.

Съ трехъ сторонъ ударили на Глуховъ. Прямо противъ входа, который назывался «водною брамою», поляки на скорую руку насыпали шанецъ, утвердили на немъ пушки и стали изъ нихъ метать ядра и гранаты; подъ прикрытіемъ этихъ выстрѣловъ пѣхота бросилась съ другой стороны на валъ, а съ третьей стороны начали такой же приступъ охотники и военная прислуга — лузьная челядь. Но пальба изъ орудій не причинила глуховцамъ вреда; польскій шанецъ съ поставленными на немъ орудіями расположенъ былъ на далекомъ разстояніи отъ города: выстрѣлы, пускаемые польскою артиллеріею, достигали городскихъ валовъ уже на отлетѣ. Глуховцы бодро отбили непріятельскій приступъ на обѣихъ сторонахъ, несмотря на то, что польскіе воины шли очень отважно: одинъ другого вызывалъ на поединокъ, когда кто опережалъ кого, поспѣвая на приступъ. Отбивши приступъ, козаки сами сдѣлали вылазку и нанесли вредъ непріятелю выстрѣлами изъ ручныхъ самопаловъ.

Такъ неудачно для поляковъ окончился приступъ въ первый день; Чарнецкій и старые паны говорили тогда королю:

«Намъ слѣдуетъ добыть этотъ городокъ, иначе будетъ намъ срамъ. Мы обошли уже нѣсколько такихъ городковъ, что и потверже укрѣплены. Какъ можемъ отважиться идти въ глубь московскаго государства, когда не въ силахъ овладѣть пограничнымъ мѣстечкомъ?»

Король послушался и приказалъ подвинуть обозы. Рѣшили осадить Глуховъ, вести подкопы, произвести внезапный взрывъ — и въ то время двинуть пѣхоту чрезъ образовавшіеся отъ взрыва проломы въ городъ.

Начали вести подземную галерею; она послѣ нѣкотораго протяженія раздвоялась: одна вѣтвь пошла къ «водной брамѣ», другая къ другой «брамѣ» и сдѣлана

была нѣсколько глубже первой. Чтобъ осажденные не догадались о подкопахъ, поляки продолжали дѣлать приступы къ городскимъ валамъ, пока подкопы будутъ совсѣмъ готовы, но земля была мерзлая и неудобно было копать ее. Когда, наконецъ, были подкопы готовы, вкатили туда нѣсколько десятковъ бочекъ пороху. Одна изъ проведенныхъ минъ взорвана была не подъ самыми воротами «водной брамы», куда ее направляли инженеры, а захватила часть вала: въ прорву ринулась пѣхота, драгуны побросали лошадей и спѣшились, даже королевская гвардія поспѣшила къ дѣлу съ мотыками и топорами, но съ своей стороны осажденные устремили всю силу къ опасному мѣсту. Схватка завязалась отчаянная. Поляки влѣзали на валъ, съ гордостью водружали на немъ свои хоругви, какъ знакъ побѣды, но потомъ падали стремглавъ съ вала, сбиваемые выстрѣлами козаковъ; нѣкоторые по кучамъ земли разсыпаннаго вала перебрались черезъ ровъ и принялись рубить стоявшіе за рвомъ палисады, но, сбрасываемые ударами защитниковъ, слетали въ ровъ, какъ въ адъ, по выраженію польскаго историка. Счастливцы, успѣвшіе заранѣе уносить ноги, съ прискорбіемъ разсказывали товарищамъ, что черезъ щели палисадовъ видѣли другой ровъ, а за рвомъ еще валъ, и разсуждали, что если бы имъ удалось овладѣть первою наружною линіею укрѣпленій, то пришлось бы еще повозиться съ другою, внутреннею. Такъ неудачно окончилась попытка ворваться въ городъ черезъ прорву, образованную подкопомъ, недошедшимъ до воротъ, куда онъ проводился. Поляки потеряли тогда болѣе тысячи человѣкъ, не мало и офицеровъ было убито [1]).

Совершенно безъ послѣдствій осталась другая вѣтвь

---

[1]) H. P. J. K., II, 262.

подземной галереи, которая направлялась къ другой брамѣ. Работавшіе надъ нею инженеры такъ дурно запаковали мину, что когда пришлось поджечь ее, то не произошло настоящаго взрыва, а бывшіе въ польскомъ войскѣ козаки, которые должны были броситься къ валу, въ это время только кричали да стрѣляли на воздухъ: впослѣдствіи открылось, что, сговорившись тайно съ осажденными земляками, они умышленно дѣйствовали такъ, чтобы помѣшать полякамъ.

Битва продолжалась до сумерокъ. Ночью поляки стали подбирать тѣла своихъ убитыхъ для погребенія, но глуховскіе козаки, сдѣлавши вылазку на подбиравшихъ тѣла, многихъ изъ нихъ перестрѣляли.

Такъ неудачны были всѣ попытки взять городокъ и стоили полякамъ очень дорого. Современники поляки приписывали спасеніе Глухова храбрости и распорядительности Дворецкаго. Между тѣмъ зимняя стужа сильно безпокоила польское войско; жолнѣрамъ приходилось, при постоянныхъ военныхъ трудахъ, терпѣть отъ мороза, дурнаго помѣщенія и недостатка въ продовольствіи и фуражѣ [1]).

Соображая эти обстоятельства, нѣкоторые паны, окружавшіе короля, стали подавать совѣтъ покинуть осаду и уходить. Король не поддавался на эти совѣты и говорилъ: «какъ? все московское царство трепещетъ отъ насъ, а тутъ какой-нибудь плохой городокъ будетъ хвалиться, что мы не могли ему ничего сдѣлать!» Еще сильнѣе короля вооружался противъ снятія осады Чарнецкій и говорилъ: «нашихъ много легло, но вѣдь и враговъ не мало погибло, много ихъ отъ ранъ изнемогаетъ; сдѣлаемъ еще приступъ и попытаемся взорвать валъ, они рады не рады, а должны будутъ сдаться».

---

[1]) Л. С., 43. Zbiór pamiętników. Broel-Platera. t. IV. 139—159.

По настоянію Чарнецкаго, очень уважаемаго за свою храбрость и военное искусство, рѣшили снова вести подкопы и приступать къ Глухову. Но тутъ пришло извѣстіе, что Бруховецкій съ козаками и Ромодановскій съ ратною великороссійскою силою наступаютъ на польское войско [1]). Это понудило поляковъ оставить новыя попытки къ овладѣнію Глуховомъ.

Приготовляясь къ встрѣчѣ непріятеля открытымъ боемъ, польскіе военачальники устроили обозъ свой къ боевому походу и приказали держать день и ночь запряженныхъ лошадей. Произошла битва, описанная подробно въ лѣтописи Величка [2]). Мы не рѣшаемся принять за достовѣрную историческую правду этого описанія, потому что источникъ, передающій подробности этой битвы, нерѣдко является невѣрнымъ. Другихъ описаній этой битвы ни въ русскихъ, ни въ польскихъ источникахъ мы пока не нашли, но что битва эта дѣйствительно происходила — указываетъ царская грамата въ 1665 г., по которой пожаловано Бруховецкому боярство: тамъ говорится, что Бруховецкій въ совокупности съ княземъ Ромодановскимъ бился противъ короля [3]). Битва эта была неудачна для поляковъ, такъ какъ они, по ея окончаніи, съ наступленіемъ сумерокъ отступили къ Новгородъ-Сѣверску [4]). Они боялись, чтобъ на нихъ не пришли съ разныхъ сторонъ свѣжія великорусскія войска подъ начальствомъ разныхъ воеводъ.

Когда поляки двинулись къ Новгородъ-Сѣверску, Ромодановскій догналъ ихъ у Пироговки, на переправѣ

---

[1]) Лѣт. Граб. 1.
[2]) Стр. 82—85.
[3]) П. С. З., I, 633.
[4]) С. Г. Г. Д. IV, 156.

черезъ Десну. Ледъ сталъ уже хрупокъ; тогда, какъ надобно предполагать, былъ уже конецъ февраля. Полякамъ переходить рѣку было небезопасно подъ непріятельскимъ натискомъ. Но поляки хоть и много своего войска потеряли, отбиваясь отъ Ромодановскаго, однако переправились черезъ Десну [1]. Мы не знаемъ подробностей дѣла, происходившаго на переправѣ, но, по замѣчанію украинскаго лѣтописца [2], стоявшіе въ Брянскѣ и Путивлѣ царскіе воеводы не прибыли въ пору къ Ромодановскому на помощь, а если бы такъ сдѣлалось, то русскіе не только побили бы польское войско, но и самого короля живьемъ могли бы взять въ плѣнъ. Русскимъ воеводамъ помѣшало то, что они тогда вели между собою мѣстническіе споры.

Король съ войскомъ благополучно добрался до Новгородъ-Сѣверска; этотъ городъ не впустилъ къ себѣ поляковъ. Здѣсь въ военномъ совѣтѣ польскихъ предводителей рѣшено было такъ: королю идти съ частію войска въ Литву и на пути соединиться съ литовскимъ войскомъ; другой же части короннаго войска подъ командой Чарнецкаго и Собѣскаго идти на правый берегъ Днѣпра, въ Украину, для усмиренія народныхъ волненій, которыя, какъ доходили вѣсти, опять возникли въ право-бережной Украинѣ, едва только король и гетманъ Тетеря переправились на лѣвый берегъ Днѣпра.

Тогда для поляковъ открылось, что во время стоянки ихъ войска подъ Глуховомъ наказный гетманъ, начальствовавшій нѣсколькими тысячами козаковъ, прикомандированными къ королевскому войску, полковникъ Богунъ — передавалъ тайно глуховцамъ извѣстія о движе-

---

[1] Л. С., 44.
[2] Ibid.

ніяхъ и намѣреніяхъ поляковъ, а предводимые имъ козаки, по его приказанію, стрѣляли не на свою братію глуховцевъ, а на воздухъ. Дознались поляки, что Богунъ тайно снесся съ Бруховецкимъ и условился съ нимъ: какъ только поляки станутъ переправляться черезъ Десну, а московскія войска будутъ имъ мѣшать, козаки, находившіеся въ польскомъ войскѣ, содѣйствуя москвитянамъ, ударятъ съ тыла на ляховъ и такимъ образомъ довершится пораженіе послѣднихъ. По оплошности московскихъ военачальниковъ не состоялся планъ козацкаго полковника, еще во времена Богдана прославившаго себя военными хитростями надъ ляхами. Полевой военный судъ, состоявшійся подъ Новгородъ-Сѣверскомъ, приговорилъ его къ смертной казни, и Богунъ былъ разстрѣлянъ съ нѣсколькими соучастниками своего замысла.

Украинцы, сбитые съ толку смутными обстоятельствами своей родины, сами не знали, чего имъ держаться, и хватались то за то, то за другое, за что схватиться въ данную минуту считали возможнымъ; оттого у нихъ происходили безпрестанныя измѣны и приставали они то къ той, то къ другой изъ воюющихъ между собою сторонъ. Ничего не значило для многихъ изъ нихъ сегодня служить царю, завтра присягнуть королю, то перейти изъ подъ власти Бруховецкаго подъ власть Тетери, то опять изъ подъ власти Тетери поступить подъ власть Бруховецкаго.

Когда въ королевскомъ войскѣ Богунъ, предводитель вѣрныхъ королю козаковъ, соглашался тайно съ врагами короля подвергнуть истребленію королевское войско, въ Глуховѣ, державшемся царя, во время прихода короля, возникла измѣна царю въ видахъ оказать содѣйствіе королю. Изъ граматы, данной протопопу Шматков-

скому [1]), видно, что какъ только король съ войскомъ вступилъ въ Сѣверскую землю, въ Глуховѣ у козаковъ составился заговоръ сдать городъ. Начальствовавшаго ратными людьми Авраама Лопухина посадили въ тюрьму и мучили; тридцать человѣкъ великороссіянъ засыпали въ землю; но протопопъ Шматковскій успѣлъ остановить дальнѣйшее волненіе; онъ бранился съ глуховскимъ полковникомъ Кирилломъ Гуляницкимъ (вѣроятно, тогда выбраннымъ мятежниками въ званіе полковника) и проклиналъ его за безчеловѣчіе; онъ успѣлъ освободить и укрыть у себя въ домѣ двухъ поповъ да шесть человѣкъ дѣтей боярскихъ, и не допустилъ побить остальныхъ государевыхъ ратныхъ людей. Не знаемъ подробностей, какъ была окончательно усмирена затѣя измѣнниковъ, но по уходѣ короля тотчасъ вошелъ въ Глуховъ гетманъ Брюховецкій и, казнивши измѣнниковъ, назначилъ тамъ полковникомъ Василія Черкашеницу. Тогда глуховцы отправили къ царю сначала войта и сотника, потомъ протопопа, усмирившаго бунтъ — просить вспомоществованія, такъ какъ весь глуховскій уѣздъ былъ очень разоренъ. Протопопъ выпросилъ у царя за свое радѣнье пустошь и дозволеніе построить церковь во имя Успенія Богородицы на томъ мѣстѣ, гдѣ ратные царскіе люди были засыпаны землею отъ измѣнниковъ. Вслѣдъ затѣмъ архіепископъ Лазарь Барановичъ просилъ царя о милостяхъ и о пособіи для отстройки Новгородъ-Сѣверскаго монастыря, сильно пострадавшаго отъ пушечной пальбы во время прихода къ городу поляковъ [2]).

---

[1]) А. Ю. З. Р., V., 195.
[2]) А. Ю. З. Р., V., 196.

III.

Поворотъ гетмана Тетери. — Кара надъ передавшимися полякамъ малороссіянами. — Возстаніе въ правобережной Украинѣ. — Сѣрко. — Сулимка. — Маховскій и Тетеря въ Бѣлой-Церкви. — Смерть Сулимки. — Выговскій. — Трагическая судьба его.

Когда король подвигался къ Глухову, гетманъ Тетеря съ козаками правой стороны Днѣпра и съ поляками, бывшими подъ командой короннаго хорунжаго, сообразно королевскому приказу, шелъ другою дорогою на востокъ, по лѣвой сторонѣ Днѣпра. Онъ доносилъ отъ 8-го декабря [1]), что ему сдавались городки съ охотными или дейнецкими полками: иные отъ страха отворяли ворота добровольно, другіе послѣ принужденія оружіемъ; Лохвица упорно не сдавалась и взята была приступомъ. Тетеря дошелъ до Гадяча: гарнизонъ въ немъ былъ большой и орудій не мало. Тетеря не рѣшался брать Гадяча приступомъ, но повернулъ по теченію рѣки Псла къ королю, подъ Глуховъ [2]).

Тетеря опоздалъ: прибылъ къ Глухову, когда уже король отходилъ отъ этого города.

Вѣсти о волненіяхъ въ правобережной Украинѣ побудили Тетерю быстро повернуть назадъ къ Днѣпру.

Надежда поляковъ на возвращеніе всей Малороссіи подъ польскую власть выказывалась тогда суетною: ничего не значило, если какой-нибудь малороссійскій городокъ, увидя подъ стѣнами своими польскія силы, сдастся и жители его признаютъ польскаго короля своимъ законнымъ, исконнымъ государемъ. Въ однѣ ворота

---

[1]) П. К. К., IV, 395.
[2]) Н. Р. J. К., II, 375.

они готовы были пустить къ себѣ поляковъ, въ другія—московитянъ, какъ только поляки отъ нихъ удалятся. Король, говоритъ украинскій лѣтописецъ» [1]), своимъ походомъ на лѣвую сторону Днѣпра не сдѣлалъ себѣ много добра, а не мало причинилъ зла украинцамъ. Послѣднимъ приходилась бѣда съ двухъ сторонъ: тутъ поляки да правобережные козаки разоряли ихъ, требуя покорности польскому королю, а тамъ свои малороссійскія власти именемъ царя наказывали ихъ за то, что они покорялись полякамъ, хотя бы въ крайней нуждѣ. Еще не успѣлъ Янъ Казиміръ отойти отъ Глухова, какъ уже позади его началась расправа надъ тѣми, которые временно ему покорились. Изъ Переяслава вышли въ числѣ четырехъ тысячъ московскіе ратные люди въ Воронковъ наказывать тамошнихъ жителей за покорность королю. Не сдѣлавши тамъ на первыхъ порахъ ничего, они двинулись къ Барышполю, гдѣ Собѣскимъ поставлено было 150 гайдуковъ: эти гайдуки погибли въ сѣчѣ, исключая тридцати человѣкъ. Барышпольцы сдались; московскіе люди только ограбили ихъ, потомъ воротились къ Воронкову, взяли его и поступили тамъ суровѣе за то, что жители сразу не сдались имъ; они сожгли городокъ, перебили жителей и воротились въ Переяславъ, но тамъ застали они волненіе: переяславскіе жители поднялись противъ московскихъ ратныхъ людей, перебили многихъ изъ нихъ, остававшихся въ городѣ и встрѣчали пушечными и ружейными выстрѣлами возвращавшихся отъ Барышполя и Воронкова. Царскіе ратные люди не сладили тогда съ переяславцами и ушли въ Кіевъ [2]). Надъ другими городками, сѣверскими, поко-

---

[1]) Лѣт. Граб., 86.
[2]) L. Jerl., 86.

рявшимися королю и Тетерѣ, велъ жестокую расправу Бруховецкій послѣ ухода королевскаго войска изъ-подъ Глухова; не давалось пощады царскимъ измѣнникамъ, истребляли ихъ семьями, жилища ихъ сожигали до тла [1]). Только Кролевецъ избѣжалъ страшной мести тѣмъ, что по уходѣ короля жители, не дожидаясь Бруховецкаго, сами напали на оставленныхъ въ городкѣ польскихъ жолнѣровъ, однихъ перебили, другихъ, успѣвшихъ уйти отъ бойни, прогнали, разграбили оставленное въ этомъ городкѣ имущество короля и польскихъ сенаторовъ [2]).

Собѣскій, возвращаясь съ войскомъ на правый берегъ, издалъ къ жителямъ лѣвой стороны Днѣпра универсалъ такого содержанія:

«Теперь уже нечего намъ воевать, мы люди свои; можемъ уладить между собою и устроить все дружелюбно; вотъ уже начались переговоры о мирѣ съ Москвою; есть надежда, что при помощи Божіей миръ состоится. Пусть же только одни войсковые люди обращаются съ оружіемъ, а посполитые должны прекратить свои взаимные раздоры, обратиться къ земледѣлію и съ наступленіемъ весны заняться засѣваніемъ полей, уповая на Бога и ожидая утѣшительныхъ плодовъ отъ дѣлъ рукъ своихъ. Его величество король приказалъ мнѣ обнародовать его волю: пусть Украина остается въ настоящемъ положеніи до окончанія мирныхъ переговоровъ, исполняя обязанность давать войску продовольствіе и квартиры въ мѣстечкахъ. Жители, однако, не будутъ терпѣть отъ своевольства жолнѣровъ, которымъ дано строгое приказаніе обходиться съ хозяевами дворовъ

---

1) Лѣт. Самов., 44. Лѣт. Грабянки, 86.

2) Лѣт. Вел., 84.

дружелюбно, жить смирно и оказывать помощь всѣмъ, кто будетъ ея требовать».

Не вѣрили украинцы этому универсалу, а толковали его такъ, что поляки потерпѣли неудачу и теперь хотятъ по-добру по-здорову убраться съ лѣвой стороны Днѣпра. Толпы дейнековъ наскакивали на возвращавшееся войско Собѣскаго и Тетери; приходилось королевскимъ военнымъ силамъ на своемъ обратномъ пути каждымъ шагомъ овладѣвать съ бою. Близъ Сосницы напалъ на Собѣскаго Скиданъ, но былъ разбитъ, схваченъ и посаженъ на колъ; однако это не остановило другихъ. На пути, до самаго Днѣпра, дейнеки преслѣдовали королевское войско и сзади и съ боковъ, особенно когда приходилось проходить сквозь лѣса и переправляться черезъ воды; въ селахъ и деревняхъ жители не давали жолнѣрамъ хлѣба и лошадямъ корма; потерявъ верховыхъ лошадей, польскіе конники должны были, идучи пѣшкомъ, тащить на себѣ свои сѣдла [1]), а между тѣмъ, отъ изнеможенія сами чуть двигали ноги. Когда пришлось имъ переправляться черезъ Днѣпръ, тутъ присоединился къ Собѣскому Чарнецкій, проводившій короля къ Могилеву и ворочавшійся въ Украину. Поляки достигли Днѣпра въ самое неудобное время: ледъ на рѣкѣ только-что тронулся и еще не прошелъ; одни переправлялись на байдакахъ и лодкахъ между плывущими по рѣкѣ льдинами, другіе пробирались на салазкахъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ льдины были еще крѣпки. На другомъ берегу Днѣпра ихъ принимали выстрѣлами правобережные малороссіяне, которыхъ поднялъ Сѣркò противъ польской власти; самъ Сѣркó стоялъ на берегу тамъ, куда готовился переправляться

[1]) Н. Р. J. К., II, 277.

Чарнецкій. Но польскій военачальникъ перехитрилъ тогда своего непріятеля. Чарнецкій приказалъ разложить большой огонь близъ Днѣпра и разгласилъ, что въ этомъ мѣстѣ будетъ совершаться переправа; по такимъ вѣстямъ туда бросился Сѣрко́ съ козаками; тѣмъ временемъ поляки переправились въ другомъ мѣстѣ близъ Ржищева и переправились благополучно, хотя съ большою тревогою, каждую минуту ожидая, что отвлеченный военною хитростію непріятель узнаетъ свою ошибку и быстро бросится на поляковъ, прежде чѣмъ они всѣ перейдутъ на правую сторону. Самъ Чарнецкій переправился черезъ Днѣпръ съ своимъ драгунскимъ полкомъ верхомъ, вплавь, посреди тающихъ и быстро несущихся льдинъ. Козаки узнали свою ошибку тогда уже, когда не нашли никого на томъ мѣстѣ, гдѣ горѣли огни, а когда, повернувши оттуда, достигли до Ржищева, переправа у поляковъ уже окончилась. Сѣрко́ изготовился-было вступить въ битву съ перешедшимъ на правый берегъ Чарнецкимъ, но вдругъ ему доставлена была вѣсть, что недалеко оттуда татары, возвращаясь съ войны во-свояси, гонятъ съ собою множество плѣнныхъ и стадъ. Сѣрко́ погнался за татарами, разбилъ ихъ и освободилъ изъ неволи нѣсколько сотъ малороссіянъ [1]).

Правобережная Украина оказалась не крѣпче въ повиновеніи у поляковъ, чѣмъ лѣвобережная. Малѣйшая надежда на помощь со стороны Москвы пробуждала въ тамошнемъ народѣ давнюю непримиримую вражду къ ляхамъ. Января 8-го, кошевой атаманъ Сѣрко̀ сдалъ свое атаманство какому-то Пилипчатѣ и отправился съ охотниками изъ запорожцевъ и украинцевъ сперва подъ Тягинь (Бендеры), сжегъ тамъ и разорилъ нѣсколько ту-

---

[1]) Н. Р. J. К., II, 283.

рецкихъ селеній, а оттуда повернулъ въ Украину возбуждать народъ противъ ляховъ и склонять на сторону московскаго царя. Къ нему явился на содѣйствіе посланный отъ Бруховецкаго Семенъ Высочанъ, называемый «полковникомъ гетманскимъ» [1]), то-есть посланнымъ отъ гетмана, въ отличіе отъ другихъ начальниковъ народныхъ ватагъ, выбранныхъ въ разныхъ мѣстахъ и называвшихся также полковниками. Предпріятіе Сѣрка удавалось. Едва только въ народѣ разнесся призывъ славнаго атамана, какъ по всѣмъ городкамъ, построеннымъ по берегу Буга и Днѣстра, въ полкахъ брацлавскомъ, кальницкомъ, уманскомъ, въ Могилевѣ, Рашковѣ и вообще на всемъ протяженіи отъ Днѣпра до Днѣстра, козаки и поспольство, не дождавшись еще прихода къ себѣ Сѣрка, составляли ватаги, истребляли поляковъ и жидовъ, находившихся у нихъ въ городахъ, и потомъ произносили присягу держаться подъ крѣпкою рукою царскаго величества, доколѣ души у нихъ въ тѣлесахъ будутъ. Брацлавскій полковникъ Остапъ Гоголь объявилъ себя царскимъ сторонникомъ [2]). 18-го марта, Сѣрко извѣщалъ Косагова, что уже всѣ украинскіе города отъ Днѣстра до Днѣпра склонились подъ царскую руку.

Едва ли кто нибудь изъ сторонниковъ Польши въ тѣ дни возбуждалъ къ себѣ такую ненависть въ малороссіянахъ, какъ гетманъ Тетеря. Возставшіе, избивая ляховъ и жидовъ, выражали свою злобу къ этому «измѣннику, ляхскому прислужнику» тѣмъ, что воображали себѣ его особу, когда расправлялись съ другими. Такъ, въ Мошнахъ [3]), какой-то малороссіянинъ, убивая поль-

---

[1]) А. Ю. З. Р., V, 201.

[2]) П. К. К., IV, 393.

[3]) Нынѣ мѣстечко черкасскаго уѣзда, кіевск. губ.

скаго пахолка, кричалъ: вотъ такъ скоро будетъ и съ вашимъ гетманомъ! Самъ Тетеря, поспѣшившій, по королевскому приказанію, усмирять народное возстаніе на правомъ берегу Днѣпра, расположился станомъ подъ Ольховцами [1]).

Вспыхнувшее въ правобережной Украинѣ возстаніе захватило въ свой омутъ и поглотило Выговскаго. У этого бывшаго козацкаго гетмана, возведеннаго потомъ въ санъ воеводы кіевскаго, было много враговъ: они рады были всѣми средствами причинить ему зло. Между такими врагами видное мѣсто занимали Тетеря и польскій полковникъ Себастіанъ Маховскій, человѣкъ важный въ то время, потому что ему повѣрена была команда надъ польскимъ отрядомъ, оставленнымъ на правомъ берегу Днѣпра на время удаленія Чарнецкаго на лѣвый берегъ. Заправщики возстанія пустили въ народѣ слухъ, что это возстаніе предпринято съ согласія Выговскаго. Противодѣйствуя такому слуху, Выговскій, въ званіи кіевскаго воеводы, 1-го марта издалъ универсалъ по своему воеводству и сообщалъ въ немъ, что начались толки, будто огонь междоусобія возгорѣлся отъ него, ради его желанія достигнуть снова гетманскаго сана. «Ваши милости» — выражался Выговскій въ своемъ универсалѣ, обращаясь къ козацкому товариществу — «хорошо знаете, что я самъ добровольно отрекся отъ этого сана, знаете и то, что и прежде, тотчасъ по смерти славной памяти Богдана Хмельницкаго, я отказывался отъ гетманства, когда мнѣ его предлагали». Теперь Выговскій приглашалъ козаковъ собраться на выборъ новаго гетмана, если прежній, Тетеря, сниметъ съ себя

---

[1]) Нынѣ село звенигор. уѣзда, кіевск. губ.—П. К. К., IV, 407.

достоинство гетмана, а Тетеря, какъ ему Выговскому извѣстно, тяготится своимъ саномъ [1]).

Давно, еще при Богданѣ Хмельницкомъ, Тетеря, бывшій тогда переяславскимъ полковникомъ, не питалъ дружбы къ Выговскому, занимавшему должность генеральнаго писаря. Послѣ между ними возникла домашняя вражда. Тетеря женился на вдовѣ брата Выговскаго, Данила, дочери Богдана Хмельницкаго, Еленѣ, и захватилъ въ свое владѣніе богатое приданое своей жены, которое иначе было бы въ распоряженіи Выговскаго, какъ достояніе вдовы его брата. Кромѣ того, сдѣлавшись гетманомъ и будучи вмѣстѣ съ тѣмъ зятемъ Богдана Хмельницкаго, Тетеря захватилъ себѣ и другія сокровища Богдана, вѣроятно, на томъ основаніи, что единственный сынъ Богдана постригся въ монахи и отрекся отъ міра. Выговскій, съ своей стороны, предъявлялъ на нихъ какое-то право для себя. Тетеря былъ гетманомъ, лицомъ важнымъ; соперникъ его, переставъ быть гетманомъ, носилъ важный санъ воеводы, но важный болѣе по имени, чѣмъ по дѣйствительной силѣ располагаемыхъ средствъ. Тѣмъ не менѣе, если бы этимъ двумъ лицамъ пришлось мѣряться услугами, оказанными Польшѣ, которой они оба служили, преимущество остаться должно было за Выговскимъ, по важности того, что онъ сдѣлалъ для нея, будучи гетманомъ.

Казалось, что въ спорѣ между ними польское правительство приняло бы сторону Выговскаго. Тетеря, ожидая дурнаго для себя исхода въ спорѣ съ такимъ соперникомъ, какъ Выговскій, искалъ случая очернить его и лишить той чести, какую дали ему прежнія его услуги

---

[1]) П. К. К. IV, 465.

Польшѣ. Такой случай и представился. Сѣркó поднялъ возстаніе на правомъ берегу Днѣпра. Тетеря, какъ гетманъ, обязанъ былъ узнавать и доносить королю о причинахъ возникшаго безпорядка. Тетеря написалъ королю, что тайною виною возникшихъ безпокойствъ не кто другой, какъ Выговскій, дѣйствующій за-одно съ новоизбраннымъ митрополитомъ Іосифомъ Тулькаскимъ и съ православными духовными. Они хотятъ поддать снова всю Украину московскому государю; Сѣркó возбуждаетъ народъ къ бунту по наущенію этихъ лицъ. Доказательствомъ тому приводилось письмо какого-то игумена, писанное кому-то въ Москву: въ этомъ письмѣ говорилось, что кіевскій воевода Выговскій только ждетъ случая показать свое доброжелательство московскому государю. Это письмо, не дошедшее до насъ ни въ подлинникѣ, ни въ копіи, было доставлено въ руки короля въ то время, какъ Янъ Казимиръ находился подъ Глуховомъ. Подозрѣніе было брошено, но, разумѣется, по этому одному невозможно было обвинять въ измѣнѣ человѣка, отдавшаго Рѣчи-Посполитой отпавшую отъ ней Украину. Король ограничился только тѣмъ, что написалъ Выговскому ласковое письмо и убѣждалъ его заодно съ Маховскимъ употребить всѣ возможныя мѣры къ погашенію возстанія. Получивши королевское письмо, вѣроятно, и написалъ Выговскій свой универсалъ, приведенный нами выше. Когда послѣ того король изъ-подъ Глухова повернулъ въ Литву, а Тетеря отправился въ правобережную Украину, пришло къ Тетерѣ отъ короля приказаніе истреблять поскорѣе и рѣшительнѣе главныхъ зачинщиковъ бунта. Тетеря оперся на этомъ королевскомъ предписаніи и растолковалъ его себѣ въ такомъ смыслѣ, будто оно относится прямо къ Выговскому, котораго онъ уже прежде выставлялъ предъ ко-

ролемъ главнымъ виновникомъ безпорядковъ, хотя королевское предписаніе, по замѣчанію польскаго историка [1]), относилось скорѣе къ Сулимкѣ и другимъ.

Возстаніе съ каждымъ часомъ возрастало. Взята была возстанцами Лисянка, взято было мѣстечко Ставище [2]), важное потому, что назначено было королемъ быть складочнымъ мѣстомъ боевыхъ запасовъ; Маховскій, выступивши съ польскимъ отрядомъ противъ возстанцевъ, не сладилъ съ Сулимкою и заперся въ Бѣлой-Церкви. Тутъ явился на выручку ему Тетеря. Сулимка отступилъ отъ Бѣлой-Церкви.

Тетеря и Маховскій соединились: у Тетери были оставшіеся вѣрными королю козаки, у Маховскаго — около двухъ тысячъ поляковъ и бѣлоцерковскій козачій полкъ. Сюда пристало достаточное число охотниковъ изъ шляхты. Съ помощію этихъ силъ Тетеря и Маховскій прогнали возстанцевъ до Рокитной [3]). Самъ Сулимка положилъ голову въ бою [4]). Выговскій въ это время сидѣлъ въ Хвастовѣ [5]), оттуда выдалъ онъ универсалъ, которымъ созывалъ шляхту кіевскаго воеводства на сеймикъ въ Житоміръ и теперь ждалъ съѣзда [6]). Онъ показывалъ видъ, что никакъ не мѣшается въ козацкіе бунты, что козацкія дѣла до него вовсе не касаются; онъ хочетъ имѣть дѣло только съ одною шляхтою. Но шляхта ему уже не довѣряла; настроиваемые его врагами, поляки не слушались Выговскаго и кри-

---

[1]) H. P. J. K., II, 275.

[2]) Нынѣ мѣстечко таращ. уѣзда, кіев. губ., при р. Гниломъ-Тикачѣ.

[3]) Мѣст. васильк. уѣзда, кіев. губ., при р. Рокитной. L. Jerl., I, 87.

[4]) Лѣт. Симов., 44.

[5]) Мѣст. васильк. уѣзда, кіев. губ., при р. Унавѣ.

[6]) Latop. Jerl., 87.

чали, что онъ измѣнникъ отечества. Узнавши о томъ, что́ происходитъ подъ Бѣлою-Церковью, кіевскій воевода выѣзжаетъ изъ Хвастова въ Бѣлую-Церковь — повидаться и объясниться съ Тетерею, но Тетери тамъ не было: Тетеря въ то время погнался за возстанцами къ Рокитной. Туда отправился и Выговскій [1]).

Въ Рокитной Выговскій получилъ отъ Маховскаго черезъ посланца приглашеніе прибыть въ Корсунъ на совѣтъ о важныхъ дѣлахъ. Не любилъ Выговскаго Маховскій уже давно, но не рѣшился бы самъ поступить съ нимъ отчаянно и превысить власть свою, еслибъ Тетеря не сообщилъ Маховскому королевскаго повелѣнія истреблять зачинщиковъ возстанія и не растолковалъ по-своему, что Выговскій есть главный зачинщикъ всѣхъ смутъ. Выговскій въ Корсунѣ засталъ у Маховскаго Тетерю и нѣкоторыхъ господъ, составлявшихъ съ ними какъ бы военный совѣтъ.

«Надлежитъ помыслить о способахъ, какъ бы усмирить бунтующее поспольство и истребить заправщиковъ, поджигающихъ чернь къ мятежу», — такъ говорили совѣтники, обращаясь къ кіевскому воеводѣ и какъ бы требуя его мнѣнія объ этомъ вопросѣ.

Выговскій, всегда искусный въ діалектикѣ, началъ было вести рѣчь, какъ вдругъ, перебивая его рѣчь, возвышаютъ противъ него голосъ разомъ и Маховскій, и Тетеря, обзываютъ кіевскаго воеводу измѣнникомъ отечества и руководителемъ бунта.

Выговскій силится сохранить спокойствіе и говоритъ: «ваши обвиненія напрасны. У васъ нѣтъ никакихъ доводовъ, и никто не докажетъ противъ меня вины, какую вы на меня взводите».

---

[1]) Ibid., 88.

Ему представили передъ глаза показанія мятежниковъ, уже казненныхъ смертію [1]).

Выговскій сталъ доказывать неосновательность свидѣтельствъ тѣхъ, которые дали такія показанія: они были преступники и уже казнены; мало ли чего и мало ли на кого наговорить можетъ преступникъ подъ пыткою. Такъ представлялъ Выговскій. Его не слушали и говорить ему не давали. Лица, приглашенныя Маховскимъ и Тетерею, держали ихъ сторону; собраніе, куда прибылъ Выговскій какъ бы на совѣтъ, обратилось въ судъ надъ нимъ [2]).

Тетеря и Маховскій приказали читать военный ар-

---

[1]) Показанія эти, въ то время прочитанныя, гласили такъ: носившій званіе пѣхотнаго полковника въ ватагѣ Сулимки Павло Рябуха показывалъ, что Сулимка, взявши отъ Выговскаго трехъ заложниковъ, пріѣхалъ на свиданіе съ нимъ въ Саволишъ, вмѣстѣ съ товарищами своими (Василемъ Турчиненкомъ, Улашиненкомъ, Михайломъ Сонтовскимъ, Дмитромъ Солоненкомъ, какими-то Грицькомъ, Василемъ и другими). Выговскій передъ ними присягнулъ на евангеліи, а они отъ себя произнесли передъ нимъ присягу. Тогда воевода кіевскій далъ Сулимкѣ 20 талеровъ за подкопы и другимъ товарищамъ его подарилъ по шести талеровъ; сверхъ того, далъ имъ хоругвь пеструю и универсалъ, въ которомъ приглашалъ малороссіянъ собираться подъ знамя Сулимки противъ поляковъ. Сулимка, пріѣхавши въ Торговицу, разослалъ тридцать козаковъ со списками этого универсала созывать посполитство, возбуждая его противъ поляковъ отъ имени Выговскаго. Другой преступникъ, котораго показаніе было прочитано, былъ Тысенко, братъ Кальницкаго полковника Вареницы. Онъ показалъ, что Сулимка, по возвращеніи отъ Выговскаго, по повелѣнію послѣдняго, отправилъ списокъ универсала въ Терлицу, съ мошоровскимъ сотникомъ Иваномъ Данченкомъ — побуждать народъ истреблять старостъ, пановъ и шляхту. Третій преступникъ, Соломка, подтверждалъ сказанное Рябухою, но замѣтилъ, что самъ лично не былъ при свиданіи Сулимки съ Выговскимъ, потому что козаки его не пустили въ избу, гдѣ находились послѣдніе, а сказывали ему три попа о томъ, что у Сулимки съ Выговскимъ происходила взаимная присяга. Пам. Кіев. Ком., IV, 409—411.

[2]) Hist. J. K., II, 270.

тикулъ: въ немъ нашли они, что за преступленіе, въ какомъ обвинялся кіевскій воевода, виновный подвергался смертной казни разстрѣляніемъ.

«Вы не судьи», сказалъ имъ Выговскій: «вы не имѣете права читать мнѣ приговоры по артикулу. Я воевода и сенаторъ Рѣчи-Посполитой: меня судить могутъ только король и сенатъ. Ихъ суду я вполнѣ подчиняюсь, а вашего суда не признаю».

Выговскій говорилъ юридически сущую правду, но его не слушали. Вечерѣло. Самозванные судьи вышли молча. Сторожа схватили Выговскаго подъ руки и увели въ избу, назначенную быть для него тюрьмою до исполненія приговора. Кругомъ избы поставленъ былъ караулъ.

При наступленіи ночи вышелъ къ Выговскому офицеръ Маховскаго и объявилъ, что приговоренный къ казни будетъ разстрѣлянъ на разсвѣтѣ.

Выговскій заплакалъ и спросилъ: «гдѣ король? по крайней мѣрѣ, дайте мнѣ написать къ моему государю. Его воля пусть будетъ!» Послѣдовалъ отказъ.

Когда стала заниматься заря, къ Выговскому въ избу вошли караульные. Выговскій стоялъ на колѣняхъ передъ образомъ и читалъ акаѳистъ пресвятой Богородицѣ. Ему сказали, что пора идти на смерть.

«По крайней мѣрѣ», сказалъ тогда Выговскій, «позвольте же мнѣ умереть, какъ прилично христіанину. Пришлите ко мнѣ православнаго священника исповѣдать меня и напутствовать причащеніемъ святыхъ тайнъ».

И на это послѣдовалъ отказъ.

Караульные потащили его изъ избы, и едва Выговскій вышелъ за дверь, какъ поставленные заранѣе съ ружьями жолнѣры послали ему смертоносныя пули почти въ упоръ.

«Онъ погибъ, — говоритъ польскій лѣтописецъ, — скорѣе жертвою личной къ нему вражды, чѣмъ дѣйствительнаго преступленія! Безпримѣрно несправедливое дѣло: сенаторъ и воевода безъ надлежащаго суда казненъ полковникомъ королевскаго войска» [1]).

«Онъ окончилъ жизнь поносно и безчестно за пролитую нѣкогда по его волѣ кровь людей и за несоблюденіе присяги, данной русскому государю», — говоритъ о немъ русскій лѣтописецъ [2]).

Супруга его, урожденная Ететковичъ, какъ только услыхала о трагической судьбѣ, постигшей мужа, въ ту же минуту упала и умерла [3]).

Въ сущности остается неяснымъ и неизвѣстнымъ: въ какой степени были справедливы поднятыя противъ Выговскаго обвиненія въ желаніи подчиниться снова царю и возстановить украинское посполъство противъ Польши. Сбитые съ колеи малороссіяне въ то время такъ легко перебѣгали съ одной стороны на другую, что никакая предшествовавшая дѣятельность козака не давала возможности рѣшить, на что впередъ онъ былъ способенъ или неспособенъ. Поэтому нельзя поручиться, чтобъ и Выговскій, нѣкогда соблазнившійся льстивыми увѣреніями поляковъ, обѣщавшихъ Украинѣ федеративную свободу, не увидѣлъ впослѣдствіи по опыту всей неосуществимости такихъ видовъ и не пришелъ къ мысли, что его любимой родинѣ нѣтъ другого спасенія, какъ только оставаться въ непоколебимой вѣрности и подчиненіи русскому государю, которому онъ когда-то присягнулъ вмѣстѣ съ Богданомъ Хмельницкимъ.

---

[1]) Hist. J. K., II, 277.
[2]) Лѣтопись Грабянки, 186.
[3]) Южно-русскія лѣтописи, изданныя Бѣлозерскимъ, II.

Вѣсть о казни Выговскаго разнеслась между возставшимъ поспольствомъ и усилила негодованіе противъ польской власти. Возстанцы еще пуще злобились на Тетерю и хотѣли извести его. Тетеря отправился въ свой Чигиринъ, чтобъ укрѣпить его къ оборонѣ противъ угрожавшаго съ лѣвой стороны Днѣпра Бруховецкаго. Между тѣмъ въ самомъ Чигиринѣ противники Тетери искали его гибели и тайно подсылали къ Бруховецкому, который во второй половинѣ марта находился со своими козаками въ Переяславѣ; съ нимъ была и великорусская рать стольника Скуратова и козаки слободскихъ полковъ.

IV.

Универсалъ Бруховецкаго къ жителямъ правобережной Украины. — Походъ его къ Сокирной и къ Чигирину. — Чарнецкій приводитъ татаръ противъ возставшаго народа Украины. — Бесѣда Чарнецкаго съ митрополитомъ Іосифомъ и архимандритомъ Гедеономъ. — Чарнецкій отправляетъ ихъ въ Польшу и прогоняетъ Бруховецкаго отъ Чигирина. — Поруганіе праха Хмельницкаго. — Взятіе Чарнецкимъ Стеблова. — Неудача Косагова, посланнаго для взятія Корсуна. — Чарнецкій у Ставищъ. — Самовольное бѣгство со службы царскихъ ратныхъ людей. — Правобережные города начинаютъ покоряться полякамъ. — Взятіе Чарнецкимъ Ставищъ. — Твердость возстанцевъ въ Умани. — Косаговъ и Сѣрко уѣзжаютъ въ Великороссію. — Сношенія Бруховецкаго съ Крымомъ.

23-го марта, Бруховецкій изъ Переяслава разослалъ универсалъ, обращенный къ жителямъ правобережной Украины. Онъ извѣщалъ, что по слѣдамъ прогнаннаго и бѣжавшаго польскаго войска идетъ онъ, гетманъ, на правую сторону Днѣпра съ тѣмъ, чтобъ и эту сторону, «яко единое православное россійское тѣло, привести къ братственному единенію, избавить ее отъ татаръ, опустошающихъ край подъ предлогомъ своего волчьяго союза

съ поляками, освободить русскій народъ въ Украинѣ отъ ярма иновѣрныхъ ляховъ, очистить край отъ людскихъ плевелъ, возросшихъ между пшеницею, и присоединить правую сторону Украины, вмѣстѣ съ лѣвою стороною, къ монархіи единовѣрнаго государя [1]).

Бруховецкій убѣждалъ жителей правой стороны приставать къ тѣмъ, которые воюютъ противъ безбожнаго Тетери и раздѣлаться съ поляками еще прежде, чѣмъ успѣетъ придти Ромодановскій съ великороссіянами и съ калмыками, сдѣлавъ, такимъ образомъ, излишнею стоянку въ своемъ краѣ этихъ союзниковъ. Такимъ образомъ, разжигая народные порывы въ пользу московской стороны, гетманъ въ своемъ же возбудительномъ универсалѣ выливалъ такъ-сказать ушатъ холодной воды на стремленіе народа къ той же московской сторонѣ, выставляя великороссійскихъ ратныхъ людей такими пособниками, съ которыми нежелательно долгое сожительство.

Послѣ такого универсала, Бруховецкій переправился черезъ Днѣпръ у Сокирной [2]) и отправилъ лубенскаго полковника Гамалѣя на Черкасы. Лубенцы сожгли этотъ городъ, державшійся польской стороны; то же стали испытывать и другіе сосѣдніе городки и селенія, покорившіеся польской власти болѣе изъ страха, чѣмъ изъ расположенія. Крѣпче всѣхъ держался польской стороны

---

[1]) Пам. Кіев. Ком., IV, 422. – Уже Бруховецкому была въ то время извѣстна судьба Выговскаго, какъ показываютъ слова его въ универсалѣ: «когда одни изъ братій вашихъ попадаютъ въ бусурманскую неволю, другіе гибнутъ лютою смертью отъ ляховъ, какъ потерпѣли отъ нихъ Богунъ, Выговскій, Носачъ съ зятемъ своимъ и другихъ не мало».

[2]) Нынѣ деревня и пристань на Днѣпрѣ, черкасскаго уѣзда, кіевской губерніи.

Чигиринъ, гдѣ находился Тетеря. Были тамъ такіе, что присылали тайно къ Бруховецкому и просили избавить ихъ отъ Тетери, но были и такіе, что посылали къ Чарнецкому просить выручить ихъ отъ гетмана московской стороны [1]).

Бруховецкій, ставши въ Сокирной, послалъ къ воеводѣ Чаадаеву въ Кіевъ просить присылки ратныхъ царскихъ людей и пушекъ. Отправленъ былъ по берегу Днѣпра изъ Кіева начальникъ артиллеріи, иноземецъ Страсбухъ. Но не успѣлъ этотъ Страсбухъ дойти до Бруховецкаго: на пути, подъ деревнею Копысники, встрѣтилъ его коронный хорунжій Янъ Собѣскій съ польскимъ войскомъ и разбилъ государевыхъ ратныхъ людей. Страсбухъ, какъ пишутъ поляки, первый убѣжалъ съ боя, подавши другимъ постыдный примѣръ. Побѣдители овладѣли орудіями и другими запасами; тогда поймали они шедшихъ съ великороссіянами козацкихъ предводителей — и, между ними, того самаго конотопскаго сотника Нужнаго, который, во время похода короля къ Глухову, такъ ловко въ Новомъ-Млинѣ отнялъ у канцлера Пражмовскаго драгоцѣнности королевскаго буфета. Поляки судили козацкихъ предводителей, какъ измѣнниковъ своего короля, и Нужнаго приговорили военнымъ судомъ повѣсить, но онъ самъ упросилъ, чтобъ его посадили на колъ. «Такою смертью мій батько померъ», говорилъ онъ [2]). Разбивши Страсбуха, Собѣскій не пошелъ далѣе на Бруховецкаго, потому что, какъ думали поляки, къ нему безпрестанно прибывали толпами новыя силы съ лѣваго берега, и размѣръ ихъ былъ полякамъ неизвѣстенъ.

---

[1]) Лѣт. Самов., 45.

[2]) Hist. J. Kaz., II, 302.

Бруховецкій, не дождавшись Страсбуха, оставилъ Сокирну и направился къ Чигирину, рѣшившись попытаться расправиться съ этимъ городомъ, прежде чѣмъ явится Чарнецкій. Этотъ польскій полководецъ, разставивши войско свое въ Паволочи [1]) и Корсунѣ, поручилъ начальство свое Собѣскому и Маховскому, послалъ нѣсколько хоругвей въ Чигиринъ для защиты отъ Бруховецкаго [2]), а самъ съ тринадцатью человѣками отправился въ Крымъ убѣждать хана поскорѣе прибыть съ большою ордою къ своимъ союзникамъ — полякамъ; но хана не засталъ онъ въ Крыму: по повелѣнію своего падишаха, ханъ въ Угорской землѣ воевалъ противъ цесарцевъ. Поэтому Чарнецкій изъ Крыма отправился къ буджакской ордѣ, гдѣ его приняли ласково. Два салтана, Саламъ-Гирей и Салетъ Гирей, вызвались идти на помощь къ полякамъ: по однимъ извѣстіямъ, съ ними было до 20,000 татаръ [3]), по другимъ [4]) — только до 5,000.

Когда Чарнецкій, заручившись татарскою помощью противъ непокорнаго русскаго народа, возвращался въ Украину, Маховскій съ восемью хоругвями выступилъ въ Городище [5]) встрѣчать Чарнецкаго. Городищане, показывая наружно покорность королю, тайно снеслись съ Сѣрко; тотъ явился нежданно ночью, но долженъ былъ отступить, потому что и полякамъ нежданно явилась помощь отъ проходившаго случайно мимо Городища польскаго отряда. Черезъ день послѣ того явился Чарнецкій съ татарами.

---

[1]) Мѣстечко сквирскаго уѣзда, кіевской губерніи, при рѣкѣ Раставицѣ.

[2]) Лѣт. Самов., 45.

[3]) Hist. J. K., II, 207—А. Ю. З. Р., V, 201.

[4]) А. Ю. З. Р., V, 200.

[5]) Мѣстечко черкасскаго уѣзда, кіевской губерніи.

Много надеждъ полагали поляки на приведенныхъ татаръ; чтобъ имъ польстить, Чарнецкій заранѣе далъ имъ дозволеніе забирать въ полонъ жителей всѣхъ тѣхъ городовъ, которые станутъ сопротивляться полякамъ, и татары тотчасъ же стали расходиться загонами, разорять поселенія и загонять жителей въ полонъ [1]). Но въ то же время Чарнецкій показывалъ и миролюбивые способы къ усмиренію народа: написалъ универсалъ ко всему украинскому поспольству, обѣщалъ именемъ короля пощаду всѣмъ тѣмъ, которые покорятся Польшѣ и отстанутъ отъ сообщества съ мятежниками; въ случаѣ упорства — грозилъ огнемъ, мечомъ и татарскимъ плѣномъ. Эта снисходительность, по замѣчанію польскаго историка, показана была только для того, чтобы впослѣдствіи оправдать суровое обращеніе съ русскими; Чарнецкій какъ и всѣ польскіе паны, хорошо зналъ, что между русиномъ и полякомъ довѣріе стало невозможно: легче вода съ огнемъ сойдется, чѣмъ упорное козацкое сердце склонится къ покорности; козакъ присягаетъ только для того, чтобы тѣмъ удобнѣе обмануть поляка; козакъ даетъ поляку руку, обѣщаетъ дружбу и неожиданно изъ друга дѣлается врагомъ. Такъ разсуждали тогда поляки [2]).

Въ это время Чарнецкій обратилъ вниманіе на духовенство. Гетманъ Тетеря, незадолго передъ тѣмъ просившій короля объ утвержденіи въ санѣ митрополита Іосифа Тукальскаго, выбраннаго въ этотъ санъ, дознавшись, что королю такой выборъ не совсѣмъ нравится, называлъ теперь въ своихъ письмахъ Тукальскаго главнымъ затѣйникомъ и хвасталъ, будто самъ прежде про-

---

[1]) А. Ю. З. Р., V, 200.

[2]) Hist. J. K., II, 300.

видѣлъ пророческимъ духомъ лукавство этого человѣка [1]). По такимъ наговорамъ Чарнецкій пригласилъ въ Васильковъ митрополита Іосифа и съ нимъ нѣсколько знатныхъ лицъ православнаго духовенства; въ числѣ приглашенныхъ былъ и архимандритъ Гедеонъ, бывшій Юрій Хмельницкій. Чарнецкій для бесѣды съ ними отправился изъ Городища въ Васильковъ, обошелся съ ними сначала очень ласково, заговорилъ прежде всего о свободѣ православной религіи, о неприкосновенности церковныхъ и монастырскихъ имуществъ, о покровительствѣ короля православному духовенству, потомъ объявилъ, что король съ своей стороны желаетъ и требуетъ, чтобы православные духовные на дѣлѣ показали свое доброжелательство и вѣрность королю и Рѣчи-Посполитой, и чтобы содѣйствовали своимъ вліяніемъ къ усмиренію возставшаго поспольства. Тукальскій отъ лица всего православнаго духовенства изъявлялъ благодарность королю за милость его, но замѣтилъ, что духовнымъ, по ихъ званію, надлежитъ заниматься дѣлами, относящимися собственно до церкви, а вмѣшиваться въ мірскія дѣла имъ непристойно. Изъ такого отвѣта Чарнецкій уразумѣлъ, что православные духовные, и первый изъ нихъ митрополитъ, скрытно благопріятствуютъ замысламъ русскаго народа и сказалъ: «въ такомъ случаѣ вы поѣдете въ Варшаву и объясните его величеству, почему считаете непристойнымъ духовенству мѣшаться въ мірскія дѣла». Онъ назначилъ почетный караулъ сопровождать ихъ до Варшавы. Пріѣхавши туда, Тукальскій и Хмельницкій были отправлены въ Маріенбургскую крѣпость въ заточеніе [2]).

Покончивши дѣло съ духовными, Чарнецкій двинулся

---

[1]) Пам. Кіев. Ком., IV, 408.

[2]) Hist. J. K., II, 301.—Лѣт. Грабянки, 186.

съ войскомъ къ Чигирину, приказавши идти туда и Тетерѣ. Бруховецкій, уклонившись отъ битвы съ нимъ по малочисленности силъ своихъ, отошелъ къ Бужину [1]), гдѣ былъ Сѣрко [2]). Чарнецкій отправилъ за нимъ въ погоню часть войска подъ начальствомъ Незабитовскаго и Тетери [3]), а самъ принялся покорять возставшіе русскіе городки. Тогда вошелъ онъ въ Суботово [4]), бывшее имѣніе Богдана Хмельницкаго, гдѣ нѣкогда самъ содержался въ плѣну, взятый покойнымъ гетманомъ Богданомъ на Желтоводской битвѣ. Вѣроятно, воспоминаніе былаго униженія усилило въ немъ злобу къ покойному врагу польской націи. Онъ приказалъ выкопать изъ могилы въ церкви гробъ Богдана Хмельницкаго и разметать прахъ его на поруганіе псамъ [5]). Оттуда Чарнецкій двинулся къ Смѣлой, гдѣ произошла у него стычка со стольникомъ Косаговымъ, неимѣвшая, какъ видно, никакого важнаго послѣдствія. Потомъ Чарнецкій подступилъ къ Стеблову [6]). Прежде послалъ онъ съ трубачомъ предложеніе добровольно сдаться. Осажденные воспротивились. Чарнецкій приказалъ начать приступъ. На бѣду осажденнымъ сдѣлался взрывъ въ церкви, гдѣ хранился складъ пороха. Во время происшедшаго переполоха поляки стали вырубать ворота. Осажденные сдались. Тогда поляки, а за ними татары бросились въ городъ на грабежъ и убійства; буджакскіе и ногайскіе татары сами передрались между собою изъ-за добычи [7]).

---

[1]) Лѣт. Самов., 45.
[2]) Нынѣ село чигиринск. уѣзда. кіев. губ., при Днѣпрѣ.
[3]) Hist. J. K., II, 303.
[4]) Нынѣ село чигиринск. уѣзда, кіев. губ., при р. Тясминѣ.
[5]) Лѣт. Граб., 186.
[6]) Мѣст. канев. уѣзда. кіев. губ., при р. Роси.
[7]) Hist. J. K., II, 304.—А. Ю. З. Р., 206

Соединившись снова съ Маховскимъ и Тетерею, Чарнецкій пошелъ противъ Бруховецкаго, который отъ Бужина пошелъ въ Каневъ и засѣлъ въ немъ. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ нападеній на Каневъ, Чарнецкій отступилъ къ Корсуну [1]) и занялся укрѣпленіемъ этого городка, а въ сторону послалъ два отряда для укрощенія возставшаго поспольства: одинъ пошелъ къ Умани, гдѣ засѣлъ тогда запорожецъ Сацко́ Туровецъ съ сѣчевиками и съ отрядомъ царской рати подъ начальствомъ майора Свиньина [2]), другой — къ Лисянкѣ [3]), гдѣ собралась ватага возстанцевъ въ 7,000 подъ начальствомъ какого-то Гладкаго [4]).

Бруховецкій, тотчасъ послѣ ухода Чарнецкаго отъ Канева, въ концѣ мая, отправилъ по слѣдамъ его Сѣрка и Косагова къ Корсуну, а полковниковъ Матвѣя Шульгу и Филиппа Стрѣлю — на подмогу къ Гладкому въ Лисянку. Послѣдніе исполнили свое порученіе удачно, прогнали приступавшихъ къ городку поляковъ, посланныхъ туда Чарнецкимъ, вошли въ Лисянку и усилили собою возставшую ватагу Гладкаго [5]). Сѣрко́ же и Косаговъ, не доходя до Корсуна 25-ти верстъ, услыхали, что на усиленіе къ Чарнецкому идетъ свѣжая орда, свернули въ сторону, разбили татаръ, прогнали ихъ назадъ въ Крымъ, а потомъ, не идя къ Корсуну, повернули къ Умани съ цѣлью соединиться съ возставшими въ пользу царя полками Поднѣстранскимъ, Кальницкимъ и Уманскимъ, и тогда уже, съ ними вмѣстѣ, идти на Корсунъ противъ Чарнецкаго [6]).

---

[1]) А. Ю. З. Р., V, 200.
[2]) А. Ю. З. Р., V, 200 и 201.
[3]) Село звенигородск. уѣзда, кіев. губ.
[4]) Hist. J. K., II, 305.
[5]) А. Ю. и З. Р., V, 200.
[6]) Ibid., V, 203.

Между тѣмъ изъ Корсуна, гдѣ находился Чарнецкій, явилась къ Бруховецкому тайная подсылка: корсунцы извѣщали, что желаютъ быть въ подданствѣ у московскаго царя: просили присылки ратной силы, обѣщали съ своей стороны перебить нѣмецкій гарнизонъ, поставленный у нихъ Чарнецкимъ и выдать Бруховецкому всѣхъ начальныхъ людей; они жаловались, что имъ невыносимо приходится отъ Чарнецкаго, потому что въ уплату приглашеннымъ на помощь татарамъ онъ дозволилъ имъ уводить людей въ неволю. Бруховецкій далъ корсунцамъ тайно отвѣтъ, что какъ только прибудетъ къ нему свѣжая сила, то онъ немедленно двинется самъ къ Корсуну: Бруховецкій ожидалъ подкрѣпленій съ лѣвой стороны Днѣпра и, сверхъ того, надѣялся, что Косаговъ и Сѣрко́ приведутъ изъ Умани вооруженную громаду возстанцевъ [1]).

Чарнецкій сильно озлобился на Ставище. Во время похода короля на лѣвую сторону, жители дали присягу въ вѣрности, но когда вспыхнуло и разлилось на правой сторонѣ Днѣпра возстаніе, ставищане перебили оставленный у нихъ польскій гарнизонъ, не пощадили притомъ и раненыхъ ляховъ, находившихся въ устроенномъ тамъ госпиталѣ, разобрали по рукамъ свезенные для войска припасы и разорили близъ Ставища имѣніе, пожалованное Чарнецкому въ ленное владѣніе. Чарнецкій, сдѣлавши распоряженія объ укрѣпленіи Корсуна, двинулся усмирять Ставище. Янъ Собѣскій всегда отличался тѣмъ, что совѣтовалъ поступать возможно мягко и кротко съ русскимъ народомъ; и теперь подавалъ онъ мысль дозволить мятежникамъ отправить къ королю пословъ съ изъявленіемъ покорности и оставить ихъ свободными отъ нападеній до возвращенія посланцевъ отъ короля. Чарнец-

---

[1]) А. Ю. и З. Р., 203.

кій смотрѣлъ на это дѣло иначе, и отвѣчалъ: «я не умѣю и не люблю льстить; опытъ научилъ меня, что своевольство козацкое удобнѣе укрощать суровостью, чѣмъ кротостью». Чарнецкій приказалъ буджакской ордѣ пожечь всѣ деревни и хутора около Ставища, истребить и забрать въ полонъ жителей. «Ѣсть не буду, спать не буду, пока не добуду это гнѣздо бунта, этотъ вертепъ разбойниковъ», говорилъ онъ [1]). Такой же взглядъ выразилъ онъ въ донесеніи, посланномъ тогда же къ королю: «въ открытомъ полѣ непріятеля не встрѣчаю, онъ засѣлъ по мѣстечкамъ и городкамъ и такъ упорно держится московской протекціи, что каждое поселеніе приходится брать штурмомъ. Сердца ихъ до такой степени нечувствительны ко всепрощающему милосердію вашего величества, что они хотятъ лучше погибнуть съ домами своими отъ огня, терпѣть голодъ и всякія лишенія, чѣмъ возвратиться къ вѣрному подданству королю своему. Вся Украина рѣшилась умирать, а не покоряться полякамъ» [2]).

По извѣстію польскаго историка [3]), начальствовали надъ возставшимъ поспольствомъ въ Ставищѣ нѣкто Дачко́, бывшій долго въ турецкой неволѣ на галерахъ, и Булганый — еще при Богданѣ Хмельницкомъ полковникъ пѣхоты; оба они были теперь полковники такъ называемыхъ «серденецкихъ» [4]) полковъ, возникшихъ въ недавнее передъ тѣмъ время изъ охотниковъ. Въ городѣ заперлось много народа; поляки въ своихъ извѣстіяхъ доводятъ число всѣхъ годныхъ къ бою до 16,000. Приступы начались 4-го іюля. На первыхъ порахъ они

---

[1]) Hist. J. K., II, 307.

[2]) Пам. Кіев. Ком., IV, 454—455.

[3]) Hist. J. K., II, 307.

[4]) Вѣроятно, отъ прозвища Серденя, которое носилъ первый ихъ полковникъ.

пошли неудачно для поляковъ. Дачко́, отбивши ихъ, приказалъ своимъ людямъ копать ровъ, чтобъ не допускать поляковъ до вала; изъ высыпной земли этого рва образовался новый валъ — и, такимъ образомъ, городъ опоясался двумя земляными оградами. Поспольство съ валовъ издѣвалось надъ своими врагами. Когда Чарнецкій объѣзжалъ свое войско, одѣтый въ бурку изъ леопардовой кожи, осажденные кричали ему: «ото ряба собака!» Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ битвахъ, Чарнецкій убѣдился, что не подѣлаетъ ничего силою съ осажденными. Онъ отправилъ въ городъ шляхтича съ убѣжденіями сдаться и не губить себя напрасно. Ставищане отвѣчали: «пусть польское войско прежде отойдетъ отъ нашего города, тогда мы пошлемъ постановить уговоръ съ Чарнецкимъ, съ тѣмъ, чтобъ мы были вольны отъ военнаго постоя и не было бы у насъ польскаго гарнизона». Такой отвѣтъ раздражилъ гордаго пана; онъ приказалъ татарамъ по окрестностямъ довершать разореніе селеній и безъ милосердія убивать женщинъ, дѣтей и стариковъ, потому что изъ этихъ селеній находились въ городѣ жители; между тѣмъ привезли полякамъ свѣжіе боевые снаряды; пальба гранатами и бомбами истребила разомъ большую часть строеній въ Ставищѣ. Дачко́ былъ убитъ; на его мѣсто выбрали сотника Чопа, который, по выраженію польской лѣтописи [1]), былъ, къ досадѣ поляковъ, предводитель дѣльный и отважный. Много потерь понесли тогда поляки. Погибла вся пѣхота, уцѣлѣвшая послѣ зимней кампаніи; поляки такъ умалились, что гдѣ прежде были тысячи, тамъ оставались сотни. Чарнецкій вообще мало щадилъ жизнь

---

[1]) Н. J. К., II, 309.

подчиненныхъ, и въ отвѣтъ на жалобы о потеряхъ въ войскѣ, говорилъ: «что-жъ, война людей не рожаетъ!» Хотѣлось Чарнецкому, во что бы то ни стало, взять городъ приступомъ, но другіе паны, составлявшіе около него военный совѣтъ [1]), находили, что гораздо лучше, ради пощады собственныхъ силъ, принудить къ сдачѣ городъ блокадою, — тѣмъ болѣе, что плѣнные показывали, что въ городѣ чувствуется недостатокъ съѣстнаго, а людей, набѣжавшихъ туда съ селъ, — много, и всѣ эти поселяне на зиму себѣ не сѣяли, а отъ прежняго лѣта полевыхъ плодовъ не успѣли собрать, и потому въ осаду съ собою запасовъ не взяли. Итакъ, по общему приговору военачальниковъ, городъ Ставище былъ обложенъ кругомъ: ни въ городъ, ни изъ города ни одно живое существо пройти не могло [2]).

Было бы возможно подать помощь осажденнымъ въ Ставищѣ, если бы гетманъ Бруховецкій соединилъ раздробленныя козацкія силы и если бы въ пору пришли къ нему великороссійскіе воеводы съ своими полками. Этого не сдѣлалось. Весь іюнь Бруховецкій ожидалъ, что Сѣрко́ и Косаговъ приведутъ къ нему свѣжія силы народа, возставшаго въ прибужскомъ и приднѣстранскомъ краяхъ. Но вышло не такъ, какъ обѣщали Сѣрко́ и Косаговъ. Сѣрко́ съ Косаговымъ разошелся; самъ Сѣрко́ отправился къ Очакову разорять татаръ, а Косаговъ изъ Умани воротился къ Бруховецкому въ Каневъ безъ Сѣрка́ и почти безъ новыхъ силъ. 30-го іюля Бруховецкій отправилъ его снова въ походъ: Косаговъ долженъ былъ соединиться съ козацкими полками зиньков-

---

[1]) Янъ Собѣскій, Іеронимъ Синявскій, Станиславъ Яблоновскій и другіе.

[2]) Ibidem, 310.

скимъ [1]) и мліевскимъ [2]), да еще съ двумя пѣхотными, и идти съ ними на Корсунъ [3]). Изъ Канева взялъ съ собою Косаговъ только-что прибывшихъ великороссійскихъ ратныхъ людей и слободскихъ козаковъ до тысячи человѣкъ [4]) Не доходя до Корсуна пяти верстъ, Косаговъ 1-го августа встрѣтилъ польскій отрядъ и вступилъ съ нимъ въ бой, продолжавшійся съ утра до полдня. Бывшіе въ этомъ бою государевы ратные люди и слободскіе козаки не устояли — побѣжали, побросавши оружіе, и на переправѣ черезъ болото потопили своихъ лошадей. Косаговъ привелъ 3-го августа въ Каневъ остатокъ своего войска пѣшимъ и безоружнымъ. Было у него въ этой несчастной битвѣ 85 рейтаровъ, 120 солдатъ, 470 козаковъ, а съ малороссійскими полками — около полуторы тысячи. Все постыдно бѣжало: убито въ сраженіи было только 10 человѣкъ козаковъ и 21 наймитъ. Многіе царскіе ратные люди, слободскіе и донскіе козаки, еще не дождавшись встрѣчи съ непріятелемъ, убѣжали въ домы свои. Косаговъ, въ своемъ донесеніи царю, объясняетъ это такъ: изъ малороссіянъ, въ его полку настоящихъ козаковъ было немного; все — изъ наемныхъ овчаровъ, да изъ работавшихъ на винокурняхъ; были между ними даже малые ребята: у козаковъ заводился тогда обычай поставлять за себя наймитовъ, вмѣсто того, чтобъ самимъ идти на войну [5]). Когда Косаговъ возвращался съ своего пораженія черезъ

---

[1]) Временно явившійся и не долго существовавшій полкъ — по Зинькову, нынѣ мѣстечко подольской губ., летичевскаго уѣзда, при р. Ушкѣ.

[2]) Мліевъ—нынѣ село черкасскаго уѣзда, кіевской губерніи, при рѣкѣ Ольшаной — временно явившійся и потомъ не существовавшій полкъ.

[3]) А. Ю. З. Р., V, 158.

[4]) Ibidem, 159.

[5]) Ibidem, 158.

Мошны, мошенскіе жители, узнавши о несчастіи, постигшемъ русское войско, собрались на-скоро съ женами, дѣтьми и имуществами, какія успѣли захватить, бѣжали за Днѣпръ и начали водворяться на жительство въ разныхъ малороссійскихъ городахъ. Они боялись поголовнаго мщенія со стороны ляховъ надъ всѣмъ малорусскимъ народомъ -- и не ошиблись. Вслѣдъ за уходомъ ихъ, явились по слѣдамъ разбитаго Косагова поляки и сожгли Мошны до основанія.

По возвращеніи Косагова въ Каневъ, бывшіе тамъ на службѣ козаки слободскихъ полковъ: сумскаго, харьковскаго и острогожскаго, тайкомъ распродали полученные запасы и ушли въ свои дома. Это, между прочимъ, произошло отъ несвоевременной раздачи запасовъ; казаки получили ихъ еще не доходя до Канева и, стоя нѣсколько времени подъ Миргородомъ, истребили, продали и пропили, а пришедши въ Каневъ, очутились въ такомъ положеніи, что имъ нечего было ѣсть [1]). Сперва такіе побѣги ратныхъ людей происходили по-одиночкѣ, но къ концу августа до того вошли въ обычай, что и начальныя лица стали уходить вмѣстѣ съ подчиненными. Убѣжали такимъ образомъ двое сотниковъ острогожскаго полка, а за ними двое сотниковъ ахтырскаго и харьковскаго съ козаками своихъ сотенъ. Сентября 2-го пришло извѣстіе изъ Умани, отъ майора Свиньина, что побѣги ратныхъ государевыхъ людей дошли до того, что въ Умани осталось ихъ не болѣе ста человѣкъ, да и бывшіе съ майоромъ Свиньинымъ малороссіяне так же разбѣгались [2]). Бруховецкій, недавно ожидавшій изъ Умани подмоги, теперь долженъ былъ бы самъ посылать

---

[1]) А. Ю. З. Р., V, 159.
[2]) Ibidem, 159—160.

людей въ Умань, но посылать было некого: свѣжихъ силъ не приходило, а тутъ поляки и татары стали безпокоить Каневъ. Косаговъ неоднократно писалъ въ Бѣлгородъ ко князю Ромодановскому, и послѣдній, по его письмамъ, разсылалъ въ разные города отписки о поимкѣ и высылкѣ бѣглыхъ войсковыхъ людей, но ни одинъ бѣглый не былъ высланъ въ Каневъ и ни одинъ добровольно на службу не воротился; остальные же, видя безнаказанность за побѣги, сами собирались улизнуть изъ Канева. Въ концѣ сентября Косаговъ доносилъ въ приказъ, что у него осталось рейтаръ 68, а солдатъ — 169, и у тѣхъ запасовъ было мало. Возникало опасеніе, что и они разбѣгутся; дѣйствительно, вновь послѣ того убѣжало 18 человѣкъ, а въ слѣдующую затѣмъ ночь — 24. Такимъ образомъ, настроеніе въ войскѣ, какъ великороссійскомъ, такъ и малороссійскомъ, было причиною, почему гетманъ и Косаговъ не могли все лѣто до октября подать помощь геройскимъ защитникамъ Ставища и нанести пораженіе Чарнецкому.

Между тѣмъ какъ Чарнецкій держалъ въ блокадѣ Ставище, гетманъ Тетеря отправился съ татарами приводить къ покорности возставшее поспольство прибужскаго и приднѣстровскаго краевъ. Онъ разсылалъ универсалы, гдѣ уговаривалъ народъ отречься отъ московской протекціи и возвратиться подъ власть законнаго короля. Кальницкій и винницкій полковникъ, Василь Вареница умолялъ Бруховецкаго скорѣе присылать помощь и предостерегалъ, что иначе ляхи своими прелестями многихъ къ себѣ прилучатъ [1]). Бруховецкій прислать имъ ратныхъ людей не могъ, а возстанцы дѣйствовали въ разбродъ, безъ руководящей головы, которая бы заправляла

[1]) Ibidem, 162.

всѣмъ дѣломъ возстанія. Поэтому и неудивительно, что возстанцы, такъ горячо увѣрявшіе въ своей твердости, начали сдаваться и покоряться Тетерѣ, послѣ того, когда татары стали сожигать поселенія и уводить толпами въ полонъ всѣхъ, кого поймать могли, жителей обоего пола и всякаго возраста. Побужскіе города: Брацлавъ [1]), Бершадъ [2]), Лодыжинъ [3]), Тростеница [4]) и другіе, одинъ за другимъ, покорились королевской власти и согласились давать стаціи на польское войско [5]). Полковникъ Остапъ Гоголь нѣсколько времени былъ такъ-сказать душою возстанія въ подольскомъ краѣ, но поляки взяли его сына, учившагося во Львовѣ, грозили убить его — и отецъ, для спасенія жизни дѣтища, покорился королю [6]). Крѣпче всѣхъ изъ западныхъ возставшихъ городовъ держался Умань; Сацко Туровецъ и майоръ Свиньинъ извѣщали Брюховецкаго, что ляхи и татары безпрестанно угрожаютъ Уманю, но уманцы будутъ стоять твердо, пока гетманъ не пришлетъ имъ помощи [7]).

Октября 20-го, новаго стиля (8-го — стараго), сдалось, наконецъ, осажденное Ставище. Не стало долѣе возможности терпѣть голодъ, а усиленная пальба изъ польскихъ орудій обратила въ пепелъ почти всѣ жилища; приходилось въ осеннюю непогоду оставаться безъ крова подъ непрерывными непріятельскими выстрѣлами. Въ такомъ положеніи осажденные рѣшились просить

---

[1]) Уѣздный городъ подольской губерніи, при рѣкѣ Бугѣ.

[2]) Мѣстечко ольгопольскаго уѣзда, подольской губерніи, при рѣкѣ Бершади и Дахнѣ.

[3]) Мѣстечко гайсинскаго уѣзда, подольской губерніи, при рѣкѣ Бугѣ.

[4]) Село брацлавскаго уѣзда, подольской губерніи.

[5]) Ibidem, 164.

[6]) H. P. J. K., II, 299.

[7]) А. Ю. З. Р., V, 165.

пощады и выслали священниковъ съ предложеніемъ капитуляціи.

«Не можете толковать о капитуляціи», запальчиво отвѣчалъ имъ Чарнецкій: «я не разъ уже вамъ предлагалъ милость свою, а вы пренебрегли ею. Теперь вы недостойны помилованія; сдавайтесь на имя короля, присягайте хранить вѣрное подданство, отворяйте ворота безъ всякихъ кондицій, если хотите, чтобъ я оставилъ жизнь вамъ; но всѣхъ вашихъ коноводовъ и подстрекателей къ бунту приведите ко мнѣ».

Ставищане связали и привели къ польскому военачальнику 13 человѣкъ: въ числѣ ихъ были атаманы — Чопъ и Подобня. Булганый скрылся заранѣе. Чарнецкій поручилъ выданныхъ подъ караулъ Тетерѣ, который прибылъ тогда въ станъ Чарнецкаго изъ своей экспедиціи на западъ. Поляки взяли въ Ставищѣ множество боевыхъ запасовъ и такое количество пороха, что стало бы осажденнымъ на цѣлый годъ [1]).

Чарнецкій пощадилъ сдавшихся, но въ наказаніе за долговременное упорство велѣлъ заплатить за свою жизнь окупъ татарскимъ султанамъ, расположилъ въ Ставищѣ два полка на все время, пока будетъ идти война въ Украинѣ и отнялъ у Ставища колокола — въ наказаніе за то, что въ нихъ звонили въ набатъ, созывая поспольство къ битвамъ противъ поляковъ.

21-го октября стараго стиля, послѣ неоднократныхъ просьбъ уманцевъ, Бруховецкій и думный дворянинъ Хитрово, находившійся тогда при гетманѣ, выслали на выручку Умани Косагова съ отрядомъ, какой могли собрать изъ неуспѣвшихъ еще разбѣжаться великороссіянъ и малороссіянъ. Отдѣлавшись отъ осады Ставища, Чар-

---

[1]) Н. J. К., II, 311.

нецкій съ Тетерею не допустили Косагова до Умани. Косаговъ принужденъ былъ запереться въ Медвинѣ [1]) и сидѣлъ тамъ въ осадѣ вмѣстѣ съ лубенскимъ полковникомъ Гамалѣею цѣлыхъ четыре недѣли, отбиваясь отъ непріятельскихъ приступовъ. Тетеря стоялъ подъ Лисянкою; тамъ заперлись: полковникъ прилуцкій Лазарь Горленко и генеральный бунчужный бывшій полтавскій полковникъ Григорій Витязенко, съ частью полковъ прилуцкаго, зиньковскаго и полтавскаго [2]); они просили Бруховецкаго о помощи, а гетманъ отговаривался малолюдствомъ; присланы были ему въ подкрѣпленіе стольники, но привели съ собою едва нѣсколько сотъ человѣкъ, потому-что у нихъ на пути государевы ратные люди разбѣжались. Малороссійскія же войска были размѣщены еще прежде въ другихъ мѣстахъ: кіевскій, черниговскій и овручскій полки берегли Кіевъ и его окрестности; отъ Гомля по сѣверной границѣ размѣщенъ былъ на стражѣ полкъ Стародубскій; часть войска послана была внизъ по днѣпровскому берегу къ Черкасамъ и Чигирину, а на правобережной Украинѣ были размѣщены козацкія залоги (гарнизоны) въ городахъ и мѣстечкахъ, признавшихъ царя, въ Жаботинѣ, Медвѣдовкѣ, Старобурьѣ, Смѣлой — со стороны Чигирина, въ Ольшаной, Млѣевѣ, Тарасовкѣ, Медвинѣ, Лисянкѣ — со стороны Корсуна для береженія отъ Чарнецкаго, и въ Обуховѣ — со стороны Бѣлой-Церкви; — во всѣхъ этихъ городкахъ залоги были преимущественно изъ козаковъ лѣвой стороны, подчиненныхъ Бруховецкому; самъ же гетманъ сидѣлъ въ Каневѣ съ небольшимъ числомъ ма-

---

[1]) Мѣст. каневск. уѣзда, кіевск. губ.—А. Ю. З. Р., V 165.
[2]) Ibid., 234.

лороссійскаго войска [1]). Въ концѣ октября доносилъ въ Москву кіевскій воевода, что многіе изъ городовъ, отложившихся отъ поляковъ—опять имъ покоряются, а другіе находятся отъ нихъ въ утѣсненіи [2]).

Уманцы продолжали упорно держаться противъ поляковъ. Не проходило дня, чтобъ у нихъ не происходило съ поляками разговора изъ ружья, сообщалъ гетману тамошній полковникъ [3]). Косаговъ освободился отъ осады въ Медвинѣ не ранѣе декабря и воротился въ Каневъ, вмѣсто того, чтобъ идти къ Умани. Въ Каневѣ засталъ онъ вторичный царскій указъ, предписывавшій ему ѣхать въ Бѣлгородъ и отыскивать бѣглыхъ ратныхъ. Вмѣсто Косагова полкъ его въ Каневѣ велѣно было вѣдать стольнику Ѳедору Протасьеву [4]). И Сѣрко́ въ то же время прибылъ въ Великороссію. Послѣ разлуки съ Косаговымъ онъ громилъ татаръ и засѣлъ въ Торговицѣ, потомъ покинулъ Торговицу и прибылъ въ свою любимую Сѣчу, но вскорѣ послѣ того не поладилъ съ запорожцами и уѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ у него была семья, а изъ Харькова въ Бѣлгородъ [5]) Причины, по которымъ Сѣрко́ уѣхалъ тогда изъ Сѣчи, связаны были съ возникшими секретными сношеніями Бруховецкаго съ крымскимъ ханомъ. Въ Крыму многіе вліятельные мурзы представляли своему хану: «ляхи, насъ, татаръ, все манятъ украинскими городами, которые надѣются покорить. Эти же украинскіе города поддаются царю, а не имъ, а намъ никакой корысти нѣтъ; лучше было бы

[1]) Ibidem.
[2]) Ibid., 216.
[3]) Ibid., 228.
[4]) Ibid., 210.
[5]) Ibid., 217.

намъ замириться съ козаками и съ Москвою» [1]). По такимъ совѣтамъ, въ октябрѣ ханъ крымскій прислалъ Бруховецкому письмо съ предложеніями устроить миръ. Гетманъ отправилъ это письмо въ Москву и получилъ отъ царя указъ завести сношенія съ ханомъ [2]). Бруховецкій, исполняя царскій указъ, отправилъ своихъ посланцевъ къ хану. Запорожцы остановили гетманскихъ посланцевъ, распечатали гетманскія граматы и прочли, а потомъ, когда гетманъ послалъ другое поспольство, то запорожцы не пропустили посланцевъ вовсе. Сѣрко́, въ званіи кошеваго атамана, хотѣлъ удерживать запорожское товарищество въ повиновеніи царю и въ подчиненіи гетману; запорожцы не слушали его, шумѣли, и Сѣрко́ удалился изъ Сѣчи. Въ Бѣлгородѣ тамошній воевода князь Репнинъ объяснилъ ему́, что сношенія съ Крымомъ начались по царской волѣ и приказывалъ Сѣрку снова ѣхать въ Запорожье, но Сѣрко́ отвѣчалъ, что ему безъ царскаго указа ѣхать въ Сѣчу нельзя; козаки могутъ его тамъ убить, а надобенъ такой царскій указъ, гдѣ бы значилось, что сношенія Бруховецкаго съ ханомъ начались по царской волѣ.

---

1) Ibid., 202.
2) Ibid., 218.

V.

Жалобы великороссіянъ на гетмана, а гетмана на великороссійскихъ воеводъ. — Дѣло возстанія народа противъ поляковъ поправляется. — Умань. — Лисянка. — Новое возстаніе и укрощеніе Ставища. — Кара надъ мятежниками. — Бѣгство жителей съ правой стороны Днѣпра на лѣвую. — Смерть Чарнецкаго. — Распространеніе возстанія. — Предводители возстанія. — Дрозденко и Хмельницкая. — Успѣхи русскихъ. — Взятіе Корсуна. — Прибытіе въ Украину калмыковъ. — Пораженіе Яблоновскаго подъ Бѣлой-Церковью. — Неудачная осада Бруховецкимъ Бѣлой-Церкви и отступленіе въ Мотовиловку. — Бѣгство Тетери въ Польшу. — Опара. — Децикъ. — Перемѣна въ Кіевскомъ воеводствѣ. — Неисправности въ воеводскомъ управленіи царскими ратными людьми.

Всю зиму продержался Бруховецкій въ Каневѣ, руководя управленіемъ лѣвой стороною Днѣпра и движеніями народа противъ поляковъ на правой сторонѣ. Малыя силы его не только не прибавлялись, а еще болѣе отвлекались. Изъ малороссійскаго войска Черниговскій полкъ отправленъ былъ на Полѣсье, гдѣ одержалъ побѣду надъ поляками [1]), а Краснянскаго сотника Ивана Самойловича (будущаго гетмана) по царскому указу отрядили даже до Смоленска. Великороссійскихъ свѣжихъ силъ не приходило въ Каневъ; напротивъ, изъ Канева отзывались великороссійскіе начальные люди. Эти послѣдніе, прибывши въ Москву, жаловались, что царскіе ратные люди, будучи на государевой службѣ въ малороссійскихъ городахъ, изнурены, голодны и безодежны, и царь по этому поводу, граматою отъ 12 ноября, сдѣлалъ Бруховецкому замѣчаніе. Гетманъ отвѣчалъ, что онъ цѣлый годъ употреблялъ на содержаніе царскихъ ратныхъ всѣ доходы, получаемые платою съ мельницъ. «Меня оболгали предъ вашимъ величествомъ», — выра-

---

[1]) А. Ю. З. Р., V, 240.

жался онъ: — ратные бѣгутъ со службы не отъ какой-нибудь нужды или скудости, а отъ того, что заберутъ впередъ царское жалованье и хлѣбные запасы, продадутъ и бѣгутъ, не желая служить, а пришедши къ себѣ домой, скудостію и нуждою вины свои покрываютъ». Бруховецкій рѣшительно отказывался доставлять ратнымъ одежду, оттого, что «Украина бѣдна и разорена непріятельскимъ мечомъ и долгимъ стояніемъ войскъ, собранныхъ противъ непріятеля»; въ этомъ гетманъ ссылался на всѣхъ воеводъ, знавшихъ положеніе края. И отъ своихъ воеводъ московское правительство получало неутѣшительныя вѣсти о состояніи духа своихъ ратныхъ людей, о скудости денежной казны, о трудности добывать запасы. Несмотря на то, изъ Москвы присылались гетману воинственные указы «воевать польскіе города огнемъ и мечомъ». На такіе указы гетманъ только и могъ отвѣчать, что радъ бы «вседушно чинить по царскому указу, только войска къ нему не присылаютъ». Тѣмъ не менѣе не только просимаго гетманомъ войска гетману не присылали, напротивъ, требовали отъ самого гетмана, чтобъ онъ пріѣхалъ въ Москву видѣть царскія очи. «Мнѣ», — писалъ гетманъ — «и подумать нельзя ѣхать теперь; это значило бы добровольно отдать Украину ляхамъ въ руки». Гетманъ жаловался какъ на медленность воеводъ, которые должны были приводить великороссійскія войска въ Малороссію, такъ и на тѣхъ воеводъ, которые пребывали постоянно въ малороссійскихъ городахъ, на черниговскаго, нѣжинскаго и кіевскаго. Московское правительство, на просьбы гетмана о медленности присылки ратныхъ силъ, обѣщало прислать ихъ по зимнему пути, а на счетъ воеводъ, помѣщенныхъ въ малороссійскихъ городахъ, отвѣчало, что впередъ

вмѣшиваться въ дѣла, до нихъ не касающіяся, имъ не велѣно.

Бруховецкій не могъ посылать помощи возстанцамъ, получая изъ Москвы однѣ неисполнявшіяся обѣщанія, но дѣло возстанія народа противъ поляковъ не прекращалось, а съ января 1665 года стало идти успѣшнѣе. Въ сѣверскихъ краяхъ подъ Кричевомъ и подъ Гомлемъ одержана была побѣда надъ поляками Стародубскимъ полковникомъ Лыскомъ Остренинымъ. Въ Умани полковникомъ сталъ бывшій прежде въ Брацлавѣ полковникомъ Иванъ Сербинъ. Онъ засталъ въ Умани междоусобіе, усмирилъ его, отбилъ нападавшихъ на Умань поляковъ и потомъ, выступивши изъ Умани, взялъ Бабаны [1]), Косеновку [2]), Кислякъ [3]), Торговицу [4]), захваченную поляками послѣ ухода изъ нея Сѣрка. Много боевъ имѣлъ онъ тогда съ поляками и враждебными козаками, много взялъ враговъ въ плѣнъ и съ торжествомъ воротился въ Умань. Успѣхи Сербина пробудили духъ посполыства въ сосѣднихъ городкахъ, только-что покорившихся полякамъ. Въ числѣ ихъ были Лисенка, отъ которой Семенъ Высочанъ отбилъ Чарнецкаго, и Ставище, стоившее полякамъ такихъ долгихъ усилій. Чарнецкій не ожидалъ дерзости отъ жителей послѣдняго, онъ расположилъ было свое войско по городамъ и селамъ и отправилъ пословъ на сеймъ съ просьбою объ уплатѣ жалованья войску, а самъ, послѣ неудачи покушенія на Лисянку, прибылъ въ Бѣлую-Церковь; — вдругъ тамъ услышалъ онъ, что ставищане прогнали отъ себя польскій гарнизонъ. Сперва Чарнецкій отпра-

---

[1]) Нынѣ с. уманск. уѣзда, кіев. губ., при р. Бабанкѣ.

[2]) Село уманск. уѣзда, при р. Сибанкѣ,

[3]) Село уманск. уѣзда, кіев. губ., при р. Тикачѣ, нынѣ Кислпкъ.

[4]) Мѣст. уманск. уѣзда, кіев. губ., при р. Синюхѣ.

вилъ туда Маховскаго съ его полкомъ и съ козаками Тетери. Ставищане встрѣтили ихъ съ оружіемъ. Маховскій въ бою потерялъ до двухсотъ человѣкъ и убѣжалъ. Тогда Чарнецкій поспѣшно двинулся самъ. Козаки и поспольство въ Ставищѣ еще не отдохнули отъ побѣды надъ Маховскимъ, какъ явился передъ ними Чарнецкій. Онъ вошелъ безпрепятственно въ городъ и потребовалъ выдачи зачинщиковъ новаго возстанія. Хотѣли было ставищане защищаться: но уже было для нихъ поздно. Поляки съ разу взяли надъ ними верхъ. Чарнецкій приказалъ всѣхъ жителей перебить, а городъ ихъ со всѣми жилищами сжечь до тла, чтобъ не оставалось болѣе гнѣзда мятежа, какъ говорили поляки [1]). За Ставищами такая же участь постигла Боярку [2]): и тамъ жолнѣры перерѣзали все поспольство, не пощадивши и малыхъ дѣтей [3]). Товарищъ Чарнецкаго, воевода русскій Яблоновскій, взялъ Кислякъ, разбилъ тамъ какого-то Вдовиченка, но въ Кислякѣ поляки поступили человѣчнѣе; по крайней мѣрѣ они оставили въ живыхъ съ женами и дѣтьми тѣхъ изъ нихъ, которые, видя сразу невозможность бороться, поддались полякамъ.

Звѣрская расправа Чарнецкаго надъ Ставищемъ и Бояркою, вмѣсто того, чтобы страхомъ расположить народъ къ покорности, только болѣе побуждала поспольство правобережной Украины отрѣзаться отъ возможности терпѣть власть поляковъ надъ собою. Изъ Корсуна, Черкасъ, Бѣлой-Церкви и другихъ городковъ и селъ, православные люди «нестерпимаго ради гоненія лядскаго многими десятками семей выѣзжали изъ своей ро-

---

[1]) Hist. J. Kaz., II. 331.
[2]) Мѣстн. звенигор. уѣзда, кіев. губ., у р. Гнилого-Тикача.
[3]) А. Ю. З. Р., V, 249.

дины, переправлялись черезъ Днѣпръ и просили себѣ новоселья, изъявляя желаніе быть въ подданствѣ у православнаго государя».

Чарнецкій, послѣ недавнихъ свирѣпствъ своихъ, отправился въ Польшу на предстоящій сеймъ. Ему было уже 66 лѣтъ отъ роду. Его давно уже безпокоила какая то болѣзнь, но онъ все преодолѣвалъ себя. Вдругъ эта болѣзнь начала развиваться быстро. День ото дня силы его упадали. Пріятели совѣтовали ему спѣшить въ Варшаву, чтобъ тамъ посовѣтоваться съ учеными врачами. Онъ на пути заѣхалъ въ свое имѣніе Иленцы, пробылъ тамъ недолго и пустился далѣе въ путь; на дорогѣ встрѣчаетъ его курьеръ отъ короля; онъ везъ Чарнецкому дипломъ на чинъ польнаго короннаго гетмана. Прочитавъ королевское письмо, Чарнецкій сказалъ окружавшимъ его: «всегда я того ожидалъ, что король дастъ мнѣ булаву уже въ то время, когда я воевать не буду въ состояніи; если Богу угодно будетъ продлить мою жизнь и дать здоровье, я покажу королю благодарность за его ко мнѣ милость; если же придется умереть — по крайней мѣрѣ на моемъ надгробномъ памятникѣ напишутъ, что я былъ гетманъ». Приближаясь къ городу Дубно, онъ почувствовалъ крайній упадокъ силъ и въ деревнѣ Соколовкѣ приказалъ внести себя въ крестьянскую хату, какая первая на глаза ему попалась. Тамъ онъ исповѣдывался у своего духовника іезуита Домбровскаго, ѣздившаго съ нимъ постоянно, а черезъ ночь утромъ причастился св. таинъ и скончался. Поляки возносятъ этого человѣка, какъ своего національнаго героя, но польскіе источники, къ чести своей, не скрываютъ и темныхъ сторонъ его характера. Это былъ чрезвычайно свирѣпый, безсердечный и злой человѣкъ. Нельзя забыть его ужасной расправы надъ жителями Подоліи и Укра-

ины въ 1653 и 1654 годахъ, когда онъ своею дикою солдатчиною каралъ несчастный народъ за стремленіе освободиться отъ панскаго ярма; то же повторилъ онъ и въ послѣдній годъ своей жизни. Чарнецкій всегда высказывалъ особенную злобу къ русскому народу, ненавидѣлъ и презиралъ русское духовенство и вообще православную религію, съ неудержимымъ изувѣрствомъ отнималъ у церквей колокола и приказывалъ переливать ихъ на пушки, чтобъ тѣми пушками истреблять непокорныхъ «схизматиковъ», грабилъ и отдавалъ на поруганіе православные храмы, а все цѣнное изъ нихъ вывозилъ къ себѣ въ Иленцы. Во всемъ былъ онъ черствый эгоистъ; свои подчиненные не любили его, а только боялись: да и самъ онъ заботился болѣе о томъ, чтобъ наводить страхъ своею строгостію, чѣмъ о томъ, чтобы возбудить въ подчиненныхъ любовь къ себѣ. Не только не старался онъ, чтобъ жолнѣры были сыты, одѣты и получали во́-время свое жалованье; напротивъ, онъ старался держать ихъ въ недостаткѣ и лишеніяхъ и говорилъ: истощенный и голодный жолнѣръ лучше подчиняется командѣ, чѣмъ тотъ, у котораго всего вдоволь [1]). Таковъ былъ, по отзывамъ современниковъ, человѣкъ, впослѣдствіи прославленный польскимъ потомствомъ, уважавшимъ его военный талантъ и важныя услуги, оказанныя имъ Рѣчи-Посполитой въ критическія минуты ея исторіи.

Въ Украинѣ смерть Чарнецкаго оживила духъ возстанія. Иванъ Сербинъ, установившійся въ Умани, и овручскій полковникъ Децикъ ревностно приводили къ присягѣ царю городки за городками; вездѣ возставшіе жители избивали ляховъ, которые были недавно туда введены, а ихъ начальныхъ людей живьемъ доставляли

---

[1]) Н. J. К. II. 334.

въ Каневъ къ Бруховецкому [1]). Явились разомъ предводители ватагъ, носившіе названіе полковниковъ. Изъ нихъ болѣе другихъ показали себя: Кіяшка, Дрозденко (иначе Дроздъ), Овдіенко, Остапъ Гоголь; послѣдній, принужденный страхомъ за жизнь сына притвориться другомъ ляховъ, послѣ смерти Чарнецкаго опять сталъ за царя и за русскій народъ. Къ возставшему русскому поспольству приставали купы волоховъ, приходившихъ изъ Молдавіи: много ихъ набралось въ трехтысячной ватагѣ Дрозденка въ Каменкѣ. Для ихъ продовольствія Дрозденко послалъ въ Рашковъ [2]), гдѣ проживала въ своемъ владѣніи невѣстка Богдана Хмельницкаго, вдова Тимоѳея, молдавская княжна Домна-Александра, и потребовалъ отъ нея живности для своей ватаги. Владѣлица указала посланцамъ свои запасы, но потомъ тайно послала къ полякамъ просить, чтобъ они прислали къ ней военную силу и освободили ее изъ Рашкова. Посланные съ письмами Хмельницкой попались Дрозденку, и тотъ поспѣшилъ самъ лично въ Рашковъ. Не причиняя никакой обиды жителямъ Рашкова, Дрозденко велѣлъ бить владѣлицу, не стѣсняясь, какъ видно, тѣмъ уваженіемъ, на какое эта женщина имѣла право по родству съ Богданомъ Хмельницкимъ. Дрозденко приказалъ забрать у ней все имущество для найма волоховъ и буджакскихъ татаръ. Ворочаясь изъ Рашкова въ Каменку [3]), Дрозденко встрѣтился съ тѣми поляками, которые шли къ Хмельницкой по ея приглашенію, и разбилъ ихъ: едва десять человѣкъ изъ ихъ отряда успѣли уйти. Потомъ

---

[1]) А. Ю. З. Р. V. 258.
[2]) Мѣстеч. ольгопольск. у., под. губ., при р. Днѣстрѣ.
[3]) Мѣстечко ольгопольск. у., под. губ.. при рѣкѣ Днѣстрѣ.

въ Кальникѣ [1]), Рахнахъ [2]), Дашевѣ [3]) жители прогнали недавно поставленныхъ у нихъ жолнѣровъ, которые уже считали себя до того твердыми въ краѣ, что дозволяли себѣ дѣлать поспольству обиды и мученія. Не успѣвшіе впору уйти съ товарищами жолнѣры запирались въ зàмкахъ, откуда поспольство принялось ихъ добывать. Тетеря въ своихъ универсалахъ напрасно убѣждалъ русскихъ къ покорности королю. Болѣе слушали русскіе Сербина, который разсылалъ повсюду свои универсалы, располагалъ жителей береговъ Буга и Днѣстра къ сопротивленію полякамъ и обнадеживалъ возстанцевъ скорою помощью отъ православнаго царя.

Весною, по просухѣ, война съ поляками въ Украинѣ продолжала идти еще удачнѣе для русскихъ. 20 марта разбиты были польскія хоругви подъ Торговицею; 25 марта подъ Ольшаною [4]) разбили польскаго предводителя шайки Друка и самаго его казнили смертію за разоренія, причиненныя русскому поспольству; въ четвертокъ на Свѣтлой недѣлѣ, 30 марта, подъ Лисянкою разбили и прогнали отрядъ, посланный преемникомъ Чарнецкаго, Яблоновскимъ, съ «прелестными» письмами, которыми думали еще поляки склонять поспольство. Но двѣ болѣе важныя побѣды произошли 4 апрѣля въ двухъ мѣстахъ. Дрозденко подъ Брацлавомъ разгромилъ въ прахъ Тетерю; въ этотъ же день Бруховецкій пріобрѣлъ Корсунъ. Послѣднее дѣло произошло такъ. Наканунѣ, 3 апрѣля, гетманъ и воевода Протасьевъ отправили къ Корсуну лубенскаго полковника, Григорія Гамалѣю, съ отрядомъ

---

[1]) Село липов. уѣзда, кіев. губ., при р. Соби.
[2]) Нынѣ не существуютъ.
[3]) Мѣст. липов. у., кіев. губ., при р. Соби.
[4]) Мѣст. звенигородск. у., кіев. губ., при р. Ольшаной.

изъ великороссіянъ и малороссіянъ, всего полторы тысячи [1]).

Ночью передъ разсвѣтомъ подошли они къ городу тайкомъ, когда тамъ не ждали непріятеля; съ внезапнымъ крикомъ полѣзли они на стѣну, изрубили караульщиковъ, ворвались въ большой городъ; къ нимъ пристали корсунцы и начали рубить польскій гарнизонъ и бывшихъ на польской сторонѣ козаковъ. Погибло такимъ образомъ до 700 человѣкъ. Живьемъ было схвачено важное лицо — Тимоѳей Носачъ, бывшій при Хмельницкомъ генеральнымъ обознымъ, а теперь находившійся въ Корсунѣ наказнымъ гетманомъ отъ Тетери, вмѣстѣ съ генеральнымъ судьею Тетери, Криховецкимъ. Гамалѣя всѣхъ жителей корсунскихъ съ ихъ семьями повелъ за собою въ Каневъ. Бывшій въ то время въ Москвѣ стряпчій говорилъ, будто этихъ жителей было до десяти тысячъ душъ, но вѣрность такихъ чиселъ сомнительна. Бруховецкій отправилъ въ Москву въ качествѣ языковъ знатнѣйшихъ плѣнниковъ, взятыхъ въ Корсунѣ.

1-го мая одержана была новая побѣда козаковъ надъ ляхами: польскій полковникъ Мурашко бросился на Стародубъ, надѣясь захватить его врасплохъ, но, увидѣвши, что стародубцы готовы къ отпору, повернулъ назадъ и на обратномъ пути былъ разбитъ въ прахъ черниговскимъ полковникомъ Демкомъ Многогрѣшнымъ.

Около половины мая думный дворянинъ Яковъ Тимоѳеевичъ Хитрово привелъ къ Бруховецкому въ Каневъ калмыковъ. Исконные враги крымцевъ калмыки, не достигши Канева, разбились на два отряда: одинъ пошелъ къ югу на крымцевъ, другой достигъ до Канева и дол-

---

[1]) Великороссіянами начальствовали рейтарскаго строя ротмистръ Жемчужниковъ и солдатскаго строя капитанъ Страшиловскій.

женъ былъ находиться въ распоряженіи гетмана, а гетманъ съ своей стороны, сообразно царскому указу, обязанъ былъ содержать ихъ на свой счетъ и, кромѣ того угощать табакомъ, медомъ, мясомъ, пивомъ и виномъ. Ихъ считали до семи тысячъ, но собственно вѣрнаго числа пришедшихъ не знали, потому что списковъ имъ не велось. По совѣту съ царскимъ воеводою Протасьевымъ, находившимся при гетманѣ, Бруховецкій отправилъ ихъ къ Бѣлой-Церкви при козацкомъ войскѣ, надъ которымъ, вмѣсто себя, назначилъ наказнымъ гетманомъ каневскаго полковника Лизогуба. 21 мая наткнулись они на польское войско, стоявшее недалеко отъ Бѣлой-Церкви подъ командою преемника Чарнецкаго, Яблоновскаго. Появленіе калмыковъ было для поляковъ такъ нежданно, что произвело между ними переполохъ: они убѣжали въ Бѣлую-Церковь и зажгли за собою свое таборище. Калмыки погнались за ними, произвели въ ихъ рядахъ большое смятеніе и обогатились добычею, овладѣвши лошадьми и одеждами убитыхъ. Этимъ и окончился первый походъ. Бруховецкій, извѣщая о такой побѣдѣ, умолялъ снова прислать скорѣе великороссійскихъ ратныхъ людей, такъ какъ у Протасьева оставалось всего 500 конныхъ и пѣшихъ. Несмотря на то, Бруховецкій задумалъ еще попытать счастья, и въ первой половинѣ іюня двинулся вмѣстѣ съ Протасьевымъ подъ Бѣлую-Церковь, но, черезъ нѣсколько дней осады и безполезныхъ попытокъ овладѣть этимъ городомъ, отошелъ и сталъ въ Мотовиловкѣ [1]).

Причиною этому отступленію были важныя перемѣны, совершавшіяся въ правобережной Украинѣ. Послѣ пораженія, нанесеннаго Тетерѣ Дрозденкомъ, нѣсколько вре-

[1]) Нынѣ село васильк. у., кіев. губ., при р. Стугнѣ.

мени носился въ Украинѣ слухъ, что самъ Тетеря убитъ. Это извѣстіе было невѣрно. Тетеря остался живъ, но видѣлъ, что уже ему не сдобровать, что украинцы могутъ схватить его и выдать Бруховецкому, а потому рѣшился тогда же отказаться отъ гетманскаго достоинства и бѣжать въ Польшу. Надѣялся Тетеря, что король дастъ ему маетность, и онъ будетъ себѣ жить въ довольствѣ, удалившись отъ политическихъ бурь. Еще прежде передъ тѣмъ онъ въ Чигиринѣ успѣлъ захватить часть имущества покойнаго Хмельницкаго, своего тестя, а теперь убѣжалъ изъ Брацлава такъ поспѣшно, что покинулъ тамъ много своего достоянія и даже серебро. Чуть только онъ оставилъ Брацлавъ, какъ туда явился Сѣрко, захватилъ все, чего не успѣлъ увезти Тетеря, и раздѣлилъ между козаками. Говорили, будто послѣ того Тетеря отрекся отъ православія и принялъ латинство, но это извѣстіе не достовѣрно; по крайней мѣрѣ, въ 1669 году онъ писалъ къ игумену кіево-михайловскаго монастыря Софроновичу, что желаетъ постричься въ Печерскомъ монастырѣ. Но въ монахи онъ не постригся въ Кіевѣ. У него поляки выманили все то, что онъ успѣлъ увезти съ собою изъ Украины [1]). Тетеря долго искалъ правосудія, не могъ найти его въ Польшѣ, и уже послѣ отреченія отъ престола Яна Казимира, не получивши защиты себѣ отъ новаго короля Михаила, уѣхалъ въ Волошскую землю, былъ тамъ принятъ радушно господаремъ, обласканъ константинопольскимъ патріархомъ и отдался подъ протекцію турецкаго государя [2]). Съ этихъ поръ онъ исчезаетъ изъ исторіи. Ни мѣста, ни времени его кончины мы не знаемъ.

---

[1]) Лѣт. Грабянки, 187.
[2]) Ojcz. Sp., II, 325.

Послѣ бѣгства Тетери, въ Украинѣ открылось поле для честолюбцевъ, пытавшихся возложить на себя гетманство. Первымъ, болѣе другихъ смѣлымъ, былъ Степанъ Опара, одинъ изъ многихъ предводителей возстанцевъ, носившій званіе Медвѣдовскаго полковника. Его ватага хотѣла, чтобъ онъ сталъ гетманомъ. Онъ сошелся съ татарами, бывшими въ Украинѣ, и 11 іюня подошелъ къ Умани. Ивана Сербина уже не было въ живыхъ: «онъ палъ въ бою, какъ вѣрный Богу и царю воинъ» — писалъ о немъ Бруховецкій, отправляя къ царю его осиротѣлаго сына. Опара увѣрилъ уманцевъ, что два крымскихъ салтана, его союзники, стоятъ неподалеку отъ Умани, и такъ прельстилъ или напугалъ уманцевъ, что тѣ отворили ему городъ. Тутъ Опара смѣлѣе провозгласилъ себя гетманомъ, потому что ватага его усилилась уманцами; выбраны были генеральные старшины Войска Запорожскаго. Опара желалъ чѣмъ только возможно утвердить на первыхъ порахъ захваченную власть и охранить ее отъ народнаго непостоянства; онъ послалъ просить крымскаго хана утвердить его въ гетманскомъ достоинствѣ и далъ обѣщаніе за содѣйствіе отдавать въ плѣнъ татарамъ непокорныхъ ему жителей, — хотѣлъ платить за свое гетманство христіанскими душами, — выразился о немъ его соперникъ Дрозденко. Самъ Опара съ бывшими при немъ татарами двинулся противъ Бруховецкаго къ Бѣлой-Церкви; и это-то было поводомъ отступленія Бруховецкаго къ Мотовиловкѣ.

Мотовиловка [1]), находившаяся въ рукахъ поляковъ, только-что предъ тѣмъ, въ первой половинѣ іюня, при содѣйствіи мѣстныхъ жителей, была покорена царской

---

[1]) Нынѣ село Васильковск. уѣзда, при рѣкѣ Стугнѣ, станція на желѣзной кіево-брестской дорогѣ.

власти овручскимъ полковникомъ Децикомъ, подчинившимъ на государево имя все Полѣсье и засѣвшимъ тогда въ Хвастовѣ. Бруховецкій, занявши Мотовиловку, въ своихъ донесеніяхъ, посылаемыхъ въ приказъ, выставлялъ Децика какъ ревностнаго, умнаго и храбраго царскаго слугу; кіевскій же воевода Чаадаевъ описывалъ Дециковыхъ козаковъ совершенными разбойниками и жаловался на гетмана, что онъ не чинитъ надъ ними управы. Впрочемъ, несогласія между кіевскимъ воеводою и гетманомъ тогда же прекратились, потому что Чаадаевъ въ это время отпросился съ воеводства. Вмѣсто Чаадаева прибылъ въ Кіевъ новый воевода князь Никита Львовъ.

Дѣло управленія и обороны Кіева новый воевода нашелъ въ неисправности: скудость въ продовольствіи ратныхъ, упадокъ городскихъ укрѣпленій, недостатокъ денегъ, безпрестанные побѣги служилыхъ. Такія же неисправности чувствовались и въ другихъ малороссійскихъ городахъ; въ Нѣжинѣ, въ Переяславѣ воеводы жаловались на скудость продовольствія и на происходящіе оттого побѣги служилыхъ.

Въ южныхъ великорусскихъ областяхъ указано было собрать опредѣленное количество хлѣбнаго запаса на содержаніе ратныхъ царскихъ людей въ малороссійскихъ городахъ, но посланные съ этимъ запасомъ крестьяне, покинувши запасъ, разбѣжались съ дороги. При такомъ настроеніи невозможно было изъ малороссійскихъ городовъ оказать ратными царскими людьми содѣйствіе Бруховецкому, остановившемуся въ Мотовиловкѣ.

VI.

Несогласіе въ Польшѣ между королемъ и Юріемъ Любомирскимъ. — Король вызываетъ изъ Украины войско. — Польское войско составляетъ конфедерацію. — Оставленіе гарнизоновъ въ украинскихъ городахъ. — Гетманъ Опара съ татарами. — Дорошенко — его соперникъ. — Татары выдаютъ Опару Дорошенку. — Дорошенко отсылаетъ Опару къ королю. — Дорошенко съ татарами. — Дорошенко провозглашаетъ себя гетманомъ. — Борьба Дорошенка съ Дрозденкомъ. — Дрозденко взятъ Дорошенкомъ. — Децикъ покидаетъ Полѣсье и уходитъ на лѣвую сторону. — Тревога въ Малороссіи. — Новыя переселенія народа съ правой стороны на лѣвую. — Безпокойства во время отсутствія гетмана, уѣхавшаго въ Москву. — Ссоры малороссіянъ съ великороссіянами.

Событія, возникшія въ Польшѣ, сразу перевернули ходъ военныхъ дѣлъ въ Украинѣ. Давнее нерасположеніе между польскимъ королемъ Яномъ Казимиромъ и великимъ короннымъ маршаломъ Юріемъ Любомирскимъ обратилось въ открытую вражду, послѣ того, какъ королева Людвика намѣревалась провести назначеніе преемникомъ на престолѣ Яну Казимиру своего родственника, французскаго принца Конде; этому сильно воспротивился Любомирскій, и безъ того уже прежде нелюбившій королевы. Король, побуждаемый и женою, и панами, враждебными Любомирскому, сталъ преслѣдовать великаго короннаго маршала до того, что тотъ ушелъ заграницу и началъ дѣйствовать противъ короля оружіемъ. Въ Польшѣ началось междоусобіе; Польша разбилась на двѣ половины: одна была за короля и королеву, другая держалась Любомирскаго, находя, что онъ защищаетъ издавна установленную законами свободу Рѣчи-Посполитой, которая не допускала возводить на престолъ иначе, какъ приговоромъ избирательнаго сейма. Король потребовалъ изъ Украины войско для усмиренія возстанія Любомирскаго.

Но этому войску давно уже не плачено было жалованье. Главнокомандующій Яблоновскій собралъ войсковой кругъ, такъ называемое «коло»; на немъ было положено отправить въ Варшаву пословъ отъ войска, чтобъ испросить уплату жалованья, задержаннаго за два года. Посольство это не имѣло успѣха, потому что сеймъ былъ сорванъ, а безъ сейма нельзя было ни назначать податей, ни производить уплаты. Тогда жолнѣрство составило «конфедерацiйный связокъ», избрало маршалкомъ конфедераціи Адама Устржицкаго, а помощникомъ ему (субститутомъ) Юзефа Борскаго, и двинулось изъ Украины въ Польшу расправляться по-свойски съ королевскими и духовными маетностями, собирая себѣ жалованье въ уплату курами, баранами, бабами и прочимъ, «съ великимъ озлобленіемъ бѣдныхъ простолюдиновъ» [1]). Конфедерацiйный связокъ въ Польшѣ былъ, такъ сказать, освященный законами и обычаями мятежъ: члены такого связка или конфедераты составляли государство въ государствѣ, старались усилиться присоединеніемъ къ себѣ наибольшаго числа членовъ и пріобрѣсть всеобщее признаніе своихъ замысловъ. Конфедерацiйные связки войскъ имѣли обыкновенно непосредственную цѣль принудить власть къ уплатѣ жалованья, которое вообще очень часто не доплачивалось или не во-время платилось.

Уходъ польскаго войска изъ Украины произошелъ такъ быстро, что козаки видѣли въ немъ постыдное бѣгство своихъ враговъ [2]). Яблоновскій оставилъ въ Украинѣ только пѣхоту, въ зáмкахъ чигиринскомъ, корсунскомъ и бѣло-церковскомъ. Въ чигиринскомъ — комендантомъ былъ Жебровскій и находился подъ старшинствомъ ге-

---

[1]) А. Ю. З. Р., V, 390.
[2]) Н. J. К., II, 342.

нералъ-маіора Стахорскаго, бывшаго въ Бѣлой-Церкви. Чигиринскій гарнизонъ содержался отъ козаковъ, тогда еще вѣрныхъ Рѣчи-Посполитой. Въ Корсунѣ пѣхота состояла изъ нѣмцевъ; число ихъ было въ то время только 250 человѣкъ, да и тѣ были въ неудовлетворительномъ состояніи, терпя недостатокъ какъ въ одеждѣ, такъ и въ пищѣ. Бѣлоцерковскій гарнизонъ, подъ командой Стахорскаго, состоялъ изъ 3,000 конницы и пѣхоты, а при нихъ было 400 татаръ.

Кромѣ польскихъ войсковыхъ людей, помѣщенныхъ въ этихъ городахъ гарнизонами, появлялись еще въ Украйнѣ дружины польскихъ охотниковъ, такъ называемые «затяги». Наступала самая удобная пора для окончательнаго освобожденія Украины отъ польскаго владычества. Польскаго войска почти не было въ Украинѣ, у враговъ малороссійскаго народа—поляковъ происходятъ усобицы. Еще, казалось, не было такого благопріятнаго времени. Но на бѣду Украинѣ, между козаками началось междоусобіе.

Опара, двинувшись противъ Бруховецкаго на Мотовиловку, хвалился овладѣть самымъ Кіевомъ, распуская слухъ, что за нимъ идетъ 30,000 орды съ двумя мурзами. Дѣйствительно, за нимъ по слѣдамъ входила въ Украину татарская орда, и Опара вышелъ къ ней на-встрѣчу къ Богуславу. 18-го августа онъ, вмѣстѣ съ выбранною имъ козацкою старшиною, поѣхалъ къ предводителямъ орды; то были мурзы: Камамбетъ-Батырша и Батыръ-Ага. Опара былъ увѣренъ, что ѣдетъ къ своимъ друзьямъ, союзникамъ и покровителямъ; но какъ только Опара вошелъ въ татарскій станъ, татары стали грубо кричать на него, не допустили его до шатровъ своихъ мурзъ, принялись грабить самозваннаго гетмана и поставленныхъ имъ козацкихъ старшинъ. Татары, въ знакъ пренебре-

женія, сорвали съ нихъ верхнее платье и тогда уже повели ихъ къ мурзамъ [1]).

«Смотри, что ты тутъ написалъ», сказали мурзы Опарѣ, показывая перехваченное его письмо къ Дрозденку: «ты подманиваешь его, чтобъ онъ тебѣ передавался, и обѣщаешь вмѣстѣ съ нимъ воевать противъ польскаго короля! — А ты присягалъ королю своему на вѣрность и намъ присягалъ?»

Тутъ на него посыпались ругательства. Ему повѣсили на шею цѣпь, а на ноги надѣли желѣзные кандалы. Послѣ того татары бросились на козацкій таборъ и стали угонять лошадей. Козаки Опариной ватаги защищались и стрѣляли; бой продолжался до ночи. Татары отступили, но утромъ снова начали приступъ къ табору.

Въ это время мурзы велѣли прекратить нападеніе, выѣхали передъ таборъ Опариной ватаги и закричали: «козаки! хотите взять себѣ гетманомъ Петра Дорошенка? Мы его вамъ даемъ въ гетманы. Если его возьмете, не станемъ васъ трогать, а не возьмете, — пошлемъ поляковъ звать изъ Бѣлой-Церкви и Чигирина и станемъ съ ними васъ добывать».

Козаки собрались на раду и разсудили, что Опара погибъ, защищать болѣе некого — да и не стоитъ; согласились принять Петра Дорошенка. Онъ былъ внукъ Михаила Дорошенка, бывшаго когда-то гетманомъ; отецъ — получилъ шляхетское достоинство въ 1650 году. Родился онъ самъ въ Чигиринѣ, гдѣ у его фамиліи былъ дворъ. Еще при Богданѣ Хмельницкомъ и Выговскомъ былъ онъ полковникомъ прилуцкимъ, потомъ черкасскимъ, а

[1]) По восточному обычаю, оказывая честь лицамъ, допускаемымъ на аудіенцію къ владѣтельнымъ особамъ, надѣвали на нихъ кафтанъ; въ противоположность этому, съ нихъ срывали верхнее платье — въ знакъ безчестія.

въ послѣднее время, при Тетерѣ, состоялъ въ чинѣ генеральнаго асаула. Дорошенко пріѣхалъ въ таборъ. Всѣ сотники и атаманы Опариной ватаги признали его своимъ вождемъ, присягнули польскому королю въ вѣрности и послушаніи, а хану крымскому — въ союзѣ. Дорошенко тогда же присягнулъ передъ всѣми, что будетъ добывать лѣвобережную Украину, хотя бы пришлось всѣхъ тамошнихъ козаковъ татарамъ отдать.

Новоизбранный гетманъ съ признавшимъ его войскомъ и татарами двинулся въ Ладыжину. Тамошніе мѣщане сдали ему городъ и выдали пѣхотнаго полковника Царя, пріятеля Опары. Дорошенко направился къ Брацлаву, гдѣ сидѣлъ запершись Дрозденко. Дорошенко обѣщалъ татарскимъ мурзамъ подарки и просилъ выдать ему Опару, чтобъотослать его къ польскому королю. Татары выдали ему Опару вмѣстѣ съ Радочинскимъ, носившимъ у Опары званіе войсковаго судьи. Дорошенко присоединилъ къ нимъ Царя и всѣхъ троихъ отправилъ въ Бѣлую-Церковь, а бѣлоцерковскій комендантъ, Стахорскій, препроводилъ ихъ въ оковахъ къ королю съ вѣрнымъ Польшѣ бѣлоцерковскимъ козацкимъ полковникомъ Яськомъ Кулганомъ.

Кулганъ засталъ Яна Казимира во Мстовѣ, гдѣ король остановился, гоняясь за Любомирскимъ. Король приказалъ отвезти Опару и Радочинскаго въ Маріенбургъ на заточеніе, а Царя велѣлъ посадить на колъ за то, что Царь два раза измѣнялъ и убѣгалъ. Тутъ былъ и Тетеря; онъ просилъ короля уволить изъ заточенія въ Маріенбургѣ митрополита Іосифа Тукальскаго и архимандрита Гедеона Хмельницкаго. Король согласился, хотя нѣкоторые паны не находили умѣстною такую милость, полагая, что Тукальскій и Хмельницкій были главными заправщиками мятежа русскаго народа [1]).

---

[1]) Н. J. К., II, 363.

Съ паденіемъ Тетери, правобережная Украина шагнула еще далѣе въ омутъ общественнаго разложенія. До сихъ поръ поспольство колебалось между московскимъ царемъ и польскимъ королемъ: то были двѣ силы, тянувшія каждая къ себѣ Украину; поспольство возставало и вооружалось, — одна половина его за царя, другая — за короля; у однихъ былъ пунктъ, откуда ожидалось пособіе, — въ Каневѣ, гдѣ былъ царскій гетманъ Бруховецкій, у другихъ — въ Чигиринѣ, Бѣлой-Церкви или вообще тамъ, гдѣ находился гетманъ, поставленный королемъ; одни ждали содѣйствія отъ царскаго войска, другіе — отъ польскаго. Такъ было до сихъ поръ. Теперь польскія войска ушли сами изъ Украины; московскаго же войска не дождались царскіе сторонники правобережной Украины и оттого должны были все болѣе и болѣе охладѣвать въ своемъ расположеніи къ Москвѣ. На правой сторонѣ, послѣ бѣгства Тетери, остались козацкіе полковники безъ главы, а рядомъ съ прежними, какъ мы выше замѣтили, носили званіе полковниковъ и предводители ватагъ изъ поспольства, поднявшагося противъ Польши; неподдержанные Бруховецкимъ, послѣдніе теперь предоставлены были судьбѣ своей. Тогда, какъ мы уже сказали, смѣлѣйшій изъ нихъ, Опара, провозгласилъ себя гетманомъ и съ перваго раза ухватился за помощь отъ татаръ. Противъ Опары выступилъ другой искатель первенства и власти — Дорошенко, также при помощи татаръ, и отъ нихъ получилъ признаніе своего гетманскаго сана. Но татары никогда еще не имѣли права давать Украинѣ гетмановъ и невозможно, казалось, русскому народу внушить сознаніе такого права. Предстояло Дорошенку пристать или къ Польшѣ, или къ Москвѣ, — къ одной какой-нибудь изъ сторонъ, уже боровшихся между собою за господство надъ

Украиною съ какимъ-нибудь историческимъ правомъ на это господство. Не приставалъ еще ни къ той, ни къ другой Дорошенко, а держался пока однихъ татаръ; татары были тогда союзники польскаго короля, и потому естественно было Дорошенку, опираясь на татаръ, искать утвержденія отъ польскаго короля. Прежде, однако, чтобъ не имѣть судьбы Опары, нужно было ему заручиться желаніемъ козаковъ и поспольства признать его, а не кого другого гетманомъ. Но въ этомъ отношеніи у него были и впередъ должны были являться соперники. Сильнѣйшимъ соперникомъ въ первую пору гетманства Дорошенка явился Дрозденко. Онъ не призналъ власти Опары и сказалъ посланцу, пытавшемуся склонить его на сторону Опары: «я ни которою мѣрою не хочу отлучиться отъ царскаго величества; аще будете ляховъ бить—я съ вами, а коли вы съ ляхами за-одно—я не хочу съ тобою!». Опара палъ, — Дрозденко сталъ также и противъ Дорошенка: выступилъ изъ Брацлава, ожидая встрѣчи съ Дорошенкомъ, и сталъ въ мѣстечкѣ Кубличѣ [1]) на Бугѣ, съ четырьмя тысячами возстанцевъ, въ числѣ которыхъ были волохи и сербы. Дорошенко двинулся на Дрозденка съ татарами, сталъ въ урочищѣ Добрая-Долина и послалъ подъѣздъ отыскивать своего соперника. Всѣ козаки этого подъѣзда передались Дрозденку. Но къ Дорошенку прибывали свѣжія татарскія силы отрядами, одинъ за другимъ. Страшны были для Украины эти союзники Дорошенка. Пришедши, не оставались они при гетманскомъ войскѣ, а расходились въ стороны загонами, какъ-бы для того, чтобъ заставлять поселенія и города признавать власть Дорошенка; они грабили, жгли и уводили яссыръ безъ всякаго милосер-

---

[1]) Мѣстечко гайсинск. уѣзда, подольской губерніи.

дія. Такъ потерпѣли тогда четыре городка: Лесовичи [1]), Ковшовата [2]), Звенигородка [3]) и Конская; всѣхъ тамошнихъ жителей угнали татары въ неволю. Одни загоны уходили въ степи съ толпою яссыра, — другіе, на смѣну имъ, приходили за яссыромъ. Дорошенко напрасно старался остановить ихъ и представлялъ ихъ мурзамъ, что вѣдь это земля ихъ союзника — польскаго короля, обѣщалъ имъ, послѣ того, какъ расправится съ Дрозденкомъ, отпустить ихъ на поживу въ царскія области, на лѣвый берегъ Днѣпра. Не слишкомъ слушались его татары; тѣмъ не менѣе и своевольными шатаніями своихъ загоновъ принесли они однако пользу Дорошенку. Они нагнали такой страхъ на жителей, что многіе признавали Дорошенка гетманомъ ради того только, чтобъ не понести страшнаго разоренія отъ его союзниковъ. Татаръ наплыло тогда такъ много, что и при самомъ Дорошенкѣ оставалась ихъ большая сила. Съ ними погналъ онъ своего соперника въ Брацлавъ и тамъ осадилъ его. Кальницкій полковникъ — Мельникъ, прежде вѣрно державшійся царя, вдругъ взбѣсился, по выраженію современника, перебилъ посланцевъ съ лѣваго берега Днѣпра и объявилъ себя за Дорошенка. Другіе городки около Буга послѣдовали примѣру Кальника. Овручскій полковникъ, Децикъ, держался въ Мотовиловкѣ и сносился съ Дрозденкомъ, такъ что его посланцы благополучно ѣздили въ Брацлавъ и ворочались. Не такъ легко было сноситься другимъ съ Брацлавомъ. Бруховецкій, оставивши Мотовиловку и прибывши въ Каневъ, долженъ былъ, по царской волѣ, отправиться въ Москву и оставилъ въ Каневѣ, вмѣсто себя, наказнымъ гетманомъ пе-

---

[1]) Нынѣ село Таращанск. уѣзда, кіевск. губ. при рѣкѣ Котлуѣ.
[2]) Нынѣ мѣстечко того же уѣзда.
[3]) Нынѣ уѣздн. гор. кіевск. губ. при рѣкѣ Гниломъ-Тикачѣ.

реяславскаго полковника — Ермолаенка, съ четырьмя полками: нѣжинскимъ, прилуцкимъ, зиньковскимъ и лубенскимъ. Этотъ временный правитель Украины хотѣлъ также вести сношенія съ Дрозденкомъ, но посланцы Ермолаенка не могли добраться до Брацлава, а посланцы Дрозденка также не могли дойти до Канева, чтобъ испрашивать помощи. Пока татарскіе загоны по сторонамъ заставляли страхомъ городки и села признавать гетманомъ Дорошенка, самъ Дорошенко держалъ Брацлавъ въ блокадѣ двадцать дней, и голодъ заставилъ многихъ переходить отъ Дрозденка къ Дорошенку. Наконецъ, видя себя и малолюднымъ, и малосильнымъ, Дрозденко сдался, но не Дорошенку, а татарскому мурзѣ [1]), и объявилъ, что у него есть скарбъ въ Рашковѣ, гдѣ находилась тогда его жена. Туда отправился онъ самъ съ воли мурзы, но туда же послѣдовалъ и Дорошенко, чтобъ отнять у побѣжденнаго соперника скарбъ и выплатить имъ ордѣ. Скарбъ этотъ, какъ кажется, былъ тотъ самый, который Дрозденко отнялъ у Хмельницкой и находился на храненіи у какого-то доктора Константого. Ворочаясь отъ Рашкова, Дорошенко заплатилъ мурзѣ 30,000 денегъ, а отъ него взялъ плѣннаго Дрозденка и повезъ за собою къ Чигирину. Дорошенко до времени не дѣлалъ ничего дурнаго Дрозденку, но потомъ приказалъ его разстрѣлять.

Съ этихъ поръ Дорошенко утвердился въ Чигиринѣ, — въ своей родинѣ. Козаки взяли и заняли верхній городъ. Ляховъ, бывшихъ тамъ, не изгоняли, пока До-

---

[1]) А. Ю. З. Р, VI., 53. Дрозденко сдался, повѣривши «прелестнымъ» увѣщаніямъ Константина Могилевскаго, находившагося въ войскѣ Дорошенка полковникомъ: это былъ происхожденіемъ грекъ, искатель приключеній, — шатался по разнымъ странамъ и пришелъ въ Украину съ толпою разныхъ набранныхъ бродягъ.

рошенко признавалъ себя королевскимъ подданнымъ. Напротивъ, эти поляки участвовали во многихъ походахъ вмѣстѣ съ дорошенковыми козаками и продолжали получать отъ Дорошенка содержаніе, хотя очень недостаточное, — и это заставляло ихъ одинъ за другимъ уходить. Такъ, наконецъ, они исчезли. Остались только такіе, которые поступили впослѣдствіи въ число охотнаго войска, постоянно державшаго Дорошенкомъ.

Татары, пришедшіе къ Дорошенку на помощь, такъ широко распустили свои загоны, что добѣгали до самой Мотовиловки, угоняя толпами на пути сельскихъ жителей. Изъ Мотовиловки стало опасно не только высылать подъѣзды, но даже выходить людямъ въ поле на работы.

Децикъ просилъ ратныхъ людей на помощь изъ Кіева; наказной гетманъ Ермолаенко также просилъ кіевскаго воеводу оказать помощь Децику; но Децику царскихъ ратныхъ людей не присылали — и, наконецъ, Децикъ самовольно покинулъ Мотовиловку и прибылъ въ Кіевъ. Причину, отчего не присланы были Децику изъ Кіева царскіе ратные люди въ пору, епископъ Меѳодій, бывшій въ то время въ Кіевѣ, объясняетъ дряхлостью и неспособностью кіевскаго воеводы; а изъ отписки второго кіевскаго воеводы, Савлукова, видно, что Децику не подана была помощь оттого, что четырехъ-тысячный отрядъ царскихъ ратныхъ людей, находившихся тогда въ Кіевѣ, терпѣлъ во всемъ крайній недостатокъ и, не получая царскаго жалованья, былъ мало способенъ къ службѣ. Не добившись въ Кіевѣ помощи, Децикъ уѣхалъ въ Переяславъ, а за нимъ и весь его полѣсскій полкъ перешелъ на лѣвую сторону Днѣпра и расположился въ Острѣ, Козельцѣ, Бобровицѣ, Гоголевѣ «на докуку людскую». Ермолаенко былъ очень недоволенъ, зачѣмъ Де-

цикъ оставилъ самовольно все Полѣсье безъ обороны; Ермолаенко посылалъ Децика снова на правую сторону съ своимъ полкомъ. Децикъ не послушалъ. Ермолаенко послалъ козаковъ прилуцкаго полка съ наказнымъ полковникомъ Стычинскимъ занять въ Полѣсьѣ Димеръ — важный пунктъ, гдѣ была переправа, но прилуцкіе козаки также не послушались Ермолаенка.

Децикъ, вышедши изъ Мотовиловки, не сжегъ ее и оставилъ пустою. Вслѣдъ за нимъ командиръ бѣлоцерковскаго польскаго гарнизона, Стахорскій, распорядился накликать туда прежнихъ, вѣрныхъ польскому королю жителей, но кіевскіе воеводы, узнавши объ этомъ, послали рейтаровъ, которые 18-го ноября ночью ворвались въ городъ, зажгли его и истребили мотовиловскихъ людей, только что туда пришедшихъ.

Жители правобережной Украины со дня на день видѣли себя все въ болѣе и болѣе горькомъ положеніи: татары не давали имъ работать на поляхъ, сожигали ихъ жилища, уводили въ полонъ ихъ семейства. Русскіе продолжали переселяться на лѣвую сторону Днѣпра. Въ сентябрѣ изъ Лисянки въ два пріема перешли на лѣвую сторону, въ Переяславъ, толпы съ семействами, покинувъ свое достояніе. Перебѣжчики говорили: «всѣ наши мѣстечки въ тревогѣ, всѣ жители хотѣли бы на лѣвую сторону перебраться; у насъ татары весь хлѣбъ на полѣ потравили, и народъ питается только дикими грушами». Поставленные въ Каневѣ козацкіе полковники доносили: «бѣдные люди отъ мучителей безпрестанно, какъ овцы, на лѣвую сторону бѣгутъ» [1]). — «Посылаемъ каждый день подъѣзды, да видимъ, что и посылать-то ужь будетъ скоро не для чего: въ городкахъ счетомъ люди

[1]) А. Ю. З. Р. VI, 63.

остались; толпами бѣгутъ пѣшіе на лѣвую сторону въ наши городы и всѣ наги, отъ непріятелей въ конецъ обнажены» [1]). Но и на лѣвой сторонѣ не давали враги малороссіянамъ покоя. Дорошенко, раздѣлавшись съ Дрозденкомъ, послалъ универсалъ въ лѣвобережные полки, совѣтуя признать себя гетманомъ и подчиниться польскому королю, а потомъ стали дѣлаться съ праваго берега на лѣвый и вооруженные набѣги, окончившіеся счастливо для лѣвобережныхъ. Начальные люди въ Малороссіи опасались, чтобъ Дорошенко съ ордою не кинулся на лѣвую сторону, разсчитывая на отсутствіе тамъ гетмана. Ермолаенко, находясь въ Каневѣ, писалъ въ Москву къ гетману, что козацкіе начальники перестанутъ его слушаться и самовольно покинутъ Каневъ, какъ только Дорошенко покусится воевать лѣвую сторону. Епископъ Меѳодій изъ Кіева, отъ 30-го октября, писалъ въ Нѣжинъ къ Ракушкѣ (котораго Бруховецкій назначилъ быть войсковымъ дозорщикомъ), чтобъ онъ звалъ гетмана въ Украину. И къ самому гетману въ Москву писалъ епископъ: «нынѣ безъ бытности вашей милости ничего добраго нѣтъ; всякъ въ свой носъ думаетъ» [2]).

Какъ ни безпокоились на лѣвой сторонѣ Днѣпра, ожидая появленія Дорошенка и татарской орды, но не обходилось безъ ссоръ малороссіянъ съ царскими ратными людьми. Въ мѣстечкѣ Котельвѣ и въ Куземинѣ [3]) расположенные на постоѣ у жителей нѣмцы, служащіе въ царскомъ войскѣ, чинили тягости хозяевамъ и даже насиловали ихъ женъ [4]). Такія же самоуправства дѣла-

---

[1]) А. Ю. З. Р. VI, 34.
[2]) Ibidem, 44.
[3]) Мѣстечко полт. губ., зеньковск. уѣзда, при рѣкѣ Ворсклѣ.
[4]) А. Ю. З. Р. VI, 43, 45.

лись въ Переяславѣ и Нѣжинѣ, и когда малороссіяне сопротивлялись насилію, то ратные царскіе люди стращали ихъ побоями и даже смертію. «Всякому» — говорилъ по этому поводу современникъ, — «свое здоровье мило, а какъ станутъ угрожать здоровью — трудно жить» [1]). Въ городѣ Кіевѣ мѣщане безпрестанно не ладили съ царскими ратными людьми, и черезъ то вступали въ пререканія съ воеводами. Въ челобитной, поданной въ августѣ 1665 года, кіевскіе мѣщане жаловались, что царскіе ратные люди захватываютъ торговыя мѣста въ городѣ, рыбныя ловли въ озерахъ около города, забираютъ у промышленниковъ байдаки, челны и рыболовныя снасти, заказываютъ кузнецамъ, бронникамъ, кожевникамъ разныя работы и не платятъ по договору; недовольны были мѣщане и постоями царскихъ ратныхъ людей въ обывательскихъ домахъ, тѣмъ болѣе, что кіевскіе жители не занимались хлѣбопашествомъ и ѣли покупной хлѣбъ, а поэтому кормить ратныхъ людей было для нихъ накладно, жаловались и на тягость подводной повинности. Воевода въ своей отпискѣ въ приказъ объяснялъ, что эти жалобы несправедливы: царскіе ратные люди овладѣвали только такими торговыми мѣстами и угодьями, которыя прежде принадлежали бѣглымъ и стояли впустѣ, подводы же съ мѣщанъ берутся рѣдко, а болѣе всего берутся онѣ съ иногородныхъ торговцевъ [2]). Не только царскими ратными людьми малороссійскій народъ былъ недоволенъ, — заводились ссоры на границахъ съ великороссійскими обывателями. Изъ Конотопа поѣхали козаки въ лѣсъ за дровами; вдругъ изъ путивльскаго уѣзда напалъ на нихъ помѣщикъ,

---

[1]) А. Ю. З. Р. VI, 51.

[2]) Ibidem, 61.

сынъ боярскій, Денисъ Константиновъ съ жителями Вязовской слободы, ограбилъ ихъ, а одного козака, не отдававшаго своихъ лошадей, такъ ударилъ мушкетнымъ дуломъ въ грудь, что козакъ на третій день умеръ. Убійцу поймали и посадили въ тюрьму въ Конотопѣ, но путивльскій воевода потребовалъ прислать его къ нему, и преступникъ остался не наказанъ [1]).

Но у малороссіянъ, кромѣ ссоръ со служилыми великороссіянами, были и между собою сословныя ссоры, по поводу которыхъ они обращались съ челобитными къ воеводамъ или въ малороссійскій приказъ. Такъ, напримѣръ, тѣ же кіевскіе мѣщане жаловались на козаковъ, что они пріѣзжали въ Кіевъ какъ-бы проѣздомъ, слѣдуя къ Мотовиловкѣ, но проживали въ Кіевѣ по мѣсяцу и приводили въ страхъ мѣщанъ, требуя себѣ содержанія и дѣлая хозяевамъ насилія и побои. Кромѣ того, кіевскіе мѣщане жаловались, что самъ гетманъ присылалъ иногда въ Кіевъ козаковъ, которые дозволяли себѣ тамъ самовольства.

VII.

Пріѣздъ Бруховецкаго въ Москву. — Почетный пріемъ, оказанный гетману. — Бракъ его съ княжною Долгоруковою. — Бруховецкій ударилъ челомъ государю всѣми городами малороссійскими. — Бруховецкій пожалованъ бояриномъ, а старшины и полковники произведены въ дворяне. — Жалованныя имъ помѣстья. — Жалованныя грамоты городамъ. — Отъѣздъ Бруховецкаго.

Въ то время, когда происходили въ Украинѣ описанныя событія, Бруховецкій находился въ Москвѣ. Онъ прибылъ въ царскую столицу 11-го сентября 1665 г. Съ нимъ пріѣхали трое духовныхъ особъ, генеральные войсковые старшины: обозный Иванъ Цесарскій, судья Петро

[1]) А. Ю. З. Р., VI.

Забѣла; писари: Степанъ Гречаный и Захаръ Шійкевичъ; асаулы: Богданъ Щербакъ, Василь Ѳедяенко и Павелъ Константиновичъ, бунчужный Юско Шишаковскій, хорунжій Николай Яковенко; полковники: нѣжинскій Матвѣй Гвинтовка, лубенскій Григорій Гамалѣя и кіевскій Василій Дворецкій; 79 сотниковъ, атамановъ, полковыхъ писарей и канцелярскихъ подписковъ, пять человѣкъ посланцевъ отъ городовъ, четыре войта, девять бурмистровъ, райцевъ и писарей, 296 человѣкъ козаковъ и пѣвчихъ (спѣваковъ), 21 человѣкъ мѣщанъ, 106 челядниковъ и хлопцевъ, всего 535 человѣкъ. Со времени присоединенія Малороссіи къ Московскому Государству, въ первый разъ пріѣзжалъ въ столицу и притомъ съ такою большою ассистенціею малороссійскій гетманъ, и былъ онъ въ этотъ разъ принятъ съ большимъ почетомъ, какъ важная владѣтельная особа. У Серпуховскихъ воротъ, за Землянымъ Городомъ, устроена была ему почетная встрѣча; представились назначенные ему приставы: ясельничій Иванъ Аѳанасьевичъ Желябужскій и дьякъ Григорій Богдановъ. Для вступленія гетмана въ столицу отправленъ былъ изъ царской конюшни богатоубранный породистый сѣрый меринъ, осѣдланный бархатнымъ золотнымъ сѣдломъ съ лукою, оправленною позолоченымъ серебромъ, съ турецкимъ чепракомъ, золоченымъ по серебряной землѣ, съ мундштукомъ, украшеннымъ изумрудами и бирюзой. По обычаю, церемонно спрашивали о здоровьѣ гостей, а гости кланялись въ землю въ благодарность за честь, оказанную спросами о здоровьѣ отъ царскаго имени. Всѣ двинулись въ городъ черезъ Москворѣцкій мостъ, на Ильинскій крестецъ, въ построенный тамъ большой посольскій дворъ. Другіе особые приставы были назначены къ старшинамъ и полковникамъ. Приставы, какъ тѣ, что назначены были къ гетману, такъ

и тѣ, что были при старшинахъ и полковникахъ, назначались будто для почета гостямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они были и секретными надзирателями за гостями: что̀ съ ними гетманъ и другіе станутъ говорить, про то имъ велѣно сказывать въ малороссійскомъ приказѣ боярину Петру Михайловичу Салтыкову, завѣдывавшему на то время этимъ приказомъ. Водворивши гетмана и другихъ гостей, приставы должны были всѣмъ доставлять содержаніе по росписи, составленной въ приказѣ.

13-го сентября назначено было представленіе предъ царскую особу. Тогда для торжества на пути, по которому должны были слѣдовать гости, разставлены были двѣ сотни подъячихъ разныхъ приказовъ въ цвѣтныхъ праздничныхъ платьяхъ, шесть ротъ рейтаръ и три приказа стрѣльцовъ.

Пріемъ происходилъ въ столовой палатѣ.

Дьякъ малороссійскаго приказа, Иванъ Михайловъ, являлъ государю, что гетманъ Войска Запорожскаго, подданный его царскаго величества, а съ нимъ старшины и разныхъ полковъ посланцы ему, великому государю, челомъ ударили.

Послѣ этого заявленія, гетманъ говорилъ рѣчь, а потомъ дьякъ оповѣстилъ, что государь жалуетъ всѣхъ и допускаетъ къ своей рукѣ.

Происходило цѣлованіе царской руки. По окончаніи его, дьякъ сказалъ, что царь приказалъ спросить ихъ всѣхъ о здоровьѣ.

Гетманъ и всѣ бывшіе съ нимъ въ знакъ благодарности низко поклонились. Затѣмъ дьякъ заявилъ государю, что гетманъ бьетъ челомъ великому государю подарками. Эти подарки, въ то время объявленные, были: отнятыя у непріятеля двѣ пушки, серебряная булава, принадлежавшая наказному гетману Яненку, отнятая

подъ Бѣлою-Церковью, арабскій жеребецъ, осѣдланный турецкимъ сѣдломъ, украшеннымъ драгоцѣнными камнями, турецкій канчаръ, обсаженный бирюзою, 89 польскихъ плѣнниковъ и 40 чабанскихъ воловъ для царской поварни. Царскимъ сыновьямъ: Алексѣю Алексѣевичу, Ѳедору Алексѣевичу и Симеону Алексѣевичу, явлены были особые подарки: первому — саадакъ, лубья бархата чернаго, вышитаго золотомъ и серебромъ, по мѣстамъ запоны съ яхонтами червчатами (малиновыми) и жеребецъ турецкій; Ѳеодору — рыдванъ, обитый вишневымъ сукномъ и шесть возниковъ (упряжныхъ лошадей); а Симеону — два сѣрыхъ возника съ чубаринами въ яблокахъ.

Объявленіемъ подарковъ окончилась церемонія пріема. Гетманъ и всѣ бывшіе съ нимъ прежнимъ порядкомъ возвратились въ свое помѣщеніе, и вслѣдъ затѣмъ прибылъ туда «степенный ключникъ» хлѣбеннаго дворца со столомъ. Полковники встрѣчали его на нижнемъ, а гетманъ на среднемъ крыльцѣ дома. Пріѣхавшій ключникъ объявилъ, что привезъ государева жалованья — яствы и питье. Гетманъ поклонился до земли. Такая доставка кушанья имѣла значеніе приглашенія гостей къ царскому столу. Постлана была скатерть, поставлены судки, тарелки, ложки серебряныя и ножи, какъ обыкновенно подавалось посламъ иноземнымъ.

Гетманъ обѣдалъ съ нѣжинскимъ протопопомъ, генеральными старшинами и полковниками. Прочіе обѣдали въ другихъ покояхъ. Пили изъ кубковъ фряжскія вина, романею, ренское и меды. Ключникъ подносилъ гетману и собесѣдникамъ его заздравныя чаши; всѣ пили, вставая съ своихъ мѣстъ, и произносили при этомъ весь длинный царскій титулъ; такимъ же порядкомъ пили здоровье трехъ сыновей государя. Соблюдая обычай тогдашней вѣжливости, обѣдавшіе хвалились «государскою милостію»

и изъявляли довольство и благодарность. День былъ постный. Кушанья приготовлены были изъ осетрины, бѣлуги, бѣлорыбицы, стерлядей, карасей, щуки, пироговъ, оладей и левашниковъ съ патокою.

17-го сентября былъ другой такой же приносъ кушанья и питья съ путнымъ ключникомъ Михайломъ Лихачевымъ, по поводу именинъ царевны Софіи; но теперь день былъ скоромный, и столъ изобиловалъ всякаго рода мясными кушаньями: въ нихъ играла главную роль курица въ различныхъ приготовленіяхъ, затѣмъ — лебедь, гусь, утка, баранина, пироги съ мясомъ, сыромъ, яйцами, курники, оладьи, блины, а въ концѣ обѣда, въ видѣ лакомства, поданы были: «тазъ яблочный» и пастила «трубою». Слѣдовало, такъ какъ и прежде, питіе заздравныхъ чашъ, но теперь пили и за бояръ, за гетмана и за все вѣрное войско запорожское. Послѣ стола гетманъ подарилъ доставившему столъ ключнику саблю въ щегольской оправѣ.

Въ этотъ день Бруховецкій поручилъ своему приставу Желябужскому бить челомъ боярину Салтыкову, чтобъ тотъ донесъ его челобитіе государю: «пожаловалъ бы меня, гетмана, великій государь, велѣлъ бы меня женить на московской дѣвицѣ, а не женя — не отпускать изъ Москвы».

Неизвѣстно, внушена ли была гетману такая мысль отъ московскихъ людей, или же онъ самъ возымѣлъ ее, сообразивши, что это будетъ пріятно верховной власти, что въ желаніи малороссійскаго гетмана обзавестись свойствомъ въ Москвѣ увидятъ прочное намѣреніе пребывать непоколебимо въ подданствѣ и въ послушаніи государевой волѣ, и тогда не станутъ въ Москвѣ подозрѣвать, что онъ способенъ пойти по слѣдамъ прежнихъ

гетмановъ, отступавшихъ отъ подданства царю; а о такомъ подозрѣніи ему уже сообщались намеки.

Желябужскій спросилъ гетмана: есть ли у тебя на примѣтѣ невѣста? Дѣвка или вдова тебѣ надобно?

Гетманъ отвѣчалъ: на примѣтѣ нѣту у меня невѣсты, и на вдовѣ жениться у меня мысли нѣтъ. Пусть пожалуетъ меня великій государь — укажетъ мнѣ жениться на дѣвкѣ, а женясь, стану я бить челомъ великому государю: пусть пожалуетъ меня вѣчными вотчинами поближе къ Новгороду-Сѣверскому, чтобъ тамъ женѣ моей жить, и послѣ моей смерти женѣ моей и дѣтямъ по государевой милости было бы прочно.

Желябужскій замѣтилъ: коли твоя жена будетъ тамъ жить, такъ и тебѣ съ нею мѣшкать придется тамъ же; а какъ войску доведется быть въ собраніи, гдѣ ему собираться? да и безъ сбору войска много ли козаковъ нужно при тебѣ для гетманства твоего?

Гетманъ отвѣчалъ: войску собираться можно въ Гадячѣ или въ иномъ мѣстѣ, гдѣ будетъ пристойно по вѣстямъ, а я къ войску стану приходить; при мнѣ же быть можно повсягды человѣкъ съ триста, и теперь у меня такихъ, что мнѣ вѣрны, будетъ человѣкъ со сто. Пожаловалъ бы меня великій государь, указалъ прибавить ко мнѣ московскихъ людей, кѣмъ бы мнѣ отъ всего уберечься. Безъ такихъ людей мнѣ никоими мѣрами нельзя быть въ эти шаткія времена. Меня, гетмана, изневесть хотѣли, погубить, да асаулъ уберегъ: подмѣтя тотъ заводъ (т. е. умыселъ), вѣсть мнѣ учинилъ [1]).

Еще 15-го сентября, сообразивши, чего отъ него особенно въ Москвѣ хотѣли бы, гетманъ уговорилъ старшинъ и полковниковъ, прельстивши ихъ надеждами на

---

[1]) А. Ю. З. Р., VI., 10.

большія царскія милости, «ударить челомъ государю всѣми малороссійскими городами». Подана была имъ о томъ челобитная. Въ отвѣтъ ему поручено было составить статьи и представить боярамъ. 22-го октября такія статьи были представлены боярамъ къ отвѣтной палатѣ и подписаны съ обѣихъ сторонъ. Гетманъ, отъ имени своего и отъ имени старшинъ и полковниковъ, изъявилъ желаніе, чтобъ во всѣхъ малороссійскихъ городахъ всѣ денежные и не-денежные поборы съ мѣщанъ и поселянъ давались въ царскую казну, чтобъ такимъ образомъ туда шли доходы съ кабаковъ, которые слѣдовало завести во всѣхъ большихъ и малыхъ городахъ на горѣлку, размѣры съ мельницъ, дань медовая и доходы съ чужеземныхъ торговцевъ, чтобъ воеводы, съ опредѣленнымъ количествомъ ратныхъ людей, находились въ городахъ: Кіевѣ (ратныхъ 5,000), Черниговѣ (1,200), Переяславѣ (1,200, изъ которыхъ посылать въ Каневъ 500), Нѣжинѣ (1,200), Полтавѣ (1,200), Новгородъ-Сѣверскѣ, Кременчугѣ, Кодакѣ и Острѣ (по 300), съ тѣмъ однако, чтобы воеводы не судили козаковъ и въ имущества ихъ не вмѣшивались. Отдавая поспольство на произволъ Москвѣ, старшины старались выгородить свое козацкое сословіе, обставя его всевозможными льготами [1]). Послѣ подписанія договора, гетманъ и старшины приглашены были къ царскому столу въ столовой палатѣ, и послѣ стола произнесена была къ гетману отъ царскаго имени рѣчь, въ которой одобрялось его поведеніе, восхвалялся онъ за воинскія доблести противъ ляховъ и измѣнниковъ, но болѣе всего за то, что «ударилъ государю челомъ всѣми городами, землями и со всѣми хлѣбными и со всякими доходами». Гетману пожаловали золотную

---

[1]) Собраніе госуд. грам. и договоровъ, IV, 156 — 162.

ферезею, украшенную драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ и горлатную шапку; старшинамъ, полковникамъ и писарямъ дали соболей и суконъ. Гетманъ произведенъ былъ въ бояре, а прочіе пожалованы дворянскимъ достоинствомъ [1]). 31 октября у Ивана Желябужскаго съ гетманомъ происходилъ такой разговоръ.

Гетманъ сказалъ: «доложить великому государю, какъ прикажетъ мнѣ — самому ли видѣться съ княземъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ Долгоруковымъ и о сватовствѣ съ его дочерью договориться, или черезъ кого обослаться? и если договоръ учинится и по рукамъ ударимъ, какой срокъ положить свадьбѣ и отъ кого изъ дома имать, и кто станетъ выдавать, и на который дворъ привезть, и на свадьбѣ у меня кому въ какомъ чинѣ быть? а я бы желалъ, чтобы въ отцовое мѣсто былъ на свадьбѣ у меня бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ. Я о томъ уже билъ челомъ ему, боярину. И въ какомъ платьѣ укажетъ государь быть мнѣ — въ нашемъ ли служиломъ, или въ московскомъ чиновномъ, а ударивши по рукамъ, до свадьбы къ невѣстѣ съ чѣмъ посылаться? По нашему обыкновенію, до свадьбы невѣстѣ посылаютъ серьги, платье, чулки и башмаки. Пусть бы государь указалъ свадьбѣ совершиться въ первой половинѣ ноября».

День свадьбы гетмана неизвѣстенъ. Равнымъ образомъ неизвѣстно: самъ ли гетманъ указалъ на семейство окольничьяго князя Дмитрія Алексѣевича Долгорукова, или же самъ государь нашелъ подручнымъ женить гетмана на княжнѣ Долгоруковой. Послѣ свадьбы гетманъ билъ челомъ государю даровать ему въ потомственное владѣніе со всѣми доходными статьями сотню Шептаковскую, находившуюся въ Стародубскомъ полку, на тотъ

---

[1]) Полное собр. зак., I, 615.

конецъ, чтобъ ему, гетману, и женѣ его, и дѣтямъ, если таковыхъ Богъ дастъ, было всегдашнее особое прибѣжище, кромѣ Гадяча, такъ какъ послѣднiй, бывшiй въ то время резиденцiей Бруховецкаго, былъ приписанъ къ гетманской булавѣ и могъ всегда составлять достоянiе того, кто былъ на гетманскомъ урядѣ. Кромѣ Шептаковской волости, выпросилъ Бруховецкiй себѣ во владѣнiе мельницы на Ворсклѣ, дворъ въ Переяславлѣ и дворъ въ Москвѣ на случай прiѣзда въ столицу. Лохвица и Роменъ съ волостьми опредѣлялись на войсковую армату (артиллерiю).

Новопроизведеннные дворяне, старшины и полковники получили по ихъ челобитью маетности [1]). Другимъ отсутствующимъ полковникамъ: черниговскому Многогрѣшному, прилуцкому Горленко, полтавскому Витязенку, миргородскому Апостоленку, стародубскому Остранину и генеральному писарю Степану Гречаному, также дано дворянство и пожалованы маетности [2]). Гетманъ билъ челомъ за войтовъ и мѣщанъ, которые находились тогда въ Москвѣ и просилъ выдать ихъ городамъ жалованныя граматы на тотъ конецъ, чтобъ малороссiйское поспольство, видя къ себѣ милость государя, утвердилось въ подданствѣ [3]). Тогда выданы были жалованныя граматы на маетности и мельницы переяславскому протопопу, каневскаго Успенскаго монастыря игумену, гадячскимъ

---

[1]) Судья Забѣла — села: Обтовъ, Ревутинцы, Лучишки, Погорѣловку, Ковенки; войсковой писарь Шiйкевичъ — Покурницу и Ковчинъ; полковники: кiевскiй Дворецкiй — Серединку, Надиновку и Бурки; нѣжинскiй Гвинтовка – село Нехаевку; лубенскiй Гамалѣя — Хорутовку и Хицы, а переяславскiй Ермолаенко, оставленный наказнымъ гетманомъ — городъ Домонтовъ надъ Днѣпромъ.

[2]) А. Ю. З. Р., VI, 15.

[3]) Полное Собр. Зак., I, 633.

и любечскимъ мѣщанамъ [1]), Печерскому монастырю — грамата на владѣніе мѣстечкомъ Смѣлымъ съ четырьмя деревнями, и городамъ: Кіеву, Переяславу, Нѣжину, Каневу, Чернигову, Почепу, Гадячу, Стародубу, Козельцу и Остру — граматы, подтверждавшія ихъ, уже прежде бывшія у нихъ, магдебургскія права и привилегіи, обѣщалось мѣщанамъ этихъ городовъ царское милостивое жалованье и призрѣніе, а доходы хлѣбные и денежные назначалось собирать и отдаватъ въ казну впредь воеводамъ и приказнымъ людямъ [2]).

Угождая всѣми способами Москвѣ, Бруховецкій готовъ былъ бить челомъ о всемъ, что́, по его соображеніямъ или быть можетъ по прямому внушенію отъ москвичей, московскому правительству пришлось бы по вкусу. Такъ, онъ просилъ, чтобы въ Кіевъ присланъ былъ изъ Москвы русскій святитель и малороссійское духовенство не зависѣло бы отъ митрополита кіевскаго, утвержденнаго властію польскаго короля. Это очень понравилось московскому правительству, потому что такимъ способомъ въ его волю отдана была бы важнѣйшая сторона общественнаго строя въ Малороссіи. Но съ обычною московскою осторожностію на это гетману данъ былъ такой нерѣшительный отвѣтъ: о такомъ важномъ предметѣ будетъ учинена ссылка съ цареградскимъ патріархомъ, и, смотря по отвѣту, какой получится отъ патріарха, учиненъ будетъ царскій указъ [3]).

Малороссіяне, посѣтившіе тогда съ гетманомъ Москву, были обласканы и могли возвратиться на родину съ пріятнымъ впечатлѣніемъ, но не такая судьба постигла

---

[1]) А. Ю. З. Р., VI., 15.
[2]) Полн. Собр. Зак., I, 622.
[3]) Ibidem, 613.

одного изъ нихъ, писаря Захара Шійкевича. Былъ пиръ у князя Юрія Алексѣевича Долгорукова, куда приглашены были гетманъ и малороссійскіе старшины. Шійкевичъ, подпивши, началъ браниться съ переяславскимъ протопопомъ Бутовичемъ, назвалъ его «брехуномъ» (лжецомъ) и замахнулся на него ножомъ. Протопопъ отнялъ у него ножъ, Шійкевичъ замахнулся на протопопа вилкою, и тутъ же, разгорячившись, началъ «лаять» позорными словами и судью, и полковниковъ. Послѣ такого безобразія, войсковой арматный есаулъ Щербакъ подалъ на Шійкевича челобитную въ такомъ смыслѣ: войску запорожскому чинятся отъ него налоги и тягости, бьетъ и увѣчитъ людей невинно и ставится пышнѣе боярина и и гетмана; гетманъ съ своей стороны доносилъ, что Захаръ билъ Ивана Сербина и двухъ подписковъ канцелярскихъ и одному изъ нихъ голову повредилъ. Шійкевичъ, по желанію гетмана, былъ сосланъ въ Сибирь.

Замѣчательно, что бывшіе около гетмана при первой же возможности покушались тайно вредить ему въ высшихъ кругахъ московскаго правительства. Кіевскій полковникъ Дворецкій по секрету говорилъ Желябужскому: «гетмана выбрали полковники, и онъ ими только держится, а простые козаки его не любятъ. Теперь наши говорятъ, будто я его наустилъ жениться въ Москвѣ. Боюсь, что про меня такъ будутъ говорить козаки. Пусть бы государь указалъ гетману о всякихъ дѣлахъ съ нами говорить, а не говоря съ нами — не велѣлъ бы ему ничего начинать [1]). Между тѣмъ, тотъ же Дворецкій, такъ исподтишка отзывавшійся о гетманѣ, заискивалъ расположенія Бруховецкаго и просилъ дозволенія женить сына своего на гетманской свояченицѣ. Въ пра-

---

[1]) А. Ю. З. Р., VI., 16.

вахъ того вѣка было наговаривать на сильныхъ и въ то же время искать у нихъ милости и благосклонности. Такъ относились старшины и полковники къ своему гетману, такъ и гетманъ раболѣпно, но двулично, относился къ московской верховной власти, что́ и доказалъ впослѣдствіи.

На отпускѣ своемъ, Бруховецкій еще получилъ на 400 руб. соболей, протопопъ — на 300 руб. лисицъ, старшинамъ и полковникамъ, всего двадцати человѣкамъ дано по сорока соболей, въ 80 руб. каждый со́рокъ, а козаки и прочіе, въ числѣ 296-ти, получили по парѣ соболей въ 3 рубля; нѣкоторые же еще по другой парѣ въ 2 рубля. Кромѣ того, гетманъ, старшины и полковники на прощанье получили по кубку, по куску шелковыхъ матерій и по куску англійскаго сукна. 20-го декабря оставилъ Москву гетманъ со всею своею ассистенціею, въ сопровожденіи пристава Леонтьева, которому указано было проводить гостей до Путивля и наблюдать, чтобъ русскіе люди не дѣлали обидъ малоросіянамъ, а малороссіяне — русскимъ людямъ на всемъ пути своемъ.

VIII.

Высокомѣріе Бруховецкаго. — Доносы его въ Москву на нѣкоторыхъ лицъ. — Корыстолюбіе гетмана. — Народныя своевольныя купы. — Пререканія гетмана съ великорусскими воеводами. — Пререканія съ епископомъ Меѳодіемъ по вопросу зависимости малороссійской церкви отъ Москвы. — Объясненія Меѳодія и кіевскихъ духовныхъ съ бояриномъ Шереметевымъ. — Меѳодій хочетъ настроить Шереметева противъ Бруховецкаго. — Заступничество Меѳодія за кіевскихъ мѣщанъ предъ Шереметевымъ. — Дьякъ Евстратъ Фроловъ. — Козни кіевскаго полковника Дворецкаго противъ гетмана.

Важнымъ и грознымъ человѣкомъ воротился въ Украину Иванъ Мартыновичъ Бруховецкій, обласканный московскою властію съ небывалымъ для козака титуломъ

боярина-гетмана. Тотчасъ въ Украинѣ началъ онъ показывать свою силу и вліяніе, какое пріобрѣлъ въ столицѣ. Писаря Шійкевича спровадилъ онъ въ Сибирь, еще будучи въ Москвѣ; теперь, по возвращеніи, такая же судьба постигла войскового судью Юрія Незамая. Еще прежде, когда Бруховецкій находился въ Каневѣ, Незамай безъ приказанія гетмана выдалъ проѣзжій листъ женамъ пяти каневцевъ, навлекшихъ на себя гнѣвъ гетмана; за это Бруховецкій тогда же поколотилъ судью и приказалъ заковать въ кандалы, а по возвращеніи своемъ изъ столицы отправилъ въ Москву, откуда Незамай былъ сосланъ въ Казань [1]). И другихъ лицъ, на которыхъ гетманъ имѣлъ подозрѣніе, упряталъ онъ тѣмъ же путемъ. Такъ, онъ отправилъ съ Огаревымъ въ Москву какихъ-то пять колодниковъ, потомъ оговорилъ передъ верховнымъ правительствомъ лубенскаго полковника Гамалѣю, бывшаго овручскаго полковника Децика и какого-то Карпа Давидовича, приказавши въ то же время взять ихъ подъ стражу. Онъ писалъ также на Дмитрашку Райчу. Этотъ человѣкъ, родомъ волохъ, прибылъ въ Украину съ ватагою волоховъ и служилъ у Дрозденка; не покорившись Дорошенку, послѣ паденія Дрозденка, перешелъ онъ съ волошскою ватагою въ 500 человѣкъ на лѣвый берегъ Днѣпра и получилъ дозволеніе жить въ глуховскомъ уѣздѣ. Теперь гетманъ указывалъ на его неблагонадежность, просилъ услать его въ Смоленскъ; но малороссійскій приказъ велѣлъ отправить Дмитрашку Райчу въ заднѣпровскіе украинскіе города и сообщилъ гетману, что онъ можетъ судить всѣхъ по своимъ войсковымъ правамъ, а присылать въ Москву можетъ только такихъ, отъ которыхъ «чаетъ какого-ни-

---

[1]) А. Ю. З. Р., VI, 78.

будь дурна», когда они останутся на свободѣ въ малороссійскомъ краѣ.

Бруховецкій своимъ челобитьемъ о введеніи воеводъ и великороссійскаго управленія въ Малороссіи угождалъ Москвѣ, но это въ сущности отнимало у самого гетмана его выгоды, такъ какъ гетманъ долженъ былъ воеводамъ уступить важную часть управленія въ Украинѣ. Теперь Бруховецкій хотѣлъ по-крайней-мѣрѣ воспользоваться временемъ, пока не пріѣдутъ воеводы, и выбрать для себя и для своихъ козацкихъ старшинъ по возможности больше съ мѣщанъ и съ поспольства поборовъ въ тѣхъ статьяхъ, которыя должны будутъ перейти въ вѣдѣніе воеводъ. Подначальные гетману старшины и полковники принялись, по приказанію гетмана, за такіе сборы, сопровождаемые грабежами, насиліями и побоями. Гетманъ обложилъ имѣнія духовенства и монастырей подъ предлогомъ составленія описи доходныхъ статей, отнималъ подъ разными предлогами у многихъ владѣльцевъ угодья и мельницы; жалобы и ропотъ дошли до кіевскаго воеводы Петра Васильевича Шереметева, только-что занявшаго въ Кіевѣ мѣсто князя Львова, и Шереметевъ сдѣлалъ запросъ гетману: на какомъ основаніи производятся сборы со статей, неподлежащихъ гетманскому вѣдомству? Гетманъ заперся, отвѣчалъ, что сборы собираются самовольно безъ его вѣдома; и что онъ послалъ по городамъ универсалы, приказывая, чтобы никто не собиралъ на него «стацій» (сборовъ), а собирались бы онѣ въ свое время въ казну великаго государя. Между тѣмъ въ Кіевѣ пріѣхавшему царскому дьяку Евстрату Фролову говорили епископъ Меѳодій и кіевскій полковникъ Дворецкій, а за ними вслѣдъ повторялъ то же и Шереметевъ: надобно, чтобъ переписчики доходныхъ статей по государеву указу поспѣшили въ Малую Россію; мѣ-

щане рады будутъ и безъ отговорокъ станутъ вносить доходы въ казну государеву, лишь бы козацкимъ старшинамъ и козакамъ до нихъ не было дѣла. А если переписчики не прибудутъ до Семена-дня, чтобъ переписать людей и угодья, съ чего доведется брать доходы въ царскую казну, то гетманъ, полковники и старшины всѣ доходы отберутъ на себя, а мѣщанъ и всѣхъ малороссійскихъ жителей оставятъ на цѣлый годъ нагими и пограбленными. И въ народной громадѣ стало высказываться уже въ это время враждебное настроеніе къ Бруховецкому, на котораго, во время избранія его въ гетманы, смотрѣли какъ на защитника бѣдныхъ противъ богатыхъ, простыхъ противъ знатныхъ. Въ разныхъ мѣстахъ, по городамъ и селамъ, собирались своевольныя «купы»; такая купа собралась недалеко отъ мѣстопребыванія гетмана, въ гадячскомъ повѣтѣ, подъ начальствомъ прибывшаго туда изъ слободскихъ полковъ Ивана Донца, и гетманъ приказалъ ее разогнать, за что получилъ изъ Москвы похвалу.

Болѣе всего не ладилось у гетмана съ великороссійскими воеводами. На Шереметева писалъ въ приказъ Бруховецкій, будто тотъ приказалъ вывести козаковъ изъ города Димера и вмѣсто нихъ поставилъ тамъ залогу (гарнизонъ) изъ царскихъ ратныхъ людей, которые не могли устоять, — пришли изъ Бѣлой-Церкви поляки, побрали въ плѣнъ ратныхъ людей и овладѣли Димеромъ. Шереметевъ по этому поводу объяснялъ, что онъ вовсе не выводилъ козаковъ изъ Димера, не ставилъ туда залоги изъ своихъ людей, неизвѣстно ему, по чьему приказанію вышли козаки изъ Димера, никого изъ ратныхъ царскихъ людей не брали въ плѣнъ и не убивали поляки. Бруховецкій доносилъ, что лихіе люди прельщаютъ Шереметева лукавыми словами и ссорятъ съ гетманомъ, а

Шереметевъ возражалъ, что все это неправда, никто его съ гетманомъ не ссоритъ, а самъ гетманъ «зѣло корыстенъ», облагаетъ поспольство всякими поборами, — Шереметевъ повѣрилъ собирать на государя проѣзжую пошлину на перевозѣ у Переяслава гречанину Томарѣ, и тотъ собралъ этой пошлины 500 руб., а гетманъ требовалъ, чтобъ Томара привезъ ему въ Гадячъ тысячу руб., но у Томары, не было столько денегъ, и онъ боялся, чтобъ ему «не быть безъ головы» [1]. Не въ ладахъ былъ гетманъ и съ переяславскимъ воеводою Вердеревскимъ: доносилъ, что Вердеревскій былъ жаденъ, бралъ поборы и подъ предлогомъ, что въ какомъ-нибудь городѣ или деревнѣ козакъ, по приказанію воеводы, не шелъ въ войско, посылалъ туда ратныхъ царскихъ людей на становище и приказывалъ собирать съ жителей кормы. На Якова Тимофеевича Хитрова, бывшаго прежде при гетманѣ въ Каневѣ, а потомъ назначеннаго воеводою въ Полтаву, гетманъ доносилъ, что онъ полтавскихъ козаковъ отягощаетъ подводами, забирая лошадей у тѣхъ, которые сами были на службѣ, и оскорбляетъ заслуженныхъ лицъ, бывшихъ прежде полковниками, да и самого тогдашняго полковника ставитъ ни во что, говоря: онъ вашъ полковникъ, а я отъ государя посланъ и болѣе всѣхъ васъ, а вы всѣ подчорты! «У него — писалъ въ Москву гетманъ со словъ полтавцевъ — лучше обхожденіе съ наложницами маіоровъ, чѣмъ съ козацкими женами. Ни въ сѣножатяхъ, ни въ огороженныхъ лугахъ и огородахъ козаки не вольны. Какъ къ нему кто придетъ изъ товарищей, онъ очи имъ тростью выбиваетъ, въ глаза плюетъ, а деньщики, по его приказу, въ шею выталкиваютъ» [2].

---

[1]) А. Ю. З. Р., 94.
[2]) Ibidem, 133.

Недружелюбно относился гетманъ и къ находившемуся при немъ въ Гадячѣ воеводѣ Ѳедору Протасьеву и доносилъ, что тотъ съ умысла, на зло гетману, допускаетъ ратнымъ людямъ обижать малороссіянъ. Въ Гадячѣ, Котельвѣ и иныхъ городахъ не найдется ни одного двора, чтобъ не былъ обокраденъ, а коли поймаютъ вора и приведутъ къ воеводѣ на расправу, такъ онъ не наказываетъ преступника и даже не отнимаетъ у него краденаго имущества. Двухъ козаковъ убили и убійцъ поймали, но никакого сыска и наказыванія имъ не было. Впрочемъ, Протасьевъ въ мартѣ мѣсяцѣ былъ отозванъ.

Бруховецкій и епископъ Меѳодій, какъ мы видѣли, были прежде большіе друзья между собою. Меѳодію не мало обязанъ былъ Бруховецкій своимъ возведеніемъ въ гетманское достоинство. Но по возвращеніи изъ Москвы, между ними, какъ говорится, пробѣжала черная кошка. Оба способны и склонны были заводить козни, доносить, клеветать и рыть другъ подъ другомъ яму. Гетманъ въ Москвѣ увлекся оказанными ему почестями и ласками и надавалъ совѣтовъ и предложеній, которыя должны были повлечь за собою большія перемѣны, не всѣмъ въ Малороссіи пріятныя. Введеніе воеводъ, отнимавшее судъ и расправу отъ козаковъ, еще не могло пока произвести ропота, потому что воеводское управленіе еще не начинало дѣйствовать, а Меѳодій, менѣе чѣмъ кто другой, имѣлъ право упрекать за такое нововведеніе Бруховецкаго, потому что Меѳодій, еще при Выговскомъ, будучи нѣжинскимъ протопопомъ Максимомъ Филимоновичемъ, указывалъ Москвѣ на введеніе воеводскаго управленія, какъ на лучшее средство успокоить край. Но гетманъ, будучи въ Москвѣ, затронулъ и управленіе церкви своимъ совѣтомъ прислать святителя изъ Москвы. По возвращеніи гетмана, Меѳодію сообщилъ объ этомъ Дво-

рецкій, и тутъ Меѳодій увидѣлъ, такъ сказать, узелокъ, за который могъ зацѣпиться и начать козни противъ гетмана. Меѳодій былъ нареченъ блюстителемъ митрополитскаго престола до избранія новаго митрополита, и по его наущенію кіевское духовенство обратилось къ гетману съ просьбою о томъ, что кіевское духовенство желаетъ по своимъ стародавнимъ правамъ и обычаямъ избрать въ митрополиты достойнаго человѣка. Гетманъ отвѣчалъ: «Радуюсь, что вы помышляете, чтобъ митрополія кіевская не пустѣла, не знаю только, такова ли воля будетъ его царскаго величества, чтобъ мысль ваша въ совершенство пришла. Мнѣ въ Москвѣ припоминали постановленныя Богданомъ Хмельницкимъ статьи, чтобы въ малороссійскіе городы, и именно въ Кіевъ, митрополитъ былъ присланъ отъ святѣйшаго патріарха московскаго, и мы со всѣмъ товариствомъ, какъ городовымъ, такъ и низовымъ, которое въ Москвѣ тогда было, на томъ руки приложили; онъ, свѣтъ нашъ великій государь, отправилъ посланниковъ своихъ просить благословенія святѣйшихъ патріарховъ вселенскихъ, и мы должны ожидать ихъ счастливаго возвращенія и присылки къ намъ царскаго указа» [1]).

Получивши такой отвѣтъ, Меѳодій, вмѣстѣ съ архимандритомъ печерскимъ и игуменами кіевскихъ монастырей, 22-го февраля 1666 г., явился къ кіевскому воеводѣ Шереметеву за объясненіями.

— Мы просимъ, — говорилъ Меѳодій, — чтобъ великій государь насъ пожаловалъ, велѣлъ отпустить къ себѣ выбранныхъ нашихъ челобитчиковъ бить челомъ, чтобъ великій государь не приказывалъ у насъ отнимать нашихъ правъ и вольностей.

---

[1]) А. Ю. З. Р., 81.

— Вашихъ правъ и вольностей, — отвѣчалъ Шереметевъ, — великій государь отнимать не мыслитъ, да и отъ кого это вѣдомо вамъ учинилось, будто великій государь изволитъ у васъ отнимать права и вольности?

Епископъ сказалъ:

— Бояринъ и гетманъ написалъ намъ, что указалъ государь быть въ Кіевѣ митрополиту изъ Москвы, а не по стародавнимъ правамъ и вольностямъ нашимъ, не по нашему избранію. Мы состоимъ подъ благословеніемъ святѣйшаго патріарха цареградскаго, а не кого-нибудь другаго, и если быть у насъ митрополиту московскому — тѣмъ права и вольности наши будутъ нарушены.

Шереметевъ сталъ было имъ объяснять, но духовные пришли въ раздраженіе и начали говорить, по выраженію воеводской отписки, «съ большою яростію»:

— Если у насъ быть митрополиту московскому, а не по нашему избранію, такъ пусть ужь его величество велитъ насъ всѣхъ казнить. Мы на это добровольно не поступимся, и только пріѣдетъ къ намъ въ Кіевъ изъ Москвы митрополитъ, мы запремся въ монастыряхъ и не выйдемъ: развѣ насъ за шеи и за ноги выволокутъ! Видимъ мы, каковы у нихъ пастыри: вонъ въ Смоленскѣ архіепископъ Филаретъ права и вольности у духовнаго чина отнялъ, и мѣщанъ и шляхту обзываетъ иновѣрцами, а они не иновѣрцы, но православные христіане! И въ Кіевѣ, какъ будетъ московскій митрополитъ, такъ онъ станетъ всѣхъ кіевскихъ жителей и всѣхъ малороссіянъ обзывать иновѣрцами, и оттого станется въ вѣрѣ расколъ и мятежъ не малый. Намъ лучше смерть принять, чѣмъ допустить въ Кіевѣ московскаго митрополита.

— Вы боитесь напрасно, — сказалъ бояринъ, — такой воли у великаго государя нѣтъ.

Духовные сказали:

— Намъ кажется, у тебя, бояринъ, есть о томъ тайный указъ отъ великаго государя.

Шереметевъ отвѣчалъ:

— Такого указа мнѣ не бывало, и гетманъ объ этомъ ко мнѣ ничего не писывалъ. А вотъ ты, епископъ, говорилъ, что нельзя вамъ быть, когда пришлется московскій митрополитъ: такія слова твои непристойны. Благословлялъ развѣ патріархъ цареградскій васъ противиться волѣ Божіей и государеву указу?... Да ты самъ, епископъ, поставленъ отъ патріарха московскаго!

— Мы бьемъ челомъ, — сказалъ епископъ, — пусть великій государь насъ пожалуетъ, изволитъ указать выбрать намъ самимъ митрополита, а если великому государю угодно, чтобъ митрополитъ былъ подъ благословеніемъ московскаго патріарха, то пусть о томъ изволитъ написать къ цареградскому вселенскому патріарху, нашу челобитную изволь принять въ Кіевѣ о томъ, чтобъ митрополиту кіевскому быть по нашему избранію и по нашимъ стародавнимъ правамъ и вольностямъ, а челобитчиковъ нашихъ отпусти въ Москву къ великому государю.

— Не пристойно мнѣ принять вашу челобитную, потому что это дѣло духовное, а челобитчиковъ въ Москву отправить можете, — сказалъ Шереметевъ.

На другой или на третій день въ Софійской церкви печерскій архимандритъ повторялъ боярину о неумѣстности водворенія московскаго митрополита въ Кіевѣ. Шереметевъ сказалъ ему: «вамъ за то на гетмана не на что гнѣваться, хоть онъ о томъ великому государю и билъ челомъ, сдумавъ себѣ на Москвѣ, но вѣдь онъ чаялъ, что то вамъ угодно будетъ, потому что, по милости Божіей, за слезнымъ челобитьемъ всего малороссійскаго народа, вся Малая Россія присовокупилась къ Ве-

ликой Россіи. Притомъ же, въ этомъ дѣлѣ великій государь спишется съ цареградскимъ патріархомъ, и что̀ патріархъ государю напишетъ, о томъ будетъ данъ царскій указъ!»

Архимандритъ сказалъ: «былъ въ Цареградѣ напередъ сего патріархъ Парѳеній; не восхотѣли его пастыремъ себѣ духовные и міряне, и былъ онъ сведенъ съ престола, а на его мѣсто возведенъ былъ Діонисій, который никогда не желалъ славы міра сего. Нынѣ же прослышали мы, что на патріаршій престолъ возведенъ опять Парѳеній, подкупивши визиря и иныхъ мусульманскихъ сильныхъ правителей. Діонисій, безъ всякаго пренія, престолъ оставилъ. Мы же все Бога молимъ за Діонисія, а не за Парѳенія» [1]).

Архимандритъ далъ понять боярину, что трудно будетъ предать вопросъ о кіевской митрополіи на разрѣшеніе цареградскаго патріарха при томъ настроеніи, въ какомъ находилась тогда православная духовная власть въ Константинополѣ.

Меѳодій, оставшись съ Шереметевымъ въ Софійскомъ соборѣ наединѣ, просилъ у него прощенія за рѣзкія слова.

«Это я говорилъ поневолѣ», объяснялъ Меѳодій: «я поставленъ въ Москвѣ, но малороссійскихъ городовъ духовныя лица упрекаютъ и поносятъ меня за это и теперь и подозрѣваютъ, что это все я въ совѣтѣ съ гетманомъ учинилъ, чтобъ митрополиту кіевскому быть подъ благословеніемъ московскаго патріарха!»

Такимъ образомъ, передъ своими духовными товарищами рисовался Меѳодій защитникомъ старины и горячился противъ московскаго произвола, но, между тѣмъ,

---

[1]) А. Ю. З. Р., 195.

оставлялъ себѣ лазейку представиться, гдѣ и когда нужно будетъ, сторонникомъ Москвы. Меѳодій, очевидно, разсчитывалъ такъ: останется въ митрополіи все по прежнему — онъ будетъ прославленъ охранителемъ старины, а свершится перемѣна — онъ выставитъ себя заранѣе ея первымъ сторонникомъ.

Всѣми способами и при всякомъ случаѣ выказывалъ епископъ свою вражду и къ гетману.

3-го мая, былъ въ печерскомъ монастырѣ обѣдъ, гдѣ находился и пріѣзжавшій изъ Москвы царскій дьякъ Евстратъ Фроловъ. Послѣ обѣда гости отправились въ архимандритскую келію и стали пить здоровье бояръ и окольничьихъ. Евстратъ Фроловъ замѣтилъ, что надобно пить здоровье боярина и гетмана Ивана Мартыновича: «онъ великому государю вѣренъ и съ духовными пребываетъ въ любви и совѣтѣ, и войску запорожскому и всему малороссійскому народу своимъ добронравіемъ и равнымъ разсужденіемъ угоденъ».

На это Меѳодій сказалъ: «онъ злодѣй и недоброхотъ намъ всѣмъ. Будучи на Москвѣ, онъ билъ челомъ великому государю, чтобъ у насъ въ Кіевѣ быть московскому митрополиту, знатно изъ того, что насъ передъ государемъ удаетъ какъ-бы невѣрными. Мы за его здоровье пить не станемъ».

И другіе духовные повторили то же вслѣдъ за епископомъ; нѣкоторые, однако, выпили съ мірянами, какъ видно побаиваясь. Меѳодій продолжалъ:

«Такого гетмана и боярина намъ не надобно. Онъ принялъ на себя одного всю власть, самовольно старшинъ въ колодки сажаетъ и къ Москвѣ отсылаетъ, а здѣшнимъ людямъ смерть не такъ страшна, какъ московская отсылка. Съ мѣстъ полковниковъ смѣщаетъ, а новыхъ насылаетъ безъ войсковаго приговору. Я чаю, заднѣпров-

скіе городы подъ высокую руку его царскаго величества обратились бы, да Бруховецкаго боятся!

Печерскій архимандритъ присовокупилъ:

— Его гетманскаго войска козаки наши монастырскія маетности между Бѣлою-Церковью и Кіевомъ разоряютъ и крестьянъ грабятъ пуще непріятеля, а гетманъ, по нашему письму, не сыскиваетъ и не чинитъ намъ обороны.

Полковникъ Дворецкій, еще прежде въ Москвѣ замышлявшій подставить ногу Бруховецкому, теперь подделывался къ московскому дьяку Фролову и велъ съ нимъ въ этотъ день наединѣ бесѣду. Онъ хвалилъ передъ нимъ епископа Меѳодія и духовенство, а гетмана злословилъ. «Меѳодій епископъ, — говорилъ онъ, — посылалъ въ Чигиринъ уговаривать людей, чтобъ вины свои принесли и учинились подъ высокодержавною рукою великаго государя. Тамошніе жители къ тому склонны, да и Дорошенко говорилъ, что самъ тому радъ, да боится боярина и гетмана: сдѣлаетъ его безъ головы, либо въ Москву отошлетъ» [1]).

На другой день, 4-го мая, пріѣхалъ Меѳодій къ Шереметеву и сказалъ: «бояринъ! вели крѣпить осады въ Кіевѣ и въ другихъ малороссійскихъ городахъ. Быть бѣдѣ великой. Мнѣ о томъ сказалъ чернецъ, котораго я посылалъ въ Полтаву».

— Какой бѣдѣ быть? — возразилъ Шереметевъ: — бояринъ и гетманъ Иванъ Мартыновичъ и старшины, и полковники и всѣ козаки великому государю вѣрны, не отчего быть бѣдѣ!

Епископъ сказалъ:

— Въ Запорожьѣ и въ Полтавѣ шатость великая,

---

[1]) А. Ю. З. Р., 104.

а запорожцы съ полтавцами живутъ совѣтно, словно мужъ съ женою. Бояринa и гетмана всѣ не любятъ: и полковники, и старшины, и козаки и духовенство, — за то не любятъ его, что учалъ дѣлать своенравіемъ: въ Переяславъ, Полтаву и Миргородъ выбралъ полковниковъ безъ посполитой рады, по своей волѣ, а не по стародавнимъ ихъ правамъ; многихъ знатныхъ козаковъ, по наносу, кто на кого что́ нанесетъ, безъ сыску въ Москву засылаетъ».

Шереметевъ отвѣчалъ:

— Бояринъ и гетманъ все дѣлаетъ по вашимъ козацкимъ правамъ; онъ учиненъ гетманомъ и обранъ всѣмъ войскомъ запорожскимъ, а только его перемѣнить — вамъ такого гетмана не выбрать. Развѣ такого выберутъ козаки, что всѣхъ ихъ женъ и дѣтей въ Крымъ задастъ! А что бояринъ и гетманъ кому за вину наказаніе чинитъ, такъ это добро. А хоть и въ Москву кого пошлетъ, что-жь? вѣдь у нашего великаго государя все дѣлается милостивымъ разсмотрѣніемъ. За это на гетмана хулы наносить не-за-что!

Епископъ Меѳодій сказалъ на это:

— Да вѣдь это я говорю не отъ себя; такъ полковники и старшины говорятъ: пусть бы былъ бы онъ гетманомъ у нихъ, только бы нравы свои отставилъ; а то лучше, говорятъ они, имъ смерть принять, чѣмъ ихъ въ Москву будутъ засылать [1]).

И гетманъ тогда въ письмахъ своихъ къ Шереметеву старался очернить епископа. Онъ указывалъ на то, что сынъ Меѳодія, прижитый въ то время, когда архіерей былъ священникомъ, женился на дочери какого-то Дубяги, котораго сыновья служили при польскомъ ко-

---

[1]) А. Ю. З. Р., VI, 99.

ролѣ: «какъ бы отъ нихъ всѣхъ чего-нибудь худого не учинилось», замѣчалъ воеводѣ гетманъ. Шереметевъ отвѣчалъ, что за епископомъ не замѣтилъ еще ничего дурного, а если бы что-нибудь замѣтилъ, то написалъ бы великому государю.

Такъ Шереметевъ замѣчательно ловко уклонялся и отвертывался, когда пытались запутать его въ мѣстныя козни. Личность кіевскаго воеводы высказалась въ эти дни еще въ слѣдующемъ случаѣ. Меѳодій ходатайствовалъ у него за кіевскихъ мѣщанъ, которые просили освободить ихъ отъ военнаго постоя и предлагали воеводѣ «въ почесть» сто рублей, указывая при этомъ, что для ратныхъ людей можно построить избы въ верхнемъ городѣ (замкѣ) на счетъ государевой казны. Шереметевъ не взялъ, но предоставилъ мѣщанамъ на эти деньги построить избы. Мѣщане, чрезъ того же епископа, снова просили принять сто рублей «въ почесть» и пожертвовали другіе сто на постройку избъ. Шереметевъ и на этотъ разъ не взялъ себѣ ничего, но на всѣ двѣсти рублей, предлагаемые мѣщанами, приказывалъ строить избы для царскихъ ратныхъ и тѣмъ избавить мѣщанство отъ постоя въ домахъ. Рѣдкій случай, чтобъ московскій воевода того времени отказался отъ посула.

IX.

Рада у Дорошенка подъ Лисянкою. — Запорожцы требуютъ вывода царскихъ ратныхъ людей изъ Кодака. — Отвѣтъ Шереметева. — Тревога въ лѣвобережной Украинѣ отъ Дорошенка. — Недовольство Бруховецкимъ. — Беседа Бруховецкаго съ царскимъ дьякомъ. — Прибытіе въ Украину воеводъ. — Внезапный указъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій. — Переговоры о мирѣ Россіи съ Польшей. — Нащокинъ. — Покушеніе Дорошенка. — Переписчики. — Бунтъ переяславскихъ козаковъ въ Богушевской слободѣ. — Убійство полковника Ермолаенка. — Нападеніе Дорошенка и татаръ на лѣвую сторону. — Татары подъ Прилуками. — Дорошенко уводитъ татаръ на поляковъ. — Пораженіе Маховскаго. — Разрывъ Дорошенка съ Польшею. — Мысль о подданствѣ Турціи. — Омерзеніе къ Бруховецкому въ народѣ.

На правой сторонѣ Днѣпра Дорошенко сначала заявлялъ себя благожелателемъ польскаго короля. Вскорѣ онъ увидѣлъ, что съ такимъ настроеніемъ не пріобрѣтетъ народнаго признанія за собою власти, неправильно захваченной. Чтобы расположить къ себѣ народъ, надобно было, по народному желанію, самого себя объявить врагомъ поляковъ, и вотъ, февраля 22, онъ собралъ генеральную раду подъ Лисянкою; на этой радѣ было присуждено потребовать отъ ляховъ, чтобы они вышли изъ Украины, а потомъ — заключить дружественный договоръ съ крымскимъ ханомъ и просить его покровительства козакамъ По приговору этой рады, Дорошенко написалъ въ Бѣлую-Церковь польскому коменданту, чтобы ляхи уходили въ Польшу. Такое требованіе не было исполнено: поляки въ Бѣлой-Церкви не чувствовали себя настолько слабыми, чтобы послушаться перваго приглашенія; напротивъ, послѣ того, они стали гонять на работу бѣлоцерковскихъ мѣщанъ и поселянъ дѣлать земляной городъ и даже самихъ козаковъ посылали на работу [1]).

---

[1]) А. Ю. и З. Р., VI, 82, 88, 97.

Дорошенко хотѣлъ залучить на свою сторону Запорожскую Сѣчь, подущалъ запорожцевъ домогаться вывода царскихъ ратныхъ людей изъ Кодака. Опасеніе попытокъ Дорошенка подчинить своей власти лѣвобережную Украину побудило московское правительство обязывать пріѣзжающихъ съ правой стороны Днѣпра на лѣвую по торговымъ дѣламъ — записываться и проживать въ малороссійскихъ городахъ царской державы не иначе, какъ на устроенныхъ для того съѣзжихъ дворахъ, которыми завѣдывали приставленные отъ воеводъ дворяне изъ великороссіянъ. Стали даже недружелюбно смотрѣть на существованіе въ Кіевѣ школъ. Царскій указъ того времени гласилъ, что лучше было бы школъ въ Кіевѣ не заводить, но Шереметевъ писалъ, что нельзя переводить кіевскихъ школъ въ иное мѣсто, потому что кіевляне почтутъ себѣ то въ великое оскорбленіе. Тогда дозволено было въ этихъ школахъ учиться только подданнымъ царя, изъ непріятельскихъ же сторонъ отнюдь никого не принимать.

Печальное положеніе правобережной Украины подвигало жителей покидать свое отечество. За прошлогоднею войною во многихъ селеніяхъ не сѣяли и не пахали полей, съ наступленіемъ зимы настала дороговизна и великая скудость. Поселяне толпами уходили или въ Запорожье, или на лѣвую сторону Днѣпра и уже не возвращались назадъ, а выискивали себѣ иное новоселье. Въ іюнѣ 1666 года Бруховецкій доносилъ государю, что съ правой стороны Днѣпра бѣгутъ люди съ семьями для поселенія подъ высокою державою московскаго государя, спасаясь отъ великаго голода. «Хотя, — выражался гетманъ, — властолюбцы не позволяютъ имъ переселяться, но не могутъ удержать, потому что никому не хочется помирать голодною смертью». Переселенцы говорили,

что имъ совершенно невозможно жить на правой сторонѣ Днѣпра, потому-что поляки, хотя ихъ было тогда тамъ и немного, грабятъ, разоряютъ и ругаются надъ ними.

Но и въ краѣ, управляемомъ Бруховецкимъ, и послѣ возвращенія его изъ Москвы, какъ до его поѣздки туда, не было внутренняго довольства. Ненависть къ гетману росла по мѣрѣ утвержденія его власти. Въ обращеніи съ подчиненными онъ сталъ теперь грубъ, надмененъ. Приходъ къ нему тяжекъ,—говорили про него козаки. Лукавъ онъ былъ и лживъ; ни въ чемъ нельзя было на него положиться, никакъ не возможно было къ нему примѣниться: сегодня онъ къ человѣку добръ и милостивъ, а завтра придерется, поколотитъ, закуетъ въ кандалы, забьетъ въ колодки, или, что казалось всего страшнѣе, въ Москву зашлетъ. Козакамъ не нравилось до омерзѣнія и его боярство, и возведеніе въ дворянское достоинство старшинъ и полковниковъ. «У насъ, — твердили они — съ предковъ бояръ и дворянъ не бывало, всѣ мы равны, а онъ заводитъ новый образецъ, и вольности наши отъ насъ отходятъ». Недовольство противъ гетмана питалось и поддерживалось поборами, а ихъ тягость увеличивалась отъ наглости и алчности довѣренныхъ отъ гетмана особъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недовольные говорили: «убѣжимъ въ Запорожье; за нами изъ разныхъ городовъ и мѣстечекъ стекутся люди въ Запорожьѣ, а оттуда пойдемъ всѣ на гетмана и скинемъ его съ гетманства». Еще не успѣли въ Малороссію съѣхаться всѣ воеводы съ ратными людьми, а уже непріязнь и къ нимъ стала высказываться голосно. Козаки называли великороссіянъ злодѣями и жидами; полковники, разсердившись, не стѣснялись передъ великороссійскими начальными людьми и говорили такія угрожающія слова:

«вотъ козаки заведутъ гиль (мятежъ) и васъ всѣхъ отсюда погонятъ». Тѣ козацкіе старшины, которые получили дворянское достоинство, не только не смѣли чваниться имъ, но должны были притворяться передъ козацкою громадою, что не дорожатъ новопріобрѣтеннымъ саномъ. Переяславскій полковникъ Ермолаенко твердилъ: «мнѣ дворянство не надобно; я по старому козакъ». Замѣчалъ онъ, что пожалованный ему Домонтовъ приноситъ мало доходу, но при этомъ прибавлялъ: — мнѣ взять съ нихъ нечего, да мнѣ и не надо: у насъ съ предковъ того не повелось, чтобъ жаловали намъ владѣнья. Этотъ человѣкъ, передъ воеводою Переяславскимъ Вердеревскимъ, упрекалъ гетмана за корыстолюбіе, жаловался, что изъ ратуши ему надобно все доставлять, что онъ прикажетъ. Но самъ полковникъ не изъятъ былъ отъ жадности. По извѣстію Вердеревскаго, во всемъ Переяславскомъ полку, ему и его полковымъ старшинамъ шла десятая рыба съ рыбныхъ промышленниковъ, а изъ ратуши, по всякъ день, вино, пиво, медъ и всякій харчъ. Вердеревскій доносилъ, что замѣчаетъ въ переяславскомъ полковникѣ признаки шатости, а Ермолаенко Бруховецкому писалъ доносы и на переяславцевъ, и на Вердеревскаго. Гетманъ передъ царскимъ дьякомъ Евстратомъ Фроловымъ такъ описывалъ вообще малороссіянъ: «Мнѣ Ермолаенко доноситъ, что въ Переяславѣ выростаетъ злой умыселъ на смуту отъ какихъ-то своевольныхъ людей, которые до бунтовъ и до шарпанины охочи, работать и землю пахать и собою жить лѣнивы, а это все идетъ изъ Запорожья. Я крѣпко тому запобѣгаю, чтобъ огонь далѣе не разгорѣлся, но уразумѣваю, что такіе голоса проявляютъ козаки оттого, что видятъ въ малороссійскихъ городахъ при воеводахъ малолюдствіе. Пусть бы великій государь указалъ въ нашихъ городахъ рат-

ныхъ людей прибавить! А то, вѣдь, люди у насъ худоумные и непостоянные, одинъ какой-нибудь плевосѣятель возмутитъ многими тысячами; хотя сами сгинутъ, а до лиха дойдутъ и успокоивать ихъ будетъ трудно, затѣмъ что непріятель подъ бокомъ, да и запорожцы стоютъ непріятеля! Они желательны, какъ бы добрыхъ людей разорять и, нашарпався чужихъ набытковъ (награбивши чужгао достоянія), всякому бы старшинство доступить; а на Запорожьѣ нынѣ болѣ заднѣпрянъ. Да и съ духовенства не всякому надобно довѣрять; горазды они ссорить и возмущать отъ латинской своей науки, коли на кого нелюбіе положатъ».

Вѣрно понималъ Бруховецкій дѣйствительное положеніе малороссійской общественной жизни своего времени. Теперь передъ великороссіяниномъ обличалъ онъ тотъ коварный путь, по которому прошедши, достигъ самъ верховной власти въ малороссійскомъ краѣ.

Воеводы, назначенные въ малороссійскіе города, приходили съ небольшимъ числомъ ратныхъ: съ миргородскимъ воеводою пришло всего 30 человѣкъ. Бруховецкій жаловался на это, не находилъ удобнымъ также и то, что воеводы: миргородскій, лубенскій и прилуцкій, пріѣхали безъ семействъ и тѣмъ самымъ какъ будто показывали, что прибыли на короткое время, на-легкѣ. «А было бы хорошо», — замѣчалъ Бруховецкій въ своей граматѣ къ царю — «если бы они пріѣхали съ семьями и со всѣмъ домоводствомъ. Тогда жители здѣшніе, видя на всемъ воеводствѣ ихъ цѣлое житье, отъ того лучше крѣпились бы и въ отчаянье не приходили.»

Въ концѣ мая, Бруховецкій выслалъ полковниковъ — черниговскаго Демка Многогрѣшнаго и стародубскаго Леска Остренина къ Гомелю противъ польскаго полковника Мурашки, который то и дѣло безпокоилъ сѣ-

верные предѣлы Малороссіи. За ними вслѣдъ гетманъ велѣлъ отправиться Дмитрашкѣ Райчѣ [1]) съ своими хоругвями волоскаго товарищества; туда же направилъ Бруховецкій пѣхотныя сборныя сотни, которыя самовольно столпились на пограничьи Украины со стороны Запорожья: гетманъ опасался, чтобъ эти своевольцы, искавшіе вообще какого-нибудь удалаго подвига, стакавшись съ запорожцами, не затѣяли произвести безпорядковъ въ Малороссіи, а потому поспѣшилъ дать имъ занятіе по ихъ нраву. Вдругъ въ іюнѣ мѣсяцѣ явился къ гетману царскій гонецъ съ указомъ прекратить военныя дѣйствія противъ Польши и никакихъ задоровъ и зацѣпокъ съ поляками не чинить.

Въ Бѣлоруссіи, въ селѣ Андрусовѣ, происходили съѣзды уполномоченныхъ со стороны Польши и Россіи съ цѣлью заключить миръ. Еще въ 1664 году, послѣ похода короля подъ Глуховъ, начались попытки къ установленію мира. Лѣтомъ этого года съѣзжались послы двухъ воюющихъ державъ въ мѣстечкѣ Дуровичѣ, ничего не постановили и разошлись. Ограничились тогда только восьмимѣсячнымъ перемиріемъ и назначили съѣхаться снова на слѣдующій годъ въ іюлѣ. Заключеніе полнаго мира сразу оказалось и тогда невозможнымъ: поляки презирали московскую силу, были охмѣлены славою своихъ успѣховъ и не хотѣли мириться иначе, какъ возвративъ себѣ все, чтó въ несчастныхъ обстоятельствахъ должны были потерять. Сношенія о мирѣ съ Москвою начались потомъ снова не ранѣе весны 1666 года. Теперь поляки должны были сдѣлаться нѣсколько податливѣе, такъ какъ

---

[1]) Онъ, какъ видно, не былъ прежде отправленъ въ заднѣпровскую Украину по приказанію малороссійскаго приказа, вѣроятно послѣ отмѣненному.

у нихъ вспыхнуло междоусобіе короля съ Любомирскимъ. Замѣчательно, что Любомирскій, тотъ самый, который одержалъ вмѣстѣ съ Чарнецкимъ чудновскую побѣду надъ Шереметевымъ и русскими войсками, теперь искалъ союза съ московскимъ царемъ противъ польскаго короля и предлагалъ своего сына въ службу царю московскому въ тѣхъ видахъ, что московскій государь дастъ ему въ Украинѣ два города съ обязательствомъ защищать край противъ татаръ и поляковъ. Изъ такой попытки не вышло ничего, но это обстоятельство показываетъ, что московская сторона поставлена была гораздо лучше, чѣмъ прошлый годъ. Къ сожалѣнію, вести дѣло примиренія съ Польшею поручено было царскому любимцу Аѳанасію Лаврентьевичу Ордыну-Нащокину съ товарищами Богданомъ Нащокинымъ и дьякомъ Григорьемъ Богдановымъ. Ордынъ-Нащокинъ принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ московскимъ людямъ, которые нѣсколько окропились брызгами западной образованности. Ордынъ-Нащокинъ отличался расположеніемъ къ полякамъ и готовъ былъ уступить Польшѣ многое, если не все, чего требовали поляки. Онъ козаковъ ненавидѣлъ и презиралъ. О достоинствѣ собственнаго народа Нащокинъ имѣлъ такое неуважительное мнѣніе, что считалъ большимъ благодѣяніемъ для Россіи имѣть въ войскѣ польскихъ плѣнниковъ на службѣ, признавая польскихъ воиновъ достойнѣе русскихъ. Притомъ онъ находился подъ вліяніемъ благочестія; ему претила война христіанскихъ народовъ между собою; желанною его цѣлью было когда-нибудь устроить союзъ христіанскихъ державъ противъ мусульманъ. Царь Алексѣй Михайловичъ, хотя былъ лично друженъ съ этимъ человѣкомъ, но во взглядахъ своихъ не совсѣмъ съ нимъ сходился. Благочестивый православный царь ставилъ себѣ идеаломъ независимое торжествующее положеніе право-

славной церкви; онъ не желалъ сдаваться на уступки полякамъ, опасаясь именно того, чтобы храмы православные и монастыри не попали подъ власть католичества. «Собакѣ недостойно ѣсть единаго куска православнаго», выражался онъ. разумѣя владѣніе поляковъ западно-русскимъ краемъ, гдѣ оставалось въ силѣ православное богослуженіе. Царь Алексѣй Михайловичъ поручалъ Нащокину дѣйствовать, ради образа Пресвятой Богородицы и какихъ-то чудесъ, «содѣявшихся отъ него въ видѣніи орла» [1]). Онъ соглашался уступить Польшѣ и Украину праваго берега, но пытался оставить за собою Кіевъ и пять или шесть верстъ въ окружности отъ него, чтобы подъ его царскою властію оставались православные монастыри. Съ такими предвзятыми желаніями приступили къ переговорамъ съ поляками, и тогда-то посланъ былъ указъ въ Гетманщину прекратить всякія зацѣпки съ поляками. Сообразно этому указу, Бруховецкій послалъ универсалъ къ отправленнымъ подъ Гомель полковникамъ и приказывалъ всѣмъ разойтись по домамъ своимъ; вмѣстѣ съ тѣмъ по всей Малороссіи давалось приказаніе нигдѣ не задираться съ ляхами, а всѣмъ торговымъ людямъ дозволялся свободный въѣздъ въ Малороссію и выѣздъ изъ нея [2]). Но трудно было исполнить царскую волю и прекратить драки по всей Украинѣ, такъ какъ съ правой стороны Днѣпра ихъ прекращать не думали. Чигиринцы и черкассцы, соединясь съ татарами и съ нѣкоторыми поляками, переправились черезъ Днѣпръ и дѣлали набѣги подъ Миргородъ, Горошинъ, Боромлю; на правой же сторонѣ Днѣпра они безпокоили Каневъ, признававшій еще власть лѣвобережнаго гетмана; потомъ и самъ До-

---

[1]) Соловьевъ, т. XI, стр. 229 — 243.

[2]) А. Ю. и З. Р., VI, 120.

рошенко, присоединивши къ своимъ козакамъ чигиринскихъ ляховъ, состоявшихъ подъ командою коменданта Жебровскаго, и своихъ постоянныхъ союзниковъ татаръ, переправился черезъ Днѣпръ, въ селѣ Вороновкѣ, за 15 верстъ отъ Кременчуга, и отправилъ подъ Кременчугъ своихъ сборныхъ людей; но противъ нихъ въ Кременчугѣ были козацкіе полки гадяцкій и миргородскій, а къ нимъ примкнулъ Косаговъ съ царскими ратными людьми: они прогнали заднѣпрянъ и татаръ. Дорошенко послѣ такой неудачи ушелъ на судахъ за Днѣпръ и послалъ къ польскому королю извѣстіе, что вотъ теперь пришло время чинить промыселъ надъ малороссійскими городами лѣвой стороны Днѣпра, потому что люди тамъ живутъ въ оплошку; онъ просилъ прислать войска. Король отвѣчалъ, что уже съ царемъ начались переговоры о мирѣ. и война пріостановлена. Это разсердило Дорошенка. «Мнѣ», говорилъ онъ тогда, «дано гетманство не отъ польскаго короля, а отъ крымскаго хана, такъ пусть же и надежда у меня будетъ на хана». Съ тѣхъ поръ у Дорошенка возникла мысль искать опоры для Украины въ мусульманскомъ мірѣ. Не повинуясь болѣе королевской волѣ, онъ писалъ крымскому хану, призывая на помощь орду, чтобъ очистить Кременчугъ отъ козаковъ Бруховецкаго. Не безъ основанія Бруховецкій представлялъ тогда государю, что если распустить всѣ полки въ чаяніи примиренія съ Польшею, и если, такимъ образомъ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра не будетъ войска въ сборѣ, то непріятель можетъ большими силами напасть на малороссійскій край.

И тѣ козаки, которые отправлены были къ Гомелю, не спѣшили уходить назадъ по гетманскому приказу: польскіе уполномоченные, ѣхавшіе на мирные переговоры, присылали къ Нащокину жалобу, что, хотя по договору

войска съ обѣихъ сторонъ должны быть разведены, однако подъ Гомелемъ стоятъ царскіе подданные козаки обозомъ, и устраиваютъ шанцы, а около Слуцка воюютъ другіе козаки, письма пословъ перехватываютъ и все больше и больше прибываетъ къ нимъ военной силы. Снова отправленъ былъ гонецъ къ гетману съ подтвердительнымъ указомъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій; снова Брюховецкій 27-го іюня послалъ своимъ полковникамъ приказаніе разойтись; но 5-го іюля полномочные послы опять донесли въ Москву, что козаки воюютъ около Кричева и около Слуцка, Глуска, Тупика и Пинска; польскіе коммиссары указывали на это явленіе, какъ на нарушеніе польскаго договора и крестнаго цѣлованія съ московской стороны. Тогда къ гетману посланъ былъ стряпчій Иванъ Свіязевъ; онъ повезъ третій царскій указъ — отправить вмѣстѣ съ московскимъ посланцемъ гетманскихъ посланцевъ произвести сыскъ надъ ослушниками, а самому издать универсалъ, воспрещая, подъ страхомъ смертной казни, дѣлать зацѣпки съ ляхами. Черезъ нѣсколько времени Брюховецкій отвѣтилъ, что онъ посылалъ универсалы къ полковникамъ, отправленнымъ подъ Гомель, и тѣ прекратили всякіе задоры.

Но отъ Дорошенка не прекращались непріятельскія дѣйствія. Послѣ неудавшагося покушенія овладѣть Кременчугомъ, козаки, подчиненные Дорошенкѣ, съ ляхами и татарами, нѣсколько разъ, въ іюнѣ и іюлѣ, нападали на лѣвую сторону и уводили плѣнныхъ изъ селъ и деревень. Въ то же время самъ Дорошенко разсылалъ къ жителямъ лѣваго берега Украины универсалы, уговаривая народъ отступить отъ московскаго государя, который будто бы хочетъ отдавать ихъ польскому королю; народъ волновался отъ такихъ универсаловъ. И запорожцевъ продолжалъ Дорошенко привлекать въ союзъ къ себѣ.

Итакъ, хотя и готово было состояться мирное соглашеніе между Россіею и Польшею, но Малороссія не освобождалась отъ необходимости военной обороны: московское правительство сознавало это, притомъ же если начинались мирные переговоры съ поляками, то они не были еще начаты съ ихъ союзникомъ, крыскимъ ханомъ, а потому приказано гетману отправить своихъ козаковъ въ Запорожье, гдѣ былъ уже Косаговъ, и воевать противъ крымскихъ татаръ. Московское правительство запрещало посылать войско на правую сторону Днѣпра, но оно дозволяло давать отпоръ, если съ правой стороны начнутъ дѣлаться нападенія. Въ іюлѣ Бруховецкій писалъ въ малороссійскій приказъ, что заднѣпряне знать не хотятъ о томъ, что полномочные двухъ державъ толкуютъ о мирѣ, да и сами ляхи, затѣвая примиреніе, только обманываютъ русскихъ. Въ доказательство справедливости своихъ словъ Бруховецкій послалъ въ Москву перехваченныя письма и просилъ присылать побольше московскихъ ратныхъ силъ для занятія ими городковъ, близкихъ къ непріятельской сторонѣ: Кременчуга, Миргорода, Лубенъ. Переяслава и Канева.

Въ іюнѣ прибыли въ Малороссію изъ Москвы переписчики, которые должны были переписать во всѣхъ полкахъ жителей и составить переписныя книги, по которымъ воеводы собирали бы доходы, слѣдуемые въ царскую казну. Переписчики эти были все стольники. Они явились сначала въ Гадячъ къ Бруховецкому, а гетманъ, принявши и угостивши ихъ честно, разослалъ ихъ по городамъ, придавши каждому изъ нихъ по-двое своихъ козацкихъ чиновниковъ въ помощь для произведенія переписи [1]). Одинъ изъ такихъ московскихъ стольниковъ

[1]) Въ архивѣ Министерства Юстиціи сообщили намъ уцѣлѣвшій отрывокъ изъ переписныхъ книгъ, составлявшихся въ это время.

возбудилъ неудовольствіе гетмана тѣмъ, что доставилъ ему царскую грамату, оторвавши отъ ней печать. Гетманъ жаловался въ приказъ на такой поступокъ, толкуя

Это — перепись, составленная стольникомъ Александромъ Тимоѳеевичемъ Измайловымъ, которому, въ январѣ 7174 (1666) года, по царскому указу, велѣно было ѣхать въ малороссійскіе городы, въ Переяславъ, Воронковъ, въ Барышполе, въ Барышевку, въ Гелмязинъ, въ Песчаный, въ Домонтовъ, въ Кропивну, въ Ирклѣевъ, въ Боромлю, въ Оржицу, въ Золотоношу, въ Нѣжинъ, въ Борзну, въ Олшевку, въ Дѣвицу-Володкову, въ Березну, въ Сиволожъ, въ Володковичи, въ Иванъ-Городище; а пріѣхавъ ему въ малоросс. городы, велѣно сказать тѣхъ городовъ жителямъ, войтомъ и бурмистр. и райцомъ, и лавникомъ и всякимъ жилецкимъ, и промышл. и ремесленнымъ людемъ и поселянамъ, что великій государь, по своему государскому осмотренію и по челобитью бояриня и гетмана Войска Запорожскаго и войтовъ и бурмистровъ и всякихъ чиновъ Малороссійскихъ жителей, указалъ въ своей государевой искони вѣчной отчинѣ, въ Малороссійскихъ городѣхъ и мѣстахъ и въ мѣстечкахъ, переписать всякихъ чиновъ жилецкихъ, промышленныхъ и тяглыхъ людей, и въ селѣхъ и въ деревняхъ крестьянъ и бобылей по именамъ, и вѣдать ихъ своимъ царскаго величества боярамъ и воеводамъ и приказнымъ людемъ и отъ старшинъ и отъ всякихъ чиновъ и отъ козаковъ оберегать, и налогъ и обидъ имъ никому чинить не давать, и поборовъ на старшину и на всякихъ чиновъ начальныхъ людей и на козаковъ никакихъ не сбирать, а обыкновенную должность хлѣбные и денежные поборы указалъ великій государь на нихъ положить для своихъ великаго государя ратныхъ людей, которые нынѣ и впредь будутъ въ малороссійскихъ городѣхъ для обороны, а положить тѣ хлѣбные и денежные поборы указалъ великій государь, противъ ихъ же челобитья малороссійскихъ городовъ жителей, войтовъ бурмистровъ и райцевъ и лавниковъ и всякихъ чиновъ жилецкихъ людей, противъ росписки, какову они подали въ приказъ малороссійскій, чтобъ малороссійскимъ жителемъ въ мочь было, а не въ тягость, а великаго государя ратнымъ людемъ было бъ чѣмъ сытымъ быть. И они войты и бурмистры и лучшіе люди хлѣбными и денежными поборы сами межъ себя обложились по своихъ пожитковъ и по промысломъ, и по торгомъ, и по пашнямъ, и по угодьямъ въ правду. И въ тѣхъ городахъ, и въ мѣстахъ, и въ мѣстечкахъ, и въ слободахъ велѣно переписать всякихъ чиновъ жилецкихъ тяглыхъ людей дворы, и въ нихъ людей прожиточныхъ и середнихъ, и молодчихъ, а въ селѣхъ и деревнѣхъ крестьянскіе и бобыльскіе дворы и въ нихъ крестьянъ и бобылей потому жъ: первой и середней и меншой статьи, и къ тѣмъ городамъ и къ мѣстамъ, и къ мѣстечкамъ, и

его невниманіемъ въ своей гетманской особѣ. Но этотъ самый стольникъ, Хлоповъ, которому досталось производить перепись въ Глуховѣ, оказался самымъ исполни-

---

къ селамъ, и къ деревнямъ угодья, рѣки и озера, и рыбныя ловли, и бобровые гоны, и звѣриныя стойла, и бортные ухожаи, и пасеки, и мельницы, и рудни, и о сколькихъ колесахъ которая мельница и рудня и иные всякіе заводы, кто имяны какими угодьи владѣютъ и сколькими волами или коньми пашню кто пашетъ и своими-ль или чужими; опричь козаковъ и козачьихъ земель угодій. И велѣно то все написать въ книги подлинно, порознь, по угодьямъ, а переписавъ все подлинно, и тѣхъ городовъ, и мѣстъ, и мѣстечекъ, и слободъ, и селъ, и деревень у войтовъ и бурмистровъ у лучшихъ людей у окладчиковъ взять росписи подлинно противъ своей переписки: кто чѣмъ и съ какихъ торговъ и промысловъ и съ пожитковъ, и съ пашенъ, и съ угодій хлѣбными и денежными оброки обложенъ и на которой срокъ и въ которомъ городѣ отдавати будутъ. И учиня все то потому-жъ, велѣно написать въ книги по статьямъ порознь, да тѣ книги за своею рукою и за окладчиковыми руками и росписи привезти къ Москвѣ и подать въ Приказъ Малой Россіи. Да ему жъ, Александру, велѣно переписать, сколько въ тѣхъ городахъ порознь перевозовъ и ярманокъ, и въ которые дни бываютъ по ярманкамъ торги и на которыхъ рѣкахъ перевозы. И по указу великаго государя Александръ Измайловъ въ малороссійскіе указные городы въ Переяславль, съ товарыщы, и которые городы писаны выше сего, ѣхалъ, и жилецкимъ людемъ, войтомъ и бурмистромъ, и райцомъ, и лавникомъ, и всякимъ промышленнымъ, и ремесленнымъ людемъ и поселяномъ указъ великаго государя противъ наказу сказалъ, и въ городѣхъ, и въ мѣстѣхъ, и въ мѣстечкахъ, и въ слободахъ всякихъ чиновъ жилецкихъ тяглыхъ людей дворы и въ нихъ людей прожиточныхъ и середней статьи и молодчихъ и въ селахъ, и въ деревнехъ крестьянскіе и бобыльскіе дворы и въ нихъ крестьянъ и бобылей, и что къ тѣмъ городамъ и мѣстамъ, и къ мѣстечкамъ, и къ селамъ, и къ деревнемъ, на которыхъ рѣкахъ мельницы, и перевозовъ, и рыбныхъ ловель и всякихъ угодій, и кто имены тѣми угодьи владѣетъ переписалъ; а что по перепискѣ и по ихъ сказкамъ стольника Александра Измайлова объявилось, и что которыхъ городовъ и мѣстъ и мѣстечекъ войтовъ и бурмистровъ и лучшихъ людей окладчиковъ, и кто имяны жилецкіе тяглые люди, и какіе оклады и оброки, кто чѣмъ обложены, и то писано въ книгахъ ниже сего порознь, по статьямъ.

А на окладѣ было города Переяславля выборные люди войтъ Иванъ Степановъ, бурмистръ Ѳедоръ Кукличъ, райцы и лавники (собственныя имена ихъ числомъ 8).

тельнымъ изъ всѣхъ и получилъ особую похвалу отъ государя, которая передана была Бруховецкому для сообщенія Хлопову.

Переяславскіе мѣщане, которые положены въ окладъ первой статьи, по рублю, середней, по полтинѣ, меньшой статьи, по полуполтинѣ съ дыму на годъ, а которые мѣщане изъ тѣхъ же статей пашню пашутъ волами и лошадьми, а тѣ положены противъ указной статьи съ плуга по осьми воловъ денегъ по рублю, да хлѣба по полумѣркѣ на годъ, ржи и овса по-поламъ, а въ мѣркѣ по осьми осьмачекъ, а съ лошадей въ пашнѣ денегъ и хлѣба, а у котораго воловъ и лошадей въ пашнѣ больши или меньши, и съ тѣхъ воловъ и лошадей денегъ и хлѣба по разсчету.

Переяславскихъ мѣщанъ первой статьи шестьдесятъ шесть человѣкъ большею частію торговцы, а также владѣльцы мельницъ, серѐдней статьи восемьдесятъ четыре; а меньшей — сто двадцать одинъ человѣкъ. Всѣхъ — 274 человѣка, а съ нихъ денегъ по окладу съ дымовъ тридцать девять руб. Да изъ тѣхъ же мѣщанъ, которые пашутъ волами и лошадьми двадцать четыре человѣка, а въ пашнѣ у нихъ 61 волъ да 2 лошади, а съ тѣхъ воловъ и лошадей взять денегъ 8 р. 4 алт. 1 деньгу, да съ тѣхъ же воловъ и лошадей по окладу хлѣба тридцать двѣ осьмачки съ полуосьмачкою на годъ ржи и овса пополамъ. Всего въ Переяславлѣ по окладу съ дымовъ и съ воловъ и съ лошадей 147 р. 4 алт. 1 д.

Да переяслявскій войтъ, да бурмистръ въ росписи написали, что тѣ оброки въ казну великаго государя учнутъ платить въ Переяславлѣ на срокъ ноября на 14 день.

А про рыбныя ловли и про бобровые гоны, и про звѣрныя стойла, и про бортныя угодья, и про пасѣки, и про рудни написали, что такихъ угодій въ переяславскомъ уѣздѣ на-передъ сего не бывало и нынѣ нѣтъ окромя озеръ и перевозовъ, что на Днѣпрѣ перевозъ Трехтемировскаго монастыря да Ржищевскій перевозъ, а тѣ озера и перевозы къ городу Переяславлю невѣдомы; а ярмонки де у нихъ въ Переяславлѣ бываютъ въ годъ на три срока: первый ярмонокъ— на десятую пятницу, другой на Семеновъ день, а третій на Богоявленіе Господне, а ранды де у нихъ со всякими доходы и съ мельницами по указу великаго государя вѣдомы всѣ въ ратушѣ.

(При каждомъ городѣ считался уѣздъ, состоящій изъ различнаго числа поселеній.)

Въ переяславскомъ уѣздѣ, села: Каленики, (крестьянъ 7, бобыл. 2), Богданово (крестьянъ 5), Безпальчее (крестьянъ 4, бобыль 1), Лецково (крестьянъ 2), Войненокъ (крест. 1), Каракули Малые (крестьянъ 1, бобыл. 2), Каракули Великіе (боб. 2), Столпяги (крест. 6),

Въ то время какъ московское правительство требовало прекращенія враждебныхъ дѣйствій въ Малороссіи, а гетманъ извѣщалъ, что малороссіянамъ нельзя оста-

---

Гречаники (крестьянъ 1), Старое (крестьянъ 3, боб. 1), Сошниково (крест. 5, боб. 1), Скопцы (крест. 5. боб. 3), Борисово крест. 5).

Въ тринадцати селахъ переяславскаго уѣзда съ 43 пашенныхъ крестьянъ съ ихъ 33 воловъ и 23 лошадей денежнаго оброку 9 р. 29 алт. 1 д., а хлѣба 39½ осьмачекъ ржи и овса пополамъ, а съ 15 человѣкъ бобылей по 5 алт. съ человѣка — 2 р. 8 алт. 2 деньги. Да въ переяславскомъ уѣздѣ село Ерковцы, по жалованной граматѣ владѣетъ переяславскій протопопъ, а селомъ Дѣвички—игуменъ кіевскаго пустынскаго николаевскаго монастыря.

Городъ Воронковъ: мѣщанъ первой статьи 37, середней 58, меньшей 17. Оклада съ нихъ семьдесятъ рублей съ полтиною, да со 103 воловъ и съ 12 лошадей 15 р. 29 алт. 1 д., а хлѣба 63½ осьмачки ржи и овса пополамъ на годъ.

(Особыхъ угодій, а также рандъ и перевозовъ нѣтъ).

(Ярмонки въ Воронковѣ на два срока въ годъ: на Вознесеніе и на Рожд. Пр. Б—цы).

Денежные и хлѣбные оброки платятъ въ Переяславлѣ на сроки ноября 14.

Воронковскаго уѣзда, села: Санково (боб. 8), Прощево (боб. 2), окладу съ нихъ 1 р. 16 алт. 4 деньги.

Городъ Барышполь: войтъ и бурмистры, мѣщанъ первой статьи 64, средней 82, меньшой 73. Съ нихъ оклада денежнаго 123 р. 8 алт. 2 д., да со 130 воловъ и съ 30 лошадей 23 р. 25 алт., да хлѣба съ тѣхъ воловъ и лошадей 95 осьмачекъ ржи и овса пополамъ. Платятъ въ Переяславлѣ на срокъ ноября 14.

Особыхъ угодій нѣтъ. 3 ярмонки.

Въ Барышпольскомъ уѣздѣ, села: Дудурково и Требухово, которыми владѣютъ старцы кіевскаго печерскаго больничнаго Троицкаго монастыря.

Городъ Барышевка: войтъ и бурмистры, мѣщанъ первой статьи 62, середней 69, меньшей 11. Съ нихъ денежнаго окладу 99 р. 8 алт. 2 деньги, да со 111 воловъ и съ 52 лошадей 26 р. 29 алт. 1 д., да съ тѣхъ воловъ и лошадей хлѣба 107½ осьмачекъ ржи и овса пополамъ. Платятъ въ Переяславлѣ на срокъ ноября 14 Да подъ городомъ Барышевкою, на рѣкѣ Трубежѣ, барышевскихъ мѣщанъ (поименованы) семь мельницъ.

(Особыхъ угодій нѣтъ. Ярманокъ въ Барышевкѣ три: 1 генваря, 9 мая и 14 сентября).

Барышевскаго уѣзда, села: Селище (крестьянъ 10, боб. 2), Лебединъ (крест. 1), Остролучье (крест. 15, боб. 1). Всего въ трехъ се-

ваться въ совершенномъ мирѣ, въ Малороссіи произошло важное внутреннее смятеніе. Переяславскіе козаки, высланные на заставу въ Богушевскую слободу, лежащую

лахъ съ 32 воловъ и 9 лошадей, находящихся у 26 человѣкъ крестьянъ, денежнаго окладу 6 р. 8 алт. 2 д., а хлѣба 25 осьмачекъ, да съ трехъ бобылей по 5 алт. на человѣка.

Городъ Кобызча: войтъ, мѣщанъ первой статьи 37, середней 36, меньшей 44. Съ нихъ денежнаго окладу 69 рублей, а съ пашущихъ землю, съ ихъ 176 воловъ да съ 79 лошадей, 41 рубль 26 алт., да съ тѣхъ же воловъ и лошадей хлѣба 167 осьмачекъ ржи и овса пополамъ. Платятъ въ Нѣжинѣ на срокъ 1 октября.

(Особыхъ угодій нѣтъ. Ярманокъ двѣ: 23 апрѣля и 20 іюля).

(О селахъ въ кобызчинскомъ уѣздѣ нѣтъ извѣстія).

Городъ Носовка: войтъ и бурмистръ, мѣщанъ первой статьи 89, середней 117, меньшей 50. Съ нихъ денежнаго оклада 160 р., а съ 421 вола и 114 лошадей у пашущихъ землю 81 р. 4 алт. 1 д., да хлѣба 324½ осьмачки. Платятъ въ Нѣжинѣ 1 октября.

(Особыхъ угодій нѣтъ. Ярманокъ двѣ: 29 іюня и 8 сентября).

Носовскаго уѣзда, села: Ржавцы (крест. 12), Адамовка (крест. 21, боб. 2), съ пашни ихъ, съ воловъ и лошадей 8 р., да хлѣба 32 осьмачки ржи и овса пополамъ, Киселева (крест. 5, боб. 6), окладу 1 р. 13 алт.

Городъ Казаръ: войтъ, мѣщанъ первой статьи 9, середней 15, меньшей 6. Денежнаго окладу съ дымовъ и съ воловъ и лошадей 29 р. 8 алт. 2 д., а хлѣба 21 осьмачка. Есть на рѣкѣ Острѣ три мѣщанскихъ мельницы и двѣ козачьихъ, которыхъ плотина починивается міромъ. Платятъ въ Нѣжинѣ 1 октября.

(Особыхъ угодій нѣтъ. Ярманокъ тоже нѣтъ).

Городъ Волшевка: войтъ и бурмистръ, мѣщанъ первой статьи 45, середней 21, меньшей 20, денежнаго подымовнаго оклада получается съ нихъ 60½ р., да съ 72 воловъ и 37 лошадей у пашущихъ землю 18 р. 8 алт. 2 д., и хлѣба 73 осьмачки въ годъ ржи и овса пополамъ. Платятъ въ Нѣжинѣ 1 октября.

Особыхъ угодій нѣтъ. Ярманокъ двѣ: 9 мая и 8 сентября.

Волшевскаго уѣзда, село Смоленки (крест. 6, боб. 2). Денежнаго окладу 1 р. 8 алт. 2 д. и хлѣба пять осьмачекъ.

Городъ Гелмязинъ: войтъ, мѣщанъ 27 человѣкъ, денежнаго оклада подымовнаго и съ воловъ и лошадей 15 р. 12 алт. три деньги.

Гелмязинскаго уѣзда, села: Плешканово (крест. 8), Подставки (крест. 12), съ ихъ семнадцати воловъ денежнаго оклада 2 р. 4 алт. 1 д. и 8½ осьмачекъ хлѣба ржи и овса пополамъ. Платить въ Переяславлѣ 14 ноября.

(Особыхъ угодій нѣтъ).

надъ Днѣпромъ противъ Черкасъ, взбунтовались, убили своего полковника Данила Ермолаенка, самовольно избрали въ полковники другаго и порѣшили идти на Пе-

---

Городъ Песчаное: войтъ, мѣщанъ пахатныхъ 7, ремесленныхъ: пяти портныхъ, четырехъ ткачей и пяти шевцовъ. Съ десяти воловъ у пашущихъ землю 1 р. 8 алт. 2 д. и 5 осьмачекъ хлѣба ржи и овса пополамъ, а съ 19 ремесленныхъ подымовнаго окладу 9½ р.

Песчанскаго уѣзда, села. 1) Малеваное (крест. 3, боб. 6), Драбовцы (крест. 2, боб. 6), 2) Шабельники (крест. 1, боб. 4). Денежнаго оклада съ 5 воловъ и 1 лошади 29 алт. 1 д. и 3½ осьмачки хлѣба ржи и овса пополамъ, съ бобылей по пяти алтынъ на человѣка. (Мельница козачья во владѣніи крестьянъ).

Городъ Золотоноша: войтъ, мѣщанъ пахатныхъ 26, ремесленныхъ 12, прочихъ 19, всѣхъ 57, съ нихъ подымовнаго денежнаго оклада и съ воловъ и лошадей 45 р. 19 алт. 1 д.

Золотоношскаго уѣзда Антипина и слободка Слезчина (крест. 10, боб. 2), съ 9 лошадей окладу 2 р. 8 алт. 2 д. и 9 осьмачекъ хлѣба, а съ бобылей по 5 алт. съ каждаго (имѣется одна пасека. Ярманокъ въ Золотоношѣ двѣ; въ Ѳомину недѣлю и 8 сентября). Платятъ въ Переяславлѣ 14 ноября.

Городъ Кропивна: войтъ, мѣщанъ первой статьи 11, середней 8. Съ нихъ денежнаго подымовнаго окладу 3 р. 29 алт. 1 д., а съ воловъ да съ лошади у пашущихъ землю 20 р. 19 алт. 3 д. и 15½ осьмачекъ хлѣба ржи и овса пополамъ.

Кропивенскаго уѣзда село Деньги (крест. 3); денежнаго окладу 8 алт. 1 д. и 1 осьмачка хлѣба.

(Рыбныхъ ловель, бобровыхъ гонъ, бортныхъ угодій, пасеки и руденъ нѣтъ. Ярманокъ нѣтъ. Одна мельница на рѣкѣ Золотоношѣ платятъ съ ней полтину.)

Городъ Ирклѣевъ: войтъ, мѣщанъ первой статьи 7, середней 12, Съ нихъ подымовнаго денежнаго оклада 13 р. 8 алт. 2 д., да хлѣба 1 осьмачка ржи и овса пополамъ.

Ирклѣевскаго уѣзда, село Мельниково (крест. 3), съ ихъ воловъ и лошади 1 р. и хлѣба 4 осьмачки ржи и овса пополамъ.

(Особыхъ угодій ни въ городѣ, ни въ уѣздѣ нѣтъ).

Городъ Буромля: войтъ, мѣщанъ 18, съ нихъ подымовнаго окладу и съ 7 воловъ у пашущихъ землю 9 р. 29 алт. 1 д., да хлѣба 3½ осьмачки ржи и овса пополамъ. Платить имъ въ Переяславлѣ ноября 14.

(Особыхъ угодій нѣтъ).

Городъ Оржицы: мѣщанъ 15, съ нихъ денежнаго оклада, да съ 16 воловъ у пашущихъ землю 9½ р. и хлѣба 8 осьмачекъ ржи и овса пополамъ. Платить въ Переяславлѣ ноября 14.

реяславъ противъ государева воеводы и московскихъ ратныхъ людей. О поступкѣ ихъ узнали стоявшіе у Канева другіе полковники, кіевскій Дворецкій, каневскій Лизо-

---

(Особыхъ угодій нѣтъ).

Городъ Нѣжинъ: войтъ, бурмистръ, райцы, лавники, мѣщанъ, всѣхъ 697 человѣкъ, а въ пашни у нихъ пашущихъ землю воловъ 607 и лошадей 7. Съ нихъ денежнаго оклада 300 р. 11 алт. съ воловыхъ окладовъ, а хлѣба 310½ осьмачекъ ржи и овса пополамъ, но войтъ и бурмистры хлѣбнымъ окладомъ не обложились, потому что прежде хлѣбнаго побора съ нихъ не бывало, и о томъ былъ разговоръ въ малороссійскомъ приказѣ. И мы, мѣщане, его великаго государя указу не противны, что укажетъ, а войтъ и бурмистръ, и райцы, и лавники десять человѣкъ и восемь пушкарей, что при ратушѣ, по жалованнымъ граматамъ отъ тѣхъ поборовъ освобождены.

Особыхъ угодій, т. е. рыбныхъ ловель, бобровыхъ гоновъ, звѣриныхъ стойлъ, бортныхъ угодій, пасекъ, руденъ и перевозовъ въ Нѣжинѣ нѣтъ, а ярманокъ въ годъ три: на Троицынъ день, на всеѣдной недѣлѣ и 1 октября.

Нѣжинскаго уѣзда, бывшій городъ Дѣвица-Володкова разоренъ и жители его мѣщане живутъ въ Нѣжинѣ и обложились за одно съ нѣжинскими.

Нѣжинскаго уѣзда, села: 1) Смоляжи (крест. 38, боб. 7), 2) Евлашевка (крест. 27, боб. 2), 3) Вересоцкое (крест. 22, боб. 10), 4) деревня Куриловка (крест. 42), 5) село Комаровка (крест. 60, боб. 6), 6) с. Ильинцы (крест. 14, боб. 8), 7) с. Безугловка (крест. 11), 8) с. Дремайловка (крест. 23), 9) дер. Бритоновка (крест 16, боб. 8), 10) с. Берестовское (крест. 50, боб. 14), 11) с. Пашковка (крест. 9, боб. 1), 12) с. Бакоевка (крест. 17, боб. 6), 13) с. Колчево (крест. 18, боб. 4), 14) с. Припутни (крест. 25, боб. 6), 15) с. Черняховка (крест. 19, боб. 8), 16) с. Борковка (крест. 27), 17) с. Прохоры (крест. 53, боб. 6), 18) с. Липовый-Рогъ (крест. 52), 19) с. Переясловка (кр. 45, боб. 4), 20) с. Дорогинка (крест. 5), 21) с. Кропивна (крест. 8), 22) с. Жуковка (крест. 23), 23) с. Куликовка (крест. 19, боб. 4), 24) с. Дроздовка (крест. 28), 25) с. Оленевка (крест. 28, боб. 10), 26) с. Вертѣевка (крест. 142, боб. 6).

Всего въ Нѣжинскомъ уѣздѣ двадцать восемь жилыхъ мѣстностей, въ нихъ 825 крест., съ ихъ 918 воловъ и 561 лошади денежнаго оклада 255 р., а хлѣба 1020 осьмачекъ ржи и овса пополамъ, а со 114 боб. 17 р. три алтына двѣ деньги.

Состоятъ: 1) за Нѣжинскимъ монастыремъ мѣстечки: Дѣвица-Солтыкова и Волошковичи, да села: Стольная, Степановка и Блистово; 2) за нѣжинскою ратушею села: Плоское, Синяки, Хорошее-Озеро, Печи, Круты и Кагорлыкъ; 3) за епископомъ Мефодіемъ села: Ушня,

губъ и лубенскій Богданъ Щербакъ; они дали знать гетману. Впору узналъ о мятежническомъ замыслѣ и переяславскій воевода; онъ велѣлъ зажечь «мѣсто» (посадъ) и заперся въ верхнемъ переяславскомъ городкѣ или зáмкѣ. Гетманъ сообщилъ въ Москву, что этотъ бунтъ учинился по наущенію польскаго коменданта въ Бѣлой-Церкви и по кознямъ Дорошенка. Для усмиренія мятежа имъ отправлены были полковники: гадячскій Семенъ Остренко, нѣжинскій Гвинтовка, лубенскій Щербакъ, прилуцкій Горленко, миргородскій Апостоленко и полтавскій Витязенко съ ихъ полками; при гетманѣ въ

Борковка, Воловицы, Кладковка и Слободка на Воронѣ рѣкѣ; — со всѣми угодьями и мельницами; 4) за нѣжинскимъ попомъ Павломъ село Топчіевка; 5) за нѣжинскимъ войтомъ Александромъ Цурковскимъ села: Колесники, Мельники, Кушкино; 6) за нѣжинскимъ писаремъ Филиппомъ села: Мостище, Хибаловка да мельница подъ городомъ; 7) за нѣжинскаго полка судьею Завадскимъ село Локнистое; 8) за нѣжинскимъ сотникомъ Иваномъ Косинскимъ село Кошелевка-Вертѣевская.

Городъ Всеволожъ: войтъ, мѣщанъ первой статьи 30, середней 58, меньшей 24; со всѣхъ 115 человѣкъ денежнаго подымовнаго оклада 61 р. 13 алт. двѣ деньги, а со 100 воловъ и 77 лошадей у пашущихъ землю 31 р. 25 алт., да хлѣба 127 осьмачекъ ржи и овса пополамъ. Платить въ Нѣжинѣ на срокъ 1 октября.

Особыхъ угодій и рандъ и мельницъ нѣтъ.

Всеволожскаго уѣзда, село Загоровка (крест. 38, боб. 3); съ 31 вола да съ 29 лошадей пашенныхъ крестьянъ получится 11 р. 4 алт. на 1 д. да хлѣба 44½ осьмачки ржи и овса пополамъ.

Городъ Березна: войтъ, мѣщанъ первой статьи 49, середней 173, а меньшей или третьей 120, четвертой 128. Со всѣхъ 477 человѣкъ мѣщанъ денежнаго подымовнаго оклада 195 р. 23 алт. 2 д., да съ 315 воловъ и 158 лошадей у пашущихъ землю 78 р. 29 алт. 1 д., а хлѣба 315½ осьмачекъ ржи и овса пополамъ. Платить въ Нѣжинѣ на срокъ 1 октября. Особыхъ угодій, и мельницъ и перевозовъ нѣтъ ни въ городѣ, ни въ уѣздѣ. Ярманокъ въ городѣ двѣ: на Вознесеніе и на Успеніе.

Березнинскаго уѣзда, село Михайлово-Городище (крест. 163, боб. 18); съ 215 воловъ и 226 лошадей пашенныхъ крестьянъ 23 р. 12 алт. 3 д., да хлѣба 333½ осьмачки ржи и овса пополамъ.

Гадячѣ остался только стародубскій полковникъ Острениnъ, воротившійся изъ-подъ Гомля. И по этому поводу тогда же просилъ Бруховецкій присылки изъ Москвы великороссійскихъ ратныхъ силъ, потому что не рѣшался идти самъ на бунтовщиковъ съ одними козаками, опасаясь, чтобъ козаки, идущіе съ нимъ, также не взбунтовались и его самого не убили. По замѣчанію Бруховецкаго переяславцы пустились на такое лихое дѣло именно потому; что не видали близко отъ себя царскихъ ратныхъ людей; у мятежниковъ была надежда, что Дорошенко пришлетъ къ нимъ на помощь своихъ козаковъ, а ханъ крымскій — своихъ татаръ и, кромѣ того, къ

Городъ Борзна: войтъ, мѣщанъ первой статьи 257, съ нихъ денежнаго оклада подымовнаго 90 р. 14 алт. 4 д., а съ 234 вола и 97 лошадей у пашущихъ землю 53 р. съ полтиною, да хлѣба 214 осьмачекъ ржи и овса пополамъ. Платить въ Нѣжинѣ на срокъ 1 октября.

Особыхъ угодій нѣтъ ни въ городѣ, ни въ уѣздѣ. Ярманокъ три: въ среду на четвертой недѣлѣ великаго поста, въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ и въ день св. Параскевы.

Въ Борзненскомъ уѣздѣ, села: 1) Куношевка (крест. 48, боб. 13), 2) Плиски (крест. 10, боб. 5), 3) Красиловка (кр. 12, боб. 1), 4) Загоровка (крест. 19, боб. 4), 5) Николаевка (крест. 26, боб. 6), 6) Стрѣльники (крест. 79, боб. 5), 7) Шаповаловка (крест. 86, боб. 5), 8) Носалевка (крест. 51, боб. 18). Со всѣхъ 331 человѣка крестьянъ, съ нихъ 350 воловъ и 191 лошади денежнаго оклада 91 р. съ полтиною, да хлѣба 366 осьмачекъ ржи и овса пополамъ. А съ бобылей 8 р. 17 алт. 2 д.

Городъ Иванъ-Городище: войтъ, мѣщанъ 31 челов., подымовнаго по 20 алтынъ съ дыма, а съ 15 воловъ и 14 лошадей у пашущихъ землю 5 р. 12 алт. 3 д. да хлѣба двадцать полторы осьмачки ржи и овса пополамъ. Всего денежнаго оклада подымовнаго и съ воловъ и съ лошадей 23 р. 32 алт. 3 д. Подъ городомъ мельница, держитъ козакъ, а гребля починивается міромъ на рѣкѣ Острѣ. Платить имъ въ Нѣжинѣ на срокъ 1 октября. Особыхъ угодій нѣтъ.

Иванъ-Городищенскаго уѣзда, села: 1) Хвостовицы (крест. 18, боб. 2), 2) Махновка (крест. 8), 3) Мартиновка (крест. 14), 4) Белмачовка (крест. 7, боб. 4). Всего со 147 воловъ и 40 лошадей 47 пашенныхъ крестьянъ 15 руб. 29 алт. 1 д., а съ бобылями 16 руб. 25 алт. 1 д. а хлѣба десять три осьмачки съ полуосьмачкою ржи и овса пополамъ.

нимъ начнетъ приставать поспольство изъ всѣхъ малороссійскихъ городовъ, — разгорится большой огонь, а у московской стороны силы будутъ убавляться, тѣмъ болѣе, что уже и безъ того калмыки, недавно приведенные въ Малороссію, ушли во-свояси, какъ только узнали, что Москва хочетъ мириться съ Польшею. Дѣйствительно, опасенія Бруховецкаго, что изъ переяславскаго событія разгорится большой огонь, стали, повидимому, оправдываться. Въ близкихъ къ Переяславу городкахъ жители принимали присланныхъ отъ Дорошенка людей и съ ними запирались въ зàмкахъ. Въ Москвѣ узнали инымъ путемъ, что переяславское возмущеніе началось съ подговора запорожцевъ, возбуждавшихъ малороссіянъ тѣмъ, что Москва на нихъ налагаетъ новыя подати. Спрошенный по этому поводу Бруховецкій началъ было оправдывать запорожцевъ, но вскорѣ долженъ былъ донести въ Москву, что запорожцы дѣйствительно раздражены противъ пожалованныхъ дворянскимъ достоинствомъ полковниковъ и угрожаютъ самому гетману за его боярскій санъ, намѣреваясь прислать отрядъ въ 200 человѣкъ, чтобы гетмана какимъ-нибудь хитрымъ способомъ поймать.

На просьбу гетмана о присылкѣ царскихъ ратныхъ силъ ему отвѣчали, что нельзя въ скорости собрать изъ бѣлогородскихъ и сѣвскихъ полковъ и послать въ Малороссію, изъ опасенія непріятельскаго вторженія въ другихъ краяхъ. Высланъ былъ только въ Кіевъ съ отрядомъ князь Барятинскій, а въ малороссійскіе города посланъ былъ на смѣну Протасьеву стольникъ Данило Лихачевъ, и съ нимъ велѣно быть ратнымъ людямъ изъ Путивля. Къ счастью, противъ переяславскаго бунта принялъ впору мѣры Шереметевъ, выславши въ Переяславъ своего товарища стольника князя Щербатова съ

двумя тысячами человѣкъ; къ нему присоединенъ былъ тотъ грекъ Константинъ Могилевскій или Мигалевскій (?), о которомъ говорили мы выше. Князь Щербатовъ занялъ Переяславъ, а Могилевскій взялъ и сжегъ городокъ Бубновъ [1]), истребилъ мятежниковъ и прибылъ къ Переяславу. Такимъ образомъ, было схвачено нѣсколько главнѣйшихъ мятежниковъ и отправлено въ Кіевъ; другихъ поймали козаки Брюховецкаго.

Въ сентябрѣ присланъ былъ къ Шереметеву царскій указъ отправить всѣхъ взятыхъ мятежниковъ переяславскаго полка въ Гадячъ, а въ Кіевѣ оставить только двухъ и учинить имъ смертную казнь въ тотъ самый день, въ какой казнятъ остальныхъ въ Гадячѣ. Всѣмъ воеводемъ въ Малороссіи указано ловить разбѣжавшихся мятежниковъ и отсылать къ гетману. Посланному по этому дѣлу московскому гонцу Брюховецкій жаловался на Вердеревскаго: не прислалъ онъ къ нему схваченныхъ бунтовщиковъ, напротивъ, посаженные въ тюрьмы, они—неизвѣстно какъ — изъ-подъ караула убѣжали. «Я думаю, — говорилъ при этомъ гетманъ, — надобно бы разорить всѣ города, которые взбунтовались и будутъ взяты государевыми людьми, и чтобы впередъ въ тѣхъ городахъ жильцовъ не было». Вѣроятно, Брюховецкій, говоря это, разумѣлъ подъ городами укрѣпленные зàмки въ городахъ (мѣстахъ). Конечно, говорилъ онъ такъ, поддѣлываясь къ Москвѣ и соображая, что ей будетъ пріятно отъ него это слышать.

Мятежники переяслввскіе, оставшіеся въ цѣлости послѣ взятія въ плѣнъ княземъ Щербатовымъ ихъ глав-

---

[1]) Мѣстечко золотоношскаго уѣзда, полтавской губ., при рѣкѣ Днѣпрѣ.

ныхъ товарищей, заперлись въ Барышевкѣ [1]), но принуждены были оттуда скоро выдти, преслѣдуемые тѣмъ же княземъ Щербатовымъ. Они ушли въ Золотоношу. Князь Щербатовъ двинулся туда, осадилъ ихъ въ Золотоношѣ и держалъ до октября.

Въ то время, когда мятежники сидѣли осажденными въ Золотоношѣ, ихъ убѣжавшіе коноводы были у Дорошенка и просили поспѣшить къ нимъ на выручку. У Дорошенка тогда подъ рукою не доставало собственныхъ силъ, и онъ послалъ въ Крымъ къ хану, сообщая ему, что именно теперь настало удобное время нанести московской сторонѣ пораженіе, принудить лѣвобережную Украину къ отступленію отъ московскато царя и подчинить ее верховной власти Турціи. Дорошенко увѣрялъ хана, что все козачество не терпитъ Бруховецкаго и отступится отъ него, какъ только увидитъ въ своемъ краѣ орду. Ханъ по этому призыву отправилъ къ Дорошенкѣ 30,000 орды со своими братьями султанами Нуреддиномъ, Маметъ-Гиреемъ и Салометъ-Гиреемъ. Татары пришли въ Чигиринъ около перваго октября [2]). Вмѣстѣ съ ними появились въ Украинѣ турецкіе аги и янычары: турецкій султанъ, со словъ крымскаго хана уже начиналъ считать Украину своимъ будущимъ достояніемъ, такъ какъ Дорошенко присягнулъ передъ ханомъ не служить ни польскому королю, ни московскому государю, а вмѣстѣ съ ордою воевать и москалей, и ляховъ [3]). По прибытіи союзниковъ, Дорошенко раздѣлилъ ихъ силы на двѣ половины: одну съ Салометъ-Гиреемъ и мурзами отправилъ за Днѣпръ, другую — съ султа-

---

[1]) Нынѣ мѣстечко переясл. уѣзда, полтавской губерніи, при рѣкѣ Трубежѣ.

[2]) Лѣт. Сам., 48.

[3]) А. Ю. и З. Р., IV, 158.

нами Нуреддиномъ и Маметъ-Гиреемъ — оставилъ при себѣ въ Чигиринѣ, намѣреваясь съ ними идти послѣ того, какъ впередъ посланные получатъ успѣхъ на лѣвой сторонѣ. Число отправленныхъ на лѣвую сторону, по извѣстіямъ однихъ, простиралось до пятнадцати тысячъ, по извѣстіямъ другихъ — только до десяти. Съ татарами послалъ Дорошенко и два полка подчиненныхъ ему козаковъ. Дорошенко зналъ, что въ лѣвобережной Малороссіи нѣтъ въ сборѣ большаго войска, а потому велѣлъ своимъ союзникамъ разбиться на загоны и въ разсыпную воевать села и деревни. Татары, перешедши Днѣпръ, пустились въ разныя стороны: одни — бросились къ Голтвѣ [1]), другіе — опустошали окрестности Переяслава, третьи — напали на Прилуки. Прилуцкій полковникъ Лазарь Горленко, былъ тогда съ своимъ полкомъ въ отсутствіи, а царскій воевода Кирилло Загряжскій имѣлъ при себѣ одного прапорщика, да 50 человѣкъ солдатскаго строя, и съ такимъ малолюдствомъ не могъ дать отпора. Татары не посмѣли взять Прилукъ, но безнаказанно опустошили поселенія прилуцкаго полка и доходили даже до Нѣжина и Борзны, а прилуцкій воевода, сидя въ городѣ, не могъ высылать даже партій для провѣдыванія вѣстей и не зналъ, гдѣ и что́ разорили татары и много ли въ полонъ увели яссыру. Къ счастью, это былъ кратковременный набѣгъ. Набрали татары множество плѣнниковъ, награбили все что́ попадалось, потомъ погнали яссыръ къ Днѣпру и переправились съ нимъ на правый берегъ.

Самъ Дорошенко, не хотѣвшій признавать надъ Украиной не только московской власти, но еще болѣе поль-

---

[1]) Мѣстечко кобелякскаго уѣзда, полтавской губ., на рѣкахъ Пслѣ и Голтвѣ.

ской, повелъ своихъ союзниковъ, двухъ оставшихся съ нимъ султановъ, съ ихъ ордами по направленію къ Польшѣ. Подъ Брацлавомъ разбилъ онъ польскаго полковника Стралковскаго съ семнадцатью хоругвями, потомъ направился на Подоль: тамъ явилось тогда польское войско, подъ начальствомъ Маховскаго, съ намѣреніемъ принуждать къ повиновенію Польшѣ непокорный край. Уже Маховскій взялъ Иванъ-городъ [1]) и велѣлъ перебить запершихся въ немъ русскихъ. Тутъ на него бросился Дорошенко съ татарами. Маховскій повернулъ къ Брацлаву. Дорошенко погнался за нимъ, догналъ, разбилъ въ прахъ, взялъ въ плѣнъ и отдалъ татарамъ съ большею частью предводимаго имъ отряда, состоявшаго изъ тридцати хоругвій [2]). Съ этого событія, какъ замѣчаетъ малороссійскій лѣтописецъ, Дорошенко отрѣзался отъ Польши и гласно заявлялъ мысль не повиноваться болѣе польскому королю, но поддаться турецкому государю, съ тѣмъ, чтобъ стать удѣльнымъ владѣтелемъ всей Украины, подобно валахскому господарю и въ этихъ-то видахъ вступилъ въ переговоры съ ханомъ. Дорошенко надѣялся склонить козаковъ на свою сторону приманкою политической самостоятельности Украины [3]) и разсылалъ универсалы прельщать этимъ толпу. Въ городкѣ Торговицѣ, признававшемъ власть Дорошенка, онъ велѣлъ дѣлать деньги отъ ханскаго имени и раздавалъ ихъ козакамъ, чтобъ тѣмъ удобнѣе привлекать къ своей мысли козацкую громаду. Онъ снова посылалъ въ Корсунь и въ Бѣлую-Церковь къ находившимся тамъ польскимъ комендантамъ прика-

---

[1]) Мѣстечко гайсинскаго уѣзда, подольской губерніи, при рѣкѣ Кубличѣ.

[2]) Лѣт. Сам., 48.—А. Ю. и З. Р., VI, 160.

[3]) А. Ю. и З. Р., VI, 160.

заніе очистить эти городки, а жителей малороссійскихъ побуждалъ выгонять оттуда поляковъ силою. Бѣлоцерковскій комендантъ долженъ былъ отбиваться отъ жителей, поддавшихся убѣжденіямъ Дорошенка, сжегъ мѣстечко и заперся въ замкѣ.

Подъ предлогомъ поступать по волѣ своего гетмана Дорошенка стали составляться своевольныя «купы» (шайки). Въ околицѣ самаго Кіева онѣ обирали по дорогамъ торговцевъ (уже тогда притономъ удалыхъ сталъ дѣлаться Хвастовъ, впослѣдствіи мѣстопребываніе славнаго Палія). Тѣ изъ народа, которые искали спокойнаго житья, убѣгали для переселенія на лѣвую сторону; въ это время опустѣли городки: Богуславъ, Синица и Ольшанка.

Новые порядки, вводимые Бруховецкимъ на лѣвой сторонѣ въ угоду Москвѣ, никакъ не могли приходиться по вкусу малороссіянамъ, но многое еще не было ими понято на опытѣ. Мѣщане съ перваго раза не раскусили воеводскаго управленія и говорили великороссіянамъ, что съ радостью готовы платить царскія подати, лишь бы избавиться отъ управленія козацкаго. Когда прибывали въ первый разъ воеводы, малороссіяне дразнили козацкихъ старшинъ и говорили имъ: «вотъ, наконецъ, Богъ избавляетъ насъ: впередъ грабить насъ и домовъ нашихъ разорять не будете!» Но гетмана ровно всѣ не терпѣли уже потому, что самое ненавистное для нихъ козацкое управленіе исходило не отъ кого другаго, какъ отъ того же гетмана; козацкая громада не видѣла за нимъ никакихъ доблестей, внушающихъ уваженіе. «Что это за гетманъ? — говорили о немъ козаки — запершись сидитъ въ городѣ, что въ лукошкѣ. Хорошо было бы — шелъ къ войску и всякій промыселъ чинилъ надъ непріятелемъ, а то за гетманомъ только и дѣла,

что вѣдьмъ сжетъ» [1]). Бруховецкій предъ великорусскими посланниками безстыдно свалилъ съ себя на другихъ упреки въ корыстолюбіи и утѣсненіи подчиненныхъ; въ граматахъ, посылаемыхъ въ Москву, онъ безпрестанно доносилъ на великороссійскихъ воеводъ, находившихся въ Малороссіи, писалъ, что отъ насильствъ и обидъ, чинимыхъ воеводами и московскими ратными людьми, малороссіяне покидаютъ дома свои и семьи, убѣгаютъ въ Запорожье, распространяютъ недовольство своими разсказами, и черезъ то возбуждается повсемѣстное смятеніе и шатость. Тѣмъ же способомъ не щадилъ онъ и своихъ козацкихъ начальныхъ людей. На нѣжинскаго полковника Гвинтовку доносилъ онъ въ приказъ, будто Гвинтовка, будучи въ Москвѣ, не хотѣлъ прилагать руки къ статьямъ, поданнымъ гетманомъ; — когда гетманъ стоялъ еще въ Каневѣ и посылалъ Гвинтовку подъ Чигиринъ, онъ, не слушаясь гетмана, назадъ воротился и говорилъ: «нигдѣ того не ведется, чтобъ свой своего воевалъ!» когда же потомъ гетманъ посылалъ Гвинтовку въ Переяславъ противъ мятежниковъ, — онъ показывалъ доброжелательство къ бунтовщикамъ; за это гетманъ посадилъ его подъ караулъ въ Гадячѣ, а на его мѣсто въ Нѣжинѣ полковникомъ назначилъ другаго — Артема Мартыновича. Полковнику Могилевскому, греку, послѣ укрощенія переяславскихъ мятежниковъ, гетманъ дозволилъ расположиться съ своею ватагою близъ Сосницы и Мена, потомъ чернилъ его, доносилъ, что козаки этой ватаги прибираютъ къ себѣ наймитовъ изъ

---

[1]) Намъ неизвѣстно значеніе послѣдняго обвиненія. Вѣроятно, было тогда нѣсколько процессовъ о волшебствѣ, кончавшихся казнями, столь повсемѣстными въ тотъ вѣкъ. Есть темное извѣстіе о томъ, что Бруховецкій приказалъ сжечь полковницу Гострую, но подробностей объ этомъ событіи мы не знаемъ.

посполъства, и тѣ самовольно именуютъ себя козаками. Доносилъ гетманъ и на духовныхъ лицъ: «то дѣло богомерзкое и богомстительное, что пастыри наши безчинно и не по правиламъ святыхъ отецъ живутъ, а какъ отъ патріарха московскаго на митрополію въ Кіевъ присланъ будетъ митрополитъ, то всѣ пакости на Украинѣ перестанутъ». Болѣе всего старался Бруховецкій своими доносами вредить епископу Меѳодію, который въ 1667 году былъ приглашенъ въ Москву по возникавшему дѣлу о судѣ надъ патріархомъ Никономъ. Въ февралѣ этого 1667 года гетманъ сообщалъ, что всячески увѣщеваетъ запорожцевъ быть вѣрными царю и жить въ братолюбіи съ великороссійскими ратными людьми, но мѣшаетъ этому «двоедушная духовная особа, преосвященный Меѳодій, поджигая запорожцевъ на всякое зло и дѣйствуя на нихъ чрезъ генеральнаго судью Петра Забѣлу». Такъ, гетманъ, донося на Меѳодія, старался очернить передъ московскимъ правительствомъ и другое значительное лицо въ Малороссіи. «Было бы всего лучше, — писалъ Бруховецкій о Меѳодіи, — еслибъ онъ, поѣхавши въ Москву, тамъ бы и остался или въ какомъ нибудь иномъ мѣстѣ государь жить ему указалъ, а то вотъ теперь, какъ онъ заѣхалъ, иной свѣтъ здѣсь безъ него становится». Бруховецкій своими доносами набрасывалъ подозрѣнія и на такія лица, которыя не могли имѣть прямаго значенія въ управленіи Малороссіи: такъ онъ представлялъ опаснымъ, что покойнаго Богдана Хмельницкаго, отступившаго отъ царя Гуляницкаго, жена и дочь пріѣхали въ Кіевъ и остановились въ Печерскомъ монастырѣ. Бруховецкій раздражалъ противъ себя и посполъство, посягая на его матеріальныя выгоды: онъ доносилъ на воеводъ, что они дозволяютъ посполитымъ людямъ въ селахъ курить вино, тогда какъ однимъ козакамъ дозволялось имѣть винокурни.

Такихъ мелочныхъ доносовъ, со стороны гетмана, было писано множество, и понятно, что онъ ими наживалъ себѣ недоброжелателей и возбуждалъ противъ себя неудовольствіе въ большой массѣ жителей.

X.

Перемиріе Россіи съ Польшею. — Посольство стольника Ладыженскаго къ крымскому хану.—Убійство Ладыженскаго запорожцами.—Розыскъ и переписка по этому дѣлу. — Недоразумѣнія козаковъ съ воеводою въ Полтавѣ. — Розыскъ, произведенный въ Полтавѣ Кикинымъ.

Наконецъ, состоялось давно затѣянное дѣло примиренія Россіи съ Польшею. Послѣ іюньской пріостановки военныхъ дѣйствій, уполномоченные обѣихъ державъ продолжали дѣлать между собою съѣзды и долго не могли согласиться, разъѣзжались, сносились съ своими правительствами, съѣзжались опять, и такъ тянулось дѣло до новаго 1667 года. На сторонѣ Польши стало опять болѣе надеждъ и поводовъ для упорства, чѣмъ на сторонѣ Москвы. Государство московское находилось не въ блестящемъ положеніи: финансы были истощены и запущены, монеты было мало, и новой не дѣлали, жалованье служилымъ раздавалось сибирскими мѣхами, вмѣсто денегъ; мѣха нужно было продавать иногда ниже цѣны, по какой цѣнились они при отдачѣ служилымъ, и въ самыхъ мѣхахъ былъ недостатокъ; войско было плохо обучено, содержать его было трудно, предводители то-и-дѣло жаловались, что ихъ подчиненные самовольно бѣгутъ со службы; крѣпости были въ упадкѣ; народъ страдалъ отъ поборовъ и корыстолюбія властей; воеводы и дьяки, посылаемые управлять городами и областями, заботились только о собственной наживѣ, механизмъ управленія

распатался; самъ верховый владыка государства угрязъ въ мелочной набожности, мало знакомился съ текущими дѣйствительными нуждами народа, успокоивая совѣсть свою тѣмъ, что соблюдалъ церковный уставъ, тѣшился церковнымъ богослуженіемъ и раздавалъ милостыню нищимъ изъ казны, собранной съ обнищавшаго народа. Человѣкъ добрый, искренно желавшій добра всѣмъ, онъ поддавался вліянію тѣхъ, которые были къ нему близки, пользовались его довѣріемъ и добротою и нерѣдко обманывали его. Дѣлопроизводство было въ рукахъ лукавыхъ дьяковъ, гонявшихся за своими мелочными выгодами; вездѣ господствовали лицемѣріе и тупоуміе. Не было у московскаго государства ни союзниковъ, ни доброжелателей. У Польши, напротивъ, была тогда союзницею татарская сила, страшная своимъ опустошительнымъ способомъ веденія войны. Уже не могло быть болѣе рѣчи объ удержаніи того положенія, какое приняла-было Россія въ половинѣ XVII вѣка, при Богданѣ Хмельницкомъ, когда между Польшею и Россіею ставился вопросъ: кому изъ нихъ первенствовать между собою? Теперь не думали болѣе не только объ удержаніи всего великаго княжества Литовскаго, но даже и о сохраненіи за собою всей Украины, добровольно отдавшейся подъ власть Москвы. Трудно было Москвѣ домогаться этого, такъ какъ Москва сама своею безтолковою политикою произвела въ Украинѣ смуту, которая разложила общество на двѣ партіи — желавшихъ и нежелавшихъ пребывать въ государственной связи съ Москвою. Нежелавшіе создали себѣ идеалъ самобытнаго независимаго существованія; однако, за недостаткомъ въ народѣ умственныхъ и нравственныхъ способовъ къ достиженію такого идеала, метались малороссіяне то въ ту, то въ другую сторону, цѣпляясь за надежду то на поляковъ, то на татаръ и турокъ. Москов-

ское правительство, чувствуя ослабленіе силъ своего государства, уперлось только на томъ, чтобъ удержать хотя небольшую часть изъ того, что́ ему добровольно отдалось. Такимъ образомъ, Москва не прочь была оставить за Польшею всю правую сторону Днѣпра, а для себя ограничиться пріобрѣтеніемъ лѣвой, которой значительная часть принадлежала уже ей давно, и только послѣ смутнаго времени, при отцѣ царствовавшаго государя, была утрачена. Благочестивому царю Алексѣю Михайловичу хотѣлось удержать на правой сторонѣ хотя Кіевъ съ окрестностями на пять или на шесть верстъ, даже хотя бы временно, лѣтъ на пять, въ надеждѣ, что обстоятельства измѣнятся въ теченіе этого времени. Польскіе уполномоченные не соглашались и на это; и царь рѣшался уже, наконецъ, пожертвовать Кіевомъ. Но тутъ Дорошенко, объявивши себя открытымъ врагомъ Польши и заключивши договоръ съ ханомъ, навелъ татаръ, которые стали опустошать польскія области и, такимъ образомъ, изъ недавнихъ союзниковъ Польши, вдругъ стали ея врагами. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался русскій уполномоченный Ордынъ-Нащокинъ и выговорилъ у польскихъ коммиссаровъ уступку Кіева, впрочемъ, только на два года. Поляки надѣялись, что въ теченіе этого срока они успѣютъ передѣлать въ Украинѣ все на свой ладъ, и непостоянная орда снова станетъ дѣйствовать въ ихъ видахъ. Такимъ образомъ, 13-го января 1667 г. было заключено перемиріе на 13 лѣтъ до іюня 1680 г. [1]). Все-таки Москва должна была приплатиться подаркомъ польскимъ коммиссарамъ: имъ дали по десяти тысячъ злотыхъ, а главному изъ нихъ — референдарю Брестовскому — вдвое. Какъ видно, польскіе государственные

[1]) Полное Собр. зак., I. 657 — 675.

люди уже въ то время склонны были принимать подарки отъ чужихъ державъ за веденіе дѣлъ, хотя бы и противъ выгодъ своего собственнаго отечества [1]).

---

[1]) Выписываемъ изъ договора мѣста, относящіяся до Малороссійскаго края:

Пунктъ 3. А которые городы и земли отъ Коруны польской и великаго княжества Литовскаго завоеваны суть, и остаютъ во владѣніи и въ державѣ его царскаго величества, се есть Смоленскъ со всею сѣверскою землею, съ городами и съ уѣздами, которые отъ того краю, отъ Витебскаго и отъ Полотскаго, и отъ Лифляндъ, отъ Лютинскаго уѣздовъ до Смоленска, то-есть Дорогобужъ, Бѣлая, Невль, Себежъ, Красное, такожъ и Велижъ, хотя издавна до воеводства витебскаго належащій съ своими мѣстами и съ уѣздами, а съ другого края, гдѣ есть сѣверскіе городы, около Чернигова всѣ городы и земли, какими ни есть прозвищами и урочищами названные, оставатись имѣютъ всѣ въ сторонѣ его царскаго величества; а въ сторонѣ его королевскаго величества отъ Днѣпра, что подъ Кіевомъ, и черезъ весь тотъ край до Путивльскаго рубежа никакого города, и ни мѣста, и ни волости во владѣніи, въ нынѣшнія перемирныя лѣта, отъ нынѣшняго времени и дня, належати не будетъ, не переходя однакожь рубежей воеводствъ полотскаго, витебскаго и мстиславскаго, такожъ и повѣтовъ оршанскаго, мозырскаго, рѣчицкаго и браславскаго, такожъ и лифляндскаго рубежа, такъ какъ въ себѣ тѣ рубежи, и въ давномъ своемъ очертаніи до войны имѣли, и со всѣми уѣздами, деревнями и волостьми съ обѣихъ сторонъ Днѣпра и Двины рѣкъ, и съ иными будучими, до тѣхъ же воеводствъ и повѣтовъ, которые въ державѣ его королевской милости и Рѣчи-Посполитой остаются належащими, опричь Велижа, которой для покою святаго отъ воеводства витебскаго отлученъ, и въ сторону его царскаго величества симъ договоромъ до перемирныхъ лѣтъ оставленъ есть, и внизъ Днѣпра, что именуются Запороги, и тамошніе козаки, въ какихъ они тамъ оборонахъ, островахъ и поселеніяхъ своихъ живутъ, имѣютъ быть въ послушаніи, подъ обороною и подъ высокою рукою обоихъ великихъ государей нашихъ, на общую ихъ службу отъ наступающихъ, отъ чего Боже сохрани, бусурманскихъ силъ; однакожъ тѣмъ всѣмъ, всякаго чину жителемъ, которые въ сторонѣ его царскаго величества, въ мѣстахъ черезъ сіи договоры до подлиннаго времени уступленныхъ, останутъ, вольное имѣютъ быть во всѣхъ тѣхъ мѣстѣхъ употребленіе вѣры святой католической, безъ всякого въ отправованіи богомолія своего въ домахъ своихъ затрудненія, а взаимъ тѣмъ всѣмъ всякого чина русскимъ людемъ, которые въ сторону его королевскаго величества въ мѣстахъ черезъ сіи договоры уступлены оставаютъ, вольное имѣетъ быть употребленіе

По заключеніи договора съ поляками, въ силу того же договора, въ мартѣ изъ Москвы отпущенъ былъ въ Крымъ гонцомъ стольникъ Ефимъ Лодыженскій, вмѣстѣ

вѣры греческой, безъ всякого въ отправованіи службы Божіей затрудненія, и въ тѣхъ же всѣхъ, черезъ сіи договоры, остающихся въ сторонѣ его царскаго величества мѣстахъ и земляхъ, какъ отъ Коруны польской на Украинѣ, такожь и отъ великаго княжества Литовскаго, никакихъ новыхъ городовъ на новыхъ мѣстахъ во время того перемирья строитъ, и ни изъ тѣхъ же мѣстъ уступленныхъ изъ городовъ и мѣстъ, и волостей, никакого чину людей до государства московскаго, съ поселеній своихъ выводити его царское величество не велитъ.

4. И то укрѣпляемъ, что никакая надъ козаки украинскими по ту сторону Днѣпра, отъ Переяславля будучими, месть чинена быти не имать, за то, что нѣкоторые въ сторону его королевскаго величества и Рѣчи-Посполитой поддавались, а тѣхъ козаковъ по другой сторонѣ рѣки Днѣпра отъ Кіева будущихъ, его царское величество отъ присяги, себѣ на подданство учиненной, освобождаетъ, и въ оборону свою приняти, и до мѣстъ и городовъ, тамъ будущихъ, вступатися во все время сего перемирья не будетъ и не велитъ; а противъ того, и его королевское величество тѣхъ козаковъ по другой сторонѣ рѣки Днѣпра, отъ Переяславля будущихъ, въ оборону свою принимати и до мѣстъ и городовъ тамъ, будущихъ, вступатися въ тѣ перемирныя лѣта не будетъ и не велитъ.

7. А самой городъ Кіевъ съ тѣми жъ монастырями Печерскими и съ иными при Кіевѣ оставленными околицами, такожъ и съ служками съ старыми, съ которыми напередъ сего Кіевъ въ сторону царскаго величества принятъ и съ живностію въ то время тамъ же будучею, въ сторону его королевскаго величества и Рѣчи-Посполитой имѣетъ быть отданъ и очищенъ до первой о вѣчномъ покоѣ коммиссіи, въ тѣхъ перемирныхъ лѣтахъ припадающей, се есть въ два года, отъ нынѣшняго договора считаючи, дастъ Господь Богъ, въ пришломъ 1669 году въ мѣсяцѣ апрѣлѣ въ 15 день, по новому календарю приподающемъ; однакожъ, до того очищенія Кіева и отданія онаго въ сторону его королевскаго величества и Рѣчи-Посполитой, имѣетъ быти отъ великихъ государей нашихъ межъ собою черезъ посланниковъ съ любительными граматами обсылка, чтобъ съ одной стороны о отдачи, а съ другой стороны о принятіи не безъ вѣдома было, которыя обсылки, хотя бы и не были, однакожъ городъ Кіевъ въ сторону его королевскаго величества и Рѣчи-Посполитой на срокъ, противъ описанія нынѣшняго, возвращенъ и уступленъ быти повиненъ, которой тотъ Кіевъ, черезъ тѣ два года покамѣста въ держаніи его царскаго величества будетъ имѣетъ, имѣти

съ крымскимъ гонцомъ Мугаметъ-Агою, который отъ хана прiѣзжалъ къ царю съ предложенiемъ начать переговоры о мирѣ. Лодыженскiй, съ товарищемъ своимъ

крѣпкую съ войска его царскаго величества оборону, какъ противъ бусурманъ, такожъ и противъ своевольныхъ козаковъ, гдѣ и живности и запасовъ воинскихъ до обороны по надобью его царское величество давати велитъ, а за то никакой при уступленiи того Кiева награды отъ его королевскаго величества и отъ Рѣчи-Посполитой, его царское величество потребовати не будетъ.

9. А что съ стороны розной красоты и вещей костельныхъ и церковныхъ, Господу Богу на хвалу посвященныхъ, яко-жъ всякая утварь святости, и мощи, имянно части дерева креста Господня, въ Люблинѣ взятыя и разныхъ образовъ и украсъ костельныхъ и церковныхъ, то все, что ни есть, въ государствѣ его царскаго величества обрѣтатися будетъ могло, не далѣй одного году за обсылкою великихъ нашихъ государей возвращено будетъ; а о колоколахъ изъ панства его королевскаго величества и Рѣчи-Посполитой, до государства его царскаго величества московскаго вывезенныхъ, на первой коммиссiи черезъ великихъ съ обѣихъ сторонъ полномочныхъ пословъ до удовольствiя договоръ учиненъ быти имѣетъ.

18. И то постановили есмь, чтобы обои великiе государи послали до хана крымскаго и въ своихъ грамотахъ сей утверженный покой ему объявили, чтобъ для сосѣдства ханъ крымскiй съ своими ордами былъ съ нашимъ великимъ государемъ въ общей дружбѣ и въ любительныхъ ссылкахъ, а отъ войны достаточно престалъ, понеже великiе государи наши ужъ межъ собою въ братской любви пребываютъ; а буде ханъ крымской тѣмъ возгордитъ и въ сосѣдствѣ общимъ прiятелемъ быти не похочетъ и войны своей достаточно не престанетъ, тогда какъ въ Украинѣ, какъ и въ Кiевѣ и въ Запорогахъ и въ иныхъ Украйныхъ городѣхъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Днѣпра обои войска, такъ Коруны польскiя и великаго княжества Литовскаго, какъ и государства его царскаго величества московскаго съ Украйными тамошними людьми противъ орды и хановыхъ силъ всегда готовы быти имѣютъ и отпоръ давати, какъ общему непрiятелю, будутъ; также и въ Запорогахъ и на Дону спомочной и оборонной промыслъ надъ бусурманы не престанетъ. А есть ли бы ханъ крымской по тому обвѣщенiю хотѣлъ третьимъ быть съ великими государи нашими въ прiятствѣ: тогда о способахъ успокоенiя въ заходящихъ разностяхъ, обои великiе государи наши межъ собою сошлются, и чтобъ до общаго прiятства дойти могли, радѣнiе учинятъ.

19. Также для совершеннаго объявленiя великiе государи наши пошлютъ пословъ своихъ къ цесарю турскому, объявлючи, какъ

подъячимъ Скворцовымъ, ѣхалъ на Полтаву, взялъ отъ тамошняго воеводы Волконскаго провожатыхъ рейтаровъ и слѣдовалъ къ переправѣ на Днѣпрѣ у Переволочны. Переѣхавши Днѣпръ, крымскій гонецъ поѣхалъ впередъ, а Лодыженскій, ѣдучи за нимъ позади, 4-го апрѣля, увидѣлъ за собою полтораста козаковъ запорожскихъ, зимовавшихъ въ малороссійскихъ городахъ и на весну возвращавшихся въ Сѣчу. Они ѣхали вслѣдъ за Лодыженскимъ, а 6-го апрѣля обминули его и поѣхали впередъ. На урочищѣ Первой-Пришибѣ, у рѣчки Базавлука, напали они на крымскаго гонца, опередившаго съ своими татарами русскаго гонца. Запорожцы убили крымскаго гонца съ тринадцатью товарищами, побрали ихъ лошадей и все ихъ имущество, а семь татаръ ускользнули отъ бойни и прибѣжали только съ двумя лошадьми къ московскому гонцу подъ защиту. Лодыженскій продолжалъ съ ними свой путь и прибылъ въ Сѣчу 8-го апрѣля. Московскій гонецъ заявилъ запорожскому кошевому Ждану-Рогу о несчастіи, постигшемъ ѣхавшаго обратно изъ Москвы крымскаго гонца, требовалъ сыскать и казнить убійцъ. Кошевой сказалъ:

— У насъ въ Сѣчи этихъ воровъ нѣтъ, и такое лихое дѣло сталось безъ вѣдома кошеваго начальства.

Вслѣдъ за тѣмъ явилось въ Сѣчь 30 человѣкъ изъ

пограничному сосѣду, о семъ покоѣ учиненномъ, чтобъ цесарь турской, прежнее пріятство подтвердивъ, хану крымскому приказалъ въ сосѣдствѣ спокойно пребывати, и жестоко заказалъ, чтобъ до войны никакого случая не давалъ. И когда-бъ заданіемъ причины отъ орды до войны съ ханомъ и съ татары обои великимъ государемъ нашимъ пришло, отъ чего бы и салтанъ турской вступаючись за орду къ войнѣ противъ тѣхъ обоихъ великихъ государей нашихъ, или противъ единаго изъ нихъ возстати имѣлъ: тогда общими силами и войски отпоръ бусурманомъ во всякой потребѣ, съ обѣихъ сторонъ свои силы соединяючи, обои великіе государи наши давать будутъ.

той полуторастасотенной партіи козаковъ, которые ѣхали двое сутокъ съ Лодыженскимъ, догнавши его на дорогѣ. Это былъ козакъ Иванъ Соха съ товарищами: они не приставали къ разбою.

Лодыженскій требовалъ, чтобъ его отпустили продолжать свое порученіе. Но апрѣля 10-го запорожцы собрались на раду и порѣшили на ней отобрать у гонца и письма и деньги; съ нимъ были: государева казна въ «легкихъ поминкахъ» крымскому хану и царское жалованье, посланное къ плѣнному боярину Василію Борисовичу Шереметеву; была съ нимъ также царская грамата къ хану и письма къ находившемуся при ханѣ царскому посланнику Якушкину. Запорожцы все пересмотрѣли, но писемъ отнятыхъ у гонца, не читали. Гонцу было сказано, что его тотчасъ не отпустятъ, потому что о томъ нѣтъ въ Сѣчѣ ни царскаго указа, ни гетманской граматы.

Итакъ, волею-неволею Лодыженскому пришлось оставаться въ Сѣчѣ, и онъ самъ не зналъ, какъ долго ему тамъ быть.

12-го апрѣля, задержанный гонецъ отправилъ извѣстіе къ Бруховецкому, но кошевой, съ своей стороны, послалъ гетману письмо, въ которомъ оправдывалъ себя и увѣрялъ, что крымскаго гонца убили воры безъ вѣдома кошеваго начальства.

Лодыженскій, оставаясь въ Сѣчѣ, былъ свидѣтелемъ, какъ въ Сѣчь пріѣзжали посланцы отъ Дорошенка. Кошевой по этому поводу собиралъ раду; на ней обсуждались предложенія Дорошенка и составлялся отвѣтъ, но великороссіяне, задержанные въ плѣну, не могли подлинно узнать, о чемъ у запорожцевъ идетъ дѣло. Только запорожцы намеками говорили рейтарамъ: государевы люди московскіе въ малороссійскихъ городахъ на залогахъ

стоятъ: мы ихъ всѣхъ выведемъ, чтобъ въ нашихъ малороссійскихъ городахъ не было на заставахъ ни одного царскаго ратнаго человѣка [1]).

Въ Москвѣ, получивши нежданную вѣсть о Лодыженскомъ, тотчасъ отправили къ гетману въ посольство стольника Василія Кикина. Онъ повезъ царскій указъ: послать въ Запорожье вѣрныхъ и досужихъ людей и приказать кошевому Ждану-Рогу и всему запорожскому товариству сдѣлать розыскъ о совершившемся убійствѣ ханскаго гонца, — узнать, не было ли ворамъ подсылки отъ Дорошенка, преступниковъ казнить смертію, а Лодыженскаго и оставшихся въ живыхъ татаръ, товарищей убитаго ханскаго гонца, возвративъ имъ ихъ имущество, отпустить въ Крымъ съ провожатыми до перваго татарскаго города Шекерменя.

Мая 18-го пріѣхалъ Кикинъ къ Бруховецкому въ Гадячъ. Прочитавши царскій указъ, гетманъ отправилъ въ Сѣчь гадячскаго полковаго есаула Ивана Донца сообщить кошевому царскую волю.

— Все это дѣло проклятаго Дорошенка, — говорилъ Кикину Бруховецкій, — онъ подсылаетъ въ Запорожье своихъ посланцевъ; хочется ему притянуть войско къ своему дѣлу! Опасаюсь, какъ бы онъ лукавствомъ своимъ не прельстилъ кошеваго! И къ намъ присылаются «прелестныя» письма и отъ Дорошенка, и отъ крымскаго хана Адиль-Гирея: приглашаютъ старшину и все поспольство къ соединенію съ собою.

Въ Сѣчѣ, между тѣмъ, еще до пріѣзда туда гетманскаго посланца Донца, 12-го мая скинули съ кошеваго атаманства Ждана Рога, избрали новаго атамана и тогда

---

[1]) А. Ю. и З. Р., VI, 185.

заговорили на радѣ, какъ поступить съ задержаннымъ царскимъ гонцомъ.

— Надобно сыскать тѣхъ, что крымскаго гонца убили, — сказалъ низложенный съ атаманства Жданъ-Рогъ.

— А какъ ихъ сыскивать? — отвѣчали козаки. — Самъ ты про нихъ вѣдаешь! Вѣдь мурзина рухлядь у тебя-то въ курени!

У низложеннаго съ атаманства Ждана-Рога произвели обыскъ и нашли лукъ, саадачное лубье (колчанъ) и шапку «мисюрку» (желѣзную).

— Вотъ оно — мурзино! — говорили козаки: — Жданъ-Рогъ объяснялъ: «это мнѣ принесли козаки въ подарокъ а гдѣ они достали, про то мнѣ не сказали!»

Козаки не учинили надъ Жданомъ-Рогомъ никакой расправы и, какъ видно, не разыскивали, отъ какихъ козаковъ приносились подарки Ждану-Рогу.

15-го мая запорожцы на радѣ рѣшили отпустить царскаго гонца съ провожавшими его рейтарами, а разомъ съ нимъ отпустить въ Крымъ и татаръ, товарищей убитаго ханскаго гонца. Ихъ всѣхъ посадили въ лодки, а за ними отрядили также въ лодкахъ, какъ-бы провожаючи ихъ, сорокъ человѣкъ запорожцевъ; отправился съ ними и самъ новый кошевой Остапъ Васютенко. Плыть Днѣпромъ доводилось имъ только пять верстъ, а потомъ надобно было ѣхать сухопутьемъ; для этого выслали впередъ къ Каменному перевозу (отстоявшему семь верстъ отъ Сѣчи) лошадей съ прапорщикомъ рейтарскаго строя Пенкинымъ, съ тридцатью рейтарами и съ семью козаками.

Какъ только Лодыженскій успѣлъ отплыть по Днѣпру версты двѣ, кошевой Остапъ Васютенко (другое прозвище его было Черемисъ) съ товарищами послѣдовалъ

за нимъ въ лодкахъ. Догнавши его, запорожцы приказали Лодыженскому со всѣми плывшими съ нимъ причалить и выходить на берегъ. Великороссіяне, видя, что ихъ немного, повиновались. Козаки сняли съ нихъ платье и даже рубахи и приказали имъ нагишомъ стать въ кругъ, а сами стали около нихъ съ пищалями. «Бѣгите въ воду въ Днѣпръ!» — крикнули на нихъ козаки. Великороссіянамъ некуда было дѣваться; они стали прыгать въ воду. Тогда козаки стрѣляли по нимъ изъ пищалей. Пуля попала въ Лодыженскаго; онъ первый пошелъ ко дну; прочіе усилили свое плаваніе, но козаки вступили въ лодки, пустились за ними и стали ихъ бить: убили переводчика, бывшаго при царскомъ гонцѣ, убили рейтарскаго поручика Алексѣя Снѣтина, убили пять солдатъ, четырехъ посольскихъ татаръ и двухъ боярскихъ людей Лодыженскаго. Прочіе: подъячій, прапорщикъ, трое солдатъ, нѣсколько людей боярскихъ, бѣлогородскій станичникъ Переверзевъ и одинъ посольскій татаринъ успѣли доплыть до берега; подъячему дали весломъ такой ударъ по головѣ, что онъ, достигши до берега, упалъ за-мертво на землю, а очнувшись, съ трудомъ поплелся за своими товарищами. Всѣ пошли нагишомъ въ Сѣчу. Другіе, которые изъ Сѣчи отправились съ рейтарскимъ прапорщикомъ Пенкинымъ къ Каменному перевозу и вели лошадей для гонца и его свиты, были настигнуты козаками; ихъ ограбили, отняли у нихъ лошадей, и они пѣшкомъ пришли въ Сѣчь. Только двое бывшихъ съ ними посольскихъ татаръ успѣли верхомъ ускакать по степи къ крымскимъ городкамъ.

Изъ Сѣчи отпустили подъячаго и всѣхъ спасшихся отъ смерти великороссіянъ въ Полтаву. Но пока они пробыли въ Сѣчи, то услыхали отъ козаковъ такія слова: «намъ быть въ соединеніи съ Дорошенкою. Полтавскій

полковникъ съ нами въ пріятствѣ. Мы на томъ порѣшили, чтобы всѣхъ царскихъ ратныхъ и начальныхъ людей вывести вонъ изъ малороссійскихъ городовъ, и чтобъ у насъ въ малороссійскомъ краѣ никакихъ поборовъ съ отцовъ и съ родичей нашихъ не было».

«Многія непристойныя слова запорожскіе козаки тогда произносили», прибавилъ передававшій воеводѣ въ Полтавѣ эти свѣдѣнія подъячій Скворцовъ.

23-го мая извѣстилъ своего боярина и гетмана кошевой Остапъ Васютенко, что въ Сѣчи убили до смерти царскаго гонца, стольника Ефима Лодыженскаго, и пограбили все, что съ нимъ было, но кто это сдѣлалъ, по какому поводу и когда, о томъ въ письмѣ кошеваго къ гетману не было ничего сказано. Бруховецкій, получивши неожиданное извѣстіе, хотѣлъ было писать универсалы во всѣ полки, чтобы шли противъ мятежниковъ, но, какъ объяснялъ Кикину, раздумалъ, опасаясь измѣны между козаками. Это все — говорилъ онъ Кикину — устроилъ прежній кошевой Жданъ-Рогъ для своей безцѣльной корысти и для грабежа.

Посланный гетманомъ Иванъ Донецъ пріѣхалъ въ Сѣчу на Троицынъ день, 26-го мая. Запорожцы собрали раду. Прочитали письмо гетмана, въ которомъ требовалось сыска преступниковъ. Тутъ поднялась разноголосица и перебранка между козаками «старинными», т.-е. бывшими въ Сѣчѣ лѣтъ по пяти, по десяти и болѣе, и козаками-новичками, пришедшими туда недавно, большею частію изъ правобережной Украины. Старинные козаки говорили новичкамъ: «все зло отъ васъ изъ за Днѣпра пришло!» Новички обратились къ Донцу, показывали ему бумаги, отнятыя у Лодыженскаго.

— «Видишь», — толковали новички — «государь московскій помирился съ польскимъ королемъ, а все для

того, чтобъ наше Запорожье снесть. Вотъ за это-то и стольника, и татаръ потопили!»

Кошевой «тайнымъ обычаемъ» сказалъ Донцу: «уйди къ себѣ въ курень, а то какъ-бы тебя здѣсь не убили!»

Донецъ ушелъ изъ рады. Черезъ нѣсколько времени пришелъ къ нему кошевой со старшинами, сказалъ, что рада окончилась, но не сообщилъ Донцу, чтобъ какой-нибудь приговоръ состоялся на радѣ о сыскѣ преступниковъ, чего домогался гетманъ. «Не знаемъ» — говорилъ кошевой — «что съ этими своевольниками дѣлать! Много ихъ нашло тутъ на Запорожье. Ни меня, ни старшинъ не слушаютъ. Во всемъ полагаюсь на государево изволеніе».

Кто-то изъ старшинъ говорилъ: «пущій бунтовщикъ — Страхъ. Онъ утопилъ Ефима. Его было поймали и приковали къ пушкѣ, а онъ напоилъ караульщика и чуть не убилъ его, да сломалъ съ цѣпи замокъ и ушелъ невѣдомо куда».

Тутъ сообщили запорожцы, объявившіе себя выходцами изъ турецкаго городка Исламъ-Керменя, что при нихъ къ туркамъ пришелъ запорожецъ, утопившій Лодыженскаго и татаръ, и турки велѣли его повѣсить.

— Этотъ козакъ — сказали старшины — ни кто иной, какъ Страхъ, родомъ изъ Кальниболота.

Продержавъ гетманскаго посланца два дня въ Сѣчѣ, кошевой отпустилъ его съ письмомъ къ гетману.

Бруховецкій отправилъ самаго Ивана Донца въ Москву вмѣстѣ съ двумя письмами (отъ 21-го и 29-го мая), присланными отъ кошеваго къ гетману.

«Убійство гонца — писалъ кошевой: — совершено своевольными людьми безъ вѣдома кошеваго начальства; но въ статьяхъ, взятыхъ у убитаго, увидали мы, что насъ, какъ дѣтей яблокомъ, тѣшитъ царь бумажными листами,

чтобъ мы его царскому величеству вѣрно служили, а самъ великій государь, взявъ братское желательство съ королемъ польскимъ, тотчасъ съ тѣмъ же и къ хану отзывается, и обѣщаетъ насъ умалить. Уже и началось то, что царь-государь обѣщалъ: для какой-то причины бѣдныхъ людей, отъ войны разоренныхъ, зѣло утѣсняютъ. Стольникъ Лодыженскій смерть принялъ за то, что въ городахъ нашихъ люди великія обиды отъ нихъ (великороссіянъ) терпятъ. Изволь же, ваша вельможность, въ любви съ нами жить, а его царскому величеству учинить извѣстіе, чтобы указано было ратнымъ людямъ перестать чинить въ городахъ нашихъ вымыслы, а будетъ не перестанутъ, храни Боже, чтобъ не загорѣлся большій огонь». Давалось обѣщаніе покарать убійцъ, когда найдутся, «только бы царь-государь за преступленіе этихъ убійцъ не держалъ гнѣва на всѣхъ запорожцевъ». Если же будетъ иначе, кошевой приводилъ гетману такую угрозу: «когда человѣкъ хочетъ ниву пахать, то прежде терніе изъ земли вымечетъ; подобно тому предки наши, не щадя здоровья своего, но претерпѣвая все, что приходилось претерпѣть, выдергивали изъ отчизны терніе, чтобъ мамъ она уродила свободу; и намъ свобода дороже всего на свѣтѣ; да и рыбамъ, и птицамъ, и звѣрямъ, и всякому созданію мила она. Какъ намъ не скорбѣть, когда за наши заслуги хотятъ насъ въ неволѣ держать?»

Бруховецкій, отправляя въ Москву Донца, въ своей граматѣ къ царю указывалъ, что «смуту разносятъ убѣжавшіе въ Запорожье мужики, не хотячи отдавать уставныхъ даней въ царскую казну, а тутъ еще возбуждаютъ смятеніе и тѣ, что убѣжали въ Запорожье отъ великихъ насильствъ и обидъ, причиняемыхъ воеводами». Гетманъ указывалъ на необходимость усмирять мятежи велико-

русскимъ войскомъ, на своихъ же козаковъ разныхъ полковъ, гетманъ не надѣялся: между ними, по его словамъ, такихъ не мало было, что сами сдѣлаться могутъ зачинщиками.

Въ Москвѣ Донецъ сообщалъ, между прочимъ, что въ Запорожьѣ гнѣваются на гетмана главнымъ образомъ за то, что онъ билъ государю челомъ о воеводахъ, ратныхъ людяхъ и переписчикахъ.

Іюня 26-го дана была Донцу отвѣтная царская грамата къ гетману. «Узнали мы» — говорилось въ ней — «что въ малороссійскихъ городахъ лихіе люди составляютъ злые совѣты о денежныхъ и хлѣбныхъ сборахъ на продовольствіе ратныхъ людей и въ тягость себѣ то ставятъ, что на ихъ же оборону наши царскіе люди въ городахъ живутъ. Переписчики посланы не на раздраженіе, а на успокоеніе украинскаго народа, притомъ посланы они по единомышленному челобитію вашему же, гетмана, полковниковъ, сотниковъ, козаковъ и черни, въ чемъ мы, великій государь, вамъ и всему поспольству повѣрили и нынѣ надѣемся безъ всякаго оскорбленія народа въ Украинѣ содержать и прокормить нашихъ ратныхъ людей, присланныхъ къ вамъ къ оборонѣ и защитѣ». Бруховецкому внушалось держать совѣтъ съ Шереметевымъ о средствахъ, какъ сдерживать легкомысленныхъ людей и безъ отягощенія народнаго прокормить царскихъ ратныхъ въ малороссійскихъ городахъ,

Насчастное приключеніе съ Лодыженскимъ совпало съ другимъ дѣломъ, полтавскимъ. 9-го іюня Кикинъ, находясь въ Гадячѣ, получилъ царскій указъ ѣхать въ Полтаву для сыска. Между полтавскимъ воеводою Волконскимъ и полтавскимъ полковникомъ Витязенкомъ, а разомъ и между служилыми великороссіянами съ одной стороны, и мѣстными козаками и поспольствомъ съ дру-

гой, — возникли недоразумѣнія и споры. Полтавцы жаловались, что воеводы и ратные люди берутъ съ нихъ неправильные поборы, творятъ надъ ними насильства, отнимаютъ козацкія мельницы; а воевода, съ своей стороны, жаловался, что полковникъ живетъ съ нимъ не въ совѣтѣ, не допускаетъ собирать слѣдуемыхъ въ царскую казну пошлинъ съ пріѣзжихъ людей и ставитъ свои караулы на ярмаркахъ и слободахъ. Кикинъ въ Полтавѣ учинилъ дознаніе: оказались безпорядки въ управленіи и дѣлопроизводствѣ. Воевода бралъ въ казну денежный и медовый оброки не только съ посполитыхъ, но и съ козаковъ, оттого, что во время произведенной переписи записаны были въ посполъство такіе, что были на самомъ дѣлѣ козаками. Въ Украинѣ былъ таковъ обычай: люди назывались разными прозвищами; у иного было три и четыре такихъ прозвищъ, по-отцу, по-тестю, по-женѣ; случилось, что переписчики, по сходству прозвищъ, ошибкою записали козаковъ въ посполитые, и тѣ же самые козаки подъ другими прозвищами попали въ козацкіе списки, а во время производства переписи были на службѣ въ Кременчугѣ, иные въ Запорожьѣ и лично не могли подавать о себѣ свѣдѣній. Переписчикъ, живя въ Полтавѣ, по уѣзду не ѣздилъ, а посылалъ вмѣсто себя подъячихъ, и послѣдніе, торопясь, записывали козаковъ мужиками за-очно, не въ состояніи будучи разспросить ихъ самихъ, кѣмъ они себя признаютъ; мужики же нарочно передъ подъячими называли этихъ козаковъ мужиками для своего облегченія, чтобъ эти козаки, за-одно съ ними, отбывали повинности. И теперь эти козаки били челомъ о возвратѣ взятаго съ нихъ неправильно оброка. Полковникъ и козаки жаловались, что воевода беретъ взятки съ торговыхъ людей на ярмаркѣ и тѣмъ отгоняетъ купцовъ, а воевода жаловался, что полковникъ и полковые

старшины грозили бить до смерти сборщиковъ государевыхъ ярморочныхъ пошлинъ. Когда Кикинъ по этому дѣлу началъ наводить справки и разспрашивать разныхъ лицъ, то многіе изъ малороссіянъ наединѣ представляли ему въ дурномъ свѣтѣ кто полковника, а кто воеводу, но тутъ же говорили, что не станутъ повторять этого гласно, дабы не навлечь гнѣва тѣхъ, кого обличали.

Въ іюлѣ, по возвращеніи Кикина изъ Полтавы въ Гадячъ, гетманъ отпустилъ его къ государю съ челобитьемъ отдать запорожцамъ ихъ вину въ виду того, чтобъ они къ Дорошенку и хану крымскому не пристали.

XI.

Дорошенко наводитъ татаръ на Польшу. — Неудачныя польскія посольства въ Турцію и Крымъ. — Коронный гетманъ Собѣскій въ Подгайцахъ. — Битва съ Дорошенкомъ и татарами. — Польское войско въ осадѣ. — Сѣрко подвигаетъ запорожцевъ на Крымъ. — Разоренія въ Крыму. — Тревога между татарами. — Подгаецкій договоръ. — Неискренность Дорошенка. — Надежды на Турцію. — Письма къ Дорошенку Иннокентія Гизеля. — Братъ Дорошенка Григорій. — Сношенія Шереметева съ Дорошенкомъ.—Дубенскій у Дорошенка.—Письмо Дорошенка Шереметеву.— Увѣренія Дорошенка въ расположеніи къ Москвѣ.— Митрополитъ Тукальскій. — Стряпчій Тяпкинъ. — Переговоры Тяпкина съ братомъ Дорошенка. — Письмо Дорошенка къ Тяпкину. — Расположеніе къ Дорошенку народа на лѣвой сторонѣ. — Тревожное состояніе лѣвобережной Украины.

Давши надежду на поступленіе въ подданство Турціи, Дорошенко просилъ хана, какъ турецкаго данника, двинуть свою орду на Польшу. Пораженіе Маховскаго было уже первымъ явленіемъ возобновленной вражды татаръ съ Польшею за козацкое дѣло. Польскій король, предупреждая дальнѣйшія намѣренія хана и Турціи, пытался уладить съ ними дружелюбнымъ способомъ и отклонить отъ доброжелательства къ Дорошенку. Въ Турцію от-

правленъ былъ посломъ знаменитый нѣкогда канцлеръ Радзіевскій. Сообщая туркамъ о заключеніи Андрусовскаго договора, этотъ посолъ присовокуплялъ, что у короля есть тайное желаніе искоренить все козачество: собственно для того-то и миръ у него заключенъ съ Москвою, чтобъ разомъ истребить всѣхъ козаковъ — и тѣхъ, что перешли подъ власть царя, и тѣхъ, что остались у короля подъ властью [1]). Радзіевскій, сообразно своей инструкціи, доказывалъ турецкому правительству, что братство козаковъ съ татарами представляетъ опасность и для самой Порты, такъ какъ козаки и теперь, какъ бывало уже прежде, будутъ вмѣстѣ съ татарами дѣлать разоренія въ турецкихъ областяхъ безъ вѣдома короля. Онъ просилъ турецкое правительство запретить константинопольскому патріарху сноситься съ козаками подъ предлогомъ религіозныхъ дѣлъ: можетъ патріархъ писать только къ лицамъ духовнымъ въ Польшѣ [2]). Немного дней спустя, Радзіевскій умеръ скоропостижно въ Константинополѣ. Оставшійся по кончинѣ Радзіевскаго, секретарь посольства, Высоцкій довершилъ переговоры и заключилъ между Портою и Польшею такъ-называемый «вѣчный» миръ, въ которомъ, однако, сильнѣе были обязательства со стороны Польши, чѣмъ со стороны Турціи. Польша обязывалась не принимать людей, ушедшихъ изъ вассальныхъ государствъ, подвластныхъ Портѣ а, заковавши, доставлять ихъ до Счастливыхъ вратъ и запретить козакамъ запорожскимъ безпокоить турецкія области. Съ своей стороны, султанъ обѣщалъ запретить хану крымскому и татарамъ, состоящимъ подъ главенствомъ пади-

---

[1]) А. Ю. и З. Р., VI, 242. Показаніе священника, бывшаго тогда въ Царьградѣ.

[2]) Дѣла польской коронной метрики въ Арх. иностранныхъ дѣлъ. Связка 22.

шаха, причинять вредъ польскимъ областямъ, и если татары уже набрали тамъ яссыръ, то обязаны отпустить всѣхъ польскихъ полоненниковъ по требованію короля, кромѣ принявшихъ чужую вѣру. Дозволялось обывателямъ Польши для торговли ѣздить по турецкимъ владѣніямъ, не платя мытъ нигдѣ, кромѣ Константинополя и Адріанополя, но непремѣнно по давнимъ дорогамъ, а не прокладывать новыхъ. — Но этотъ миръ не имѣлъ ни прочности, ни важнаго значенія на продолжительныя времена [1]. Въ Крымъ отправили изъ Польши посломъ Самуила Кобылецкаго, но тотъ не имѣлъ никакого успѣха; его отправили изъ Польши съ пустыми руками, а татарамъ хотѣлосъ отъ поляковъ денегъ, и ханъ ропталъ, что король уже нѣсколько лѣтъ не платитъ Крыму жалованья, которое татары называли данью. Дорошенко, напротивъ, завлекалъ татарское корыстолюбіе надеждою на поживу польскою добычею. Поэтому-то домогательства Дорошенка въ Крыму взяли верхъ надъ польскими. На миръ Польши съ Турціею и на запрещеніе султана — въ Крыму немного обращали вниманія. Осенью 1667 года высланъ былъ изъ Крыма въ Украину салтанъ Калга Шеринъ-Гирей; съ нимъ были: салтанъ Нуреддинъ, шесть салтановъ изъ рода Гиреевъ и много мурзъ. По свидѣтельству польскаго историка, съ нимъ тогда вышло орды до восьмидесяти тысячъ, а у Дорошенка козаковъ было до двадцати четырехъ тысячъ [2]. Но числа эти явно преувеличены, какъ и вообще польскіе источники рѣдко не преувеличиваютъ числа непріятелей своего отечества. Какъ бы то ни было, соединенныя силы орды двинулись

---

[1] Дѣла польской коренной метрики въ арх. иностранныхъ дѣлъ. Связка 22. Грамата султанская подписана по магометанскому времясчисленію мѣсяца сефера XV года 1708 (15 іюля, 1667).

[2] His. J. K., II, 423.

на Польшу по призыву Дорошенка. Татары, по своему обычаю, тотчасъ же распустили загоны для грабежа и захвата плѣнниковъ.

Янъ Собѣскій, теперь возведенный въ званіе короннаго гетмана, услыхавши, что орда идетъ на Подолье, двинулся съ войскомъ въ Подгайцы, мѣстечко, принадлежавшее Потоцкимъ, укрѣпленное валами и рвами. Здѣсь онъ отпустилъ нѣсколько отрядовъ по сторонамъ въ Покутье, на Львовскій трактъ и на Полѣсье, а самъ съ остальнымъ войскомъ рѣшился встрѣтить непріятеля въ Подгайцахъ. Паны, считавшіе себя опытными въ военномъ дѣлѣ, укоряли его за раздробленіе силъ. Но гетманъ объяснялъ, что онъ поступилъ такъ для того, чтобъ татары, видя въ разныхъ мѣстахъ польскія войска, подумали о чрезвычайномъ количествѣ военныхъ силъ у поляковъ; притомъ гетманъ разсчитывалъ, что татары не утерпятъ и разсыпятся въ загоны, а потому нужно будетъ отражать ихъ въ разныхъ мѣстахъ. Главная сила татаръ и Дорошенко съ козаками приближались къ Подгайцамъ. Собѣскій вышелъ съ войскомъ показать непріятелямъ, что напали они не на трусовъ. Битва длилась до солнечнаго заката. Поляки бились храбро, и татары потеряли много своихъ воиновъ. Послѣ солнечнаго заката татары собрали трупы своихъ убитыхъ, свезли въ деревню и, наклавши ихъ въ хатахъ, зажгли хаты: для нихъ, какъ для мусульманъ, было ужасно оставлять своихъ мертвыхъ на полѣ безъ погребенія.

Послѣ этой первой стычки, татары не стали вступать въ битвы съ польскимъ войскомъ, а придумали всею громадою своихъ военныхъ силъ осадить поляковъ и побѣдить ихъ голодомъ. Прошло, такимъ образомъ, нѣсколько дней безъ боя; только удальцы съ обѣихъ сторонъ показывали свою личную отвагу и храбрость на

герцахъ. Поляки разсказывали, что они тогда выдумывали разныя выходки, чтобъ напугать татаръ, которыхъ считали глуповатыми; такъ, напримѣръ, чтобъ непріятель думалъ объ изобиліи у нихъ огнестрѣльнаго оружія, они кидали ночью на непріятеля боченки, обмазанные смолою, воображая, что татары примутъ ихъ за бомбы, или — снявши въ деревняхъ съ хатъ трубы, укрѣпляли на колесахъ, ставили на валахъ своихъ окоповъ и стрѣляли изъ ружей, вложивши ружья въ эти трубы: татарамъ показывалось, что на нихъ палятъ изъ пушекъ и осыпаютъ ихъ картечью. Попавшіеся въ плѣнъ польскіе слуги говорили татарамъ, что къ польскому войску, стоящему въ Подгайцахъ, на соединеніе идетъ отъ Львова польный гетманъ князь Вишневецкій съ двадцатью тысячами незамореннаго войска, а затѣмъ ждутъ еще и короля, который съ большою силою уже переправился черезъ Вислу [1]).

Такія уловки не слишкомъ много принесли пользы полякамъ, но дѣлу въ ихъ пользу дало новый оборотъ событіе, начатое и совершившееся никакъ не по ихъ замыслу.

Замыселъ Дорошенка отдать Малороссію въ протекцію Турціи съ тѣмъ, чтобы съ помощью турокъ и татаръ отдѣлаться отъ ненавистнаго Андрусовскаго договора, не могъ раздѣляться съ сочувствіемъ всѣми козаками ни въ Украинѣ, ни въ Запорожьѣ. Козаки слишкомъ долго и слишкомъ кроваво боролись съ мусульманами, не говоря уже о томъ, что вообще продолжительная дружба христіанъ съ поклонниками Магомета была дѣломъ невозможнымъ въ тотъ вѣкъ гдѣ бы то ни было. Славный за-

---

[1]) His. J. K. II, 448.

порожскій богатырь Сѣрко, непримиримѣйшій врагъ Крыма, сообразивши, что, по выходѣ орды съ ханомъ въ Польшу, Крымъ на время опустѣетъ, поспѣшилъ въ Сѣчу и началъ собирать братчиковъ. Недавно еще Сѣрко поссорился съ запорожцами; но легко было съ запорожцами поссориться, легко было и помириться. Прежняя размолвка была уже забыта. По голосу славнаго Сѣрка тотчасъ набралось запорожцевъ нѣсколько тысячъ. Сѣрко говорилъ имъ такъ: «Вотъ теперь, братцы, настало время расправиться съ татарами, помститься надъ нашими недругами и вывести изъ бусурманской неволи нашихъ крещеныхъ братій. Бусурманы ушли къ Дорошенку воевать противъ ляховъ, дворы ихъ остались почти пустыми; въ Крыму не ждутъ насъ. Много у нихъ всякаго добра, награбленнаго у нашего же народа; все перейдетъ въ наши руки; много возьмемъ добычи, и по-ровну раздѣлимся, и славы-лыцарства добудемъ великаго! Я ляховъ недругъ; ляхи — паны, они утѣсняли вольность нашу, угнетали народъ нашъ православный; но и татары намъ тоже не друзья, а еще горшіе враги. Ляхи нашу худобу поѣдаютъ, а татары кровь нашу пьютъ. Посмотрите, орда опустошила домовки наши, дѣтьми и женами нашими наполнили татары свои улусы, а сколько они людей нашего козацкаго народа въ неволю запродали на галеры и сколько ихъ перебили! Съ бусурманами намъ достойно воевать; самъ Богъ велитъ напасть на противниковъ и отмстить за униженіе имени Іисуса Христа, за сожженныя церкви, за поруганіе святыни. Идемте, братцы, я вамъ передъ вести буду!»

Запорожье поголовно потянулось къ Перекопу съ своимъ кошевымъ, которымъ былъ, послѣ низложеннаго Васютенка, Иванъ Рогъ. Городокъ Перекопъ взяли козаки, сожгли потомъ, и открывши себѣ входъ въ середину

полуострова, раздѣлились на двѣ половины: съ одною былъ кошевой Рогъ, съ другою — Сѣрко. По извѣстіямъ плѣнныхъ татаръ, въ обѣихъ половинахъ было болѣе двухъ тысячъ, а поляки говорили, будто Сѣрко поднялъ тогда на войну до двадцати тысячъ козачества. Кошевой Рогъ съ сѣчевиками взялъ мѣстечко Арбаутукъ; запорожцы безъ милосердія истребили въ немъ всѣхъ жителей, разсыпались по селамъ и то же дѣлали вездѣ; имущества забирались, дворы пылали, всѣхъ рубили, не было спуска ни женщинамъ, ни дѣтямъ. Сѣрко съ другою половиною бросился къ Кафѣ и напалъ на улусъ Ширинбея; то былъ могучій владѣтель въ Крыму, вассалъ хана; козаки все сожгли, всѣхъ истребили, стада и табуны уводили и взяли въ плѣнъ живьемъ Ширинбеева семилѣтняго сына съ его мамкою [1]).

По всему Крыму поднялся страшный переполохъ; татары покидали свои жилища и спѣшили въ горы. Самъ ханъ, находившійся тогда въ своей столицѣ въ Бахчисараѣ, убѣжалъ на берегъ моря, сѣлъ на судно и укрылся на азіатскомъ берегу съ своимъ дворомъ, женами и наложницами, а весь свой юртъ оставилъ на произволъ судьбы. Козаки, однако, не достигли тогда до Бахчисарая; они боялись, чтобъ Калга, находившійся при Дорошенкѣ, услыхавши, что̀ дѣлается въ Крыму, не воротился, не ударилъ бы на козаковъ и не загородилъ бы имъ обратнаго пути черезъ Перекопскій перешеекъ. Отягченные добычею, козаки повернули назадъ и благополучно возвратились въ свою Сѣчу. Самыми важными трофеями ихъ похода было множество освобожденныхъ христіанскихъ невольниковъ, а такими подвигами козаки всегда особенно славились и считали ихъ главнымъ своимъ призваніемъ въ войнахъ съ невѣрными.

---

[1]) А. Ю. и З. Р., VII, 1.

Набѣгъ Сѣрка и Рога на Крымъ принесъ полякамъ большую пользу, хотя никто не могъ сказать, чтобъ запорожцы свершили его съ намѣреніемъ помогать полякамъ [1]).

Когда вѣсть о посѣщеніи Крыма Сѣркомъ дошла до Калги и мурзъ, бывшихъ съ Дорошенкомъ, большое негодованіе поднялось тогда противъ козачества. Мурзы стали подозрѣвать искренность самого Дорошенка: не въ соумышленіи ли съ нимъ и его старшиною ходили въ Крымъ запорожцы; но Калга передъ мурзами сталъ защищать своего союзника: «братъ за преступленіе брата не долженъ отвѣчать», говорилъ онъ. Дорошенко, тѣмъ не менѣе, не могъ уже слишкомъ полагаться въ данное время на прочность побратимства съ татарами, раздраженными за козацкій набѣгъ. Много татаръ тогда же ушло въ Крымъ; Дорошенко съ часу на часъ опасался, чтобъ орда не взволновалась и не принудила своихъ салтановъ помириться съ ляхами, даже и цѣною выдачи ляхамъ козацкаго гетмана. Дорошенко, предупреждая бѣду, самъ первый послалъ коронному гетману предложеніе помириться и обѣщалъ склонить къ примиренію Калгу съ салтанами и мурзами. Собѣскій согласился, соображая, что не безопасно раздражать до крайности обоихъ враговъ. Дорошенко легко убѣдилъ Калгу мириться съ Собѣскимъ послѣ того, какъ татары, узнавши, что́ дѣлается въ ихъ отечествѣ, разбѣгались изъ стана. Собѣскій отправилъ къ татарамъ узнать расположеніе ихъ вождей ротмистра Рощица, у котораго былъ братъ, принявшій магометанскую вѣру. Рощицъ привезъ извѣстіе, что татары между собою такъ говорили тогда: «видно, Богъ насъ покаралъ за то, что мы пошли воевать на своихъ прежнихъ по-

---

[1]) Н. J. К., II, 446.

братимовъ-поляковъ; за то Богъ и наслалъ на нашъ край козаковъ».

Прежде поляки вступили въ переговоры съ татарами. Калга отъ имени хана присягнулъ считать друзьями союзниковъ польскаго короля, врагами — его непріятелей. Гетманъ Собѣскій обѣщалъ приложить стараніе, чтобъ выплачено было слѣдуемое хану жалованье, и извинялся, что исправный платежъ его былъ въ послѣднее время задержанъ по причинѣ смутъ, господствовавшихъ въ Польшѣ. Салтанъ именемъ ханскимъ обязывался не пускать въ предѣлы Рѣчи-Посполитой татарскихъ загоновъ изъ всякихъ ордъ, подвластныхъ хану, и освободить всѣхъ польскихъ плѣнниковъ, находившихся въ Крыму, между ними и Маховскаго; коронный гетманъ именемъ короля обѣщалъ также поступить и съ татарскими плѣнниками. Наконецъ, Калга обязался на возвратномъ пути съ ордою не распускать по сторонамъ загоновъ.

По окончаніи договора съ татарами, составленъ былъ договоръ съ Дорошенкомъ, состоявшій изъ взаимныхъ обѣщаній. Онъ гласилъ такъ: Дорошенко обѣщалъ покориться власти польскаго короля и просить его принять все войско запорожское въ милость Рѣчи-Посполитой, а Собѣскій обѣщалъ выпросить у короля всеобщую амнистію козакамъ, но съ условіемъ, чтобъ они впередъ не искали протекціи у иныхъ монарховъ, а повиновались бы единому законному своему королю, и воротили захваченныя имѣнія какъ королевскія, такъ и панскія. По просьбѣ Дорошенка коронный гетманъ обѣщалъ приказать бѣлоцерковскому коменданту Стахурскому не дѣлать обидъ русскимъ людямъ, возвратить захваченныя церковныя вещи и вывести часть своего отряда изъ Бѣлой-Церкви для облегченія мѣстныхъ жителей. Наконецъ, Собѣскій обѣщалъ именемъ короля и Рѣчи-Посполитой

не нарушать привилегій русскаго духовенства. Окончательное установленіе по всѣмъ вопросамъ, касавшимся недоразумѣній между козаками и Польшею, могло быть дѣломъ сейма, и для этой цѣли Дорошенко пошлетъ своихъ пословъ на сеймъ въ Варшаву [1]).

Со стороны Дорошенка не было тутъ ни малѣйшей искренности. Онъ тогда примирялся съ короннымъ гетманомъ только потому, что видѣлъ раздраженіе своихъ союзниковъ татаръ, взволнованныхъ внезапнымъ извѣстіемъ о набѣгѣ Сѣрка и Рога. Не думалъ Дорошенко входить въ продолжительную дружбу съ поляками, а тѣмъ менѣе подчинять польскому королю Украину. Народъ украинскій былъ слишкомъ озлобленъ противъ поляковъ и расположенъ былъ скорѣе подчиниться бусурманской державѣ, чѣмъ католической Польшѣ. У Дорошенка, какъ и у многихъ тогдашнихъ малороссіянъ, была одна задушевная мысль — сдѣлать Украину самобытной державой. Но послѣ Андрусовскаго договора съ такою задушевною мыслію невозможно уже было опираться ни на Москву, враждуя съ Польшею, ни на Польшу, отступая отъ Москвы; обѣ заявили себя враждебно національнымъ стремленіямъ козаковъ; приходилось противодѣйствовать разомъ двумъ державамъ — и московской, и польской, а между тѣмъ внутри Украины отнюдь не было ни согласія, ни ясности стремленія. Искателямъ самобытности представлялось тогда единственнымъ средствомъ ухватиться за что-нибудь третье, за такое сильное, чтобы оно хотя временно могло равно дѣйствовать и противъ московскаго государства, и противъ Польши за Украину: такимъ третьимъ для Доро-

---

[1]) Лѣт. Величка, II, 152—158, Н. J. К., II, 448.

шенка тогда являлась Турція. Это была единственная могучая сосѣдняя держава, не имѣвшая повода дружить ни съ Польшею, ни съ Москвою — и притомъ держава съ большими военными силами; она, казалось, одна могла пособить Украинѣ. Не ужасала Дорошенка отдача христіанской Украины въ подданство мусульманскому государю. Примѣръ молдавскихъ и валахскихъ господарей, данниковъ Турціи, ласкалъ его надеждами, что Украинѣ сжиться съ Турціей было возможнѣе, чѣмъ съ московскимъ государствомъ и съ Польшею. Надѣялись, что Турція оставитъ Украину подъ ея собственнымъ мѣстнымъ управленіемъ, не нарушая ни вѣры, ни обычаевъ, и довольствуясь только нѣкотораго рода вассальною зависимостію. Разумѣется, такой планъ имѣлъ только кажущуюся вѣрность въ будущемъ. Не всѣ козаки, какъ мы уже замѣчали, раздѣляли съ Дорошенкомъ его склонность къ Турціи, и народъ малороссійскій вообще ни за что не согласился бы очутиться подъ властію турецкаго падишаха, по давнему преданію считая такую власть тяжелымъ бусурманскимъ ярмомъ.

Народъ въ правобережной Украинѣ, какъ и въ лѣвобережной, въ большинствѣ своемъ расположенъ былъ къ соединенію съ Москвою. И Дорошенко, слѣдуя за влеченіями своего народа, не прочь былъ сойтись съ Москвою и подчиниться «восточному царю». Его лично въ данное время располагало и то, что братъ его Григорій, взятый въ плѣнъ въ Москву, по ходатайству вселенскихъ патріарховъ былъ обласканъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и хвалился этимъ въ своихъ письмахъ къ брату гетману [1]. Въ сентябрѣ (15-го числа) кіево-печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель, чело-

---

[1]) А. Ю. и З. Р. VI, 213.

вѣкъ глубоко уважаемый въ Малороссіи за свое благочестіе и ученость, услышавши, что Дорошенко имѣетъ намѣреніе отдаваться въ протекцію Турціи, пытался отклонить его, и указывалъ на то, что «бусурмане, по закону своему, должны искоренять христіанъ, и оттого-то подъ ихъ обороною христіанскіе народы греческіе, словенскіе и многіе выгублены, и самый народъ русскій во всѣ концы земли въ неволю запроваженъ и безъ милости мучимъ». Отъ имени православной церкви и всего духовенства архимандритъ обращался къ гетману съ такимъ моленіемъ: «извольте, ваша милость, склониться лучше по прежнему подъ державу и оборону его царскаго пресвѣтлаго величества, и ваша милость себѣ вся желаемая у его величества подлинно получишь; умилитеся надъ христіанами, не отдавайте ихъ и самого себя въ работу бусурманамъ». Братъ гетмана Григорій былъ отпущенъ, и Петръ Дорошенко, благодаря царя за эту милость, просилъ отпустить еще и жену Григорія и другихъ плѣнниковъ, находившихся въ московскомъ государствѣ. Въ декабрѣ Шереметевъ отправилъ къ Дорошенку посланцемъ Василія Дубенскаго извѣстить гетмана объ освобожденіи плѣнныхъ малороссіянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ своему посланцу побесѣдовать съ гетманомъ и узнать его настроеніе.

У Дубенскаго съ гетманомъ велся такой разговоръ. Дубенскій, отъ имени пославшаго его, увѣщевалъ гетмана, чтобъ онъ отсталъ «отъ погибельной агарянской прелести» и, какъ христіанинъ, служилъ бы обоимъ христіанскимъ государямъ — московскому и польскому.

— Я, — отвѣчалъ Дорошенко, — желаю быть съ православными христіанами вкупѣ, и, будучи подъ высокою государевою рукою, голову покладать противъ непріятеля, только отстать отъ татаръ намъ нельзя. Вотъ это

почему: сталось у насъ постановленіе съ польскимь коронньмъ гетманомъ Собѣскимъ — будетъ съ королевскимъ величествомъ на сеймѣ договоръ. Надобно подождать, что̀ постановится на сеймѣ. Коронный гетманъ обѣщалъ, что мнѣ отдана будетъ Бѣлая-Церковь, но до сихъ поръ она мнѣ не отдана, и если послѣ сейма ляхи мнѣ Бѣлой-Церкви не отдадутъ, такъ я доступать ее буду самъ съ татарами.

Дубенскій сказалъ: — Боярину Петру Васильевичу извѣстно стало, что татары собираются приходить войною на малороссійскіе городы его царскаго величества; великій государь желаетъ чтобъ ты, гетманъ, помня Бога и святую христіанскую вѣру, не посылалъ татаръ христіанскихъ церквей разорять и крови проливать, и самъ бы отлучился отъ совѣта съ ними. За это ты примешь милость отъ Всемогущаго Бога и освободишь душу свою отъ вѣчныя погибели.

— Слышу, — сказалъ Дорошенко, — боярину Шереметеву извѣстно, что хотятъ приходить татары войною въ малороссійскіе государевы городы, а мнѣ такой вѣдомости нѣтъ, и безъ моего вѣдома татары въ государевы городы не пойдутъ войною. У нихъ и у меня есть непріятели и поближе. Непріятели эти — ляхи. Служили мы, козаки, польскому королю многіе годы, а выслужили то, что ляхи церкви Божіи обратили въ унію. Даетъ король мнѣ, гетману, и старшинамъ на всякія вольности привилегіи, потомъ пришлетъ своихъ поляковъ и нѣмцевъ, а тѣ отнимаютъ у насъ всякія вольности и православныхъ христіанъ мучатъ, бьютъ; съ насъ, гетмана и старшинъ, осмачки хлѣбные и всякіе поборы собираютъ; во многихъ городахъ церкви Божіи обругали и пожгли, а иныя обратили въ костелы. Православному христіанину этого терпѣть невозможно. Мы, гетманъ, и всѣ

козаки будемъ стоять за православную христіанскую вѣру, а войною татаръ въ государевы городы не пошлю; если говорю неправду, то пусть въ то время разольется моя гетманская кровь. Только не въ мирѣ съ татарами намъ никакъ быть нельзя. Мы съ ними живемъ близко. Станутъ татары разорять насъ — и въ царскіе городы учнутъ войною ходить; коли-жь мы будемъ съ татарами жить въ мирѣ, такъ и государевы малороссійскіе городы съ нами будутъ въ цѣлости. И теперь я татаръ удерживаю. Желаю, чтобъ вѣра православная ширилась по всему свѣту, а мнѣ хочется быть подъ рукою его царскаго величества. Я не хочу ни боярства, ни чего другого, кромѣ государевой милости, да чтобъ вольности наши и права козацкія были вольны.

Стали обѣдать. Подали заздравную чашу въ честь государя. Дорошенко поднялъ ее и сказалъ: «дай мнѣ, Господи, за великаго государя кровь свою пролить и голову положить».

Въ это мгновенье раздался залпъ изъ ружей и пальба изъ пушекъ.

Тутъ же Дорошенко прибавилъ: «у великаго государя съ королевскимъ величествомъ учинился миръ и по договору хотятъ Кіевъ отдать полякамъ, но этого не будетъ: мы за Кіевъ головы свои положимъ, а ляхамъ Кіева не отдадимъ!»

Дубенскій, по приказу своего боярина, велъ бесѣду съ митрополитомъ Тукальскимъ и съ архимандритомъ Хмельницкимъ, уговаривалъ ихъ, чтобъ они, съ своей стороны, склоняли Дорошенка имѣть расположеніе къ московскому государю и отступить отъ союза съ бусурманами. Оба обѣщали. Оба недавно, въ 1667 году, были освобождены изъ заточенія въ Маріенбургѣ и поспѣшили

на родину съ враждебными чувствами къ полякамъ [1]). У нихъ обоихъ былъ тотъ же завѣтный идеалъ, какъ и у Дорошенка — самобытность Украины. И они, какъ гетманъ, склонялись къ мысли о турецкой протекціи, видѣли въ этомъ средство выбиться изъ-подъ польской власти, а къ московскому государству относились съ осторожностію и недовѣрчивостію.

«Ты, — писалъ къ Шереметеву Дорошенко черезъ Дубенскаго, — совѣтуешь мнѣ отступить отъ дружбы съ агарянами. Не самъ собою, а по волѣ его королевскаго величества, нашего милостиваго государя, это дѣло началось. Король съ ханомъ побратался и присягнулъ держать совершенную дружбу съ татарами; такъ и намъ, слугамъ королевскимъ, невозможно разорять этого братства. Нѣсть рабъ болѣе господина своего». Дорошенко сослался на Гадячскій договоръ съ поляками, а въ этомъ договорѣ указано было сохранять братство, заключенное съ крымскимъ ханомъ [2]). Такимъ образомъ, гетманъ, въ сношеніяхъ съ московскими чиновными людьми, то грозилъ громить вмѣстѣ съ татарами польскаго короля, то союзъ свой съ татарами оправдывалъ волею того же короля.

Митрополитъ Іосифъ писалъ боярину Шереметеву сдержаннѣе: онъ не дозволилъ себѣ ни малѣйшаго намека, что будетъ совѣтовать гетману подчиниться царю, не написалъ ни слова о разлученіи съ татарами, а говорилъ только о великомъ радѣніи гетмана въ службахъ

---

[1]) Современники увѣряютъ, что послѣ ихъ освобожденія поляки, по проискамъ Тетери, снова хотѣли ихъ посадить въ заточеніе, и это побудило ихъ почти бѣгствомъ убраться въ Украину: прежде убѣжалъ Хмельницкій, за нимъ уѣхалъ и Тукальскій, и принялъ управленіе митрополіею (Л. Сам., 50).

[2]) А. Ю. и З. Р., VI, 238.

обоимъ государямъ — и московскому царю, и польскому королю.

Нѣсколькими днями позже Дубенскаго пріѣхалъ въ Чигиринъ новый посланецъ Шереметева, Чекаловскій, собственно для провѣдыванія вѣстей. Этому посланцу наговорилъ Дорошенко еще болѣе пріятныхъ для Москвы словъ. «Я почти надѣюсь, — говорилъ онъ, — что, при Божіей помощи, за моимъ стараніемъ не токмо что сей бокъ Украины, гдѣ мы теперь живемъ, будетъ отданъ подъ высокую руку его царскаго величества, но Перемышль, Ярославль, Галичъ, Львовъ, Володимиръ, всѣ эти головные города княжества русскаго и весь край въ предѣлахъ княжества русскаго будутъ присоединены къ давней столицѣ къ богоспасаемому Кіеву, и отданы подъ высокую и крѣпкую руку его царскаго величества. Только я бы совѣтывалъ его царскому величеству съ ханомъ крымскимъ оставаться въ братерствѣ, хоть онъ и поганинъ: тогда бы не только Украина вся спокойно прожила, но изъ царскихъ сопостатовъ никто и помыслить ничего противнаго его царскому величеству не посмѣлъ бы». И митрополитъ Тукальскій, съ которымъ видѣлся Чекаловскій, говорилъ ему въ такомъ смыслѣ, какъ и гетманъ. Видно было, что Дорошенко съ Тукальскимъ всегда совѣтовались о томъ, въ какомъ тонѣ имъ говорить съ прибывавшими въ Чигиринъ московскими посланцами.

Вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ въ Переяславъ изъ Москвы стряпчій Василій Тяпкинъ. Ему поручено было склонять Дорошенка отступиться отъ союза съ бусурманами и подчиниться волѣ московскаго государя. Тяпкинъ отправилъ въ Чигиринъ царскую грамату, которая была написана такъ, что козаки могли понять ее въ смыслѣ приглашенія поступить въ подданство московскому госу-

дарю. Дорошенко собралъ раду изъ полковниковъ и знатныхъ козаковъ и велѣлъ писарю прочитать письмо. «Мы рады, — сказалъ гетманъ, — быть подъ высокодержавною рукою великаго государя, только бы намъ гнѣва отъ польскаго короля не было, а больше того боимся крымскаго хана: какъ онъ узнаетъ, что царскіе послы къ намъ ѣздятъ для умирительныхъ дѣлъ, такъ пришлетъ орду и велитъ пустошить и сожигать наши городы и мѣста».

«Ни за что, ни за что нельзя намъ отлучиться отъ бусурмана», — кричали бывшіе на радѣ.

Дорошенко отправилъ для переговоровъ съ Тяпкинымъ въ Переяславъ своего брата Григорія и писаря Лукаша Бускевича; тогда гетманъ написалъ къ Тяпкину письмо, замѣчательное по упрекамъ, которые дѣлались въ немъ отъ всего козачества московскому правительству за его поведеніе съ самаго присоединенія Малороссіи.

«Припомню тебѣ кое-что (выражался въ этомъ письмѣ Дорошенко) насчетъ того, къ чему ты хочешь склонить меня и сущихъ со мною. Уже прежде другіе такъ поступали, но не принесли никакой пользы ни себѣ, ни своимъ подручнымъ. Кто показалъ больше усерднаго служенія, какъ гетманъ Богданъ Хмельницкій: онъ разумомъ своимъ и подручными себѣ силами и Бѣлую Русь и всю Литву со стольнымъ городомъ Вильною подъ власть великаго государя отдалъ, и во Львовъ, и въ Люблинъ царскихъ ратныхъ людей ввелъ; онъ и до самаго отхода своего отъ жизни сей вѣрно работалъ царскому величеству. Кто съ тѣмъ же гетманомъ посовѣтовалъ города и села, паче же стольный святый Кіевъ со всѣми мощами святыхъ поддать не въ турецкое государство, а въ христіанское его царскаго величества, кто какъ не бывшій при Хмельницкомъ писарь Иванъ Вы-

говскій? А какая была имъ благодать за то? Первому такая, что въ коммиссіи подъ Вильною посланнымъ отъ него коммиссарамъ московскіе послы не дали съ собою мѣстъ, но въ поруганіе ихъ привели при цесарскомъ послѣ и при польскихъ коммиссарахъ, и тѣмъ до смерти Хмельницкаго обидѣли! Втораго — утвердили въ Переяславлѣ гетманомъ, а потомъ тайными писаніями подвинули противъ него другихъ названныхъ гетмановъ — Пушкаря, Безпалаго, Барабаша, Силку, и возбудили междоусобную брань въ православномъ войскѣ! А въ недавнемъ прошломъ, договоръ съ поляками постановили прямо на погибель нашу, на части насъ разодрали, и уговорились, что оба монарха будутъ насъ смирять, значитъ искоренять! Хвалитесь, что война перестала, а какая польза изъ того для церкви православной? Въ Витебскѣ ни одного храма православные имѣть не вольны; въ Полоцкѣ одна была церковь и та сожжена, а другой строить не велятъ. То же и въ другихъ городахъ, отлученныхъ отъ державы его царскаго величества! Вы привыкли считать насъ за безумный скотъ, сами безъ насъ усовѣтовали какіе городы оставить себѣ, какіе уступить, тогда какъ эти городы достались вамъ не вашею силою, а Божіею помощью и нашимъ кровнымъ мужествомъ. Мы хоть и овцы, только Христовы овцы, кровью его искупленныя, а не безсловесныя. Часто слышится отъ вашихъ московскихъ людей такое сужденіе: воленъ-де король какую хочетъ вѣру имѣть въ своемъ государствѣ, воленъ благочестивыя церкви передѣлывать въ уніатскія и въ костелы. Да не будетъ такъ! не дастъ еще Господь Богъ насъ въ рабство! Его королевское величество знаетъ, что предки наши, какъ равные съ равными и вольные съ вольными съ поляками во едино тѣло сложились, подъ единымъ государемъ, волею себѣ

выбраннымъ и присягою утвержденнымъ. А того ига, что честность твоя совѣтуешь намъ, ни отцы наши, ни мы не обыкли носить. Честность твоя совѣтуешь намъ отступить въ подданство царскаго величества отъ державы королевской: не являйся разорителемъ закона коммиссаровъ обоихъ народовъ. Писано 2 генваря 1668 г».

Въ такомъ же смыслѣ были и объясненія Григорія Дорошенка съ Тяпкинымъ. Григорій Дорошенко упрекалъ московское правительство, зачѣмъ не допустило козацкимъ депутатамъ находиться при совѣщаніяхъ, происходившихъ между польскими и московскими послами о перемиріи,—зачѣмъ дозволило выбирать въ начальственные уряды неприродныхъ козаковъ; говорилъ, что союзъ съ татарами козакамъ нуженъ, чтобъ ихъ оборонять отъ ляховъ, изъявлялъ страхъ, что если московскій государь пойдетъ въ Кіевъ подъ предлогомъ Богу молиться, то станетъ своими войсками помогать ляхамъ противъ козаковъ; наконецъ, послѣ всего, посланцы Дорошенка сказали:

«Мы, всѣ заднѣпровской стороны козаки, хотимъ быть по первому подданству и по присягѣ подъ высокодержавною рукою его царскаго величества, только чтобъ у насъ въ городахъ и мѣстечкахъ воеводъ и залогъ (гарнизоны) и всякихъ чиновъ начальниковъ московскихъ не было; оставили бы за нами не нарушенными вольности и права козацкія: гетману надъ всею Малою Россіею обѣихъ сторонъ Днѣпра быть бы одному Петру Дорошенку, поборовъ и всякихъ податей съ мѣщанъ и со всякихъ тяглыхъ людей никакихъ не имать. Гетману же Бруховецкому можно прожить о себѣ: онъ пожалованъ превысокою совершенною честью и многими маетностями, поэтому ему уступить свое гетманство Дорошенку можно».

Произнося такое желаніе, Григорій Дорошенко и Бускевичъ просили не писать этихъ словъ въ оффиціальныхъ пунктахъ, чтобы о томъ преждевременно не разошлось въ народѣ.

Тяпкинъ въ Переяславѣ присмотрѣлся къ состоянію умовъ въ народѣ и привезъ въ Москву неутѣшительныя свѣдѣнія. На лѣвой сторонѣ Днѣпра все болѣе и болѣе сначиналъ народъ любить Дорошенка. То было время самой высшей популярности Петра Дорошенка. Надѣялись отъ него желанныхъ перемѣнъ. Вообще потолкавшись между малороссіянами, Тяпкинъ понялъ, что народъ не благожелательствовалъ безусловно московской власти. Больше всѣхъ городовъ малороссійскихъ узналъ Тяпкинъ Переяславъ, и о переяславцахъ изрекъ такой приговоръ: «въ Переяславѣ нѣтъ ни одного добраго человѣка ни изъ какихъ чиновъ, всѣ бунтовщики и лазутчики великіе, ни въ одномъ словѣ вѣрить никому нельзя». По его мнѣнію, обратить на истинный путь малороссіянъ въ то время возможно было только присылкою многочисленнаго великороссійскаго войска. «Если бы, — замѣчалъ Тяпкинъ, — въ Переяславѣ было ратныхъ тысячи три, а мало что двѣ, такъ малороссіяне стали бы тогда страшны (т. е. осторожны) и вѣрны, а то царскихъ ратныхъ людей очень мало, да и тѣ босы и голодны и бѣгутъ врозвь, а переяславскій воевода Алексѣй Чириковъ, — человѣкъ больной и безпечный. Буде ратныхъ людей въ Переяславъ не прибавятъ, а прежнихъ не накормятъ и не одѣнутъ, то некому будетъ содержать такого многолюднаго города, а между тѣмъ во всей Малой Россіи поднимается великій мятежъ».

Положеніе Переяслава, какъ близкаго къ заднѣпровской Украинѣ города, давало ему именно въ тѣ дни большое значеніе: переяславскіе жители, козаки и мѣщане,

вели частыя сношенія съ правобережными, а съ праваго берега приходили въ Переяславъ гости, старавшіеся внушить жителямъ неудовольствіе къ своему положенію и надежды на Дорошенка. Недавно еще въ Переяславѣ былъ бунтъ и многіе, спасшись въ то время отъ казни, теперь снова составляли горючій матеріалъ для народнаго волненія. Небольшое число царскихъ ратныхъ, не превышавшее трехсотъ, не могло скоро забыть угрожавшей имъ бѣды отъ мятежниковъ и со дня на день ожидало новой тревоги; царскіе ратные сидѣли въ за̀мкѣ, запершись отъ многихъ тысячъ козаковъ и черни, наполнявшихъ Переяславъ. Что говорилъ Тяпкинъ о малороссіянахъ, поживши въ Переяславѣ, почти то же, вѣроятно, сказалъ бы онъ и послѣ посѣщенія другого города. Сильно тревожилъ повсюду малороссіянъ слухъ, будто Москва отдаетъ ляхамъ Кіевъ, а этотъ городъ имѣлъ для всѣхъ священное значеніе не только церковное, но и національное, такъ что въ то время говорили: куда Кіевъ, туда и весь малороссійскій край! Въ Переяславѣ Тяпкина безпрестанно осаждали вопросами: «отдадутъ ли Кіевъ ляхамъ?» Тяпкинъ зналъ хорошо, что по Андрусовскому договору Кіевъ оставленъ подъ властью московскаго государя только на короткое время, а по прошествіи этого времени Россія обязывалась возвратить его снова полякамъ; но Тяпкинъ тѣмъ не менѣе увѣрялъ малороссіянъ, что Кіевъ «вѣчными часы» будетъ принадлежать великому госу́дарю. Мало чѣмъ менѣе отдачи Кіева ляхамъ тревожилъ малороссіянъ въ эти дни другой слухъ: будто у царя съ королемъ состоялся уговоръ отбирать у козаковъ принадлежавшія костеламъ вещи, захваченныя во время предшествовавшихъ войнъ въ качествѣ военной добычи. Еслибъ такъ случилось на самомъ дѣлѣ, то пришлось бы отыскивать эти вещи въ

третьихъ и четвертыхъ рукахъ; пошла бы ужасная путаница. Во всѣхъ отношеніяхъ примиреніе въ Андрусовѣ было противно малороссіянамъ; они чувствовали и видѣли, что ихъ завѣтныя надежды разбиваются въ прахъ; Украина дѣлается добычею двухъ государствъ, которыя по своимъ соображеніямъ раздираютъ ее, дѣлятъ между собою пополамъ, не спрашивая, желаетъ или не желаетъ того украинскій народъ: ему, этому народу, не только не даютъ повода лелѣять мысль о державной самобытности своего отечества, но даже не дозволяютъ считать себя отличнымъ народомъ. Противъ такого отношенія сосѣднихъ государствъ къ Малороссіи словомъ и дѣломъ вопилъ Дорошенко и черезъ то любили его тогда малороссіяне, и сохранилъ бы онъ такое обаяніе до конца, еслибъ его связи съ мусульманами не привели къ печальнымъ послѣдствіямъ, вооружившимъ противъ него народъ. Но тогда еще его сношенія съ Турціею и татарами не оказывались явно губительными, и успѣхъ его казался несомнѣненъ въ покушеніи овладѣть лѣвою стороною Днѣпра.

Бруховецкій, напротивъ, со дня на день ощущалъ фальшивое положеніе, въ которомъ очутился, думая прислужиться Москвѣ и утвердить свою власть надъ малороссійскимъ краемъ при московскомъ покровительствѣ. Малороссіяне стали испытывать чуждое имъ великороссійское управленіе. Мѣщане и посполитые должны были вносить подымовныя деньги съ домовъ, подати съ воловъ и лошадей [1]), медовый доходъ съ пчеловодства, съ мельницъ, оранды съ виноторговли; эти поборы собирали новые люди и новыми способами; вся тягость этихъ способовъ, давно безпокоившая народъ велико-

---

[1]) А. Ю. и З. Р. VI, 214.

россійскій, теперь падала и на малороссіянъ. Обдирательства, взятки, грубое обращеніе, чѣмъ отличались великороссійскіе приказные люди, — все это появлялось въ Малороссіи, конечно, съ крайнею наглостью, какъ въ покоренной странѣ, а положеніе края было не таково, чтобы сборы эти могли производиться удобно, правильно и безобидно. Не было въ Малороссіи ни безопасности, ни спокойствія: безпрестанные татарскіе набѣги опустошали страну; села и деревни лишались внезапно цвѣта своихъ жителей, уводимыхъ въ плѣнъ; хозяева не успѣвали отстраиваться и поправляться, какъ подвергались опять прежнимъ набѣгамъ и разореніямъ; земледѣлецъ трудился и не зналъ, кому достанутся плоды трудовъ его; при совершенномъ урожаѣ, его поля вытаптывались татарскими конями, сожигался его дворъ, и онъ шатался, не зная, гдѣ преклонить голову, и если не успѣвалъ убѣгать куда-нибудь, то умиралъ съ голоду; край благодатнѣйшій, который въ прежнія времена удивлялъ своимъ изобиліемъ, приходилъ въ обнищаніе и запустѣніе. Когда совершилась перепись — вездѣ требовали льготъ, и, по соображеніямъ, нѣкоторыя мѣста тогда же были изъяты отъ налоговъ. Такъ, въ Нѣжинѣ не брали податей съ воловъ и лошадей, ограничиваясь подымовнымъ налогомъ. Со всѣхъ сторонъ подавались челобитныя о такихъ изъятіяхъ, и вообще оказывалось, что царской казнѣ мало приходилось пользы съ малороссійскаго края.

Но не одни воеводы и сборщики составляли тягость для поспольства: и козацкое начальство давало себя ему знать. У гетмана были тогда полки, не имѣвшіе опредѣленнаго мѣста; то были, напримѣръ, «купы», собравшіяся на правомъ берегу Днѣпра и перешедшія на лѣвый; между ними были не только малороссіяне, но и

чужеземцы—волохи, сербы, поляки, приходившіе на службу въ гетманщину. Ихъ располагали «на лежѣ», т. е. назначали такія мѣста, гдѣ поселяне обязаны были давать имъ помѣщеніе, конскій кормъ, шубы, рукавицы. Въ батуринскомъ уѣздѣ расположены были тогда козаки Дмитрашки Райча (котораго потомъ Бруховецкій сдѣлалъ переяславскимъ полковникомъ) съ сотникомъ Симашкою. Около Полтавы стояло «на лежѣ» до пяти тысячъ козаковъ, дожидавшихся весны, чтобъ идти въ походъ. Около Мена и Сосницы стоялъ полкъ Могилевскаго; около Остра и Нѣжина—козаки полѣсскаго полка, приведенные Децикомъ. Такія козачьи «купы» переводились изъ одного угла въ другой и вездѣ дозволяли себѣ разнаго рода произволъ и насилія надъ посполъствомъ; въ тѣ времена всякій поступокъ казался дозволителенъ, если не было вблизи силы, которая внушала страхъ наказанія. Народный ропотъ возрасталъ; всѣ ненавидѣли, проклинали Бруховецкаго со всѣмъ тѣмъ, что̀ отъ него исходило. Мѣщане и крестьяне тяготились воеводскимъ управленіемъ, отъ котораго прежде они, недовольные управленіемъ козацкимъ, ждали себѣ облегченія; козаки не могли примириться съ боярскимъ саномъ гетмана и дворянскимъ достоинствомъ старшинъ и видѣли въ этомъ замыселъ уничтожить козацкое равенство. Недовольно было и малороссійское духовенство ожиданіемъ московскихъ перемѣнъ, склонялось къ митрополиту Іосифу Тукальскому, пріятелю Дорошенки, и не терпѣло Меѳодія, московскаго подлипалу. Большую силу между духовными имѣлъ тогда Иннокентій Гизель: игумены и братія всѣхъ малороссійскихъ монастырей уважали его и готовы были поступать, какъ онъ скажетъ, а онъ былъ издавна въ дружбѣ съ Тукальскимъ. Тяпкинъ, указывая на него,

какъ на сильнаго человѣка между духовными, совѣтовалъ московскому правительству «обвеселять» печерскаго архимандрита царскою милостивою граматою.

XII.

Бруховецкій ищетъ средствъ самосохраненія отъ народной ненависти.— Его сношенія съ Дорошенкомъ и Тукальскимъ.— Рада у Бруховецкаго въ Гадячѣ.— Мысль о подданствѣ Турціи.— Рада въ Чигиринѣ у Дорошенка.— Посланцы Бруховецкаго на этой радѣ.— Епископъ Меѳодій недоволенъ Москвою.— Иннокентій Гизель у Меѳодія.— Примиреніе Меѳодія съ Бруховецкимъ.— Разрѣшеніе посполитымъ вступать въ козаки.— Народныя возстанія въ городахъ.— Дѣло подъ Остромъ.— Бруховецкій изгоняетъ изъ Гадяча воеводу и царскихъ ратныхъ людей.— Коварство Бруховецкаго съ ними.— Расправа съ великороссіянами въ разныхъ городахъ.— Царскія граматы.— Возмутительныя воззванія Бруховецкаго.— Посольство въ Турцію.— Дорошенко вступаетъ на лѣвую сторону Днѣпра.— Ромодановскій въ Котельвѣ.— Дорошенко и Бруховецкій въ Опошнѣ.— Убійство Бруховецкаго.— Погребеніе его тѣла въ Гадячѣ.

Бруховецкій былъ одинъ изъ тѣхъ мелкихъ эгоистовъ, которые, увлекаясь представляющимися выгодами, хватаются за все, что́ кажется имъ ближе и потому легче, мало думаютъ о далекихъ послѣдствіяхъ, а потомъ, когда увидятъ, что обманулись, также легко и круто поворачиваютъ въ противную сторону. Бруховецкій сознаяъ, что введеніе московскихъ порядковъ возбуждаетъ къ нему ненависть, и онъ думалъ, что народъ перестанетъ его ненавидѣть, лишь только онъ, своими поступками, покажетъ, что не угождаетъ московскому правительству въ ущербъ своей націи. Москвы онъ никогда не любилъ; онъ только подличалъ и пресмыкался передъ нею, надѣясь, что она всегда можетъ охранить его. Но его надежды не совсѣмъ оправдывались. Москва не слишкомъ скоро и не слишкомъ сочувственно готова была угождать ему въ такой мѣрѣ, какъ онъ угождалъ ей; враги могли его извести, прежде чѣмъ Москва рѣшилась бы спасать

его. Для Москвы въ сущности было все равно: того ли другого ли захотятъ козаки себѣ гетманомъ, лишь бы этотъ гетманъ былъ вѣренъ и покоренъ московскому правительству. Дозволяя на вольной радѣ избирать гетмана, Москва всякаго утвердила бы, кого на радѣ выберутъ, и всякаго отставила бы и отдала на казнь, когда бы не взлюбила его вольная рада. Что дозволено было излюбленнному выборомъ Бруховецкому сдѣлать съ Самко́мъ и Васютою Золотаренкомъ, то дозволили бы сдѣлать и съ самимъ Бруховецкимъ въ угоду другому излюбленному новымъ выборомъ. Это зналъ и понималъ Бруховецкій. Дорошенко былъ опасенъ для Бруховецкаго. Воевать съ нимъ было трудно, потому что лѣвобережные козаки могли передаться Дорошенку. Бруховецкій рѣшился войти въ союзъ и дружбу съ Дорошенкомъ: гетманъ-бояринъ завелъ тайныя сношенія съ правобережнымъ гетманомъ! Когда онѣ возникли — не знаемъ, но въ то время какъ Дорошенко велъ переговоры съ Дубенскимъ и Тяпкинымъ, велись у него сношенія и съ Бруховецкимъ черезъ посредство іеромонаха, по прозвищу Якубенко. Дорошенко письменно и словесно черезъ своего посланца передавалъ Бруховецкому, что охотно уступитъ ему гетманское достоинство, лишь бы Украина обѣихъ сторонъ Днѣпра была въ соединеніи подъ одною властію и козачество не было бы разорвано [1]). Писалъ къ Бруховецкому и митрополитъ Іосифъ Тукальскій, что Дорошенко отнюдь не стоитъ за гетманскій санъ и готовъ уступить его Бруховецкому, ради цѣлости и независимости отечества. Такихъ присылокъ отъ митрополита къ лѣвобережному гетману было нѣсколько: Іосифъ писалъ, что у московскаго царя съ польскимъ королемъ составленъ договоръ —

---

[1]) Лѣт. Самов., 51.

всю Украину мечемъ и огнемъ разорить. Бруховецкій повѣрилъ этому вымыслу и сталъ повторять его другимъ [1]).

У Бруховецкаго въ Гадячѣ происходила рада января 1-го числа. Съѣхались къ гетману для поздравленія съ новымъ годомъ полковники: нѣжинскій — Артемъ Мартыновичъ, черниговскій — Иванъ Самойловичъ, переяславскій — Дмитрашко Райча, прилуцкій — Лазарь Горленко, полтавскій — Костя Кублицкій, миргородскій — Григорій Апостоленко, и кіевскій — Василій Дворецкій; были здѣсь и войсковые судьи Петръ Забѣла и Павелъ Животовскій и войсковой писарь Ѳедько Михаленко. «Меня Москва подвела», — говорилъ гетманъ, — «подговорили пріѣхать въ столицу, а тамъ взяли и держали въ неволѣ и заставили насъ согласиться на то, чего мы и не хотѣли». Полковники и старшины вторили гетману: они хотя и не любили его, но всѣ были недовольны вмѣшательствомъ воеводъ въ управленіе краемъ. На этой радѣ порѣшили: предложить воеводамъ царскимъ, чтобъ они съ своими ратными людьми убирались изъ края подобру по-здорову, а если не пойдутъ добровольно, то прогонять ихъ и бить. Бруховецкій увѣрялъ, что его посланцамъ въ приказѣ говорили: царю Малая Россія не надобна и онъ отдастъ ее полякамъ вмѣстѣ съ Кіевомъ. «Вотъ», — говорилъ Бруховецкій, — «и Василій Тяпкинъ, что сюда недавно пріѣзжалъ, сказывалъ тоже, что у царя съ королемъ положено отдать Польшѣ Кіевъ и съ нимъ Малую Россію, только не теперь это сдѣлаютъ, а сгодя немного, чтобъ народъ не потревожить. Говорятъ, царь собирается въ Кіевъ пріѣхать, будто Богу молиться, но это слухъ только такой пускаютъ, а царь совсѣмъ не затѣмъ къ намъ ѣдетъ, чтобъ молиться. Еще прежде царя при-

---

[1]) А. Ю. и З. Р., VII., 88.

детъ сюда Нащокинъ съ московскимъ войскомъ. У москалей съ ляхами въ договорѣ постановлено съ обѣихъ сторонъ смирять насъ, непослушныхъ: затѣмъ-то царь сюда съ войскомъ идетъ, чтобъ жителей Малой Россіи выгубить и козачество искоренить! Самъ Нащокинъ проговорился моимъ посланцамъ, сказалъ: «его царскому величеству ваша Малороссія не надобна; мы и Кіевъ ляхамъ уступимъ!»

Кто то изъ старшинъ сказалъ: «ты бы, гетманъ, послалъ къ царскому величеству спросить, чѣмъ такимъ проступились и провиноватились мы передъ нимъ, и за что насъ хотятъ искоренять?»

«Что къ нимъ посылать!» сказалъ Бруховецкій: «они правды не скажутъ, а намъ уже и такъ видно, что у нихъ на умѣ недоброе, когда договорились съ ляхами на томъ, чтобъ съ обѣихъ сторонъ ослушниковъ усмирятѣ».

Полковники не совсѣмъ довѣряли и опасались, не испытываетъ ли гетманъ ихъ расположеніе къ Москвѣ? Бруховецкій замѣтилъ это недовѣріе, снялъ съ шеи крестъ, поцѣловалъ его и увѣрялъ всѣхъ, что говоритъ искренно.

Изъ полковниковъ одинъ переяславскій Дмитрашка Райча былъ вполнѣ подготовленъ къ новому предпріятію и сдѣлался сторонникомъ Дорошенка: къ этому онъ приведенъ былъ своею женою, вдовою Васюты Золотаренка, которой братъ-чернецъ жилъ при Дорошенкѣ. Прочіе полковники и старшины увлеклись страхомъ, такъ какъ о дурныхъ замыслахъ московскаго правительства давно уже ходили слухи въ народѣ. Рѣшили не признавать власти ни царя московскаго, ни короля польскаго, а обратиться къ государю турецкому и отдаться подъ высокую его руку, какъ подстрекалъ ихъ всѣхъ Дорошенко.

Послѣ этой рады Бруховецкій отправилъ лубенскаго полковника Гамалѣю, генеральнаго обознаго Безпалаго и канцеляриста Кашперовича въ Турцію — предлагать султану въ подданство малороссіянъ съ тѣмъ, чтобъ султанъ обязался защищать новыхъ подданныхъ отъ притязаній Россіи и Польши [1]). Бруховецкій выговаривалъ себѣ право быть вассальнымъ княземъ Украины подъ главенствомъ Турціи, на подобіе Семиградскаго князя, и сидѣть на княжескомъ престолѣ въ Кіевѣ. Въ то же время Степанъ Гречаный, бывшій войсковой писарь, отправился за тѣмъ же дѣломъ въ Крымъ къ хану [2])

Въ январѣ 1668 года, въ Чигиринѣ, у Дорошенка происходила рада: были тамъ козацкіе старшины, полковники и полковыя начальныя лица правой стороны Днѣпра; были тамъ духовные сановники и въ числѣ ихъ митрополитъ Іосифъ и архимандритъ Гедеонъ Хмельницкій, былъ тамъ ханскій посланникъ, были посланцы изъ Сѣчи, пріѣхавшіе принести присягу отъ всего товарства на покорность Дорошенку; наконецъ, были тамъ посланцы съ лѣваго берега Днѣпра — одинъ отъ епископа Меѳодія какой-то чернецъ, — другой отъ Бруховецкаго — какой-то знатный козакъ. Свидѣтелемъ этой рады былъ шляхтичъ Сѣножатскій, освободившійся изъ турецкой неволи и возвращавшійся на родину черезъ Чигиринъ, но онъ не умѣлъ назвать по имени того, кто былъ тогда посланцемъ отъ Бруховецкаго. Бруховецкій уже не первый разъ отправлялъ къ Дорошенку своего тайнаго посланца. Въ этотъ разъ, въ присутствіи многихъ другихъ, Дорошенко не говорилъ уже его посланцу, что готовъ

---

[1]) Лѣт. Сам., 51. — Лѣтописное повѣств. о Мал. Рос. Ригельмана, стр. 105.

[2]) А. Ю. и З. Р., VII, 93. Лѣт. Самов., изд. 1878, стр. 99.

уступить Бруховецкому гетманское достоинство; — напротивъ, толковалъ о томъ, чтобы вся Украина была въ полномъ единеніи, хотя бы даже находилась разомъ подъ двумя гетманами, но о личности Бруховецкаго отзывался онъ тогда вовсе неуважительно. «Бруховецкій», говорилъ Дорошенко, — «человѣкъ худой и непородистый, зачѣмъ принялъ на себя такое бремя и отдалъ козаковъ Москвѣ со всѣми податьми? того отъ вѣка у насъ не бывало!»

— «Его неволею взяли къ Москвѣ со всею старшиною и тамъ заставили ихъ подписать все чего хотѣли», — отвѣчалъ посланецъ въ оправданіе своего гетмана и лѣвобережныхъ старшинъ.

И на этой радѣ, какъ на той, что происходила у Бруховецкаго, положили отрѣзаться отъ московскаго государства и отъ Польши и поддаться Турціи, въ надеждѣ вассальной самобытности подъ ея властію. Хмельницкій при этомъ говорилъ, что откопаетъ отцовскіе скарбы и употребитъ ихъ на плату татарамъ, лишь бы избавить Украину отъ московскаго царя и отъ польскаго короля.

Епископъ Меѳодій былъ въ Москвѣ, куда звали его участвовать, вмѣстѣ съ другими духовными сановниками, въ судѣ надъ патріархомъ Никономъ, и недавно воротился очень недовольнымъ изъ царской столицы. Мало давали ему соболей, мало «корму» присылали; не оказывали ему такой почести, какъ прежде: это дѣлалось оттого, что въ Москвѣ считали его человѣкомъ совсѣмъ уже окрѣпшимъ въ подданствѣ, а не такимъ, котораго нужно ласкать и баловать, чтобъ къ себѣ прикрѣпить. Вернувшись въ Украину, онъ остановился жить въ своемъ Нѣжинѣ, — жилъ открыто, дѣлалъ пиры, приглашалъ на нихъ и малороссіянъ, и великороссіянъ, и, не стѣсняясь, такъ рѣзко порицалъ великороссійскихъ бояръ и архіереевъ, что

однажды нѣжинскій воевода, Ржевскій, ушелъ отъ обѣда, не пожелавши слушать непріятныхъ для него отзывовъ объ его землякахъ. «Все у нихъ дурно, — говорилъ епископъ, — и вельможные паны ихъ, и архіереи, и всякихъ чиновъ люди — такіе грубые, противные: никогда больше не поѣду въ эту столицу!»

Бруховецкій давно уже находился въ непріязни съ епископомъ, — теперь, задумавши отступить отъ Москвы, онъ разсчелъ полезнымъ примириться и снова подружиться съ Меѳодіемъ, тѣмъ болѣе, какъ услышалъ, что епископъ не съ прежнимъ дружелюбіемъ относится къ Москвѣ. Посредникомъ въ дѣлѣ такого примиренія избралъ гетманъ печерскаго архимандрита Иннокентія Гизеля, хотя и съ послѣднимъ давно уже былъ не совсѣмъ въ ладахъ. Онъ послалъ приглашать къ себѣ въ Гадячъ архимандрита. «Я хоть и не хотѣлъ, а боячись козаковъ, радъ не радъ, долженъ былъ ѣхать — и поѣхалъ», говорилъ впослѣдствіи Иннокентій.

— За что, — спрашивалъ его Бруховецкій, — печерская братья меня не любитъ и Бога за меня не молитъ?

— Мы, — отвѣчалъ Гизель, — зла на тебя не имѣемъ, а только неласку твою видимъ: козаки маетности монастырскія опустошаютъ, подданныхъ нашихъ бьютъ, коней и воловъ, и всякій скотъ и хлѣбъ крадутъ, иноковъ благочестивыхъ безчестятъ. Мы къ тебѣ о томъ писали, а ты писанье наше слезное презрѣлъ.

— Это, — сказалъ гетманъ, — все оттого, что полковники васъ обижали и на васъ наговаривали, а я имъ вѣрилъ; теперь же вѣрить больше не стану. А ты, отецъ архимандритъ, помири меня съ епископомъ Меѳодіемъ; пусть бы онъ оставилъ противъ меня всякую злобу. Мы бы стали промежъ собою любовно жить, въ совѣтѣ, и

тогда во всемъ краѣ малороссійскомъ люди пребывали бы въ покоѣ.

Иннокентій Гизель изъ Гадяча отправился въ Нѣжинъ, къ гостепріимному епископу, передалъ ему о своемъ свиданіи съ Брюховецкимъ и, съ своей стороны, убѣждалъ Меѳодія примириться съ гетманомъ.

Раздраженный противъ Москвы, Меѳодій былъ какъ нельзя болѣе радъ, услышавши такое предложеніе. Онъ отправился въ Гадячъ. Примиреніе съ гетманомъ состоялось наилучшимъ образомъ. Въ утвержденіе взаимной дружбы гетмана съ епископомъ, сынъ Меѳодія женился на племянницѣ Брюховецкаго. Брюховецкій сообщилъ епископу свои опасенія на счетъ похода въ Украину Нащокина съ царскою ратью. Меѳодій далъ новому свату такой совѣтъ: «надобно тебѣ, гетманъ, выходить на границу и не впускать въ Украину московскихъ бояръ съ войскомъ, а не то — Москва тебя схватитъ и отдастъ въ подарокъ ляхамъ, какъ Барабаша когда-то отдали Выговскому».

Полковники, бывшіе на радѣ у Брюховецкаго въ день новаго года, по возвращеніи въ свои полки, принялись возбуждать своихъ подчиненныхъ противъ московской власти и приготовлять ихъ къ изгнанію воеводъ и ратныхъ царскихъ людей. Сперва они таились отъ великороссіянъ, такъ какъ и на радѣ условлено было хранить замыселъ въ тайнѣ отъ великороссіянъ до поры до времени. Одинъ только прилуцкій полковникъ, Лазарь Горленко, не исполнилъ взаимнаго уговора и сообщилъ нѣжинскому воеводѣ, Ржевскому, о томъ, что происходило на радѣ. Прочіе разослали универсалы, которыми дозволялось не платить въ царскую казну податей, не исполнять воеводскихъ приказаній и посполитымъ, по своему желанію, записываться въ козаки: послѣднее дозволеніе

было чрезвычайно по вкусу малороссійскому поспольству: съ эпохи Богдана Хмельницкаго у каждаго посполитаго малороссіянина вольный козакъ былъ идеаломъ, и стремленіе сдѣлаться козакомъ вездѣ прорывалось при всякомъ удобномъ случаѣ.

Кіевскій воевода, главный между царскими воеводами, посаженными въ малороссійскихъ городахъ, началъ получать отъ воеводъ тревожныя донесенія одно за другимъ. 5-го января написалъ ему изъ Остра воевода Рагозинъ, что въ козелецкомъ повѣтѣ крестьяне, «лучшіе» (т. е. зажиточнѣйшіе) люди, не хотятъ взносить въ казну слѣдуемаго съ нихъ хлѣба и записываются въ козаки. Вслѣдъ затѣмъ прислалъ извѣстіе прилуцкій воевода Загряжскій, что по гетманскому указу, объявленному прилуцкимъ полковникомъ, въ пригородкахъ: Красномъ [1]), Ичнѣ [2]), Карабутовѣ [3]), Срѣбномъ [4]), мѣщане и крестьяне объявили себя козаками, рѣшительно отреклись отъ всякихъ взносовъ въ царскую казну и хотѣли побить посланныхъ для сбора государевыхъ людей. Между тѣмъ, у Загряжскаго было всего 38 солдатъ и 23 драгуна, при многолюдствѣ козаковъ въ Прилукахъ. Затѣмъ получены въ Кіевѣ извѣстія отъ переяславскаго воеводы, Алексѣя Чирикова, и миргородскаго — Приклонскаго, сообщавшія, что въ полкахъ переяславскомъ и миргородскомъ повсюду посполитые заявляютъ, что не будутъ взносить никакихъ поборовъ и самовольно посту-

---

[1]) Село прилуцкаго уѣзда, полтавской губ., при рѣкѣ Супоѣ.

[2]) Мѣстечко борзненскаго уѣзда, черниговской губерніи, при рѣкѣ Иченкѣ.

[3]) Село константиновскаго уѣзда, черниговской губерніи, при рѣкѣ Ромнѣ.

[4]) Срѣбное — мѣстечко прилуцкаго уѣзда, полтавской губерніи, при рѣкѣ Лисогорѣ.

паютъ въ козаки. Запорожцы пришли въ пригородки и села миргородскаго полка, въ которыхъ были устроены оранды (продажа вина на откупѣ), били орандарей (откупщиковъ), разграбили погреба,—а миргородскій войтъ и бурмистръ говорили ратнымъ людямъ: «будьте съ нами за одно, не то вашему воеводѣ и вамъ жить у насъ только до масляницы». Миргородскій воевода Приклонскій писалъ, что у него ратныхъ людей всего 35 человѣкъ, и уже одна мѣщанка предупреждала, что малороссіяне хотятъ ихъ всѣхъ побить. Изъ Нѣжина 27-го и 29-го января воевода Ржевскій доносилъ Шереметеву, что нѣжинскій полковникъ Артемъ Мартыновичъ, объявилъ козакамъ, что, по приказу гетмана, можно всѣхъ изъ поспольства принимать въ козаки, а когда воевода сдѣлалъ замѣчаніе полковнику, тотъ сказалъ: «въ Малороссіи люди вольные, можно мужикамъ записываться въ козаки, потому что ныньче намъ люди надобны».

Вслѣдъ затѣмъ вѣсти о такихъ же отказахъ взноса въ царскую казну поборовъ и о самовольномъ поступленіи посполитыхъ въ козаки получилъ Шереметевъ отъ воеводъ: сосницкаго — Лихачева, батуринскаго — Клокачева и глуховскаго — Кологривова. Новгородъ-Сѣверскій воевода Квашнинъ, отъ 30-го января, а потомъ отъ 4 го февраля, извѣщалъ, что въ городъ вошли, по гетманскому приказу, какіе-то козаки, жители тотчасъ пристали къ нимъ и, вмѣстѣ съ ними, угрожаютъ побить царскихъ ратныхъ людей. 8-го февраля, изъ Глухова воевода Кологривовъ извѣщалъ Шереметева, что въ городъ Глуховъ пришло 1,500 конныхъ и пѣшихъ запорожцевъ, а жители тотчасъ стали съ ними совѣтоваться, какъ выгонять воеводу съ царскими ратными людьми; у воеводы ратныхъ было 341 человѣкъ — и съ ними онъ устоять не надѣялся. Стародубскій воевода Игнатъ Волконскій, отъ

5-го февраля, сообщилъ Шереметеву, что стародубскій полковникъ измѣнилъ государю, поставилъ изъ козаковъ стражу около города, гдѣ сидѣлъ воевода, и приказалъ не пропускать къ нему на помощь ратныхъ людей, хватать и приводить къ себѣ гонцовъ, ѣдущихъ къ воеводѣ или посылаемыхъ отъ него. Волконскій извѣщалъ, что съ нимъ всего 250 человѣкъ и пороха мало: защищаться трудно.

Малороссіяне стали враждовать тогда не только съ царскими ратными людьми, но и со всѣми людьми великороссійскаго происхожденія. Ѣхали крестьянскія великорусскія подводы съ запасами въ Кіевъ; въ Батуринѣ, у городскихъ воротъ, напали на нихъ малороссіяне, отняли возы и лошадей, а четырехъ крестьянъ убили до-смерти; прочіе убѣжали, но подвергались въ другихъ мѣстахъ насиліямъ: въ Королевцѣ и въ селахъ около этого городка ихъ раздѣвали до-нага, стояли у нихъ надъ шеями съ топоромъ, обыскивали ихъ, не везутъ ли они писемъ, — говорили имъ: «коли писемъ у тебя нѣтъ — живъ будешь, а коли письма найдемъ — голову тебѣ отсѣчемъ!» Малороссійскіе мужики, по наущенію запорожцевъ, подосланныхъ Бруховецкимъ, беззастѣнчиво кричали: «вотъ пришла пора всѣмъ намъ быть вольными козаками, и во всѣхъ малороссійскихъ городахъ надобно вырубить воеводъ и царскихъ ратныхъ людей!» Черниговскій воевода Андрей Толстой послалъ съ царскою казною капитана; на него напали малороссіяне, отняли царской казны 2,700 рублей, а солдатъ, бывшихъ при казнѣ, изрубили; вслѣдъ затѣмъ, въ половинѣ февраля, черниговскій полковникъ Самойловичъ съ полками черниговскимъ и полтавскимъ осадилъ воеводу въ маломъ городѣ (за̀мкѣ) и безпокоилъ его безпрерывною пальбою изъ пушекъ и ручнаго ружья. Тол-

стой послалъ въ Москву отписку, которую посланецъ засунулъ въ свой посохъ, чтобъ уйти отъ обысковъ.

Къ городу Остру явился бывшій кіевскій полковникъ Дворецкій и новый кіевскій полковникъ Ивановъ съ козаками кіевскаго полка; начали они чинить жестокіе приступы къ городу (за̀мку), а остерскіе жители тотчасъ перешли на ихъ сторону. Воевода Рагозинъ отбивался съ третьяго часа дня (съ 8-ми утра) до ночи. Государевы ратные люди овладѣли половиною Остра и сожгли ее; Дворецкій со своими козаками и съ острянами удержался въ другой половинѣ, устроилъ раскаты, шанцы и подкопы и сталъ сильно тѣснить великороссіянъ. Но прибывшимъ отъ Шереметева стрѣльцамъ удалось взять и раскопать нѣсколько козачьихъ шанцевъ, сжечь всѣ раскаты (башни), устроенные малороссіянами, зажечь еще часть города, остававшуюся въ цѣлости, и доставить сидѣвшему въ за̀мкѣ Рагозину порохъ и другіе снаряды. Весенняя распутица помѣшала присылкѣ новой подмоги изъ Кіева. Четвертая часть города Остра находилась еще въ рукахъ Дворецкаго.

Такія событія совершались въ лѣвобережной Украинѣ въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1668 года. Въ городѣ Гадячѣ гетманъ Бруховецкій старался нѣсколько времени не подать великороссіянамъ, находившимся близь него, повода къ подозрѣніямъ, но сталъ разсылать въ разныя стороны универсалы, извѣщая народъ, что московскій царь заключилъ съ ляхами уговоръ погубить козаковъ и далъ польскому королю десять милліоновъ злотыхъ для найма иноземнаго войска на истребленіе козаковъ: въ видахъ самозащиты гетманъ побуждалъ изгонять и избивать враговъ своихъ, великороссійскихъ ратныхъ людей. По этимъ возбужденіямъ гетмана, въ Гадячъ стала стягиваться военная козацкая сила. То́гда воевода

Евсевій Огаревъ обратился къ гетману и спрашивалъ: что̀ этому за причина?

Гетманъ отвѣчалъ:

— Мнѣ стало вѣдомо, что вышла изъ Крыма татарская орда и стоитъ подъ Чернымъ-Лѣсомъ; для этого я и войско собираю. Я уже написалъ о томъ великому государю и въ Бѣлгородъ къ князю Барятинскому писалъ.

Скоро набралось въ Гадячѣ до восьми тысячъ козаковъ. Царскимъ ратнымъ людямъ съ каждымъ часомъ становилось все тревожнѣе. Городъ Гадячъ былъ совсѣмъ почти неукрѣпленъ.

8-го февраля, въ воскресный день, воевода Евсевій Огаревъ съ великороссійскими полковниками рейтарскаго строя Ягномъ (Іоганномъ) Гульцемъ и солдатскаго строя Дирикомъ Граффомъ отправился къ Бруховецкому челомъ ударить, — въ праздникъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ. Прежде Иванъ Мартыновичъ для почета самъ встрѣчалъ царскихъ начальныхъ людей, а теперь не вышелъ; вмѣсто гетмана, вышелъ къ нимъ карликъ гетманскій, по имени Лучка, и сказалъ: гетманъ ушелъ къ обѣднѣ въ церковь, вонъ — тамъ, подъ горою. Воевода Огаревъ смекнулъ, что тутъ есть неладное и приказалъ своему деньщику узнать: точно ли гетманъ въ церкви? Деньщикъ пошелъ въ церковь и, вернувшись, доложилъ что гетмана тамъ нѣтъ. Тогда Огаревъ пошелъ въ церковь къ обѣднѣ самъ, а его полковники, неправославные нѣмцы, разошлись по квартирамъ.

Немного времени спустя, къ полковнику Ягану пришли сказать, что гетманъ хочетъ видѣть его и говорить съ нимъ наединѣ.

Яганъ Гульцъ отправился къ гетману. Бруховецкій сказалъ ему: пріѣхали ко мнѣ запорожцы, кошевой и

полковникъ Соха, а съ ними и товарищей много, и говорили они мнѣ: не любо намъ то, что у насъ, въ малороссійскихъ городахъ, сидятъ воеводы царскаго величества и чинятъ людямъ многіе налоги и обиды. Я самъ о томъ знаю и уже писалъ его царскому пресвѣтлому величеству, но до сихъ поръ указа не было. Весь народъ недоволенъ, мятется. Вы, полковники, соберите свои полки и уходите изъ города. Этакъ лучше будетъ!

Яганъ Гульцъ отвѣчалъ: «изволь объ этомъ сказать воеводѣ и другимъ моимъ товарищамъ».

— Не хочу я посылать за воеводою, — сказалъ Бруховецкій и сталъ воеводу бранить. — Я, — продолжалъ онъ, — говорю это вамъ только оттого, что мнѣ васъ жаль! Буде вы изъ города не пойдете, васъ всѣхъ козаки побьютъ.

— Намъ нельзя противиться, — сказалъ Яганъ, — пойдемъ какъ прикажешь, лишь бы твои козаки насъ не побивали.

Бруховецкій всталъ, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и сказалъ:

— Вотъ тебѣ крестъ святой, наши козаки никакихъ задоровъ не учинятъ, лишь бы ваши ратные люди вышли смирно изъ города.

Полковникъ отправился къ воеводѣ и разсказалъ ему обо всемъ. Огаревъ пригласилъ другаго товарища, полковника солтадтскаго строя Дирика Граффа, да полуполковника рейтарскаго строя Готфрида Эренстра и пошелъ съ ними къ Бруховецкому.

Гетманъ сначала поломался и не велѣлъ ихъ пускать къ себѣ, но они поставили на своемъ и таки-добились доступа къ гетману.

Онъ имъ сказалъ:

— Воевода и вы, полковники, я вамъ приказываю

выступить изъ города, — слышите? а коли не пойдете, такъ знайте, васъ козаки всѣхъ побьютъ.

Гетманъ не сталъ болѣе съ ними разводить рѣчей. Воевода и полковники съ полуполковникомъ собрали другихъ царскихъ начальныхъ людей и стали совѣтъ держать, какъ имъ поступать.

— Намъ ничего не остается, какъ уходить, — сказалъ Евсевій Огаревъ, — насъ мало, всѣхъ, и конныхъ и пѣшихъ, человѣкъ двѣсти [1]), а у нихъ набралось тысячъ восемь народа; крѣпости въ Гадячѣ никакой нѣтъ, отсидѣться и удержаться намъ нельзя никакъ; и сами пропадемъ, и царскому дѣлу корысти никакой не будетъ!

Рѣшили уходить. Но только-что воевода, собравши всѣхъ ратныхъ сталъ направлять ихъ за городъ, козаки начали заступать имъ путь и затворятъ передъ ними городки и ворота. Бруховецкій не только уже не таился болѣе со своею измѣною, но явно глумился и ругался надъ государевыми слугами. Потребовавши, чтобъ ратные ушли добровольно, онъ вслѣдъ затѣмъ приказалъ козакамъ не пропускать ихъ. Началась свалка. Государевы ратные люди не нападали, а только защищались и отбивались. На челѣ козаковъ, загораживавшихъ путь ратнымъ людямъ, былъ Иванъ Бугай. Онъ нанесъ ударъ по головѣ Огареву. Раненый воевода съ своими людьми успѣлъ выскочить за городъ; зато другихъ безъ пощады изрубливали козаки: погибло такимъ образомъ 70 стрѣльцовъ и 50 солдатъ [2]). Изъ тѣхъ, что успѣли уйти впередъ, тридцать не были настигнуты козаками, но помо-

---

[1]) По отпискѣ Огарева въ январѣ, за мѣсяцъ до роковаго событія, у него было служилыхъ всякихъ чиновъ 649 человѣкъ.

[2]) А. Ю. и З. Р., VIII, 56; VII, 46—47.

розили себѣ руки, ноги, головы и померли на дорогѣ; другихъ козаки увели обратно въ городъ. Въ числѣ последнихъ былъ и воевода Огаревъ. По его просьбѣ, отвели его къ гадячскому протопопу, а тотъ позвалъ «цилюрика», человѣка, имѣющаго претензію лечить раненыхъ. Схватили жену Огарева, опростоволосили; поругались надъ нею, водили по городу и отрѣзали ей одинъ сосецъ на груди. Одинъ изъ нѣмцевъ, служившихъ тогда же въ царскомъ войскѣ, разсказывалъ, что въ этотъ страшный день добродушный хозяинъ, у котораго онъ жилъ, зная объ участи, ожидавшей царскихъ ратныхъ людей, укрылъ своего постояльца и держалъ въ погребѣ три дня, пока не улеглась народная злоба, потомъ выпроводилъ его въ городъ Каменное [1]), отстоявшій отъ Гадяча за три мили. Двухъ полковниковъ Гульца и Граффа и полуполковника Эренстра отдали подъ стражу атаману Ивану Берлятнику, и тотъ ихъ разослалъ по городамъ.

Выгнавши коварнымъ способомъ изъ Гадича воеводу и царскихъ ратныхъ людей, Бруховецкій хотѣлъ такимъ же способомъ выпроводить ихъ и изъ другихъ малороссійскихъ городовъ. Гетманъ разослалъ къ воеводамъ увѣщательныя письма, чтобъ они добровольно сдавали города и уходили: гетманъ обѣщалъ, что задерживать насильно ихъ не станутъ. Прежде всѣхъ сдался прилуцкій воевода Загряжскій, — за нимъ вслѣдъ сосницкій — Лихачевъ, батуринскій — Клокачевъ, глуховскій — Кологривовъ. Всѣхъ ихъ отвезли къ Бруховецкому въ Гадячъ; они сидѣли тамъ нѣсколько времени въ оковахъ, а потомъ отправлены въ лубенскій Мгарскій монастырь. Стародубскаго воеводу Волконскаго козаки убили. Воеводы миргородскій и полтавскій сначала думали было держаться, но скоро увидѣли

---

[1]) Харьков. губ., лебед. уѣзда, при р. Пслѣ.

невозможность устоять противъ возставшаго народа и сдались. Ихъ впослѣдствіи отвезли въ Чигиринъ къ Дорошенку. Черниговскому воеводѣ Андрею Толстому предлагалъ черниговскій полковникъ Самойловичъ послѣдовать примѣру другихъ воеводъ: «гетманъ уже отступилъ отъ Москвы и вошелъ въ союзъ съ Дорошенкомъ, такъ великороссійскимъ воеводамъ и ратнымъ царскимъ людямъ нечего дѣлать въ Малороссіи» — писалъ Самойловичъ. — Толстой не послушался его, приказалъ выжечь въ Черниговѣ большой городъ, или «місто» заперся въ маломъ городѣ, или зàмкѣ и рѣшился защищаться до послѣдней крайности. И Бруховецкій писалъ къ нему, совѣтуя покинуть зàмокъ съ пушками и всякимъ оружіемъ и уходить въ свою сторону, въ противномъ случаѣ грозилъ самъ лично двинуться къ Чернигову. Толстой ни на что не склонялся и удерживался до конца: въ періодъ возмущенія въ одномъ Черниговѣ воевода не былъ изгнанъ, какъ то сдѣлалось въ другихъ городахъ.

Въ Москвѣ чрезъ отписки Шереметева знали о безпорядкахъ въ Малороссіи еще прежде, чѣмъ гетманъ расправился въ Гадячѣ съ Огаревымъ и его ратными людьми.

Въ Москвѣ думали сначала, что причиною волненія — страхъ, чтобы, въ силу мирнаго договора съ Польшею, не отдали Кіева Польшѣ и не воротили ей чего-нибудь еще другаго въ Малороссіи. Незнаніе, на чемъ подлинно состоялся договоръ Москвы съ Польшею, давало народному воображенію возможность создавать себѣ страшные призраки, и, соображая это, московское правительство хотѣло отправить особаго посланца, чтобъ онъ прочиталъ договорныя статьи на большомъ съѣздѣ. Но скоро затѣмъ въ Москвѣ стало вѣдомо, что народъ волнуется по поводу воеводъ и сбора налоговъ въ царскую казну.

Теперь составлена была къ гетману грамата, въ которой правительство предоставляло полковникамъ, бурмистрамъ и войтамъ собирать съ народа все, что́ слѣдовать будетъ на содержаніе ратныхъ людей, а воеводамъ сборщиковъ отъ себя уже не разсылать. Въ граматѣ дѣлалось замѣчаніе, что если бы отъ всего малороссійскаго народа было подано челобитье объ освобожденіи отъ воеводскихъ властей, то оно было бы милостиво принято. 18-го февраля, когда въ Москвѣ узнали о томъ, что́ за десять дней передъ тѣмъ произошло въ Гадячѣ, послѣдовала царская грамата къ епископу Меѳодію, и въ этой граматѣ уже писалось, что Бруховецкій не только отступилъ отъ подданства царю, но и отъ христіанской вѣры и пролилъ кровь тѣхъ ратныхъ людей, которые его оберегали, что эта кровь «ему, какъ второму Іудѣ, разсадитъ утробу». Въ Москвѣ писали тогда къ Меѳодію, еще не зная, что Меѳодій съ Бруховецкимъ одного поля ягода; этому Меѳодію повѣрялось всякими способами отклонять народъ отъ козней «шатостныхъ людей, замышлявшихъ запровадить народъ малороссійскій въ бусурманскую неволю».

Въ то самое время прибылъ въ Москву польскій посолъ разсуждать о союзѣ двухъ христіанскихъ державъ, Польши и Россіи, противъ невѣрныхъ. Этотъ посолъ былъ Беніовскій, столь извѣстный своимъ коварствомъ въ прежнихъ сношеніяхъ Польши съ Малороссіей при Выговскомъ. Довѣрчивость къ прочности такого союза Польши съ Россіею была тогда въ Москвѣ такъ велика, что въ царской граматѣ Меѳодію говорилось какъ бы о несомнѣнномъ дѣлѣ, что, въ силу заступленія московскаго царя, съ польской стороны уже не будетъ болѣе насилія въ вѣрѣ украинцамъ, лишь бы они отстали отъ «бусурманской прелести».

Бруховецкій, разорвавши съ Москвою, разсылалъ не

только по малороссійскимъ городамъ гетманскаго управленія, но и въ слободскіе полки воззванія, возбуждавшія вражду къ москалямъ. «Польскіе и московскіе послы,— говорилъ въ своихъ воззваніяхъ гетманъ,—заключили между двумя державами миръ на томъ, чтобы съ обѣихъ сторонъ, какъ съ московской, такъ и съ польской, разорить нашу милую Украину и опустошить ее въ конецъ, истребивши въ ней всѣхъ жителей, и старыхъ, и малыхъ. Узнавши о такомъ замыслѣ, мы все-таки не захотѣли выгонять отъ себя москалей саблею, но думали безъ кровопролитія проводить ихъ въ цѣлости до московскаго рубежа; однако, они, москали, сейчасъ выявили скрытую въ себѣ злобу къ нашему народу, не пошли по указанной имъ дорогѣ, а бросились съ оружіемъ на христіанъ; народъ, защищая себя, сталъ бить ихъ—и такъ постигла ихъ та участь, какой они желали намъ: мало ихъ живыхъ отъ насъ ушло». Всѣхъ увѣщевалъ Брюховецкій выгонять отъ себя москалей, гдѣ только они есть, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, укорялъ жителей нѣкоторыхъ городовъ и селъ за то, что они завели у себя междоусобія: кто на кого прежде злобствовалъ, тотъ увидалъ теперь удобное время вылить свою злобу; гетманъ уговаривалъ всѣхъ забыть всякую недружбу къ своей братіи и обратиться противъ зломыслящихъ москалей.

Гетманъ не ограничился даже однимъ народомъ малороссійскаго происхожденія, а затѣвалъ привлечь къ своимъ замысламъ и донскихъ козаковъ, вѣроятно, уже слыша о возникавшихъ на Дону волненіяхъ, изъ которыхъ вскорѣ сложился разинскій бунтъ. Донцы хотя въ большинствѣ были по происхожденію великоруссы, но ихъ связывало съ Малороссіей то, что они были козаки и потому не терпѣли надъ собою тяготѣнія царскихъ властей. На этомъ-то основаніи обратился и къ нимъ

Бруховецкій, расточая самую безстыдную ложь. Такъ, въ своемъ воззваніи къ донцамъ, онъ извѣщалъ, будто москали заслали своего верховнаго пастыря патріарха Никона въ заточеніе за то, что удерживалъ ихъ отъ латынской ереси, что москали сами приняли унію и позволили въ церквахъ своихъ служить ксендзамъ, что Москва стала уже писать не русскимъ, а латинскимъ письмомъ.

Между тѣмъ Бруховецкій работалъ для своихъ замысловъ и въ другой сторонѣ. 2 апрѣля, Гамалѣя прибылъ въ Адріанополь и представился султану съ своими товарищами. Турецкія власти приняли новыхъ подданныхъ радушно и милостиво. Посламъ Бруховецкаго сказали: «по своему неизреченному милосердію, султанъ принимаетъ всѣхъ прибѣгающихъ къ его императорскому порогу и охраняетъ подъ крылами своей обороны отъ всякихъ оскорбленій. Всѣ прежде добровольно поступавшіе въ подданство оттоманской державѣ не видѣли отъ нея никакой несправедливости. Наша великолѣпная держава какъ изначала была могущественнѣйшею въ свѣтѣ и непобѣдимою, такою остается понынѣ и, при помощи высочайшаго Бога, пребудетъ такою до страшнаго суднаго дня». Каймаканъ великаго визиря тотчасъ же извѣстилъ польскаго канцлера, что народъ козацкій поступилъ подъ защиту цесарскаго могущества, но цесарь принялъ его не иначе, какъ воспретивши козакамъ дѣлать нападенія на Польшу, съ которою недавно Турція заключила вѣчный миръ [1]. Такъ какъ лѣвобережная Украина поступала въ подданство Турціи изъ-подъ московской, а не изъ-подъ польской власти, то ея принятіе не должно было ни въ какомъ случаѣ казаться полякамъ нарушеніемъ мирнаго договора.

---

[1]) Польск. корон. метр. снош. съ Турціею, связка 23.

Въ маѣ султанъ снарядилъ въ Украину двухъ чаушовъ: одинъ назначался собственно къ Дорошенку, другой къ лѣвобережному гетману. Посылаемый къ Бруховецкому имѣлъ отъ султана полномочіе заключить съ гетманомъ договоръ, по которому гетманъ со всѣмъ войскомъ запорожскимъ и со всею лѣвобережною Украиною отдавался турецкому падишаху въ подданство.

Вскорѣ затѣмъ ханъ крымскій присылалъ къ Бруховецкому своего агу съ увѣреніемъ, что явится на помощь гетману татарская орда [1]).

Но Бруховецкій не могъ уже никакою ложью потушить въ народѣ разгорѣвшуюся къ себѣ ненависть. Малороссіяне, недовольные введеніемъ воеводъ и сборами съ народа, производимыми черезъ лицъ великорусскаго происхожденія, не могли забыть, что эту новизну ввелъ въ ихъ отечествѣ не кто другой, какъ Бруховецкій. Притомъ самъ гетманъ былъ звѣрски жестокъ. Лѣтописцы въ примѣръ его жестокости указываютъ, между прочимъ, что незадолго до своей измѣны приказалъ онъ всенародно сжечь живьемъ полковницу Гострую, по выраженію лѣтописца, «за малую вину» [2]). Ненавидѣли Бруховецкаго старшины и полковники, хотя и были соучастниками его отступленія отъ Москвы. Они (неизвѣстно — кто именно и черезъ кого) послали тайно къ Дорошенку, просили его прибыть на лѣвую сторону Днѣпра и принять гетманскую власть вмѣсто Бруховецкаго [3]). Дорошенко прежде письменно увѣрялъ Шереметева, что хотя у него много войска козацкаго и татарскаго, но онъ никуда не двинетъ его безъ причины и отнюдь не затѣетъ

---

[1]) Польск. корон. метр. снош. съ Турціею, связка 23.
[2]) Лѣт. Грабянки, 197.
[3]) Лѣт. Самовидца 51. А. Ю. и З. Р., VII, 92

кровопролитія на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Но то писалось съ цѣлію отвесть глаза и обмануть бдительность кіевскаго воеводы [1]). Получивши тайное приглашеніе отъ старшинъ лѣвобережныхъ, онъ отправилъ отрядъ козаковъ къ Демьяну Многогрѣшному, который недавно изъ черниговскаго полковника сдѣлался генеральнымъ есауломъ и, конечно, былъ однимъ изъ тѣхъ, а можетъ быть — и главнымъ изъ тѣхъ, что приглашали Дорошенка. Вслѣдъ затѣмъ самъ Дорошенко съ войскомъ перешелъ Днѣпръ и направлялся на Гадячъ.

Прошелъ великій постъ, настала пасха, въ тотъ годъ очень ранняя: день Благовѣщенія приходился на святой недѣлѣ. Этотъ годъ былъ тѣмъ необыкновененъ, что, спустя мѣсяцъ послѣ пасхи, еще не росла трава, не растаялъ снѣгъ и стояли зимніе холода. Это замедлило вступленіе въ Украину великороссійскаго войска, которое, подъ начальствомъ Ромодановскаго, шло усмирять смуту, поднятую Бруховецкимъ. Не ранѣе какъ въ маѣ прибылъ Ромодановскій къ Котельнѣ, пограничному городку гадячскаго полка, но нашелъ тамъ уже порядочную козацкую «залогу». Бруховецкій заранѣе распорядился укрѣпить городки, пограничные къ великороссійскому краю.

Въ маѣ же явились къ Бруховецкому татары подъ начальствомъ мурзы Челибея. Гетманъ подарилъ Челибею 7,000 червонныхъ, рыдванъ съ лошадьми и двухъ русскихъ дѣвокъ; потомъ раздѣлилъ прибывшую орду — одну часть ея взялъ съ собою въ походъ, другую оставилъ въ Гадячѣ.

Но вотъ, вслѣдъ затѣмъ, явились посланцы отъ Дорошенка и отъ митрополита Тукальскаго. Прежде эти

---

[1]) А. Ю. и З. Р., VII, 42.

господа подущали Бруховецкаго отступить отъ Москвы и лелѣяли обѣщаніями, что Дорошенко готовъ уступить Бруховецкому гетманство одному, лишь бы обѣ части Украины были соединены; теперь и гетманъ, и митрополитъ приглашали Бруховецкаго снять съ себя гетманское достоинство, уступить одному Дорошенку, а Дорошенко, по своей милости, обѣщалъ Бруховецкому оставить въ пожизненное владѣніе Гадячъ съ пригородками [1]).

Трудно было болѣе поругаться надъ честолюбцемъ, какъ отправить къ нему такое неожиданное предложеніе. Бруховецкій пришелъ въ бѣшенство и излилъ свою ярость на Дорошенковыхъ козаковъ, приказавши ихъ заковать въ кандалы, а самъ двинулся съ войскомъ какъ бы для того, чтобы защищать Малороссію отъ Ромодановскаго и требовалъ, чтобъ къ нему поспѣшали козацкіе полки, — имъ онъ уже прежде приказалъ идти къ себѣ на соединеніе. Бруховецкій не зналъ, что уже почти всѣ полки передались Дорошенку.

Дорошенко двигался на востокъ по лѣвобережной Украинѣ и остановился подъ Голтвою; тамъ простоялъ онъ нѣсколько дней и, наконецъ, 29-го мая принялъ присланныхъ къ нему воеводъ и начальныхъ царскихъ ратныхъ людей, взятыхъ въ малороссійскихъ городахъ и посаженныхъ до его прихода въ лубенскомъ Мгарскомъ монастырѣ. Сперва Дорошенко потребовалъ, чтобъ они присягнули ему въ вѣрности. Царскіе слуги отказали на-отрѣзъ. Тогда Дорошенко приказалъ отправить ихъ въ Чигиринъ подъ карауломъ [2]). Узнавши, что Бруховецкій идетъ противъ Ромодановскаго, Дорошенко дви-

---

[1]) А. Ю. и З. Р., VII, 93.
[2]) Ibidem, VIII, 57.

нулся на перерѣзъ пути Бруховецкаго и достигъ Опошни въ то время, какъ Бруховецкій остановился у Зенькова. Тутъ Дорошенко прислалъ къ Бруховецкому десять сотниковъ и черезъ нихъ требовалъ, чтобъ Бруховецкій отдалъ добровольно Дорошенку свою булаву, бунчукъ, знамя и всю «гармату» (артиллерію) [1]). Взбѣшенный Бруховецкій приказалъ взять этихъ сотниковъ подъ караулъ и отослать въ Гадячъ, а самъ двинулся къ Опошнѣ (30 съ небольшимъ верстъ отъ Зенькова). Дошелъ онъ до Опошни. Тутъ заволновалось все козачество и закричало: «мы за гетманство Бруховецкаго биться не станемъ». Приступили къ Бруховецкому старшины и стали укорять его: «мы тебя въ гетманы выбрали, ждали отъ тебя всего добраго, а ты ничего хорошаго не учинилъ, только одно кровопролитіе отъ тебя сталось. Сдавай гетманство!»

Чернь бросилась грабить возы его, точно такъ, какъ бросалась когда-то подъ Нѣжиномъ и на возы Сомкà и Золотаренка, когда провозглашала гетманомъ Ивана Мартыновича. Бруховецкій убѣжалъ въ свой шатеръ, думая улизнуть отъ неминуемой гибели, но передъ нимъ явился посланецъ отъ Дорошенка. По одному извѣстію [2]), то былъ брацлавскій сотникъ Дрозденко, по другому [3]) — чигиринскій сотникъ по имени Савва.

Бруховецкій сѣлъ на кресло въ своемъ гетманскомъ шатрѣ. Посланецъ Дорошенка сказалъ: «иди, зоветъ тебя къ себѣ гетманъ!» и схватилъ рукою за кресло, на которомъ сидѣлъ Бруховецкій.

Подлѣ Бруховецкаго стоялъ запорожскій полковникъ

---

[1]) А. Ю. и З. Р., VII, 93.
[2]) Лѣт. Величка, II, 163.
[3]) А. Ю. а З. Р., VIII, 57.

Чугай: онъ былъ давній пріятель Ивана Мартыновича и теперь прибылъ къ нему служить съ нѣсколькими стами человѣкъ сѣчеваго товариства. Не утерпѣлъ онъ такого обращенія съ своимъ старымъ другомъ гетманомъ: онъ ударилъ посланца Дорошенкова мушкетнымъ дуломъ въ бокъ и повалилъ на землю [1]). Но на гетманскій наметъ ринулась толпа; раздались крики и ругательства; двое сотниковъ схватили Бруховецкаго за руки и потащили къ Дорошенку.

Правобережный гетманъ стоялъ на курганѣ, носившемъ названіе Сербинской могилы: тамъ были схоронены сербы, служившіе Выговскому и погибшіе тогда въ битвѣ противъ Пушкаренка.

Увидя Бруховецкаго, Дорошенко сказалъ ему: «зачѣмъ ты отвѣчалъ мнѣ грубо и не хотѣлъ добровольно отдать своей булавы, когда тебя не хочетъ имѣть гетманомъ козацкое товариство?»

Бруховецкій не отвѣчалъ ему ни слова. Тогда Дорошенко приказалъ увести его и приковать къ пушкѣ: то былъ обычный пріемъ наказанія у козаковъ.

Но Дорошенко, отдавши такой приказъ, произвелъ движеніе рукой, которое поняла по-своему свирѣпая толпа: бросились на Бруховецкаго, изорвали и истерзали на немъ платье до того, что онъ остался нагишомъ, били его ружейными дулами, рогатинами, дубинами и забили до смерти, «какъ бѣшеную собаку» [2]). Запорожцы, пришедшіе съ атаманомъ Чугаемъ, выбивались изъ силъ, чтобъ сколько-нибудь остановить народную злобу и направить ее на Дорошенка [3]). Ничто не могло спасти Бру-

---

[1]) Лѣт. Величка, II, 163.
[2]) А. Ю. и З. Р., VII, 93.
[3]) Лѣт. Величка, II, 163.

ховецкаго, онъ лежалъ уже мертвымъ, весь синій отъ побоевъ. «Я не виновенъ въ его смерти, — говорилъ Дорошенко, — я никому не велѣлъ убивать его!»

Послѣ того, какъ волненіе стало нѣсколько утихать, братъ Дорошенка, Андрей, приказалъ поднять тѣло убитаго гетмана, положить на возъ, подостлавши сѣна; такъ, Андрей Дорошенко повезъ его въ Зеньковъ; тамъ положили тѣло въ гробъ и отвезли въ Гадячъ. Тѣло бывшаго боярина и гетмана было до того изуродовано, что близкіе люди и самая жена гетмана едва могли узнать, чей трупъ привезли тогда въ Гадячъ. Его похоронили по христіанскому обряду съ подобающими его сану почестями въ церкви Богоявленія, въ Гадячѣ, имъ же самимъ построенной.

Бруховецкій былъ достойнѣйшимъ явленіемъ своей эпохи, такъ удачно прозванной «руиною», разумѣя здѣсь руину не только матеріальнаго, но и нравственнаго быта въ краѣ. Жадный, свирѣпый, коварный, лживый, не имѣвшій въ жизни никакого идеала, кромѣ грубаго личнаго эгоизма, онъ не отличался ни проницательностію, ни умѣньемъ управлять обстоятельствами, которыми пользовался только хватаясь за нихъ, когда они представлялись въ данное время ему подходящими. Взнесенный на верхъ величія междоусобіями, онъ наткнулся на московскую политику, растерялся и кончилъ свое поприще постыднѣйшимъ образомъ. Тогдашняя московская политика, по отношенію къ Малороссіи, приняла за правило содѣйствовать тому, что́, казалось, вело къ тѣснѣйшему соединенію малороссійскаго народа съ великороссійскимъ, и потому стала ласкать малороссіянъ, заявлявшихъ передъ Москвою такое стремленіе. Въ Малороссіи нашлись лица,

уразумѣвшія, какъ можно угодить Москвѣ и черезъ то самимъ возвыситься. Филимоновичъ былъ первый, который поднялся такимъ путемъ. За нимъ послѣдовалъ Брюховецкій. Самъ ли онъ задумалъ предать малороссійскій край великорусскому управленію, или мысль эта дана была ему въ Москвѣ — не знаемъ, но мы видѣли, что и онъ самъ, и старшины, съ нимъ бывшіе, награждены были почестями и выгодами за то, что допустили введеніе великорусскаго порядка въ управленіи Малороссіею съ нарушеніемъ старины. Оказалось, однако, что тогда такія нововведенія были скороспѣлы и неприложимы къ жизни. И черезъ эти нововведенія, и черезъ свое тиранство Брюховецкій озлобилъ до того малороссійскій народъ, что могъ держаться на гетманствѣ развѣ только при всегдашней помощи отъ великорусской военной силы. Но на Москву представлялось мало надежды, когда московская политика произвела роковой поворотъ въ судьбѣ малороссійскаго народа, предавая половину малороссійскаго края, по Андрусовскому договору, ненавистному для малороссіянъ польскому господству, и возникло въ народѣ опасеніе, что и другую половину малороссійскаго края отдадутъ туда же. Потерялъ Брюховецкій голову, — ударился въ противное — въ измѣну тому, что облагодѣтельствовало и возвысило его! И онъ погибъ ужаснымъ, но достойнымъ своей безнравственности способомъ. Въ народной памяти онъ не оставилъ по себѣ ничего, кромѣ ненависти и презрѣнія, а потомъ — вѣчнаго забвенія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЕТМАНСТВО МНОГОГРѢШНАГО.

I.

Народное волненіе послѣ убіенія Бруховецкаго. — Дорошенко ведетъ войско разорять маетности Бруховецкаго. — Дорошенко уѣзжаетъ въ Чигиринъ. — Демьянъ Многогрѣшный. — Запорожцы избираютъ въ гетманы Суховѣенка, покровительствуемаго ханомъ. — Василій Многогрѣшный. — Гвинтовка. — Архіепископъ Лазарь Барановичъ. — Демьяна Многогрѣшнаго избираютъ наказнымъ гетманомъ Сѣверскимъ. — Просьбы къ царю. — Отвѣтъ царя. — Дорошенко посылаетъ къ Шереметеву письмо Меѳодія къ Бруховецкому. — Содержаніе Меѳодія въ Кіевѣ и отправленіе его въ Москву.

Послѣ убійства Бруховецкаго, Дорошенко спрашивалъ громадную толпу козаковъ и народа на Опошненскомъ полѣ: «кому теперь покоримся: москалямъ, полякамъ или турку?» Неясны и безсвязны были дикіе крики толпы, но изъ нихъ Дорошенко могъ понять, что народъ склоненъ былъ въ то время предпочесть турецкое господство. Малороссіяне не испытали сладости турецкаго правленія, а были уже озлоблены противъ воеводъ и государевыхъ ратныхъ людей, потому и не заявили желанія быть подъ рукою царя православнаго, какъ это выразилось при Богданѣ Хмельницкомъ, когда этотъ гетманъ сдѣлалъ народу такой же вопросъ. Украинскій лѣтописецъ [1]) говоритъ, что въ день убійства Бруховец-

[1]) Лѣт. Величка, II. 164.

каго таборы двухъ гетмановъ, недавно стоявшіе другъ противъ друга, теперь соединились; козаки на мировую перепились, зашумѣли и поднялись роптать на Дорошенка. Раздавались даже угрозы убить его. Дорошенко приказалъ выкатить имъ еще нѣсколько десятковъ бочекъ горѣлки, чтобъ расположить ихъ этимъ къ себѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ ихъ перепоить до полнаго безчувствія. Самъ гетманъ выѣхалъ на край своего обоза и оставался тамъ до того времени, пока не улеглось волненіе. На другой день онъ приказалъ сниматься въ путь и направлялся къ Котельвѣ съ цѣлью удалить оттуда Ромодановскаго.

Но удалять было уже некого. Ромодановскій самъ отступилъ. Дорошенко двинулся къ Гадячу и приказалъ по сторонамъ разорять маетности Бруховецкаго. Въ Гадячѣ забралъ онъ плѣнныхъ великороссіянъ, жену Бруховецкаго и овладѣлъ всѣмъ движимымъ имуществомъ убитаго гетмана. Говорятъ, Дорошенко все-таки намѣревался идти на Ромодановскаго, отступавшаго отъ Котельвы къ Путивлю, какъ вдругъ къ нему приходитъ вѣсть, что оставшаяся въ Чигиринѣ жена его невѣрна ему, сошедшись съ какимъ-то молодцомъ («черезъ плотъ скóчила въ молодшимъ») [1]. Дорошенко счелъ необходимымъ отправиться на-скоро въ Чигиринъ, а вмѣсто себя, до своего возвращенія, назначилъ наказнымъ гетманомъ надъ войскомъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра Демьяна Игнатовича Многогрѣшнаго, бывшаго черниговскаго полковника, недавно возведеннаго въ званіе генеральнаго есаула. Въ самомъ Гадячѣ, который сталъ при Бруховецкомъ какъ-бы столицею лѣвобережной Малороссіи, гетманъ Дорошенко помѣстилъ брата своего Андрея, также со

() Лѣт. Самовидца.

значеніемъ какъ-бы гетманскаго намѣстника. Гетманъ поручилъ оставленнымъ силамъ докончить изгнаніе воеводъ и царскихъ ратныхъ людей, которые удерживались еще въ трехъ городахъ: Переяславѣ, Нѣжинѣ и Черниговѣ.

Дорошенку прежде казалось, что на лѣвой сторонѣ народъ любитъ его. То же казалось и многимъ другимъ. Но вышло, что казалось болѣе того, чѣмъ сколько на самомъ дѣлѣ было. Пока былъ въ живыхъ Бруховецкій, возбуждаемое имъ къ себѣ омерзѣніе располагало народъ пристать къ кому-то другому. Но когда ненавистнаго Бруховецкаго не стало, ни для старшинъ, ни для простыхъ козаковъ, ни тѣмъ менѣе для поспольства, этотъ кто-то, годный замѣнить Бруховецкаго, не былъ уже непремѣнно одинъ только Дорошенко. Запорожцы первые противъ него высказались. Былъ въ Сѣчѣ писарь Суховѣенко, человѣкъ хитрый и умѣвшій увлекать за собою товарищей. Около него сложился кружокъ, не хотѣвшій повиноваться Дорошенку. Началась мысль мстить за Бруховецкаго. Убитый гетманъ былъ всегда расположенъ къ запорожцамъ, за то и въ то время, когда уже украинцы всѣхъ званій ненавидѣли Бруховецкаго, только въ Сѣчѣ оставались у него друзья и сторонники. Еще со временъ избранія Богдана Хмельницкаго, бѣжавшаго въ Сѣчу отъ преслѣдованія Потоцкаго, Запорожье при всякомъ случаѣ выказывало притязаніе избирать гетмановъ для всей Украины, и не долюбливало тѣхъ гетмановъ, которые избирались безъ участія сѣчевиковъ. Суховѣенко доказывалъ товарищамъ, что какъ на Украинѣ гетмана уже нѣтъ, то «наставить» новаго должна славная Сѣча. Товарищи приняли такой совѣтъ и избрали самого Суховѣенка. Онъ обѣщалъ запорожцамъ идти по слѣдамъ славной памяти Ивана Мартыновича и продолжать начатое послѣд-

нимъ дѣло освобожденія Украины отъ московской власти при пособіи турокъ и татаръ. Братчики его же самого отправили къ хану и просили крымскаго государя утвердить своимъ признаніемъ выборъ Суховѣенка на гетманство надъ козаками. Лестно было такое предложеніе хану; оно давало ему какъ-бы право покровителя надъ Запорожьемъ и Украиною: ханъ принялъ Суховѣенка ласково, призналъ его гетманомъ, отправилъ вмѣстѣ съ нимъ двухъ салтановъ съ ордою и написалъ Дорошенку приказаніе, чтобъ тотъ шелъ съ войскомъ на лѣвый берегъ Днѣпра для соединенія съ Суховѣенкомъ. Но Дорошенко не расположенъ былъ ни уступать Суховѣенку гетманской власти, ни повиноваться хану. Однако, честолюбиваго гетмана Дорошенка извѣстіе о Суховѣенкѣ пробрало до души. Онъ отправилъ въ лѣвобережную Украину своего брата Григорія, а самъ, въ первыхъ числахъ сентября, стоялъ станомъ у Сокирной съ полками: уманскимъ, черкасскимъ, тарговицкимъ, бѣлоцерковскимъ,— паволоцкимъ, корсунскимъ, чигиринскимъ, кальницкимъ и съ наемнымъ охотнымъ, называвшимся серденецкимъ иначе сердюцкимъ, (какъ должно думать, по имени перваго полковника этого полка Сердени). Онъ сносился съ кіевскимъ воеводою Шереметевымъ черезъ отправленнаго послѣднимъ старца кіево-кирилловскаго монастыря Іезекіиля, обличалъ передъ нимъ коварство епископа Меѳодія и расточалъ увѣренія, что все правобережное козачество желаетъ поступить подъ державную руку великаго государя. Въ это время, будучи съ монахомъ Іезекіилемъ на-единѣ въ шатрѣ своемъ, Дорошенко вынулъ изъ ноженъ саблю и говорилъ: «не зарекаюсь этою саблею перевернуть весь Крымъ вверхъ ногами, какъ дѣдъ мой съ четырьмя тысячами весь Крымъ въ ничто обернулъ, а Калга еще у меня въ рукахъ!» Произнося эти слова,

Дорошенко скрежеталъ зубами и продолжалъ: «я пойду за Днѣпръ войною, только не противъ царскихъ ратныхъ людей, а противъ своего новаго недруга Суховѣенка, поставленнаго ханомъ въ гетманы. У него печать отъ крымскаго хана не такая, какая всегда была въ запорожскомъ войскѣ — человѣкъ съ мушкетомъ: у него на печати — лукъ да стрѣлы. Вотъ я и пойду на сокрушеніе этого лука и этихъ стрѣлъ, не всѣ запорожцы за Суховѣенкомъ, а только одна половина ихъ, другая — за мною! Писали ко мнѣ тѣ запорожцы, что не хотятъ Суховѣенка въ гетманы: просятъ, чтобъ я шелъ къ Днѣпру, гдѣ соберется чернецкая рада, а они Суховѣенковы стрѣлы и лукъ его изломаютъ!» Отцу Іезекіилю передавали козаки, будто Дорошенко такъ разозлился на крымскаго хана за ласку къ Суховѣенку, что приходившаго къ нему посланца отъ салтана Калги билъ по щекамъ и говорилъ: «скажи своему салтану или шайтану — ему то же будетъ, что тебѣ» [1]). Къ Дорошенку приходили тогда очень не милыя для него вѣсти: говорили, будто Суховѣенко, по своемъ избраніи, посылалъ къ турецкому падишаху просить подтвержденія въ своемъ достоинствѣ; говорили даже, что Суховѣенко самъ принялъ исламъ. Но эти слухи ничѣмъ пока не подтверждались.

Лѣвобережная Украина, тотчасъ послѣ удаленія Дорошенка, опять начала склоняться къ примиренію съ Москвою. Ромодановскій, какъ только узналъ, что съ Дорошенкомъ биться ему болѣе не приходится, двинулся къ Нѣжину. Враждебные московской власти, козаки въ то время добывали нѣжинскій за̀мокъ, гдѣ, запершись, сидѣлъ воевода Ржевскій, и убѣжали, когда увидали за собою силы Ромодановскаго, а за козаками вслѣдъ раз-

---

[1]) А. Ю. и З. Р., VII, 82.

бѣжались и нѣжинскіе жители, и оставили «мѣсто» пустымъ. Ратные люди сожгли «мѣсто» [1]). Ромодановскій двинулся къ Чернигову, преслѣдуя Многогрѣшнаго, оставленнаго отъ Дорошенка наказнымъ гетманомъ. Наказный гетманъ съ часу на часъ ждалъ къ себѣ обѣщанной Дорошенкомъ помощи, посылалъ къ нему гонца за гонцомъ и, наконецъ, какъ онъ самъ послѣ говорилъ, получилъ, уже дошедши до Чернигова, отъ Дорошенка отвѣтъ: «обороняйтесь сами».

Ромодановскій съ войскомъ пришелъ къ Чернигову; государевы ратные люди уже зажгли крайнюю часть Чернигова, такъ называемое «нове мѣсто», и безпокоили гранатами средину, носившую названіе «старе мѣсто». Тутъ Демьянъ Многогрѣшный послалъ Ромодановскому сказать, что не будетъ биться и сдаетъ Черниговъ. Ромодановскій отнесся къ предложенію дружелюбно, выпустилъ Многогрѣшнаго съ его козаками, а самъ вошелъ въ Черниговъ и соединился съ Толстымъ, освобожденнымъ такимъ образомъ отъ долгой осады.

Демьянъ Многогрѣшный ушелъ въ Сѣднево; тамъ свидѣлся онъ со стародубскимъ полковникомъ Рославцемъ или Рославченкомъ. Между ними былъ брошенъ первый зародышъ примиренія съ Москвою [2]). Оно развилось вслѣдъ затѣмъ такимъ путемъ. Въ Гадячѣ, между малороссіянами, которыхъ Бруховецкій держалъ въ заточеніи, былъ родной братъ Демьяна Многогрѣшнаго, Василій; его держали въ тюрьмѣ въ Гадячѣ за то, что онъ вогналъ въ гробъ побоями жену свою, а за недѣлю до своей смерти Бруховецкій отправилъ его въ мѣстечко Веприкъ. Начальствовавшій въ Гадячѣ послѣ Бруховец-

---

[1]) Лѣт. Самов., 52.
[2]) А. Ю. и З. Р., VII, 88—89.

каго Андрей Дорошенко призвалъ Василія Многогрѣшнаго съ себѣ и велѣлъ ѣхать къ гетману Дорошенку, который тогда, тотчасъ послѣ убійства Бруховецкаго, шелъ въ походъ подъ Котельву. Но Василій Многогрѣшный сообразилъ, что заднѣпровскій гетманъ ополчается противъ Москвы, а съ Москвою не сладитъ, и тогда не хорошо станется съ тѣми, о которыхъ откроется, что они враждовали съ Москвою. Вмѣсто того, чтобъ ѣхать къ гетману Дорошенку, Василій поѣхалъ въ Никольскій монастырь, находившійся между Коропомъ и Сосницей, и на пути своемъ въ Коропѣ съѣхался съ Матвѣемъ Гвинтовкою, который, по приказанію Бруховецкаго, сивѣлъ въ тюрьмѣ въ Нѣжинѣ, а послѣ убійства Бруходецкаго освободился и уѣзжалъ въ Коропъ. Оба, Василій Многогрѣшный и Матвѣй Гвинтовка, посовѣтовались между собою и нашли, что всего лучше и безопаснѣе вернуться на прежній путь и помириться съ Москвою· Они отправились къ Демьяну въ Сѣднево и узнали, что Демьянъ такъ же думалъ, какъ и они. Поѣхали въ Новгородъ-Сѣверскій вмѣстѣ съ Демьяномъ; туда съѣхались и нѣкоторые другіе старшины лѣвобережной Украины. Въ томъ же городѣ жилъ архіепископъ Лазаръ Барановичъ, человѣкъ очень уважаемый не только въ Малороссіи, но и во всей Россіи.

Демьянъ Игнатовичъ собралъ раду и говорилъ на ней: «Дорошенко насъ всѣхъ покинулъ, не присылаетъ обѣщанной помощи и едва ли слѣдуетъ намъ на него полагать какія нибудь надежды. Остается обратиться къ милосердію царскаго величества, а иначе москали разорятъ весь малороссійскій край и оборонять насъ никто не станетъ. Прежде же надобно выбрать между нами старшаго, наказнаго гетмана, чтобъ онъ отъ всѣхъ завелъ сношенія съ Москвою».

По извѣстію украинскаго лѣтописца [1]), это совѣщаніе происходило въ запертомъ дворѣ, который охраняла наемная компанія охотниковъ, служившихъ у Демьяна, одна изъ такихъ, которыя въ это время начали держать козацкіе полковники на свой счеть мимо козаковъ тѣхъ полковъ, которыхъ полковниками они считались. Это обстоятельство, по извѣстію лѣтописца, способствовало тому, что бывшіе на радѣ старшины угождали самому Демьяну. Они стали просить его принять на себя званіе старшо́го. Демко отговаривался и отказывался, по замѣчанію того же лѣтописца, точно такъ, какъ старая дѣвка отказывается отъ хорошаго жениха. Демьянъ согласился какъ будто уступая волѣ другихъ, хотя никто, какъ онъ же самъ, направилъ тогда всѣхъ по своему желанію.

Новый нареченный гетманъ началъ носить званіе гетмана Сѣверскаго; первымъ шагомъ его было обратиться къ архіепископу Лазарю Барановичу и просить взять на себя посредничество между виновною, но кающеюся Малороссіею и московскою властію,

26-го сентября изъ Сѣднева Демьянъ Игнатовичъ писалъ къ архіепископу Лазарю, что если государь изволитъ простить все, что́ за подущеніемъ Бруховецкаго случилось, и прикажетъ вывесть своихъ ратныхъ людей изъ Переяслава, Нѣжина и Чернигова, то козаки со всею Малороссіею лѣвой стороны Днѣпра готовы поклониться царю-государю и служитъ по его указу [2]). По этому письму Демьяна, Лазарь Барановичъ послалъ къ государю Алексѣю Михайловичу грамату, сочиненную съ чрезвычайно цвѣтистою риторикою, какою отличались всѣ писанія этого духовнаго мудреца своего вѣка. Смыслъ

---

[1]) Лѣт. Самовидца, 53.
[2]) А. Ю. и З. Р., VII, 64

его посланія къ царю былъ таковъ: онъ просилъ пощады и прощенія козачеству и замѣчалъ, что «родъ сей (козаки) хотя строптивъ, но со усердіемъ работаетъ, не щадя живота своего, если кому служить захочетъ». Это такой «родъ», который болѣе всего дорожитъ свободою и «по нуждѣ не воинствуетъ». Представляютъ тому примѣръ ляхи: пока имъ работали козаки, то ляхи подъ Хотиномъ и въ другихъ мѣстахъ совершали славныя дѣла, а когда ляховъ оставило Войско Запорожское, тогда ляхи въ нищету пришли.

На это прошеніе послѣдовала тотчасъ милостивая царская грамата. Изъявлялось согласіе государя принять въ прежнюю милость кающихся. Демьянъ Многогрѣшный, получивши черезъ Лазаря Барановича въ такомъ смыслѣ отвѣтъ, писалъ архіепископу снова, что козацкое войско благодаритъ за милость, но все-таки объявляетъ, что хочетъ быть въ подданствѣ у московскаго государя не иначе, какъ на основаніи статей, составленныхъ при Богданѣ Хмельницкомъ, и съ тѣмъ чтобъ государь велѣлъ вывесть своихъ ратныхъ людей изъ малороссійскихъ городовъ. При этихъ условіяхъ Демьянъ давалъ обѣщаніе сманить въ подданство царю не только лѣвую сторону Днѣпра, но и правую. Затѣмъ отправлены были въ Москву посланцами братъ Демьяна Василій и Матвѣй Гвинтовка. Выбрали, какъ видно, нарочно такихъ, которые терпѣли гоненіе отъ Бруховецкаго.

Послѣ объясненій, которыя имѣли эти лица въ Москвѣ, была прислана отъ государя грамата къ Лазарю Барановичу, отъ 9-го ноября. Царь, видя обращеніе наказнаго гетмана Демьяна Многогрѣшнаго и стародубскаго полковника Петра Рославченка, жаловалъ козаковъ и все поспольство лѣвой стороны Днѣпра и отпускалъ имъ вины, содѣянныя по наважденію клятвопреступника и

измѣнника Бруховецкаго, если только они принесутъ «царской богохранимой державѣ покореніе истинное, а не превратное».

Между тѣмъ Дорошенко, отправивши за Днѣпръ своего брата Григорія, остановился идти туда самъ, когда до него дошло извѣстіе, что Демьянъ, котораго онъ оставилъ своимъ наказнымъ гетманомъ, переходитъ съ козаками на царскую сторону. Приходилось Дорошенку такимъ образомъ разомъ бороться и противъ Суховѣенка, подставленнаго запорожцами и нашедшаго себѣ опору въ Крыму, и противъ Демьяна и всѣхъ его сторонниковъ, покорявшихся московскому государю. Приходилось Дорошенку вывертываться между Москвою, Польшею и Крымомъ. Дорошенко сталъ льстить московской сторонѣ, увѣрять, что желаетъ поступить подъ царскую руку. Онъ писалъ боярину Шереметеву, что, видя дружбу и союзъ между московскимъ государемъ и польскимъ королемъ, хочетъ онъ жить съ великороссіянами въ любви и братской дружбѣ наипаче прежняго, увѣрялъ, что онъ уже отлучился отъ татаръ и ихъ побиваетъ, и что если онъ ходилъ за Днѣпръ, то поступалъ такъ по просьбѣ полковниковъ для избавленія ихъ отъ измѣнника Бруховецкаго, а подъ Котельву ходилъ онъ потому, что бояринъ Ромодановскій сталъ тѣснить этотъ городъ: онъ, Дорошенко, только освободилъ Котельву, но не преслѣдовалъ царской рати; если же народъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, свергнувши измѣнника Бруховецкаго, призналъ его гетманомъ, такъ это надобно приписать волѣ Божіей. Дорошенко, въ заключеніе, просилъ боярина не посылать ратныхъ людей на малороссійскіе города и оставаться съ нимъ, гетманомъ, въ дружбѣ и согласіи. Шереметевъ отписывалъ Дорошенку двусмысленно: отчасти притворялся, будто вѣритъ ему, отчасти же доказывалъ ему

неосновательность его уловокъ. Посланный Дорошенкомъ братъ его, Григорій, избралъ себѣ мѣстопребываніемъ Козелецъ. Шереметевъ отправилъ къ нему ротмистра Рославлева убѣждать Григорія принести присягу царю на вѣрность, такъ какъ самъ Григорій первый о такомъ желаніи написалъ боярину. На убѣжденія Рославлева Григорій сказалъ: «съ какой неволи мнѣ присягать? Я вольный человѣкъ, летаю какъ орелъ сизый».

— Да ты же писалъ къ боярину, — замѣтилъ Рославлевъ.

— Писалъ, — отвѣчалъ Григорій, — чтобъ онъ съ нами задоровъ не начиналъ. За что́ у насъ не ладится? За наши козацкія вольности, за то, что насъ въ подданство привести трудно! Мы за свои вольности всѣ до послѣдняго человѣка помремъ, а вотъ, коли великій государь изволитъ своихъ воеводъ и ратныхъ людей изъ малороссійскихъ городовъ вывесть, тогда — иное дѣло. Мы въ послушаніи великому государю быть рады, и войско запорожское московскому государству — каменная стѣна.

Но переписываясь съ Дорошенками, Шереметевъ сносился также и съ поляками, враждебно относившимися къ гетману Дорошенку, пригласилъ польской службы полковника Пиво-Запольскаго и послалъ его вмѣстѣ съ отрядомъ царскихъ ратныхъ людей на городки, признававшіе Дорошенка; посылалъ Шереметевъ письма и къ бѣлоцерковскому коменданту, которыя попадали въ руки козакамъ Дорошенка, и по этимъ письмамъ Дорошенко упрекалъ боярина, что онъ ищетъ пагубы Дорошенку и его козакамъ. Такимъ образомъ, съ обѣихъ сторонъ, Дорошенко и Шереметевъ дѣлали другъ другу пакости при сохраненіи видимаго дружелюбія въ своей перепискѣ. Митрополитъ Іосифъ Тукальскій игралъ тогда роль посредника, увѣрялъ Шереметева, что Дорошенко посту-

пилъ какъ истинный рабъ обоихъ монарховъ, «освобождая христіанъ отъ пагубы, а царскихъ ратныхъ отъ великихъ ордъ соблюдая», и давалъ московскому боярину совѣты отдать Кіевъ не ляхамъ, гонителямъ православной вѣры, а Войску Запорожскому. На это бояринъ отвѣчалъ: «мы не отдадимъ Кіева никому и не выступимъ изъ него, пока душа наша въ тѣлѣ».

Дорошенко препроводилъ Шереметеву перехваченное письмо Меѳодія къ Бруховецкому, обличавшее недоброжелательство епископа къ Москвѣ и стачку съ измѣнникомъ гетманомъ. Любопытное это письмо, послужившее главнѣйшею уликою противъ Меѳодія, гласило такъ:

«Для Бога не плошайся, милость твоя. Вижу, идетъ дѣло не о ремешкѣ, а о цѣлой кожѣ нашей. Чаять, тотъ честный Нащокинъ къ тому привелъ и приводитъ, чтобъ васъ, купно же и насъ съ вами вмѣстѣ, взявъ за шею, выдать ляхамъ. Почему вѣдать: не на томъ ли и присягалъ себѣ? Якожь и много знаковъ такихъ, что о насъ торгуются; — лучше-бъ насъ не манили, нежели такъ съ нами лестно поступать. И впрямъ въ великомъ остерегательствѣ живи, да и запорожцы всячески удовляй, а буде сколько запорожцевъ вышло, ими укрѣпляйся, а сверхъ того, и тѣ городы, порубежные, людьми своими досмотри (т.-е. людей своихъ тамъ расположи), чтобъ больши Москва (великороссіяне) ихъ не засѣли. И сей мой таковъ совѣтъ занеже утопающій за бритву емлется». Далѣе Меѳодій въ письмѣ своемъ совѣтуетъ Бруховецкому послать Дворецкаго подъ предлогомъ какого-нибудь войсковаго дѣла посланцемъ къ царскому величеству, чтобъ онъ тамъ провѣдалъ о замыслахъ Нащокина и московскихъ бояръ. «И то не добрый знакъ, — продолжаетъ Меѳодій, — что Шереметевъ самыхъ бездѣльныхъ ляховъ любовно пріемлетъ и ихъ подчиваетъ, бѣдныхъ людей

мучитъ, а ляховъ удовольствоваетъ, изъ пушекъ стрѣляетъ, а козаковъ, хоть бы какіе честные люди, за лядскихъ собакъ не почитаетъ и, сверхъ того, еще похваляется на козаковъ неслушно, какъ мнѣ Дворецкій разсказывалъ, да и съ Дорошенкомъ ссылается, а ты ни о чемъ не вѣдаешь. Также разумѣю, что о семъ съ тобою не ссылаются, а слышу, Тяпкинъ съ Дорошенкомъ имѣютъ съѣзжаться негдѣ: Богъ вѣсть, что все не намъ ли на зло». Далѣе Меѳодій совѣтуетъ Бруховецкому беречься Нащокина и не отваживаться ѣхать къ нему, хотя бы тотъ и приглашалъ къ себѣ гетмана. Поручая посланцу своему пану Романовскому словесно изъяснить гетману подробнѣе важное дѣло, Меѳодій въ концѣ своего письма говоритъ: «я свою мысль тебѣ объявляю, что мнѣ моя отчизна мила. Храни Боже, чтобъ ляхамъ, взявши насъ за шею, имѣли отдавать, также и къ Москвѣ водити. Лучше смерть, нежели золъ животъ. И ты буди остерегателенъ, чтобы, храни Боже, не похотѣли и тебя, какъ покойнаго Барабаша, въ казенную телегу замкнувъ, вмѣсто подарка, ляхамъ отослати».

Препроводивши это письмо, Дорошенко писалъ Шереметеву: «Меѳодій былъ главнымъ заводчикомъ всякаго зла. Онъ подустилъ и умершаго Бруховецкаго на измѣну, хоть онъ теперь клянется Богомъ, будто не зналъ, не вѣдалъ; но такъ говоритъ онъ, не надѣясь на себя довода и свидѣтельства, а вотъ собственное рукописаніе обличаетъ его; пусть же правда неправедному посрамляетъ очеса».

Меѳодій былъ тогда въ Кіевѣ, а попалъ туда слѣдующимъ путемъ.

Какъ мы видѣли, онъ проживалъ въ Нѣжинѣ. Когда началось волненіе и пришла вѣсть въ Нѣжинъ, что въ Прилукахъ воевода сдался возставшимъ козакамъ, Меѳо-

дій намѣревался ускользнуть въ Кіевъ, чтобы передъ московскимъ правительствомъ показаться непричастнымъ поднятому волненію, котораго исхода онъ еще не могъ знать. Его туда не пустили. Тогда Меѳодій собрался уѣхать въ свою маетность Ушню; козаки проводили его туда по его же волѣ, хотя онъ тогда прикидывался, будто невольно ѣдетъ и уступаетъ силѣ. Когда Меѳодій выѣзжалъ изъ Нѣжина, въ то время нѣжинскій воевода Ржевскій стоялъ на городской стѣнѣ, и епископъ съ нимъ простился знаками. Не успѣлъ Меѳодій отъѣхать отъ Нѣжина нѣсколько верстъ, какъ до него стали долетать звуки начавшейся свалки между малороссіянами и великорусскими ратными людьми. Не долго довелось сидѣть епископу въ своей маетности. Демьянъ Многогрѣшный взялъ его оттуда вмѣстѣ съ дѣтьми и привезъ въ Черниговъ; тамъ епископъ сидѣлъ четыре недѣли за карауломъ: въ это время сынъ его былъ посланъ къ митрополиту Тукальскому и къ Дорошенку съ отцовскимъ письмомъ [1]). Едва сынъ епископа прибылъ въ Чигиринъ, какъ его тамъ посадили въ тюрьму и содержали подъ строгимъ карауломъ: въ Чигиринѣ епископа такъ же не любили, какъ и въ городахъ лѣвобережной Украины.

Изъ Чернигова Многогрѣшный отправилъ епископа въ Сѣднево, и тамъ пробылъ епископъ до того времени, какъ Дорошенко предпринялъ свой походъ на лѣвый берегъ Днѣпра. Остановившись подъ Пирятинымъ, Дорошенко вмѣстѣ съ Тукальскимъ отправили за епископомъ игумена чигиринскаго и полковника Петрановскаго. Эти лица привезли епископа въ станъ Дорошенка [2]). Епи-

---

[1]) Если дать вѣру показанію самого епископа, то въ этомъ письмѣ было увѣщаніе не помогать Бруховецкому противъ царскихъ ратныхъ людей.

[2]) Если вѣрить собственнымъ заявленіямъ Меѳодія, Дорошенко началъ убѣждать его отстать отъ московскаго царя и соединиться

скопа, по повелѣнію Дорошенка, отвезли въ Чигиринъ и помѣстили подъ карауломъ въ монастырѣ, а дѣтей его чернецы и челядники отвезли къ митрополиту Тукальскому въ городъ. На другой день послѣ его невольнаго водворенія, Тукальскій прислалъ потребовать отъ него архіерейскую мантію. «Велѣлъ тебѣ сказать митрополитъ», сообщилъ ему присланный чернецъ, «ты быть епископомъ не достоинъ, первое за то, что принялъ рукоположеніе отъ московскаго патріарха, второе за то, что московскому царю служишь и не хочешь добра гетману Дорошенку и митрополиту Іосифу, а тѣ, что хотятъ намъ добра, пишутъ къ нимъ и благословенія отъ митрополита просятъ давно уже; такъ поступаютъ и архіепископъ Лазарь Барановичъ и печерскаго монастыря архимандритъ и всѣ игумены кіевскихъ монастырей. Ты же такъ не поступаешь и за то сана своего недостоинъ!» Такъ разсказываетъ о своихъ похожденіяхъ самъ Меѳодій, но его показаній нельзя принимать съ совершеннымъ довѣріемъ въ особенности тамъ, гдѣ онъ выставляетъ себя сторонникомъ московскаго государя, преслѣдуемымъ за вѣрность этому государю; послѣ неудачи замысла Бруховецкаго, епископу оставалось притворяться доброжелателемъ Москвы.

Изъ чигиринскаго монастыря отослали Меѳодія въ уманскій монастырь и положили содержать его тамъ подъ стражею. Но черный попъ Митрофанъ и архидіаконъ Лаврентій, принадлежавшіе къ штату епископа, взяли у епископова сына 20 червонныхъ, прибавили своихъ 40 р., и на эти деньги купили лошадей и экипажъ. Выпытавши,

---

во-едино съ войскомъ запорожскимъ. «Какъ же намъ быть безъ пана?» сказалъ, будто бы Меѳодій. — «У насъ», сказалъ ему Дорошенко, «есть паны: ханъ крымскій и султанъ турскій, а подъ властію царя московскаго и короля польскаго не хотимъ быть».

какимъ окольнымъ путемъ безопаснѣе пробраться до Кіева, и заранѣе уговорившись съ епископомъ, они подъѣхали ночью къ монастырю, гдѣ содержался Меѳодій: тотъ напоилъ до-пьяна чернецовъ, которые его стерегли; ночью, какъ эти стражи уснули, тихонько вышелъ Меѳодій изъ монастырской ограды и сѣлъ въ приготовленный для него экипажъ. Онъ благополучно добрался до Кіева и явился къ Шереметеву, какъ бѣдный плѣнникъ, убѣжавшій изъ неволи, которую потерпѣлъ за вѣрность царскому величеству. Чтобы оправдать свою вѣрность, первымъ его дѣломъ было оговорить кіевскихъ духовныхъ: архимандрита печерскаго Иннокентія Гизеля, игуменовъ монастырей: николаевскаго — Алексѣя Тура, михайловскаго — Ѳеодосія Сафоновича, кирилловскаго — Мелетія Дзика братскаго — Варлаама Ясинскаго, выдубицкаго — Ѳеодосія Углицкаго, межигорскаго — Іоанна Станиславскаго и, кромѣ нихъ, кіевскаго войта со многими мѣщанами; на всѣхъ на нихъ доносилъ Меѳодій, будто бы у нихъ велись сношенія съ Дорошенкомъ и съ митрополитомъ Тукальскимъ. Всѣ оговоренные отвергли взведенныя противъ нихъ обвиненія; духовныя лица объяснили, что у нихъ были сношенія съ Дорошенкомъ единственно по поводу монастырскихъ маетностей, находившихся на правой сторонѣ Днѣпра, и притомъ велись съ разрѣшенія воеводы; всѣ они заявили тогда, что, напротивъ, безпорядки и смятенія въ Малороссіи возникли съ той поры, какъ Меѳодій воротился изъ Москвы и отдалъ дочь свою за гетманскаго племянника. Меѳодій, изъ обвинителя и доносителя, поставленъ былъ въ положеніе человѣка, которому приходилось защищать самого себя отъ обвиненій. Шереметевъ сдѣлалъ допросъ Меѳодію. Епископъ всѣми увертками доказывалъ свою непричастность къ измѣнѣ, а самое свое сближеніе съ Бруховецкимъ объяс-

нялъ тѣмъ, что онъ, въ этомъ случаѣ, исполнялъ волю государя, повелѣвшаго ему помириться съ гетманомъ. На Меѳодія показывалъ еще голова московскихъ стрѣльцовъ Лопатинъ, что, будучи въ Нѣжинѣ, онъ, Лопатинъ, вмѣстѣ съ нѣжинскимъ воеводою, слыхалъ отъ Меѳодія недобрыя рѣчи. Шереметевъ нашелъ, что ему, воеводѣ, какъ человѣку мірскому, неприлично устраивать лицу, носящему духовный санъ, очную ставку съ Лопатинымъ. Въ это время пришла къ Шереметеву отписка Дорошенка вмѣстѣ съ письмомъ Меѳодія къ Бруховецкому. Шереметевъ раздражился противъ Меѳодія тѣмъ болѣе, когда въ письмѣ епископа были оскорбительные отзывы о самомъ Шереметевѣ. Кіевскій воевода приставилъ къ епископу караулъ. Вскорѣ послѣ того, сотники и стрѣльцы, стоявшіе на караулѣ, доносили, что Меѳодій разсказываетъ, будто, по наущенію Дорошенка, польскій король не велитъ пропускать по Днѣпру хлѣбныхъ запасовъ для царскихъ ратныхъ людей въ Кіевъ. Спросилъ о томъ воевода Меѳодія; тотъ показалъ, что, напротивъ, стоявшій тогда у него на караулѣ ротмистръ Сонцевъ говорилъ ему объ этомъ еще въ Черниговѣ. Тогда бояринъ Шереметевъ сообразилъ, что если разойдется между людьми слухъ о такихъ рѣчахъ Меѳодія, то произойдетъ «великое сумнительство», и ратные люди не станутъ надѣяться прибытія себѣ продовольствія. Шереметевъ рѣшился отправить Меѳодія въ Москву и доносилъ въ Малороссійскій приказъ, что въ сказкахъ своихъ кіевскихъ монастырей игумены, а также кіевскіе войтъ и бурмистры объявили, что бунты въ Украинѣ начались съ тѣхъ поръ, какъ Меѳодій сошелся съ Бруховецкимъ, и потому онъ, Шереметевъ, опасается, чтобы епископъ въ Кіевѣ какихъ-нибудь бунтовъ не завелъ и отправляетъ его къ великому государю.

Меѳодія въ Москву повезъ стрѣлецкій голова Иванъ Мещериновъ водою по Днѣпру. Когда онъ со своимъ узникомъ прибылъ въ Старый Быховъ, быховскій комендантъ польской службы сказалъ ему: «я служу одинаково, какъ своему государю королевскому величеству, такъ и твоему — царскому величеству и долженъ остеречь тебя — не ѣзди на Могилевъ: въ Могилевѣ мужики своеовольные, епископа у тебя отобьютъ. За день до пріѣзда его, двое чернецовъ изъ Кіева пробѣжали на двухъ лошадяхъ въ Могилевъ, чтобы взбунтовать народъ и побудить отбить епископа». Мещериновъ повезъ своего узника черезъ Чаусы, и самъ Меѳодій сказалъ ему такъ: «Богъ до васъ добръ, что вы на Могилевъ не поѣхали, увидѣли бы сами, что бы съ вами въ Могилевѣ учинилось».

Привезли Меѳодія въ Москву. Подвергли его допросу. Онъ ничего не сказалъ на себя. Его отправили на заточеніе въ Новоспасскій монастырь. Тѣмъ и покончилась историческая роль этого человѣка.

II.

Бесѣда гетмана Дорошенка съ посланцемъ Шереметева Подымовымъ. — Отвѣтъ Шереметева. — Ѳеофилъ Бобровичъ въ Гадячѣ. — Переговоры его съ Андреемъ Дорошенкомъ. — Универсалъ Бобровича. — Отъѣздъ его въ Москву. — Три претендента на гетманство. — Нападеніе Суховѣенка на Дорошенка. — Сѣрко поражаетъ Суховѣенка. — Усиленіе Дорошенка. — Всеобщее нежеланіе малороссіянъ имѣть у себя воеводъ и царскихъ ратныхъ людей. — Протопопъ Симеонъ Адамовичъ. — Козни его предъ московскимъ правительствомъ. — Доносы.

17-го ноября 1668 года прибылъ къ Дорошенку отъ Шереметева подполковникъ Гаврило Подымовъ для разговоровъ. Онъ долженъ былъ предложить Дорошенку, чтобъ тотъ составилъ и прислалъ статьи, на какихъ же-

лалъ быть гетманомъ подъ рукою царя въ лѣвобережной Украинѣ.

«Я», сказалъ Подымову Дорошенко, «сердечно желаю со всѣми городами обѣихъ сторонъ Днѣпра быть подъ высокодержавною рукою его царскаго величества. но только такъ, чтобъ во всѣхъ городахъ и лѣвой и правой стороны воеводъ и царскихъ ратныхъ людей не было, чтобы въ городахъ вездѣ управляли полковники и старшины козацкіе, и Бѣлой-Церкви быть подъ моею гетманскою властію. Если же въ городахъ будутъ воеводы, то намъ быть въ подданствѣ у великаго государя никакимъ образомъ невозможно. Подъ королевскою же рукою быть мы никакъ и ни за что не хотимъ: лучше намъ быть подъ бусурманами. Пусть будутъ воеводы и царскіе ратные люди только въ одномъ Кіевѣ, оттого, что Кіевъ намъ самимъ удержать невозможно; а Кіевъ бы великій государь по нашему челобитію изволилъ непремѣнно принять подъ свою высокую руку, а не отдавалъ бы его королю и всѣмъ сенаторамъ, чтобъ не было церквамъ поруганія, а христіанамъ великой налоги; понеже всего малороссійскаго края и духовные и мірскіе люди въ одно говорятъ: за Кіевъ стоять будемъ и умирать, а полякамъ Кіева не отдадимъ. Да въ Польшѣ теперь и короля нѣтъ!»

Подымовъ замѣтилъ, что поступленію гетмана подъ царскую руку мѣшаетъ его дружба съ татарами. На это гетманъ сказалъ: «была у насъ прежде съ ними пріязнь и присяга, но съ ихъ стороны увидали мы неисправленіе: они брали въ полонъ жителей малороссійскаго края; за это и мы станемъ ихъ побивать».

Гетманъ послалъ къ Шереметеву съ писаремъ войсковаго судьи Олишевскимъ временныя условія союза: воеводы и ратные царскіе люди могутъ оставаться, но

только до времени, живя въ мирѣ и любви съ козаками и помогать имъ противъ бусурманъ и своевольниковъ; въ числѣ послѣднихъ Дорошенко указалъ на Дмитрашку Райча, который съ своимъ переяславскимъ полкомъ передался на сторону Суховѣенка.

«Удивительно мнѣ, — говорилъ Шереметевъ Олишевскому, — чего это хочетъ гетманъ Петръ Дороѳеевичъ? Какое изъ того добро выйдетъ, когда воеводъ и ратныхъ людей въ городахъ его царскаго величества не будетъ? Въ нынѣшнее шаткое время, при воровствѣ переяславскаго полковника Дмитрашки Райча, который сошелся съ татарами, еслибъ не было въ Переяславѣ воеводы и ратныхъ людей, давно бы достался Переяславъ татарамъ, и вамъ бы всѣмъ изъ Переяслава отъ татаръ было великое утѣсненіе: бусурмане по своему желанію всѣхъ васъ до ссущаго младенца загнали бы въ Крымъ! Воеводы и ратные люди посланы отъ великаго государя для обороны края, они бусурмановъ не разъ побивали».

Олишевскій сказалъ: «гетманъ Петръ Дорошенко для того проситъ вывести воеводъ и ратныхъ людей, что въ прошлыхъ годахъ королевское величество велѣлъ изъ Корсуни, Умани, Чигирина ратныхъ людей вывести и тѣмъ жителей малороссійскаго края увеселилъ».

— Да, — замѣтилъ иронически Шереметевъ, — видѣли мы это подлинно; въ прошломъ году, какъ только чигиринскій комендантъ изъ города вышелъ въ Польшу, такъ гетманъ собралъ татаръ и пошелъ съ ними на Польшу, и многіе города и села и деревни разорилъ. Опасно, чтобъ и у насъ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, того же не случилось, если воеводъ и ратныхъ людей выведемъ.

Вслѣдъ затѣмъ Шереметевъ послалъ того же Подымова къ Демьяну Многогрѣшному увѣрить его отъ имени

кіевскаго воеводы, что никакихъ нарушеній козацкихъ вольностей отъ царскаго величества не было, какъ вымышляли измѣнникъ Брюховецкій съ архіереемъ Меѳодіемъ и Ваською Дворецкимъ, что если были воеводы и и ратные люди въ малороссійскихъ городахъ для обороны малороссійскихъ жителей отъ бусурманъ, такъ это дѣлалось по челобитію его жь, вора и клятвопреступника Ивашки Бруховецкаго, а коли изъ того что̀ противное сталось, то все-таки сталось то черезъ него и по его челобитію. Послѣдовала Демьяну Многогрѣшному и царская грамата отъ 1-го декабря: государь убѣждалъ наказнаго сѣверскаго гетмана «не вѣрить богосварнымъ прелестямъ Суховѣенка и его союзника Калги-салтана, но побивать гдѣ возможно богопротивныхъ агарянъ и не слушать пустодушныхъ словъ плутовъ, когда они, ревнуя измѣнникамъ, учнутъ добрыхъ людей возмущать воровскими вымыслами».

Почти одновременно, какъ велъ Дорошенко сношенія съ Шереметевымъ, были у него другимъ путемъ посредствующія сношенія съ московскимъ правительствомъ черезъ русскаго шляхтича Ѳеофила Бобровича. Этотъ шляхтичъ по царскому указу велъ ихъ въ Гадячѣ чрезъ посредство гетманскаго брата Андрея. Главное требованіе гетмана Дорошенка, сообщенное черезъ брата его Андрея, было такое же, какъ и въ сношеніяхъ гетмана съ Шереметевымъ: чтобъ въ малороссійскихъ городахъ не было воеводъ и царскихъ ратныхъ людей, но на этотъ разъ не исключался и Кіевъ, тогда какъ въ сношеніяхъ съ Шереметевымъ Дорошенко допускалъ въ этомъ городѣ воеводъ. Андрей Дорошенко отъ имени своего брата говорилъ Бобровичу: «по нашему извѣчному обычаю, гдѣ живутъ козаки, тамъ не должно быть воеводъ; въ большомъ городѣ — полковникъ, въ меньшемъ — сотникъ или

атаманъ, а надъ всенародьемъ — войтъ. Если царь это приметъ, то гетманъ тотчасъ пойдетъ въ походъ на соединеніе къ Ромодановскому по царскому указу. Мы не такъ, какъ прежніе гетманы: не хотимъ отъ государя вымогать денежной и соболиной казны; служить хотимъ вѣчно и быть готовыми противъ всякаго государева недруга, за однѣ только за свои вольности, а изъ царской казны не хотимъ брать ни копѣйки. Съ поспольства же сами будемъ отбирать подати и посылать государю. Подъ властію Польши быть ни за что не хотимъ и просимъ, чтобъ Кіева не отдавали полякамъ».

И всѣ козаки въ Гадячѣ особенно горячились за Кіевъ: «Кіевъ — кричали они — наша матерь! Своими головами ляжемъ, а Кіева королю не отдадимъ! Будетъ великій государь велитъ изъ Кіева своихъ ратныхъ вывесть, такъ мы и сами его отстоимъ, а Кіевомъ ляхамъ не владѣть».

— Мы этимъ перемирія межъ государями не нарушимъ, если отъ ляховъ станемъ выбиваться, — говорилъ Андрей Дорошенко. — Пусть великихъ монарховъ послы съѣзжаются и договариваются о вѣчномъ покоѣ, а гетманъ будетъ просить, чтобъ великій государь не уступалъ Кіева въ сторону королевскую; если-жь упоромъ ляхи придутъ къ Кіеву и въ Украину, станемъ обороняться саблею. Въ тѣ поры ляхи станутъ скорѣе съ царскимъ величествомъ мириться и сердце ихъ Богъ такъ смягчитъ, что они и сами отъ насъ отступятся.

Послѣ такихъ переговоровъ Ѳеофилъ Бобровичъ разослалъ 23 ноября въ малороссійскіе города универсалъ духовнаго и мірскихъ чиновъ людямъ, убѣждая народъ оставаться въ вѣрности царю, не поддаваться на прелесть врага Суховѣенка, а держаться Дорошенка. Вслѣдъ

затѣмъ онъ уѣхалъ въ Москву хлопотать о подкрѣпленіи вольностей Войску Запорожскому.

Итакъ, послѣ уничтоженія Бруховецкаго, на лѣвой сторонѣ Днѣпра явилось разомъ три искателя гетманскаго достоинства: Дорошенко, Многогрѣшный и Суховѣенко. Первые два домогались получить гетманскую власть отъ руки царя. Если бы Дорошенку, бывшему уже гетманомъ на правой сторонѣ Днѣпра, удалось получить гетманство на лѣвой, то этимъ сама собою фактически парализовалась бы сила Андрусовскаго договора. Обѣ стороны Украины, раздѣленныя этимъ договоромъ, соединились бы снова во-едино. Дорошенко былъ бы разомъ подданнымъ двухъ государей: польскаго короля по гетманству на правой сторонѣ и московскаго царя по гетманству на лѣвой. Явленіе было бы странное, а между тѣмъ оно было близко къ осуществленію, но если-бъ оно осуществилось, то, конечно, не могло бы имѣть никакой прочности. Едвали бы согласились на это поляки, а если бы и согласились въ виду какихъ-нибудь тайныхъ надеждъ, то все-таки такое явленіе стало бы источникомъ новыхъ безпокойствъ и войнъ. У малороссіянъ накипѣло черезчуръ много ненависти къ полякамъ, и народное возстаніе, еще не угасшее вполнѣ, разгорѣлось бы снова на правой сторонѣ, а лѣвобережные козаки, подчиненные одному гетману съ правобережными, стали бы содѣйствовать своимъ соотечественникамъ; не могъ бы оставаться въ этой народной борьбѣ безучастнымъ и Дорошенко, какъ правитель края на обѣихъ сторонахъ Днѣпра; втянулось бы въ эту борьбу и московское государство, хотя бы и противъ собственнаго желанія. Дорошенку да и вообще малороссіянамъ, не освободившимся совершенно отъ польскихъ притязаній, очень хотѣлось завлечь московское государство въ войну съ

Польшею. Уже и теперь Дорошенко, черезъ посредство своего брата Андрея, заявлялъ московской сторонѣ, чтобъ не ставили козакамъ въ вину, если начнутъ воевать съ ляхами. Въ Москвѣ все понимали, но возобновлять войны съ Польшею не хотѣли и, лаская Дорошенка, мало на него полагались и разсчитывали. Его увѣреніямъ въ готовности служить вѣрою и правдою православному царю нельзя было довѣрять уже и потому, что его поступки не удовлетворяли прямымъ требованіямъ московскаго государя. Дорошенко не отпустилъ на свободу схваченныхъ народомъ и отданныхъ ему царскихъ воеводъ, а потащилъ ихъ на правую сторону Днѣпра. На неоднократныя просьбы московскаго правительства отпустить ихъ, отдѣлывался онъ обѣщаніями, на самомъ же дѣлѣ держалъ плѣнныхъ воеводъ въ городахъ правобережной Украины подъ карауломъ, а двухъ, Скуратова и Клокачева, въ оковахъ. Сверхъ того, архіепископъ Лазарь Барановичъ сообщалъ въ Москву, что къ Дорошенку пріѣзжалъ недавно опять турецкій посланецъ — узнавать въ Украинѣ, вся ли старшина желаетъ поступить подъ власть турокъ. Всѣ отвѣчали, что желаютъ. Такіе слухи были поводомъ, что, несмотря на переговоры Бобровича о гетманствѣ Дорошенка на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ Москвѣ склонялись болѣе къ мысли учинить тамъ гетманомъ Демьяна Игнатовича, тѣмъ болѣе, что избраніе этого человѣка въ гетманы лѣвой стороны Днѣпра не вело за собою прямыхъ поводовъ къ нарушенію перемирія съ Польшею, чего такъ хотѣло избѣгнуть московское правительство. Демьянъ показалъ свою преданность Москвѣ, отпустивши всѣхъ царскихъ людей, содержавшихся подъ карауломъ въ Борзнѣ, Сосницѣ и Погарѣ, тогда какъ Дорошенко, не увольняя плѣнныхъ воеводъ, величался передъ царскими гонцами, что онъ довольно угодилъ царю и тѣмъ, что не отдалъ

этихъ плѣнниковъ татарамъ. За Демьяна Игнатовича горою стоялъ Лазарь Барановичъ, умѣвшій плѣнить царя Алексѣя Михайловича своими краснорѣчивыми писаніями и пріобрѣсть въ Москвѣ уваженіе. И Шереметевъ съ своей стороны ласкалъ Демьяна Игнатовича, называлъ своимъ пріятелемъ и хорошо отзывался о немъ въ своихъ отпискахъ въ Малороссійскій приказъ. Самъ Дорошенко, хотя и соперникъ Демьяну по искательству гетманства, наружно относился къ нему безъ враждебности, писалъ къ нему, уговаривалъ быть вѣрнымъ московскому царю, громить невѣрныхъ и, не подавая вида, что желаетъ быть на лѣвой сторонѣ самъ гетманомъ вмѣсто него, увѣрялъ только, что онъ правою стороною Днѣпра готовъ отдаться въ подданство царю, лишь бы не было въ украинскихъ городахъ воеводъ и царскихъ ратныхъ людей. Два претендента на гетманское достоинство заискивали у одного и того же государства; третій, Суховѣенко, былъ противникомъ и польской, и московской власти, не твердилъ ни о какой протекціи, хотѣлъ независимой вполнѣ Украины и опирался на союзъ съ Крымомъ. Онъ стоялъ на восточной сторонѣ Малороссіи, въ урочищѣ Липовой Долинѣ, вмѣстѣ съ Калгою-салтаномъ, у котораго, если только вѣрить ему самому, была огромная сила. На сторонѣ Суховѣенка были полки полтавскій, миргородскій, лубенскій и переяславскій. Врагъ и Демьяна Игнатовича, и Петра Дорошенка, Суховѣенко всю осень пытался привлечь къ себѣ сѣверную часть лѣвобережной Малороссіи, остававшуюся въ покорности Демьяну; ему это не удавалось, и въ концѣ декабря обратился онъ на Дорошенка. Переправившись черезъ Днѣпръ, Суховѣенко бросился на Чигиринъ, но Дорошенко уже заранѣе провѣдалъ его намѣреніе, ожидалъ его прихода и расположилъ близъ Чигирина войско свое такъ, что

суховѣенково полчище очутилось окруженнымъ и спереди, и съ боковъ, и сзади. Большинство татаръ ушло отъ него прочь. Ушло также не мало козаковъ, и въ распоряженіи Суховѣенка осталось не болѣе десятой доли той силы, съ какою онъ вступилъ въ правобрежную Украину.

Первая попытка овладѣть Чигириномъ не удалась. Суховѣенко и Калга отступили за Тясьминъ. Тамъ нанесъ имъ окончательное пораженіе Сѣрко съ запорожцами, соединившись съ братомъ гетмана Дорошенка, Григоріемъ, прибывшимъ недавно изъ Козельца. Козаки суховѣенковы покинули своего предводителя и перешли къ Сѣрку. Суховѣенко ушелъ съ поля, по однимъ извѣстіямъ, самъ-пятъ, по другимъ — самъ-пятнадцатый. Татары, недовольные имъ за неудачу, взяли его какъ плѣнника и увезли въ Крымъ вмѣстѣ съ Гречанымъ, бывшимъ писаремъ Бруховецкаго. Козаки, покорившіеся Дорошенку, привезли послѣднему суховѣенкову скрыню съ бумагами, знамя и бубенъ.

Неудача Суховѣенка подъ Чигириномъ произвела на время счастливый поворотъ въ судьбѣ Дорошенка. Изъ всѣхъ городовъ правобережной Украины съѣхались въ Чигиринъ полковники, сотники и всѣ старшины, кланялись Дорошенку и признавали его своимъ верховнымъ главою. И на лѣвой сторонѣ, въ разныхъ городахъ, жители заявляли охоту признать своимъ гетманомъ Петра Дорошенка. «Онъ достойный человѣкъ», говорили о немъ, «старинный козакъ, добраго рода, и поля̀ знаетъ; а Демьянъ что́ такое? Демьянъ — мужичій сынъ! Дорошенко пусть будетъ одинъ гетманомъ надъ обоими берегами Днѣпра, какъ и славной памяти Богданъ Хмельницкій былъ одинъ гетманъ надъ всею Украиною». Къ празднику Рождества Христова изъ разныхъ мѣстъ переяслав-

скаго полка прислали Дорошенку въ подарокъ живность, лисьи и куньи мѣха.

1-го января 1669 года, Дорошенко послалъ на лѣвый берегъ универсалъ къ народу, извѣщавшій о томъ, что врагъ его, Суховѣенко, пораженъ, и что все войско запорожское постановило оставаться въ согласіи съ Москвою, съ тѣмъ однако, чтобъ выведены были изъ малороссійскихъ городовъ воеводы и ратные люди. Онъ, однако, уговаривалъ народъ малороссійскій жить въ дружбѣ съ великороссіянами, пропускать безъ задержанія всѣхъ московскихъ людей, посѣщающихъ малороссійскій край, и не жалѣть для нихъ хлѣба-соли.

Желаніе избавиться отъ постояннаго пребыванія въ Малороссіи великороссійскихъ воеводъ и ратныхъ людей стало до того всеобщимъ, что Демьянъ Игнатовичъ, снаряжая посольство въ Москву съ просьбою объ устроеніи избирательной рады, счелъ нужнымъ, главнымъ образомъ, заговорить о воеводахъ и ратныхъ людяхъ. Но въ Малороссіи ходъ общественной жизни сложился такъ: если предъ московскимъ правительствомъ малороссіяне просили о какой-нибудь мѣрѣ, называя ее полезною для народа, московское же правительство находило эту самую мѣру не вполнѣ подходящею къ своимъ видамъ, то изъ малороссіянъ находились тотчасъ и такія личности, которыя начинали, по отношенію къ предполагаемой мѣрѣ, поддѣлываться къ видамъ Москвы и выказывать свою особенную вѣрность и преданность государю. Что такимъ путемъ можно было возвыситься, показалъ всѣмъ примѣръ нѣжинскій протопопъ Максимъ Филимоновичъ, скоро потомъ преобразившійся въ преосвященнаго Меѳодія. Правда, онъ не умѣлъ удержаться на той высотѣ, до какой добрался, за то примѣръ его все-таки былъ соблазнителенъ. По его слѣдамъ, съ надеждами лучшаго

успѣха и съ вѣрою въ собственное благоразуміе, вознамѣрился теперь идти протопопъ Симеонъ Адамовичъ. Онъ находился въ посольствѣ, отправленномъ съ Василіемъ Многогрѣшнымъ и Матвѣемъ Гвинтовкою. По возвращеніи домой, началъ онъ посылать въ Москву и челобитныя царю, и письма вліятельнымъ при царѣ лицамъ: боярину Богдану Матвѣевичу Хитрово, думнымъ дьякамъ Герасиму Дохтурову и Лукьяну Голосову. Въ своихъ писаніяхъ онъ чернилъ наказнаго гетмана Демьяна Игнатовича и архіепископа Лазаря Барановича. Демьянъ, по словамъ протопопа, держалъ его подъ карауломъ недѣль шесть за то, что протопопъ хотѣлъ отправить въ Москву отписку отъ нѣжинскаго воеводы Ржевскаго; подъ страхомъ смертной казни запретилъ Демьянъ протопопу писать въ Москву и къ воеводамъ, не допускалъ приноса писемъ къ протопопу и никуда не отпускалъ, чтобъ не дать ему возможности открывать Демьяновы злоупотребленія. Эти злоупотребленія, — по доносу протопопа, — были таковы: «гетманъ беретъ съ народа безмѣрныя дачи [1]) и такъ озлобилъ противъ себя и козаковъ и мужиковъ, что тѣ хотятъ убѣгать въ цесарскую землю. Я его уговаривалъ, а онъ не хочетъ меня слушать и на помазанника Божія и на царство православное возлагаетъ такія хульныя слова, что священству моему и писать стыдно». Объ архіепископѣ Лазарѣ Симеонъ выражался: «архіепископъ вотъ какъ дружелюбенъ къ царю:— говорилъ, надобно-де, чтобъ у насъ въ Малороссіи и нога московская не постояла, и буде государь не выведетъ своихъ ратныхъ людей изъ городовъ, тогда хоть гетманъ

---

[1]) Отъ виннаго котла съ мужиковъ по рублю, съ козаковъ и священниковъ по полтинѣ, съ сохи, съ лошади, съ вола, съ мельницъ, съ торговцевъ, пріѣзжающихъ на ярмарки, — все беретъ и уже не мало тысячей собралъ, все мѣняетъ ихъ на червонные золотые.

и самъ пропадетъ, да и царство московское погубитъ!» Зная, что посольство, которое отправится въ Москву, будетъ просить о выводѣ воеводъ и ратныхъ людей, протопопъ умолялъ государя не выводить ихъ изъ Нѣжина, Переяслава, Чернигова и Остра. Вопреки жалобамъ козаковъ на своевольства воеводъ и государевыхъ ратныхъ людей, протопопъ увѣрялъ, что, напротивъ, народъ кричитъ и плачетъ, «не хотячи быть подъ козацкою работою, какъ Израиль подъ египетскою», а только и молитъ Бога о томъ, чтобъ ему по прежнему находиться подъ державою и властію московскаго государя. «Не то, что выводить, — прибавить бы еще нужно воеводъ въ Глуховъ и въ Гадячъ; тогда неколи бы уже *брѣсковать* (привередничать) козакамъ, а то ихъ горстка, а затѣваютъ небылицу, будто они побѣду и одолѣніе одержали, и такихъ статей добиваются, какихъ и прежде, когда все войско вкупѣ было не рознясь, не бывало. Возвѣщаю великому государю, что козаки умные, которые помнятъ свое крестное цѣлованіе, а съ ними и мѣщане и вся чернь говорятъ вслухъ: буде государь изволитъ вывесть своихъ воеводъ и ратныхъ людей изъ малороссійскихъ городовъ, такъ они здѣсь *селитися* (жить домомъ) не хотятъ, а хотятъ бѣжать врознь, — одни въ украинные городы царскаго величества, — другіе за Днѣпръ, въ королевскіе городы». Въ своей челобитной царю протопопъ выставлялъ тайными недоброжелателями московской власти лицъ, которыя должны были прибыть въ посольствѣ отъ Войска Запорожскаго — Забѣлу и Гвинтовку съ товарищами; протопопъ убѣждалъ задержать ихъ и сообщилъ между прочимъ, что у наказнаго гетмана и у архіепископа съ ихъ единомышленниками есть желаніе тотчасъ измѣнить царю и сойтись съ татарами, если великій государь не исполнитъ всѣхъ желаній, какія передадутся

въ Москвѣ ихъ посланцами. Въ одномъ мѣсяцѣ съ доносомъ протопопа Симеона, въ Малороссійскомъ приказѣ полученъ былъ доносъ межигорскаго монастыря іеромонаха Анатолія на все кіевское духовенство, особенно же на лицъ, начальствовавшихъ въ монастыряхъ.

Московское правительство такимъ доносамъ не придавало столько вѣры, чтобы съ ними сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ, однако принимало ихъ какъ небезполезное предостереженіе для своей осторожности. Оно не преслѣдовало доносчиковъ, но и не выдавало ихъ головою, тѣмъ болѣе, что протопопъ писалъ боярину Матвѣеву: «не вели моего письма объявляти; скоро довѣдаются, тотчасъ меня смерти предадутъ!» Московское правительство прятало эти доносы, какъ говорится, подъ сукно, до поры до времени, когда событія покажутъ сами степень ихъ правдивости.

III.

Козацкое посольство въ Москву о выборѣ гетмана. — Челобитная малороссіянъ. — Толки о назначеніи избирательной рады. — Бобровичъ привозитъ въ Украину царскія милостивыя граматы. — Двусмысленное поведеніе Андрея Дорошенка. — Бобровичъ подъ карауломъ. — Онъ убѣгаетъ въ Каменное. — Переписка его съ Андреемъ Дорошенкомъ. — Письмо Бобровича въ Москву о двоедушіи Дорошенка. — Бобровичъ опасается ѣхать въ Чигиринъ. — Сношенія гетмана Дорошенка съ Ромодановскимъ по вопросу объ отпущеніи воеводъ. — Порученіе Бобровича кончается.

Отправленные въ Москву посланцы были: отъ Лазаря Барановича — игуменъ маклаковскаго монастыря Іеремей съ однимъ чернымъ попомъ и діакономъ, а отъ наказнаго гетмана сѣверскаго Демьяна Многогрѣшнаго — генеральный обозный Петръ Забѣла, генеральный асаулъ Матвѣй Гвинтовка и генеральный судья Иванъ Домонтовичъ. При нихъ было шесть сотниковъ, два атамана, два войта отъ

мѣщанъ и поспольства, одинъ бурмистръ, одинъ полковой судья и одинъ войсковой подписокъ да 46 рядовыхъ козаковъ.

19-го января 1669 годя происходило ихъ первое представленіе въ Малороссійскомъ приказѣ. Бояринъ оружейничій, Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, проговорилъ имъ нравоучительную рѣчь, въ которой припомнилъ всю исторію гетманщины со временъ Хмельницкаго, и доказывалъ, что несправедливо было все выдуманное Бруховецкимъ для произведенія смуты.

Посланцы подали челобитную со статьями. Главнымъ желаніемъ ихъ было то, чтобы въ малороссійскихъ городахъ отнюдь не было великороссійскихъ воеводъ и ратныхъ людей. Малороссіяне признавали, что по первоначальному договору Богдана Хмельницкаго съ Москвою о присоединеніи Малой Россіи постановлено быть воеводамъ въ Переяславѣ, Нѣжинѣ и Черниговѣ, но эти воеводы и царскіе ратные люди, вмѣсто ожидаемой обороны, приносили краю пагубу и разореніе. Не свыкаясь съ малороссійскими нравами и обычаями, ратные люди докучали жителямъ частыми кражами, пожарами, убійствами и различными мучительствами, совершаемыми надъ бѣднымъ народомъ; а когда отъ малороссіянъ поступали на ратныхъ людей челобитныя воеводамъ, то воеводы, вмѣсто того, чтобъ учинить святую правду, только волочили иски и не рѣшали ихъ. Отъ этихъ-то причинъ поднялась послѣдная смута и сталась измѣна Бруховецкаго. Вотъ по этому-то малороссіяне умоляли свести воеводъ и ратныхъ людей изъ малороссійскихъ городовъ и не присылать ихъ вновь; оброкъ, какой слѣдовать будетъ въ царскую казну съ малороссійскаго края, станутъ собирать гетманы черезъ довѣренныхъ своихъ лицъ и доставлять по назначенію въ царскую казну; такой сборъ, однако, по замѣ-

чанію той же челобитной, можетъ быть успѣшенъ и неотяготителенъ для народа только послѣ нѣкотораго льготнаго времени, въ которое малороссійскій край могъ бы оправиться и придти въ надлежащее благосостояніе. Тогда и все Войско Запорожское, пользуясь своими вольностями, не станетъ поддаваться измѣнѣ, а будетъ пребывать въ вѣрности его царскому величеству постоянно и непоколебимо.

Статья эта для Москвы показалась щекотливою. Московское правительство смотрѣло на воеводское управленіе въ Малороссіи, какъ на самый важнѣйшій органъ, удерживавшій присоединенный край въ повиновеніи центральной власти. Опытъ послѣднихъ лѣтъ долженъ былъ показать, что слишкомъ большое расширеніе этого правительственнаго учрежденія въ Малороссіи еще преждевременно, но московское правительство хотѣло, по крайней мѣрѣ, сохранить то, что́ уже существовало до Брюховецкаго и что могло, повидимому, безопасно существовать на будущее время. На просительную статью, которая пришлась не по-вкусу Москвѣ, послѣдовалъ отвѣтъ уклончивый и неясный. Государь указалъ быть воеводамъ въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ, по его государскому разсмотрѣнію, будетъ пристойно, а не во всѣхъ городахъ, гдѣ были воеводы во время, протекшее послѣ Переяславскаго договора до послѣдней войны; впрочемъ, объ этомъ отложено окончательно говорить на радѣ, которую предполагалось открыть текущею зимою. Посланцы въ своей челобитной просили возвратить малороссійскія пушки, купленныя прежде или пріобрѣтенныя на войнѣ отъ ляховъ, и въ послѣднее смутное время взятыя великороссійскими войсками, просили также возвратить колокола и церковныя вещи, захваченныя тогда же въ Малороссіи и, наконецъ, просили отпустить на свободу ма-

лороссіянъ, уведенныхъ въ неволю во время похода Ромодановскаго, предпринятаго для укрощенія измѣны Брюховецкаго. На это послѣдовало согласіе, съ тѣмъ, чтобы малороссіяне представили росписи съ указаніями, что̀ именно, и гдѣ, и когда что захвачено; о плѣнникахъ же замѣтили, что, по прошенію гетмана Демьяна, было уже отпущено 569 человѣкъ, а остальные, какіе найдутся, будутъ отпущены. Старшинамъ, видно, понравилось пожалованіе ихъ въ дворянское достоинство при Брюховецкомъ, и они теперь просили предоставить гетману право представлять впередъ къ такому пожалованію своихъ подчиненныхъ и давать пожалованнымъ универсалы на владѣніе деревнями и мельницами. Правительство и на это согласилось и обѣщало гетманскія пожалованія укрѣплять царскими жалованными грамами. Подтверждено было уже не разъ и прежде заявленное желаніе, чтобы всѣ, состоявшіе въ козацкомъ сословіи, были освобождены отъ подводной и постойной повинностей, и чтобы эти повинности лежали исключительно на мужикахъ. Но просьба малороссіянъ о томъ, чтобъ гетману и старшинамъ было дозволено сноситься съ иноземными державами, была отвергнута на томъ основаніи, что и прежде такого права не предоставлялось гетману; давалось, однако, обѣщаніе допускать гетманскихъ посланцевъ на съѣздахъ коммиссаровъ, если такіе съѣзды будутъ устроены съ Польшею и съ ханомъ крымскимъ по дѣламъ, касающимся Украины. Челобитчики зацѣпили и вопросъ о Кіевѣ; они высказали, что не желали бы отдачи Кіева полякамъ: имъ извѣстно, что у поляковъ на сеймѣ постановлено обратить всѣ церкви православныя въ римскіе костелы и развезти изъ Кіева въ разныя мѣста Польши мощи кіевскихъ чудотворцевъ. Во свидѣтельство, что такой умыселъ дѣйствительно су-

ществуетъ, они представили письма, присланныя изъ Польши печерскому архимандриту. По этому вопросу въ Москвѣ отвѣчали имъ, что представленныя ими письма не могутъ быть признаны достовѣрными, и основываться на нихъ нельзя, такъ какъ неизвѣстно, отъ кого они присланы и кѣмъ писаны. Челобитчики, прибывшіе въ столицу, отъ лица всего народа доносили на Ѳеофила Бобровича, что онъ тайный измѣнникъ и въ доказательство представили «прелестное» письмо, будто бы имъ писанное и распущенное въ народѣ, гдѣ охуждался Андрусовскій договоръ, и малороссіяне призывались къ противодѣйствію коварной политикѣ сосѣднихъ государей, растерзавшихъ ихъ отечество. Просили челобитчики такъ же не принимать въ приказѣ писемъ отъ нѣжинскаго протопопа Симеона Адамовича, такъ какъ отъ него затѣваются междоусобія. О Ѳеофилѣ Бобровичѣ данъ былъ имъ отвѣтъ, что великій государь уже приказалъ воротить его къ Москвѣ, но «прелестное» письмо, обличавшее Бобровича въ измѣнѣ, какъ видно, не внушило къ себѣ вѣры, по крайней мѣрѣ неизвѣстно, чтобы Бобровичу было сдѣлано какое-нибудь стѣсненіе или производился надъ нимъ розыскъ. О нѣжинскомъ протопопѣ челобитчикамъ отвѣчали, что протопопъ прежде на ссору ничего не писывалъ и впредь писать не учнетъ, а пріѣзжалъ онъ въ Москву къ великому государю съ челобитьемъ за него же гетмана, и за все Войско Запорожское. Такой отвѣтъ давался въ то время, когда письмо протопопа Симеона съ доносами находилось уже въ приказѣ. Пріѣхавшіе съ козацкими посланцами депутаты отъ нѣжинскихъ и кіевскихъ мѣщанъ привезли статьи, въ которыхъ, между прочимъ, просили избавить мѣщанство отъ суда воеводъ и отъ козацкихъ стоянокъ, сопровождавшихся насиліями. На это отвѣчали, что всѣ статьи, ка-

сающіяся мѣщанства, будетъ указано разсмотрѣть на предстоящей радѣ.

23-го января, посланцы были приглашены снова въ приказъ. «Гдѣ, по-вашему, пристойнѣе быть радѣ?» — спросилъ ихъ бояринъ Хитрово.

— Мы промежъ себя о томъ помыслимъ и скажемъ завтра, — отвѣчали посланцы. — Мы назначимъ мѣста два или три; лучше быть радѣ въ «тихомъ боку» (т. е. въ безопасномъ нешумномъ мѣстѣ), а мнится намъ, быть бы ей около Десны, — только чтобъ черновой рады не было, а чтобъ на радѣ были только полковники и старшины; черновой радѣ нельзя быть потому, что мѣста разореныя, и какъ съѣдется много народа, такъ нечѣмъ будетъ кормить лошадей. Мы уже обрали себѣ гетманомъ Демьяна Игнатовича и бьемъ челомъ великому государю: пусть бы его пожаловалъ, велѣлъ дать ему булаву и знамя!

На другой день, 24-го января, ихъ призвали снова и объявили, что великій государь назначаетъ своими царскими послами на раду боярина князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго, стольника Артамона Сергѣевича Матвѣева и дьяка Григорія Карповича Богданова, радѣ быть въ Батуринѣ, на раду допускать старшину козацкую и мѣщанскую, а черновой радѣ не быть.

25-го января было новое свиданіе [1]). Послѣ дополнительныхъ и объяснительныхъ бесѣдъ о подробностяхъ того, на что въ общихъ чертахъ уже послѣдовало рѣшеніе, спрошены были посланцы: «какія у васъ есть письменныя улики противъ епископа Меѳодія и противъ протопопа Симеона?»

Посланцы отвѣчали: «уликъ съ нами никакихъ не

---

[1]) А. Ю. и З. Р., VIII, 50.

прислано, но добудутся улики на радѣ. Мы подлинно вѣдаемъ, что вся дума у гетмана Бруховецкаго была съ Меѳодіемъ, да съ протопопомъ, да съ Романовскимъ. Бруховецкій въ то время посылалъ въ Москву бунчужнаго Ивана Поповича да арматнаго писаря Никифора; потомъ — разглашалъ, будто они ему сказывали, что «листовъ» его царю не доноситъ бояринъ Нащокинъ, и будто бояре говорили, что Малороссія царю не надобна».

На это имъ сказали: «можно бы вамъ самимъ разумѣть: то дѣло несбыточное, чтобъ вашихъ листовъ не докладывали его царскому величеству! Такія непристойныя рѣчи говорилъ вамъ Ивашка Бруховецкій и этимъ вмѣщалъ между вами смуту».

Въ заключеніе, посланцы просили объ освобожденіи взятыхъ въ плѣнъ малороссіянъ, томившихся въ неволѣ во дворахъ бояръ и дворянъ, о возвращеніи имуществъ малороссійскихъ торговцевъ, задержанныхъ по городамъ во время бывшихъ смутъ. На все получили они въ отвѣтъ добрыя обѣщанія.

Ѳеофилъ Бобровичъ, въ то время какъ посланцы доносили на него въ измѣнѣ, находился въ Гадячѣ. Онъ туда пріѣхалъ 10 января и привезъ царскія милостивыя граматы къ гадячанамъ, къ полтавскому полковнику и къ войтамъ съ поспольствомъ въ Роменъ, Зеньковъ, Лубны, Комышню [1]), Сорочинцы [2]), Драгайловъ [3]), Опошню, Рашевку [4]) и Веприкъ [5]). Всѣхъ малороссіянъ, задержан-

---

[1]) Мѣстечко миргор. уѣзда, полтавской губ.

[2]) Мѣстечко миргор. уѣзда, полт. губ., при р. Пслѣ.

[3]) Подъ такимъ названіемъ нѣтъ населенной мѣстности. Можетъ быть Насдрагайловъ — зашт. гор. лебед. уѣзда. харьк. губ., при р. Сулѣ.

[4]) Мѣстечко гадячск. уѣзда, полт. губ., при р. Пслѣ.

[5]) Мѣстечко того-жъ уѣзда, при той же рѣкѣ.

ныхъ по поводу смуты въ Бѣлгородѣ, Сумахъ и въ иныхъ городахъ, велѣно было отпустить [1]). 11-го января въ Гадячѣ на радѣ прочитаны были привезенныя Бобровичемъ царскія граматы; разсуждали на всякіе лады, и потребовали отъ Бобровича, чтобъ онъ ѣхалъ въ Чигиринъ къ гетману Дорошенку. Бобровичъ отвѣчалъ, что ему нельзя будетъ ѣхать, если не дадутъ аманатовъ; нѣкоторые малороссіяне передъ тѣмъ тайно шепнули ему: «если поѣдешь къ Петру Дорошенку, то попадешь въ вѣчную неволю, а то — станется и то, что быть тебѣ и безъ головы! Не довѣряй Дорошенку. Онъ сносится съ турскимъ султаномъ и по веснѣ будетъ кровопролитіе!» Самъ братъ гетмана Дорошенка сталъ показывать какую-то двусмысленность въ обращеніи съ Бобровичемъ. Пригласилъ онъ его на обѣдъ, и на этомъ обѣдѣ, противъ обычая, не было заздравной чаши въ честь великаго государя, а 17-го января Бобровичъ былъ у обѣдни и замѣтилъ, что на ектеніяхъ не поминалось имени государя, но поминали гетмана Петра, какъ главу малороссійскаго края. Бобровичу объяснили, что такъ повелѣлъ митрополитъ Іосифъ. Этотъ митрополитъ, сообщали Бобровичу, приказывалъ считать отлученными отъ церкви всѣхъ поповъ, посвященныхъ епископомъ Меѳодіемъ, и требовалъ, чтобъ они пріѣзжали къ нему для вторичнаго посвященія, если хотятъ пребывать въ священническомъ санѣ. Смекнулъ Бобровичъ, — начинается-де что-то неладное и, не добившись аманатовъ, счелъ за лучшее подъ какимъ-нибудь предлогомъ ускользнуть изъ Гадяча. Бобровичъ просился на время въ Каменное и въ Лебединъ; его не только не пустили, а еще приставили къ нему караульныхъ. Караулили его не очень строго. 23-го

---

[6]) А. Ю. и З. Р., VII, 16.

января вышелъ онъ какъ будто къ одному гадячскому мѣщанину въ гости и махнулъ въ Каменное. Оттуда написалъ онъ Андрею Дорошенку, что сдѣлалъ это внезапно потому, что его не пустили въ Каменное и Лебединъ, куда онъ просился для государевыхъ дѣлъ. Бобровичъ просилъ Андрея Дорошенка сберечь оставленную въ Гадячѣ свою рухлядь и обѣщалъ возвратиться въ Гадячъ, какъ только получитъ отъ гетмана Дорошенка подлинное приглашеніе. Андрей Дорошенко отвѣчалъ, что удивляется, зачѣмъ Бобровичъ уѣхалъ изъ Гадяча тайкомъ, когда противъ него не было ни у кого дурнаго умысла, когда всѣ желаютъ, чтобъ стараніемъ гетмана Петра Дорошенка начатое дѣло пришло въ совершенство; онъ бы, Ѳеофанъ, теперь, ничего не опасаясь, ѣхалъ въ Гадячъ. Въ то же время, остерегаясь, чтобы царскій гонецъ не написалъ чего-нибудь своему правительству, Андрей письменно пожаловался князю Ромодановскому, что Бобровичъ убѣжалъ безъ всякой причины изъ Гадяча, гдѣ ему, кромѣ почестей, ничего дурнаго не оказывали.

Бобровичъ сидѣлъ въ Каменномъ до февраля 3-го, когда пришло къ нему туда письмо отъ гетмана Дорошенка, который любезно просилъ его пріѣхать въ Чигиринъ. Бобровичъ отправилъ гетманское письмо въ приказъ и докладывалъ, что ему нельзя ѣхать въ Чигиринъ. узналъ онъ, что къ Дорошенку пріѣхали посланцы цесарскій, литовскій и отъ бѣлогородскихъ татаръ. «Безъ государевой граматы», писалъ Бобровичъ, «назовутъ меня шпшомъ и словесно наединѣ объясняться съ Дорошенкомъ нельзя будетъ. Кажется, лучше крѣпить одну лѣвую сторону, а о правобережной оставить попеченіе; народъ все прелестный, лукавый: какъ надокучивалъ имъ Суховѣенко, такъ они къ намъ кидались, и Андрей До-

рошенко писалъ въ городы и призывалъ всѣхъ на вѣрность царскимъ именемъ, а теперь, какъ уже побили Суховѣенка, такъ не то заговорилъ Андрей Дорошенко, все только на гетмана указываетъ и говоритъ: гдѣ гетманъ будетъ, тамъ и мы съ нимъ будемъ! Покамѣстъ Суховѣенко съ татарами воевалъ противъ Дорошенка,— всѣмъ плѣннымъ царскимъ ратнымъ людямъ далъ Дорошенко льготу, отобравши отъ нихъ присягу, что не убѣгутъ, а какъ Суховѣенка разбили, такъ Дорошенко приказалъ ихъ посадить снова въ темницу и забить въ колодки». Сами плѣнные воеводы сообщили объ этомъ Бобровичу письмомъ.

Вслѣдъ за тѣмъ гетманъ Дорошенко, узнавши, что города лѣвой стороны били челомъ царю, приказалъ своему брату Андрею ѣхать изъ Гадяча къ нему въ Чигиринъ, распродавши всю свою рухлядь и взять съ собою царскаго посланца Ѳеофила Бобровича. Бобровичъ не поѣхалъ по зову Андрея, отговаривался неимѣніемъ царскаго указа, а въ случаѣ если бы Андрей Дорошенко попытался насильно потащить его, рѣшался бѣжать въ Москву, хотя бы и могъ подвергнуться гнѣву государя за самовольство. Но этого не случилось. Бобровичъ не поѣхалъ къ Дорошенку, не бѣжалъ въ Москву, а былъ туда отозванъ по царскому указу. Тѣмъ и окончилось неудачное его порученіе устроить сдѣлку московскаго правительства съ правобережнымъ гетманомъ.

У Дорошенка въ то время завелись инымъ путемъ сношенія съ Москвою, черезъ князя Ромодановскаго, стоявшаго тогда съ царскимъ войскомъ въ Суджѣ. Ромодановскій отправилъ къ Дорошенку гонцомъ ротмистра Карпа Бабкина ходатайствовать объ освобожденіи плѣнныхъ воеводъ и царскихъ ратныхъ людей, и въ томъ числѣ сына Скуратова, товарища князя Ромодановскаго.

Дорошенко отвѣчалъ: «извѣстенъ благородію твоему нашъ нравъ. Въ нашей землѣ не такъ, какъ у великаго государя его царскаго величества въ Великой Россіи, гдѣ все милостивымъ повелѣніемъ государя чинится; у насъ, безъ совѣта полковниковъ и товариства, ничего учинить не можно. Даю вѣдать благородію твоему: плѣнные ваши у насъ не въ какой-нибудь неволѣ, а по волѣ живутъ, при нашей любви и милости. Скоро дастъ Богъ непріятеля-бусурмана изъ нашей земли выгонимъ, тогда, за прибытіемъ всѣхъ полковниковъ и за общимъ совѣтомъ, и Григорія Петровича Скуратова, и воеводъ, и ратныхъ людей отпустимъ и ни единаго изъ нихъ не задержимъ».

Дорошенко отпустилъ однако тогда же полковника Гульца съ челядникомъ и прапорщика Тараса Смирнова. Гетманъ сказалъ Бабкину: «какъ великій государь укажетъ отпустить всѣхъ взятыхъ жителей малороссійскихъ городовъ, тогда и мы вамъ отпустимъ воеводъ и всякихъ чиновъ полоненниковъ». Изъ малороссіянъ, которыхъ отпуска домогался гетманъ Дорошенко, были между прочимъ полковники: прилуцкій Чернавскій, ирклеевскій Попкевичъ, судья Незамай, писарь Шійкевичъ и знаменитый Тимоѳей Цыцура, жившій въ то время въ ссылкѣ въ Томскѣ. Указаны были еще многія имена. Русскихъ плѣнниковъ у Дорошенка было семьдесятъ, изъ нихъ 34 въ Брацлавѣ, другіе въ Чигиринѣ. О содержаніи плѣнниковъ въ Чигиринѣ Бабкинъ сообщалъ такъ: «государевыхъ людей гетманъ велѣлъ кормить и поставить по дворамъ, и шубы и сапоги имъ подавалъ, и къ себѣ ихъ обѣдать призываетъ по часту». Но такое любезное обращеніе было только тогда, когда еще Дорошенко побаивался Суховѣенка, а какъ пересталъ его бояться совершенно, то и съ плѣнными великороссіянами сталъ обращаться иначе.

IV.

Приготовленія къ радѣ. — Домогательства Дорошенка. — Съѣздъ въ Глуховѣ. — Толки о правѣ козацкихъ пословъ присутствовать при переговорахъ Россіи съ Польшею. — Избраніе въ гетманы Демьяна Игнатовича Многогрѣшнаго. — Статьи, прочитанныя на радѣ отъ царскаго посланника. — Толки о воеводахъ и ратныхъ людяхъ и объ удержаніи Кіева. — Доводы со стороны Ромодановскаго противъ желанія не имѣть въ Малороссіи воеводъ. — Присяга новаго гетмана. — Отписки. — Увѣдомленіе Дорошенка о совершившемся выборѣ. — Отъѣздъ Ромодановскаго изъ Глухова.

Съ 12-го февраля 1669 года въ Москвѣ начались приготовленія къ предстоящей радѣ для избранія новаго гетмана лѣвобережной Украины. По царскому указу, отъ лица верховной московской власти назначенъ былъ на эту раду князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, а въ товарищахъ ему стольникъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ и дьякъ Богдановъ; съ ними, для оберeганія, отправлялись конные и пѣшіе государевы ратные люди, стольники, стряпчіе, дворяне и жильцы. Съѣздъ всѣхъ опредѣленныхъ къ посольству былъ въ Сѣвскѣ, куда Матвѣевъ прибылъ съ своими изъ Москвы, и тамъ дождался Ромодановскаго изъ Суджи, гдѣ тотъ стоялъ съ войскомъ.

Вѣсть о намѣреніи Москвы избрать на радѣ новаго гетмана для лѣвобережной Украины подѣйствовала неприятно на Дорошенка. Онъ видѣлъ въ этомъ неудачу своихъ плановъ сдѣлаться гетманомъ обѣихъ сторонъ Украины. «Удивительно мнѣ, — писалъ онъ Ромодановскому, — что твоя милость, знаючи добре мене обѣимъ сторонамъ гетманомъ, листами ссылаешься съ Демьяномъ Многогрѣшнымъ, наказнымъ нашимъ гетманомъ. Надлежало бы твоей милости, по сердечной своей христіанской любви, желать, чтобъ и высокая честь его царскаго

величества, и слава Войска Запорожскаго ненарушна была, а не того, чтобъ отъ вѣковъ во единомъ союзѣ пребывающая Украина, которая черезъ тыя лѣта облiялася кровью, снова въ разность приходила. Прошу обо всемъ, что тебѣ повѣрено отъ его царскаго величества, вѣдомо чинить ко мнѣ, а не къ наказному гетману сѣверскому. А изъ того поступка, что мимо нашего вѣдома чинится, что́ возрастетъ? Самъ твоя милость, какъ мудрый, домыслитися можешь» [1]).

Но на это письмо не послѣдовало отвѣта, по крайней мѣрѣ въ современныхъ дѣлахъ его нѣтъ.

Въ подобномъ смыслѣ писалъ тогда Дорошенко и къ Шереметеву. Онъ извѣщалъ, что, собравши раду, хотѣлъ отправить къ царю челобитье, какъ вдругъ узналъ, что съ бывшимъ полковникомъ черниговскимъ, его Дорошенка наказнымъ гетманомъ, заводятся «потайные тракты». Демьянъ въ глазахъ Дорошенка походилъ на тѣхъ «закутныхъ (заугольныхъ) гетманишекъ», которые, послѣ смерти Богдана Хмельницкаго, ради своихъ частныхъ видовъ, провозглашали себя гетманами и производили междоусобiя. Дорошенко просилъ Шереметева, чтобы всѣ сношенiя о важныхъ дѣлахъ производились съ нимъ, настоящимъ гетманомъ, а не съ его наказными, и чтобы войсковые клейноты (знаки гетманскаго достоинства) никому не отдавались до возвращенiя пословъ, которые отъ него съ рады будутъ посланы къ государю. На это письмо Шереметевъ отвѣчалъ, что съ Демьяномъ никакихъ тайныхъ договоровъ нѣтъ, а били челомъ люди малороссiйскихъ городовъ лѣвой стороны Днѣпра, чтобъ государь позволилъ имъ по прежнимъ правамъ отправляться радѣ. «Ты», выражался Шереметевъ въ своемъ отвѣтѣ, «удив-

---

[1]) А. Ю. и З. Р., VIII, 74.

ляешься дѣламъ Демьяна Многогрѣшнаго, а мы такъ удивляемся, что ты къ намъ пишешь и желаніе подданства объявляешь, а съ турскимъ царемъ списываешься, посылаешь къ нему своихъ пословъ, и отъ турскаго царя у тебя частые послы бываютъ, а намъ о томъ не пишешь». Писалъ Дорошенко и къ самому Многогрѣшному, представлялъ ему, что отечество терпитъ отъ розни, цѣлые края обратились въ пустыню, много малороссіянъ сослано въ Сибирь и другіе края московскаго царства. «Правда», писалъ онъ, «достойное хвалы дѣло жить въ согласіи съ Москвою и быть въ подданствѣ у православнаго монарха, но только не на такихъ условіяхъ, какъ покойный Бруховецкій». Дорошенко приглашалъ Многогрѣшнаго отправить пословъ своихъ на раду, которая должна собраться на первой недѣлѣ великаго поста въ Корсунѣ. Многогрѣшный отправилъ это дорошенково письмо 15-го февраля въ малороссійскій приказъ и писалъ, что Дорошенку не слѣдуетъ ни въ чемъ довѣрять, потому что онъ сносится съ турками и составляетъ съ ними какія-то договорныя статьи. Расточая увѣренія въ своей готовности проливать кровь за царскія выгоды, Демьянъ доносилъ, что по его старанію полковники: кіевскій Солонина и переяславскій Дмитрашко Райча учиняются въ подданствѣ великому государю.

Посланцы, бывшіе въ Москвѣ въ январѣ, не привезли окончательнаго рѣшенія: въ какомъ именно городѣ будетъ рада. Демьянъ Игнатовичъ писалъ князю Ромодановскому, что лучше быть радѣ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, дабы на ней могъ присутствовать архіепископъ Лазарь Барановичъ, который, по своимъ лѣтамъ и по здоровью не такая особа, чтобъ можно волочить его далеко. Но князь Ромодановскій отвѣчалъ, что по указу великаго государя радѣ быть въ Глуховѣ, потому что въ

этотъ городъ удобнѣе пріѣхать изъ иныхъ городовъ малороссійскихъ; князь приглашалъ Многогрѣшнаго ѣхать въ Глуховъ и звать туда полковниковъ и иныхъ начальныхъ людей изъ козаковъ и мѣщанъ; онъ сообщалъ, что о томъ же написано уже и архіепископу.

Повинуясь царскому указу, Демьянъ прибылъ въ Глуховъ 27-го февраля. «Жестокій путь устрашаетъ меня немощнаго» — писалъ Лазарь Барановичъ — «но Божіе дѣло царственное и мірское нудитъ мя; во имя Господне пойду». 1-го марта пріѣхали въ Глуховъ и царскіе послы. Не доѣзжая до города въ трехъ или четырехъ верстахъ, встрѣтилъ ихъ Демьянъ Многогрѣшный со всею старшиною и съ козаками. Главный посланникъ, князь Ромодановскій, посадилъ Многогрѣшнаго съ собою въ карету; при въѣздѣ въ городъ, встрѣчалъ ихъ на городскихъ воротахъ глуховской соборной церкви протопопъ съ духовенствомъ и горожанами. Вышедши изъ экипажей, посольство прикладывалось къ Спасову чудотворному образу, съ которымъ пріѣхало оно изъ Сѣвска; велѣли нести этотъ образъ въ глуховскій соборъ, отслужили тамъ молебенъ, потомъ князь Ромодановскій приказалъ этотъ образъ поставить у себя на дворѣ.

На другой день, 2-го марта, Демьянъ съ асауломъ Гвинтовкою вдвоемъ пріѣхали къ Ромодановскому. Бояринъ приказалъ читать вслухъ статьи, на которыхъ долженъ будетъ постановиться договоръ на радѣ. Послѣ чтенія этихъ статей бояринъ говорилъ: «въ вашей челобитной вы написали, будто на польскомъ сеймѣ постановлено обратить православныя церкви въ костелы; но въ перемирной третьей статьѣ Андрусовскаго договора утверждено, чтобъ русскимъ всякаго чина людямъ вольно было во всѣхъ городахъ и мѣстахъ, достающихся въ сторону его королевскаго величества, отправленіе греческой

вѣры. Буде въ Коронѣ и княжествѣ дѣлается утѣсненіе церквамъ, то великій государь прикажетъ своимъ полномочнымъ посламъ, на съѣздѣ съ польскими послами, говорить, чтобы церкви утѣсненія не было; что́ на съѣздѣ учинится, о томъ гетманъ и старшины узнаютъ отъ своихъ посланцевъ, которыхъ сами пошлютъ на этотъ съѣздъ. Составьте и подайте посланцамъ вашимъ по этому дѣлу статьи и намъ ихъ объявите, чтобы великому государю были онѣ вѣдомы. Посланцы ваши будутъ приходить къ польскимъ посламъ и говорить съ ними о своихъ войсковыхъ дѣлахъ съ царскаго повелѣнія, — но съ послами сидѣть не будутъ, оттого что и прежде того не бывало, и польскіе послы на томъ стоятъ, чтобы съ ними вмѣстѣ не сидѣли посланцы Войска Запорожскаго, чтобъ не было споровъ и промедленій».

— Намъ подлинно вѣдомо, — сказалъ гетманъ, — что сенаторы писали къ Дорошенку и звали его посланцевъ на «элекцію» (выборъ короля), а коли зовутъ на элекцію, такъ и мѣста имъ дадутъ и сидѣть позволятъ.

Бояринъ отвѣчалъ: «царскіе полномочные послы съ польскими послами поговорятъ, но теперь невозможно писать, чтобъ вашимъ посланцамъ сидѣть съ послами, оттого, что польскіе послы этого не хотятъ».

«Вы просили, — говорилъ бояринъ, — чтобъ вамъ въ Москвѣ отвели домъ, гдѣ бы ставились пріѣзжіе отъ васъ. Выберите человѣка знатнаго, добраго, разумнаго и разсудительнаго, которому довѣрите жить на томъ дворѣ, и къ нему будете вы писать о всякихъ дѣлахъ, какія надобны будутъ малороссійскимъ жителямъ, — и выборный вашъ человѣкъ будетъ ходатаемъ по этимъ дѣламъ и будетъ бить челомъ объ указѣ. Вашему выборному жить въ Москвѣ съ перемѣною по-годно».

3-го марта пріѣхалъ въ Глуховъ архіепископъ Ла-

зарь Барановичъ. Бояринъ велѣлъ собраться къ нему уже всѣмъ, и отъ имени великаго государя спросилъ архіепископа о спасеніи, а прочихъ мірскихъ особъ — о здоровьѣ. Потомъ объявлено было царское прощеніе малороссійскому народу за вины. За это прощеніе всѣ били челомъ.

Потомъ бояринъ произнесъ: «указалъ великій государь, его царское величество, по вашимъ правамъ и вольностямъ избрать себѣ въ гетманы, кого излюбите».

Обозный, судьи, полковники и вся старшина и чернь провозгласили гетманомъ Демьяна Игнатовича Многогрѣшнаго. Споровъ никакихъ не было. Въ пользу Демьяна все было подготовлено, и видно было, что выборъ на радѣ будетъ только формальностью. Затѣмъ наступило чтеніе статей договора, по которому Украинѣ надлежало быть въ вѣчномъ подданствѣ у великаго государя. Когда прочли: «въ Переяславлѣ, Нѣжинѣ и въ иныхъ городахъ воеводамъ и царскимъ ратнымъ людямъ быть», — поднялся шумъ.

Старшины стали говорить: «въ нашихъ челобитныхъ его царскому величеству писано, чтобъ воеводы были только въ Кіевѣ, а въ Нѣжинѣ, Переяславлѣ и въ иныхъ городахъ имъ не быть, потому что отъ воеводъ и царскихъ ратныхъ людей многая напередъ сего обида была».

Бояринъ сказалъ: «великому государю челобитная ваша вѣдома. Но великій государь указалъ быть воеводамъ и ратнымъ людямъ въ Переяславѣ, Нѣжинѣ и въ иныхъ нѣкоторыхъ городахъ для крѣпкаго утвержденія и на оборону тебѣ, гетману, и всѣмъ малороссійскимъ жителямъ отъ непріятельскихъ приходовъ, да для проѣзда въ Кіевъ и къ тебѣ, гетману, сухимъ и водянымъ путемъ всякихъ проѣзжихъ людей, а не для того, чтобъ воеводы и ратные люди чинили жителямъ налоги. Ты,

гетманъ, и вы, старшины, сами видите, какъ малороссійскіе жители шатки; всякимъ смутнымъ воровскимъ словамъ и на всякія прелести сдаются скоро и къ ворамъ пристаютъ, а невинныхъ людей, что къ ихъ воровству не мыслятъ пристать, разоряютъ. Петрушка Дорошенко, именующій себя гетманомъ на той сторонѣ Днѣпра, поддается турскому султану: вонъ, Василій Полянскій былъ у него въ Чигиринѣ, самъ видалъ, какъ турецкій посолъ къ нему пріѣзжалъ, и Дорошенко называетъ себя турецкимъ подданнымъ! Онъ и на сю сторону Днѣпра людей своихъ подсылаетъ и воровски прельщаетъ малороссійскихъ жителей, а иныхъ страхомъ и войною понуждаетъ подъ свое послушаніе. Уже многіе городы на сей сторонѣ держатъ его сторону. Въ Переяславѣ и Нѣжинѣ и въ иныхъ городахъ все разорено, жители разошлись, кто куда захотѣлъ, и городы стали безлюдны; если въ этихъ городахъ опустѣлыхъ не будетъ воеводъ и ратныхъ людей, то жителямъ, которые теперь въ бѣгахъ, нельзя будетъ, по возвращеніи, безъ обороны, домовъ своихъ строить, а Дорошенко, узнавъ, что воеводъ и ратныхъ людей въ тѣхъ городахъ нѣтъ, пришлетъ своихъ заднѣпровскихъ козаковъ и наполнитъ своими людьми эти городы; тогда эти городы будутъ уже и по-неволѣ у Дорошенка въ послушаніи, и онъ учинитъ ихъ въ подданствѣ у турка вмѣстѣ съ собою. Тогда тебѣ, гетману, и всей старшинѣ отъ турка и его послушниковъ, отъ хана и отъ Дорошенка, будетъ большое утѣсненіе. И вотъ еще что́ мы тебѣ, гетману, и всѣмъ вамъ старшинѣ объявляемъ: посланъ отъ царскаго величества къ турскому султану стольникъ Аѳанасій Нестеровъ, тотъ говорилъ туркамъ, чтобъ турскій султанъ жителей малороссійскихъ городовъ и запорожскихъ черкасъ въ подданство къ себѣ не принималъ, а турки дали по-

сольству царскаго величества такой отвѣтъ: въ которыхъ городахъ царскихъ воеводъ нѣтъ, и тѣ городы учнутъ отдаваться турку, — и онъ, турокъ, принимать ихъ велитъ. Тебѣ, гетману, и вамъ, старшинѣ, надобно бы то разсудить и остеречь: первые и главные городы малороссійскіе надлежитъ утвердить и укрѣпить въ своихъ рукахъ, а не отпускать ихъ въ чужія руки, чтобъ самимъ потомъ въ утѣсненіи не пребывать и отпущенные подъ чужую власть городы кровью не доставать. Когда главные городы будутъ въ крѣпкомъ одержаніи, тогда и малые городы, хотя въ нихъ и воеводъ не будетъ, учнутъ при тѣхъ большихъ городахъ держаться и никому не сдадутся».

Изложенные царскими довѣренными доводы показались до такой степени сильны, что малороссіяне не нашлись ничего возражать; однако все-таки не заявили сразу совершеннаго согласія принять означенную статью, а сказали, что о ней подумаютъ и поговорятъ между собою.

Перешли къ другой статьѣ, не менѣе щекотливой. Гетманъ припомнилъ челобитную о томъ, чтобъ Кіевъ не отдавали полякамъ въ видахъ охраненія православной вѣры. Бояринъ именемъ царскимъ объявилъ: «вамъ самимъ извѣстно, на какой срокъ договаривались отдать Кіевъ, но по нѣкоторымъ причинамъ, возникшимъ съ польской стороны, на тотъ срокъ отдачи Кіева не будетъ до съѣзда полномочныхъ великихъ пословъ, а каковъ на съѣздѣ договоръ о Кіевѣ станетъ, о томъ вы узнаете отъ вашихъ посланцевъ. А что̂ вы говорите о церквахъ Божіихъ и о благочестивой христіанской вѣрѣ, которая въ гоненіи отъ уніатовъ, такъ объ этихъ дѣлахъ надлежитъ говорить жителямъ той стороны Днѣпра, а не вамъ. Вѣдомо самимъ вамъ, что козаки и всякихъ чиновъ жители той стороны Днѣпра отлучились сами отъ царскаго величества еще прежде андрусовскаго договора,

а не царское величество отъ себя ихъ отдалъ; по ихъ-то отлученію и андрусовскій договоръ учиненъ».

Гетманъ сказалъ: «намъ подлинно вѣдомо, что тамошніе козаки поддались польскому королю собою, а отъ царскаго величества имъ отдачи не было. Если положено будетъ на съѣздѣ Кіевъ отдать полякамъ, въ томъ пусть будетъ воля великаго государя, лишь бы только поляки не гнали православной христіанской вѣры и не отдавали церквей Божіихъ въ унію. Возможно царскому величеству митрополію учинить въ Переяславѣ, если Кіевъ отданъ будетъ.

«Пристойнѣе учинить митрополію въ Черниговѣ, — сказалъ Лазарь Барановичъ: — Черниговъ старѣе Переяслава и княженіе древнѣе». По окончаніи чтенія статей гетманъ сказалъ: «позвольте намъ эти статьи взять къ себѣ. Мы прочтемъ ихъ у себя на дворѣ и поговоримъ промежъ себя, которыя статьи покажутся намъ противными, о тѣхъ статьяхъ мы учнемъ бить челомъ великому государю и челобитную нашу подадимъ вамъ на письмѣ».

Царскіе послы согласились и дали имъ статьи.

4-го марта явился къ князю Ромодановскому обозный Забѣла, въ сопровожденіи генеральныхъ асауловъ и полковниковъ, и сказалъ:

«Прислалъ насъ гетманъ передать тебѣ, бояринъ, что онъ статьи, которыя у тебя взялъ, читалъ со всѣми старшинами. Въ этихъ статьяхъ написано, чтобъ царскаго величества воеводамъ и ратнымъ людямъ быть въ Переяславѣ и иныхъ городахъ, а мы у великаго государя напередъ сего милости просили и нынѣ просимъ, чтобъ великій государь насъ пожаловалъ, — указалъ не быть воеводамъ и ратнымъ людямъ въ городахъ сей стороны Днѣпра. Объ этомъ приносимъ мы тебѣ челобитную; да

еще о другомъ, о чемъ милости просимъ у великаго государя, мы здѣсь написали».

Бояринъ приказалъ взять у нихъ написанную челобитную и сказалъ: «чтобъ воеводъ и ратныхъ людей изъ вашихъ городовъ вывесть, — то дѣло несбытное, а объ другихъ статьяхъ, что вы здѣсь написали, будетъ вамъ указъ учиненъ». Въ челобитной, кромѣ просьбы о выводѣ воеводъ, было писано о сохраненіи козацкихъ имуществъ, чтобы вдовы козацкія наслѣдовали имущества убитыхъ на войнѣ мужьевъ и пользовались всѣми льготами козацкаго званія до своей смерти, либо до выхода въ новое замужество за не-козака; чтобы царскіе гонцы не брали самовольно подводъ, а получали ихъ отъ городовой старшины; чтобы число козацкаго войска въ реестрѣ простиралось до сорока тысячъ, а въ случаѣ непріятельскаго вторженія давалась бы скорая помощь ратными людьми; чтобъ возвращены были взятыя воеводами въ смутное время малороссійскія пушки; чтобы жителямъ посполитымъ, въ уваженіе къ понесеннымъ разореніямъ, дана была льгота на пять лѣтъ, а недостающее, по причинѣ этой льготы, количество денегъ на жалованье реестровымъ козакамъ дополнялось бы изъ царской казны.

При этомъ старшины объявили, что на предстоящій съѣздъ полномочныхъ пословъ они выбрали посланцами: нѣжинскаго полковаго судью Ѳедора Завадскаго, Лаврентія Артеменка, Леонтія Полуботка и Ярему Яременка.

5-го марта явились къ боярину гетманъ и архіепископъ Лазарь Барановичъ. Бояринъ имъ сказалъ: «просили обозный съ полковниками, чтобъ воеводъ и ратныхъ людей вывести изъ Переяслава и другихъ городовъ, хотя бы черезъ полгода или черезъ годъ, какъ дастъ Богъ сей стороны малороссійскіе жители успокоятся и учнутъ слу-

жить царскому величеству вѣрно. Это дѣло несхожее, чтобъ воеводъ и ратныхъ людей выводить».

Гетманъ по-прежнему распространился о томъ, какъ «воеводы и ратные люди малороссійскимъ жилецкимъ людямъ всякихъ чиновъ дѣлали обиды, козаковъ лаяли, мужиками ихъ называли, производили кражи, поджоги, съ цѣлью расхищенія имуществъ во время пожара, и потому-то козацкія власти просятъ вывести воеводъ и ратныхъ людей изъ малороссійскихъ городовъ. Пусть великій государь, его царское пресвѣтлое величество, будетъ надеженъ, мы учнемъ служить ему вѣрно, безо всякой шатости, и измѣнять ему никогда не будемъ».

Бояринъ отвѣчалъ: «по се время великому государю отъ козаковъ и отъ мѣщанъ на воеводъ и ратныхъ людей ни въ какихъ налогахъ челобитья не было и впредь великій государь указалъ воеводамъ не вступаться въ ваши права и суды, не только въ козацкіе, но и въ мѣщанскіе; судиться вамъ межъ себя самимъ, по вашимъ стародавнимъ правамъ и вольностямъ. А что вы говорите, будто служилые люди зажигали и въ пожарное время животы уносили, такъ о томъ великому государю не бывало ни отъ кого челобитья ни прежде сего, ни въ послѣднее время; если жь бы челобитье такое было, противъ челобитья былъ бы сыскъ, а по сыску, смотря по винѣ, тѣмъ ворамъ за ихъ воровство и казнь учинена была бы. Знатно, то дѣло нынѣ затѣяли вы, чтобъ воеводамъ въ городахъ не быть! Вы объ этомъ и не мыслите, чтобъ ратныхъ людей изъ городовъ вывести! Какую крѣпость вы учинить можете въ томъ, что въ малороссійскихъ городахъ никто не измѣнитъ, не сдадутъ городовъ непріятелю и служить великому государю будутъ вѣрно?»

Гетманъ и старшины не нашлись ничего отвѣчать на этотъ вопросъ.

Бояринъ продолжалъ: «напередъ сего гетманъ Богданъ Хмельницкій поддался великому государю и служилъ ему вѣрно до смерти. А послѣ него что? У васъ были гетманы: Ивашка Выговскій, Юраска Хмельницкій, Ивашка Бруховецкій; всѣ они договорныя статьи составляли, руками своими ихъ подписывали и предъ святымъ евангеліемъ душами своими крѣпили. Однако, ничего того не памятуя, потомъ измѣняли! Давно ли Ивашка Бруховецкій государевыхъ воеводъ и ратныхъ людей въ городахъ велѣлъ побить безъ всякой причины? Видя съ вашей стороны такія измѣны, не стало чему вѣрить! Ты, гетманъ, и вы, старшины, говорите, что имаетесь содержать всѣ городы своими людьми. Несбытное это дѣло: не только намъ, но и вамъ хорошо видимо, что̀ дѣлается на сей сторонѣ Днѣпра во многихъ малороссійскихъ городахъ! Козаки и мѣщане слушаютъ не тебя, Демьяна, а Дорошенка, и великому государю чинятся противны. Если бы въ тѣхъ городахъ, о которыхъ вы говорите, царскихъ ратныхъ людей не было, такъ и тамъ жители дѣлали бы то же, что нынѣ дѣлаютъ полтавцы, миргородцы и иные. Гетманъ и всѣ старшины! Не говорите вы намъ больше о выводѣ изъ городовъ воеводъ и ратныхъ людей. Сами-жь вы написали въ своемъ челобитьѣ, что вручили своимъ посланцамъ: во всемъ полагаемся-де на волю и на милости царскаго пресвѣтлаго величества. Какъ ему, великому государю, всесильный Богъ на сердце положитъ, такъ бы сохранить насъ изволилъ при вольностяхъ нашихъ. Не такъ ли написали вы?»

Архіепископъ призналъ, что такъ именно было написано въ челобитной, а затѣмъ прибавилъ: «когда намъ чинятся налоги, то какъ же намъ о томъ не говорить

и не бить челомъ великому государю? Теперь написать бы въ статьяхъ: ты, бояринъ, о выводѣ воеводъ и ратныхъ людей договора съ нами не чинишь, и обѣ стороны стоятъ упорно, но впередъ намъ повольно будетъ бить челомъ великому государю о выводѣ воеводъ и ратныхъ людей».

Ромодановскій не поддался на эту уловку и рѣшительно произнесъ: «чтобы о выводѣ воеводъ и ратныхъ людей повольно было вамъ бить челомъ великому государю, — того не точію написать, но и говорить больше о томъ съ вами не буду и слушать отъ васъ тѣхъ словъ не хочу. Говорю вамъ прямо».

Гетманъ и старшины откланялись, но Демьянъ Игнатовичъ на прощанье сказалъ: «нынѣшній вечеръ, сошедшись со старшинами и выборными козаками, мы о томъ еще гораздо подумаемъ. А съ нынѣшнихъ разговоровъ и самъ я узналъ, что въ городахъ безъ воеводъ и ратныхъ людей быть невозможно».

На другой день, рано утромъ, 6-го марта, въ субботу на второй недѣлѣ великаго поста, съѣхавшись всѣ вмѣстѣ, съ бояриномъ учинили договоръ, составленный въ двадцати-семи пунктахъ или статьяхъ. Большое значеніе для своего времени имѣла двадцать-вторая статья. Со временъ Богдана Хмельницкаго у малороссійскаго правительства было унаслѣдованное отъ польской шляхты стремленіе ограничить число козаковъ и образовать изъ нихъ привилегированное сословіе, отличное отъ остальнаго поспольства. Такое стремленіе находило правильнымъ и московское правительство. Но у малороссійскаго народа всегда оставался иной идеалъ, — чтобъ въ краѣ всѣ были равные козаки, и изъ народной громады всегда выступали своевольцы, называвшіе себя самозванно козаками; нерѣдко собирались они купами (шайками) и

безчинствовали; то были большею частью наймиты, не владѣвшіе ни грунтами (усадьбами), ни нивами, и добывавшіе себѣ хлѣбъ работою у зажиточныхъ, особенно на селитренныхъ заводахъ и винокурняхъ. Старшины козацкіе постоянно жаловались, что отъ нихъ чинились бѣды и обиды прямымъ козакамъ. Теперь учреждали особый отдѣлъ козацкаго войска, подъ названіемъ компаніи; предположено на первый разъ набрать ихъ тысячу человѣкъ и назначить надъ ними особаго компанейскаго полковника. Ихъ обязанность будетъ преслѣдовать и усмирять шайки самозванныхъ козаковъ. Это учрежденіе скоро получило большое развитіе, и всѣ полковники стали заводитъ у себя въ полкахъ компаніи. Какъ увидимъ ниже, черезъ нѣсколько лѣтъ, сами старшины нашли необходимымъ отмѣнить это учрежденіе, но вмѣсто него явились охотные или наемные козаки, большею частью изъ иноземцевъ.

Откинувши просьбу о выводѣ воеводъ, приказано было статьи написать въ тетради. Во всемъ положились на волю великаго государя, подписали статьи и подали боярину [1]). Ромодановскій замѣтилъ, что о тѣхъ статьяхъ, которыя подали ему послѣ, будетъ данъ милостивый указъ, когда эти статьи представятся его царскому величеству. Вмѣстѣ со статьями, касавшимися Войска Запорожскаго, т. е. козаковъ, на этой радѣ постановлены были статьи, относившіяся къ мѣщанству и посполству, по челобитью отъ нѣжинскихъ и кіевскихъ мѣщанъ. Городъ Нѣжинъ, ссылаясь на разоренія, понесенныя въ послѣднее междоусобіе, выпросилъ льготы себѣ на 15, а своей волости — на 5 лѣтъ, и подтвержденія

---

[1]) См. въ IV-мъ томѣ «Собранія государственныхъ граматъ и договоровъ». Текстъ глуховскихъ статей, стр. 231—242, 243—248.

прежнихъ правъ на доходы съ торговыхъ мѣръ, съ торговли дегтемъ, съ винной и пивной торговли. Мѣщане били челомъ за себя и за посполитыхъ въ волости (т. е. крестьянъ), чтобъ козаки не вмѣшивались въ ихъ управленіе и не были бы сборщиками. Тогда въ малороссійскихъ селахъ и деревняхъ временно размѣщались приходившіе съ правой стороны искать новоселья, и число ихъ все болѣе и болѣе возрастало. Поставленные «на-хлѣбъ, на-соль мірскую», они дозволяли себѣ всякія своевольства. «Голики (какъ называются они въ челобитной) отъ прямаго своего посилья сыты быть не хотятъ, а насилуютъ мѣщанъ и крестьянъ». Кіевское мѣщанство просило себѣ, главнымъ образомъ, свободы отъ поставки подводъ, отъ своевольства царскихъ ратныхъ людей — и, кромѣ того, выпросило пятилѣтнюю льготу для города Кіева отъ податей, слѣдуемыхъ въ царскую казну.

Тогда бояринъ приказалъ передъ соборною церковью устроить просторное мѣсто, поставить на аналоѣ чудотворный Спасовъ образъ и положить на столѣ булаву и знамя. Когда все было готово, явились Демьянъ, старшины и выборные козаки и мѣщане. Архіепископъ прочиталъ молитву. Бояринъ проговорилъ короткую рѣчь, выразивши въ ней, что, по челобитью, представленному обознымъ Петромъ Забѣлою, великій государь указалъ боярину быть на радѣ для избранія новаго гетмана по ихъ правамъ и вольностямъ. Проговоривши эти слова, бояринъ отступилъ.

Демьянъ Многогрѣшный былъ избранъ уже прежде, а теперь совершался только обрядъ вступленія его въ должность настоящаго гетмана. Обозный Петръ Забѣла поднесъ новому гетману булаву.

«Я не желаю гетманскаго уряда, — говорилъ обрядовымъ порядкомъ Многогрѣшный, — но такъ какъ вы,

по указу его царскаго пресвѣтлаго величества и по своимъ правамъ и вольностямъ, излюбя, всѣмъ войскомъ меня избираете въ гетманы, то невозможно мнѣ упорствовать и не принять царскаго жалованья — булавы и знамени! Только я вамъ напередъ объявляю: великому государю, его царскому пресвѣтлому величеству, сей стороны Днѣпра Войско Запорожское поддается въ вѣчное подданство, а какъ намъ быть въ томъ подданствѣ, тому всему у насъ постановлены статьи и руками нашими подписаны. Я обѣщаюсь великому государю и его государскимъ наслѣдникамъ служить вѣрно, безъ всякой шатости и измѣны, и того учинить не хочу, что́ прежніе гетманы учиняли, какъ великому государю измѣняли. И вы бы, при мнѣ будучіе, ему, великому государю, служили бы вѣрно, никакимъ смутнымъ словамъ и прелестямъ не вѣрили и вѣчное подданство, вмѣстѣ со мною, содержали бы крѣпко и постоянно, по договорнымъ статьямъ».

Обозный Петръ Забѣла, отъ лица всѣхъ прочихъ, произнесъ: «всѣ мы хотимъ съ тобою, гетманомъ, быть въ вѣчномъ подданствѣ великому государю и служить ему будемъ вѣрно. Готовы учинить въ томъ вѣру предъ святымъ евангеліемъ. А ты, Демьянъ, отъ насъ булаву и знамя прими и гетманомъ нашимъ будь».

Демьянъ Игнатовичъ принялъ булаву и знамя, а бояринъ вручилъ новому гетману грамату на гетманское достоинство. Всѣ поздравляли новаго гетмана. Бояринъ сказалъ: «гетманъ Демьянъ Игнатовичъ! будь здравъ на гетманскомъ урядѣ со всею старшиною и со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ сей стороны Днѣпра! Служи великому государю вѣрно, и, шедъ въ соборную церковь передъ чудотворнымъ Спасовымъ образомъ и передъ святымъ евангеліемъ, по святой непорочной заповѣди Христа

Бога нашего, учини вѣру». Демьянъ Игнатовичъ благодарилъ боярина за милость и сказалъ: «никогда того не учиню, что Ивашка Бруховецкій учинилъ, когда великому государю измѣнилъ: я буду служить великому государю, его царскому величеству, до конца живота вѣрно».

Всѣмъ вслухъ прочли новопостановленныя статьи, скрѣпленныя подписями. Тогда бояринъ спросилъ всѣхъ: «каковы статьи постановлены и руками вашими закрѣплены, — слышали ли статьи тѣ?»

Всѣ отвѣчали утвердительно. Затѣмъ всѣ отправились въ церковь и тамъ произнесена была присяга. Приводилъ всѣхъ къ ней архіепископъ Лазарь Барановичъ по чиновной книгѣ и по записи, написанной подъ статьями.

На другой день, въ воскресенье, архіепископъ освящалъ знаки гетманскаго достоинства — булаву, знамя и саблю — и произнесъ новоизбранному гетману пастырское поученіе.

8-го марта бояринъ отправилъ въ Москву извѣстіе объ окончаніи рады, не утаивши козацкихъ домогательствъ о выводѣ воеводъ и своего отказа на эти домогательства. И Демьянъ Игнатовичъ отправилъ въ тотъ же день письмо къ великому государю, расточалъ обѣщанія вѣрной службы, не смѣлъ уже просить о выводѣ воеводъ и ратныхъ людей, а умолялъ указать, чтобы царскія войска помогали Украинѣ, буде непріятель станетъ на нее наступать [1]). Бояринъ послалъ отписки въ Черниговъ, Нѣжинъ и Переяславъ къ воеводамъ, поручая каждому привести къ присягѣ козаковъ и мѣщанъ своего края.

Марта 9-го бояринъ послалъ отписку и къ Дорошенку, извѣщая о совершившемся избраніи, и просилъ

---

[1]) А. Ю. и З. Р., VIII, 101.

Дорошенка вернуть на правую сторону своевольниковъ, перешедшихъ на лѣвую; при этомъ замѣчалъ, что если черезъ ихъ упорство случится что-нибудь дурное, то пролитая кровь взыщется Богомъ «на томъ, кто сей крови будетъ причиненъ». Написалъ въ этотъ день къ Дорошенку и Лазарь Барановичъ о томъ, какъ было бы хорошо, если бы вся Россія была подъ властью православнаго монарха, а подъ туркомъ быть прямая бѣда: «пророчество у нихъ, турковъ, есть, что имѣютъ пропасть отъ русскаго народа, исполни Боже то вскорѣ! На сіе дѣло да воздвигнетъ Богъ силу Войска Запорожскаго». Написалъ къ Дорошенку и его бывшій наказной, теперь поставленный съ нимъ въ равномъ достоинствѣ. Смыслъ письма его былъ таковъ, что было бы хорошо, еслибъ малороссійскій народъ весь находился подъ единымъ монархомъ, но видно — не такова воля Божія! «Изволь,— писалъ онъ, — жить съ нами по-пріятельски; намъ — подъ великимъ государемъ, а вамъ подъ королемъ польскимъ живучи, надобно любовь имѣть». Онъ просилъ Дорошенка вывести изъ лѣвобережной Украины свои военныя силы и грозилъ, въ противномъ случаѣ, взявъ Бога на помощь, съ своимъ и съ царскимъ войскомъ вывести прочь непріятныхъ гостей. Тогда же новоизбранный гетманъ извѣстилъ о своемъ избраніи и непокорнаго ему лубенскаго полковника, убѣждалъ его отречься отъ Дорошенка, поступить подъ регименть Демьяна и принести присягу на подданство царю; въ противномъ случаѣ: «пусть не удивляется, если ему произойдетъ что-нибудь непріятное».

8-го марта бояринъ одарилъ, по обычаю, гетмана, старшинъ и полковниковъ соболями, а его отдарили лошадьми. Наконецъ онъ выѣхалъ изъ Глухова, провожаемый гетманомъ и старшинами за три версты отъ города.

V.

Отношенія московскаго правительства къ Дорошенку послѣ глуховской рады.—Архимандритъ Гизель ходатайствуетъ за Тукальскаго.—Рада на рѣкѣ Расавѣ.—Отзывы о Турціи въ письмахъ съ правой стороны.—Сообщенныя въ Москву статьи условій подданства Дорошенка Турціи.—Многогрѣшный пытается склонить Суховѣенка на царскую сторону.—Суховѣенко снова угрожаетъ Дорошенку.—Переговоры съ Дорошенкомъ объ отпускѣ воеводъ.—Дорошенко посылаетъ на лѣвую сторону Гамалѣю и Манжоса.—Козловскій смѣняетъ въ Кіевѣ Шереметева.

Какъ ни противно должно было показаться Дорошенку избраніе Многогрѣшнаго, но московское правительство продолжало показывать правобережному гетману дружелюбныя отношенія. Въ граматѣ, посланной къ нему отъ 26-го февраля [1]), царь похвалялъ его за то, что онъ не отдалъ татарамъ взятыхъ воеводъ и просилъ Дорошенка отпустить ихъ. Въ мартѣ кіево-печерскій архимандритъ Гизель, посылая царю Алексѣю Михайловичу въ даръ книгу свою о покаяніи, подъ названіемъ «Миръ человѣка съ Богомъ», пытался расположить царя въ пользу митрополита, Іосифа Тукальскаго, друга Дорошенкова, на котораго въ Москвѣ смотрѣли подозрительно. «Повели, государь, этого добраго мужа посадить на митрополіи въ Кіевѣ и надобное прокормленіе сану его показать. Надѣемся, что у козаковъ тогда шатости не будетъ, и не станутъ они склоняться къ соединенію съ турками, если митрополитъ, по своемъ санѣ, будетъ сидѣть въ Кіевѣ, да онъ и вашему царскому величеству не окажется безпотребенъ: онъ мужъ зѣло ученый, разсудительный, искусившійся во всякихъ гоненіяхъ и иновѣрныхъ навѣтахъ». Инокентій Гизель въ тоже самое

---

[1]) А. Ю. и З. Р., VIII. 129.

время силился помирить съ митрополитомъ Іосифомъ Тукальскимъ архіепископа Лазаря Барановича, котораго письменно упрекалъ за то, что Лазарь возбуждалъ неблаговоленіе къ митрополиту и царя Алексѣя Михайловича, и московскихъ государственныхъ людей, а въ своей епархіи запрещалъ молиться за митрополита, тогда какъ митрополитъ всегда въ богослуженіи поминалъ архіепископа Лазаря, хотя и не признавалъ за нимъ титула мѣстоблюстителя. Митрополитъ, по увѣренію Гизеля, искренно желалъ присоединенія правобережной Украины къ царской державѣ и располагалъ къ этой мысли своими совѣтами тамошнихъ генеральныхъ старшинъ [1]) Самъ Тукальскій апрѣля 10-го писалъ къ царю Алексѣю Михайловичу, просилъ, чтобъ ему дозволили водвориться въ своей митрополіи и расточалъ желаніе, чтобъ весь православный русскій народъ, находящійся теперь во власти Рѣчи-Посполитой, присоединился къ московской державѣ, съ сохраненіемъ своихъ стародавнихъ правъ и обычаевъ.

При всѣхъ такихъ посланіяхъ и отзывахъ дружелюбныхъ къ московскому престолу, стремленія Дорошенка и Тукальскаго противорѣчили видамъ тогдашней московской политики. Дорошенко и Тукальскій изъявляли желаніе повиноваться царю, но не терпѣли андрусовскаго договора, пресѣкавшаго политическую и правительственную связь двухъ половинъ Украины; Москва же обязалась признавать Днѣпръ чертою предѣла между Россіею и Польшею и слышать не хотѣла ни о какихъ народныхъ требованіяхъ единства Украины, противорѣчившихъ смыслу андрусовскаго договора. Задушевнымъ желаніемъ правобережнаго гетмана и митрополита было —

---

[1]) Письма къ Лазарю Барановичу. Изд. Страдомскаго 1867 г.

чтобъ козачество и съ нимъ вся Украина, признавая надъ собою власть царя, ненарушимо пользовались своими національными правами и обычаями, а у Москвы на счетъ этого было иное желаніе — желаніе строгаго подчиненія, которое бы современемъ повело къ уничтоженію всякаго различія между Малороссіей и Великороссіей. Москва разсчитывала, что если въ Украинѣ ненарушимо будутъ сохраняться всѣ ея національныя особенности, то Украина не всегда можетъ быть крѣпко привязана къ Москвѣ; напротивъ, такой или иной шагъ московскаго правительства, вынуждаемый обстоятельствами, можетъ произвести раздраженіе и вызвать появленіе измѣны въ Малороссійскомъ краѣ. Опыты политическаго непостоянства, повторяясь одинъ за другимъ, упрочили въ Москвѣ недовѣріе къ Украинѣ и люди, заявлявшіе себя въ Украинѣ горячими сторонниками національныхъ правъ, не могли возбудить къ себѣ расположенія въ Москвѣ. О митрополитѣ Тукальскомъ составили тамъ понятіе, какъ о сторонникѣ Дорошенка, какъ о человѣкѣ, цѣнящемъ выше всего мѣстные интересы своей родины, а потому въ Москвѣ не могли принять его просьбы о своемъ переѣздѣ въ Кіевъ; поводомъ къ отказу митрополиту на его просьбу выдумали такое основаніе: между московскимъ и польскимъ государями договорено быть съѣзду полномочныхъ пословъ, и на этомъ съѣздѣ будутъ разсуждать о Кіевѣ; когда этотъ съѣздъ состоится и что́ на немъ будетъ постановлено, о томъ митрополитъ будетъ извѣщенъ.

И Дорошенко Москвѣ и Москва Дорошенку выражали взаимное дружелюбіе, но искренности между ними не было ни мало. Не довѣрялъ Москвѣ Дорошенко послѣ того, какъ Москва, подбивши Бруховецкаго просить о введеніи въ Малороссіи воеводъ, и послѣ того, какъ уже послѣдовала народная расправа съ этими воеводами, все-

таки не хотѣла слышать о томъ, чтобъ ихъ вывести изъ края и предоставить козакамъ самимъ собою управляться. Не довѣряла и Дорошенку Москва, когда къ ней приносились вѣсти о двусмысленныхъ и зловѣщихъ сношеніяхъ Дорошенка съ турецкимъ султаномъ. У Дорошенка 12-го марта происходила близъ Корсуна, на рѣчкѣ Расавѣ, рада, о которой приходили въ Москву неясные и даже противорѣчивые слухи; изъ нихъ, однако, выводили такое заключеніе, что въ правобережной Украинѣ существуетъ намѣреніе сойтись дружелюбно съ Турціей. Эта рада тянулась до десяти дней. На этой радѣ было до пятисотъ человѣкъ козаковъ праваго берега Днѣпра и человѣкъ двадцать изъ лѣвобережныхъ полковъ. Подосланные туда Шереметевымъ кіевскіе козаки видѣли и узнали между послѣдними лубенскаго полковника Гамалѣю, да одиннадцать человѣкъ запорожцевъ. Вмѣстѣ съ Дорошенкомъ присутствовалъ на радѣ турецкій посолъ, котораго въ Чигиринѣ гетманъ привѣтствовалъ трехдневнымъ угощеніемъ и почетною стрѣльбою. Прочитана была народу грамата, привезенная этимъ турецкимъ посломъ: въ ней отъ турецкаго государя предлагалось, чтобъ малороссійская земля поступила въ подданство Турціи на такомъ правѣ, какъ земля волоская. Предложенія эти козакамъ понравились. Рада приговорила оставаться въ пріязни съ Турціею, но присяги, однако, не учинили [1]).

---

[1]) Объ этой радѣ приносили извѣстія также полоненники, бывшіе въ Чигиринѣ и ушедшіе оттуда, но ихъ показанія едва ли совсѣмъ достовѣрны. Они говорятъ, между прочимъ, что на этой радѣ былъ Юраско Хмельницкій, его предлагали будто бы турки тогда въ гетманы, и онъ отказался отъ такой чести. Эти полоненники показывали, будто народъ уже тогда присягнулъ султану, а Дорошенко обѣщалъ въ городахъ кресты на церкви сломать, если его утвердятъ наслѣдственнымъ гетманомъ.

Посланъ былъ въ Москву, въ концѣ апрѣля, генеральный судья Иванъ Самойловичъ для утвержденія челобитной, составленной на основаніи глуховскихъ статей. Онъ привезъ извѣстіе, что Дорошенко, отрекшись отъ подданства христіанскому государю, польскому королю, отдался турецкому султану и на радѣ въ Корсунѣ получилъ отъ султана въ подарокъ ферязь, которая была на него тамъ же надѣта, въ знаменіе новыхъ отношеній его къ Турціи. Для увѣренія въ истинѣ этого привезенъ былъ въ Москву и козакъ, бывшій свидѣтелемъ того, что происходило у Дорошенка на радѣ. Дорошенковъ писарь, Бускѣвичъ, писалъ къ Демьяну о цѣли своей поѣздки въ Турцію: онъ сознавался, что они, правобережные, дѣйствительно поддаются турецкому царю, но объяснялъ, что это не значитъ, чтобъ они «слѣпымъ поспѣшеніемъ шеи свои въ турское иго отдали», — они сдѣлали это въ крайности, спасаясь отъ безпрерывныхъ татарскихъ набѣговъ. «Татары, — говорилъ онъ, — подъ лицемѣрнымъ покровомъ дружбы, опустошаютъ край нашъ, тысячами людей нашихъ забираютъ въ полонъ, а христіанскіе монархи немилостивы къ козакамъ, строятъ противъ насъ крѣпости, не даютъ намъ, людямъ къ войнѣ способнымъ, распространяться на полѣ и на морѣ, и сами себѣ тѣмъ не пользу дѣлаютъ, какъ думаютъ, а вредъ. Турецкій же царь крѣпостями страны своей не держитъ, а едва не всѣмъ свѣтомъ владѣетъ; войскамъ своимъ онъ платитъ хорошо и кормитъ ихъ: турки лучше другихъ знаютъ, какъ надобно землями и людьми владѣть».

Тогда были доставлены въ приказъ и пріобщены къ дѣламъ приказа статьи условій, заключенныхъ между Дорошенкомъ и Турціею. Въ этихъ статьяхъ вначалѣ сказано, что «Дорошенко входитъ въ союзъ съ Турціею, по примѣру славной памяти гетмана Богдана Хмельниц-

каго. Козаки изъявляютъ готовность противостоять всякому непріятелю султанскаго величества, если окажется потребность, и взаимно просятъ султана, чтобы онъ повелѣвалъ своимъ войскамъ — крымскимъ, черкескимъ, ногайскимъ, бучацкимъ и инымъ приходить на помощь козакамъ, и на то время состоять подъ властію гетмана, наравнѣ съ козацкими войсками. Султанъ въ ознаменованіе союза пришлетъ гетману военное знамя, называемое по-турецки «туй», и булаву». Въ томъ же договорѣ козаки объявляли, что они, «не желаютъ быть ни рабами, ни данниками, но хотятъ оставаться свободными отъ всякихъ податей, а присланные знаки ихъ гетману будутъ знаменіемъ союза Украины съ Оттоманскою Портою и готовности гетмана воевать противъ недруговъ султанскихъ и татарскихъ. Турецкія и татарскія войска, входя въ Украину, не должны строить тамъ мечетей, разорять и грабить русскихъ церквей или обращать ихъ въ мечети, не должны также грабить частныя имущества, опустошать городовъ и брать въ полонъ жителей, а кто станетъ такъ поступать, тотъ можетъ быть убитъ. Это правило простирается также на волоховъ и молдаванъ, приходящихъ въ Украину. Священники украинскіе должны зависѣть отъ цареградскаго патріарха, а управляться митрополитомъ, утвержденнымъ въ своемъ достоинствѣ съ согласія гетмана. Никто не можетъ лишитъ гетмана его достоинства во всю его жизнь, а если какіе-нибудь козаки начнутъ устраивать сборища противъ него, то мы всѣ будемъ стоять за него единодушно на противниковъ. Русскій народъ раздѣлился въ различныя страны, но всѣ русскіе держатъ единую вѣру съ греками не только въ нашихъ украинскихъ странахъ, но и въ иныхъ предѣлахъ — въ одну сторону отъ Кіева на 12 миль къ Перемышлю и Самбору, въ другую — къ рѣкѣ Вислѣ,

въ третью — къ Минску, въ четвертую — до Сѣвска и Путивля; всѣ — козаки; надѣемся, что всѣ съ нами въ согласіи будутъ, и гетманъ потщится при помощи Божіей съ великимъ прилежаніемъ сотворить такъ, чтобъ ихъ освободить отъ тѣхъ, которые держатъ ихъ въ рабствѣ, и всѣ они не должны творить коварства и злобы противъ султана и татарскаго хана, а если тѣ, что подчиняются полякамъ или Москвѣ, понуждаемые своими государями, начнутъ дѣлать зло людямъ, состоящимъ подъ турецкою властію, или сопротивляться ордамъ татарскаго хана, то мы обѣщаемся не имѣть съ ними никакой взаимности, но силою станемъ имъ противодѣйствовать. Козаки не должны нападать на турецкихъ подданныхъ, живущихъ близъ рѣки, именуемой Деркусъ, также и на тѣхъ, что живутъ близъ рѣки Буга и поселены близъ Сочавы. Такъ какъ нашъ народъ не знаетъ иного языка кромѣ природнаго, то гетманъ проситъ, чтобы послы отъ Турціи умѣли бы объясняться по-русски. Во время войны приходящія въ Русь военныя силы татарскія не могутъ по своему желанію располагаться въ селахъ и городахъ и брать, что имъ вздумается, а должны жительствовать въ мѣстахъ, имъ для того отведенныхъ, и довольствоваться пищею и оброками, отъ гетмана дозволенными; точно также и козаки, призванные на помощь султану, должны довольствоваться тѣмъ, что́ имъ соизволится. Если козакъ будетъ судиться съ туркомъ, то всякій изъ нихъ отвѣтствуетъ передъ своимъ старшиною, и подвергается казни по мѣрѣ своего преступленія. Турскій султанъ и татарскій ханъ, безъ сношенія съ гетманомъ и съ Войскомъ Запорожскимъ, не должны заключать договоровъ съ пограничными и близкими государями, особенно съ польскимъ королемъ и съ московскимъ царемъ; если же турецкій султанъ или татарскій ханъ постановятъ дого-

воръ съ козацкими непріятелями, или съ кѣмъ бы то ни было, клонящійся ко вреду Войску Запорожскому, то гетманъ ни во что будетъ считать такой договоръ. Если Войско Запорожское съ турецкою помощью овладѣетъ какимъ-либо городомъ или мѣстечкомъ, то взятое жилое мѣсто останется подъ гетманскою областію, но не будетъ укрѣплено за Турціею и не долженъ въ немъ находиться турецкій гарнизонъ». Договоръ этотъ не ограничивался только тѣмъ, что непосредственно касалось Украины: козаки требовали кое-чего и для православной церкви въ предѣлахъ турецкой имперіи, именно, чтобы «санъ цареградскаго патріарха пріобрѣтался по выбору собора изъ архіереевъ и клириковъ и каждый патріархъ оставался ненарушимо въ своемъ санѣ до кончины; всякій же изъ духовныхъ лицъ, дерзающій достигнуть патріаршества золотомъ или дарами, долженъ быть подвергнутъ казни». Въ обезпеченіе силы настоящаго договора, въ заключеніи было сказано, что «если бы султанъ или ханъ не захотѣли принять настоящаго договора въ его подлинномъ смыслѣ, либо умыслили сдѣлать козаковъ своими подданными или данниками, либо стали изгонять по своему хотѣнію гетмана и поставлять вмѣсто него иного, или же разорять монастыри и церкви, строить мечети, перемѣнять митрополитовъ, выбирать съ русскаго народа ядомыя вещи, и также ячмень, овесъ, дрова и тому подобное и вообще дозволять себѣ поступки, противные настоящимъ статьямъ, то гетманъ и Войско Запорожское станутъ промышлять о себѣ инымъ способомъ, не воюя, однако, противъ султанскаго величества и не поднимая рукъ противъ Турціи непріятельскимъ обычаемъ, развѣ будутъ къ тому понуждены татарскими и турецкими военными дѣйствіями».

Трудно рѣшить теперь, въ какой степени подлинно

это дошедшее до насъ условіе и имѣло ли силу въ свое время; во всякомъ случаѣ видно, что оно составлено было малороссіянами и для насъ имѣетъ то значеніе, чего въ то время желали и искали для своего отечества люди, недовольные тогдашнею политическою судьбою Украины и метавшіеся въ разныя стороны, гдѣ только по ихъ соображеніямъ представлялась для нихъ возможность осуществленія завѣтныхъ желаній политической самостоятельности.

Въ Москвѣ, получивши эти данныя отъ Демьяна Игнатовича, показали вообще довольство тогдашнимъ малороссійскимъ правленіемъ лѣвой стороны Днѣпра и отпустили на родину задержанныхъ при Бруховецкомъ малороссіянъ, исключая засланныхъ далеко въ Сибирь, но и послѣднихъ обѣщали привезти оттуда и отпустить на родину. Не такъ легко исполнялось рѣшеніе царя по челобитной о возвращеніи взятыхъ орудій и церковной утвари: долго послѣ того происходила переписка, и подавались жалобы отъ гетмана то на того, то на другаго воеводу за неотдачу присужденнаго къ возвращенію.

Союзъ Дорошенка съ Турціею не избавилъ правобережнаго гетмана отъ соперника, котораго продолжали поддерживать запорожцы, а имъ помогали крымскіе татары. Напрасно турецкіе послы послѣ корсунской рады посылали къ хану увѣщанія жить въ союзѣ съ Дорошенкомъ. Ханъ не слушалъ ихъ совѣтовъ и не очень боялся гнѣва турецкаго султана, особенно пока подданство Украины Турціи еще окончательно не состоялось. Дорошенко, послѣ корсунской рады, отправилъ отъ себя въ Запорожье посланцевъ, но кошевой приказалъ ихъ перевѣшать на вербахъ. Суховѣенко, потерпѣвши пораженіе отъ Сѣрка, потерялъ-было и свое гетманство, и свою силу, но 25 апрѣля 1669 года, запорожцы на радѣ, бывшей

надъ рѣкою Чертомлыкомъ, избрали его снова гетманомъ. Изъ лѣвобережныхъ полковъ гетманщины его еще держались полки полтавскій, миргородскій и лубенскій, а вмѣстѣ съ Суховѣенкомъ въ Сѣчѣ находился тогда и подружился съ нимъ прилуцкій полковникъ Лазарь Горленко. Въ Прилукахъ произошла смута: — какой-то Ивашка Кошовый прогналъ съ полковничества Горленка и самъ сталъ полковникомъ, но скоро потерялъ эту должность; его замѣнилъ Маценко, а Горленко, оставаясь у Суховѣенка, черезъ письмо уговаривалъ новаго полковника признать гетманомъ Суховѣенка; такія-же увѣщанія въ полки прилуцкій и переяславскій, посылалъ и ханъ Адиль-Гирей. Полковникъ переяславскій Дмитрашка Райча, недавно покорившійся царю, опять сталъ мирволить Суховѣенку и сноситься съ нимъ. Такимъ образомъ, Демьянъ Игнатовичъ увидѣлъ, что власть его умаляется, и онъ попадаетъ въ перепальный огонь — и съ Суховѣенкомъ и съ Дорошенкомъ приходится ему мѣряться, ратной царской силы онъ никакъ не могъ выпросить и потому онъ прибѣгнулъ къ дружелюбнымъ сношеніямъ съ Суховѣенкомъ. Демьянъ письменно убѣждалъ Суховѣенка со всѣмъ запорожскимъ товариствомъ отстать отъ союза съ татарами и покориться православному монарху.

Къ счастію Демьяна, Суховѣенко мало былъ расположенъ послѣдовать такимъ совѣтамъ, но онъ хотѣлъ все-таки прежде расправиться съ Дорошенкомъ: къ нему, какъ къ недавнему своему побѣдителю, питалъ онъ болѣе злобы. Сначала, послѣ своего вторичнаго избранія, Суховѣенко писалъ къ Дорошенку, чтобъ тотъ прибылъ въ Сѣчь, привезъ съ собою гетманскіе знаки, отнятые у Брюховецкаго, и подчинился волѣ войска, которому надлежало ставить гетмановъ вольными голосами, а въ случаѣ со-

противленія — грозилъ на Дорошенка идти войною съ татарами.

Такимъ образомъ, Дорошенко опять ожидалъ противъ себя новыхъ попытокъ со стороны Суховѣенка, а въ это время московское правительство опять прислало къ нему просьбу — отпустить плѣнныхъ воеводъ. Дорошенко отвѣчалъ, что давно сдѣлалъ бы это, но не смѣетъ безъ воли рады; жены, братья и дѣти тѣхъ малороссіянъ, которые засланы въ отдаленныя страны московскаго государства, безпрестанно осаждаютъ его просьбами не отпускать великороссійскихъ полоненниковъ прежде чѣмъ не будутъ отпущены малороссіяне. Изъ содержавшихся въ Чигиринѣ плѣнниковъ, онъ отпустилъ однако: Приклонскаго, Огарева и Скуратова, отпустилъ тогда же женщинъ изъ семей взятыхъ воеводъ и дочку Бруховецкаго, но жены Ивана Мартыновича уже не было тогда въ живыхъ. Въ день Свѣтлаго Воскресенія Дорошенко приказалъ расковать и другихъ плѣнниковъ, позволилъ имъ ходить по волѣ; но нѣкоторые почему-то остались въ тюрьмѣ и въ томъ числѣ сестра Бруховецкаго. Въ маѣ прислана къ нему новая царская грамота съ прежнею просьбою, но и на этотъ разъ не исполнилъ Дорошенко воли Москвы, напротивъ, подсылалъ еще агентовъ на лѣвую сторону Днѣпра волновать народныя страсти. Два охотницкихъ козацкихъ отряда переправились тогда за Днѣпръ, одинъ подъ командою бывшаго лубенскаго полковника Григорія Гамалѣи, другой — Манжоса, носившаго названіе дорошенкова асаула. Они пытались взять Лубны и убѣждали лубенцевъ принять къ себѣ, попрежнему, полковникомъ Гамалѣю. Лубенцы отказались, отвѣчавши: «Дорошенко присягалъ на вѣрность турскому султану, надѣвалъ присланный отъ султана кафтанъ и цѣловалъ султанскую грамоту, и Гамалѣя дѣ-

лалъ то же съ нимъ вмѣстѣ. Не хотимъ его!» Избранный лубенцами въ полковники Филиппъ Плиса прислалъ къ Многогрѣшному объявить, что онъ съ своимъ полкомъ отдается въ вѣрность великому государю, но то была, какъ увидимъ, только уловка. Полтавскій полковникъ Кублицкій также склонился-было къ покорности царю, но черезъ нѣсколько дней смѣнилъ его Филонъ Горкуша и отозвался къ Демьяну враждебно и рѣзко. Миргородскій полковникъ Гладченко остался въ упорствѣ подчиняясь Дорошенку. Но миргородцы и полтавцы, стоя враждебно къ Многогрѣшному, держались Суховѣенка, а не Дорошенка.

Въ управленіи Кіева произошла перемѣна. Шереметева отозвали, а мѣсто его заступилъ князь Григорій Козловскій. Новый воевода представлялъ въ приказъ, что въ Кіевѣ ратныхъ силъ немного, между тѣмъ наступаетъ срокъ, когда по андрусовскому договору приходилось отдавать Кіевъ полякамъ, и есть опасеніе, что со стороны Польши произойдетъ попытка захватить его. Тучи все болѣе и болѣе сгущались надъ Малороссіею. Тревожились тогда и царскіе воеводы, находившіеся въ малороссійскихъ городахъ, а царскіе ратные люди то-и-дѣло, что бѣжали со службы. Воеводы боялись, что не съ кѣмъ будетъ защищаться, если нападутъ враги. Все это были обстоятельства, не содѣйствовавшія ни успокоенію Малороссіи, ни усиленію власти гетмана Демьяна Игнатовича.

VI.

Дорошенко отпускаетъ плѣнныхъ царскихъ воеводъ. — Суховѣенко съ запорожцами и крымскими татарами идетъ на Дорошенка. — Рада подъ Уманью. — Суховѣенко отставленъ отъ гетманства. — Уманскій полковникъ Ханенко провозглашенъ гетманомъ. — Ханенко съ крымцами осаждаетъ Дорошенка. — Турецкое посольство. — Врученіе знаковъ гетманскаго достоинства Дорошенку. — Султанская грамата. — Договоръ между Дорошенкомъ и Ханенкомъ. — Ханенко вторично осаждаетъ Дорошенка въ Стебловѣ. — Сѣрко выручаетъ Дорошенка. — Отступленіе Ханенка и Суховѣенка въ Сѣчь. — Татары отправляютъ Юраска Хмельницкаго въ Константинополь. — Дорошенко подчиняетъ себѣ Умань. — Дѣла Дорошенковой партіи на лѣвой сторонѣ. — Успѣхи Многогрѣшнаго. — Ссора съ сумскимъ полковникомъ. — Тревога гетмана Многогрѣшнаго по поводу одного письма. — Царь успокоиваетъ гетмана. — Вѣдомость о городахъ, не признающихъ царской власти въ лѣвобережной Украинѣ. — Пасха 1670 года. — Совѣты полковниковъ съ гетманомъ. — Упадокъ народнаго благосостоянія и культуры въ Малороссіи.

Уже много разъ, какъ мы видѣли, посылало московское правительство гонцовъ къ Дорошенку добиваться отъ него отпуска содержавшихся въ неволѣ воеводъ. Въ іюлѣ 1669 года, съ тою же цѣлью пріѣхалъ къ нему гонцомъ стрѣлецкій голова Шиловъ. Гетманъ сказалъ ему: «государь отпустилъ изъ неволи моего брата Григорія, и я послѣ того отпустилъ уже до ста человѣкъ великороссійскихъ полоненниковъ, другихъ же до сихъ поръ не отпустилъ, — но это сдѣлалось не по моему хотѣнію, а по слезному челобитію женъ и дѣтей тѣхъ малороссіянъ, которые оставались въ неволѣ въ Московскомъ государствѣ; теперь же, по желанію великаго государя, отпущу ихъ всѣхъ». Дорошенко тотчасъ велѣлъ расковать трехъ человѣкъ и отдалъ Шилову, а затѣмъ, отпуская Шилова, отправилъ вмѣстѣ съ нимъ въ Кіевъ Ѳедора Коробку, который привезъ туда 27 человѣкъ плѣнныхъ служилыхъ великороссіянъ и 9 боярскихъ лю-

дей [1]). Это сдѣлалось въ то время, какъ татары, помогавшіе Суховѣенку, подходили къ Чигирину.

Такимъ образомъ въ другой разъ Дорошенко старался показать угодливость московскому государю именно въ ту пору, когда ему самому угрожали соперники. Отпустивши воеводъ, Дорошенко выходилъ противъ татаръ на бой, но долженъ былъ воротиться, не сладивши съ татарскими силами. Дорошенко отступилъ на рѣку Расаву. Тамъ на него наступилъ и самъ Суховѣенко съ запорожцами. Въ это время Суховѣенко считалъ себя сильнѣе своего соперника: за него было все Запорожье; на лѣвой сторонѣ Днѣпра держались его полки: полтавскій, миргородскій и лубенскій, недавно поклонившійся царю, но снова перешедшій къ Суховѣенку. Болѣе всего ободряла Суховѣенка увѣренность, что значительная часть правобережнаго козачества отступитъ отъ Дорошенка и перейдетъ къ нему, потому что дружба Дорошенка съ турками возбуждала уже ропотъ между подчиненными. «Безъ соизволенія всего войска, добиваючись себѣ панства, выправляючи себѣ у турокъ вѣчное гетманство, онъ отдаетъ Украину въ подданство царю бусурманскому. Какъ не заболитъ отъ того сердце у всякаго, кто родился въ вѣрѣ христіанской!» Такъ роптали тогда правобережные малороссіяне. Въ то самое время, какъ Суховѣенко шелъ на Дорошенка, послѣдній дожидалъ изъ Турціи отъ султана великаго посла, который долженъ былъ привезти ему отъ падишаха знаки власти надъ Украиною: булаву, бунчукъ (по-турецки: алимтуа) и знамя, или санжакъ; но посольство турецкое не могло скоро и удобно пройти къ Дорошенку и остановилось въ Цекуновкѣ за Днѣстромъ. Полки чигиринскій, черка-

[1]) А. Ю. и З. Р., VIII, 267.

скій, бѣлоцерковскій и каневскій были съ Дорошенкомъ; другіе правобережные полки, именно: уманскій, кольницкій, паволоцкій и корсунскій, передались къ Суховѣенку и козаки этихъ полковъ требовали, чтобы снова устроить избраніе гетмана вольными голосами, вмѣсто Дорошенка, котораго требовали признать отступникомъ. Масса козачества потянула Суховѣенка къ Умани, тамъ положили составить раду. На этой радѣ козаки принудили самого Суховѣенка снять съ себя гетманство, такъ какъ и на него оно возложено было такъ же неправильно, какъ на Дорошенка. Суховѣенко положилъ свою булаву, быть можетъ, надѣясь опять принять ее по избранію. Былъ на этой радѣ и жалкій Юраско Хмельницкій, уже снявшій съ себя монашескій чинъ. Неизвѣстно, искалъ ли онъ теперь возможности возвратить себѣ давно уже потерянное гетманство, или, какъ говоритъ одно извѣстіе, только домогался воротить себѣ отцовскія маетности и скарбы [1]). Но булава досталась, по избранію рады, не ему и не Суховѣенку, а уманскому полковнику Михайлу Ханенку [2]). Избранный вмѣсто Суховѣенка, Ханенко присягнулъ войску «за вольности стояти и оплаканную отчизну, сколько Богъ помочи подастъ, обороняти».

Вслѣдъ затѣмъ, новоизбранный гетманъ Ханенко 13 іюля писалъ къ гетману Многогрѣшному и къ переяславскому полковнику Дмитрашкѣ Райчу, прося оказать ему содѣйствіе противъ Дорошенка [3]).

Но у Дорошенка оставалось еще столько козацкихъ силъ, что онъ не думалъ подчиняться Уманской радѣ.

---

[1]) Рукопись Архива Министерства Юстиціи 1670 г., № 5, л. 88.
[2]) Ibidem. Листъ 18. А. Ю. и З. Р., IX, 63.
[3]) Рукоп. Арх. М. Юст., кн. V, л. 21.

И на лѣвой сторонѣ Днѣпра у него дѣла шли еще не совсѣмъ дурно. Дорошенко изъ своего стана на рѣкѣ Расавѣ двинулся къ Каневу, но на переправѣ черезъ Рось, у села Кононти, былъ застигнутъ ордою и оставался въ осадѣ недѣль пять, пока турецкіе послы, шедшіе къ нему и задержавшіеся у Днѣстра, не послали приказанія, крымскимъ салтанамъ отъ имени турецкаго падишаха, чтобъ они не тревожили Дорошенка. По этому приказанію салтаны, помогавшіе противной сторонѣ, отвели татаръ, и освобожденный Дорошенко двинулся къ Умани, призывая къ повиновенію себѣ козаковъ. Когда онъ дошелъ до Умани, прибылъ туда и турецкій посолъ Кападжи-паша; онъ вручилъ Дорошенку знаки власти, присланные отъ султана: булаву, знамя, бунчукъ и саблю, оправленную дорогими каменьями. Султанская грамата, присланная ему, гласила такъ: «Намъ Богъ повелѣлъ творить милость всѣмъ толкущимъ въ домъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ нашихъ. Вы били намъ челомъ, что Войско Запорожское на той и на сей сторонѣ Днѣпра, по совѣту всѣхъ старшинъ и черни, уполномочило тебя, старшаго своего гетмана Дорошенка, чтобъ ты заявилъ намъ, что обѣ стороны Днѣпра желаютъ быть у насъ въ подданствѣ и служить мнѣ готовы, какъ служатъ мнѣ господари, волохи и мультане, православные христіане, а я бы всѣхъ въ милости держалъ и оборонялъ. Посылаю вамъ бунчукъ и знамя не на знакъ подданства, а токмо на знакъ пріятства и на страхъ нашимъ непріятелямъ. Принялъ я васъ и всѣхъ людей для того, чтобъ земля ваша пребывала въ тишинѣ и никто ее не опустошалъ. Петръ Дорошенко долженъ присягу свою сдержать, слова своего не нарушить и мнѣ по правдѣ служить, а я его со всѣмъ войскомъ, старшиною и черною, со всѣми городами и землями истинно какъ своихъ заступать буду. Не хочу

отъ васъ никакихъ податей и работъ и даяній; дарую васъ всякими вольностями, при которыхъ будете оставаться безъ нарушеній, только съ тѣмъ, чтобы, когда мнѣ войско потребно будетъ, вы съ гетманомъ своимъ шли, куда будетъ указано. Хана крымскаго и татаръ буджакскихъ и ногайскихъ, и пашей, и господарей, и всѣхъ слугъ моихъ не бойтесь! Ханъ крымскій съ своимъ войскомъ — мой слуга, — и Петръ Дорошенко съ Запорожскимъ Войскомъ тоже мой слуга: пусть оба межъ собою крѣпкое братство имѣютъ! Пусть Дорошенко брата своего въ Крымъ пошлетъ, а ханъ крымскій ему дастъ знатныхъ аманатовъ. Ханъ крымскій до Войска Запорожскаго никакого спорнаго дѣла имѣть не можетъ. Войско Запорожское должно прислать къ намъ резидента. Если ненарушимо уговоръ свой додержите, всѣмъ вамъ и землѣ вашей буду обороною, всѣхъ васъ подъ крылѣ свои пріемлю. Что́ я говорилъ, слова своего не нарушу» [1]).

По приказанію турецкаго посла, орды, бывшія при Суховѣенкѣ и Ханенкѣ, ушли въ Крымъ, а уманцы, отклоняя желаніе Дорошенка войти съ войскомъ въ городъ Умань, устроили между Ханенкомъ и Дорошенкомъ такой договоръ: Ханенко обязывался прибыть въ Чигиринъ на раду, которая должна была собраться съ тѣмъ, чтобы разрѣшить споръ между двумя претендентами.

Дорошенко отошелъ отъ Умани [2]). Но Ханенко не думалъ подчиняться приговору, предложенному уманцами, и являться въ Чигиринъ на судъ съ Дорошенкомъ. Онъ ушелъ на Запорожье, а оттуда махнулъ въ Крымъ добывать себѣ снова помощи противъ Дорошенка.

---

[1]) А. Ю. и З. Р., IX, 174.
[2]) Лѣтопись Самовидца, стр. 54.

Легко склонилъ онъ татарскихъ салтановъ и мурзъ, которые не очень боялись султанскаго запрещенія.

И скоро опять съ татарами явился онъ въ Украину; съ нимъ былъ и Юраско Хмельницкій. Но Дорошенко, кромѣ козаковъ, имѣлъ у себя татаръ Бѣлгородской орды, присланныхъ силистрійскимъ пашею. Враги встрѣтились подъ Стебловымъ. Произошелъ бой. Дорошенко не выдержалъ и заперся въ Стебловѣ, тогда вдругъ является на выручку ему непримиримый и неутомимый врагъ крымцевъ Сѣрко; онъ пришелъ со свѣжею Бѣлгородскою ордою, прогналъ осаждающихъ изъ-подъ Стеблова и освободилъ Дорошенка. Послѣ того Дорошенко и Сѣрко преслѣдовали враговъ своихъ до Умани; Ханенко и Суховѣенко успѣли уйти въ Сѣчу, а Юраска Хмельницкаго поймали бѣлгородскіе татары и отправили, какъ военноплѣннаго, въ Константинополь; тамъ падишахъ приказалъ посадить его въ *едикулъ* (семибашенный замокъ) [1]).

Взявши Умань подъ свою власть, Дорошенко разставилъ на становища своихъ союзниковъ, бѣлгородскихъ татаръ, а самъ обратился къ Каневу, далъ своему войску отдыхъ на двѣ недѣли и объявилъ, что намѣренъ двинуться съ своими козаками и бѣлгородскими татарами на лѣвый берегъ Днѣпра [2]).

Дорошенко, однако, не явился лично самъ на лѣвой сторонѣ, а послалъ сперва до тысячи человѣкъ бѣлгородскихъ татаръ и 500 козаковъ, приказавши имъ идти къ Ромну на помощь Гамалѣѣ и Манжосу, потомъ вслѣдъ за ними — новыя силы подъ предводительствомъ Дорошенкова наказнаго гетмана Корицкаго; съ Корицкаго

---

[1]) Лѣт. Самов., 55.
[2]) Рукоп. Арх. М. Юст. кн. V.

кимъ были: братъ Дорошенка Андрей, поднѣстранскій полковникъ Гоголь и Богунъ, какъ кажется, сынъ знаменитаго Богуна, казненнаго подъ Глуховымъ. Они успѣли одержать верхъ надъ высланными противъ нихъ Демьяномъ отрядами. Многогрѣшный, опасаясь нашествія большой силы отъ Дорошенка, просилъ царя, чтобы указалъ боярину Ромодановскому помогать ему; но просимаго войска Демьянъ не дождался, и, жалуясь на медленность и неповоротливость великороссійскихъ воеводъ [1]), по необходимости долженъ былъ отважиться идти противъ непріятеля собственными малороссійскими силами. Онъ собралъ всѣ городовые полки, бывшіе у него въ повиновеніи: нѣжинскій, прилуцкій, черниговскій, стародубскій и переяславскій, да сборный пѣхотный полкъ наемнаго войска подъ начальствомъ Мурашки. Съ этими силами пришелъ онъ въ мѣстечко Чернухи [2]); тамъ встрѣтили Демьяна Игнатовича съ хлѣбомъ и солью. Затѣмъ сдались ему мѣстечки Курянка [3]) и Городище. [4]) Гетманъ пошелъ къ Лохвицѣ; въ пяти верстахъ отъ ней встрѣтились шедшіе къ Ромну дорошенковы предводители Корицкій, Гоголь и Гамалѣя съ козаками полковъ: миргородскаго, полтавскаго и лубенскаго и съ тремя тысячами бѣлгородскихъ татаръ. Они вступили въ бой; одолѣлъ Демьянъ Игнатовичъ, благополучно достигъ до Ромна, и роменцы добровольно сдались ему. Гетманъ хотѣлъ идти брать другіе непокорные царю городки, но войско его терпѣло недостатокъ: край былъ сильно опустошенъ; козаки заволновались, и Демьянъ Игнатовичъ принужденъ былъ

---

[1]) А. Ю. и З Р., IX, 71.
[2]) Мѣст. лохвицкаго уѣзда. при р. Многѣ.
[3]) Деревня лохвицк. уѣзда, при р. Удаѣ.
[4]) Мѣст. лохвицк. уѣзда, при рр. Многѣ и Удаѣ.

распустить ихъ. Товарищъ Ромодановскаго пришелъ тогда, когда уже козацкое войско было распущено; тѣмъ не менѣе, узнавши о прибытіи царскихъ силъ, Корицкій и Гоголь съ своими отрядами вернулись за Днѣпръ.

До полнаго торжества Демьяну Игнатовичу было еще далеко. Въ этомъ походѣ ему удалось взять нѣсколько городковъ; но въ лубенскомъ и переяславскомъ полкахъ большая часть городковъ и мѣстечекъ упорно держалась Дорошенка, и въ томъ числѣ сотенные городки Пирятинъ и Золотоноша не внимали увѣщаніямъ Демьяна и Дмитрашки Райча [1]. У Многогрѣшнаго были и неоткрытые недоброжелатели. Сумской полковникъ Герасимъ Кондратьевъ былъ одинъ изъ такихъ. Демьянъ Игнатовичъ жаловался, что этотъ полковникъ хочетъ быть самъ гетманомъ и роетъ подъ Демьяномъ яму, переписываясь съ враждебными полковниками. Не слишкомъ надежною крѣпостью считали малороссіяне для Демьяна Игнатовича и временное благорасположеніе Москвы; Дорошенко услыхавши, что Демьянъ надѣется на московскія силы, говорилъ: — ну, плоха надежда, московскіе люди обманчивы; сегодня Роменъ возьмутъ, завтра Миргородъ, а тамъ Полтаву, а потомъ Демьяна имъ не нужно будетъ и они его съ гетманства сгонятъ.

Дорошенко хоть и воевалъ съ Многогрѣшнымъ, но въ то же время велъ съ нимъ и переписку; Дорошенковы сношенія съ Турціею и прясяга на подданство турецкому султану были уже повсемѣстно извѣстны, а Дорошенко все-таки старался отъ малороссіянъ укрыть ихъ, до поры до времени, и въ письмѣ къ Многрѣшному

---

[1]) Рукопись Арх. Мин. Юст., кн. V, л. 156.

дѣлалъ ему упреки за то, что онъ вѣритъ дурнымъ слухамъ, которые распускаютъ о Дорошенкѣ враги. «Не обрящется, — писалъ онъ, — того никогда, чтобъ я любезную отчизну Украину турскому царю въ подданство имѣлъ запродавать, и въ мысли моей того никогда не бывало». Соперникъ Дорошенка Ханенко всѣми способами поддѣлывался въ дружбу къ Демьяну, лишь бы его побудить вмѣстѣ съ собою воевать противъ Дорошенка. Но Демьянъ Игнатовичъ въ своихъ отпискахъ, посылаемыхъ въ приказъ, сообщая объ этомъ, присовокуплялъ отъ себя такое мнѣніе, что лучше оборонять свой собственный край, чѣмъ вмѣшиваться въ дѣла, происходящія въ земляхъ Рѣчи-Посполитой. Въ Москвѣ это понравилось, потому что сходилось съ основными взглядами тогдашней московской политики, и царь въ своемъ письмѣ къ Многогрѣшному (20 ноября) указывалъ не подавать помощи Ханенку, а только охранять спокойствіе лѣвой стороны Днѣпра.

Въ декабрѣ 1669 года гетмана Многогрѣшнаго встревожило слѣдующее обстоятельство. Изъ коммиссіи полномочныхъ пословъ, собравшихся по поводу установленія границы между Россіею и Польшею по силѣ Андрусовскаго договора, ѣхалъ черезъ Малороссію прапорщикъ Ѳаддей съ какимъ-то полякомъ: везли они письмо къ Дорошенку и на пути заѣзжали къ архіепископу Лазарю и къ гетману Демьяну; они сказали имъ, что въ Кіевѣ будетъ коммиссія и козаки должны будутъ подать челобитія королевскому величеству о своихъ дѣлахъ. Гетманъ Многогрѣшный, человѣкъ горячаго нрава, принялъ слова эти съ гнѣвомъ: «для чего, — говорилъ онъ, — ѣдете вы черезъ державу его царскаго величества и везете письмо къ Дорошенку, а мнѣ письма отъ полномочныхъ пословъ съ вами нѣтъ? Дорошенко въ письмѣ

къ нему наименованъ гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, меня же гетманомъ не именуютъ, а хотятъ, чтобъ мы ѣхали съ челобитьемъ къ королю!» Демьянъ Игнатовичъ до того вспылилъ, что даже хватался за саблю и кричалъ: «никогда этого не будетъ! Не зарекаемся класть свои сабли на польскія шеи, какъ и прежде бывало! Одинъ разъ съ Войскомъ Запорожскимъ я присягу учинилъ царскому величеству, и за него, великаго государя, мы всѣ умирать готовы, а къ польскому королю ѣздить намъ незачѣмъ!»

Посланцы были отпущены и, ѣдучи по городамъ, оставляли списки призванія малороссіянъ къ участію въ коммиссіи. Полномочные послы – польскій Янъ Гнинскій и царскій Ордынъ-Нащокинъ съ товарищами — приглашали духовныхъ и мірскихъ людей Украины послать къ нимъ для совѣта депутатовъ, выбравши благоразумныхъ особъ, чтобы Украина никуда къ чужимъ не склонялась. Къ гетману Дорошенку посылалась особая отписка въ такомъ смыслѣ: «хотя ходятъ слухи, будто гетманъ Дорошенко, усомнившись въ милости и любви христіанскихъ государей, склоняется къ иновѣрной оборонѣ, однако этому слуху мы не вѣримъ и думаемъ, что не найдется такого нечестиваго христіанина, чтобъ могъ душу свою, искупленную кровью Христовою, добровольно продавать непріятелямъ креста святаго. Великій государь, его королевское величество и Рѣчь-Посполитая Короны польской и великаго княжества Литовскаго всѣмъ козакамъ, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра живущимъ, вины ихъ прощаетъ съ тѣмъ, чтобъ козаки, за обвѣщеніемъ обоихъ великихъ государей, короля польскаго и царя московскаго, или котораго-нибудь изъ нихъ, принявши благодарно сію милость и благодѣяніе, отлучались отъ непріятелей святаго креста, не держали съ ними никакого

совѣта и болѣе съ ними не смѣли соединяться, а прислали бы къ его королевскому величеству своихъ пословъ съ изъявленіемъ послушанія»[1]). Это писаніе, дѣйствительно выраженное неясно и сбивчиво, привело въ большое смущеніе гетмана Демьяна. Увидѣвшись съ архіепископомъ Лазаремъ, онъ говорилъ: «я учиненъ гетманомъ въ царской отчинѣ, а нынѣ безъ моего вѣдома идутъ черезъ царскую отчину грамоты, да еще указуютъ путь всѣмъ козакамъ къ королевскому величеству! Да намъ-то какой путь можетъ быть къ королю, наравнѣ съ козаками той стороны? Мы, вѣдь, добровольно избрали себѣ государя царя православнаго; если и согрѣшихомъ на небо и предъ нимъ, такъ онъ же, свѣтъ-государь, простилъ насъ. Что же, развѣ насъ государь отдаетъ ляхамъ? Да, вѣдь, съ ними у насъ многолѣтняя брань была: выгнали мы изъ Украины отъ себя ляховъ, доброхотно отдали Украину православному монарху и хотимъ жить при вольностяхъ нашихъ и умирать за достоинство его царскаго пресвѣтлаго величества. Ты, святитель, обѣщалъ намъ, что царь будетъ насъ защищать отъ непріятелей, а насъ какъ защищаютъ? Татарскія орды отчину царскую разорять начали, я цѣлое лѣто не допросился у великаго государя помощи; теперь же царь насъ отдаетъ королю!»

Архіепископъ Лазарь, сообщая въ Москву (30-го ноября) объ этой бесѣдѣ съ Многогрѣшнымъ, указывалъ, что дѣйствительно, ѣхавшіе люди, оставляя списки приглашенія людей духовнаго и мірского чина, подали тѣмъ поводъ народу бояться, что царь отдастъ лѣвобережную Украину Польшѣ[2]). Дѣло для Демьяна Игнатовича объ-

---

[1]) А. Ю. и З. Р., IX, 94.
[2]) Рукопись Архива Мин. Юстиціи, кн. V, листъ 225.

яснилось не ранѣе, какъ царскою граматою, писанною 27-го декабря. Въ ней было сказано, что если въ листахъ польскихъ, назначенныхъ къ Дорошенку, не упоминалось о гетманѣ Демьянѣ Игнатовичѣ, то это потому, что гетманъ Демьянъ Игнатовичъ, со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ, великому государю служитъ вѣрно и никакого «слученія» съ бусурманами не имѣетъ, отводить его не отъ кого; что было писано о депутатахъ съ челобитною къ королю, то относилось къ правой сторонѣ Днѣпра. Посланцу Лазаря Барановича игумену Ширкевичу въ присутствіи царя было прочитано, что за милосердіемъ Божіимъ Украину лѣвой стороны Днѣпра никто изъ-подъ царской высокой руки исхитить не можетъ и въ томъ бы онъ, гетманъ, былъ надеженъ [1]).

Царь потребовалъ отъ гетмана Демьяна Игнатовича составить вѣдомость объ убыткахъ, причиненныхъ отъ Дорошенка лѣвобережной Украинѣ, и извѣстить, какіе городы держатся еще его власти въ полкахъ лубенскомъ, миргородскомъ и полтавскомъ. Демьянъ Игнатовичъ отвѣчалъ, что выше силъ человѣческихъ будетъ изложить въ точности все сожженное и перечислить людей, захваченныхъ въ бусурманскую неволю во время Дорошенкова нашествія: выйдетъ убытка на нѣсколько десятковъ милліоновъ [2]). Города же 1670 г., состоявшіе во власти Дорошенка, были: 1) лубенскаго полка — Лубны, Пирятинъ, Сенча, Лохвица, Яблоновъ, Лукомля, Ярошинъ, а изъ того же полка отдались государю города: Городище, Курянка, Чернуха, Глинскъ, Роменъ и Смѣлая; 2) въ полтавскомъ полку во власти его состояли: Полтава, Зеньковъ, Лютянка, Коваленка, Бурки, Барановка, Шишакъ,

---

[1]) А. Ю. и З. Р., IX, 150.
[2]) Рук. Арх. М. Юст., V, 312.

Яреска, Богачка, Бѣлоцерковка, Балаклейка, Опошня, Рѣшетиловка, Санжаровы Старый и Новый, Кишенка, Переволочна, Кобыляки; 3) въ миргородскомъ — Гадячъ, Рашевка, Комышная, Сорочинцы, Уцтивица, Миргородъ и Хоролъ; сверхъ того, — города, лежащіе на лѣвой сторонѣ Днѣпра, но приписанные къ правобережнымъ полкамъ, къ чигиринскому:—Остапья, Голтва, Манжалѣйка, Омельникъ, Потокъ, Кереберда, Кременчугъ, Чигиринъ-Дуброва, Веремѣевка; къ черкасскому — Ирклеевъ, Крапивна, Золотоноша, Домонтовъ, Песчаная, и къ каневскому — Богушева-Слободка и Бубновъ.

По этимъ извѣстіямъ видно, что гетманская власть Многогрѣшнаго далеко не простиралась на всю лѣвобережную Украину, да и тамъ, гдѣ ее признавали, она не была до того тверда, чтобъ удерживать народъ въ спокойствіи. Въ Январѣ 1670 г., подьячій Михайло Савинъ, ѣдучи изъ Новгородъ-Сѣверскаго къ Батурину, видѣлъ, какъ толпы людей изъ разныхъ городовъ бѣжали въ страхѣ, покинувши свои дома и имущества; одни стремились скрываться въ укрѣпленныхъ городахъ «въ осаду», другіе собирались переселяться въ великорусскіе городы. «Мы пропали, — кричали они, — царь насъ хочетъ выдать польскому королю! Если такъ станется, — говорили смѣлѣйшіе, — мы станемъ съ поляками биться не щадя головъ своихъ. — Нѣтъ, — кричали другіе, — чѣмъ подальше отъ бѣды, тѣмъ лучше, хоть бы на край свѣта забѣжать». Вездѣ только о томъ и толковали, что не сегодня-завтра возьмутъ ляхи Кіевъ и разсыпятся по всему краю. «Всѣ православные, — писалъ Лазарь Барановичъ въ Москву, — плачутъ горько и мятутся отъ этого слуха. Сжалься, государь, надъ кровью своею, надъ своимъ искони вѣчнымъ отечествомъ! Вѣдь правовѣрные великіе князья кіевскіе, начиная съ равноапостольнаго

Владиміра, твои предки, кровь твоего пресвѣтлаго величества! Не отпускай же собственности своей, вѣщаго града Кіева, въ иновѣрныя руки на вѣчное поношеніе и жалость всего православнаго христіанскаго народа» [1]).

Въ области управленія гетмана Демьяна господствовала неурядица. Когда въ Свѣтлое Воскресеніе 1670 г., по обычаю, полковники съѣхались въ Батуринъ, двое изъ полковниковъ не явились къ гетману, а явившихся упрекалъ Демьянъ, что замѣчаетъ въ нихъ мало къ себѣ расположенія. Онъ имъ говорилъ тогда такую рѣчь: «Вѣсти ко мнѣ доходятъ, что во всѣхъ городахъ меня козаки мало любятъ; а если вправду такъ, что не любятъ меня, такъ пусть бьютъ челомъ великому государю объ избраніи новаго гетмана. Я уступлю войсковыя клейноты тому, кого выберете; пока же я буду гетманъ, то буду укрощать своевольниковъ сколько мочи моей станетъ; на томъ я великому государю присягалъ; не таковъ я, какъ измѣнникъ Бруховецкій, что какъ Іуда Христа предалъ, такъ онъ великому государю измѣнилъ. Я же обѣщался за государя помереть, и впередъ пусть слава такова будетъ на родъ мой!».

Дмитрашка Райча, ударивъ по столу, съ жаромъ произнесъ: «Полно ужь намъ такихъ гетмановъ *обирать*, чтобъ изъ-за нихъ кровь христіанская лилась. Будемъ себѣ единаго государя имѣть неотступно, а своевольниковъ станемъ укрощать».

Всѣ положили на общемъ совѣтѣ не склоняться ни на какія непріятельскія прельщенія, упорно стоять противъ каждаго непріятеля и во всемъ быть послушнымъ гетману.

Все это, однако, не оказывалось вполнѣ искреннимъ.

---

[1]) А. Ю. и З. Р., IX, 171.

19-го апрѣля, на другой день послѣ рады. на которой былъ данъ гетману обѣтъ въ послушаніи, одинъ гетманскій челядникъ сказалъ великороссійскому подьячему, бывшему тогда гонцомъ: «только переяславскій полковникъ, да стародубскій Петръ Рославченко съ гетманомъ за-одно служатъ государю, а прочіе — такъ и сякъ».

Полтавскаго и миргородскаго полковъ козаки, увлекаемые въ одну сторону универсалами Дорошенка, въ другую — универсалами Многогрѣшнаго, все еще сами не знали, къ кому имъ пристать. Они находились въ безпрестанномъ сношеніи съ козаками другихъ полковъ и повсюду распространяли духъ непостоянства; не менѣе ихъ оказывали на народъ вліяніе запорожцы, которые шатались повсюду и учили всѣхъ никому не повиноваться [1]).

Край малороссійскій все больше и больше приходилъ въ упадокъ отъ нескончаемыхъ междоусобій и татарскихъ нашествій; селенія пустѣли, жители во множествѣ переселялись въ слободскіе полки и вообще въ царскія земли [2]); обнищало хозяйство остававшихся на родинѣ отцовъ и дѣдовъ. Недавно было еще то время, когда поляки называли Украину плодороднымъ Египтомъ, когда даже и послѣ тяжелыхъ и кровавыхъ войнъ Богдана Хмельницкаго, проѣзжавшій по Украинѣ арабъ Павелъ, архидіаконъ патріарха Макарія, слѣдовалъ отъ подольскихъ границъ до Кіева посреди потонувшихъ въ садахъ и пасѣкахъ хуторовъ и хлѣбныхъ гуменъ, а пріѣхавши въ лавру, былъ угощаемъ виномъ, добываемымъ изъ собственныхъ виноградниковъ; теперь царь Алексѣй Михайловичъ пытался добыть изъ Малороссіи строителей ви-

---

[1]) А. Ю. и З. Р., IX, 187.
[2]) Рук. А. М. Ю., V, 654.

ноградниковъ и овощныхъ садовъ и посылалъ затѣмъ въ Печерскую лавру, такъ какъ въ ея волостяхъ этого рода хозяйство давно уже пріобрѣло славу. Иннокентій Гизель [1]) отвѣчалъ ему: «таковыхъ строителей не токмо во всей святой лаврѣ нынѣ не стало, но и на иныхъ мѣстахъ въ нашихъ странахъ нѣтъ, за различными злыми мятежами здѣшними и многими обидами и сполохами, для чего и наши винограды запустѣваютъ». Упало тогда и духовное просвѣщеніе, такъ озарившее русскую церковь изъ Кіева. Кіево-Братскій монастырь съ его коллегіею, по свидѣтельству того же Иннокентія, пришелъ въ крайній упадокъ: церкви его были сожжены, братія бродила, нуждаясь въ пищѣ и въ одеждѣ; учители и проповѣдники слова Божія, пребывая «алчными и хладными», не могли вести своего добраго дѣла. Иннокентій просилъ для нихъ царской милости, и царь Алексѣй Михайловичъ обѣщалъ подавать имъ пособіе. Изъ всѣхъ вотчинъ Братскаго монастыря оставалась одна деревня на Днѣпрѣ, даръ Петра Могилы, но и та была разорена. И другіе кіевскіе монастыри: Межигорскій и Выдубицкій находились въ нуждѣ и просили пособій отъ благочестиваго царя [2]).

---

[1]) А. Ю. и З. Р., IX, 194.
[2]) Рук. А. М. Ю., кн. V, 458, 471. 479.

VII.

Многіе городки лѣвобережной Украины сдаются Многогрѣшному. — Вопросъ о резиденціи гетмана въ лѣвобережной Украинѣ. — Полтавскій полковникъ присягаетъ царю. — Подозрѣніе Демьяна на Ханенка. — Романовскій выправляетъ у константинопольскаго патріарха неблагословенную грамату противъ Демьяна. — Царь успокоиваетъ Демьяна и ходатайствуетъ за него предъ патріархомъ.— Посольство Дорошенка въ Польшу.— Проектъ примиренія съ поляками. — Острожская коммиссія. — Ханенко принимаетъ польскія условія и признается гетманомъ отъ Рѣчи-Посполитой.

Безпокойства, угрожавшія власти Дорошенка на правомъ берегу Днѣпра, снова побудили его отложить намѣреніе подчинить себѣ лѣвобережную Украину. Онъ вызвалъ съ лѣвой стороны Днѣпра и своихъ козаковъ, и присланную ему отъ силистрійскаго паши бѣлгородскую орду. Но едва только вышли съ лѣвой стороны дорошенковы козаки и татары, — городки прежде державшіеся Дорошенка, стали сдаваться Многогрѣшному и присягать на подданство московскому государю. Такъ поступили гадячане, рашевцы, лохвичане, лубенцы, сорочанчане, бурченцы, лютенчане, сенчане, лукомляне, оржичане, боромцы, пирятинцы. Ихъ посланцы передъ святымъ евангеліемъ произнесли присягу и цѣловали крестъ на вѣрное и неотступное подданство законному государю, въ батуринской церкви св. Николая, и объ этомъ извѣстилъ гетманъ царя черезъ генеральнаго асаула Гвинтовку, въ началѣ 1670 года [1]).

Весною того же года городки лѣвобережной Украины продолжали одинъ за другимъ сдаваться Демьяну, и въ половинѣ апрѣля онъ извѣщалъ царя, что уже почти

[1]) Рук. А. М. Ю., кн. V, л. 381.

вся лѣвобережная страна склонилась въ подданство великому государю; онъ просилъ указать, гдѣ ему имѣть гетманскую резиденцію, въ Гадячѣ ли, гдѣ она была при Бруховецкомъ, или въ Батуринѣ, гдѣ находился тогда Демьянъ самъ. Гетманъ также просилъ прислать московскихъ стрѣльцовъ, которые бы находились при немъ безотлучно, для оберeганія гетманской особы, потому что иначе, при непостоянствѣ и шатости малороссійскаго народа, онъ не можетъ быть безопасенъ. 2-го мая на эту челобитную послѣдовалъ царскій указъ, что гетманъ можетъ жить, гдѣ пожелаетъ, но лучше было бы, если бы онъ остался въ Батуринѣ. Съ тѣхъ поръ Батуринъ сталъ постоянною резиденціею гетмана, что и продолжалось вплоть до измѣны Мазепы. На просьбу Демьяна послали ему приказъ московскихъ стрѣльцовъ подъ начальствомъ Колупанова, съ тѣмъ, что Многогрѣшный обязанъ былъ давать имъ содержаніе. Съ той поры вошло въ обычай посылать гетману великороссійскихъ стрѣльцовъ для составленія около него отряда тѣлохранителей: это было подручно московской политикѣ, потому что стрѣлецкіе начальники вмѣстѣ съ тѣмъ могли и надсматривать надъ поведеніемъ гетмана. Въ концѣ мая и полтавскій полковникъ Өедоръ Жученко, недавно избранный, принесъ отъ имени полка своего присягу царю на вѣрность въ батуринской церкви св. Николая.

Несмотря на успѣхи, гетманъ долженъ былъ постоянно опасаться и явныхъ, и тайныхъ враговъ. Безпокоилъ Многогрѣшнаго Ханенко тѣмъ, что, живучи въ Сѣчѣ, именовался гетманомъ Войска Запорожскаго и посылалъ своего посланца, запорожца Степана Обиду, въ Москву съ увѣреніемъ, что ему удалось вынудить у крымскаго хана, какъ у союзника запорожцевъ, обѣщаніе быть готовымъ

на войну противъ царскихъ недруговъ [1]). Въ Москвѣ приняли это посольство милостиво. Ханенковы извѣстія имѣли видъ правды, потому что царскій гонецъ Порсуковъ, посланный въ Турцію, сообщалъ, что крымскій царь Адиль-Гирей объявилъ турецкому султану: готовъ онъ съ своей стороны заключить съ московскимъ государемъ миръ и освободить Шереметева и другихъ московскихъ плѣнниковъ, содержавшихся въ Крыму, пусть только московскій царь обяжется платить хану каждогодную дань [2]). Многогрѣшный опасался, чтобъ Ханенко такимъ образомъ не оказалъ Москвѣ важныхъ услугъ, черезъ то не поддѣлался бы въ милость и потомъ не свергнулъ бы Демьяна съ гетманства.

Но чувствительнѣе его поразила интрига, подведенная противъ него въ Константинополѣ. Послѣ избранія Многогрѣшнаго въ гетманы, Романъ Ракушка, бывшій при Бруховецкомъ войсковымъ дозорщикомъ въ Нѣжинѣ, ушелъ на правый берегъ Днѣпра, поддѣлался къ митрополиту Іосифу и былъ поставленъ отъ него въ священническій санъ. Отправился онъ послѣ того въ Царьградъ съ рекомендаціею митрополита, явился къ цареградскому патріарху Меѳодію въ санѣ брацлавскаго протопопа, подъ именемъ Романовскаго, жаловался на гетмана Демьяна, что тотъ ограбилъ его — завладѣлъ его домомъ въ мѣстечкѣ Погарѣ. Какими-то путями Романовскій вкрался въ довѣріе патріарха Меѳодія до того, что выхлопоталъ отъ его имени неблагословенную грамату на Многогрѣшнаго. Онъ прислалъ одинъ списокъ ея прямо гетману нарочно, чтобъ раздразнить его; вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ онъ въ Украину разнымъ лицамъ

---

[1]) Арх. Юст. кн. V. л. 743.
[2]) А. Юж. и З. Росс. IX. 210 — 218.

еще нѣсколько списковъ той же граматы, все для того, чтобъ возбудить о гетманѣ дурную молву въ народѣ. Гетманъ черезъ протопопа Адамовича, ѣздившаго въ Москву въ іюлѣ мѣсяцѣ, просилъ у государя ходатайства предъ патріархомъ о снятіи съ него неблагословенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Демьянъ Игнатовичъ просилъ государя не вѣрить, если бы Дорошенко, Суховѣенко, Ханенко или сумскій полковникъ Кондратьевъ, его враги, стали писать, что онъ, гетманъ, царю не вѣренъ. Гетманъ умолялъ охранять его царскими ратными людьми, когда бы въ Малороссіи дошло дѣло до открытой вражды къ нему и, въ крайнемъ случаѣ, просилъ даровать ему убѣжище въ великороссійскомъ краѣ, а не выдавать его головою врагамъ. Отъ царя послѣдовалъ такой отвѣтъ: «вы людскимъ ссорамъ не вѣрьте, а если бы кто гетмана Демьяна Игнатовича похотѣлъ оболговати, то я тому вѣрить не буду, и всякіе листы о томъ, откуда бы они были присланы, укажу скорыми гонцы къ нему, гетману, отсылать, потому что я знаю, что гетманъ мнѣ вѣренъ, и архіепископъ Лазарь, благочестивый и ученый человѣкъ, мнѣ также вѣренъ». По поводу неблагословенной граматы патріаршей послана была къ патріарху Меѳодію грамата отъ царя Алексѣя Михайловича. Въ ней объяснялось, что Романовскій обвинялъ Многогрѣшнаго неправильно: Демьянъ Игнатовичъ не грабилъ его и дома у него въ Погарѣ не отнималъ, а потерялъ Романовскій свое достояніе въ то смутное время, когда малороссійскіе жители, съ подущенія измѣнника Брюховецкаго, произвели междоусобіе, избивали и изгоняли великороссійскихъ воеводъ и ратныхъ людей. Царь Алексѣй Михайловичъ просилъ патріарха снять съ гетмана Демьяна неосмотрительно наложенную клятву и впередъ

по извѣтамъ подобнаго рода ни на кого изъ его подданныхъ не налагать клятвы [1]).

Между тѣмъ въ Польшѣ прекратилось междуцарствіе. Избирательный сеймъ, на который и Дорошенко посылалъ пословъ съ требованіями, возвелъ преемникомъ отрекшемуся отъ престола Яну-Казимиру Михаила Вишневецкаго, сына знаменитаго Іереміи. Ханенко искалъ сближенія съ Польшею, надѣясь получить тамъ опору противъ Дорошенка. Польша находилась тогда въ примиреніи съ Москвою, и между обѣими державами, казалось, все болѣе и болѣе укрѣплялись дружескія отношенія. Такимъ образомъ, Ханенко, опираясь разомъ на покровительство Польши и Москвы могъ тогда имѣть большія надежды и сдѣлаться опаснымъ Дорошенку. Сообразивъ это, Дорошенко разсчелъ, что ему до поры до времени не удастся разсорить Москву съ Польшею, а потому не слѣдуетъ еще разрывать окончательно связи съ Польшею. Не прекращалъ онъ сношеній и Турціею и отправилъ къ турецкому государю послами Бѣлогруда и Портянку и чрезъ нихъ повторялъ увѣренія въ желаніи склониться подъ высокую руку турецкаго монарха; но разомъ отправилъ онъ и въ Польшу послами Петрановскаго и Тарасенка съ проектомъ примиренія Войска Запорожскаго съ Польшею. Коронный гетманъ Собѣскій извѣстилъ Дорошенка, что по этому вопросу назначенная коммиссія будетъ отправляться въ Острогѣ; пусть гетманъ Дорошенко снарядитъ туда своихъ депутатовъ. Дорошенко назначилъ на эту коммиссію генеральнаго писаря Вуеховича и бывшаго генеральнаго судью Гапоновича. Первымъ дѣломъ этихъ посланцевъ, по наученію Дорошенка, было потребовать у гетмана Собѣскаго отъ поляковъ для

---

[1]) А. Ю. и З. Р., IX, 229.

козаковъ «заставы», т. е. заложниковъ безопасности козацкихъ пословъ.

«Вы, — отвѣчалъ Собѣскій: — сноситесь и съ царемъ московскимъ, и съ турецкимъ султанамъ, и съ крымскимъ ханомъ, и отъ нихъ заставы не требуете, отчего же своему наслѣдственному монарху не вѣрить?»

Но Дорошенко требовалъ заложниковъ потому, что ему выгодно было тянуть время. Онъ требовалъ, чтобъ этими заложниками были гнѣзненскій архіепископъ и иныя самыя знатныя особы [1]); поляки не соглашались, а Дорошенко безъ заложниковъ не отпускалъ своихъ пословъ на коммиссію. Наконецъ, порѣшили начать переговоры письменно, и Дорошенко послалъ проектъ договора, какой могъ по его видамъ состояться на коммиссіи. Проектъ этотъ былъ имъ подписанъ 10-го мая 1670 года. Это собственно наказъ назначеннымъ отъ гетмана козацкимъ коммиссарамъ Вуеховичу и Гапоновичу. Изъ него видно, что Дорошенко, нѣкогда сподвижникъ и соумышленникъ Выговскаго, и теперь держался основъ, создавшихъ въ оное время неудачный гадячскій договоръ; только опытъ прошедшихъ послѣ того лѣтъ положилъ на нихъ свой отпечатокъ. Свобода православной вѣры обозначена здѣсь еще опредѣлительнѣе и шире, чѣмъ прежде. Православная вѣра должна была пользоваться правомъ свободнаго отправленія своихъ обрядовъ совершенно въ одинаковой степени съ римско-католическою на всемъ пространствѣ, куда только простирается русскій языкъ, какъ въ Коронѣ Польской, такъ и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ; унія совершенно уничтожается: всѣ церкви и монастыри, бывшіе во владѣніи унитовъ, должны быть возвращены православію со всѣми запи-

---

[1]) Рукоп. Арх. М. Юст. V, 970.

санными за ними маетностями; никто, ни изъ духовныхъ, ни изъ мірскихъ владѣльцевъ, не смѣетъ строить ни въ своихъ дѣдичныхъ маетностяхъ, ни въ королевщинахъ унитскихъ церквей; митрополитъ кіевскій, непремѣнно избранный духовнымъ и мірскимъ чиномъ и утвержденный гетманомъ, занимаетъ мѣсто въ сенатѣ послѣ римско-католическаго архіепископа львовскаго, а съ нимъ засѣдаютъ также пять православныхъ епископовъ. Въ кіевскомъ воеводствѣ всѣ сановники и должностныя лица непремѣнно должны быть православнаго исповѣданія, а въ брацлавскомъ и черниговскомъ воеводствахъ напеременну съ католиками, такъ что по кончинѣ лица, принадлежащаго къ одной изъ двухъ вѣръ, на оставшееся послѣ него вакантное мѣсто опредѣляется лицо, исповѣдующее другую вѣру. Во всѣхъ мѣстахъ Короны и Великаго Княжества ни шляхтѣ, ни мѣщанамъ православная вѣра не можетъ быть препятствіемъ къ полученію должностей. Кіевская академія должна имѣть такія же права, какія имѣетъ краковская, и въ Кіевѣ не дозволяется заводить іезуитскихъ училищъ; другую такую же академію надлежитъ основать въ Могилевѣ или въ другомъ мѣстѣ, смотря по удобству, съ правами, равными кіевской; затѣмъ свободно дозволять заводить повсюду школы и типографіи. Объявить полную амнистію по поводу бывшихъ междоусобій и уничтожить силу всѣхъ документовъ, составленныхъ во вредъ кому бы то ни было за участіе въ возстаніи противъ Польши вмѣстѣ съ козаками. Въ воеводствахъ кіевскомъ, брацлавскомъ и черниговскомъ дозволять жительствовать козакамъ, какъ въ королевскихъ и въ духовныхъ, такъ въ дѣдичныхъ шляхетныхъ маетностяхъ, пользуясь правомъ собственности на поля, дома, хуторы, мельницы и прочія угодья, а также правомъ винокуренія, пиво-и медоваренія, безъ

всякаго препятствія со стороны старостъ и пановъ. Войско Запорожское требуетъ обозначенія границъ Украины отъ прочихъ земель Рѣчи-Посполитой въ трехъ вышеуказанныхъ воеводствахъ, гдѣ будутъ распредѣлены полки: кіевскій, паволоцкій, брацлавскій, уманскій, кальницкій, подольскій и тарговицкій, такъ же какъ и стародавніе козацкіе полки чигиринскій, черкасскій, каневскій и бѣлоцерковскій. Въ повѣтахъ, гдѣ жительствовать будутъ козаки, не только коронныя войска не могутъ править съ жителей никакихъ сборовъ, но и владѣльцы наслѣдственныхъ имѣній не будутъ имѣть права въѣзжать въ свое имѣніе и присылать своихъ довѣренныхъ слугъ, но будутъ получать разъ въ годъ черезъ своихъ высыльныхъ подати, надлежащія имъ отъ посполъства по общему договору и постановленію, ибо иначе паны стали бы дѣлать насилія козакамъ, и не устоялъ бы миръ. Всѣ козацкія имущества должны быть свободны отъ поборовъ податей, какія впередъ будутъ налагаться на украинское посполъство, а сами козаки ни отъ кого не могутъ зависѣть, кромѣ своего гетмана и лицъ, отъ него назначенныхъ. Отъ мытъ и перевозовъ по дорогамъ и переправамъ козаки должны быть свободны. Коронныя войска, являясь въ Украину по требованію гетмана для помощи противъ непріятеля, должны находиться подъ начальствомъ гетмана запорожскаго и безъ его вѣдома не смѣютъ пребывать въ Украинѣ. По волѣ и по назначенію гетмана будетъ набираться еще войско охочее — конное и пѣшее, и содержаться съ королевскихъ и дѣдичныхъ маетностей. На гетманскую булаву дается чигиринское староство и Терехтемировъ съ тамошнимъ монастыремъ, а на гармату — староства лисянское, корсунское и богуславское; генеральнымъ же и полковымъ старшинамъ слѣдуетъ опредѣлить равный доходъ со ста-

роствъ, но не съ тѣхъ, которыя отданы уже на гетманскую булаву и на гармату. Гетманъ, кромѣ того, безпрепятственно можетъ брать что ему нужно будетъ на войсковые расходы въ имѣніяхъ королевскихъ и дѣдичныхъ шляхетскихъ. Король можетъ требовать войско запорожское на службу въ польскую сторону, и въ такомъ случаѣ самъ присылаетъ къ гетману свой указъ, а никакъ не польскіе коронные гетманы, и въ такомъ случаѣ гетманъ, отправляя козаковъ, посылаетъ вмѣсто себя наказнаго гетмана, имъ же назначеннаго. Въ заключеніе наказа подтверждалось, чтобы, сообразно тому, какъ уже просили козаки при избраніи короля Михаила, унія непремѣнно была уничтожена и впередъ въ законахъ нигдѣ не оставалось бы ни малѣйшаго намека на русскую унію, чтобы вездѣ, гдѣ говорилось о русскомъ народѣ, само собою разумѣлись бы дизуниты [1]).

Козацкія требованія отъ Польши равнялись требованію духовнаго самоубійства. Угождая козакамъ, Польша должна была отречься отъ своей исторической миссіи, которую сознавали за собою поляки какъ самое высокое призваніе, миссіи — дать торжество западному католичеству надъ восточнымъ православіемъ, считаемымъ по ученію западной церкви ересью, которую уничтожать есть богоугодное дѣло. Самъ Дорошенко былъ убѣжденъ, что такія требованія не будутъ приняты, что съ поляками не можетъ быть ладу, и ему остается надѣяться исключительно на Турцію. Продолжая сношенія съ этой последней державой, онъ еще цѣлое лѣто 1670 года водилъ поляковъ и хитрилъ съ ними, подобно тому, какъ они хитрили съ нимъ. Дорошенко посылалъ два раза въ Острогъ толковать о формальностяхъ и потомъ про-

---

[1]) А. Ю. и З. Р., IX, 206.

силъ себѣ копіи съ инструкціи, данной польскимъ коммиссарамъ. Ему прислали инструкцію. Изъ ней увидѣлъ Дорошенко, что поляки обѣщали ему амнистію, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлали ему вопросы: зачѣмъ онъ искалъ протекціи московской и турецкой. Такими вопросами естественно уничтожался всякій смыслъ амнистіи. Въ самыхъ же главныхъ условіяхъ Дорошенко видѣлъ полное нежеланіе примириться. Коммиссарамъ не давалось права толковать объ уничтоженіи уніи, — напротивъ, въ инструкціи сказано было, что король «безъ консенсу столицы апостольской трактовать о томъ не можетъ». Давалось только обѣщаніе устроить бесѣду духовныхъ по вопросу, касавшемуся вѣры [1]). Коммиссары польскіе должны были объявить козацкимъ, что церкви, какія были у унитовъ, останутся за ними по-прежнему, и въ крайнемъ случаѣ коммиссарамъ предоставлялось брать во вниманіе гадячскій договоръ, но постоянно имѣть въ виду, что католическое духовенство многое въ немъ не одобряло. Насчетъ гадячскаго договора дѣлалось такое замѣчаніе, что козакамъ было дозволено многое въ виду шведской войны съ тѣмъ, чтобы козаки были вѣрны Рѣчи-Посполитой; но козаки тотчасъ послѣ того отдались Москвѣ, а потомъ подъ Чудновымъ сами отреклись отъ гадячскаго договора, находя, что этотъ договоръ былъ полезенъ только приватнымъ лицамъ, а не цѣлому войску. Равнымъ образомъ рѣшительно отвергалось домогательство козаковъ о проведеніи границы Украины въ трехъ воеводствахъ и о предоставленіи козакамъ жительствовать въ маетностяхъ королевскихъ, духовныхъ и шляхет-

---

[1]) Лѣт. Величка, II, 243.

[2]) «Взглядомъ зась добръ шляхетскихъ, дѣдичныхъ на подобне одерваніе не можемъ дозволити». А. Ю. и З. Р., IX, 311.

скихъ [2]). Понятно, что поляки не могли дозволить этого, потому что требованіе козаковъ прямо влекло за собою прекращеніе панской власти надъ народомъ, а Польша, какъ аристократическая республика, уже много вѣковъ держалась господствомъ привилегированнаго класса надъ массою рабочаго народа.

По полученіи такой инструкціи, Дорошенко посылалъ въ Острогъ еще разъ просить аманатовъ въ обезпеченіе козацкихъ пословъ, но ему отвѣчали, что этого вовсе не нужно, что того и прежде не дѣлалось; достаточно присяги польскихъ коммиссаровъ въ безопасности козацкихъ пословъ. Потомъ Дорошенко посылалъ снова требовать привилегій, захваченныхъ Тетерею, уплаты взятыхъ Тетерею, по смерти митрополита Балабана, тысячи червонныхъ, возвращенія имущества и денегъ вдовѣ Данила Выговскаго и вознагражденія за разоренія, учиненныя въ монастырскихъ волостяхъ. Тогда коммиссары задержали дорошенкова посланца и обратились къ Ханенку, соображая, что этотъ человѣкъ, ищущій гетманства, скорѣе согласится на условія, какія дадутъ ему поляки, чѣмъ упорный Дорошенко, тѣмъ болѣе, что Ханенко, именуясь кошевымъ гетманомъ, посылалъ уже кошеваго атамана Пелеха съ изъявленіемъ покорности королю и писалъ къ самому Дорошенку, уговаривая его быть въ повиновеніи у польскаго короля. Все это давало поводъ надѣяться, что съ Ханенкомъ можно удобнѣе и скорѣе сойтись. По первому же приглашенію, обрадованный Ханенко отправилъ изъ Сѣчи въ Острогъ войсковаго судью Семена Богаченка съ товарищами: Ярошенкомъ, Малюкомъ, Пултавцемъ, Завишею, Бѣлымъ и Олексѣенкомъ, съ отрядомъ изъ сорока человѣкъ конныхъ. Услышавши о посольствѣ Ханенка, Дорошенко, съ своей стороны, поспѣшно отправилъ въ Острогъ трехъ посланцевъ:

Шунявскаго, Корицкаго и Лешковскаго [1]) просить перемирія и увѣренія въ томъ, что съ польской стороны не будетъ сдѣлано на него нападенія. Это было въ октябрѣ мѣсяцѣ. Сохранилась инструкція, данная этимъ посланцамъ въ томъ же смыслѣ, какъ и та, которая дана была прежнимъ посламъ, но съ добавленіями, вызванными послѣдовавшими событіями. Такимъ образомъ, требованіе, чтобы въ воеводствахъ, отрѣзанныхъ для Украины отъ Польши, паны не въѣзжали въ свои владѣнія — объяснялось и оправдывалось тѣмъ, что уже около двадцати лѣтъ жители пріучились не повиноваться панамъ; они, при малѣйшемъ стѣсненіи, поднимутъ бунты, и самое козацкое начальство ничего съ ними сдѣлать не можетъ [2]).

Коммиссары польскіе заключили тогда договоръ съ посланцами Ханенка, признали его отъ лица Рѣчи-Посполитой въ званіи гетмана Войска Запорожскаго. Въ этомъ договорѣ было много краснорѣчивыхъ фразъ, но въ существѣ онъ не давалъ надеждъ на прочное соединеніе малороссійскаго края съ Польшею и на примиреніе малороссійскаго народа съ поляками. Толковалось о великодушіи короля, о прощеніи козакамъ всѣхъ ихъ прошлыхъ винъ, о забвеніи всего происходившаго между малороссіянами и поляками, а со стороны козаковъ давалось гораздо болѣе обязательствъ, чѣмъ сколько предоставлялось русскому народу правъ. Достаточно того, что унія оставалась во всей силѣ, обособленіе Украины не допускалось, владѣльцамъ шляхетскихъ дѣдичныхъ и духовныхъ имѣній безпрепятственно дозволялось управлять ими безъ всякихъ ограниченій, гетману запрещалось имѣть сношеніе съ посторонними державами безъ

---

[1]) Лѣт. Величка, II. 252.
[2]) А. Ю. и З. Р., IX, 305.

вѣдома короля и коронныхъ гетмановъ, самые походы съ Войскомъ Запорожскимъ противъ непріятеля должны были предприниматься по требованію коронныхъ гетмановъ, а не исключительно по волѣ короля, какъ домогался Дорошенко. Главнымъ заправщикомъ съ польской стороны былъ тотъ же Станиславъ Бѣневскій, нѣкогда состряпавшій гадячскій договоръ.

22-го декабря этотъ договоръ утвержденъ былъ сеймовою конституціею. Съ посланцами Дорошенка Петрановскимъ и Тарасенкомъ не вели формальныхъ переговоровъ. Ихъ призвали на сеймъ и дали имъ письменные отвѣты въ такомъ смыслѣ: уничтоженіе уніи не можетъ зависѣть отъ свѣтскихъ властей, и потому король обѣщаетъ просить папу созвать синодъ, на которомъ засѣдать будутъ архіепископы и епископы, а король, съ своей стороны, насколько то зависѣть отъ него можетъ, будетъ споспѣшествовать устраненію всего, что можетъ производить раздоръ въ духовенствѣ. Обособленіе Украины въ предѣлахъ трехъ воеводствъ признается невозможнымъ, какъ и предоставленіе мѣстъ дизунитскимъ духовнымъ сановникамъ въ польскомъ сенатѣ: тогда возстановилось бы русское княжество, проектированное при Выговскомъ, а отъ него уже козаки сами отреклись чудновскою сдѣлкою. Эта ссылка на чудновскую сдѣлку была уловка. Во-первыхъ, чудновская сдѣлка совершилась тогда, когда козаки находились въ положеніи, какое не могло быть признано свободнымъ; во-вторыхъ, козаки были недовольны въ гадячскомъ договорѣ только предоставленіемъ нѣкоторымъ лицамъ шляхетскаго званія (чѣмъ нарушалось равенство козачества), а вовсе не другими статьями, соединявшимися съ существомъ «русскаго княжества». Поляки, однако, теперь повернули этотъ вопросъ такъ, какъ будто козаки вообще не хотѣли автономіи для

Руси. Такимъ образомъ, желая не допустить ничего такого, что козакамъ было желательно, поляки дѣлали придирку, будто козаки сами отъ всего этого отказались [1]).

Въ заключеніе, пригласили въ сенатъ Петрановскаго и Тарасенка. Коронный подканцлеръ сказалъ имъ: «вы пріѣхали безъ полномочія къ окончательному постановленію договора, но въ вашей инструкціи видны такія требованія, какихъ сеймъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ принять. Вотъ вамъ отвѣтъ на вашу инструкцію».

Посланцы Ханенка, избѣгая задержанія на своемъ пути отъ Дорошенка, возвратились черезъ область, состоявшую подъ управленіемъ Многогрѣшнаго, и Демьянъ Игнатовичъ извѣщалъ о томъ царя, а посланцевъ задерживалъ до полученія царскаго указа объ ихъ отпускѣ. Въ январѣ 1671 года, черезъ область Многогрѣшнаго провозили Ханенку изъ Польши знаки гетманскаго достоинства — знамя, булаву и бунчукъ, но исполнявшій это порученіе польскаго правительства Жальскій былъ возвращенъ изъ Малороссіи назадъ въ Польшу, не добравшись до Сѣчи [2]). Въ томъ же январѣ у Дорошенка въ Корсуни происходила рада: всѣ старшины и полковники составили и послали въ запорожскую Сѣчу отъ имени всего Войска Запорожскаго протестъ противъ договора Острожской коммиссіи, принятаго посланцами изъ Сѣчи, Богаченкомъ съ товарищами. Войско находило этотъ договоръ неудовлетворительнымъ. «Намъ (было сказано въ посланіи корсунской рады въ Сѣчу) даютъ такія вольности, какія у насъ были до войны съ поляками. Но каждый изъ насъ знаетъ, что это были за вольности.

---

[1]) Лѣт. Вел., II, 282—286.
[2]) А. Ю. и З. Р., IX, 326.

Ляхи были надъ нами старшинами и по своему произволу сгоняли со свѣта лучшихъ изъ нашихъ товарищей подъ самыми ничтожными предлогами, ни въ чемъ намъ не давали воли, наипаче же огорчали насъ тѣмъ, что стѣсняли свободу нашей древней греко-русской вѣры, умножали въ украинскихъ городахъ свои костелы и всѣми способами отягощали въ Украинѣ нашъ народъ ярмомъ рабства. Если бы намъ было хорошо до войны, то не слѣдовало бы тогда и воевать, а теперь, послѣ того, какъ уже болѣе двадцати лѣтъ проливалась кровь и столько головъ легло, какъ не стыдно будетъ намъ оставаться съ такими вольностями, которыя прежде грызли намъ шею и побудили насъ къ войнѣ? Нѣтъ. Мы съ прежними гетманами и съ нынѣшнимъ нашимъ гетманомъ Дорошенкомъ хотѣли и хотимъ болѣе широкихъ вольностей, чѣмъ тѣ, какія у насъ были до войны, а потому не принимаемъ того, что вы постановили на Острожской коммиссіи, дозволивши панамъ и старостамъ въѣзжать въ свои маетности по всей Украинѣ и владѣть подданными по старому обычаю» [1]).

---

[1]) Ojczyste Spom., II, 333. Упомянемъ о событіи, не относящемся непосредственно къ исторической жизни Малороссіи, но прикоснувшемся къ ней. Мятежникъ, величаясь именемъ батюшки Степана Тимоѳеевича, разсылалъ своихъ, такъ-называемыхъ, сынковъ по всей Руси, а между прочимъ и по Малороссіи. Одного изъ такихъ сынковъ, пойманнаго въ Малороссіи, отослалъ гетманъ Многогрѣшный въ Москву, а вслѣдъ затѣмъ назначилъ на помощь великороссійскимъ войскамъ противъ Разина козаковъ подъ предводительствомъ генеральнаго есаула Гвинтовки и своего брата Василія Многогрѣшнаго. (См. А. Ю. и З. Р., IX, 291—321).

VIII.

Доносъ на Многогрѣшнаго и его болѣзнь.—Снятіе клятвы.—Посольство Іеронима Комара въ Москву. — Отвѣтъ московскаго правительства Польшѣ. — Желаніе Дорошенка сблизиться съ Россіею и подвинуть ее противъ Польши.—Разговоръ Дорошенка съ архіепископомъ Манассіею.—Свиданіе Манассіи съ Тукальскимъ.—Письмо Дорошенка къ царю.—Донесенія Многогрѣшнаго о несостоятельности Андрусовскаго договора.—Дорошенко подъ Бѣлою-Церковью. — Война Дорошенка съ Ханенкомъ, Сѣркомъ и поляками.—Многогрѣшный допускаетъ своихъ козаковъ помогать Дорошенку.—Козаки Дорошенковы переходятъ къ Ханенку.—Колебаніе хана.—Пріостановка военныхъ дѣйствій зимою.—Прибытіе татаръ.—Зимовка ихъ въ Украинѣ.—Тревога на лѣвой сторонѣ Днѣпра.—Польскій полковникъ Пиво.—Польскій посланникъ Гнинскій въ Москвѣ.—Толки его съ боярами.

Еще не утверждена была польскимъ сеймомъ острожская коммиссія, какъ Ханенко извѣщалъ польскія власти, что соперникъ его, Дорошенко, согласился втайнѣ съ Многогрѣшнымъ, и оба замышляютъ отдать Украину обѣихъ сторонъ Днѣпра Турціи въ качествѣ вассальнаго владѣнія. Поляки тотчасъ извѣстили объ этомъ московское правительство [1]. Въ Москвѣ этому доносу не дали полной вѣры и не показали къ Многогрѣшному подозрѣнія [2]. Многогрѣшный сдѣлался боленъ. Онъ внезапно упалъ на крыльцѣ своего дома и цѣлый часъ оставался безъ языка; его постигъ ударъ, но не смертельный; онъ оправился, проболѣвши нѣкоторое время [3]. Во время своей болѣзни онъ билъ челомъ царю и хлопоталъ черезъ содѣйствіе боярина Матвѣева о томъ, дабы на случай его кончины даровали наслѣдственное имѣніе въ Черниговскомъ или Стародубскомъ полку его матери,

---

[1]) А. Ю. и З. Р., IX, 314—315.
[2]) Ibidem, 439.
[3]) Лѣт. Самов., 56.

женѣ, сыну Петру Демьяновичу и прочимъ дѣтямъ, «гдѣ бы они могли вести мирное житіе» [1]). Скоро послѣ своей челобитной черезъ гонца Змѣева получилъ онъ царскую грамату на просимыя маетности и грамату цареградскаго патріарха, снимавшаго съ него неблагословеніе. Разрѣшеніе патріарха оживило Многогрѣшнаго, который думалъ, что внезапная болѣзнь, постигшая его, была послѣдствіемъ церковной клятвы, да и вообще у подчиненныхъ распространились тогда такіе толки, и въ умахъ происходило смущеніе, которое и было утишено патріаршимъ разрѣшеніемъ.

Признаніе поляками Ханенка въ званіи гетмана возбудило тревогу въ царской Малороссіи, особенно въ Кіевѣ. Теперь (толковали тамъ) при помощи Войска Запорожскаго поляки отважатся съ своимъ королемъ придти въ Кіевъ и будутъ оставаться здѣсь, пока не успѣютъ всѣ украинскіе города приворотить къ себѣ мечемъ или *наговоромъ*, тогда всѣ церкви православныя обратятъ въ костелы или въ унію; съ королемъ пріѣдетъ унитскій митрополитъ и станутъ насъ всѣхъ обращать въ римскую вѣру для вѣчнаго и прочнаго подданства всей Украины польскому королю и Рѣчи-Посполитой. О такихъ толкахъ въ народѣ доносилъ царю Иннокентій Гизель, сообщившій также, что въ Кіевѣ говоритъ народъ, будто въ печерскомъ монастырѣ помѣстятъ бискуповъ и королевскихъ дворянъ, а въ печерскомъ городкѣ поставятъ 6000 войска.

Польскій король Михаилъ, послѣ утвержденія на сеймѣ коммиссіи, заключенной съ Ханенкомъ, отправилъ въ Москву Іеронима Комара, уговаривать московское правительство содѣйствовать военнымъ способомъ къ

---

[1]) А. Ю. и З. Р., IX, 322.

укрощенію Дорошенка. Но изъ Украины приходили въ Москву невѣрныя вѣсти, будто польскій коронный гетманъ Собѣскій, недовольный королемъ Михаиломъ, начинаетъ дружить съ Дорошенкомъ. По такимъ разнорѣчивымъ извѣстіямъ, московское правительство находило несвоевременнымъ вступать въ союзъ съ Польшею и оказывать ей помощь противъ Дорошенка, задѣвая въ то же время и Турцію; соображали при этомъ, что если въ самомъ дѣлѣ Собѣскій соединится съ Дорошенкомъ, то узнавши, что царь противъ нихъ готовитъ войско на помощь Польшѣ, Дорошенко съ Собѣскимъ ранѣе пошлютъ сами военную силу въ малороссійскіе царскіе города, и въ лѣвобережной Украинѣ начнутся внутреннія безпокойства. Въ Москвѣ отвѣчали польскимъ посламъ, что надлежитъ собраться полночнымъ посламъ на съѣздъ и обсудить мѣры, полезныя въ будущемъ для обѣихъ державъ. Посламъ, назначеннымъ на такой съѣздъ изъ Москвы, давался наказъ объявить полякамъ, что царь не можетъ посылать своихъ войскъ, потому что поляки не подали помощи великому государю московскому, когда во время измѣны Бруховецкаго разоряли татары царскіе города. Велѣно было поставить на видъ полякамъ, что, въ противность андрусовскому договору, въ польскихъ владѣніяхъ учали быть великія гоненія на православную вѣру, принужденія къ уніи, всякаго рода притѣсненія, и по этой-то причинѣ Дорошенко отступилъ отъ Рѣчи-Посполитой и отдался турку, а того бы не было, еслибъ отъ поляковъ не сталось гоненія православной вѣрѣ. О Кіевѣ приказано было объявить, что Кіевъ удержанъ и не возвращенъ полякамъ оттого, что Дорошенко отдался турскому султану со всѣми малороссійскими городами, и, такимъ образомъ, Кіевъ могъ бы достаться туркамъ, а тѣмъ бы отворился путь бусурманамъ не только въ

Украину, но и во всю россійскую державу; теперь же для того, чтобъ Кіевъ не достался туркамъ, этотъ городъ снабженъ ратными людьми и хлѣбными запасами съ большими издержками для Московскаго государства. Прибавлялось, что Кіевъ не отданъ еще и потому, что послѣ андрусовскаго договора изъ королевской канцеляріи выходили граматы за королевскимъ подписомъ и печатью, а также отъ старостъ и подстаростъ порубежныхъ городовъ писались письма и отписки, гдѣ именовался неправильно царскій титулъ «съ великимъ безчестіемъ и укоризною для его царскаго величества». Сверхъ того, въ королевскихъ владѣніяхъ печатались латинскія книги «съ такимъ великимъ безчестьемъ и укоризною царскому величеству, что и простому человѣку слышать не годится, не только Божію помазаннику и монарху христіанскому». Поляки претендовали, что гетманъ Демьянъ Игнатовичъ не пропустилъ королевскаго посла Жальскаго, везшаго Ханенку клейноты; полякамъ велѣно было объяснить, что Жальскаго приказалъ отправить назадъ царь, потому что посылка въ Запорожскую Сѣчь сдѣлана была вопреки андрусовскому договору: по этому договору запорожцы должны оставаться подъ обороною обоихъ государей, а слѣдовательно, король долженъ былъ ссылаться съ Запорожьемъ не иначе, какъ послѣ предварительнаго сношенія о томъ съ Москвою.

Отправлены были на новый съѣздъ, 31 го марта, Ордынъ-Нащокинъ, Иванъ Ив. Чаадаевъ и думные дьяки Башмаковъ и Самойловъ.

Не удалось Дорошенку устроить мирныя отношенія козацкой Украины съ Польшею. Утвердилась въ немъ пуще прежняго готовность искать для Украины опоры въ турецкой державѣ. Но все-таки въ его глазахъ это былъ предѣлъ крайней необходимости. Зналъ онъ на-

строеніе православнаго народа, да и самъ былъ человѣкомъ православной вѣры. И теперь, какъ прежде, онъ готовъ былъ предпочесть всякой другой власти надъ Украиною власть единовѣрнаго московскаго государя, только съ такими условіями, какія онъ считалъ выгодными и почетными для своего народа, да въ добавокъ желалъ онъ побудить царя на рѣшительную брань за всю южную Русь, какъ за свое исконное достояніе. Проѣзжалъ черезъ Молдавію и Украину греческій архіепископъ Манассія изъ Македоніи. Дорошенко принялъ его съ подобающими почестями, угощалъ его и весь архіерейскій причетъ, а оставшись съ нимъ на-единѣ, сталъ передъ образомъ Спасителя и Богородицы и говорилъ:

«Предъ Богомъ свидѣтельствуюсь, какъ твоя святыня будешь въ Москвѣ, донеси его царскому величеству: мы ради бы служить великому государю и стать его рабами, но великій государь не принимаетъ насъ, а велитъ намъ быть подъ властію поляковъ! Наша церковь божія и нашъ православный народъ терпятъ отъ поляковъ утѣсненія и гоненія и для того принуждены были мы на время отдаваться агарянскому монарху. Если поляки станутъ намъ докучать, такъ мы противъ нихъ учнемъ стоятъ головами своими съ женами и дѣтьми, соединимся съ турками и татарами за-одно, но польской тяготы никакими мѣрами терпѣть намъ невозможно! Милости отъ польскаго короля и заступленія никакого не имѣемъ! Мы всѣ того только желаемъ: пусть бы для единой святой восточной церкви милость свою государскую къ намъ царь явилъ, подъ свою высокую руку принялъ, насъ всѣхъ въ своей царской милости содержалъ, какъ и прочую братію нашу, и оборонялъ бы отъ непріятеля нашего. А если великій государь не изволитъ принять насъ подъ свою государскую руку, то пусть бы насъ съ по-

лякамп помирить изволилъ, чтобъ намъ поляки никакихъ тягостей не чинили, а держали бы насъ по договору Подгаецкому. Въ прошлыхъ годахъ хоть я и ходилъ съ татарами за Днѣпръ, однакожъ я козаковъ и татаръ до бою съ царскими ратными людьми не допустилъ и взятыхъ въ плѣнъ царскихъ воеводъ и ратныхъ людей въ Москву отпустилъ, а полковниковъ и гетмана Демьяна противъ царскаго величества не подговаривалъ и не подговариваю».

Дорошенко, между прочимъ, просилъ передать царю его челобитіе, чтобъ царь не вѣрилъ людямъ, распускающимъ про Дорошенка клеветы, приказалъ бы Демьяну быть съ нимъ въ дружбѣ, не мѣшать ему, Дорошенку, пользоваться купленными мельницами на Днѣпрѣ подъ Чигириномъ и позволять пріѣзжать въ Кіевъ богомольцамъ съ правой стороны Днѣпра. «Пусть государь, — присовокупилъ Дорошенко, — изволитъ только прислать мнѣ указъ; я Стеньку Разина къ его царскому величеству въ подданство и послушаніе наговорю и приворочу!»

Гетманъ далъ ему письмо, адресованное къ царю. Архіепископъ Манассія изъ Чигирина поѣхалъ въ Каневъ и тамъ увидѣлся съ митрополитомъ Тукальскимъ. Этотъ архіерей показался ему совершенно одинаковыхъ мыслей съ гетманомъ. Сначала митрополитъ хотѣлъ-было на время удержать архіепископа и говорилъ: «пошлемъ вмѣстѣ гонца къ государю; когда государь изволитъ насъ принять подъ свою государскую высокую руку, тогда и я поѣду съ тобою въ Москву». Однако, митрополитъ вскорѣ передумалъ и отпустилъ архіепископа одного съ его причетомъ, поручивши ему передать на словахъ то же что Дорошенко. «Писать не смѣю, — го-

ворилъ онъ, — прежнія мои письма, что я посылалъ въ Москву, объявились у поляковъ».

Въ письмѣ, которое Манассія привезъ въ Москву отъ Дорошенка, гетманъ увѣрялъ, что онъ, «какъ соборной православной церкви удъ и благожелатель всему православному христіанству, хочетъ имѣть православнаго царя за главу себѣ», просилъ не поставить ему въ грѣхъ того, что онъ принялъ отъ турскаго султана санджаки (знаки власти). «Я сдѣлалъ это, — выражался Дорошенко, — щадя цѣлость всей Украины, защищая отъ разоренія церкви божіи и отводя отъ людей пагубу. Иногда дѣлаю такое, чего и самъ не хочу: еслибъ мы не приняли знаковъ турецкихъ, то пришлось бы намъ творить брань съ сильными бусурманами, живущими близко насъ, а на это мы немощны». «Да будетъ извѣстно вамъ, православный милостивый царь, что сей россійскій народъ, надъ которымъ я старшинствую, не хочетъ носить ига, которое возлагаетъ на него Рѣчь-Посполитая: не допускаютъ поляки Войску Запорожскому и народу россійскому имѣть тѣхъ вольностей, о которыхъ черезъ пословъ своихъ я просилъ. И вотъ по такой причинѣ нашъ народъ прилѣпляется къ братству съ сосѣдствующими бусурманами въ надеждѣ своего спасенія! Я не былъ врагомъ пресвѣтлаго величества и во вся дни живота не измѣню къ вашему величеству желательства, и если ты, великій царь, православный христіанскій монархъ, меня своимъ царскимъ словомъ обнадежишь, гдѣ бы я могъ главу свою преклонить, то я готовъ буду не токмо здоровье свое изліять, но и душу положить за православную христіанскую вѣру и за цѣлость православнаго христіанскаго народа».

Вслѣдъ затѣмъ и Демьянъ Игнатовичъ въ письмѣ къ царю указывалъ на то, что андрусовскій договоръ заклю-

чалъ въ себѣ условія нескончаемыхъ несогласій. Этотъ договоръ не только раздражалъ Дорошенка, оставивши его съ козаками въ подданствѣ Польшѣ, но, передѣливъ на двѣ половины Украину, которая прежде была едина, сдѣлался теперь источникомъ всякаго рода споровъ о владѣніяхъ. У многихъ изъ тѣхъ, которые достались теперь подъ державу русскую, были прежде еще владѣнія на правомъ берегу, отнесенному по договору къ Польшѣ, и наоборотъ. Дорошенко гетманъ — на лѣвой сторонѣ, начавши отъ Кременчуга чуть не по самый Кіевъ, владѣлъ землями и отбиралъ на себя доходы. Королевскіе старосты овладѣли на той же сторонѣ селами и угодьями, принадлежавшими издавна городу Любечу, расположенному на лѣвомъ берегу Днѣпра и доставшемуся по раздѣлу Россіи. Рѣка Сожъ, впадающая въ Днѣпръ, сдѣлана границею по андрусовскому договору, но старосты Рѣчи-Посполитой присвоиваютъ себѣ мѣста по сю сторону Сожи. Объ этомъ обо всемъ представлялъ царю Многогрѣшный. Поляки съ своей стороны жаловались, что сотникъ Седневскій съ воинскими людьми переходилъ на другой берегъ Сожи и закладывалъ новый рубежъ. Демьянъ, на вопросы, сдѣланные ему изъ Москвы по этому поводу, оправдывалъ сотника, и указывалъ, что, напротивъ, польскіе подданные дѣлаютъ русскимъ подданнымъ безпрестанныя оскорбленія и нарушаютъ андрусовскій договоръ: грабятъ у себя кіевскихъ и черниговскихъ купцовъ, ѣздящихъ къ нимъ по торговымъ дѣламъ, смущаютъ малороссіянъ разсказами, будто царь скоро всю Украину лѣвой стороны Днѣпра Польшѣ отдастъ, а слушающіе такіе разсказы, пріѣхавши домой, пересказываютъ о томъ у себя и оттого происходитъ всенародное смятеніе. Главное же нарушеніе договора со стороны ляховъ, по указанію Демьяна, состояло въ томъ,

что они продолжаютъ преслѣдовать у себя православную вѣру: въ послѣднее время въ Полонномъ и въ Витебскѣ обратили православныя церкви въ унію, хотѣли то же сдѣлать въ Могилевѣ, но поспольство не допустило.

На такія представленія гетмана Многогрѣшнаго послѣдовалъ уклончивый отвѣтъ, именно было сказано, что обо всѣхъ обидахъ и недоумѣніяхъ будетъ писано въ Польшу надлежащимъ путемъ, а настоящимъ владѣльцамъ спорныхъ угодій слѣдуетъ удерживать за собою свои владѣнія по прежнему, пока не устроится размежеваніе рубежей, о чемъ въ свое время гетману данъ будетъ указъ [1]).

Объявивши себя рѣшительно врагомъ Польши, Дорошенко призывалъ крымскаго хана, какъ данника Турціи — съ тѣмъ, чтобы взять Бѣлую-Церковь, гдѣ сидѣлъ гарнизонъ Рѣчи-Посполитой, состоявшій преимущественно изъ нѣмцевъ, которыхъ всегда было множество въ польскомъ войскѣ, набиравшемся наймомъ. Братъ дорошенковъ Григорій съ брацлавскимъ полкомъ стоялъ тогда на западной границѣ въ мѣстечкѣ Стѣнѣ [2]). Дорошенко не дождался хана. Запорожцы въ числѣ шести тысячъ съ Ханенкомъ и Сѣркомъ перегородили путь хану, шедшему на помощь Дорошенку. Послѣ непродолжительной битвы Адиль-Гирей помирился съ запорожцами и съ Ханенкомъ [3]). Онъ уже прежде былъ не расположенъ къ Дорошенку и шелъ къ нему на помощь только по приказанію падишаха, а потому легко склонился на предложенія Ханенка. Дорошенко, узнавши о случившемся, отправилъ въ Константинополь жалобу на хана, и въ

---

[1]) А. Ю. и З. Р., IX, 407.
[2]) Ibidem, 149.
[3]) А. Ю. и З. Р., IV, 446, 451.

іюнѣ получилъ извѣстіе, что будетъ назначенъ въ Крымъ новый ханъ, Селимъ-Гирей [1]). Ожидая этого новаго хана, въ іюлѣ, съ своимъ козацкимъ войскомъ и съ небольшимъ числомъ бывшихъ при гетманѣ татаръ, Дорошенко приступилъ къ Бѣлой-Церкви и пытался побудить польскій гарнизонъ къ добровольной сдачѣ; онъ простоялъ подъ Бѣлою-Церковью нѣсколько недѣль, писалъ убѣжденія бѣлоцерковскому комменданту, обѣщая всѣмъ полякамъ цѣлость, писалъ къ бѣлоцерковскимъ жителямъ, стараясь выманить ихъ къ себѣ въ станъ [2]). Между тѣмъ коронный гетманъ Собѣскій съ польскимъ войскомъ вошелъ на Подоль, понуждалъ тамошніе городки къ покорности Рѣчи-Посполитой, а къ Дорошенку писалъ, что является съ королевскимъ порученіемъ составить мирный договоръ между Войскомъ Запорожскимъ и Рѣчью-Посполитою. Дорошенко не поддавался польскимъ уловкамъ, стоялъ на своихъ прежнихъ требованіяхъ, заявленныхъ въ прошломъ году; наконецъ, 20 августа, услыхавши, что братъ его Григорій осажденъ поляками въ Брацлавѣ, отступилъ отъ Бѣлой-Церкви [3]).

Отлучивши крымскаго хана отъ союза съ Дорошенкомъ, Ханенко, вмѣстѣ съ Сѣрко́мъ, давнимъ «дорошенковымъ хлѣбоядцемъ», пошелъ на помощь полякамъ. Дорошенко выступилъ противъ нихъ, но, не доходя десяти верстъ до рѣки Буга, услыхалъ о большомъ наводненіи, которое не допуститъ переправить его войско, и отступилъ къ Чигирину, откуда 27 сентября писалъ къ Многогрѣшному, что надѣется поправить свое дѣло, когда придутъ татары [4]). Но враги воспользовались пріоста-

---

[1]) Ojcz. Spom., II, 312.
[2]) А. Ю. и З. Р., IV, 432, 435, 437.
[3]) Ojcz. Spom. II, 312, 329. А. Ю. и З. Р., IV. 438.
[4]) Ibid., 454, 455.

новкою военныхъ дѣйствій со стороны гетмана Дорошенка. Въ октябрѣ коронный гетманъ Собѣскій, при содѣйствіи Ханенка и Сѣрка̀, принудилъ покориться Рѣчи-Посполитой подольскіе городки Брацлавъ, Стѣну [1]), Могилевъ, Ямполь, Тымановку [2]), Яругу [3]), Баръ [4]), Межибожъ [5]), Винницу [6]) и другіе. Нѣкоторые уступали только послѣ отчаяннаго сопротивленія, другіе были податливѣе; всѣхъ упорнѣе показалъ себя Кальникъ, благодаря обширности своего замка и двумъ посадамъ (мистамъ), обведеннымъ валами и палисадами и представлявшимъ безопасное убѣжище для осажденныхъ [7]). Сдававшіеся города признавали надъ собою власть гетмана Ханенка, признаннаго Польшею въ гетманскомъ званіи. Ханенку пособилъ много его союзъ съ Сѣрко̀мъ, котораго имя, какъ славнаго богатыря, вездѣ уважали малороссіяне [8]); съ другой стороны побратимство Дорошенка съ бусурманами отвращало отъ него народныя сердца: трудно было увѣрить малороссіянъ, какъ того добивался Дорошенко, чтобъ тѣ бусурманы, которыхъ они отъ прадѣдовъ и дѣдовъ привыкли считать своими прирождеными врагами и разорителями, вдругъ превращались въ ихъ сторонниковъ и защитниковъ, и страхъ очутиться подъ властію бусурманъ уже многихъ погналъ за Днѣпръ искать новаго отечества. Самые приверженцы

---

[1]) Село ямпольск. уѣзда, под. губ., при р. Русавѣ.

[2]) Мѣст. ямп. уѣзда, под. губ.

[3]) Мѣстечко ямп. уѣзда, под. губ., при впад. рѣки Буши въ Мурахву.

[4]) Мѣст. могил. уѣзда, под. губ., при р. Ровѣ.

[5]) Мѣст. летичевск. уѣзда, под. губ., при впад. р. Бужка въ Бугъ.

[6]) Ojcz. Spom., II, 329, 330, 333, 340, 342, 343. А. Ю. и З. Р., IX, 453, 585.

[7]) Ibid., 338.

[8]) А. Ю. и З. Р., IX. 581.

Дорошенка колебались, и если подъ его вліяніемъ мирились съ мыслію быть подъ турецкимъ господствомъ, ради сохраненія самобытности Украины, то легко и отвращались отъ такой мысли по другимъ противнымъ наущеніямъ. Осенью 1671 года у Дорошенка оставалось вѣрнымъ ему охочее войско — серденята, да выборные козаки изъ разныхъ полковъ [1]). Татаръ съ нимъ было мало. Новаго крымскаго хана Селимъ-Гирея онъ не могъ дождаться. Прибылъ къ нему Нураддинъ-салтанъ, но только съ шестью тысячами и сталъ у Городища, недалеко отъ Корсуна; съ нимъ однимъ Дорошенко не рѣшался возобновить борьбы, не дождавшись бѣлгородской орды, которую обѣщалъ ему прислать падишахъ, и которая явилась не ранѣе 18-го ноября, въ количествѣ двадцати тысячъ; съ нею прибыли и турки, по однимъ извѣстіямъ въ числѣ десяти, по другимъ — только двухъ тысячъ [2]).

Между тѣмъ король Михаилъ приказалъ въ началѣ зимы пріостановить военныя дѣйствія, и коронный гетманъ ушелъ изъ-подъ Кальника, котораго не добылъ, во Львовъ, оставивши на Подоли своего товарища, польнаго гетмана Вишневецкаго. Самъ польный гетманъ стоялъ въ Барѣ. Въ городкахъ Рашковѣ, Чечельникѣ, Могилевѣ, Брацлавѣ, Стѣнѣ, Карсановкѣ, Тымановкѣ разставлены были польскія хоругви [3]). Козаки Ханенка занимали Бершадъ и Лодыжинъ [4]). Въ Илинцахъ [5]) Сѣрко́ и Ханенко собрали посполъство съ Подоли и козаковъ на раду; прислали туда своихъ делегатовъ и польскіе гетманы — увѣрить малороссіянъ подъ присягою, что впе-

---

[1]) А. Ю. и З. Р., IX, 587, 590.
[2]) Ibid., 577, 585, 612, 655.
[3]) Ibid., 584.
[4]) Ojcz. Spom., II, 151.
[5]) Мѣст. липов. уѣзда, кіев. губ., при р. Соби.

редъ будутъ ихъ содержать сообразно стариннымъ правамъ [1]). Конечно, въ этомъ не было ничего искренняго и прочнаго и никакія старинныя права не могли удовольствовать народа, искавшаго новой жизни, а не старыхъ правъ. Самъ Собѣскій понималъ это и писалъ: «мы стараемся ихъ увѣщаніями удержать въ повиновеніи и они обѣщаютъ, а какъ явится здѣсь турецкій паша или крымскія орды, такъ ужь не наша воля здѣсь будетъ [2]).

По прибытіи бѣлгородскихъ татаръ, Дорошенко одну часть ихъ размѣстилъ въ Украинѣ, а другую взялъ съ собою и двинулся къ Подоли. Лодыжинцы тайно прислали извѣстить его, что сдадутся какъ только онъ явится [3]), и по ихъ подущенію Дорошенко 24-го ноября напалъ на Лодыжинъ, но Ханенко заперся въ замкѣ. Городки и селенія стали приставать къ Дорошенку. Отстали отъ поляковъ Ямполь, Тульчинъ, Черниховцы, Винница, Каменица и другіе; польскіе жолнѣры, составлявшіе въ нихъ залоги, ушли въ болѣе крѣпкіе — Рашковъ, Могилевъ, Шаргородъ и запрятались въ нихъ, уклоняясь отъ вступленія въ бой съ непріятелемъ: они знали, что ни козаки, ни татары, не рѣшаются охотно тратить продолжительное время на добываніе укрѣпленныхъ мѣстностей [4]). На первый день Рождества, Дорошенко сдѣлалъ нападеніе на городокъ Тростянецъ; посадъ, (или «місто»), былъ взятъ, жители частію истреблены, частію захвачены въ ясcыръ татарами, но зàмка, гдѣ засѣли поляки, Дорошенко не взялъ и отступилъ отъ него 30-го декабря [5]). Бѣлгородскіе татары, быв-

---

[1]) А. Ю. и З. Р., IX, 575.
[2]) Ojcz. Sp. II. 330.
[3]) Ojcz. Spom., II, 154.
[4]) А. Ю. и З. Р., IX, 611. Ojcz. Spom., II, 156.
[5]) Ojcz. Spom., II, 159.

шіе на войнѣ съ Дорошенкомъ, не только составялли его главную силу, но расходились по сторонамъ загонами, хватали жителей и угоняли въ свои степи. Дорошенко не только этому не препятствовалъ, но самъ осуждалъ на яссыръ татарамъ тѣхъ изъ мѣстныхъ жителей, которые окажутъ сопротивленіе или же измѣнятъ Дорошенку и перейдутъ къ Ханенку. Набравши яссыру, бѣлгородскіе татары спѣшили уходить домой [1]) и самъ Дорошенко послѣ новаго года уѣхалъ въ Чигиринъ [2]). Есть польское извѣстіе, что паволоцкій полковникъ замышлялъ овладѣть булавою Войска Запорожскаго, и это побудило Дорошенка преждевременно прервать войну.

Тѣмъ бѣлгородскимъ татарамъ, которыхъ, выступая на Подоль, Дорошенко размѣстилъ въ Украинѣ, дано было отъ гетмана строгое приказаніе — не предпринимать набѣговъ на лѣвый берегъ Днѣпра; но одно появленіе ихъ на правой сторонѣ, и притомъ недалеко отъ Кіева, произвело чрезвычайную тревогу въ поспольствѣ. Правобережные прочане, которыхъ отъ прихода татаръ стало болѣе, разнесли переполохъ между обывателями лѣвобережной Малороссіи. Посѣщавшіе въ ту зиму этотъ край московскіе гонцы писали: «въ городахъ и мѣстечкахъ всполохи бьютъ, изъ вѣстовыхъ пушекъ стрѣляютъ безпрестанно, чтобъ люди съ своими пожитками убѣгали въ осаду въ городы; твердятъ, что не сегодня-завтра появятся татары и станутъ забирать въ полонъ жителей» [3]). Страхъ этотъ оказался напрасенъ. Всѣ бѣлгородскіе татары, разставленные по Украинѣ, пошли за своими товарищами домой. Осталось ихъ

---

[1]) А. Ю. и З. Р., IX, 628, 895.
[2]) Ojcz. Spom., II, 161.
[3]) А. Ю. и З. Р., IX, 609.

только полтораста съ мурзой, да Нураддинъ-салтанъ съ своей ордою, расположившійся въ Корсунѣ.

По сосѣдству съ Кіевомъ поляки наводили страхъ не хуже татаръ. 30-го декабря, польскіе полковники Пиво-Запольскій взялъ Васильковъ и расположилъ тамъ своихъ полчанъ; малороссійскіе жители хотѣли-было не пускать къ себѣ поляковъ и многіе за то лишились жизни. Въ январѣ 1672 года, Пиво-Запольскій занялъ Макаровъ, Брусиловъ и Межигорскій монастырь [1]) и очутился подъ Кіевомъ. Служилые царскіе люди, ѣздившіе изъ города за дровами въ лѣсъ, за Лыбедью наткнулись на поляковъ, и тѣ отняли у нихъ лошадей, оружіе, поснимали съ нихъ платье и самихъ покололи оружіемъ. Кіевскій воевода кн. Козловскій доносилъ, что въ Кіевѣ мало царскихъ ратныхъ людей, всего 2,489 человѣкъ — и опасно, чтобы поляки, провѣдавши про это, не попытались внезапно захватить Кіевъ въ свои руки. Побывшіе на правой сторонѣ Днѣпра малороссіяне, возвратясь домой, разсказывали, что поляки говорили имъ: «мы вотъ когда-нибудь нежданно-негаданно перейдемъ Днѣпръ и надѣлаемъ разореній, а вы не будете въ силахъ ничего: — пока-то вы отъ вашего царя указъ получите!». Еще въ октябрѣ 1671 года, одинъ кіевскій мѣщанинъ разсказывалъ, что видѣлъ двѣнадцать торговыхъ малороссіянъ, ѣхавшихъ изъ Волощины и порубленныхъ поляками, а въ селахъ, принадлежавшихъ печерскому монастырю, жолнѣры полковника Пиво-Запольскаго нагло забирали у жителей скотъ, хлѣбъ, даже выбирали ихъ пожитки изъ скрынь; гетманъ Многогрѣшный, донося объ этомъ въ приказъ, прибавлялъ, что коли поляки начинаютъ съ малороссіянами задоръ, то и малороссіяне станутъ имъ

---

[1]) А. Ю. и З. Р., IX, 595, 623.

отплачивать тѣмъ же, потому что народъ малороссійскій этого терпѣть не обыкъ. Тогда Демьянъ Игнатовичъ разрѣшилъ всѣмъ свободно переходить на правую сторону Днѣпра и подъ знаменами гетмана Дорошенка воевать ляховъ.

И въ Москвѣ стало было не ладиться съ поляками. Когда пріѣхалъ въ царскую столицу польскій посолъ, Гнинскій, вести съ боярами переговоры о мирѣ, на основаніи андрусовскаго договора, московскіе бояре домогались допустить къ совѣщаніямъ посланцевъ козацкихъ, пріѣхавшихъ отъ гетмана Демьяна Многогрѣшнаго. Поляки ни за что не хотѣли этого. Когда польскіе послы стали просить содѣйствія со стороны царя къ усмиренію Дорошенка, бояре, не оправдывая Дорошенка, и Гнинскому, какъ Комару, замѣтили, что обращеніе его къ оттоманской державѣ вызвано гоненіями со стороны поляковъ на православную вѣру. Бояре сообщали, что Дорошенко не разъ по этому поводу просилъ московскаго великаго государя принять его подъ свою высокую руку; великій государь отказывалъ, не желая ссориться съ королевскимъ величествомъ; теперь же, когда Дорошенко, отдавшись Турціи, пересталъ быть польскимъ подданнымъ, царь могъ бы такъ поступить, но не хочетъ безъ королевскаго согласія. На это поляки замѣтили: принявши Дорошенка подъ свою высокую руку, царь черезъ то никакого права на Украину не получитъ. Угодно было польскому королю поставить гетманомъ въ Украинѣ Дорошенка, можетъ король и перемѣнить его, и вмѣсто Дорошенка дать гетманское достоинство иному лицу, а Украина все-таки останется, какъ была, достояніемъ Рѣчи-Посполитой. И въ этомъ вопросѣ, какъ въ вопросѣ о превращеніи андрусовскаго перемирія въ вѣчный миръ, не договорились тогда ни до чего важнаго польскіе и

русскіе дипломаты. Между тѣмъ бояре и на этотъ разъ повторяли передъ польскими послами жалобы на пропуски въ написаніи царскаго титула, и на разныя укоризны противъ московскаго царя и его державы, допускаемыя въ книгахъ, выходившихъ въ Польшѣ. Поляки могли быть увѣрены, что бояре держатъ у себя кое-что про запасъ на будущее время, чтобы, пользуясь случаемъ, завести старую пѣсню, которая, какъ хорошо поляки помнили, во времена Богдана Хмельницкаго довела до войны между Москвою и Польшею. Къ разрыву, однако, на этотъ разъ не дошло; обѣ стороны увѣряли другъ друга во взаимномъ союзѣ и доброжелательствѣ и отложили толки объ окончательномъ мирѣ на будущее время.

IX.

Свиданіе Многогрѣшнаго съ подьячимъ Михайломъ Савинымъ.—Рѣзкіе отзывы гетмана.—Пріемъ Танѣева.—Вопросъ о Гомелѣ.—Первый разговоръ Танѣева съ Нѣловымъ.—Многогрѣшный опасается соперничества кіевскаго полковника Солонины.—Разговоръ Многогрѣшнаго съ нѣжинскимъ протопопомъ.—Извѣстія о буйномъ поведеніи гетмана.—Царская грамата гетману Многогрѣшному.—Вторичный пріѣздъ Танѣева.—Недовѣріе гетмана къ Москвѣ.—Смѣлая и рѣзкая рѣчь гетмана Многогрѣшнаго, произнесенная Танѣеву.—Второй разговоръ Танѣева съ Нѣловымъ.—Ночное совѣщаніе у обознаго Петра Забѣлы.—Послѣднее свиданіе Танѣева съ гетманомъ.—Отъѣздъ Танѣева.

Надъ гетманомъ Демьяномъ Игнатовичемъ Многогрѣшнымъ собиралась грозная туча, а онъ не замѣчалъ ея и не чувствовалъ ни въ чемъ ея приближенія. Дни его гетманства были сочтены, а онъ того не предвидѣлъ.

Въ описываемый нами вѣкъ въ Малороссіи всякое начальствующее лицо, и старѣйшее, и меньшее, было выбранное, поступленіе его въ должность зависѣло отъ

воли подчиненныхъ. Сообразно древнимъ народнымъ правамъ и обычаямъ, начальствующая особа должна была держать совѣтъ съ подчиненными. Но на дѣлѣ выходило, что какъ только такая особа получала власть, достававшуюся по выбору подчиненныхъ, такъ уже начинала считать себя въ правѣ дѣйствовать самовластно и, при случаѣ, позволяла себѣ самыя деспотическія выходки. Главною причиною этого было то, что получившее по выбору должность лицо должно было опасаться болѣе гнѣва высшаго своего начальника, также выбраннаго, чѣмъ нерасположенія къ себѣ своихъ подчиненныхъ. Выбранный въ своей сотнѣ, сотникъ дѣлался самовластнымъ господиномъ надъ сотнею, но за то старался угождать своему полковнику, подчинялся его произволу и раболѣпствовалъ передъ нимъ; законное поступленіе полковника въ свою должность не могло совершиться безъ воли гетмана, но зависѣло также отъ желанія полчанъ имѣть его своимъ полковникомъ; однако, болѣе или менѣе прочно укрѣпившись въ должности, полковникъ былъ въ своемъ полку такой самовластный господинъ, какъ средневѣковый феодальный баронъ, хотя, въ свою очередь, всегда могъ ожидать надъ собою деспотическихъ выходокъ отъ гетмана. Еще шире это проявлялось въ поведеніи гетмана, какъ главы цѣлаго края. Гетманъ юридически не былъ неограниченнымъ государемъ: съ одной стороны онъ не смѣлъ начинать ничего важнаго безъ совѣта со старшинами, а въ особенно важныхъ случаяхъ — безъ генеральной рады, куда сзывались всѣ козаки; съ другой, онъ долженъ былъ относиться за окончательнымъ разрѣшеніемъ къ государю черезъ посредство малороссійскаго приказа. Но это не мѣшало гетману, при случаѣ, дѣлать такія выходки, на какія могъ имѣть право только ни отъ кого независимый деспотъ. Гру-

бость нравовъ того времени располагала къ этому. Демьянъ Игнатовичъ былъ человѣкъ нрава вспыльчиваго и при томъ нерѣдко бывалъ пьянъ, а потому не сдержанъ ни на языкъ, ни на руки; возвышеніе избаловало его скоро, царь былъ къ нему милостивъ, и онъ сталъ показывать себя въ поступкахъ и рѣчахъ человѣкомъ вольнымъ и сильнымъ. Все вокругъ кланялось ему; — но за то кругомъ его все было пропитано коварствомъ, и много охотниковъ было погубить его. Между тѣмъ положеніе края было самое смутное и шаткое; малороссіяне сами не знали, что̀ съ ними будетъ, въ ту или въ другую сторону выгоднѣе будетъ имъ обратиться. Въ такомъ положеніи понятно, что главѣ такого края могли безпрестанно угрожать нежданные перевороты, и какъ бы онъ ни держалъ себя, всегда бы нашлись имъ недовольные. И гетманъ Демьянъ Игнатовичъ возбуждалъ противъ себя много недовольныхъ, да вдобавокъ своею несдержанностью самъ давалъ этимъ недовольнымъ поводъ при случаѣ копать подъ нимъ яму. Надобно, однако, замѣтить, что гетманъ Демьянъ Игнатовичъ, при своей вспыльчивости и нерѣдко грубости, не показалъ тѣхъ чертъ хитрости и коварства, которыми отличились многіе малороссійскіе историческіе дѣятели той эпохи. Напротивъ, сколько можно прослѣдить его дѣятельность, онъ, казалось, былъ человѣкъ прямой и добродушный.

18-го декабря 1671 года пріѣхалъ въ Батуринъ царскій подьячій Михайло Савинъ. Онъ былъ посланъ собственно для того, чтобы сдѣлать дознаніе о гробѣ патріарха Аѳанасія, скончавшагося на возвратномъ пути изъ Москвы въ Турцію въ Лубнахъ: объ этомъ святителѣ начались тогда носиться слухи, обыкновенно предшествующіе открытію мощей святаго. Какъ-бы мимоходомъ, Савину поручили привезти гетману царскую гра-

мату. Въ этой граматѣ указывалось Демьяну, чтобъ онъ отнюдь не велѣлъ чинить ни съ кѣмъ, особенно съ поляками, задоровъ, и объявлялось, что, до окончательнаго разграниченія рубежей, всякими спорными землями должны владѣть тѣ, которые въ данное время уже ими владѣютъ.

Демьянъ Игнатовичъ при гонцѣ московскомъ сталъ дѣлать такія замѣчанія на царскую грамату:

«Изъ-за рѣки Сожи съ королевской стороны на нашу сторону переѣзжаютъ люди и начинаютъ селиться, а великій государь ихъ ссылать не велитъ. Этакъ, если пустить поляковъ селиться за Сожъ, такъ они начнутъ вступаться въ наши городы и селы и будутъ говорить, что эти городы и селы были ихъ маетностями».

Савинъ замѣтилъ, что противъ этого существуетъ андрусовскій договоръ, гдѣ обозначены границы. Демьянъ сказалъ:

«Въ андрусовскомъ договорѣ того подлинно не означено, по какое мѣсто Малороссія и чѣмъ мнѣ владѣть! Коли великій государь изволитъ земли наши понемногу королю отдавать, такъ лучше бы велѣлъ насъ всѣхъ разомъ отдать: король радъ будетъ! Только у насъ на сей сторонѣ войска тысячъ сто наберется: будемъ борониться, а земли своей никакими мѣрами не уступимъ. Отъ насъ задору никакого ни съ кѣмъ нѣтъ и не будетъ; это великому государю извѣстно; — а за правду мы головы свои положимъ!»

Савинъ сталъ ему дѣлать успокоительныя представленія, но гетманъ такъ разгорячился, что перебивалъ его рѣчь и сталъ говорить еще рѣзче:

«Ожидалъ я отъ царскаго величества къ себѣ и къ малороссійскому народу милости паче прежняго, а онъ насъ отдаетъ въ лядскую неволю! Поляки грабятъ нашихъ малороссійскихъ купцовъ и въ тюрьмахъ держатъ,

около Кіева монастырскія села разоряютъ, а великій государь за то имъ ничего не учинилъ! Насъ совсѣмъ не обороняютъ! Колибъ мы сами себя не обороняли, давно бы насъ всѣхъ поляки въ неволю побрали. Видно, нечего намъ надѣяться на московскихъ людей!»

Проговоривши это сердитымъ тономъ, гетманъ отпустилъ Савина на подворье, а самъ съ своею челядью поѣхалъ «на поле» (на охоту).

— Гетманъ нашъ сердитъ, — говорили подьячему гетманскіе челядинцы. — Какъ придетъ въ сумнительство, такъ все «на поле» ѣздитъ и про всякія дѣла думаетъ!

Все это передано было подьячимъ по принадлежности въ малороссійскій приказъ, когда, окончивъ возложенное на него порученіе, онъ вернулся въ Москву. Савинъ привезъ туда вѣсти о переполохѣ, возникшемъ по поводу прибытія къ Дорошенку татаръ, разсказы о зацѣпкахъ со стороны польскаго жолнѣрства. Въ Москвѣ уразумѣли, что въ Украинѣ готовятся новыя безпокойства [1]).

27-го января 1672 года отправили изъ Москвы новаго гонца и уже въ Батуринъ, прямо къ гетману. То былъ стрѣлецкій полуголова Александръ Танѣевъ съ подьячимъ Дементьемъ Ивановымъ. Они прибыли въ Батуринъ 6-го февраля.

На другой день представился царскій посланникъ гетману и отъ имени великаго государя спросилъ гетмана, всѣхъ полковниковъ и все Войско Запорожское о здоровьѣ, что̀ по тогдашнему этикету было знакомъ монаршей милости. Въ заключеніе объявилъ Танѣевъ, что великій государь жалуетъ и милостиво похваляетъ гетмана Демьяна Игнатовича за его вѣрную службу. Гетманъ, выслушавши такое привѣтствіе, поклонился до земли;

---

[1]) А. Ю. и З. Р., IX, 605.

посланецъ подалъ ему грамату, гетманъ поцѣловалъ на ней печать и опять поклонился до земли; потомъ съ своей —стороны спросилъ о здоровьѣ великаго государя и въ третій разъ поклонился до земли. Эти оффиціальныя церемоніи показывали самое дружелюбное настроеніе и никакъ не дозволяли предполагать, что вскорѣ поднимется буря.

Гетманъ приказалъ читать грамату. Тамъ подтверждалось, чтобъ на рубежахъ съ Польшею и Литвою малороссіяне владѣли всякими урочищами, какія были у нихъ во владѣніи при андрусовскомъ договорѣ, пока не съѣдутся на границу межевые и расправные суды и не приведутъ окончательно въ точность рубежей. Писано было, что чинится договоръ съ польскими послами, что посланцу Многогрѣшнаго, Константину Солонинѣ, въ Москвѣ оказываютъ милость, и — есть надежда на скорое установленіе вѣчнаго мира съ Польшею. Вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчалось гетману, что непристойны были произнесенныя имъ подьячему Савину слова на-счетъ того, будто государь отдаетъ ихъ земли ляхамъ. Гетманъ послѣ окончанія чтенія сказалъ:

«Что я говорилъ Михайлу Савину объ отдачѣ земель нашихъ ляхамъ, такъ это я сказалъ оттого, что польская правда и постоянство мнѣ вѣдомы: на чемъ они пункты постановятъ, того никакъ не держатся; и теперь самовольствомъ заѣзжаютъ за Днѣпръ и за Сожу и малороссійскимъ жителямъ чинятъ разоренія и убытки. Истинно желаю, чтобъ у великаго государя съ королемъ польскимъ состоялось мирное постановленіе, только пусть бы великій государь, милосердуя о насъ, стародавнихъ своихъ подданныхъ, освободилъ насъ, всѣхъ людей греческаго закона, отъ иновѣрцевъ и дѣдичную свою отчину, преславный городъ Кіевъ, гдѣ почиваютъ чудотвор-

ныя мощи, никогда не отдавалъ бы въ королевскую сторону. Мы же на всякомъ мѣстѣ готовы противъ непріятеля стоять и головы складывать за великаго государя и его наслѣдниковъ!»

Гетманъ сообщилъ словесно царскому посланцу о тогдашнихъ обстоятельствахъ.

«Дорошенка, — говорилъ онъ, — подбиваютъ поляки соединиться съ королемъ, — посылаютъ ему подарки, обѣщаютъ все, чего онъ захочетъ! Это все того ради, что когда бы Дорошенко съ ними соединился, такъ они тотчасъ пошли бы на сю сторону войною. Только Дорошенко никогда не сойдется съ ляхами и не отстанетъ отъ турскаго царя, — на насъ же войною не нападетъ. Онъ безпрестанно ко мнѣ присылаетъ и клянется, что съ нами ссориться не станетъ: ни самъ не перейдетъ войною на сю сторону, ни другихъ воевать противъ насъ не пуститъ. Изъ орды, что при немъ, кое-какіе вздумали-было переходить черезъ Днѣпръ и малороссійскимъ жителямъ чинить худое, такъ онъ, сдѣлавшиыскъ, велѣлъ нагишомъ ихъ бить плетьми, водя по таборамъ, и потомъ далъ крѣпкій заказъ, чтобъ никто ни изъ козаковъ, ни изъ татаръ не смѣлъ къ намъ за Днѣпръ переѣзжать и чинить обиды».

Гетманъ давалъ совѣтъ государю присоединить къ себѣ Гомель, — иначе будетъ малороссіянамъ утѣсненіе. «Если, — говорилъ онъ, — не состоится миръ между Россіею и Польшею, такъ ляхи въ Гомель насадятъ своихъ людей и тогда проѣзда не будетъ до Кіева, до Остра, до Нѣжина и до Чернигова. Изъ Гомеля вышли жители и живутъ теперь въ слободахъ; пусть бы великій государь указалъ взять Гомель и воротить въ него этихъ жителей, такъ они будутъ ляховъ къ намъ не пропускать. Теперь въ Гомелѣ остается всего душъ со сто и

тѣ безпрестанно просятъ, чтобъ ихъ царь велѣлъ, вмѣстѣ съ Гомелемъ, принять подъ свою державу».

Поживши нѣсколько дней въ Батуринѣ, Танѣевъ разговорился съ начальникомъ стрѣльцовъ, находившихся постоянно при гетманской особѣ, Григоріемъ Неѣловымъ, и тотъ сообщилъ такія свѣдѣнія о Демьянѣ Игнатовичѣ:

«Ужасно онъ мятется, услыхавши, будто царь хочетъ его перемѣнить и назначить гетманомъ Солонину. Намедни пріѣхалъ къ нему нѣжинскій протопопъ; гетманъ сталъ ему говорить на-счетъ Солонины, а протопопъ сказалъ: «не вѣрь такимъ слухамъ; царь тебя жалуетъ и не перемѣнитъ!» Не понравилось это гетману и сказалъ онъ протопопу: «ты за-одно съ москалями торгуешь мною». Слово за слово, дошло у нихъ до того, что гетманъ разбранилъ протопопа и похвалялся саблей голову у него отсѣчь въ свѣтлицѣ. Протопопъ мнѣ сказалъ объ этомъ втайнѣ въ церкви, а при гетманѣ подходить къ себѣ не велѣлъ, чтобъ какого дурна отъ тѣхъ словъ не учинилось. Гетманъ когда не пьянъ, тогда у него все разсмотрительно, а какъ напьется, такъ — бѣда: приступа къ нему нѣтъ! Всѣ старшины взгляда его боятся,— говорить о дѣлахъ съ нимъ не смѣютъ; непомѣрно жестокъ! Какъ услыхалъ, будто государь гетманомъ хочетъ наставить Солонину, такъ пилъ непомѣрно и сердитъ былъ многое время: меня къ себѣ не призывалъ и не говорилъ со мною; а со старшиною, — какъ только-что не по немъ, тотчасъ за саблю! Дмитрашку Райчу порубилъ саблею у себя въ свѣтлицѣ, и тотъ отъ ранъ боленъ теперь; судью Ивана Домонтовича пьяный билъ по щекамъ и пинками и саблею хотѣлъ изрубить, только я отнялъ у него саблю и рубить не далъ; онъ меня за то бранилъ и называлъ москалемъ. Константина Солонины брата, Якова,

наказнаго кіевскаго полковника, приказалъ привезти къ себѣ въ Батуринъ и посадить скованнаго за карауломъ; жену Константина Солонины приказалъ привезти въ Батуринъ. Доложили ему, что козелецкіе козаки говорили, будто царь хочетъ Солонину гетманомъ поставить, Демьянъ велѣлъ тѣхъ козаковъ сыскать и посадить въ тюрьму. А въ Нѣжинѣ полковникъ, Гвинтовка, большой его пріятель; когда воевода Ржевскій звалъ его къ обѣду, — полковникъ не пошелъ и сказалъ: «какъ съ вами можно хлѣбъ-соль вести, коли вы поступаете непостоянно? вонъ, изволитъ государь, вмѣсто Демьяна, Солонину гетманомъ поставить и насъ, старшину, перемѣнить!» А какъ пріѣхалъ изъ Москвы Игнатъ Кальницкій и разсказалъ, какая Солонинѣ въ Москвѣ милость, такъ Демьянъ велѣлъ Якова изъ-подъ караула освободить. Рославченка, стародубскаго полковника, посадилъ гетманъ въ тюрьму въ Батуринѣ, никто не знаетъ — за что, а вмѣсто него полковникомъ въ Стародубѣ поставилъ Шумейку. Никто не смѣетъ спросить у него объ этомъ. Съ Дорошенкомъ ссылается безпрестанно тайно, на банкетахъ за его здоровье пьетъ и меня заставлялъ пить. «Хорошо бы, говоритъ, кабы Дорошенка изволилъ великій государь принять подъ свою высокую руку: Дорошенко оставался бы гетманомъ на той сторонѣ, а я — на сей, и пребывали бы мы въ смиреніи и тишинѣ». Писалъ къ нему Дорошенко, будто отъ польскаго посла передъ рождественскимъ праздникомъ слыхалъ, что царь помирился съ королемъ и Кіевъ уступилъ. Тогда Демьянъ говорилъ: «если подлинно такъ, такъ мы покинемъ женъ своихъ и дѣтей и всѣ пойдемъ головами своими противъ поляковъ, не отдадимъ Кіева и Печерскаго монастыря, у короля въ подданствѣ намъ не быть никогда!» Безпрестанно пьянъ и коли такъ будетъ вести себя, то я опа-

саюсь всякаго дурна; ключи городскіе живутъ у меня, только, какъ кто пріѣдетъ въ городъ, гетманъ велитъ къ нему посылать ихъ».

Когда въ Москву пришли эти слухи, 28-го февраля 1672 года, изъ малороссійскаго приказа послана была гетману Демьяну Игнатовичу царская грамата, гдѣ говорилось: «ты, гетманъ Демьянъ Игнатовичъ, отъ какихъ-то крамольниковъ въ великомъ сумнѣніи пребываешь, будто, по нашему указу, велѣно кіевскому полковнику Солонинѣ быть гетманомъ, но указа нашаго о томъ не бывало — и мы, безъ челобитья Войска Запорожскаго и безъ войсковой рады, даже и по смерти твоей не учинимъ никого иного гетманомъ, не только при животѣ твоемъ! Вы, гетманъ, и все Войско имѣете опасеніе отъ головы стрѣлецкаго Неѣлова, что онъ доносилъ намъ, будто ты, гетманъ, учинился не по прежнему: все это вмѣщаетъ какой-то плевосѣятель и вамъ говоритъ, будто мы хотимъ польскому королю уступить Кіевъ. Этого нѣтъ вовсе». Въ граматѣ сообщалось, что Солонина удержанъ въ Москвѣ по поводу совѣщанія бояръ съ польскими послами.

Съ этою граматою отправленъ былъ къ гетману снова Танѣевъ, но уже съ другимъ подьячимъ — Семеномъ Щоголевымъ. Между тѣмъ гетманъ 29-го февраля снарядилъ новое посольство къ государю въ Москву: поѣхали нѣжинскій протопопъ и генеральный есаулъ Грибовичъ съ товарищами. Демьянъ Игнатовичъ писалъ въ приказъ снова о недоразумѣніяхъ, возникшихъ съ поляками по поводу рубежа; андрусовскій договоръ устанавливалъ какой-то старый рубежъ, а поляки въ старомъ рубежѣ считали Стародубъ, Черниговъ и другія мѣстности по ту сторону Десны. Это посольство разминулось съ московскимъ, которое ѣхало отъ царя къ гетману.

Танѣевъ пріѣхалъ въ Батуринъ 7-го марта и въ тотъ же день представился гетману, вручивъ ему царскую грамату. Гетманъ Демьянъ былъ въ этотъ день въ возбужденномъ состояніи и, кажется, пьянъ. Приказавши прочитать грамату и замѣтивши, что царь не велитъ ему имѣть никакого опасенія, Демьянъ говорилъ:

«Какъ намъ всѣмъ не имѣть опасенія, когда его царское величество тайно отдаетъ въ сторону короля польскаго свою вѣчную отчину — преславный градъ Кіевъ съ малороссійскими городами и со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ въ вѣчную и нестерпимую неволю! Были въ Москвѣ договоры польскихъ пословъ съ царскими боярами; по глуховскимъ договорнымъ статьямъ должны были съ послами сидѣть и наши посланцы отъ Войска Запорожскаго; а наши посланцы, кіевскій полковникъ Солонина съ товарищами, не допущены въ посольскую избу для прислушиванія и для вольнаго голоса; держатъ нашихъ посланцевъ въ Москвѣ какъ невольниковъ, отговариваются тѣмъ, будто польскіе послы и коммиссары ихъ не допустили, называя ихъ своими холопами. Нѣтъ. Не польскіе послы и коммиссары, а царскіе бояре и думные люди то учинили, — все для того, чтобъ Войску Запорожскому была невѣдома отдача Кіева и малороссійскихъ городовъ! Этимъ вы Войску Запорожскому вѣчное безчестіе нанесли и у поляковъ посмѣхъ учинили. Какъ польскіе послы и коммиссары пріѣдутъ въ свою землю, король пошлетъ по Украинѣ свои граматы и въ тѣхъ граматахъ напишутъ: видите, что вамъ Москва учинила! Отъ этого настанетъ великое смятеніе въ народѣ. Да и въ хроники свои поляки впредь для вѣрности запишутъ, что Москва въ посольство козаковъ не допустила. Коли кому на лбу учинятъ рану, такъ послѣ ту рану хоть и залечатъ, а знакъ отъ ней до смерти будетъ оставаться!

Такъ и у насъ, въ Войскѣ Запорожскомъ, это безчестье вѣчно забвено не будетъ! Его царское величество преславный нашъ городъ Кіевъ и малороссійскіе городы не саблею взялъ: поддались мы подъ его высокодержавную руку добровольно для единой православной христіанской вѣры и для обороны отъ непріятельскихъ иновѣрныхъ силъ. А когда великому государю городъ Кіевъ и малороссійскіе городы и все Войско Запорожское не надобны, — пусть велитъ государь своихъ воеводъ и ратныхъ людей изъ Кіева и изъ малороссійскихъ городовъ вывести: тогда мы съ Войскомъ Запорожскимъ сыщемъ себѣ иного государя. Бруховецкій, видя московскія неправды, много терпѣлъ, да не стало терпѣнія, и хотя смерть принялъ, а на своемъ поставилъ! И я, гетманъ видя неправды ваши, уже велѣлъ Черниговъ большой городъ отъ малаго города отгородить: что́ изъ того выйдетъ, — про то Богъ вѣдаетъ! Видно время пришло намъ искать себѣ другаго государя, только ужь никакъ не польскаго короля. Польскій король былъ бы радъ, еслибъ мы подъ его руку захотѣли идти: и теперь уже онъ призываетъ насъ, поступается намъ своей королевской вотчины къ малороссійскому краю по Слуцкъ и по Березу-рѣку со всѣми городами и землями и вольностями, только съ тѣмъ, чтобъ мы его королевскихъ и сенаторскихъ и шляхетскихъ мастностей не трогали. Однако мы, козаки, полякамъ не вѣримъ ни въ чемъ, да и весь нашъ народъ малороссійскій не захочетъ идти подъ власть польскую: хоть до сущаго младенца всѣ помрутъ, а подъ Польшею отнюдь не будутъ. Знаемъ мы и про то, что польскіе послы въ Москвѣ выговаривали для усмиренія козаковъ Дорошенка либо 30,000 человѣкъ московскаго войска, либо денегъ на такое число войска, а бояре и думные люди приговорили дать имъ на 30,000

войска денегъ. И прежде, по андрусовскому договору, переслали уже изъ Москвы въ Польшу сколько-то десятковъ тысячъ рублей. Куда какъ умно и мудро чинятъ поляки: продаютъ то, чего сами въ рукахъ не имѣютъ и чего никогда имѣть не будутъ! Мы, козаки, не проданные и не купленные! Коли поляки, наполнившись московскими деньгами, пойдутъ на Дорошенка, чтобъ его усмирить и потомъ принять подъ свою власть Кіевъ со всѣми малороссійскими городами, такъ мы, козаки, соединимся съ турскимъ войскомъ и съ татарами и пойдемъ противъ польскихъ силъ; хоть всѣ помремъ, а Кіева и малороссійскихъ городовъ Польшѣ не дадимъ! Не станемъ дожидаться, пока поляки соберутся съ силами; тотчасъ послѣ свѣтлаго воскресенія сами пойдемъ въ польское государство великимъ собраніемъ! Городы одинъ за другимъ будутъ намъ сдаваться, потому что во всѣхъ городахъ православныхъ людей много. Устоитъ развѣ одинъ Каменецъ-Подольскій, да и то не на долгое время! Ни одного поляка не останется у насъ,—только православной вѣры люди, и тѣ будутъ подъ державою турскаго султана. Тѣ времена приходятъ, что конечно тому быть! Ну, а какъ надъ польскимъ государствомъ что нибудь учинится, тогда и кому-то иному достанется».

Такая смѣлая рѣчь, сказанная въ глаза московскому посланнику, по тогдашнимъ понятіямъ, была уже поводомъ къ подозрѣнію въ измѣнѣ. Демьянъ въ эти минуты высказалъ весь свой характеръ. Онъ говорилъ то же, что нѣкогда Богданъ Хмельницкій Киселю, но правду надобно сказать, что при своемъ положеніи показалъ въ своей рѣчи еще болѣе смѣлости, прямоты и геройства, чѣмъ Богданъ Хмѣльницкій.

Послѣ этой рѣшительной рѣчи, Танѣевъ велъ съ гет-

маномъ разговоръ о другихъ предметахъ и между прочимъ насчетъ договоровъ, какіе велись въ Москвѣ польскими послами, сказалъ, что великій государь сообщитъ ему черезъ Солонину списокъ съ тѣхъ статей, какія будутъ постановлены у бояръ съ польскими послами.

Демьянъ сказалъ: — никакимъ спискамъ вашимъ мы не вѣримъ; чего наши очи не видали и уши не слыхали — ничему тому не вѣримъ! Много къ намъ писанаго изъ Москвы присылаютъ, только бумагою да ласковыми словами насъ утѣшаютъ, а подлиннаго ничего не объявятъ. Съ польскими послами толкуютъ, а границъ не проведутъ, и поляки мало-по-малу малороссійскій край заѣзжаютъ (захватываютъ). Больше всего полковникъ Пивонамъ пакоститъ: около Кіева все запустошилъ, людей побиваетъ, а царскій воевода Козловскій не даетъ ему никакого отпора и не обороняетъ бѣдныхъ людей.

Зашла рѣчь о Гомелѣ. Демьянъ сказалъ:

— Мнѣ гомельскихъ жителей нельзя не принять; Войско Запорожское никого отъ себя не отгоняетъ; если и иные городы станутъ къ нему склоняться, такъ не откажетъ. Время пришло мнѣ свой разумъ держать!

— Что ты, гетманъ, писалъ о Дорошенкѣ и о запорожцахъ, такъ о томъ обо всемъ будетъ тебѣ царскій указъ присланъ вскорѣ съ головою стрѣлецкимъ, Михайломъ Колупаевымъ.

— Знаю я, — сказалъ подозрительно гетманъ, — зачѣмъ Колупаевъ пріѣдетъ! Пусть нездоровъ уѣдетъ!

Танѣевъ сталъ увѣрять, что Колупаевъ прибудетъ не съ какою-нибудь секретною цѣлью, но Демьянъ перебилъ его и сказалъ:

— Всѣ вы набрались отъ поляковъ ихъ лукавыхъ

нравовъ; и ты, Александръ, коли еще разъ пріѣдешь ко мнѣ съ неправдою, то будешь въ Крыму.

Свидѣлся Танѣевъ съ Неѣловымъ и этотъ ему сказалъ: «гетманъ совсѣмъ не тотъ сталъ, что прежде былъ; уже, конечно, соединился съ Дорошенкомъ; и со мною, и съ моими сотниками, и со стрѣльцами, обходится не по прежнему: по се время стояло на караулѣ у воротъ и у фортокъ малаго города стрѣльцовъ человѣкъ по сту и больше, а теперь велитъ ставить только человѣкъ тридцать. Старшины: обозный, судьи и Дмитрашко Райча великому государю служатъ вѣрно и мнѣ обо всемъ даютъ вѣдомости, только опасаются видаться со мною въ день, потому что гетманъ приказалъ своимъ челядникамъ надсматривать за ними, чтобъ они ни со мною, ни съ тобою и ни съ кѣмъ изъ нашихъ московскихъ людей не сходились; поэтому, если какія вѣдомости услышатъ, такъ сказываютъ мнѣ въ ночное время. Я привелъ ихъ къ вѣрѣ; цѣловали они предо мною Спасовъ образъ, что быть имъ подъ высокодержавною рукою великаго государя неотступно. Они сами тебѣ обо всемъ подлинно скажутъ».

По предложенію Неѣлова, Танѣевъ и сопровождавшій его подьячій Щоголевъ, вмѣстѣ съ самимъ Неѣловымъ, въ ночь съ 7 на 8 марта, пошли къ обозному Петру Забѣлѣ, переодѣтые въ стрѣлецкіе зипуны съ банделерами и бердышами. Они застали тамъ, кромѣ обознаго Забѣлы, генеральныхъ судей Домонтовича и Самойловича да Дмитрашку Райчу. Послѣдній, бывшій нѣсколько лѣтъ переяславскимъ полковникомъ, былъ въ концѣ 1671 года отставленъ гетманомъ по слѣдующей причинѣ. Дмитрашко Райча собралъ своихъ полчанъ на раду въ Барышевку и сталъ склонять ихъ на сторону Ханенка. Переяславскіе козаки не послѣдовали за вну-

шеніями своего полковника и дали о его поступкѣ знать гетману Демьяну Игнатовичу. Гетманъ самъ съ отрядомъ пошелъ приводить къ покорности Дмитрашку Райчу. Изъ всего переяславскаго полка одна барышевская сотня держалась своего полковника, но, когда приближался Многогрѣшный, прогнала Дмитрашку Райчу просить у гетмана прощенія. Дмитрашко Райча въ мѣстечкѣ Басани валялся въ ногахъ у гетмана. Многогрѣшный приказалъ заковать его и отправить въ Батуринъ его компанію, состоявшую изъ двухъ-сотъ человѣкъ, разобрать по полкамъ, а вмѣсто Дмитрашки Райчи поручилъ управленіе переяславскаго полка генеральному бунчужному Стрыевскому [1]). Съ тѣхъ поръ Дмитрашко Райча пребывалъ въ Батуринѣ; гетманъ простилъ его и обращался съ нимъ какъ со всѣми старшинами вообще, но Дмитрашко Райча сталъ его заклятымъ врагомъ. Малороссійскіе старшины сквозь слезы говорили великороссіянамъ такъ:

«Бѣда великая, печаль неутѣшимая, слезы неутоленныя! По наученію дьявольскому, гетманъ нашъ, забывъ страхъ Божій, великому государю измѣнилъ и соединился съ Дорошенкомъ подъ державу турскаго султана. Нашъ гетманъ посылалъ къ Дорошенку чернеца и Дорошенко передъ тѣмъ чернецомъ присягнулъ, а чернецъ присягнулъ передъ Дорошенкомъ за нашего гетмана. Потомъ Дорошенко прислалъ своихъ посланцевъ къ нашему гетману въ Батуринъ со Спасовымъ образомъ; на томъ образѣ присягнулъ нашъ гетманъ передъ посланцами дорошенковыми, а посланцы присягнули за своего гетмана передъ нашимъ гетманомъ. Демьянъ далъ въ помощь Дорошенку на заплату войску 24,000 ефимковъ. 15-го марта, Демьянъ хочетъ ѣхать съ женой и дѣтьми

---

[1]) А. Ю. и З. Р., IX, 579, 581.

въ Лубны, а пускаетъ слухъ, будто хочетъ ѣхать въ Кіевъ Богу молиться; на самомъ же дѣлѣ, коли будетъ въ Кіевѣ, такъ только для того, чтобы видѣться съ Дорошенкомъ въ Печерскомъ монастырѣ. Какъ онъ изъ Батурина уѣдетъ, такъ ужь назадъ не воротится. Братъ его Василій по гетманскому приказу отгородилъ въ Черниговѣ большой городъ отъ малаго, гдѣ находятся царскіе ратные люди, а животы гетманскіе вывозятъ изъ Чернигова въ Седнево».

Обозный Забѣла прибавилъ: «какъ изъ Батурина поѣдетъ, такъ и намъ старшинамъ велитъ ѣхать съ собою, а потомъ прикажетъ насъ побить или въ воду посадить, или по тюрьмамъ разошлетъ за то, что мы въ измѣнѣ съ нимъ быть не захотимъ! И то опасно: какъ уѣдетъ онъ изъ Батурина и велитъ мужикамъ послѣ себя на воротахъ стать, а стрѣльцы пускать ихъ не захотятъ; съ того начнется раздоръ и кровопролитіе великое и зачатіе къ войнѣ. Стрѣльцовъ въ Батуринѣ малолюдно, и тѣ худы; надѣяться на батуринскихъ стрѣльцовъ нечего! А тебя, Григорій Неѣловъ, вымани за городъ, какъ бы не связалъ и въ Крымъ не отослалъ! Давно бы надъ Неѣловымъ и надъ стрѣльцами онъ что-нибудь дурное учинилъ, кабы мы не берегли. Да и васъ, Александръ и Семенъ, наврядъ ли отпуститъ; а буде отпуститъ, поѣзжайте на Путивль, а то — въ Королевцѣ и Глуховѣ станутъ у васъ обыскивать писемъ: опасно, чтобъ васъ не задержали».

Тутъ кто-то изъ старшинъ говорилъ: «Степана Гречанаго, что былъ съ Солониною въ Москвѣ, призвалъ Демьянъ къ себѣ въ комнату, и привелъ къ вѣрѣ — быть ему за-одно съ гетманомъ, и велѣлъ ему писать про московскія дѣла такое, чего въ Москвѣ и не бывало, все затѣмъ, чтобы отвратить Украину отъ высокодер-

жавной царской руки. Потомъ созвалъ насъ, старшину, и говорилъ намъ: пишетъ мнѣ царское величество многажды, чтобы всю старшину послать къ Москвѣ, а изъ Москвы хочетъ васъ царь разослать въ Сибирь. Мы ему въ томъ не повѣрили, знаемъ добре, что такого указа къ нему не бывало, — самъ своимъ умысломъ затѣваетъ! А вотъ и теперь, какъ пріѣдетъ въ Лубны, либо въ Сосницу, соберетъ къ себѣ всю старшину и духовнаго чина людей, прочитаетъ имъ Степана Гречанаго извѣтъ, настращаетъ всѣхъ Сибирью, будетъ говорить: видите, какова Москва обманчива! чего намъ отъ ней добраго ждать».

Дмитрашко Райча сказалъ: «меня гетманъ призвалъ къ себѣ одного ночью, завелъ въ комнату и велѣлъ Спасовъ образъ цѣловать на томъ, чтобы мнѣ быть съ нимъ за-одно и царскихъ ратныхъ людей, что въ Батуринѣ и въ иныхъ городахъ, побивать. Только я такой присяги не ставлю въ присягу, потому что я присягалъ неволею, убоясь смерти, а не по правдѣ. Я по своему прежнему обѣщанію готовъ умирать за великаго государя, хотя бы гетманъ велѣлъ меня по членамъ разнять. А вы, Александръ и Семенъ, наши слова спишите и подайте думному дворянину Артамону Сергѣевичу Матвѣеву, чтобъ онъ надъ нами и надъ всѣмъ малороссійскимъ краемъ свою милость показалъ, мудрымъ ходатайствомъ своимъ доложилъ государю, чтобъ царское величество не далъ своей отчины злохитрому волку въ разоренье и прислалъ бы въ Путивль выборныхъ конныхъ людей человѣкъ 400 или 500, а къ обозному и къ намъ ко всѣмъ обнадежительную грамату. Какъ тѣ ратные люди въ Путивль прибудутъ, пусть бы къ намъ царская грамата была донесена тайно съ кѣмъ пригоже и къ Неѣлову указъ, чтобъ насъ не выдавалъ. Тогда мы, старшины, и Григорій Неѣ-

ловъ, дадимъ знать тѣмъ ратнымъ людямъ въ Путивль, чтобъ сюда поспѣшали, а изъ Путивля въ Батуринъ можно конно поспѣть въ одну ночь. Тѣмъ временемъ мы волка свяжемъ и отдадимъ Григорію Неѣлову, да съ тѣми прибылыми ратными людьми отправимъ его въ Путивль, потомъ, написавъ его вины, сами повеземъ его къ великому государю въ Москву. А пока все не учинится, пусть бы великій государь указалъ посланцевъ гетманскихъ и совѣтниковъ — нѣжинскаго протопопа Симеона, асаула Грибовича, Миклашевскаго и батуринскаго сотника Еремѣя задержать въ Москвѣ, потому что коли эти совѣтники будутъ отпущены изъ Москвы до твоего, Александръ, пріѣзда, то еще у него, гетмана, всякое зло ускорится, а вся бѣда чинится и отъ тѣхъ помянутыхъ выше совѣтниковъ, да еще промышленникъ во всемъ — нѣжинскій полкокникъ Гвинтовка; большая надежда у Демьяна на этого Гвинтовку! Протопопъ Симеонъ Адамовичъ большой ссорщикъ; гетманъ посылаетъ его провѣдывать всякихъ вѣдомостей, — и онъ, пріѣхавши къ нему, гетману, чтобы гетмана удобрить къ себѣ, станетъ сказывать ему такое, чего и не бывало!»

«Глуховскія статьи становилъ я, — сказалъ обозный Забѣла, — а въ тѣхъ статьяхъ написано: духовнаго чина особъ въ посольство не посылать и именно протопопа Симеона Адамовича. А гетманъ посылалъ еще максаковскаго игумена Ширкевича въ Варшаву и въ Вильну, невѣдомо для чего!»

«Мы того опасаемся, — сказалъ еще кто-то, — если гетманъ уѣдетъ изъ Батурина, произойдетъ много бѣдъ и кровопролитія! Только у насъ и надежды, что на митрополита Призренскаго, который живетъ въ Батуринѣ; онъ гетмана задержитъ, будто для лекарства, гетманъ здѣсь останется, покамѣсть ратные люди сюда поспѣшать.

Насъ, старшинъ, не послушаетъ гетманъ: онъ мало что̀ и говоритъ съ нами! Безмѣрно сталъ жестокъ съ нами, не даетъ слова промолвить, бранитъ, бьетъ, саблей рубитъ. Во всѣхъ полкахъ разсадилъ зятьевъ своихъ, братьевъ да друзей и собесѣдниковъ!»

Обозный Петръ Забѣла объяснялся потомъ съ Танѣевымъ одинъ-на-одинъ и выражался уже такъ, какъ не рѣшался выражаться при товарищахъ. Онъ хвалилъ самого себя, выставлялъ себя испытаннымъ другомъ Москвы и подавалъ такіе совѣты, которые, какъ онъ полагалъ, должны были придтись по вкусу Москвѣ. «Какъ Богданъ Хмельницкій, — говорилъ онъ, — учинился подъ высокодержавною государевою рукою, и по се время,— какъ началъ я служить великому государю вѣрно, такъ и совершаю; за мою правду меня Господь Богъ хранитъ, что еще живъ! Вся бѣда отъ гетмановъ, а не отъ старшинъ. Только имъ измѣнникамъ Господь Богъ не терпитъ за царскую хлѣбъ-соль: всѣ одинъ за другимъ пропадаютъ; жаль только, что невинныхъ людей съ собою губятъ! Если этого злохищника Господь Богъ предастъ и въ руки наши изыманъ будетъ, пусть бы великій государь пожаловалъ насъ: велѣлъ быть у насъ гетманомъ боярину изъ великороссійскихъ людей; тогда у насъ постоянно будетъ, а пока гетманъ будетъ у насъ изъ малороссійскихъ людей, никогда добра не будетъ».

При послѣднемъ свиданіи неосторожный и откровенный гетманъ сдѣлалъ передъ Танѣевымъ выходки, подтверждавшія въ глазахъ московскаго человѣка доносъ старшинъ. Многогрѣшный отозвался о Дорошенкѣ совсѣмъ не такъ, какъ отзывался, бывало, въ прежнее время, когда считалъ Дорошенка своимъ постояннымъ врагомъ. Теперь онъ заявлялъ, что татары не смѣютъ пройти на лѣвую сторону Днѣпра, потому что Доро-

шенко ихъ не пуститъ. «Хочетъ, — говорилъ Танѣеву гетманъ, — Дорошенко посылать къ государю своихъ посланцевъ и съ ними тѣ санджаки, каковы ему присланы отъ турскаго султана; тѣ посланцы будутъ у великаго государя милости просить, чтобъ его царское величество изволилъ Дорошенка принять подъ свою высокодержавную руку въ вѣчное подданство и прислалъ бы ему, вмѣсто турецкихъ санджаковъ, свои царскіе знаки».

— А если турскій султанъ войско пошлетъ за то на Дорошенка? — замѣтилъ Танѣевъ.

— Дорошенко, — сказалъ Демьянъ, — будетъ бить челомъ великому государю, чтобъ указалъ его оборонять своею царскою ратью.

Гетмана Демьяна очень коробило то, что, какъ онъ слыхалъ, московское правительство давало полякамъ денегъ на наемъ войска, и онъ не побоялся при Танѣевѣ произнести такія слова: «коли бы польскіе послы и коммиссары, набравшись въ Москвѣ отъ васъ денегъ, ворочались въ Польшу черезъ Кіевъ и черезъ наши малороссійскіе городы — было бы хорошо! Тогда бы и намъ что-нибудь изъ тѣхъ суммъ досталось!»

Это прямо уже казалось угрозою ограбить польскихъ пословъ.

Марта 10-го уѣхалъ Танѣевъ изъ Батурина съ своимъ товарищемъ.

Когда Танѣевъ былъ въ Батуринѣ, въ Москвѣ находились посланцами отъ гетмана Многогрѣшнаго нѣжинскій протопопъ Симеонъ, генеральный асаулъ Грибовичъ и войсковой товарищъ Михаилъ Миклашевскій (впослѣдствіи стародубскій полковникъ). Нѣжинскій протопопъ былъ давно уже тайнымъ врагомъ Многогрѣшнаго, но подбивался къ нему въ дружбу; часто не ладилъ онъ съ Демьяномъ по причинѣ раздражительнаго характера по-

слѣдняго, но всегда потомъ примирялся съ нимъ, и враги Демьяновы считали протопопа соумышленникомъ гетмана. Будучи въ Москвѣ, протопопъ не смѣлъ слишкомъ рѣзко поднимать голоса во вредъ гетману, послѣ того какъ прежде письма его противъ гетмана и Лазаря Барановича не имѣли послѣдствій, вредныхъ для того и другаго. Только слегка набрасывалъ протопопъ на гетмана тѣнь въ бесѣдахъ съ бояриномъ Матвѣевымъ, завѣдывавшимъ малороссійскимъ приказомъ. «Я, — говорилъ протопопъ, — сколько могу, вѣрно служу и радѣю великому государю, только гетмана не могу никакими притчами исцѣлить отъ нашедшей на него скорби. Кто-то наговорилъ ему, будто великій государь Солонину гетманомъ поставить хочетъ и Демьянъ скорбитъ о томъ зѣло; и о томъ скорбитъ, что Пиво съ ляхами около Кіева монастырскія вотчины опустошилъ, а паче всего о Кіевѣ сѣтуетъ, чтобъ государь Кіева и другихъ малороссійскихъ городовъ ляхамъ не отдалъ, все спрашиваетъ меня: покуль у насъ граница будетъ съ ляхами? А мнѣ почему знать? Я ему клянусь душею и священствомъ своимъ, что государь не мыслитъ Кіева отдавать, а онъ, на меня оскорбившись, говорилъ: вотъ я какъ услышу, что Москва учнетъ что-нибудь дурное, — велю тебя лютою смертью уморить! А я на то ему: за истину и за великаго государя, говорю, готовъ помереть, а только, что тебѣ разсказываютъ и тебя стращаютъ, — такъ это все ложь! Ничего съ нимъ не подѣлаешь! Попечитесь вы, пошлите къ нему умнаго человѣка съ царскою грамотою, обнадеживался бы онъ, что великій государь Кіева ляхамъ не отдастъ и Солонину на гетманство не поставитъ. Потѣшьте его, ради Бога!»

Болѣе рѣзко не смѣлъ протопопъ отзываться въ Мо-

свѣ о своемъ гетманѣ, пока Демьянъ еще находился въ царской милости.

1-го марта 1672 года отпустили изъ Москвы протопопа съ товарищами, а съ ними отправились царскими гонцами къ гетману стрѣлецкій голова Михайло Колупаевъ и подьячій малороссійскаго приказа Максимъ Алексѣевъ. Не доѣзжая двадцати верстъ до Сѣвска, услыхали они странную и неожиданную вѣсть. Прибѣжалъ въ Сѣвскъ изъ Путивля стрѣлецкій сотникъ Ушаковъ отъ путивльскаго воеводы Волконскаго съ извѣстіемъ, что генеральный писарь Карпъ Мокріевичъ, стародубскій полковникъ Петръ Рославецъ и переяславскій полковникъ Дмитрашко Райча привезли въ Путивль гетмана Демьяна Игнатовича скованнымъ.

15-го марта, возвращавшееся изъ Москвы малороссійское посольство пріѣхало въ Сѣвскъ. Тамошній воевода Вердеревскій задержалъ протопопа подъ предлогомъ, что въ Сѣвскѣ всѣ подводы разобраны и надобно посылать въ села и деревни для сбора свѣжихъ подводъ. Это сдѣлалъ Вердеревскій по наущенію сопровождавшаго малороссіянъ стрѣлецкаго головы. По поводу страннаго приключенія съ гетманомъ, Грибовичъ и Миклашевскій сказали своимъ великороссійскимъ провожатымъ: «отъ гетмана мы никакого дурна не чаемъ, колибъ онъ что дурное замышлялъ, то насъ бы съ протопопомъ къ великому государю въ Москву не посылалъ. Да и потомъ, какъ мы были въ Москвѣ, гетманъ прислалъ глуховскаго сотника съ лошадьми въ даръ великому государю».

Но протопопъ отнесся иначе. Когда Грибовичъ и Миклашевскій ушли къ себѣ на подворье, гдѣ ихъ помѣстили, Симеонъ, оставшись съ Колупаевымъ и подьячимъ, говорилъ имъ такъ: «Давно уже я замѣчалъ за гетманомъ, что онъ сталъ не прежній; слова говоритъ

не добрыя и меня, протопопа, ганилъ многажды худыми словами и голову московскихъ стрѣльцовъ, Григорія Нѣлова, безчестилъ. Обозный и судьи и Дмитрашко не разъ сказывали ему, Григорію, что у гетмана не доброе на умѣ и чтобъ онъ остерегался. Судьи и Дмитрашко служатъ великому государю вѣрно. Они, въ Батуринѣ сидя, втайнѣ написали письмо къ Ржевскому въ Нѣжинъ о гетманскихъ неправдахъ, а Ржевскій отправилъ то письмо въ Москву. А какъ меня посылалъ гетманъ съ челобитьемъ въ Москву, то говорилъ мнѣ: «коли провѣдаешь подлинно, что государь хочетъ отдать Кіевъ и Малую-Россію ляхамъ, я тотчасъ пошлю въ Гомель засѣсть многихъ людей!» Я ему на то сказалъ: безъ царскаго указа въ Гомель посылать людей не годится. Ты предъ святымъ евангеліемъ обѣщалъ никакихъ дѣлъ не дѣлать безъ царскихъ указовъ, — на кого ты надѣешься? «Надѣюсь, — говорилъ Демьянъ, — на того же, на кого надѣется Дорошенко; Бруховецкій сгинулъ за правду и я сгину такъ же, какъ онъ. Въ Переяславлѣ московскихъ породныхъ людей мало, а Черниговъ я людьми своими осажу»... На Запорожье послалъ 6,000 талеровъ, чтобъ запорожцы были ему послушны. Тererь, слышу, везутъ его скованнаго въ Москву, такъ мнѣ уже въ Нѣжинѣ жить незачѣмъ; буду бить челомъ великому государю, чтобъ дозволилъ мнѣ жить въ Москвѣ и пожаловалъ бы меня такъ, чтобы мнѣ сыту быть».

— Живи-ка лучше въ Нѣжинѣ по-прежнему и служи правдою государю, какъ прежде служилъ, сказалъ ему Колупаевъ.

— Мнѣ, — сказалъ протопопъ, — и въ измѣну Бруховецкаго было много мученія и товаровъ своихъ осталъ (достоянія своего лишился). Мы съ Дмитрашкою Райчею Спасовъ образъ на томъ цѣловали, что буде гетманъ

Демьянъ великому государю измѣнитъ, такъ намъ уѣзжать совсѣмъ въ Путивль. Какъ я былъ въ Москвѣ, то некогда было мнѣ поговорить объ этомъ съ думнымъ дворяниномъ Артамономъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ, потому что онъ безпрестанно за царскими дѣлами сидитъ въ приказѣ.

X.

Старшины арестуютъ гетмана въ Батуринѣ и везутъ въ Москву. — Приключеніе съ Гвинтовкою. — Обозный Забѣла временно управляетъ Малороссіей съ старшинами. — Допросы гетману. — Обвиненіе. — Казнь. — Ссылка въ Сибирь.

Въ ночь съ 12-го на 13-е марта пришли къ Григорію Неѣлову старшины, обозный Забѣла, судьи Домонтовичъ и Самойловичъ, генеральный писарь Карпъ Мокріевичъ и полковники: переяславскій Дмитрашка Райча, наказной нѣжинскій Уманецъ и стародубскій Рославецъ.

Они сказали: «гетманъ собрался завтра ѣхать въ Кіевъ какъ-бы на поклоненіе печерскимъ чудотворцамъ. Но это одинъ отводъ. На самомъ дѣлѣ онъ хочетъ измѣнять царскому величеству и, по примѣру Дорошенка, поддаться турецкому султану. Мы хотимъ предупредить такое страшное дѣло; если промедлимъ хоть немного и выпустимъ Демьяна изъ Батурина, то неминуемо дойдетъ до кровопролитія. Надобно взять его подъ караулъ, теперь же ночью, до разсвѣта».

Неѣловъ не сталъ противорѣчить, потому что уже былъ вооруженъ проитвъ гетмана. Взяли стрѣльцовъ и отправились въ замокъ, или такъ-называемый малый городъ. Демьянъ ничего не ожидалъ. Демьянъ спалъ. Старшины свободно вошли въ его опочивальню, быстро схватили его, не допустивши ни кричать и звать на помощь,

ни объясняться, связали, вынесли изъ дома, положили въ подвезенныя заранѣе сани, закрыли шкурою и немедленно вывезли изъ Батурина подъ конвоемъ стрѣльцовъ. Все это сдѣлано было такъ внезапно и такъ тихо, что въ Батуринѣ до утра никто не могъ узнать, чтó случилось, и наемное (затяжное) войско, состоявшее при гетманской особѣ, не могло получить приказа спѣшить на оборону гетмана.

— Слава Богу, — говорили послѣ того старшины, — что не было здѣсь асаула Грибовича; онъ былъ гетману вѣренъ, надсматривалъ надъ нами, ходилъ даже по дворамъ каждую ночь и обо всемъ, чтó замѣчалъ, переносилъ Демьяну.

Поутру генеральный писарь Карпъ Мокріевичъ и стародубскій полковникъ Рославецъ уже ѣхали со скованнымъ гетманомъ черезъ Путивль и Сѣвскъ въ Москву. Имъ придали пятнадцать человѣкъ козаковъ и челядниковъ. Дмитрашко Райча отвернулъ отъ нихъ и поѣхалъ въ Курскъ дать знать о поступкѣ старшинъ съ своимъ гетманомъ боярину Ромодановскому.

Оставшіеся въ Батуринѣ старшины отправили по всѣмъ полкамъ универсалъ, извѣщавшій объ измѣнѣ гетмана, запрещали признавать его начальникомъ и предписывали прислать въ Батуринъ сродниковъ и совѣтниковъ Многогрѣшнаго скованными, чтобъ удержать ихъ подъ карауломъ до царскаго указа [1]). Тогда же арестовали четырехъ посланцевъ Дорошенка, прибывшихъ наканунѣ въ Батуринъ.

Мокріевичъ съ арестованнымъ гетманомъ прибылъ въ Сѣвскъ 17-го марта и, повидавшись съ провожавшими Демьяново посольство изъ Москвы, просилъ, по поруче-

---

[1]) А. Ю. и З. Р., IX, 686 – 689.

нію остальныхъ старшинъ, чтобы протопопъ ѣхалъ назадъ въ Москву разомъ съ ними, асаула же Грибовича, считаемаго другомъ Многогрѣшнаго, оставилъ въ Сѣвскѣ, поручивши тамошнему воеводѣ. Затѣмъ Миклашевскаго и подписка Андрѣенка Мокріевичъ отправилъ въ Батуринъ съ письмомъ къ остающимся тамъ старшинамъ. Въ этомъ письмѣ онъ убѣждалъ своихъ товарищей ловить и сажать подъ караулъ всѣхъ, которые своими рѣчами начнутъ показывать себя соумышленниками преступнаго гетмана. На другой день, 18-го марта, царскіе гонцы поступили такъ, какъ хотѣлъ Мокріевичъ. Миклашевскій и Андрѣенко уѣхали въ Батуринъ, а прочіе двинулись къ Москвѣ со скованнымъ гетманомъ.

Протопопъ, до сихъ поръ не рѣшавшійся объявить себя противникомъ гетмана, теперь круто повернулъ и сталъ за-одно съ гонителями Демьяна. 19-го марта, выѣхавши въ путь, отправилъ онъ впередъ себя къ Матвѣеву письмо и въ этомъ письмѣ выражался, что «Демьянъ въ чести сый не разумѣ, приложился сыномъ несмысленнымъ», что Демьянъ «забылъ Бога и присягу свою, что есть явныя улики гетманской измѣны какъ на письмѣ, такъ и на словахъ».

Одинъ изъ друзей Многогрѣшнаго, нѣжинскій полковникъ Гвинтовка находился тогда въ Коропѣ; тамъ узналъ онъ о событіи съ Многогрѣшнымъ, на-скоро убѣжалъ въ Путивль, явился къ тамошнему воеводѣ князю Волконскому и показывалъ видъ, будто онъ не въ добрыхъ отношеніяхъ съ гетманомъ, будто гетманъ, задумавши измѣнить, зналъ твердость и вѣрность къ царскому престолу его, Гвинтовки, и послалъ козаковъ убить его. Гвинтовка передъ Волконскимъ притворялся, будто первый разъ слышитъ, когда ему сказали о взятіи гетмана подъ стражу. Такимъ образомъ давній другъ и то-

варищъ Демьяна, чуть-только услыхалъ о противной судьбѣ гетмана, задумалъ не только устраниться отъ него, а еще воспользоваться его бѣдою и стать въ число его губителей. Не удалась Гвинтовкѣ эта хитрость. Мокріевичъ, бывшій уже въ Путивлѣ, заранѣе объявилъ Волконскому, что Гвинтовка одинъ изъ соучастниковъ измѣны Многогрѣшнаго, и просилъ задержать его при случаѣ. Напрасно Гвинтовка выгораживалъ себя предъ воеводою. Волконскій объявилъ: «не мое дѣло разбирать, кто изъ васъ правъ, кто виноватъ; въ Москвѣ будетъ вамъ царскій указъ». Онъ отправилъ Гвинтовку съ приставомъ и провожатыми въ Сѣвскъ.

Въ Москвѣ получили извѣстіе о случившемся съ гетманомъ 21-го марта, ранѣе чѣмъ могли туда привезти самого гетмана. Немедленно послана была въ Малороссію царская грамата: старшины получали похвалу за то, что не склонились на измѣническія подущенія Демьяна и взяли его подъ караулъ. Управленіе Малороссіею до дальнѣйшихъ распоряженій поручалось обозному Забѣлѣ и съ нимъ двумъ судьямъ; они должны были часто ссылаться съ малороссійскимъ приказомъ и съ мѣстными воеводами. Велѣно было разослать по полкамъ отъ имени царя увѣщаніе, чтобъ жители Малороссіи пребывали въ законной вѣрности своему государю, а посланцевъ Дорошенка, прибывшихъ тогда въ Батуринъ къ Многогрѣшному, приказано препроводить въ Москву. Эту царскую грамату повезъ въ Малороссію стольникъ Самаринъ съ подьячимъ Шестаковымъ.

Разомъ съ отправкою граматы въ Малороссію посланъ былъ изъ Москвы стрѣлецкій сотникъ Горюшкинъ. Ему приказали ѣхать по большой кіевской дорогѣ черезъ Калугу на Сѣвскъ и гдѣ встрѣтитъ онъ гетмана,— взять его отъ козацкихъ старшинъ и везти въ Москву

съ великимъ береженіемъ. Сѣвскому воеводѣ Вердеревскому приказано отправить туда же задержаннаго асаула Грибовича.

Стольникъ Самаринъ прибылъ въ Батуринъ 1 апрѣля и въ тотъ же день вручилъ обозному царскую грамату. Именемъ государя пріѣхавшій московскій гонецъ увѣрялъ старшинъ, что служба ихъ у государя забвенна не будетъ, и въ окрестныхъ земляхъ будетъ имъ слава за то, что они не склонились ни на какія смутныя прелести Демьяна и его совѣтниковъ. Управляющіе малороссійскимъ краемъ старшины немедленно отправили челобитную царю объ указѣ, чтобы въ Украинѣ приступили къ избранію иного гетмана. Вмѣстѣ съ тѣмъ посылались еще новоотысканныя улики измѣны Многогрѣшнаго.

Батуринскій сотникъ Карповичъ передъ генеральною старшиною объявилъ, что пріѣзжалъ отъ Дорошенка изъ Чигирина въ Батуринъ къ Многогрѣшному Семенъ Тихій и привозилъ Спасовъ образъ; какую присягу они взаимно приносили — неизвѣстно; но потомъ гетманъ отпустилъ Тихаго вмѣстѣ съ нимъ, Карповичемъ, за Днѣпръ. «Пришли мы, — показывалъ Карповичъ, — въ Каневъ, гдѣ живетъ Тукальскій. Мы къ митрополиту пошли. Семенъ Тихій положилъ передъ нимъ на столѣ образъ, а митрополитъ поцѣловалъ этотъ образъ и спрашивалъ: ну, что тамъ добраго учинили? — Зачѣмъ посланъ былъ, все то совершилось, — отвѣчалъ Семенъ Тихій. — Митрополитъ, подошедши къ сотнику, взялъ его за пуговицу и сказалъ: «давно бы такъ, пане сотнику, надобно было бы поступить вашему гетману; сами добре вѣдаете: при комъ ханъ, тотъ и панъ, а у турскаго султана такъ много силы, что и Москвѣ и ляхамъ дастся въ знаки! Не только что на насъ не посмѣютъ наступать, но и своихъ городовъ не оборонятъ.

Отъ сего времени наши гетманы въ неразрывномъ прiятствѣ пребываютъ и все устроится какъ нельзя лучше».

Перехвачены были письма Василія Многогрѣшнаго, черниговскаго полковника, къ наказному черниговскому же полковнику, Леонтію Полуботку, и въ этихъ письмахъ усматривали намѣреніе не допустить хлѣбныхъ запасовъ въ черниговскій малый городъ (зàмокъ), гдѣ помѣщались царскіе ратные люди.

Отъ 3-го апрѣля управлявшіе Малороссіею старшины извѣщали, что уже сродники Многогрѣшнаго посажены подъ караулъ и вмѣсто нихъ на начальническія мѣста выбраны иныя лица. Вмѣсто Василія Многогрѣшнаго и Шумейки, братьевъ бывшаго гетмана, поставленныхъ имъ въ Черниговѣ и въ Стародубѣ, назначили въ Черниговъ прежняго полковника Борковскаго, а въ Стародубъ наказнымъ, до возвращенія Рославца, Григорія Дащенка. Въ нѣжинскомъ и прилуцкомъ полкахъ получили снова свои уряды прежніе полковники Филиппъ Уманецъ и Лазарь Горленко; переяславскій полкъ возвратили Дмитрашкѣ Райчѣ, гадячскій — Ѳедору Михаленку, въ лубенскомъ, вмѣсто зятя Демьянова, Андрея Нестеренка, сдѣлался полковникомъ какой-то Михайло Степановъ, а въ миргородскомъ — Иванъ Дубяга. Изъ сродниковъ и свойственниковъ Многогрѣшнаго никто не казался столько опаснымъ, какъ его закадычный другъ Матвѣй Гвинтовка. Этотъ человѣкъ, какъ показывали на него старшины, много разъ уже заявлялъ свое нерасположеніе къ власти, не держалъ бесѣды съ стрѣлецкимъ головою Неѣловымъ и съ вѣрными государю старшинами, а *волкохищно ходилъ;* оставивши нѣжинское полковничество и жену свою, прiѣхалъ къ Демку на первой недѣлѣ великаго поста, пошептался съ нимъ на-единѣ и уѣхалъ въ Коропъ. Тотчасъ по арестованіи гетмана, старшины,

не знавшіе еще, что Гвинтовка изъ Коропа уѣхалъ въ Путивль, послали къ нѣжинскому воеводѣ челобитную задержать Гвинтовку, но воевода Ржевскій, за отсутствіемъ Гвинтовки въ Нѣжинѣ, приказалъ взять подъ караулъ жену его и сына Ѳеська, а дворъ его запечатать тремя печатями, потомъ призвалъ къ себѣ наказнаго нѣжинскаго полковника Гуменскаго, войта, бурмистра, знатнѣйшихъ козаковъ и мѣщанъ и привелъ ихъ всѣхъ къ присягѣ на вѣрность государю, а Гуменскому приказалъ разослать въ нѣжинскій полкъ универсалъ, чтобы сотники, атаманы, войты и лучшіе жители изъ мѣстъ и селъ ѣхали въ Нѣжинъ къ воеводѣ принести крестное цѣлованіе. Все это совершилось и скоро, и благополучно. Видно, однако, что по случаю неожиданнаго арестованія гетмана, боялись какого-нибудь смятенія въ народѣ. Нѣжинскій воевода, извѣщая малороссійскій приказъ о своихъ распоряженіяхъ, приказалъ стрѣльцу, съ которымъ отправилъ свою отписку въ Москву, проѣзжать черезъ малороссійскій край пустою степью, минуя города, села и деревни. Въ то же время воевода всѣхъ ратныхъ царскихъ людей для ихъ безопасности согналъ въ замокъ и разставилъ по стѣнамъ караульныхъ. Хотя на другой день приведенные къ присягѣ нѣжинцы увѣряли, что царскіе ратные отъ нихъ не могутъ ожидать ничего худаго, но Ржевскій все-таки не довѣрялъ и не велѣлъ никуда выходить изъ замка великороссіянамъ [1]). Съ своей стороны и архіепископъ Лазарь Барановичъ извѣщалъ царя, что уже разослалъ по всей Малороссіи свой пастырскій универсалъ, укрѣпляя «своихъ овечекъ», чтобъ оставались вѣрны принесенному разъ крестному цѣлованію и не слушали никакихъ прелестей.

---

[1]) А. Ю. и З. Р., т. IX, стр. 815.

Когда скованнаго гетмана привезли въ Москву, генеральный писарь Мокріевичъ подалъ въ малороссійскій приказъ извѣтъ на Многогрѣшнаго, написанный въ 38 пунктахъ. Гетманъ обвинялся въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ Дорошенкомъ съ цѣлью измѣнить царю и поддаться, по примѣру Дорошенка, турецкому султану. Въ этихъ-то видахъ Многогрѣшный, какъ показывалъ извѣтъ, старался замѣстить полковничьи мѣста своими свойственниками и пріятелями, и всякими способами распространить вражду къ московской власти. Указывались произнесенныя имъ въ разныя времена изреченія, свидѣтельствующія о его нерасположеніи къ Москвѣ. Онъ передъ старшиною говорилъ такъ: «наберу тысячъ шесть выборныхъ людей конныхъ и пойду на великороссійскіе городы, а весною придетъ мнѣ на помощь крымскій ханъ. Дамъ людямъ московскимъ такой отпоръ, какъ Александръ Македонскій; тотъ былъ Александръ, а я Демьянъ — не меньше того Александра надѣлаю дѣлъ, какъ опустошу Московское государство!... Я, — говорилъ гетманъ, — не царскій подданный, не хочу у царя быть въ подданствѣ, хоть онъ мнѣ весь Батуринъ богатствомъ наполни!» Всегда Демьянъ славилъ турскаго султана и разсказывалъ: «Въ одно время пріѣхали къ султану послы московскій и польскій. Султанъ велѣлъ сказать польскому, чтобъ король польскій звался не королемъ, а короликомъ, понеже, дескать, онъ мой подданный, а что царь московскій — такъ я того считаю какъ бы за одного изъ черныхъ татаръ моихъ». Въ сей великій постъ, говорилъ онъ старшинѣ: «видите, господа, каково царское желательство къ намъ, поступился ляхамъ всю Украину отдать и проведутъ границу отъ Кіева Десною и Сеймомъ до Путивля. Сказывалъ мнѣ капитанъ Мазапета, слыхалъ-де онъ отъ царскаго сиг-

клита: — тебѣ, гетману, уготовано въ царскихъ слободахъ 500 дворовъ подданныхъ, только ты выдай намъ старшинъ и начальныхъ людей украинскихъ». Старшины, слыша отъ него такія рѣчи, сказали: не можетъ этого быть; государь обѣщался насъ въ милосердіи своемъ хранить! А Демьянъ на это сказалъ: «се у васъ бороды выросли, а ума не вынесли! Я совершенно ихъ намѣреніе уразумѣлъ». Обозному Забѣлѣ наединѣ Демьянъ говорилъ: «надобно намъ пещись объ иномъ государѣ, а отъ Москвы не надѣяться намъ добра!» Не хотѣлъ Демьянъ отпускать Танѣева съ подьячимъ и говорилъ старшинамъ: «не вѣдаете вы хитрости московской, а я ее давно постерегъ и васъ оберегаю. Царь васъ всѣхъ велитъ къ себѣ призвать, да въ Сибирь зашлетъ!» Самовольно, не совѣтуясь со старшинами, Демьянъ безъ причины отставилъ полковниковъ черниговскаго, нѣжинскаго, миргородскаго, лубенскаго, переяславскаго, стародубскаго, гадячскаго и прилуцкаго, а на ихъ мѣста поставилъ другихъ, своихъ сродниковъ и совѣтниковъ. Дмитрашкѣ Райчѣ обѣщалъ четыре полка: переяславскій, лубенскій, миргородскій и полтавскій, лишь бы онъ только шелъ вмѣстѣ съ нимъ противъ царя войною. Андрею Мурашкѣ говорилъ: «вотъ увидишь, что́ я съ Москвою учиню, увидишь мою саблю въ крови московской. Я ихъ за столицу загоню; только вы будьте мнѣ неотступны». Съ Дорошенкомъ задумалъ родниться и высваталъ дочь Дорошенка за своего племянника Мишку, и посылалъ къ Дорошенку Исаію Андрѣенка словесно объявить о пріятствѣ и дружбѣ, а Дорошенко отправилъ къ Демьяну войсковаго товарища Семена Тихаго установить союзъ, чтобъ имѣть общихъ пріятелей и непріятелей.

14-го апрѣля 1672 года въ приказѣ Малыя Россіи

бояре и думные люди дѣлали Демьяну допросъ. Они спрашивали:

— Демьянъ Игнатовъ! Будучи въ малороссійскихъ городахъ гетманомъ, учалъ ты ссылку имѣть съ гетманомъ тое стороны Петромъ Дорошенкомъ и пріискивать способовъ, какъ бы измѣнить великому государю и поддаться турскому султану. Говори: съ кѣмъ о такой измѣнѣ думалъ? Кто былъ тебѣ совѣтникомъ? Зачѣмъ перемѣнялъ полковниковъ? По какому царскому указу велѣлъ за рѣкою Сожею во мстиславскомъ воеводствѣ заѣзжать королевскія земли и заводить съ королевскимъ величествомъ ссору? Зачѣмъ собирался ѣхать въ Кіевъ?

Демьянъ отрицалъ всякое противъ себя обвиненіе въ измѣнѣ.

— Я, — говорилъ онъ, — служилъ государю вѣрно, полковниковъ перемѣнялъ по совѣту старшинъ, въ Кіевъ хотѣлъ ѣхать по письму печерскаго архимандрита, который извѣщалъ меня, что печерскимъ жителямъ ляхи чинятъ насилія и разоренія: я посылалъ уже къ кіевскому воеводѣ князю Козловскому, чтобъ онъ оборонялъ отъ поляковъ печерскихъ людей, а писарь Карпъ Мокріевичъ меня привелъ на то, чтобъ для обороны идти мнѣ самому съ обозомъ. Съ Дорошенкомъ я ссылался о томъ, чтобъ Дорошенко на сю сторону козаковъ и татаръ не пускалъ войною, а служили бы мы вмѣстѣ великому государю на оборону отъ непріятелей. Къ Сожѣ я посылалъ по совѣту всѣхъ старшинъ, а особенно писаря Карпа Мокріевича, полковника Ворошилу съ полкомъ его, велѣлъ ему: по Сожѣ учинить рубежъ для того, чтобы когда станутъ польскіе послы говорить съ боярами о рубежѣ, такъ малороссійскимъ жителямъ былъ бы уже тотъ рубежъ рѣкою Сожью по Днѣпръ. Я поступалъ такъ не самъ собою, а по совѣту всѣхъ началь-

ныхъ людей, которые знаютъ, что мѣста эти были въ нашемъ владѣніи до андрусовскаго договора, я о томъ писалъ къ его царскому величеству.

Ему возразили: — Коли бы, какъ ты говоришь, малороссійскіе жители владѣли мѣстами по рѣку Сожь, то для чего было тебѣ тѣ мѣста заѣзжать, минуя три года послѣ андрусовскаго договора? Притомъ рубежъ ты велѣлъ заѣхать по Сожь для того, говоришь, чтобъ рубежъ былъ по эту рѣку; а вѣдь городъ Гомель стоитъ за Сожью! Зачѣмъ же въ этотъ городъ велѣлъ ты людей ввести и городъ засѣсть?

Демьянъ сказалъ: — Въ томъ воля великаго государя. Хотя городъ Гомель за Сожью, только во время польской войны отъ того города малороссійскимъ жителямъ было великое утѣсненіе; для того-то я этотъ городъ велѣлъ занять малороссійскимъ жителямъ — такъ, что если бы отъ поляковъ впередъ сталась какая война, то малороссійскимъ жителямъ было бы тѣмъ городомъ береженіе великое, потому что тотъ городъ стоитъ за Сожью.

Его спросили: — Пріѣзжалъ къ тебѣ подьячій Михайло Савинъ, ты говорилъ ему: «какъ царь изволитъ насъ отдавать королю понемногу, такъ лучше бы уже всѣхъ разомъ отдалъ; король будетъ радъ, а царское величество насъ не защищаетъ, и еслибъ мы сами себя не боронили, такъ насъ бы поляки въ неволю побрали, а на московскихъ людей надѣяться нечего».

— Такихъ рѣчей не говорилъ! — отвѣчалъ Демьянъ.

Дали очную ставку съ Савинымъ. Демьянъ утверждалъ, что не помнитъ этого, а если что говорилъ, то, быть можетъ, въ пьяномъ состояніи («пьянымъ обычаемъ»).

Его продолжали допрашивать: «говорилъ ты полуголовѣ Танѣеву и подьячему Щоголеву, что государь

обѣщалъ полякамъ отдать Кіевъ и малороссійскіе городы въ вѣчную неволю и посрамленіе, а церкви Божіи на запустѣніе и разореніе и поэтому королевскіе послы не допустили сидѣть твоихъ посланцевъ въ посольской избѣ, называя ихъ своими холопами».

— Такихъ рѣчей я не говорилъ, — отвѣчалъ Демьянъ, — а вотъ какъ пришла царская грамата о Кіевѣ съ Василіемъ Бурковскимъ, то я сказалъ писарю Карпу: изволилъ государь насъ о Кіевѣ граматою своею обрадовать! писарь же молвилъ: «не само ты тому вѣрь; держи свой разумъ. Не такъ бы вышло, какъ прежде было, когда прислали царскую грамату при Брюховецкомъ, Войско Запорожское обнадежили, а потомъ князь Данило Степановичъ Великогагинъ вступилъ съ войскомъ, Золотаренка, Сомка и Силича побили. Вотъ, что я слышалъ отъ писаря и былъ въ сумнѣніи и отъ царскихъ войскъ въ опасеніи; въ томъ виноватъ, а измѣнять не думалъ!

— Зачѣмъ же, — сказали ему, — ты на писаря старшинамъ и войску не объявилъ и къ царскому величеству не написалъ? Тебѣ что о томъ опасеніе имѣть, что князь Великогагинъ съ войскомъ приходилъ? Онъ на раду присланъ былъ, а у васъ никогда рада совершенія не воспринимала безъ царскихъ ратныхъ людей. У васъ при выборѣ гетмана учинился бы на радѣ бой, кабы царскаго величества войскъ тамъ не было.

— Я человѣкъ простой, — сказалъ Демьянъ, — не писалъ великому государю — спроста; чаялъ, что писарь говоритъ правду, остерегаючи меня; въ томъ предъ великимъ государемъ виноватъ.

Изъ старшинъ болѣе всѣхъ старался вредить Многогрѣшному генеральный писарь Карпъ Мокріевичъ. Онъ показывалъ: «передъ нами всѣми, предъ генеральною

войсковою старшиною, говорилъ Демко̀ такія рѣчи: соберу коннаго войска тысячъ шесть и пойду войною на великороссійскіе городы, а весною ко мнѣ ханъ крымскій съ ордою прибудетъ на помощь. Задамъ тогда я москалямъ: поймаю за волосы ихъ лучшаго человѣка Артамона и ужь тогда буду знать, что̀ съ нимъ сдѣлать!»

Это написано было въ сказкѣ, поданной Мокріевичемъ. Прочитали эту сказку Демьяну Игнатовичу. Онъ сказалъ: — въ мысли у меня никогда не бывало собирать войско да идти войною на великороссійскіе городы и Артамона за волосы поймать! Не говорилъ я ничего такого. И про хана, чтобъ его ждать себѣ въ помощь — не говорилъ. Вольно писарю Карпу теперь это показывать: онъ со старшинами въ соумышленіи хочетъ меня погубить и для того такое про меня выдумываетъ!

Явился у разспроса нѣжинскій протопопъ и сказалъ: «какъ онъ, Демко̀, будучи гетманомъ, посылалъ меня къ царскому величеству, я предъ отъѣздомъ своимъ укрѣплялъ его, чтобъ держался милости царской; я напоминалъ ему, что́ сталось съ Бруховецкимъ, а онъ мнѣ сказалъ: поѣдь-ко ты въ Москву, такъ на Москвѣ будешь въ тюрьмѣ».

Демьянъ сознался, что было такъ, и винился.

Думные люди продолжали спрашивать подсудимаго: «говорилъ ты стрѣлецкому полуголовѣ, будто посланцевъ твоихъ не допускаютъ царскіе бояре для слушанія дѣлъ, чтобъ отдача Кіева и малороссійскихъ городовъ Войску Запорожскому невѣдома была».

— Не говорилъ, — отвѣчалъ Демьянъ.

Его продолжали допрашивать: «говорилъ ты — великій государь городъ Кіевъ не саблею взялъ, поддались вы ему добровольно и коли теперь не нуженъ ему Кіевъ, пусть выведетъ воеводъ и ратныхъ людей, а вы найдете

себѣ иного государя, и про Бруховецкаго говорилъ, что онъ много терпѣлъ отъ московской неправды, да и не утерпѣлъ?»

— Отнюдь ничего такого не говорилъ, — отвѣчалъ Демьянъ.

— Зачѣмъ, — спрашивали его, — Черниговъ большой городъ отъ малаго отгородить велѣлъ?

Демьянъ отвѣчалъ: «писарь мнѣ сказалъ, что слухъ пошелъ, будто войска царскія хотятъ городы малороссійскіе засѣсть. Я для осторожности велѣлъ отгородить».

Его продолжали допрашивать: «тому же Танѣеву и подьячему ты сказывалъ, будто польскимъ посламъ по договору дали 30,000 денегъ для найма войска на Дорошенка; вы же непродажные и некупленные: пойдете на Польшу войною, а какъ надъ польскимъ государствомъ что учинится, такъ и иному кому-то достанется. Еще тому же Танѣеву ты сказалъ, что никакимъ спискамъ, присланнымъ изъ Москвы, ты не повѣришь, что васъ только ласковыми словами утѣшаютъ, а правды не объявляютъ. Да еще о Колупаевѣ ты сказалъ: что коли пріѣдетъ, такъ пускай нездоровъ уѣдетъ, а Танѣеву грозилъ, что коли еще пріѣдетъ, такъ будетъ въ Крыму; да еще говорилъ, что коли польскіе послы, набравши въ Москвѣ денегъ, пойдутъ черезъ вашу землю, то козаки казну у нихъ раздѣлятъ. Говорилъ ли ты все это? Скажи теперь правду и вину свою великому государю принеси чистымъ сердцемъ».

Демьянъ все отрицалъ.

Его спрашивали: «зачѣмъ ты велѣлъ Неѣлову ставить на воротахъ стрѣльцовъ только человѣкъ по тридцати, когда прежде ихъ ставилось по сту и больше? Зачѣмъ обозному Забѣлѣ и другимъ старшинамъ запрещалъ сходиться съ Неѣловымъ и челядниковъ своихъ подсылалъ

надсматривать за ними, чтобъ не сходились съ московскими людьми? Дѣлалъ ты такъ? скажи правду».

Демьянъ объяснялъ такъ: — Одинъ разъ, шедши въ церковь, я спросилъ — есть ли караульщики? Мнѣ отвѣчали: два человѣка пятидесятниковъ, а съ ними стрѣльцовъ человѣкъ со сто. Я спросилъ: нѣтъ ли въ кормахъ скудости? Отвѣчали — нѣтъ, а только много слишкомъ ставится караульщиковъ, и то имъ досадно и скорбно. Я, поговоривши съ Неѣловымъ, велѣлъ стрѣльцовъ на караулахъ убавить; старшинамъ же не заказывалъ сходиться съ московскими людьми и челядниковъ не посылалъ надсматривать за ними.

Ему сказали: «на тебя сообща всѣ старшины показываютъ, что ты измѣнилъ великому государю, посылалъ къ Дорошенку чернецовъ, и тѣ именемъ твоимъ присягу учинили, а Дорошенко присылалъ въ Батуринъ своихъ посланцевъ съ образомъ, и ты передъ ними присягалъ и Дорошенку далъ на заплату войску 24,000 ефимковъ. Говорятъ на тебя, что ты во всѣхъ полкахъ учинилъ начальными людьми своихъ свойственниковъ и единомышленниковъ и во всѣ полки писалъ универсалы, чтобъ всѣ шли въ осаду».

Демьянъ отвѣчалъ: — Чернецовъ я къ Дорошенку не посылалъ и Дорошенко ко мнѣ Спасова образа не присылывалъ, а присылалъ ко мнѣ онъ Семена Тихаго возвратить жителей, взятыхъ на сей сторонѣ татарами: двадцати-четырехъ тысячъ ефимковъ Дорошенку я не давалъ; съ початку гетманства моего такого большаго числа ефимковъ у меня не было, даже и двухъ тысячъ левковъ въ сборѣ не было. А полковниковъ я перемѣнялъ съ согласія старшинъ.

Допрашивали его далѣе: «сказываютъ, созывалъ ты старшинъ, и говорилъ имъ, будто царь писалъ къ

тебѣ, чтобъ ты старшинъ прислалъ въ Москву, а оттуда сошлютъ ихъ въ Сибирь; ты для того и животы свои вывозилъ въ монастырь, хотѣлъ самъ изъ Батурина ѣхать въ Лубны и слухъ пустилъ, будто ѣдешь Богу молиться къ Кіевъ; ты же Степану Гречаному приказывалъ писать, будто дѣлалось на Москвѣ такое, чего тамъ вовсе и не бывало, чтобы потомъ прочитать козакамъ и говорить — вотъ какъ Москва обманчива! такъ ли было»?

Демьянъ отвѣчалъ: — никакихъ такихъ рѣчей я не говорилъ, не подговаривалъ Гречанаго писать ложное и животовъ не вывозилъ, — да и нечего было: у меня всего было только полторы тысячи золотыхъ червонныхъ да 60 злотыхъ. Хотѣлъ точно ѣхать въ Кіевъ на богомолье, а не въ Лубны и не для свиданія съ Дорошенкомъ.

— А правда ли, — спрашивали его, — что ты Дмит рашку Райчу призывалъ къ себѣ ночью и толковалъ съ нимъ, какъ царскихъ людей побивать.

— Не было этого, — отвѣчалъ Демьянъ, — а съ Дмитрашкою мы дарились по свойству: я ему подарилъ лукъ, а онъ мнѣ лубье (колчанъ).

— Зачѣмъ, — спрашавали его, — посылалъ ты игумена Ширкевича въ Вильну за какимъ-то лекаремъ?

Демьянъ объяснилъ: «игумена я не посылалъ, а онъ самъ ѣздилъ по своему дѣлу, не въ Вильну, а въ Могилевъ; по этому случаю просилъ я для меня достать лекаря, и онъ мнѣ лекаря привезъ».

Поставили на очную ставку съ Демьяномъ Танѣева и Щеголева. Они уличали его, увѣряли, что все, записанное ими въ ихъ статейный списокъ, слышали они отъ гетмана.

Демьянъ все отрекался.

Спрашивали подсудимаго о похвалкахъ передъ стар-

шинами: ка̀къ онъ пойдетъ на великороссійскіе городы войною; ка̀къ прибудетъ къ нему въ помощь ханъ съ ордою; что лучше-де жить подъ властью турскаго султана, чѣмъ московскаго царя; что Москва, вмѣстѣ съ поляками, хочетъ истребить малороссійскихъ жителей, что онъ дастъ Москвѣ отпоръ какъ Александръ Македонскій; ка̀къ онъ хотѣлъ Дорошенкову дочь сговорить за своего племянника и для этого пріѣзжалъ къ нему отъ Дорошенка Куницкій.

Демьянъ отвѣчалъ: — Ничего такого не говорилъ я. Затѣяли на меня все это старшины: не любятъ они меня и хотятъ отлучить отъ царской милости. Куницкій точно пріѣзжалъ ко мнѣ: Дорошенко черезъ него передавалъ мнѣ, что хочетъ быть подъ рукою царскаго величества, только опасается, чтобъ царь не выдалъ его польскому королю, а я увѣрялъ Куницкаго, что великій государь Дорошенка польскому королю не выдастъ.

«Демко, — сказали думные люди, — принеси свою вину передъ великимъ государемъ чисто, — скажи правду: какъ ты съ Дорошенкомъ ссылался объ измѣнѣ? Скажи: кто вѣдалъ про твой совѣтъ съ нимъ? Объяви: на чемъ у тебя съ Дорошенкомъ постановлено было иного государя искать, и если хотѣли вы быть у турскаго султана въ подданствѣ, то на какихъ статьяхъ? Про все скажи правду и вину свою великому государю принеси истинно. А буде правды не скажешь и вины своей великому государю не принесешь, то его царское величество укажетъ тебя въ твоемъ воровствѣ пытать».

Многорѣшный продожалъ твердить прежнее:

«Никогда не думалъ я измѣнять великому государю и искать иного государя. Съ Дорошенкомъ ссылался я о дружбѣ, чтобъ онъ на нашу сторону войною не ходилъ и людей не посылалъ, и онъ то обѣщалъ мнѣ. А чтобъ

Дорошенко меня подводилъ въ подданство турскому султану, — того никогда не бывало. Говорю правду: готовъ не только идти на пытку, а хоть и смерть принять».

«А вотъ, — сказали ему, — генеральный обозный и всѣ старшины показываютъ на тебя, что ты безпрестанно велъ ссылки съ Дорошенкомъ, — хотѣлъ измѣнить царю и отдаться турскому султану, и многія рѣчи неистовыя противъ царскаго величества и похвалки на московское государство говорилъ. Да ты и самъ въ такихъ рѣчахъ не заперся, что, можетъ быть, и говорилъ съ-пьяна. Дорошенко присылалъ къ тебѣ письмо и инструкцію съ своимъ войсковымъ товарищемъ Исайею Андрѣенкомъ, и письмо его писано закрытыми словами».

Ему прочитали письмо Дорошенка и инструкцію.

Демьянъ замѣтилъ:

«Въ этомъ писаніи дѣло идетъ только о томъ, чтобъ намъ въ дружбѣ жить съ Дорошенкомъ и ему черезъ Днѣпръ ни самому съ войскомъ не переходить — и войска не посылать для войны въ область его царскаго величества. Если-жъ я по-глупости, съ-пьяна сказалъ что-нибудь нехорошее, — въ томъ надо мною воленъ великій государь».

«Если бы, — сказали ему думные люди, — у тебя съ Дорошенкомъ ссылка была только о томъ, чтобъ ему Дорошенку, не ходить войною въ наши города, такъ отчего же тебѣ не пересылать было всѣхъ Дорошенковыхъ писемъ къ великому государю»?

Демьянъ сказалъ: — Человѣкъ я простой и неученый; положено была это дѣло на войсковаго писаря; онъ долженъ былъ всѣ получаемыя письма посылать къ великому государю, а онъ ихъ не посылалъ оттого, что старшины умыслили отлучить меня отъ царской милости и взвести на меня измѣну. У нашей старшины всегда такъ

ведется: какъ захотятъ учинить надъ гетманомъ какое-нибудь зло, тотчасъ подведутъ его. Я человѣкъ простой. Можетъ быть и Дорошенко меня обольстилъ, что хотѣлъ со мной быть въ дружбѣ, обѣщалъ на сю сторону Днѣпра войною не ходить и къ царскому величеству радѣть; я ему повѣрилъ, а измѣны никакой не мыслилъ. Въ той моей пересылкѣ съ Дорошенкомъ воля его царскаго величества».

Поставили еще обвинителя — батуринскаго атамана Ярему Андрѣенка. Онъ у пытки объявилъ: «Посылалъ меня Демко къ Дорошенку и при Дмитрашкѣ Райчѣ молвилъ мнѣ: «скажи Дорошенку, что двое за одинъ кожухъ торгуются». Я спросилъ его: что́ это слово значитъ? Демко отвѣчалъ: «скажи Дорошенку такъ, какъ я тебѣ велѣлъ, — онъ знаетъ, что́ это слово значитъ». Тогда Демко далъ мнѣ письмо къ Дорошенку. Я къ Дорошенку пріѣхалъ, письмо отдалъ и сказалъ то, что́ велѣлъ сказать Демко. Дорошенко сказалъ: «знаю я, что̀ это слово значитъ — двое за одинъ кожухъ торгуются». Какъ Дорошенко меня отпустилъ, то вмѣстѣ со мною прислалъ къ Демку̀ своего посланца — Луговскаго. Луговскій, ѣдучи со мною, говорилъ, что везетъ письмо отъ Дорошенка къ Демку́, а пріѣхавши сказалъ Демку̀, что Дорошенко ему письма не далъ, а приказалъ что-то передать словами.

Судившіе Демьяна спрашивали: «За какимъ дѣломъ посылалъ ты Ярему къ Дорошенку, и что́ значитъ слово: двое за одинъ кожухъ торгуются?»

Демьянъ сказалъ:

«Я посылалъ Ярему не одинъ разъ къ Дорошенку, а трижды, можетъ быть, и четырежды, и все объ одномъ писалъ, чтобъ онъ жилъ со мною въ согласіи, — на сю сторону Днѣпра войною не ходилъ, зацѣпокъ и задовъ

чинить не велѣлъ. А того, что двое за одинъ кожухъ торгуются, — я не помню».

Поставили на очную ставку Ярему съ Демкомъ. Ярема уличалъ Демка̀. Демко твердилъ, что ничего не помнитъ.

Повели Демка къ пыткѣ, раздѣли, продѣли руки въ страшный московскій «хомутъ», привязали ремнями руки и ноги къ противоположнымъ между собою столбамъ, такъ-что все тѣло пытаемаго болталось на воздухѣ. Дали 19 ударовъ кнутомъ. Демко, человѣкъ нервный и раздражительный, какъ всегда бываетъ съ подобными натурами, не могъ выдержать мученій съ твердостью и сознался, что дѣйствительно говорилъ: тяжело ему въ подданствѣ бытъ у Москвы! Въ такомъ смыслѣ онъ точно выражался въ разговорѣ съ Танѣевымъ — и трудно было ему теперь запираться. Но онъ стоялъ непоколебимо на томъ, что, сносясь съ Дорошенкомъ, не думалъ измѣнять законному государю и поддаваться турскому султану. Подъ пыткою допрашивали его, что̀ значатъ слова; «двое за одинъ кожухъ торгуются?» Демьянъ сказалъ: «Это значитъ, что поляки хотятъ овладѣть Кіевомъ, а царь не отдаетъ его».

Недовольство подданствомъ Москвѣ, въ которомъ сознался подсудимый, признано было явнымъ признакомъ измѣны. Не вынимая изъ хомута, его спрашивали;

«Объяви: кто вѣдалъ твои мысли и кто былъ съ тобою въ совѣтѣ?»

«Никто, — отвѣчалъ Демко́. — не былъ со мною въ совѣтѣ. Мыслилъ я одинъ».

Ему дали нѣсколько ударовъ, думая вымучить у него иное сознаніе, и спрашивали:

«Былъ ли съ тобою въ совѣтѣ Матвѣй Гвинтовка?

Старшины показываютъ, что это былъ твой задушевный другъ и совѣтникъ?»

«Гвинтовка въ измѣнѣ не былъ, — за нимъ ничего не знаю», сказалъ Демьянъ.

Сняли Демьяна съ пытки. Принялись за Гвинтовку. Его спрашивали:

«Какъ Демко́ забылъ Господа Бога и великаго государя къ себѣ милость и жалованье, учалъ мыслить объ измѣнѣ, ты о той измѣнѣ вѣдалъ. Для чего къ великому государю о томъ не написалъ и старшинамъ не объявлялъ?»

Гвинтовка сказалъ:

«Никакой за Демкомъ измѣны я не вѣдалъ и въ совѣтѣ съ нимъ о такой измѣнѣ не былъ».

Повели Гвинтовку къ пыткѣ, раздѣли, руки заложили въ хомутъ, стали бить кнутомъ, «крѣпко и съ большимъ пристрастіемъ разспрашивали про Демкову измѣну».

Гвинтовка на пыткѣ говорилъ одно:

«За Демкомъ измѣны не вѣдаю, самъ измѣнять великому государю не мыслилъ и служилъ его царскому величеству вѣрно».

Сняли Гвинтовку. Принялись допрашивать сына Гвинтовки.

«Я ни за своимъ отцомъ, ни за Демкомъ измѣны не знаю; да и вѣдать я не могъ, въ какихъ совѣтахъ былъ мой отецъ съ гетманомъ, потому что я у отца жилъ мало, — учился въ школѣ при монастырѣ».

Молодаго Гвинтовку не пытали. Но подвергли вторичной пыткѣ бѣднаго Демьяна Игнатовича. Его спрашивали подъ кнутомъ:

«Принеси свою вину великому государю безо всякія лжи, признайся во всемъ: ка̀къ ты хотѣлъ измѣнить ве-

ликому государю и поддаться турскому султану, и какъ о томъ съ Дорошенкомъ ссылку держалъ?»

Демьянъ подъ ударами кнута говорилъ одно:

«Не думалъ я измѣнять великому государю, не думалъ поддаваться турку. Воленъ Богъ и государь» [1]).

Былъ обвиняемъ, какъ участникъ въ недозволительныхъ выходкахъ гетмана и въ измѣнническихъ замыслахъ братъ Демьяна, Василій Многогрѣшный. Въ малороссійскій приказъ досталось письмо, писанное къ нему отъ митрополита Іосифа Тукальскаго. Митрополитъ благодарилъ Василія Многогрѣшнаго за присланнаго коня и хвалилъ Василія за то, что желаетъ, чтобъ митрополитъ жилъ въ соборѣ кіевскихъ митрополитовъ.

Прежде спрошенный объ этомъ письмѣ Демьянъ отозвался, что онъ о письмѣ не вѣдаетъ; но ему извѣстно, что Василій, братъ его, посылалъ митрополиту и архіепископу Лазарю Барановичу въ подарокъ по лошади, послѣ того, какъ по челобитью духовныхъ властей, патріархъ александрійскій Паисій, проѣзжавшій черезъ Малороссію въ Москву и обратно, разрѣшилъ его отъ эпитиміи, наложенной за убійство жены, и Василію дозволено было въ другой разъ жениться.

6-го мая подвергнутъ былъ допросу Василій Многогрѣшный, вмѣстѣ съ генеральнымъ асауломъ Грибовичемъ.

Судившіе сказали Василію Многогрѣшному:

«По доносу старшинъ, ты обвиняешься въ томъ, что зналъ объ измѣнѣ, затѣваемой братомъ твоимъ, бывшимъ гетманомъ».

Василій Многогрѣшный отвѣчалъ:

«Объ измѣнѣ брата моего ничего не знаю, и онъ

---

[1]) А. Ю. и З. Р., т. X, стр. 760—781

мнѣ о томъ не говорилъ и не писалъ. Что онъ съ Дорошенкомъ ссылался — это я знаю, но о чемъ ссылался — про то не знаю. Я спрашивалъ брата: зачѣмъ онъ ссылается съ Дорошенкомъ, а братъ сказалъ, что то дѣлается по указу великаго государя. Я, слыша такія рѣчи отъ брата, писалъ къ митрополиту Тукальскому, чтобъ онъ отводилъ Дорошенка отъ польской стороны къ великому государю».

Ему показали семь писемъ, писанныхъ къ черниговскому наказному полковнику Леонтію Полуботку. Въ одномъ изъ нихъ приказывалъ онъ держать въ тюрьмѣ безчинствовавшихъ въ Черниговѣ великороссіянъ до гетманскаго указа, а потомъ, извѣщая, что гетманъ велѣлъ выпустить ихъ изъ тюрьмы, поручалъ одного изъ нихъ, подъячаго, передъ выпускомъ изъ тюрьмы пытать [1]), подъ тѣмъ предлогомъ, будто онъ хотѣлъ уйти. Это, какъ оказывалось изъ письма, дѣлалось надъ подъячимъ изъ мести за то, что послѣдній грозилъ козакамъ носить ихъ кафтаны.

Василій Многогрѣшный сознался въ этомъ.

Въ другихъ письмахъ Василій не велѣлъ пропускать хлѣбныхъ запасовъ, которые черниговскій воевода приказалъ возить для отсылки польскому полковнику Пиво. Спрашивали его по этому поводу. Василій Многогрѣшный объяснилъ: «я не приказалъ возить польскимъ людямъ хлѣбныхъ запасовъ, потому что гетманъ, братъ мой, запрещалъ покупать въ лѣвобережной Украинѣ пріѣзжимъ съ польской стороны и увозить за Днѣпръ хлѣбъ, по причинѣ возникшей дороговизны, а когда гетманъ

---

[1]) «Подъячаго, вынявъ изъ тюрьмы и давъ вину надгнети животовъ, кіями не бей, чтобы не было синятвины, но такъ подержи въ рукахъ, чтобъ не забывъ до вѣка».

разрѣшилъ — и я велѣлъ пропускать. Дѣлалъ я это не съ худымъ умысломъ, не для измѣны».

«А если ты, — спросили судившіе, — объ измѣнѣ брата твоего, Демка̀, не вѣдалъ и самъ не хотѣлъ измѣнить, зачѣмъ же, оставивши свое полковничество, убѣжалъ изъ Чернигова и надѣлъ на себя черническое платье?»

Василій Многогрѣшный сказалъ:

«Черниговскій воевода приказалъ на городовое строеніе лѣсъ навозить и государевы люди стали отъ насъ опаску имѣть. Слухъ пошелъ, что начальные московскіе люди въ за̀мкѣ пульки льютъ, а шляхтичъ Половецкій, перешедшій съ правой стороны Днѣпра на нашу сторону, говорилъ мнѣ, будто государевы ратные люди для того пульки льютъ, что хотятъ съ нами биться. Я этого шляхтича послалъ къ брату, а братъ прислалъ его обратно ко мнѣ, и вмѣстѣ съ нимъ прислалъ «выростка» Ивана. Черезъ него братъ приказалъ мнѣ не попускать чинить задоръ съ воеводою и государевыми людьми, пока не воротится изъ Москвы протопопъ Симеонъ съ государевымъ указомъ. Тотъ Иванъ выростокъ мнѣ тайно сказалъ: пріѣхалъ изъ Москвы въ Батуринъ чернецъ и говорилъ, будто приказано Демка̀ схватить и въ Москву отослать и будто братъ-гетманъ сказалъ: «пусть будетъ воля Божія, а я ничего не опасаюсь». На другой день воевода прислалъ ко мнѣ полуполковника звать къ себѣ. Полуполковникъ звалъ меня такъ сурово, что я началъ догадываться, — видно, какъ сказывалъ чернецъ, и впрямь брату что-то нездорово. Осѣдлалъ я лошадь и поѣхалъ-было въ городъ къ воеводѣ; вижу — изъ города прямо противъ меня идутъ пѣшіе москали съ ружьями и бердышами. Я, какъ увидѣлъ государевыхъ ратныхъ людей, испугался, убѣжалъ въ Елецкій монастырь и сталъ со-

вѣтоваться съ архимандритомъ Голятовскимъ: что́ мнѣ дѣлать? — бѣжать ли куда подалѣе, или къ воеводѣ ѣхать? Архимандритъ сказалъ: какъ себѣ хочешь. Я изъ монастыря поѣхалъ за Десну и пріѣхалъ въ Никольскій монастырь; тамъ у одного старца — имени его не знаю — взялъ чернеческую ряску, а свое платье и лошадь оставилъ въ монастырѣ. Я хоронился по разнымъ мѣстамъ, — наконецъ, пришелъ въ Максаковскій монастырь къ игумену Ширкевичу; игуменъ далъ мнѣ старца и челядника и велѣлъ проводить меня въ лодкѣ рѣкою Десною до Кіева. Такъ я добрался до Братскаго монастыря, пришелъ къ отцу ректору и сталъ просить, чтобъ онъ меня прихоронилъ. Ректоръ обѣщалъ прихоронить, а вмѣсто того пошелъ и объявилъ кіевскому воеводѣ; кіевскій воевода взялъ и меня, и старца, и служку, что́ провожали меня изъ Максаковскаго монастыря, да и отправилъ всѣхъ въ Москву».

Его спрашивали: куда хотѣлъ ты бѣжать изъ Братскаго монастыря? на которые городы и мѣста? Къ Дорошенку и Тукальскому? Что̀ думалъ у нихъ дѣлать?

Василій отвѣчалъ:

— Я не хотѣлъ никуда бѣжать; ухоронившись въ чернеческомъ платьѣ, хотѣлъ жить въ Братскомъ монастырѣ. У Дорошенка и Тукальскаго мнѣ дѣлать было нечего, и я къ нимъ не хотѣлъ бѣжать.

— Зачѣмъ, — спрашивали его, — ты по письму брата своего приказалъ отгородить большой городъ Черниговъ отъ малаго города, гдѣ жили воевода и государевы ратные люды? Какое дурно хотѣлъ ты учинить надъ воеводою и государевыми ратными людьми?

Василій Многогрѣшный отвѣчалъ:

— Не отгораживалъ я большаго города Чернигова отъ малаго, не думалъ чинить никакого дурна воеводѣ

и государевымъ ратнымъ людямъ, письма отъ брата о томъ мнѣ не было и объ измѣнѣ брата моего я не зналъ и не знаю. А въ чемъ по своимъ письмамъ я великому государю виноватъ, пусть въ томъ будетъ его царская воля, только измѣнять я не хотѣлъ и не мыслилъ [1]).

Подвергнутый допросу старецъ Максаковскаго монастыря, который сопровождалъ Василія Многогрѣшнаго въ кіево-братскій монастырь, показалъ, что Василій просилъ ректора отправить его къ митрополиту Тукальскому, надѣясь, что Тукальскій будетъ къ нему добръ и вспомнитъ, какъ Василій, будучи въ полковникахъ, присылалъ ему въ подарокъ лошадь и червонцы. Ректоръ обѣщалъ сдѣлать все по желанію Василія послѣ Свѣтлаго праздника, но въ великую суботу доложилъ о немъ воеводѣ.

— Какъ же, — сказали судившіе: — ты, Василій, въ своихъ рѣчахъ утаилъ про Тукальскаго и, значитъ, про свой побѣгъ правды не сказалъ?

Василій Многогрѣшный, не допуская себя до пытки, сознался. — «Виноватъ, — сказалъ онъ: — хотѣлъ бѣжать къ Тукальскому отъ великаго страха и просить, чтобъ митрополитъ меня у себя ухоронилъ и въ сторону царскаго величества не отдалъ. А чтобъ, собравшись съ кѣмъ-нибудь войну вести, такого вымысла у меня не было. Еслибъ я и хотѣлъ такъ поступать, то не могъ бы: Дорошенковъ писарь Воеховичъ мнѣ великій недругъ. Да и до войны ли мнѣ было, — лишь бы отъ великихъ бѣдъ голову свою ухоронить! Я хотѣлъ, все покинувъ, постричься. Всю вину свою предъ государемъ я сказалъ и больше того говорить мнѣ нечего. Во всемъ пусть будетъ воля великаго государя [2]).

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. X, стр. 782—791.
[2]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. X, стр. 796—799.

Спрошенный асаулъ Павелъ Грибовичъ не показалъ ничего обличающаго Демьяна Многогрѣшнаго въ измѣнѣ, и заявлялъ, что ничего не зналъ и не вѣдалъ о непристойныхъ рѣчахъ гетмана.

Допрошенные дорошенковы посланцы, задержанные въ Батуринѣ, объявили, что они — дорошенковы дворовые люди и пріѣзжали къ Многогрѣшному просить дозволенія продать лошадей, а на вырученныя деньги накупить матеріаловъ для церковнаго строенія [1]. Ихъ показанія не представили ничего къ обвиненію Многогрѣшнаго и его соучастниковъ.

Государь, сохраняя права малороссійскаго народа, сперва указалъ отправить бывшаго гетмана съ другими прикосновенными къ его дѣлу лицами въ Малороссію и отдать мѣстному войсковому суду. Но 20-го мая прибылъ въ Москву посланецъ отъ временнаго малороссійскаго правительства, сынъ генеральнаго обознаго Степанъ Забѣла съ батуринскимъ сотникомъ Григоріемъ Карпенкомъ, который прежде ѣздилъ отъ Многогрѣшнаго къ Дорошенку и теперь отправляемъ былъ нарочно для того, чтобъ уличать Многогрѣшнаго [2]. Съ ними старшины присылали челобитную отъ 13-го мая: объясняли, что какъ только разнеслась вѣсть о намѣреніи государя прислать Демка въ Малороссію на войсковой судъ, то сдѣлалось смятеніе, и они теперь просятъ не посылать Демка̀ въ Украину, а совершить надъ нимъ достойную казнь въ Москвѣ.

Гетманъ Демьянъ Многогрѣшный и братъ его осуждены были на смертную казнь. 28-го мая въ Москвѣ, на Болотѣ, за кузницами, назначено было исполненіе

---

[1]) А. Ю. и З. Р., т. X, стр. 791—795.
[2]) Акты Южн. и Зап. Рос., т, IX, стр, 890.

приговора. Многочисленное было стеченіе народа, обыкновенно склоннаго глазѣть на подобныя зрѣлища. Вывели осужденныхъ братьевъ, прочитали имъ роковой приговоръ. Въ этомъ приговорѣ, обращенномъ къ лицу «измѣнника и клятвопреступника Демкà Игнатова», говорилось, что Демьянъ Игнатовъ забылъ Господа-Бога и прежнее государево къ себѣ жалованье и умыслилъ отдаться турскому султану, чтобъ невинныхъ христіанъ отдать въ вѣчную и нестерпимую бусурманскую неволю, ссылался объ этомъ съ гетманомъ той стороны Днѣпра Дорошенкомъ и на томъ учинилъ съ нимъ присягу. Ему ставили въ осужденіе еще и то, что онъ хотѣлъ поссорить великаго государя съ братомъ его, польскимъ королемъ, овладѣлъ неправильно нѣкоторыми мѣстами въ повѣтахъ Мозырскомъ и Рѣчицкомъ и ложно сообщалъ царю, будто это сдѣлалось по приговору старшинъ. Сверхъ того, говорилъ онъ въ Батуринѣ московскимъ присланнымъ людямъ — подьячему Михаилу Савину, стрѣлецкому полуголовѣ Александру Танѣеву и подьячему Щоголеву непристойныя рѣчи о царскомъ величествѣ, будто царь хочетъ Кіевъ и всѣхъ малороссійскихъ жителей отдавать польскому королю, грозилъ послѣ Пасхи идти войною на Московское государство въ соединеніи съ турками и татарами, воровски увѣрялъ старшинъ, будто царь хочетъ сослать ихъ въ Сибирь, приводилъ переяславскаго полковника Дмитрашку Райчу къ присягѣ, чтобы царскихъ ратныхъ людей въ малороссійскихъ городахъ побивать, объявлялъ старшинамъ, что не хочетъ быть у царя въ подданствѣ и приказалъ не пропускать въ Кіевъ и другіе малороссійскіе города гонцовъ съ вѣстовыми письмами. Старшины, не допуская до конечной измѣны, поймали его и доставили въ Москву, а онъ подъ пыткою «во всѣхъ своихъ измѣнныхъ словахъ винился».

По желанію старшинъ, полковниковъ, всего Войска Запорожскаго сей стороны Днѣпра со всѣмъ народомъ малороссійскимъ, великій государь указалъ ему учинить смертную казнь.

Василій Многогрѣшный, въ прочитанномъ приговорѣ, осуждался за участіе въ измѣнѣ брата; уликами въ такомъ участіи признавалось то, что онъ отгородилъ черниговскій зa̍мокъ отъ города, приказывалъ держать въ тюрьмѣ великороссійскихъ ратныхъ людей, не велѣлъ пропускать запасовъ, закупленныхъ черниговскимъ воеводою, ссылался съ Тукальскимъ и, узнавши о взятіи подъ караулъ своего брата гетмана, переодѣлся въ черническое платье и ушелъ въ кіево-братскій монастырь, намѣреваясь оттуда бѣжать за Днѣпръ, къ митрополиту Тукальскому.

Головы осужденныхъ Демьяна и Василія уже положили на плахи, вдругъ прибѣжалъ царскій гонецъ, стрѣлецкій сотникъ Ѳедоръ Меркуловъ. Онъ всенародно объявилъ, что «великій государь, по упрошенію дѣтей своихъ, царевичей Ѳеодора и Іоанна Алексѣевичей, пожаловалъ измѣнниковъ и клятвопреступниковъ Дёмку и Ваську, не велѣлъ казнить смертію, а указалъ ихъ сослать въ Сибирь съ ихъ семьями».

Сняли съ плахи осужденныхъ и отвезли въ малороссійскій приказъ.—Кромѣ Демьяна и Василія Многогрѣшныхъ опредѣлены были для отправки въ Сибирь: бывшій войсковой асаулъ Павелъ Грибовичъ и бывшій нѣжинскій полковникъ Матвѣй Гвинтовка съ сыновьями своими Евфимомъ и Ѳедоромъ; хотя эти лица ни въ чемъ не были осуждены, но ссылались въ Сибирь потому только, что были друзьями Демьяна Многогрѣшнаго, и малороссійскіе старшины не хотѣли ихъ держать въ отечествѣ.

На другой день объявлено было, что великій госу-

дарь велѣлъ дать на милостыню Демку 15 рублей, а Васькѣ 10 рублей, прочимъ по пяти рублей и возвратить имъ бывшую съ ними рухлядь. Эта рухлядь у самого гетмана состояла изъ выбойчатой постели, подложенной кумачомъ, двухъ подушекъ, шелковаго пояса, голубаго кафтана, лисьяго мѣха, жестяной кружки, деревянной посуды: стакана, чашки, блюда и солонки, склянки и муравленаго горшечка, да рубахи съ портками. Все имущество Многогрѣшнаго, которое вообще было невелико, приказано было обратить на церковное строеніе, такъ какъ бывшій гетманъ обѣщалъ построить въ Братскомъ монастырѣ церковь и устроить тамъ школу, да сверхъ того началъ строить церкви въ Нѣжинѣ и въ Батуринѣ. О присылкѣ семействъ, осужденныхъ для препровожденія ихъ въ Сибирь, посланъ былъ указъ въ Малороссію. Къ Демьяну присланы были: жена его Анастасія, сыновья Петръ и Иванъ, дочь, называемая по однимъ Елена, по другимъ Марина, племянникъ Михайло и двѣ работницы. Ихъ всѣхъ отправили въ Тобольскъ, гдѣ приказали держать скованными за крѣпкимъ карауломъ, а потомъ разослать по разнымъ городамъ, поверставши въ козачью службу. Павелъ Грибовичъ ушелъ съ дороги и это отягчило участь остальныхъ [1]).

Дорошенко, узнавши о несчастіи, постигшемъ Многогрѣшнаго, писалъ кіевскому воеводѣ, что гетманъ Демьянъ Игнатовичъ сносился съ нимъ и находился съ нимъ въ дружбѣ, «*не для якои здрады, якъ удаютъ самі превратныи головы, але для стверженя добрыхъ рѣчей православнаго христіанства къ вѣкупомной славѣ его царскаго величества*»; злые люди оклеветали пана Демьяна Игнатовича, доброжелательнаго его царскому вели-

---

1) А. Ю. и З. Р., IX, 759 — 814.

честву человѣка, и, внезапно низложивши его съ гетманскаго уряда, неизвѣстно куда дѣли. Если въ этомъ дѣлѣ не будетъ разсмотрѣнія царскаго величества, то я увѣренъ, что Богъ на каждомъ взыщетъ за его невинность. Но такое заступничество Дорошенка могло только расположить московскія власти къ тому, чтобы смотрѣть на Демьяна, какъ на измѣнника: въ числѣ главнѣйшихъ уликъ въ измѣнѣ поставлено было его дружелюбное сношеніе съ Дорошенкомъ.

Каждый, прочитавши все производство суда надъ Многогрѣшнымъ, не можетъ не придти къ тому убѣжденію, что этотъ человѣкъ потерпѣлъ совершенно безвинно, единственно только по несдержанности своего характера, за произнесеніе въ пьяномъ видѣ рѣзкихъ, хотя, надобно правду сказать, и правдивыхъ словъ. Онъ своею вспыльчивостью и раздражительностью вооружилъ противъ себя старшинъ, и они рѣшились поступить съ нимъ съ безпримѣрною наглостью, надѣясь, что выходки гетмана въ присутствіи царскихъ гонцовъ достаточно вооружатъ противъ него московскія власти. Они не ошиблись. Успѣхъ увѣнчалъ самое вопіющее дѣло. Подчиненные, безъ всякаго слѣдствія, суда и верховнаго указа, хватаютъ утвержденнаго царскою властью главу края, везутъ въ столицу, предаютъ суду и получаютъ за то высочайшую похвалу и одобреніе. Нельзя не поражаться страннымъ безправіемъ, господствовавшимъ тогда въ московскомъ правительствѣ, не говоря уже о томъ, что, по допросу, гетманъ и его сообщники не оказались виновными ни въ какихъ противозаконныхъ дѣлахъ; если бы даже они были виновны, то все-таки самовольное взятіе ихъ подъ караулъ было преступленіе, достойное наказанія. Что малороссійскій народъ не сочувствовалъ такому беззаконному поступку, показываетъ отписка князя Ро-

модановскаго, отъ 12-го іюня 1672 года, о народномъ волненіи, когда генеральные старшины боялись, что ихъ побьютъ.

О судьбѣ несчастнаго Многогрѣшнаго мы знаемъ, что онъ былъ сосланъ въ Селенгинскъ, поверстанъ въ дѣти боярскія и жилъ долго. Въ 1688 году, вмѣстѣ съ сыномъ Петромъ Демьяновичемъ, онъ содѣйствовалъ полномочному русскому послу Головину въ усмиреніи табунутовъ и въ разбитіи мунгаловъ. Дочь Многогрѣшнаго была въ замужствѣ за сибирскимъ дворяниномъ Иваномъ Бейтаномъ, была жива еще въ 1726 году, а внука была за священникомъ селенгинской Спасской церкви Игнатіемъ Боршевскимъ [1]).

Гетманство Многогрѣшнаго не осталось безъ вліянія на исторію Малороссіи того времени. Принявши правленіе въ такое время, когда лѣвобережная Украина распадалась, онъ съ большимъ усиліемъ добился до того, что соединилъ ее снова. Онъ потомъ началъ пытаться дружелюбнымъ отношеніемъ съ Дорошенкомъ охранять ее отъ грозившихъ ей ударовъ съ правой стороны Днѣпра, и тутъ-то неизбѣжно встрѣтились его попытки съ пагубными слѣдствіями андрусовскаго договора. По своему открытому нраву, Многогрѣшный высказывалъ Москвѣ прямо то, что́ чувствовалъ и думалъ: прямота и смѣлость его Москвѣ пришлись не по вкусу; тотчасъ воспользовались этимъ домашніе враги и погубили его.

---

[1]) Ист. М. Р., II, 126.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЕТМАНСТВО САМОЙЛОВИЧА [1]).

I.

Предварительное совѣщаніе въ Батуринѣ старшинъ козацкаго сословія объ избирательной радѣ. — Челобитная ихъ, посланная въ приказъ съ Лисенкомъ. — Сѣрко схваченъ въ полтавщинѣ. — Распоряженія въ Москвѣ о предстоящей радѣ. — Смятеніе въ Малороссіи 26-го мая. — Ромодановскій идетъ въ Малороссію. — Толки о мѣстѣ отправленія рады. — Избирательная рада въ Козачей Дубровѣ. — Извѣстіе о рожденіи Петра Алексѣевича. — Избраніе въ гетманы Ивана Самойловича. — Отправка Сѣрка въ Москву. — Выборъ нѣкоторыхъ новыхъ старшинъ.

Въ апрѣлѣ 1672 года, по возвращеніи изъ Москвы Карпа Мокріевича, собрались въ Батуринѣ значные люди козацкаго сословія — генеральные старшины, полковники, полковые старшины, атаманы и войсковые товарищи. Они порѣшили просить государя, чтобъ избирательная рада была устроена безъ участія простыхъ козаковъ и

---

[1]) Въ настоящей части «Руины», кромѣ источниковъ, поименованныхъ при началѣ сочиненія, служили еще:

А. З. Р. Акты Западной Россіи, томъ V.

Митр. Евг. Митрополитъ Евгеній. Описаніе Кіевскаго Софійскаго собора.

П. Лаз. Бар. Письма Лазаря Барановича, изданныя въ Черниговѣ въ 1865 году.

Сим. Сбор. Симбирскій Сборникъ.

Тум. Туманскій. Собраніе разныхъ записокъ объ исторіи Петра Великаго.

Star. Pol. Starożytności Polskie. Ambrożego Grabowskiego.

поспольства для того, какъ сказано было въ челобитной, чтобъ «отъ великаго совокупленія поспольства не повстало какое нибудь смятеніе». Съ этой батуринской предварительной рады отправился въ Москву отъ всего войска запорожскаго бывшій черниговскій полковникъ Иванъ Лисенко со статьями, имѣвшими значеніе условій, на которыхъ желали избрать новаго гетмана. Не мало было въ этихъ статьяхъ такого, что должно было показаться угоднымъ Москвѣ. Старшины просили, чтобъ безъ царской воли гетманъ, не совѣтуясь со старшинами, не писалъ къ иностраннымъ владѣтелямъ и не велъ съ ними изустныхъ сношеній черезъ пересылки. До сихъ поръ московское правительство всегда отказывало мѣстной малороссійской власти въ правѣ сноситься съ посторонними державами, чего напрасно добивались малороссіяне; теперь они сами объ этомъ просили и ужь, конечно, безъ всякой необходимости, а единственно изъ угодливости московскимъ видамъ. Старшины въ своей челобитной изъявляли желаніе, чтобы будущій гетманъ не иначе могъ наказывать козаковъ и посполитыхъ, какъ по приговору войсковаго суда: это становилось правиломъ для того, чтобы не повторялось то, что дозволялъ себѣ дѣлать самовольно отрѣшенный гетманъ. Наконецъ, старшины просили: если бы даже и на той избирательной радѣ, гдѣ заранѣе примутся мѣры къ предупрежденію смутъ удаленіемъ козацкой черни и поспольства, возникъ бы какой-нибудь безпорядокъ, то царскіе ратные люди, которые прибудутъ съ царскими боярами, обороняли бы старшинъ.

Вмѣстѣ съ челобитною, Лисенко привезъ въ Москву извѣстіе о Сѣркѣ. Служа, какъ видѣли мы, въ послѣднее время польскому королю и признавая гетманомъ поставленнаго отъ Рѣчи-Посполитой Ханенка, Сѣрко между

Днѣпромъ и Бугомъ на рѣкѣ Куяльникѣ разбилъ отрядъ бѣлогородскихъ татаръ, оставленныхъ Дорошенкомъ на зимовкѣ въ Украинѣ, взялъ въ плѣнъ мурзу и везъ въ Курскъ для доставленія Ромодановскому. Въ мѣстечкѣ Новомъ-Санжаровѣ полтавскаго полка задержалъ его полтавскій полковникъ Ѳедоръ Жученко, мурзу отправилъ въ Полтаву въ тюрьму, а Сѣрка̀ окованнаго самъ повезъ въ Батуринъ [1]). Жученко показалъ, что самъ слышалъ, какъ Сѣрко́ при многихъ товарищахъ въ Новомъ-Санжаровѣ говорилъ, что пришелъ на лѣвый берегъ Днѣпра съ намѣреніемъ склонить на сторону польскаго короля и подчинить Ханенку города полковъ полтавскаго и гадяцкаго, надѣясь, что у него тамъ найдутся благожелатели. Какъ показываютъ многія черты послѣдующей жизни Сѣрка̀, онъ, услышавши, что въ лѣвобережной Украинѣ не стало гетмана, спѣшилъ туда съ надеждою быть выбраннымъ въ гетманы.

Въ первыхъ числахъ мая начались въ Москвѣ распоряженія о предстоявшей въ Малороссіи избирательной радѣ. По челобитью малороссійскихъ старшинъ, поручено присутствовать при выборѣ новаго гетмана боярину князю Ромодановскому и думному дворянину Ивану Ивановичу Ржевскому съ дьякомъ, восемью дворянами, переводчикомъ и четырьмя подьячими; указано было изготовить для рады царскій шатеръ и повозки подъ царскую казну для подарковъ новоизбранному гетману и старшинамъ. 18-го мая, Ромодановскій получилъ отпускъ съ надлежащимъ наказомъ: Ромодановскій долженъ былъ прежде всего объявить царскую похвалу старшинамъ за то, что не пристали къ измѣнническимъ замысламъ Демка̀, а затѣмъ сообщить, что прежнія статьи, поста-

---

[1]) А. Ю. и З. Р., т. IX, стр. 893.

новленныя въ Глуховѣ при выборѣ Многогрѣшнаго, могутъ быть признаны и теперь состоятельными. Къ архіепископу Лазарю Барановичу послана была царская грамата, въ которой указывалось ему участвовать на предстоящей избирательной радѣ. 25-го мая, Ромодановскій двинулся въ путь.

Между тѣмъ къ Батурину 26-го мая приступила многолюдная толпа малороссіянъ, какъ говорили — числомъ до 400. Они послали изъ своей среды въ городъ къ обозному и судьямъ такое слово:

— Прежняго гетмана нашего вы невѣдомо куда дѣли, а нынѣ у насъ нѣтъ гетмана. Мы пришли къ Батурину и стоимъ въ полѣ для гетманскаго обиранія, выходите къ намъ на раду.

Обозный отвѣчалъ:

— Мы въ поле къ вамъ на раду выходить не смѣемъ безъ царскаго указа. Вотъ пріѣдетъ изъ Москвы царскій бояринъ, тогда соберется рада и выберутъ новаго гетмана.

Посланные въ городъ малороссіяне ходили къ Григорію Неѣлову, какъ къ начальнику московской ратной силы въ Батуринѣ, и говорили ему:

— Выходи къ намъ и веди съ собою генеральныхъ старшинъ; пусть и войсковые клейноты несутъ.

Неѣловъ далъ имъ такой же уклончивый отвѣтъ, какъ и обозный, но, замѣтивши, что въ Батуринѣ стали появляться новыя лица, приказалъ запереть батуринскій за́мокъ и не пускать туда никого изъ прохожихъ. Сами старшины послали къ Ромодановскому просить, чтобъ онъ поспѣшилъ съ царскою ратью, иначе народъ побьетъ ихъ, разсердившись за то, что они не поѣхали въ поле на раду. Ромодановскій писалъ тогда въ Москву, что между самими старшинами, какъ приходили къ нему

извѣстія, «стало безсовѣстно» [1]). Въ Москвѣ тогда получень былъ откуда-то слухъ, что въ Малороссіи есть желаніе выбрать въ гетманы Сѣрка̀, что болѣе всего хочетъ этого чернь, но отъ такой мысли не прочь и нѣкоторые старшины. Но выборъ Сѣрка̀ въ гетманы вовсе не былъ желателенъ московскому правительству: Сѣрку́ настолько не вѣрили, чтобъ допустить его сдѣлаться главою всѣхъ козаковъ, подвластныхъ московскому государю. Въ Москвѣ знали и понимали Сѣрка́: истинный запорожецъ, онъ не отличался постоянствомъ и легко могъ идти за всякимъ увлеченіемъ, какъ это и доказывалъ прежнею жизнью; когда-то, наравнѣ со всѣмъ малороссійскимъ народомъ, былъ онъ заклятымъ врагомъ поляковъ и вѣрно служилъ православному царю, когда у послѣдняго шла война съ Польшею, потомъ приставалъ къ Дорошенку, отставалъ отъ него, держался Суховѣенка и Ханенка, потомъ вслѣдъ за Ханенкомъ присталъ къ полякамъ, и теперь, разсчитывая на свою богатырскую славу въ народѣ, началъ думать о гетманствѣ подъ царскою рукою.

Со стороны Москвы было бы непростительнымъ неблагоразуміемъ мирволить честолюбивымъ желаніямъ такого ненадежнаго человѣка, и 9-го іюня посланъ былъ старшинамъ, управлявшимъ временно Малороссіею, указъ препроводить въ Москву Сѣрка́ за карауломъ.

Прибывши 9-го іюня въ Путивль, Ромодановскій извѣстилъ старшинъ о своемъ вступленіи въ Малороссію черезъ харьковскаго полковника Захарьяшевича. Старшины 12-го іюня выступили изъ Батурина въ Конотопъ и оттуда послали къ боярину кіевскаго полковника Солонину представить, что радѣ отправляться въ Конотопѣ

[1]) А. Ю. и З. Р., т. IX, стр. 897.

затруднительно — потому что около города козацкое войско вытравило всю степь, и царскіе ратные люди, не находя конскаго корма кругомъ верстъ на десять, выпасутъ засѣянные на нивахъ хлѣба, отчего конотопскимъ жителямъ станется великое разореніе. Поэтому лучше учинить раду гдѣ-нибудь между Конотопомъ и Путивлемъ.

На это Ромодановскій далъ такой отвѣтъ:

— Намъ данъ царскій указъ быть радѣ въ Конотопѣ. Мы пойдемъ къ Конотопу.

Отпустивши Солонину, Ромодановскій переправился черезъ Сеймъ и остановился на пути между Конотопомъ и Путивлемъ близъ мѣстечка Козачей-Дубровы, въ 15 верстахъ отъ Конотопа на берегу рѣчки Красени въ концѣ стараго окопа. Здѣсь явился къ нему прилуцкій полковникъ Лазарь Горленко и сказалъ:

— Вся генеральная старшина и полковники желаютъ, чтобъ радѣ быть въ Козачей-Дубровѣ; они сюда придутъ къ тебѣ, бояррину, «въ сходъ».

Ромодановскій отвѣчалъ:

— Мнѣ по царскому указу велѣно раду чинить и новаго гетмана выбрать въ Конотопѣ, но не въ Козачей-Дубровѣ.

Видно, бояринъ хотѣлъ буквально держаться царскаго указа и, отпустивши Горленка, уже снова двинулся въ дальнѣйшій путь, какъ вдругъ, когда онъ отошелъ три версты отъ Козачей-Дубровы, встрѣтили его всѣ генеральные старшины и стали бить челомъ боярину, чтобъ онъ отправилъ раду здѣсь же, не ходя до Конотопа.

Бояринъ имъ сказалъ:

— Хотя царскій указъ велитъ учинить раду въ Конотопѣ, пусть будетъ по вашему: учинимъ раду въ Козачей-Дубровѣ.

Прежде выставленная причина, почему не желаютъ отправленія рады въ Конотопѣ, была только предлогомъ, но кажется старшины думали избѣжать многолюдства, которое въ Конотопѣ было неизбѣжно, какъ бы только народъ изъ окрестностей услыхалъ о радѣ. Старшинамъ хотѣлось совершить выборъ новаго гетмана какъ возможно незамѣтнѣе для народной громады. Они воспользовались тѣмъ, что могли встрѣтить боярина не на малороссійской землѣ и тамъ отправить выборъ новаго гетмана. Вѣроятно, и Ромодановскій склонился на такое соображеніе, чтобъ избѣжать волненій, подобныхъ тѣмъ, какія остались въ памяти отъ нѣжинской черной рады, на которой избранъ былъ Брюховецкій. Старшинамъ такъ хотѣлось поторопиться съ выборомъ, что они упросили боярина открыть раду, не дожидаясь пріѣзда архіепископа Лазаря Барановича. Ромодановскій согласился и на это ихъ челобитье, потому что сперва пришлось бы толковать о статьяхъ, а потомъ уже, на другой день, совершался бы выборъ, и къ тому времени успѣлъ бы пріѣхать архіепископъ. Ясно, что старшины сильно боялись народнаго стеченія и потому изъ кожи лѣзли, чтобъ совершить свое дѣло поскорѣе.

Ромодановскій приказалъ поставить государевъ шатеръ, пригласилъ туда старшинъ и полковниковъ; полы шатра были отвернуты; за шатромъ стояли строемъ козаки, пріѣхавшіе со старшинами въ числѣ отъ трехъ до четырехъ тысячъ: они могли видѣть, что происходитъ въ шатрѣ и съ дозволенія боярина и старшинъ принимать участіе въ выборѣ, насколько нужно.

Прежде всего бояринъ отъ царскаго имени спросилъ старшинъ и все войско о здоровьѣ. Старшины ударили челомъ за такую государскую милость и съ своей стороны спрашивали о здоровьѣ великаго государя. Ромо-

дановскій произнесъ имъ рѣчь по наказу и окончилъ ее словами:

«Великій государь жалуетъ васъ по прежнимъ глуховскимъ статьямъ; ваши права и вольности никогда нарушены не будутъ, и вы бы всѣ прежнія статьи подтвердили и новыя, какія вамъ къ прежнимъ будутъ надобны, становили.»

По приказанію боярина прочтены были вслухъ прежнія глуховскія и новосоставленныя добавочныя статьи. Тогда обозный Забѣла сказалъ:

— Мы довольны статьями глуховскими, и всѣ намъ надобны, кромѣ 22-й статьи, гдѣ написано, чтобъ учинить полковника и при немъ тысяча человѣкъ компаніи, чтобъ унимать своевольцевъ, буде гдѣ проявятся и начнутъ измѣну и шатость. Но отъ такихъ компаній чинятся жителямъ малороссійскихъ городовъ, селъ и деревень разоренія и обиды; и мы просимъ: пожаловалъ бы насъ великій государь, указалъ компаніямъ впередъ не быть ни у гетмана, ни у полковниковъ.

Дѣйствительно, при Многогрѣшномъ, пользуясь разрѣшеніемъ завести компанейскій полкъ, малороссійскіе полковники позаводили у себя въ полкахъ особыя компаніи, и такимъ образомъ Малороссіи угрожало въ будущемъ образованіе иного войска, кромѣ козацкаго, хотя зависѣвшаго отъ лицъ облеченныхъ властію надъ козачествомъ, но состоявшаго бо́льшею частію изъ охотниковъ и въ томъ числѣ иноземцевъ. Въ видахъ высшаго правительства едва ли могло быть желательнымъ подобное явленіе въ присоединенномъ къ государству краѣ.

— Будетъ по вашему челобитью, — произнесъ Ромодановскій, и съ своей стороны указалъ на требуемыя измѣненія въ глуховскомъ договорѣ. Онъ говорилъ: въ 17-й статьѣ глуховскаго договора указано, чтобъ на

съѣздахъ царскихъ пословъ съ послами польскаго короля быть вашимъ посланцамъ для прислушиванія вашихъ украинскихъ дѣлъ. Но когда въ Москвѣ съѣзжались польскіе королевскіе послы съ боярами царскаго величества, а отъ васъ посланъ былъ Константинъ Солонина, то польскіе королевскіе послы объявили, что отъ ихъ государя нѣтъ имъ полномочья допускать вашего посланца на съѣздъ. Впередъ бы вамъ своихъ посланцевъ на посольскіе съѣзды не посылать, чтобъ не было вамъ убытковъ и затрудненій посольскому дѣлу. Великій государь пожалуетъ васъ, велитъ увѣдомлять письмами, когда на посольскихъ съѣздахъ о вашихъ дѣлахъ вспоминъ будетъ или договоръ состоится.

— Во всемъ полагаемся на волю великаго государя,— отвѣтили старшины.

Тутъ неожиданно прискакалъ изъ Москвы гонецъ и подалъ боярину царскую грамату. Прочитавши ее, Ромодановскій во всеуслышаніе сказалъ:

«Великому государю, его царскому величеству учинилась радость; въ нынѣшнемъ 180 году, мая въ 30 день, за молитвъ св. отецъ, даровалъ Богъ государю нашему сына, а намъ великаго государя царевича и великаго князя Петра Алексѣевича́, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи. Имянины его, государевы, іюня въ 29 день».

Старшины произнесли поздравленіе. Ромодановскій обратился снова къ своему дѣлу и спросилъ:

— Какія иныя статьи становить желаете — объявите.

Обозный отъ лица всѣхъ отвѣтилъ:

— Никакихъ иныхъ новыхъ статей у насъ не будетъ.

— Такъ приходите — сказалъ Ромодановскій — завтра, іюня 17-го, къ государеву шатру для выбора гетмана. Вамъ былъ посланъ указъ, чтобъ вы отправили въ Мо-

скву Сѣрка́ и съ нимъ плѣннаго мурзу Дигмамета, но вы ихъ до сихъ поръ не отправили.

— Ожидали твоего къ намъ боярскаго пріѣзда — сказалъ обозный.

— Сегодня — сказалъ Ромодановскій — отправлю ихъ съ приставомъ.

Сѣрко̀ былъ заранѣе привезенъ сюда и теперь выданъ Ромодановскому, который отправилъ его тотчасъ въ столицу.

17-го іюня, въ третьемъ часу дня (по нынѣшнему времясчисленію въ десятомъ часу утра) пріѣхалъ въ боярскій обозъ архіепископъ Лазарь Барановичъ, съ архимандритомъ Новгородъ-Сѣверскаго монастыря Михаиломъ Лежайскимъ. Бояринъ съ товарищами встрѣчалъ архіерея съ почетомъ. За архіереемъ вслѣдъ прибылъ и Григорій Неѣловъ съ приказомъ своихъ стрѣльцовъ.

Старшины и полковники явились къ шатру. Впереди ихъ несли клейноты (знаки гетманскаго достоинства): булаву, знамя, бунчукъ и литавры. За старшинами и полковниками слѣдовали строемъ козаки, которымъ надлежало быть на радѣ.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, Ромодановскій далъ приказаніе передъ государевымъ шатромъ устроить майданъ (просторное мѣсто). Поставили аналой съ образомъ Спасителя и близъ него столъ; на столѣ положена была гетманская булава, а близъ стола стояли знамя и бунчукъ.

Вышли изъ шатра бояринъ и архіепископъ. Архіепископъ прочиталъ молитву. Бояринъ поклонился на всѣ четыре стороны и сказалъ:

«Великій государь послалъ меня, своего боярина, указалъ мнѣ быть на радѣ для обиранія гетмана, а гетманское обираніе положено на ваше войсковое право и на вашу волю, кого всѣмъ войскомъ излюбите: вы обоз-

ный, и всѣ старшины, и все Войско Запорожское сей стороны Днѣпра, обирайте себѣ гетмана».

Сказавши эти слова, бояринъ отошелъ прочь.

Выборъ бытъ непродолжителенъ, потому что заранѣе былъ подготовленъ, и самому боярину, какъ говорятъ, было давно извѣстно, чѣмъ онъ окончится. Избиратели провозгласили гетманомъ генеральнаго судью Ивана Самойловича. Дмитрашко Райча и Константинъ Солонина подхватили его подъ руки и поставили на столѣ. Обозный Забѣла поднесъ ему булаву, а другіе полковники покрыли его знаменемъ и осѣнили бунчукомъ.

Самойловичъ произнесъ:

— Я гетманскаго уряда не желаю; но вы по царскому указу и по нашимъ войсковымъ правамъ и вольностямъ меня избрали, и мнѣ уже невозможно упорствовать и не принять государева жалованья — булавы и знамени. Только я вамъ вотъ что̀ объявлю: быть намъ въ подданствѣ великаго государя со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ. Буду я служить его царскому пресвѣтлому величеству и его наслѣдникамъ вѣрно, безъ всякой шатости и измѣны, и никогда не захочу учинить того, что̀ прежніе гетманы учинили. И вы, со мною будучи, служите вѣрно безо всякаго сумнѣнія, никакимъ ссорнымъ словамъ и прелестямъ не вѣрьте, а содержите все по договорнымъ статьямъ крѣпко и постоянно.

— Всѣ мы готовы служить великому государю въ вѣчномъ подданствѣ: на томъ прими отъ насъ знамя, булаву и бунчукъ и учинись надъ нами гетманомъ, — сказалъ за себя и за другихъ обозный.

Послѣ выбора новаго гетмана выбрано было радою нѣсколько новыхъ старшинъ. На мѣсто Самойловича въ должность перваго генеральнаго войсковаго судьи, поступилъ второй судья Домонтовичъ, а на мѣсто послѣд-

няго — Павелъ Животовскій; вмѣсто сосланныхъ съ Многогрѣшнымъ генеральныхъ асауловъ Гвинтовки и Грибовича, избраны Иванъ Лисенко и Лесько Чернякъ. Тогда отставленъ былъ отъ генеральнаго писарства Карпо Мокріевичъ, а вмѣсто него избранъ новый писарь Савва Прокоповичъ; генеральнымъ хорунжимъ избранъ Григорій Карповичъ, генеральнымъ бунчужнымъ — Леонтій Полуботокъ, и гадяцкимъ полковникомъ — Семенъ Остренко. Возвращено стародубское полковничество Рославцу. Эти выборы послѣдовали на избирательной радѣ тотчасъ послѣ избранія Самойловича.

Мы не знаемъ подробностей тогдашней закулисной дѣятельности, и потому не можемъ вполнѣ рѣшить, что̀ побудило избрать въ гетманы именно Самойловича, какими путями подготовлялся его выборъ, въ какой степени самъ онъ домогался получить этотъ санъ и на сколько помогло ему согласіе Ромодановскаго. Существуетъ офиціальное извѣстіе, подтверждаемое и лѣтописнымъ сказаніемъ, что выборъ этотъ произошелъ согласно: «вольными и тихими гласы». Конечно, выбору помогло много то, что онъ совершился только совѣтомъ старшинъ, полковниковъ и подобранныхъ на раду козаковъ, совершился внезапно, на великороссійской, а не на малороссійской землѣ, совершился, такъ сказать, на дорогѣ, куда не могли нахлынуть толпы простыхъ козаковъ; помогло спокойному выбору также и то, что московское правительство, приказавши прислать въ Москву Сѣрка́, удалило опаснаго для Самойловича соперника. Сильнѣйшій и вліятельнѣйшій между генеральными старшинами былъ тогда обозный Петръ Забѣла; но этому человѣку въ глазахъ московскаго правительства зазорно было добиваться булавы для себя послѣ того, какъ онъ, въ своемъ желаніи угодить Москвѣ, заявлялъ мысль, что

хорошо было бы дать гетманское управленіе въ Малороссіи великороссійскому боярину. Новый гетманъ, однако, скоро нашелъ, что обозный Петръ Забѣла, свалившій Многогрѣшнаго, былъ не безопасенъ и для его преемника: какъ только Самойловичъ укрѣпился въ гетманскомъ достоинствѣ, Забѣла сошелъ со сцены. Не знаемъ, какъ случилась отставка отъ писарскаго уряда Карпа Мокріевича. Нѣсколько позднее, но близкое по времени извѣстіе сообщаетъ, что Самойловичъ удалилъ его отъ себя и настоялъ на избирательной радѣ, чтобъ былъ избранъ другой писарь, а Мокріевичъ съ тѣхъ поръ остался во всеобщемъ презрѣніи. Лазарь Барановичъ называлъ его Іудою предателемъ, и когда послѣ литургіи раздавалъ антидоръ, то произносилъ, видя подходящаго Мокріевича: «Іудѣ Христосъ хлѣбъ далъ, и по хлѣбѣ внидѣ сатана» [1]). Онъ принужденъ былъ, какъ увидимъ, послѣдовать въ изгнаніе.

Новый гетманъ былъ сынъ священника и потому во все продолженіе своего гетманства носилъ кличку гетмана-поповича. Вмѣстѣ съ родителемъ онъ перешелъ съ правой стороны Днѣпра на лѣвую; его родитель получилъ приходъ въ мѣстечкѣ Красномъ Колядинѣ [2]). Иванъ Самойловичъ въ молодости получилъ превосходное по тому времени образованіе и выказывалъ большія природныя способности, ясный практическій умъ и сметливость. Онъ сталъ служить въ козацкомъ войскѣ. При Бруховецкомъ сильнымъ человѣкомъ былъ генеральный писарь Гречаный: Самойловичъ пріобрѣлъ его расположеніе, и при его покровительствѣ избранъ былъ сотникомъ въ городѣ Веприкѣ гадяцкаго полка, потомъ при

---

[1]) «Основа» 1862 г. Листопадъ, стр. 20.
[2]) Мѣстечко Конотопскаго уѣзда, Черниговской губерніи.

содѣйствіи того же Гречанаго въ званіи войсковаго товарища сталъ черниговскимъ наказнымъ полковникомъ. Самойловичъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ переворота, затѣяннаго Бруховецкимъ противъ московской власти и, какъ мы уже видѣли, показалъ большую вражду къ великороссіянамъ, когда въ черниговскомъ зàмкѣ сидѣлъ въ осадѣ воевода Толстой. Но Бруховецкій палъ, Дорошенко внезапно удалился на правую сторону; тогда Самойловичъ, видя, что дѣло возстанія не клеится, присталъ къ Многогрѣшному, присягнулъ на вѣрность московскому государю и, наравнѣ со всѣми малороссіянами, получилъ отъ государя отеческое прощеніе. На глуховской радѣ онъ былъ избранъ генеральнымъ судьею, вѣроятно благодаря своей образованности. Мы уже видѣли, что онъ, вмѣстѣ съ Забѣлою и Мокріевичемъ, устраивалъ гибель Демкà Многогрѣшнаго, но нѣтъ данныхъ заключить, что уже въ то время у него въ головѣ былъ планъ получить гетманство.

По совершеніи выбора Самойловича, въ царскомъ шатрѣ архіепископъ Лазарь Барановичъ съ архимандритомъ Лежайскимъ и нѣжинскимъ протопопомъ Симеономъ Адамовичемъ отслужили молебствіе, а потомъ, по чиновной книгѣ, предъ крестомъ и евангеліемъ, привели къ присягѣ на вѣрность государю гетмана и новоизбранныхъ старшинъ. Ромодановскій произнесъ имъ нравоучительную рѣчь, велѣлъ гетману и всѣмъ старшинамъ приложить руки къ статьямъ, на которыхъ избранъ былъ гетманъ, и спрашивалъ: какія староства желаютъ они имѣть на гетманскую булаву и на войсковую армату. Гетманъ и старшины пожелали имѣть на булаву Гадячъ, а на армату (артиллерію) — Коропъ [1]) и Воро-

[1]) Нынѣ заштатный городъ Черниговской губ., Кролевецкаго у., при рѣкѣ Коропцѣ.

нежъ [1]). Бояринъ приказалъ вписать имена этихъ городовъ въ оставленныя заранѣе пустыя мѣста въ жалованной граматѣ и вручилъ грамату гетману.

Послѣ того Ромодановскій пригласилъ архіепископа съ духовенствомъ и гетмана со всѣми старшинами къ себѣ въ обозъ на пиръ. На другой день, 18-го іюня гетманъ со старшинами пригласилъ боярина и товарищей его къ себѣ на обѣдъ. Ромодановскій вручилъ привезенные отъ царя подарки: гетману два сорока соболей — одинъ во сто рублей, другой въ пятьдесятъ, и, сверхъ того, двѣ пары соболей высшаго достоинства по двадцати рублей за пару; генеральнымъ старшинамъ по одному сороку соболей въ шестьдесятъ рублей и, сверхъ того, по бѣлому атласу и по кармазинной камкѣ; полковникамъ [2]) по сороку соболей въ шестьдесятъ рублей, а нѣкоторымъ еще по парѣ соболей въ десять рублей и по атласу; полковымъ асауламъ и писарямъ, канцеляристамъ и духовнымъ лицамъ розданы были соотвѣтственныя награды соболями.

На слѣдующій день, іюня 19-го гетманъ со старшинами уѣхалъ въ Конотопъ и оттуда въ Батуринъ.

---

[1]) Мѣстечко Черниговской губ., Глуховскаго у., на р. Осети.

[2]) Тогда полковниками были: переяславскимъ — Дмитрашко Райча, стародубскимъ — Петръ Рославецъ, нѣжинскимъ — Филиппъ Уманецъ, кіевскимъ — Константинъ Солонина, черниговскимъ — Василій Борковскій, прилуцкимъ — Лазарь Горленко, лубенскимъ — Иванъ Сербинъ, миргородскимъ — Иванъ Дубяга, полтавскимъ — Демьянъ Кгуджелъ, гадяцкимъ — Семенъ Остренко.

II.

Султанъ Мугаметъ IV и польскій король Михаилъ. — Коронный гетманъ Собѣскій. — Грамата султана польскому королю, и приготовленія турокъ къ походу. — Отвѣтъ польскаго короля. — Письмо визиря къ польскому подканцлеру. — Вступленіе турецкихъ силъ въ польскіе предѣлы. — Побѣда Дорошенка надъ Ханенкомъ и поляками. — Переправа турокъ черезъ Днѣстръ. — Краковскій епископъ Тржембицкій. — Соединеніе хана и Дорошенка съ турецкимъ войскомъ. — Дорошенко у турецкаго султана. — Капитуляція Каменца. — Обращеніе христіанскихъ храмовъ въ мечети. — Ханъ и Дорошенко подъ Львовомъ. — Поляки просятъ мира. — Бучачскій договоръ. — Отшествіе турокъ. — Татарскія разоренія. — Послѣднее свиданіе Дорошенка съ турецкимъ султаномъ и съ визиремъ.

Вступленіе Самойловича въ гетманскую должность совершилось тогда, когда на лѣвую сторону Днѣпра съ правой стороны приносились зловѣщія вѣсти. Давно уже, какъ мы видѣли, Дорошенко отдался подъ покровительство Турціи, и уже не одинъ годъ турки собирались напасть на Польшу, но отвлекались другими предпріятіями. Тогдашній падишахъ Мугаметъ IV со славою окончилъ завоеваніе острова Кандіи отъ венеціанъ и потомъ собирался обратить оружіе на Польшу. Состояніе Польши было таково, что врагамъ можно было ожидать успѣха. Уже много было признаковъ приближенія неизбѣжной войны со стороны турокъ, но поляки не хотѣли обращать на нихъ вниманія; толковали себѣ въ утѣшеніе, будто турецкій султанъ совсѣмъ не воинственъ, проводитъ время въ праздности и забавахъ въ своемъ гаремѣ, либо развлекается охотою въ своихъ лѣсахъ и поляхъ; надѣялись, что польскій посолъ Высоцкій, отправленный въ Адріанополь для улаженія недоразумѣній, скоро привезетъ выгодный для Польши договоръ съ Турціею [1]). На польскомъ престолѣ, послѣ отреченія Яна

[1]) Klimacter, IV, 178.

Казимира, сидѣлъ король Михаилъ, государь до крайности жалкій, хотя и добродушный; шляхта не слушала его; между магнатами были постоянно враждебныя ему особы, и первый изъ нихъ — примасъ королевства Пражмовскій. Во всей Рѣчи-Посполитой не было ни порядка, ни уваженія къ закону и властямъ, ни взаимнаго согласія между согражданами. Со вступленія на престолъ Михаила сеймы не оканчивались, а были срываемы; то же дѣлалось и съ предварительными сеймиками, собиравшимися по воеводствамъ; невозможно было ничего предпринимать законно. Между немногими сановниками, стоявшими по уму выше прочей массы польскихъ гражданъ, былъ тогда коронный гетманъ и маршалъ Собѣскій; онъ зналъ и понималъ положеніе дѣлъ и не разъ указывалъ сейму на необходимость скорѣе принять мѣры къ защитѣ края, увеличить численность войска, привести въ лучшее состояніе артиллерію и войти въ оборонительный союзъ съ христіанскими государствами. Онъ совѣтовалъ даже попытаться уступками склонить на сторону Польши Дорошенка и отвлечь его отъ Турціи. Всѣ его совѣты и представленія не могли быть приняты: сеймъ, собравшійся въ январѣ 1672 года, по примѣру прежнихъ сеймовъ, былъ сорванъ.

Послѣдняя война Дорошенка съ Ханенкомъ и поляками на Подоліи вызвала за собою объявленіе Турціею войны Польшѣ. Дорошенко молилъ падишаха черезъ своего резидента заступиться за Украину и указывалъ, что въ настоящее время удобно побѣдить поляковъ и овладѣть польскими городами [1]). По этому поводу въ февралѣ или въ мартѣ 1672 года падишахъ отправилъ королю Михаилу письмо, въ которомъ говорилось: «Мы

---

[1]) А. Ю. и З. Р., IX. 887, 964.—Лѣт. Сам. изд. 1878 г., стр. 114.

хотѣли провести зиму въ Анатоліи, но принуждены были повернуть побѣдоносныя наши силы къ Адріанополю, услыхавши, что вы войскомъ вашимъ безпокоите владѣнія гетмана Дорошенка, который со всѣмъ народомъ козацкимъ поступилъ въ число невольниковъ высокаго порога нашего. Желаемъ настоящею граматою нашею предостеречь васъ: удержитесь отъ оскорбленій и насилій означенному гетману. оставьте въ покоѣ и безопасности землю и жительство козаковъ и удалите войска ваши въ предѣлы вашего государства. Иначе — всякій непріязненный шагъ со стороны вашей и вашихъ войскъ будетъ нами признанъ за нарушеніе мирнаго договора, и съ наступленіемъ будущей весны мы двинемся противъ васъ во всемъ величіи и могуществѣ нашего халифата съ непобѣдимымъ воинствомъ, которое многочисленнѣе звѣздъ и мужественнѣе львовъ. Выбирайте, что́ хотите: либо миръ, либо къ бою будьте готовы.»

По отсылкѣ этой граматы, не ожидая на нее отвѣта, данъ былъ указъ всѣмъ анатолійскимъ и румелійскимъ войскамъ собраться въ Адріанополѣ къ 23 апрѣля, а крымскому хану Селимъ-Гирею послано 5000 червонцевъ на сапоги, какъ велось всегда, когда ханъ призывался со всѣми ордами на войну въ помощь турецкимъ войскамъ.

Привезши султанскую грамату польскому королю, Чаушъ-Ахметъ воротился изъ Польши 4 дня мусульманскаго мѣсяца мухарремъ (по нашему времясчисленію 4 мая) и привезъ отвѣтъ польскаго короля. Въ немъ припоминалось, что Рѣчь-Посполитая долгое время старалась удерживать козаковъ отъ набѣговъ на турецкія черноморскія побережья, и это послужило причиною многихъ несчастій для Рѣчи-Посполитой, потому что козаки, при невозможности производить грабежи въ мусульманскихъ краяхъ,

ради добычи подняли мятежъ противъ Польши и, соединяясь то съ татарами, то съ Москвою, разоряли польскія области. Королевскій отвѣтъ гласилъ такъ: «Ваше блаженство называете Украину своею собственностію, но Украина отъ вѣковъ была наслѣдіемъ нашихъ предшественниковъ, и самъ Дорошенко ни кто иной, какъ нашъ подданный. Прилично ли и сообразно ли съ духомъ мирнаго договора землю, принадлежащую намъ по волѣ Всевышняго и по праву наслѣдства, отнимать изъ-подъ нашей власти и отдавать наиподлѣйшему изъ рабовъ порога нашего? Уступать ее негодяю, разбойнику, отверженному, достойному презрѣнія, который, забывши стыдъ и приличіе, прежде привязался къ сторонѣ московскаго царя, но скоро былъ ототнанъ, когда узнали его непостоянство, лживость и предательское сердце? Царь московскій подданству этого измѣнника предпочелъ нашу королевскую дружбу. Теперь, для уничтоженія возникшихъ между нами и вами недоразумѣній, мы не замедлимъ отправить нашего посла къ стремени вашего блаженства, а Дорошенка съ козаками оставимъ въ настоящемъ положеніи, пока дружественными способами не уладимъ возникшія между нами неудовольствія. Утѣшаемъ себя надеждою, что и со стороны вашего блаженства не будетъ безъ причины нарушенъ существующій между нами миръ, потому что Богъ, высочайшій судья государей, сурово караетъ попирающихъ права справедливости.»

По восточнымъ дипломатическимъ законамъ приличія, не слѣдовало вторично объ одномъ и томъ же предметѣ посылать граматы отъ лица падишаха. Поэтому въ отвѣтъ на королевскую грамату визирь послалъ письмо коронному подканцлеру Ольшевскому, гдѣ изъявлялъ удивленіе, что въ граматѣ польскаго короля Украина

названа наслѣдственною польскою областію. «Одинъ Богъ», — выражался онъ, — «можетъ быть нареченъ владыкою земель; оный предвѣчный правитель міра установилъ такой законъ, что края, терзаемые междоусобіями и безправіемъ, предаются подъ покровительство могущественныхъ властителей. Такимъ путемъ и народъ козацкій, по волѣ Провидѣнія, достался подъ господство дома Османовъ. Этотъ народъ издавна былъ свободенъ и самостоятеленъ, полагаясь на силу заключенныхъ съ вами договоровъ и условій, онъ добровольно отдался подъ ваше главенство и долгое время оставался вамъ вѣрнымъ, пока наконецъ не стало ему силъ терпѣть долѣе отъ васъ утѣсненій, беззаконій и отягощеній; тогда, видя, что условія заключенныя съ вами — вами же нарушены, онъ, ради охраненія своей страны и своего имени, поднялъ противъ васъ оружіе. Выбившись изъ-подъ вашей власти, козаки искали союза съ крымскими ханами, всегда преданными высокому дому Османовъ, и при ихъ посредствѣ стали искать покровительства высокаго порога. Врата блаженства всезнатнѣйшаго великаго падишаха, моего господина, всегда отверсты для всѣхъ ищущихъ прибѣжища подъ тѣнью его могучей обороны, и потому покорныя просьбы козаковъ благосклонно были услышаны, и начальный вождь этого народа удостоенъ знаменіемъ высшаго сана. Какъ же вы можете называть своими подданными народъ, который уже съ давняго времени свергъ съ себя вашу власть и долго оставался съ вами въ открытой войнѣ? Развѣ могущественнѣйшій падишахъ, мой милостивый властитель — ему же Богъ да пособитъ и да укрѣпитъ его — не властенъ употреблять всѣ усилія, средства и способы для освобожденія утѣсненнаго козацкаго народа, умоляющаго о великодушномъ покровительствѣ? Впрочемъ, мой могущественнѣй-

шій повелитель всегда воззритъ съ праведнымъ удовольствіемъ, если прежде, чѣмъ его побѣдоносныя войска появятся близъ вашихъ рубежей, вы пожелаете чрезъ посредство пословъ обдумать способы къ погашенію вспыхивающей войны; если же споръ между нами долженъ рѣшиться оружіемъ, то исходъ войны будетъ зависѣть отъ воли Того, кто сотворилъ изъ ничего и землю, и небеса, кто уже болѣе тысячи лѣтъ возноситъ могущество ислама и благоволитъ окружать знамя пророка нетемнѣющимъ блескомъ побѣды. Знайте, что великій, непобѣдимѣйшій падишахъ, мой всемилостивѣйшій повелитель, неотмѣнно выступаетъ изъ Адріанополя 8-го текрщаго мѣсяца сефера (26-го мая) и на челѣ войскъ многочисленнѣйшихъ паче звѣздъ небесныхъ прямо направится къ вашимъ рубежамъ: присылайте возможно скорѣе отвѣтъ на письмо наше и знайте, что каждый день приближенія нашего къ вашимъ рубежамъ будетъ ставить препятствіе къ нашему примиренію [1]).

Дорошенко былъ немедленно извѣщенъ о рѣшимости султана, и въ началѣ іюня появился въ Чигиринѣ первый турецкій отрядъ, а потомъ стали прибывать и татары. И тѣ, и другіе стали въ Украинѣ вести себя нагло, насиловать женщинъ, забирать дѣтей и возбудили всеобщій ропотъ противъ Дорошенка, о которомъ говорили, что онъ, какъ овца заблудшая, самъ не зналъ, что ему дѣлать съ такими союзниками. На лѣвомъ берегу распространился страхъ, чтобъ мусульманскіе союзники Дорошенка не прорвались на другой берегъ Днѣпра, но Дорошенко сообщалъ туда, что онъ воюетъ противъ поляковъ и своего недруга Ханенка, и низачто не пуститъ татаръ и турокъ въ царскую область [2]).

---

[1]) Collectanea, II, 2—21.
[2]) А. Ю. и З. Р., IX, 969, 970, 974, 985.

Турецкое войско, выступившее съ падишахомъ, 25-го мая перешло Дунай у Исакчи по мосту, устроенному Османъ-пашею на 58 судахъ, и шло по неудобнымъ и плохимъ дорогамъ продолжительное время до Днѣстра, составлявшаго тогда польскій рубежъ. Оно достигло этой рѣки 29-го числа магометанскаго мѣсяца ребіулъ-эвелла, что приходилось уже въ іюлѣ 1672 года. Здѣсь турки получили извѣстіе, что Дорошенко съ крымскимъ ханомъ одержали побѣду надъ поляками и Ханенкомъ близъ Лодыжина [1]).

Вотъ какъ было это дѣло. Собѣскій поручилъ команду на Подоліи Лужицкому, человѣку горячаго нрава, вовсе не пріобрѣвшему расположенія подчиненныхъ; современники говорятъ, что жолнѣрамъ такъ хотѣлось идти подъ его команду, какъ волу подъ обухъ [2]). У него было до шести тысячъ жолнѣровъ. Онъ соединился въ Лодыжинѣ съ Ханенкомъ, у котораго было до четырехъ тысячъ козаковъ. Поляки расположились въ Лодыжинѣ, козаки, кромѣ того, отрядами по окрестностямъ. 11-го іюля услыхали поляки, что подъ Бершадомъ братъ гетмана Дорошенка, Грицько, стѣснилъ козацкаго полковника Перебійноса, который шелъ на соединеніе къ Ханенку. Лужицкій и Ханенко пошли на выручку. Они освободили Перебійноса и вмѣстѣ съ нимъ пошли къ Лодыжину, и тутъ-то на возвратномъ пути поляки потерпѣли пораженіе подъ Четвертыновкою на Батогскомъ полѣ, знаменитомъ пораженіемъ Калиновскаго при Богданѣ Хмельницкомъ. Это событіе у современниковъ излагается различно. По одному извѣстію [3]), Лужицкій, прогнавши татаръ,

---

[1]) Collectanea, II, 21—47.
[2]) Ojcz. Sp., II, 164.
[3]) Klimacter, IV, 191.

увлекся погонею за ними и, не слушая умнаго совѣта Ханенка, перешелъ рѣку Бугъ, тамъ былъ внезапно окруженъ сильнымъ татарскимъ полчищемъ и самъ едва ушелъ съ немногими, а остальные были побиты или потоплены въ Бугѣ. По другому извѣстію [1]), Ханенко съ козаками ушелъ впередъ, а поляки шли позади, и тутъ татары, напавши на нихъ, отрѣзали отъ козаковъ и поразили. Вѣсть о такой побѣдѣ была принята съ восторгомъ въ обозѣ падишаха, такъ какъ у мусульманъ господствовало вѣрованіе, что успѣхъ или неуспѣхъ первой стычки съ непріятелемъ служитъ предзнаменованіемъ счастливаго или несчастнаго исхода войны. Схваченные подъ Батогомъ польскіе плѣнники были присланы въ турецкій обозъ и тотчасъ были обезглавлены [2]). Вслѣдъ затѣмъ пришло въ обозъ падишаха другое утѣшительное извѣстіе: что польскій гарнизонъ города Жванца, услыхавши о приближеніи турокъ, убѣжалъ, и тотчасъ былъ посланъ турецкій отрядъ впередъ занять опустѣвшій за́мокъ.

Переправа турецкаго войска черезъ Днѣпръ совершилась въ мѣстѣ, отстоящемъ за пять или за шесть часовъ отъ Каменца. Поляки не подумали принять заранѣе мѣръ къ защитѣ этой важной крѣпости. Краковскій епископъ Тржембицкій пожертвовалъ для обороны Каменца 6000 пѣхоты на собственный счетъ [3]); но эта доблесть показалась болѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ: другой епископъ, мѣстный каменецкій, говоритъ, что краковскій епископъ прислалъ туда только 500 человѣкъ; кромѣ нихъ, былъ еще полкъ въ 400 человѣкъ и 200 человѣкъ

---

[1]) Ojcz. Spom., II. 165—166.
[2]) Collect., II, 48. — Лѣт. Самов., 58.
[3]) Klimacter, IV, 160.

каменецкой пѣхоты, — вотъ все, что составляло тогда въ Каменцѣ залогу [1]) (военный гарнизонъ), не считая мѣщанъ и набѣжавшихъ изъ окрестностей въ осаду хлоповъ, которыхъ набралось въ Каменцѣ до десяти тысячъ [2]).

Между тѣмъ, 4-го августа примкнули къ турецкому полчищу ханъ съ своими ордами и Дорошенко съ своими козаками. Сперва съ большимъ почетомъ крымскій ханъ Селимъ-Гирей удостоился поцѣловать пóлу одежды верховнаго главы правовѣрныхъ и получить отъ него въ даръ брилліантовое перо на чалму, а на другой день, 5-го августа, въ шатеръ падишаха былъ введенъ Дорошенко черезъ Чаушъ-Баши-Агу (начальникъ всѣхъ чаушей). Дорошенко поклонился до земли высокому покровителю козаковъ, произнесъ предъ нимъ увѣреніе въ своей благодарности и безпредѣльномъ повиновеніи волѣ падишаха. Турецкій государь приказалъ дать ему въ подарокъ богатый халатъ, булаву и коня съ нарядною сбруею.

На другой день послѣ пріема Дорошенка послано было въ Каменецъ предложеніе сдаться добровольно; за это обѣщали выпустить всѣхъ на волю; въ случаѣ упорства грозили всѣхъ истребитъ безъ милосердія. Осажденные ожидали еще выручки и отвергли турецкое предложеніе.

7-го августа, турки повели осаду. Средину турецкаго войска, расположеннаго вокругъ Каменца, занялъ великій визиръ съ янычарами столичной гвардіи и съ румелійскими войсками; вправо отъ него расположился другой визирь, довѣренный султана, Мустафа-паша, съ анато-

---

[1]) Ojcz. Spom., II, 169.

[2]) А. Ю. и З. Р., XI, 60.

лійскими войсками и съ полкомъ Загараджи-Баши (начальника султанской гончей псарни); влѣво отъ великаго визиря сталъ помощникъ его (каимъ-мекамъ) Кара-Мустафа-паша съ силами Сиваса и Карамана, съ ротами Самсонджу-Баши (начальника борзой псарни). Воинамъ роздали заступы копать землю и устроивать вокругъ Каменца шанцы, — «земляной городъ» — выражаясь тогдашнимъ языкомъ.

8-го августа, турки открыли сильную пальбу по городу. Осажденные выбросили на стѣнахъ бѣлый флагъ, выслали просить пріостановки пальбы, обѣщали ночью учинить между собою совѣтъ, а затѣмъ на слѣдующее утро приступить къ переговорамъ о сдачѣ.

— Я не поддамся на пустыя обѣщанія, — сказалъ визирь, — не начну переговоровъ, прежде чѣмъ намъ не пришлютъ заложниковъ и отъ насъ взамѣнъ не возьмутъ таковыхъ же.

Бѣлый флагъ былъ выкинутъ по совѣту каменецкаго епископа съ цѣлью заставить непріятеля на нѣкоторое время пріостановить пальбу: черезъ то осажденные могли бы собраться съ духомъ и принять кое-какія мѣры къ оборонѣ. Турки смекнули въ чемъ дѣло и не поддались на хитрость.

Послѣ того пошли дни за днями; пальба съ обѣихъ сторонъ шла безъ остановки. Турецкія орудія были побольше и получше польскихъ, — пушкари поискуснѣе; турецкія ядра врѣзывались въ глубину землянаго вала аршина на два. У поляковъ пушки были невысокаго достоинства; притомъ немногочисленные польскіе воины отъ безпрестанныхъ работъ скоро пришли въ изнеможеніе не было имъ времени ни поѣсть, ни заснуть. При скудости оборонительныхъ силъ ужасъ овладѣвалъ поляками, когда они со стѣнъ смотрѣли на громаду непріятельскаго

полчища, кишившаго по полю вплоть до самаго Жванца. Каждый день турки посылали въ городъ до 400 выстрѣловъ и пускали до ста пятидесяти гранатъ [1]); одна изъ нихъ упала на лютеранскій молитвенный домъ и произвела пожаръ. При непрерывной пальбѣ шла у турокъ другая работа — велись подкопы, и на нихъ-то возлагали турки главную надежду.

12-го августа, прибыли въ турецкій станъ польскіе послы Биневскій и Гуляницкій съ жалобою отъ польскаго короля, что султанъ неожиданно и тайно вступилъ во владѣнія Рѣчи-Посполитой. Падишахъ отвѣчалъ польскому королю, что пришелъ не тайно, а объявивши напередъ войну, и теперь пригласилъ польскаго короля выходить въ поле [2]). Отпустивши польское посольство, турецкій султанъ въ тотъ же день приказалъ крымскому хану и Дорошенку идти ко Львову противъ королевскаго войска, а самъ остался кончать съ Каменцомъ [3]).

14-го августа, турки овладѣли наружными батареями, на которыя осажденные крѣпко надѣялись. Вслѣдъ затѣмъ турки начали приступъ къ Каменцу; съ обѣихъ сторонъ пало много людей, туркамъ въ этотъ день удалось водрузить на стѣнѣ Каменца знамя ислама, но то былъ, по ихъ собственному замѣчанію, далеко не конецъ дѣлу [4]).

16-го августа, турки вкатили въ подкопъ бочки съ порохомъ и зажгли. Съ ужасающимъ трескомъ полетѣли вверхъ бревна и камни, входившіе въ кладку стѣны; одна башня совсѣмъ развалилась [5]). Сквозь образовавшіеся проломы увидали мусульмане еще другую внутреннюю

---

[1]) Ojcz. Sp., II, 170.
[2]) Collectanea II, 58. 59. — А. Ю. и З. Р., XI, 60.
[3]) А. Ю. и З. Р., XI, 61.
[4]) Collect., II, 54.
[5]) А. Ю. и З. Р., XI, 62.

городскую стѣну; приходилось имъ вести подкопы еще далѣе, и подъ эту стѣну [1]).

Однако и осажденные, не дождавшись ожидаемой выручки, сообразили, что имъ долѣе обороняться нельзя, особенно когда непріятельскіе шанцы подошли къ городу такъ близко, что можно было пустить съ нихъ камень черезъ стѣну въ городъ [2]). 17-го августа, комендантъ приказалъ выбросить бѣлое знамя [3]). Визирь сначала не довѣрялъ и подозрѣвалъ прежнія хитрости, но изъ Каменца вышли уполномоченные съ просьбою начать переговоры о сдачѣ и привели съ собою заложниковъ [4]). Визирь доложилъ падишаху и получилъ высочайшее разрѣшеніе взять Каменецъ на капитуляцію.

Переговоры тянулись не долго: поляки потеряли присутствіе духа и соглашались на все, чего бы ни потребовалъ побѣдитель. Договоръ состоялся и былъ написанъ въ тотъ же день на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Все польское войско, находящееся въ Каменцѣ, выйдетъ оттуда съ оружіемъ, забравши съ собою свои семьи и свои имущества безпрепятственно со стороны турокъ, а крѣпость поляки сдадутъ побѣдителямъ. 2) Вмѣстѣ съ войсковыми людьми имѣютъ право выдти изъ Каменца жители города и всѣ пришедшіе въ осаду съ своими семьями и имуществомъ; турки не только не станутъ имъ въ томъ мѣшать, но еще дадутъ имъ провожатыхъ до тѣхъ мѣстъ, куда они перейти пожелаютъ. 3) Тѣ изъ жителей города Каменца и волостей, принадлежащихъ къ округу этого города, которые пожелаютъ

---

[1]) Collect., II, 59.
[2]) Ojczyste Sp., II, 170.
[3]) А. Ю. и З. Р., XI, 63.
[4]) Collect., II, 60.

оставаться на своихъ мѣстахъ, не будутъ со своими семьями и имуществами подвергаться отъ турокъ никакимъ оскорбленіямъ. То же предоставляется шляхтѣ и духовенству съ тѣмъ еще вдобавокъ, что лица ихъ сословія, оставшись на прежнихъ мѣстахъ своего жительства, будутъ освобождены отъ военнаго постоя. 4) Всѣмъ христіанамъ исповѣданій римско-католическаго, греческаго, армянскаго и другихъ, предоставляется нестѣснительно свобода вѣры; имъ оставится нѣсколько церквей для отправленія «ихъ пустыхъ и суевѣрныхъ обрядовъ», а ихъ священники и церковники не станутъ испытывать никакихъ притѣсненій [1]). Уполномоченные выпросили себѣ копію съ этого договора въ латинскомъ переводѣ.

Въ этотъ день, когда уполномоченные заключали договоръ, уже на закатѣ солнца, въ Каменцѣ произошелъ взрывъ по винѣ маіора артиллеріи Генинга: вспыхнуло 120 бочекъ пороха, и погибло, по одному извѣстію, 500 [2]), по другому до восьмисотъ [3]) человѣкъ. Одни толковали, что онъ сдѣлалъ это изъ отчаянія [4]), другіе — что это произвели жолнѣры въ пьяномъ видѣ, а одинъ малороссійскій лѣтописецъ говоритъ, будто нѣмецъ прежде былъ подкупленъ турками, а потомъ побоялся, чтобъ измѣна его не открылась, и рѣшился кончить жизнь такимъ отчаяннымъ способомъ [5]).

19-го августа, каменецкій комендантъ вручилъ великому визирю ключи города Каменца, и за то, въ знакъ благосклонности, побѣдители надѣли на него халатъ. Польскіе паны, бывшіе въ Каменцѣ: каменецкій епископъ,

---

[1]) Collectanea, II, 61.
[2]) А. Ю. и З. Р., XI, 63. — Collectanea, II, 62.
[3]) Ojcz. Sp., II, 175.
[4]) Ibidem, 172.
[5]) Величко, II, 331.

каменецкій староста (онъ же и генералъ подольскій) Ревуцкій [1]) и подкоморій Лянскоронскій также ходили на поклонъ къ великому визирю, одѣвшись въ присланные отъ него заранѣе халаты [2]). По ихъ просьбѣ [3]) визирь приказалъ нарядить 300, другіе же говорятъ — 400 возовъ для вывоза изъ Каменца тѣхъ жителей съ ихъ имуществами, которые пожелаютъ переселиться [4]). Три тысячи турокъ выпроводили ихъ изъ города [5]), а визирь назначилъ имъ 600 провожатыхъ до Ягельницъ [6]); за любезность визиря, назначившаго провожатыхъ, поляки послали ему въ даръ 2000 червонныхъ [7]).

Такъ поляки, по замѣчанію турка [8]), оставили Каменецъ со срамомъ, а турки праздновали свою побѣду съ большимъ торжествомъ. На другой день, 20 августа, къ шатру падишаха сошлись съ поздравленіями всѣ турецкіе военачальники, и всѣхъ побѣдитель обдарилъ златоглавными халатами и собольими шубами. Въ знакъ всеобщей радости стрѣляли изъ пушекъ и ружей; горѣли потѣшные огни; изданъ былъ указъ въ продолженіе трехъ дней праздновать по всей имперіи завоеваніе Каменца. Падишахъ отправилъ въ новопріобрѣтенный городъ янычаръ-агу очистить шесть костеловъ и обратить ихъ въ мечети. Первая изъ этихъ мечетей, преобразованная изъ бывшей фары, посвящалась имени падишаха, вторая — имени его матери, третья — имени возлюбленнѣйшей изъ

---

1) А. Ю. и З. Р., XI, 242.
2) Ojcz. Sp., II, 172.
3) Klimacter., IV, 198.
4) Collect., II, 63.
5) Ojcz. Sp., II, 170.
6) Ibidem. 172.
7) Klimacter, IV, 149.
8) Collect., II, 63.

его женъ. султанши Хазеки, а остальныя три — именамъ знатнѣйшихъ сановниковъ: великаго визиря, его товарища (каимъ-мекема) и визиря, любимца падишахова [1]). Изъ усыпальницъ, устроенныхъ подъ костелами, при обращеніи ихъ въ мечети, вытаскивали гробы умершихъ и вывозили за-городъ, а иконы, почитаемыя мусульманами за признакъ идолопоклонства, выбросили изъ храмовъ и мостили ими улицы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было грязно [2]). По такой мостовой Муґаметъ IV въѣхалъ въ Каменецъ [3]). Турки въ своемъ воинственномъ фанатизмѣ, въ глазахъ христіанъ ругались надъ иконами, кололи ихъ, рубили. жгли, топтали ногами, дѣлая это нарочно для того, чтобы дразнить побѣжденныхъ, которые, при видѣ такихъ возмутительныхъ выходокъ, должны были молчать. чувствуя свое безсиліе [4]). Смотрѣлъ на все это Дорошенко, и не заболѣло его сердце при видѣ такого безчестія образо̀въ Божіихъ: все сносилъ онъ ради своего несчастнаго временнаго гетманства; такъ замѣчаетъ о немъ малороссійскій лѣтописецъ [5]). Въ новоустроенной главной мечети отправлено было мусульманское пятничное богослуженіе въ присутствіи падишаха и его сановниковъ. и въ первый разъ раздался въ Каменцѣ, вмѣсто колокольнаго звона, любезный мусульманскому уху голосъ «муэдзинскаго изана» [6]). Колокола были спущены: падишахъ приказалъ разбить ихъ и перелить на орудія, а нѣкоторые подарилъ Дорошенку [7]). Тогда поймали восьми-лѣтняго мальчика

[1]) Collectanea. II. 65.
[2]) А. Ю. и З. Р., XI. 74.
[3]) Лѣт. Самов.. 59.
[4]) А. Ю. и З. Р., XI. 242.
[5]) Лѣт. Самов., 59; тоже, изд. 1828 г., стр. 115.
[6]) Collectanea. II, 67.
[7]) Лѣт. Самов.. 115.

по имени Петра Ястржембскаго, привели въ главную мечеть и въ присутствіи султана обрѣзали [1]). Великодушіе, объявленное жителямъ, не помѣшало сдѣлать для нѣкоторыхъ изъ нихъ исключеніе: падишахъ приказалъ отобрать 800 ребятъ въ янычары [2]), а дамъ и дѣвицъ шляхетскаго званія забирали въ гаремы, назначая, смотря по ихъ красотѣ, однѣхъ къ самому падишаху, другихъ — верховному визирю, а иныхъ — пашамъ [3]). Султанъ назначилъ въ Каменцѣ губернаторомъ Али-пашу съ гарнизономъ по однимъ — въ числѣ двадцати тысячъ [4]), по другимъ — въ пятнадцать тысячъ [5]).

Падишахъ оповѣстилъ по войску, что пойдетъ далѣе въ глубину непріятельской страны. Но турки не слишкомъ спѣшили, будучи слишкомъ увѣрены въ своемъ превосходствѣ надъ непріятелемъ; они презирали поляковъ, называя ихъ низкими трусами; и въ самомъ дѣлѣ изъ подольскихъ городковъ, не защищаясь, бѣжали польскіе «залоги». Ягельница, куда отведены были изъ Каменца жители, была сдана туркамъ самимъ владѣльцемъ Лянскоронскимъ, и турки, овладѣвши этимъ городомъ, распоряжались жителями, какъ своими невольниками, и гоняли ихъ работать мостъ на рѣкѣ [6]). Было немало такихъ, говоритъ современникъ [7]), которые предпочитали остаться подъ властію турокъ, чѣмъ идти въ Польшу,

---

[1]) Klimacter., IV, 197. — Впослѣдствіи этотъ мальчикъ, обжившись въ Турціи и даже разбогатѣвши, уже самъ имѣлъ дѣтей, но вспомнилъ о своемъ происхожденіи и убѣжалъ въ отечество, гдѣ обратился снова къ христіанской вѣрѣ.

[2]) А. Ю. и З. Р., XI, 242.

[3]) Ojcz. Sp., II. 174.

[4]) А. Ю. и З. Р., XI, стр. 45.

[5]) Klimacter., IV, 203.

[6]) Ojcz. Sp., II, 172.

[7]) Klimacter., II, 198.

чтобъ не слыхать тамъ упрековъ и ругательствъ отъ соотечественниковъ за то, что такъ постыдно сдали Каменецъ.

Нѣсколько времени падишахъ оставался въ станѣ близъ Жванца, куда перешло войско изъ-подъ Каменца. Тамъ тѣшился онъ охотою. 17 сентября турки снялись и 19-го стали подъ Бучачемъ, городкомъ принадлежавшимъ вдовѣ Терезѣ Потоцкой; жолнѣры, бывшіе въ этомъ городкѣ, сначала храбрились, а когда увидали, что непріятельское войско велико, то сдались [1]. Гуссейнъ-паша взялъ Язловицы [2]; другіе паши овладѣли прочими городками. Большая часть этихъ городковъ и мѣстечекъ сдавалась безъ отпора; современникъ-очевидецъ насчитываетъ ихъ около Каменца болѣе тридцати; турки никого не рубили и обращали въ неволю только тѣхъ, кто былъ взятъ съ оружіемъ, но и тѣхъ впослѣдствіи отпустили на свободу [3]. Только городокъ въ Червонной Руси, называемый Буджаны, надъ рѣкою Серетомъ, представилъ исключеніе. Тамъ засѣлъ Ѳома Лужицкій, братъ того, который съ Ханенкомъ потерпѣлъ отъ татаръ пораженіе на Батогѣ; къ нему въ Буджаны набѣжало изъ окрестностей много народа, способнаго носить оружіе. Турки добыли приступомъ Буджаны и убили Лужицкаго, поставивши ему въ вину его упорство, какъ оскорбленіе султанскаго величества. Съ нимъ побили другихъ лицъ, которыя были познатнѣе, а прочихъ всѣхъ отдали татарамъ въ неволю [4].

Выше было сказано, что ханъ и Дорошенко отправ-

---

[1] Collectanea, II, 69.
[2] Ibidem, 70.
[3] А. Ю. и З. Р., XI, 46.
[4] Klimacter., IV, 205,

лены были ко Львову. На пути своемъ, въ Орынинѣ, ханъ встрѣтилъ пословъ отъ короннаго гетмана Собѣскаго, стоявшаго съ войскомъ близъ Красностава, у сельца Крупе: Собѣскій приглашалъ хана принять на себя посредничество и примирить польскаго короля съ турецкимъ падишахомъ. Послами были Вѣнявскій и Злотницкій, люди давно знакомые крымскому повелителю [1]. Не трудно было указать хану, что дальнѣйшее униженіе Польши и успѣхъ Турціи не вполнѣ будутъ выгодны для крымскихъ властителей, которые хотя и были подручниками падишаха, но всегда ревниво дрожали за свою самобытность. Ханъ принялъ дружелюбно обоихъ польскихъ пословъ и, по сношеніи съ верховнымъ визиремъ, отвѣчалъ Собѣскому, что готовъ принять на себя посредничество, если напередъ будетъ знать, что поляки уступятъ Турціи Подолію и обяжутся платить падишаху годичную дань. Иначе — онъ не только не бралъ на себя посредничества, но угрожалъ опустошеніемъ польскихъ областей. Такой отвѣтъ привезъ коронному гетману Злотницкій, а Вѣнявскій остался при ханѣ [2].

Ханъ съ ордами и Дорошенко съ козаками слѣдовали ко Львову; съ ними былъ отрядъ турецкихъ силъ подъ начальствомъ Капланъ-паши. На пути имъ сдавались городки [3], а татарскіе загоны расходились по сторонамъ, сожигали поселенія и забирали жителей въ полонъ [4]. Непріятельское полчище достигло до Львова 20 сентября. Передъ ихъ приходомъ Собѣскій распорядился вывезти изъ города Львова всѣ общественныя и частныя имущества, удалить женщинъ, дѣтей и стариковъ и дозво-

---

1) Klimacter, IV, 229, 200, 202.
2) Ojcz. Sp., II, 171, 174, 181.
3) Klimacter., IV, 215.
4) Лѣт. Сам. 115. Лѣт. Граб. 207.

лилъ оставаться въ городѣ только людямъ, способнымъ владѣть оружіемъ, а комендантомъ во Львовѣ оставилъ Илью Лонскаго съ четырьмя хоругвями пѣхоты и съ двумя отдѣлами конницы [1]).

Непріятельскія силы сразу окружили Львовъ со всѣхъ сторонъ: съ востока расположились турки, съ юга войска молдавскія и седмиградскія, съ запада татары, съ сѣвера Дорошенковы козаки. 25 сентября львовяне послали Каплану-пашѣ почетный гостинецъ [2]), но паша не принялъ его и потребовалъ присылки къ нему городскихъ ключей.

— Этого мы не смѣемъ сдѣлать безъ воли короля, — отвѣчали посланцы, — вѣдь мы королевскіе подданные! Ожидаемъ королевскихъ пословъ и надѣемся, что они заключатъ съ вами миръ.

Капланъ-паша прогналъ городскихъ пословъ. Началась канонада. Вмѣстѣ съ тѣмъ турки стали вести подкопы. 28-го сентября удалось туркамъ взять за́мокъ, господствовавшій надъ городомъ. Но въ ночь съ 28-го на 29 прибыли желанные послы польскаго короля, каштелянъ волынскій Францишекъ Любовицкій и коронный подскарбій Шумовскій. Первое ихъ стараніе состояло въ

---

[1]) Kronika miasta Lwowa, 422. Львовскій комендантъ впослѣдствіи жаловался, что у него было такъ мало силы, что невозможно было давать отпора тридцати тысячамъ турокъ, пятнадцати тысячамъ татаръ и нѣсколькимъ тысячамъ козаковъ (Ojczyste Sp., II, 176). По другимъ извѣстіямъ, орды были до шестидесяти тысячъ, турокъ до пятнадцати тысячъ, а козаковъ до восьми тысячъ (Ojcz. Sp., II, 179). Но это разнорѣчіе можетъ объясниться тѣмъ, что татарскія орды не бывали всѣ вмѣстѣ, а воевали порознь; такимъ образомъ, въ одномъ случаѣ говорилось о всей ордѣ, пришедшей съ ханомъ, — въ другомъ же о той, которая въ данное время стояла противъ польскаго войска. Притомъ же цифра численности непріятельскихъ силъ поляками могла быть соображена только глазомѣрно и потому только приблизительна къ истинѣ.

[2]) 4 хлѣба, 10 головъ сахару и боченокъ пивнаго меда.

томъ, чтобы при посредствѣ хана прекратить канонаду. На другой день, 30-го сентября, начались переговоры. На первыхъ порахъ салтаны или аги подняли такой шумъ, что ни къ чему не могли придти и отложили сходку на другое утро у хана. Турки умышленно старались унизить польскихъ пословъ, не давали имъ стульевъ, приказывали слушать и говорить стоя, снявши шапки.

На другой сходкѣ, 1-го октября, поляки заговорили было о Дорошенкѣ и объ Украинѣ, но турки и ханъ прервали ихъ и объявили, что объ этомъ нечего уже тратить словъ, когда Украина давно уже отдалась подъ власть падишаха. Польскіе послы упорно состязались о платежѣ каждогодной дани, добиваясь, чтобъ эту дань называли не харàчемъ (какъ звалась дань, платимая турецкому султану порабощенными христіанами), а «упоминками». Это рѣшено было предоставить волѣ падишаха. Мусульмане требовали было уступки не только Подоліи, но Львова и съ нимъ вмѣстѣ всего воеводства русскаго, но потомъ на просьбы пословъ согласились, чтобъ городъ Львовъ заплатилъ за себя окупъ въ размѣрѣ двадцати тысячъ червонцевъ. Тогда коммиссары послали въ городъ звать выборныхъ делегатовъ. Выслали изъ Львова четырехъ членовъ магистрата и при нихъ одного каноника. Эти делегаты, по собственному ихъ выраженію, какъ нищіе выпрашивали милости, представляя, что городъ не имѣетъ средствъ. «Возьмите Львовъ— говорили делегаты, — разберите по кирпичику всѣ костелы и каменныя строенія, и тогда не соберете большей стоимости; магнаты и богатѣйшіе граждане ушли, изъ костеловъ все серебро вывезли». Турки ничего не уступили. Когда во Львовѣ сдѣланъ былъ сборъ денегъ по разверсткѣ, то едва набралось 5,000 червонныхъ, и потому въ обезпеченіе уплаты остальной суммы Львовъ

далъ заложниками нѣсколькихъ знатныхъ лицъ изъ своихъ гражданъ, которые, 5-го октября, выданы были послами Рѣчи-Посполитой туркамъ и отправлены въ Каменецъ [1]).

Во всѣ стороны отъ Львова свирѣпствовали татарскіе загоны; десятками тысячъ жителей, и большихъ, и малыхъ, и старыхъ, и молодыхъ, гоняли татары въ неволю, сожигали ихъ жилье, истребляли хлѣбные запасы. Коммиссары умоляли Капланъ-пашу приказатъ пощадить край. Но Капланъ-паша отвѣчалъ: «на то война, благодарите еще Бога за то, что наши войска и крымцы не пошли за Вислу! Зачѣмъ Рѣчь-Посполитая не повѣрила, когда васъ остерегали?» [2]).

Возвращаясь съ послѣдней сходки, послы увидали Дорошенка и его товарищей, сидѣвшихъ на коняхъ. Враги взаимно поклонились другъ другу. Здѣсь былъ Петрановскій, знакомый панамъ по своему посольству отъ Дорошенка. «Каково поживаете, господа?» сказали полякамъ козаки съ явною насмѣшкою. — Эхъ, господа, господа! отвѣчалъ Любовицкій: будьте мудры и смотрите заранѣе, какой конецъ для васъ изъ этого будетъ.

Въ тотъ же день, 5-го октября, послы Рѣчи-Посполитой со статьями договора отправились въ станъ падишаха подъ Бучачемъ. Ничего не могли выторговать поляки у тѣхъ, кому было поручено принять отъ нихъ договорныя статьи. 7-го октября (20-го числа мусульманскаго мѣсяца Джумазыль-Ахыла) верховный визирь, упавши ницъ предъ высокимъ стременемъ падишаха, представилъ договоръ на высочайшее утвержденіе [3]).

---

[1]) Kronika miasta Lwowa, 426.
[2]) Ojcz. Spom., I, 189.
[3]) Collectanea, II, 70.

Польша обязывалась давать турецкому государю ежегодный даръ въ количествѣ двадцати двухъ тысячъ червонныхъ злотыхъ на срокъ 26-го октября, а падишахъ давалъ отъ себя обязательство запретить своимъ подданнымъ и подручникамъ дѣлать наѣзды и разоренія въ польскихъ владѣніяхъ, и еслибы случилось что-нибудь такое, а турецкій императоръ не учинилъ бы удовлетворенія по жалобѣ польскаго короля, то польскій король въ тотъ годъ будетъ свободенъ отъ взноса опредѣленнаго годичнаго дара. Польша уступала Турціи Подолію въ ея давнихъ границахъ, а если бы случились какія-нибудь недоразумѣнія о рубежахъ, то слѣдовало въ такомъ случаѣ съ обѣихъ сторонъ выслать порубежныхъ судей, которые будутъ опираться на свидѣтельство старожиловъ, и власти мусульманскія обязаны будутъ подчиняться приговору этихъ судей. Польскимъ военнымъ людямъ изъ подольскихъ городовъ и крѣпостей предоставляется выходить съ семьями и домашними пожитками, а также унести съ собою и собственное оружіе, но не вывозить крѣпостныхъ орудій. Остающаяся въ Подоліи шляхта (бейзадѐ), находясь съ своими маетностями подъ турецкою властію, будетъ пользоваться прежними льготами. Поселяне, шляхетскіе подданные, обложатся «харачемъ» наравнѣ съ прочими мусульманскими подданными турецкой имперіи (въ размѣрѣ отъ 20 до 50% съ годоваго дохода), или десятиною (данью, которою облагались принявшіе исламъ, въ размѣрѣ 10%), а владѣльцы обязаны были черезъ султанскихъ коммиссаровъ представлять въ казну весь доходъ съ своихъ имѣній разомъ съ собираемыми съ поселянъ государственными податьми, изъ чего владѣльцамъ будетъ оставлена опредѣленная часть. Зато на шляхту не будетъ налагаться никакихъ личныхъ поборовъ. За исключеніемъ мечетей, которыя будутъ нахо-

диться въ городахъ и замкахъ, мусульманскія власти не имѣютъ права вступаться въ остальныя земли и усадьбы шляхты, остающейся въ турецкомъ владѣніи, и всѣ подольскіе жители съ ихъ семьями и потомками, подобно другимъ обитателямъ порубежныхъ областей турецкаго государства, не будутъ подвергаться никакимъ стѣсненіямъ въ отправленіи своихъ глупыхъ религіозныхъ обрядовъ. Подольской шляхтѣ дозволялось выѣзжать по своимъ дѣламъ въ польскіе края срокомъ на два мѣсяца, но изъ поселянъ никто ни подъ какимъ предлогомъ не долженъ былъ ѣздить въ *Лехистанъ* [1]). Вся Украина уступалась козакамъ въ ея давнихъ рубежахъ, а если бы возникли по поводу рубежей недоразумѣнія, то они должны были рѣшаться тѣмъ же способомъ, какой указанъ выше по отношенію къ Подоліи. Польскія войска обязаны были выдти изъ Бѣлой-Церкви и изо всѣхъ крѣпостей и замковъ украинскихъ, оставивши на мѣстѣ орудія и боевые запасы. Всѣмъ козакамъ, находившимся при Ханенкѣ, поляки не должны препятствовать уходить въ свои дома въ Украину; самому же Ханенку не дозволять ѣздить въ ту сторону. Поляки не должны мстить польскимъ татарамъ, такъ-называемымъ *липкамъ* за то, что во время войны поступали подъ турецкое знамя; поляки должны были дозволить имъ, по ихъ желанію, переселяться въ «домъ Ислама». Ханъ крымскій обязанъ не только сдерживать своихъ татаръ отъ набѣговъ въ королевскія области, но и помогать польскому королю противъ его непріятелей, а король польскій обязывался не давать помощи непріятелямъ султана и не дозволять другимъ въ польскихъ владѣніяхъ набирать военныхъ

---

[1]) Такъ турки называли Польшу.

охотниковъ для войны съ Турціею [1]). Таковъ былъ Бучацкій договоръ, считаемый въ польской исторіи самымъ унизительнымъ для Рѣчи-Посполитой; но это былъ единственный актъ, по которому Польша принуждена была отказаться легально отъ власти надъ правобережною Малороссіею, такъ долго добивавшеюся независимости отъ Польши.

По заключеніи мира, турки отодвинулись къ Жванцу. Падишахъ назначилъ оставить въ новопріобрѣтенной Подоліи залоги въ различныхъ количествахъ по городамъ [2]). Ко Львову отправлено было приказаніе прекратить войну [3]). Но татары, разошедшись загонами, продолжали еще около мѣсяца своевольствовать. Польскія войска ходили отрядами для преслѣдованія татаръ, но ничего не сдѣлали имъ, отличаясь сами только хвастовствомъ и трусостію [4]). Одинъ Собѣскій удачно расправлялся съ татарскими загонами [5]). Козацкій гетманъ Ханенко также довольно удачно дѣйствовалъ тогда съ своими козаками противъ татарскихъ загоновъ. Послѣ своего пораженія подъ Четвертыновкою, онъ стоялъ у Дубна и тамъ отбилъ нападеніе турецкаго подъѣзда [6]), потомъ, 5-го октября, разбилъ татарскій загонъ подъ Краснобродомъ и отбилъ до двухъ тысячъ полонениковъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ нанесъ

---

[1]) А. Ю. и З. Р., XI, 218. Collectanea, II, 71—95.

[2]) Въ Каменцѣ по однимъ — 20,000 человѣкъ, по другимъ — 15,000, а по инымъ 10,000, въ Межиборжѣ, Барѣ, Ядловцѣ — по 1,000 человѣкъ, а въ другихъ, менѣе значительныхъ городкахъ — по 300 человѣкъ (А. Ю. и З. Р., XI, 143, 155). Разнорѣчиво показывали объ этомъ разные выходцы, занимавшіе въ тотъ вѣкъ роль газетъ нашего времени.

[3]) Collectanea, II, 81. А. Ю. и З. Р., XI, 75.

[4]) Pam. Paska, 298—303.

[5]) Szujski. Dziejé Polski, IV, 40.

[6]) А. Ю. и З. Р., XI, 76.

татарамъ пораженіе у Томашова, гдѣ никого изъ татаръ не оставили въ живыхъ козаки [1]). Не одни козаки и польскіе жолнѣры Собѣскаго били тогда татаръ: и поселяне Червонной Руси составляли добровольные отряды, разгоняли татарскіе загоны и освобождали христіанскихъ плѣнниковъ [2]) [3]).

Ханъ съ Дорошенкомъ, по приказанію падишаха, отступивши отъ Львова, прибыли въ главный турецкій обозъ подъ Жванцемъ и тамъ представились снова верховному повелителю. Козацкій гетманъ благодарилъ падишаха за великодушное благодѣяніе, оказанное козакамъ. Падишахъ поздравлялъ его съ совершеннымъ освобожденіемъ отъ ляховъ и приказалъ возложить на него халатъ, вышитый золотомъ. Верховный визирь въ своемъ шатрѣ велъ съ Дорошенкомъ такую бесѣду:

— Отчего, — спросилъ онъ гетмана, — ваше славное Войско Запорожское такъ умалилось и обезсилѣло противъ прежнихъ временъ?

— Раздѣлилось, — отвѣчалъ Дорошенко: — большая часть его осталась на лѣвой сторонѣ у царя, и на правой сторонѣ городъ Кіевъ у него же во власти.

— А ты бы, — сказалъ визирь, — спросилъ себѣ у царя заднѣпровскую Украину и Кіевъ.

---

[1]) Ojcz. Sp., II. 185.

[2]) Ibidem, 187.

[3]) Польскіе историки выставляютъ тогдашнія побѣды своихъ соотечественниковъ, въ особенности Собѣскаго, чѣмъ-то необыкновенно геройскимъ и указываютъ на многочисленность татарскихъ силъ въ сравненіи съ польскими. Но безпристрастно вникнувши въ дѣло, эти побѣды не окажутся такъ изумительными, какими ихъ окрашиваютъ поляки: татарскіе загоны не держались никакого порядка и были отягчены громаднымъ числомъ уводимыхъ въ неволю полоненниковъ, а потому нетрудно было сколько-нибудь устроенному войску разгонять ихъ и освобождать изъ ихъ рукъ яссырь.

— Царь не отдаетъ, — сказалъ Дорошенко.

— А какимъ подобіемъ достались эти края царю?— спрашивалъ визирь.

Дорошенко отвѣчалъ:

— Сперва сами поддались, потомъ отложились отъ царя; но царь посылалъ большое войско, тогда они и по неволѣ подчинились царю, и живутъ у него въ подданствѣ.

— Такъ потерпите же и молитесь Богу, — сказалъ визирь: — вотъ какъ польскаго короля одолѣемъ и подъ данью крѣпко учинимъ, тогда и Кіевъ, и заднѣпровская Украина будутъ наши [1]).

Дорошенко оставилъ при султанскомъ дворѣ въ качествѣ своихъ резидентовъ Петрановскаго и писаря Воеховича съ четырьмя человѣками товарищей [2]).

Падишахъ двинулся обратно съ войскомъ за Днѣстръ въ свои владѣнія, а Дорошенко съ ханомъ въ Украину. Дорошенко безъ труда отобралъ подъ свою власть городки, подчинившіеся Ханенку между Днѣстромъ и Бугомъ: польскіе жолнѣры, бывшіе тамъ въ зáмкахъ, ушли безъ сопротивленія [3]).

Недалеко отъ Умани ханъ съ своими ордами отправился въ Крымъ, а Дорошенко остановился въ Кристиновкѣ. Этотъ городъ передъ турецкимъ приходомъ держался Ханенка, который прежде былъ уманскимъ полковникомъ и, по всему видно, родомъ онъ былъ изъ Умани; по крайней мѣрѣ, семья его тамъ оставалась. Нынѣ полковникомъ отъ своей руки поставилъ Ханенко тамъ Бѣлогруда. Услыхавши, что Дорошенко — въ Кристиновкѣ, уманцы собра-

---

[1]) А. Ю. и З. Р., XI. 168.
[2]) Ibidem, 76.
[3]) Лѣт. Сам., 59.

лись на раду и разсудили, что теперь Дорошенко страшенъ и надобно ему кланяться. Духовные и миряне повезли ему въ гостинецъ, какъ выражается лѣтописецъ [1]), «скоромнаго и постнаго провѣянта» и разныхъ напитковъ. Дорошенко ласково принялъ предлагаемые гостинцы, но похулилъ уманцевъ за то, что поддались Ханенку и ляхамъ. «Ляхи, — говорилъ онъ, — наши первѣйшіе враги; отрѣжьтесь отъ нихъ, будьте подъ турецкою протекціею, не вѣрьте тѣмъ, которые васъ пугаютъ нарушеніемъ православной вѣры и старыхъ порядковъ». Въ заключеніе онъ пригласилъ депутатовъ на обѣдъ, дружелюбно простился съ ними и отправился въ Чигиринъ, а черезъ полторы недѣли потребовалъ изъ Умани къ себѣ нѣкоторыхъ знатныхъ козаковъ и приказалъ ихъ — кого повѣсить, а кого разстрѣлять, а Ханенкову жену прислать въ Чигиринъ. Но въ Умани были запорожцы, преданные Ханенку — по однимъ извѣстіямъ, ихъ было полторы тысячи, по другимъ — пятьсотъ [2]). Они ушли въ Бѣлую-Церковь и увлекли за собою многихъ уманцевъ, опасавшихся расправы отъ Дорошенка [3]). Тогда Дорошенко послалъ къ Бѣлоцерковскому коменданту Лобелю требованіе выступить съ польскими жолнѣрами сообразно условію, постановленному въ мирномъ договорѣ съ турками. Но Лобель отвѣчалъ, что не выйдетъ, пока не получитъ приказа отъ своего короля. Вслѣдъ затѣмъ Лобель сталъ дразнить Дорошенка: онъ послалъ своихъ жолнѣровъ и велѣлъ имъ сжечь козацкіе городки Семеновку и Хвастовъ [4]). Такимъ образомъ Дорошенко, еще

---

[1]) Лѣт. Величко, II, 332.
[2]) Ojcz. Sp., II, 192.
[3]) А. Ю. и З. Р., XI, 119.
[4]) Ibid. 95.—Ojcz. Sp.. II, 193.

до истеченія полугодія со времени Бучацкаго договора, имѣлъ уже полное право упрекать поляковъ въ вѣроломствѣ и несоблюденіи мирнаго договора.

III.

Политика московскаго правительства. — Опасенія разрыва съ Турціею. — Царскія грамоты христіанскимъ европейскимъ державамъ. — Проектъ сойтись съ Дорошенкомъ. — Освобожденіе Сѣрка. — Рада у Дорошенка весною 1673 года. — Народное недовольство турецкимъ господствомъ. — Каневскій полковникъ Лизогубъ. — Его сношенія съ московскимъ правительствомъ. — Сношенія Дорошенка съ Польшею. — Рада на Расовѣ и въ Чигиринѣ. — Неудачное посольство Шумлянскаго. — Послѣдняя борьба Дорошенка съ Ханенкомъ. — Ханенко подъ Кіевомъ. — Убійство Пиво-Запольскаго. — Ханенко уходитъ въ Запорожье. — Хотинская побѣда Собѣскаго надъ турками. — Увертка Дорошенка.

Московское государство держалось почти безучастно во все время войны турокъ съ поляками. Когда падишахъ шелъ на Каменецъ, король Михаилъ посылалъ въ Москву просить содѣйствія на основаніи Андрусовскаго договора, но ему отвѣтили, что Андрусовскія статьи повреждены уже самими поляками, что, однако, царь, по христіанскому долгу, уже указалъ подвластнымъ калмыкамъ, татарамъ и донскимъ козакамъ сдѣлать нападеніе на крымскіе улусы въ видахъ отвлеченія крымцевъ, воевавшихъ вмѣстѣ съ турками противъ поляковъ; что не запрещается, кромѣ того, охотникамъ изъ подданныхъ московскаго государя участвовать вмѣстѣ съ поляками въ войнѣ противъ невѣрныхъ. Тѣмъ и ограничилось московское благорасположеніе къ Польшѣ въ трудное для послѣдней время. Каменецъ былъ взятъ. Польша утратила Подолъ и Украину; — тогда опасный вѣтеръ сталъ вѣять и на Россію. Ромодановскій и Самойловичъ получали и сообщали въ Москву зловѣщіе слухи о томъ,

что турки собираются вторгаться въ царскія владѣнія [1]), а кіевскій воевода князь Козловскій извѣщалъ, что въ лѣвобережной Украинѣ стали ходить «прелестные» листы Дорошенка [2]). Самъ Дорошенко, напротивъ, къ великороссійскимъ властямъ показывалъ предупредительность и письменно просилъ великороссійскаго воеводу въ Кіевѣ пребывать къ нимъ въ любви «совѣтно» [3]). Въ Москвѣ мало вѣрили дружелюбію Дорощенка и въ видахъ опасности, въ концѣ декабря, послали въ малороссійскіе города ратную силу подъ главнымъ начальствомъ князя Трубецкого, назначеннаго въ Кіевъ воеводою [4]); самъ царь объявилъ намѣреніе идти въ походъ своею особою, и для этого приказано было строить государевъ дворъ въ Путивлѣ. Ожиданіе столкновенія съ могущественною Оттоманскою державою побудило московское правительство искать содѣйствія европейскихъ государей, и съ этою цѣлью разосланы были съ царскими граматами гонцы къ цесарю, папѣ, курфирстамъ саксонскому и бранденбургскому, къ венеціанской республикѣ, во Францію, Испанію, Англію, Голландію, Швецію и Данію [5]). Это было первое обращеніе Московскаго государства къ европейскимъ державамъ о войнѣ съ турками; до тѣхъ поръ съ запада присылались подобныя предложенія къ Московскому государству и были напрасны.

Но, ожидая отъ Дорошенка, турецкаго подручника, непріязненныхъ поступковъ, въ Москвѣ считали возможнымъ болѣе чѣмъ прежде сойтись съ Дорошенкомъ. Не

---

[1]) А. Ю. и З. Р., XI, 73, 77, 118, 124, 94, 100, 125.
[2]) Ibidem, 77, 81, 88.
[3]) Ibid., 99.
[4]) Ibid., 131.
[5]) Ibid., 104.

разъ уже онъ заявлялъ желанiе поступить подъ высокодержавную руку православнаго монарха, съ тѣмъ однако, чтобы сохранилось единство Украины, разодранной Андрусовскимъ договоромъ. Московское правительство, признавая Дорошенка польскимъ подданнымъ, находило затруднительнымъ принять его, чтобы не нарушить мирнаго договора съ Польшею. Теперь такое затрудненiе устранялось. Дорошенко пересталъ быть польскимъ подданнымъ послѣ того, какъ сама Польша договоромъ съ Турцiею отреклась отъ Украины, подчиненной Дорошенку, и прiемъ правобережнаго гетмана въ подданство царю не долженъ былъ, казалось, повлечь за собою разрыва съ Польшею. Скорѣе ожидалось изъ-за этого столкновенiе съ Турцiею, но въ Москвѣ въ то время надѣялись, что теперь, по царскому приглашенiю, ополчатся противъ враговъ креста святаго христiанскiя державы, много разъ прежде того побуждавшiя къ войнѣ Московское государство. Составился проектъ отклонить Дорошенка отъ союза съ Турцiею и склонить къ подданству московскому царю. Этотъ проектъ, сообщенный прибывшему въ Москву отъ Самойловича протопопу Адамовичу вмѣстѣ съ сыновьями гетмана, поручался для исполненiя боярину Ромодановскому и гетману Самойловичу. Предполагалось обращаться съ Дорошенкомъ такъ, чтобъ его и ласкать, и припугивать. Сперва гетманъ и бояринъ должны были отправить къ Дорошенку двухъ умныхъ людей съ увѣщательною граматою отъ царскаго имени, а сами затѣмъ на страхъ Дорошенку они со своими военными силами должны были подвинуться къ берегамъ Днѣпра [1]). Если Дорошенко приметъ грамату, то пусть прiѣдетъ къ боярину и гетману и въ ихъ присутствiи присягнетъ въ

---

[1]) А. И. Д. 1673, № 9.

вѣрности царю; — если же станетъ упрямиться, то грозить ему военнымъ походомъ противъ него. Тогда уже предполагали, что могли правобережные полковники съ своими полками, помимо воли своего гетмана, отступиться отъ Турціи и поступить въ подданство къ царю, — поэтому заранѣе указывалось принять ихъ. Въ то же время освободили изъ Сибири и отпустили въ Запорожье Сѣркà по ходатайству польскаго короля [1]) и кошеваго запорожскаго [2]), несмотря на просьбу гетмана задержать его [3]). Сѣркó, уѣзжая на свободу, выслушалъ отъ московскаго патріарха назидательное увѣщаніе быть вѣрнымъ поставленному отъ Бога монарху, но внутри затаилъ надолго, если не навсегда, нерасположеніе къ Москвѣ.

Какъ только Дорошенко услыхалъ, что въ царской державѣ затѣвается что-то на его счетъ, то созвалъ въ Чигиринѣ на раду полковниковъ и старшинъ и спрашивалъ, чтò имъ дѣлать. Всѣ, зная преданность своего гетмана Турціи, единогласно положили: «намъ отъ турка отступиться нельзя. Царь, по мирному договору съ Польшею, насъ не приметъ; искони вѣковъ Украина наша не была въ раздѣлѣ, а подъ королевскою рукою ни за что быть не хотимъ. Коли въ нынѣшнее время намъ отъ турка отложиться, то насъ турокъ до останка разоритъ!» [4]) Такимъ образомъ, прежде чѣмъ отъ московскаго царя пришлось имъ услышать голосъ, призывающій ихъ къ отступленію отъ турокъ, правобережные козаки рѣшили держаться крѣпко турецкой власти, но они говорили только изъ угодливости Дорошенку: то не былъ всеобщій

---

[1]) А. Ю. и З. Р., XI, 11.
[2]) Ibidem, 112.
[3]) Ibidem, 139.
[4]) А. Ю. и З. Р., XI, 166 — 189. Ojcz. Spom., II, 239.

голосъ народа. Народъ въ Украинѣ, напротивъ, роптал ъ на своего гетмана за подданство Турціи. Изъ Подоліи,— страны, населенной малороссіянами, но уступленной Польшею Турціи, приносились ужасающія вѣсти о жестокостяхъ бусурманъ надъ христіанскими жителями: церкви Божіи обращались въ мечети или кладовыя, запрещался церковный благовѣстъ, малыхъ ребятъ брали отъ родителей, не дозволяли жениться, крестить младенцевъ, хоронить умершихъ, не заплативъ напередъ положенныхъ за то пошлинъ. Наказывали по одному подозрѣнію, ввели круговую поруку, невинный отвѣчалъ за виновнаго: ушелъ самовольно какой-то мѣщанинъ, вмѣсто него посадили въ тюрьму другаго и заставили заплатить порядочную сумму. Запретили христіанамъ свободную торговлю горѣлкою и пивомъ. «Заковываютъ христіанъ въ кандалы, такъ что уже въ Подоліи и желѣзо вздорожало отъ потребности въ кандалахъ» [1]). Такіе толки кружились тогда въ народной громадѣ и отвращали народъ отъ Дорошенка; между самими старшинами, которые, угождая Дорошенку, на радѣ подавали голосъ въ пользу Турціи, нашлись сразу такіе, что были готовы служить видамъ московскаго государя. Ближе всѣхъ къ Дорошенку былъ тогда ка̀невскій полковникъ Яковъ Лизогубъ. Гетманъ отдалъ за его сына свою дочь. Лизогубъ повелъ подкопъ подъ своего свата. Онъ началъ съ того, что послалъ къ переяславскому полковнику Дмитрашкѣ Райчѣ одного грека, переяславскаго жителя, сообщить по секрету, что ка́невскій полковникъ со всѣмъ полкомъ желаетъ быть въ подданствѣ у великаго государя. Дмитрашка Райча отправилъ присланнаго грека къ Самойловичу.

---

[1]) А. Ю. и З. Р., XI, 169—181. Ojcz. Spom. II, 198.

— Какъ у васъ дѣло дѣлалось, разскажи? — спрашивалъ Самойловичъ грека.

Грекъ сказалъ:

— Лизогубъ призвалъ меня къ себѣ и говорилъ: приходятъ на насъ лихія времена, разволокутъ турки всѣхъ насъ врознь. Я бы хотѣлъ съ городомъ Каневомъ и со всѣмъ моимъ полкомъ отступиться отъ Дорошенка, да не смѣю у великаго государя милости просить.

Самойловичъ послалъ объ этомъ извѣстіе въ Москву, а изъ Москвы, 16-го января 1673 года, отправили въ Батуринъ подъячаго Семена Щоголева съ указомъ гетману, если подлинно окажется, что Лизогубъ хочетъ быть въ подданствѣ у царя, то поручить ему уговаривать и другихъ полковниковъ отступить отъ Дорошенка. Разомъ съ тѣмъ слѣдовало узнать отъ Лизогуба, не хочетъ ли самъ Дорошенко отступить отъ султана. Самойловичъ долженъ былъ послать за этимъ къ Лизогубу вѣрнаго и знающаго человѣка со словеснымъ наказомъ, но никакъ ничего не довѣрять бумагѣ.

Самойловичъ тотчасъ послалъ къ Дмитрашкѣ Райчѣ того же грека, который къ нему пріѣзжалъ, но въ разговорахъ со Щоголевымъ гетманъ не показалъ расположенія вести съ Дорошенкомъ мирные переговоры. Самойловичъ боялся, чтобъ Дорошенко впослѣдствіи какъ-нибудь не вошелъ въ милость у царя и не выпросилъ для себя гетманства надъ обѣими сторонами въ Украинѣ. Самойловичъ говорилъ московскому послу, что предпочитаетъ идти войною на Дорошенка. 30-го января онъ отправилъ Щоголева самого къ Дмитрашкѣ Райчѣ.

Щоголевъ видѣлся съ Дмитрашкою Райчемъ въ Кіевѣ 14-го февраля. Дмитрашко Райча сказалъ ему:

«Лизогубъ со мною издавна въ совѣтѣ живетъ, а теперь учинился сватомъ Дорошенку по неволѣ. Лизогубъ

присылалъ ко мнѣ, чтобъ я отдалъ свою падчерицу за его сына. Я бы и помыслилъ такъ сдѣлать, хотячи Лизогуба на сю сторону перевести; но потомъ, черезъ своего зятя Ивана Гладченка, Лизогубъ передалъ мнѣ вотъ что: ѣздилъ онъ, Лизогубъ, къ Дорошенку спрашивать о женитьбѣ сына своего, а Дорошенко и говорилъ ему: напрасно съ Дмитрашкою родниться хочешь, они люди богатые и спѣсивые, чтó тебѣ съ ними въ свойство входить? Знать, Дорошенка не посмѣешь просить, оттого, что онъ гетманъ, а Дорошенко не побрезгуетъ Яковомъ Лизогубомъ, его сыномъ, а у Дорошенка есть дочь! — Послѣ такихъ словъ Яковъ Лизогубъ убоялся Дорошенка и тотчасъ же, не отговариваясь, женилъ своего сына на дочери своего гетмана, а теперь Яковъ Лизогубъ говоритъ: такое со мною учинилось, чего моя душа никогда не желала.»

Щоголевъ обдарилъ Дмитрашку Райчу соболями, а Дмитрашко Райча уѣхалъ въ Барышевку, условившись позвать туда Щоголева послѣ того, какъ снесется съ Лизогубомъ.

Щоголева позвали въ Барышевку 28-го февраля, и тогда онъ держалъ бесѣду съ грекомъ, воротившимся изъ Канева, куда посылалъ его Дмитрашка Райча. Грекъ говорилъ:

— Лизогубъ сказалъ мнѣ: со всѣмъ полкомъ готовъ царю служить, только безъ присылки сюда царскаго войска намъ отлучиться отъ Дорошенка невозможно. Онъ всѣми силами своими оступитъ меня и мученію паче другихъ человѣкъ предастъ за то, что я съ нимъ въ свойствѣ. Радъ бы я со всѣмъ своимъ домомъ и пожитками перебраться въ сторону царскую, да славу свою утеряю. Здѣсь я начальный знатный человѣкъ и всѣ люди нашей стороны меня слушаютъ, и лучше будетъ мнѣ, живучи

на правой сторонѣ, показать службу свою великому государю. Уже и теперь люди нашей стороны, видя отъ турокъ утѣсненія, проклинаютъ Дорошенка. Да и самъ Дорошенко жалѣетъ, что поддался турскому султану, только не знаетъ, что̀ ему дѣлать. Не дай Богъ, коли польскій король станетъ совсѣмъ подъ данью у турецкаго султана; тогда онъ долженъ будетъ дѣлать все, что прикажетъ султанъ, и поляки пойдутъ войною на царскую державу. — Подали питье; Лизогубъ первую чашу выпилъ за царя, вторую за гетмана Самойловича и потомъ произнесъ: «пусть бы великій государь присылалъ многочисленную рать въ Украину, пока турскія войска не пришли. Ни одинъ городъ, кромѣ Чигирина, не станетъ держаться съ Дорошенкомъ. Всѣ сдадутся, и самъ Дорошенко, какъ увидитъ близко себя царскую рать, не то станетъ думать, что теперь. У насъ на правой сторонѣ всѣ съ охотою отдадутся подъ высокодержавную царскую руку, только пусть великій государь насъ пожалуетъ: нашихъ полковниковъ и прочихъ начальныхъ людей не велитъ грабить, разорять и въ Сибирь ссылать. У насъ этого очень боятся. Да еще и того многіе опасаются: — какъ сдадутся подъ высокую царскую руку, а великій государь изволитъ ихъ королевскому величеству отдать, какъ уже было при Бруховецкомъ. Какіе были городы побраны, а потомъ опять отданы Польшѣ! Тогда ужь покоя у насъ не будетъ, потому что подъ королевскою рукою намъ ни за что не быть!» Прощаясь со мною, Лизогубъ сказалъ: «пусть бы царскій подъячій пріѣхалъ ко мнѣ повидаться въ Каневъ!»

Щоголевъ не дозволилъ себѣ безъ вѣдома гетмана входить въ дальнѣйшія объясненія и ѣхать на свиданіе къ самому Лизогубу, потому что не зналъ степени искренности Лизогуба, и воротился въ Батуринъ. На прощаньи

съ нимъ, Дмитрашко Райча, всегда склонный къ козням, старался выставить себя особенно преданнымъ царю и способнымъ оказать услуги, а своихъ земляковъ-малороссіянъ чернилъ всевозможнѣйшимъ образомъ всѣхъ огуломъ, не касаясь лицъ, и только одного Лизогуба хвалилъ.

По возвращеніи въ Батуринъ подъячій услыхалъ отъ Самойловича такой отзывъ о Лизогубѣ:

— Вѣрилъ я Лизогубу, пока онъ не былъ въ сватовствѣ съ Дорошенкомъ, а теперь не вѣрю; думаю, — все, что́ Лизогубъ говорилъ греку Павлу, научилъ его такъ говорить самъ Дорошенко. Вотъ какъ пойдемъ съ княземъ Ромодановскимъ на ту сторону съ войскомъ, такъ и не въ честь станутъ намъ сдаваться, знаючи, что иначе турки придутъ и разволокутъ всѣхъ. Вотъ Хмельницкій съ бусурманами водился, да и залетѣлъ въ Царь-градъ, да и Дорошенко изъ-подъ Каменца отъ бусурмана насилу утекъ. Не отбыть ему и впередъ. Къ Лизогубу посылать не нужно. Лизогубъ наши слова станетъ передавать Дорошенку, а Дорошенко передастъ объ этомъ султану и тѣмъ станетъ его противъ насъ возбуждать.

Эти слова показывали, какое взаимное недовѣріе господствовало въ малороссійскомъ обществѣ: одинъ другаго хотѣлъ подвести, одинъ другаго о́стерегался. Самойловичъ, наученный опытами прежнихъ лѣтъ, осматривался на всѣ стороны, чтобъ его не провели и не вооружили противъ него въ Москвѣ правительство [1]).

Щоголевъ уѣхалъ 13 го марта.

По договору съ турками поляки обязались дать Дорошенку Бѣлую-Церковь, но бѣлоцерковскій комендантъ Лобель не сдавалъ ее, а Ханенко продолжалъ именоваться гетманомъ всей правой стороны, и недовольство

---

[1]) А. Ю. и З. Р., XI, 177.

въ Украинѣ подчиненіемъ Турціи подавало ему надежды. Умань отложилась отъ Дорошенка. По разсказу лѣтописи Величка [1]), въ понедѣльникъ на пасху былъ обѣдъ, устроенный Братствомъ въ воскресенской церкви; тамъ были многіе значные жители и начальные люди компанейцевъ и серденятъ, посланныхъ Дорошенкомъ въ Умань. Во всемъ городѣ много тогда пили ради праздника Господня. Когда полковники компанейскій Силичъ и серденятскій Жеребило возвращались верхомъ съ пира, пьяницы на улицѣ стали задирать ихъ бранными словами, а когда тѣ стали отъ нихъ отмахиваться канчуками, бросились на нихъ съ дрючками (кольями). Жеребило ускакалъ изъ города съ конными компанейцами, а Силичъ съ пѣшими серденятами, запершись въ какомъ-то домѣ, отстрѣливался отъ уманцевъ, пока, наконецъ, уманцы взяли его со всѣми серденятами и всѣхъ перебили. Кгродзенко, поставленный отъ Дорошенка полковникомъ, убѣжалъ къ своему гетману, а уманцы выбрали полковникомъ Яворскаго, прежняго войсковаго товарища, и послали къ Ханенку объявить, что хотятъ быть подъ его регментомъ. Тогда Ханенко началъ открытую вражду съ Дорошенкомъ. Назначенный имъ въ званіи бѣлоцерковскаго полковника Игнатъ Макуха началъ безпокоить подъѣздами украинскіе городки, признававшіе Дорошенка, а бѣлоцерковскій комендантъ просилъ помощи у кіевскаго воеводы. Дорошенко обратился за помощью въ Крымъ черезъ войсковаго товарища Ивану Мазепу [2]), но разсудилъ, что до прихода къ нему на помощь союзниковъ ссориться съ Польшею не слѣдуетъ: онъ послалъ королю Михаилу письмо, гдѣ заяв-

---

[1]) Лѣт. Вел., т. II, стр. 337 — 340.
[2]) А. Ю. и З. Р., XI, 232.

лялась мысль о соединеніи Украины съ Польшею на основаніи Гадяцкаго договора, съ непремѣннымъ однако условіемъ немедленнаго выхода поляковъ изъ украинскихъ городовъ [1]). Посланецъ Дорошенка былъ на дорогѣ схваченъ турками, и вскорѣ въ Чигиринъ явился турецкій чаушъ съ запросомъ, что́ значитъ посылка къ польскому королю. Дорошенко отговорился, что это была хитрость: узналъ онъ, что поляки намѣрены напасть на Украину, хотѣлъ обмануть ихъ и задержать, пока не пришлется къ нему помощь изъ Турціи. Отпуская этого чауша, Дорошенко послалъ къ султану въ подарокъ польскихъ плѣнниковъ, содержавшихся у него въ чигиринскомъ за̀мкѣ. Дорошенко туркамъ говорилъ тогда правду; онъ сносился съ поляками, не думая на самомъ дѣлѣ съ ними дружить. Король послалъ къ нему львовскаго православнаго епископа Шумлянскаго, человѣка искренно преданнаго полякамъ и склоннаго къ уніи, которую принялъ впослѣдствіи [2]). Въ ожиданіи пріѣзда этого владыки, Дорошенко назначилъ генеральную раду на рѣкѣ Расавѣ для разсужденія о томъ, что́ дѣлать съ поляками, но самъ туда не поѣхалъ, зная напередъ, что въ большомъ народномъ собраніи встрѣтитъ противъ себя раздраженіе [3]), а послалъ туда вмѣсто себя наказнымъ Лизогуба, который на радѣ выслушалъ отъ козаковъ большое негодованіе къ турецкому господству, непреклонную вражду къ полякамъ и наклонность къ московскому царю [4]). Когда же пріѣхалъ Шумлянскій [5]), Дорошенко въ Чигиринѣ собралъ опять раду уже при себѣ, но вмѣсто того,

---

[1]) А. Ю. и З. Р., XI, 222, 239.
[2]) Ibid., 237 — 239. — Ojcz. Sp., II, 217, 221.
[3]) Ojcz. Spom., II, 238.
[4]) А. Ю. и З. Р., XI, 271.
[5]) Ojcz. Spom., II, 217.

чтобы подготовлять козаковъ къ соединенію съ Польшею, вспоминалъ всякія оскорбленія, нанесенныя малороссіянамъ ляхами, и превозносилъ турецкаго государя. Шумлянскій понялъ, что Дорошенко лукавитъ, и уѣхалъ изъ Чигирина ни съ чѣмъ [1]), а Дорошенко отправилъ къ турецкому султану полученныя отъ польскаго короля письма, изъ которыхъ султанъ могъ узнать, что у христіанскихъ государей возникла мысль составить между собою союзъ, чтобы идти войною на мусульманъ [2]).

Прежде чѣмъ къ Дорошенку пришла ожидаемая изъ Крыма помощь, онъ услыхалъ, что Ханенко, стоявшій на Волыни у Корца, двинулся на него въ Украину съ своими козаками и поляками, чтобы предупредить прибытіе къ Дорошенку орды [3]). По извѣстію одного украинскаго лѣтописца [4]), Ханенко дошелъ до Стеблова и былъ тамъ пораженъ на голову, стиснутый съ одной стороны Дорошенкомъ, а съ другой — крымскимъ салтаномъ, успѣвшимъ дойти на помощь къ Дорошенку. Много бѣжало изъ его войска, которое, какъ показываютъ современники, у него простиралось до десяти тысячъ; съ оставшимися Ханенко ушелъ къ Кіеву и расположился станомъ подъ печерскимъ монастыремъ. Современныя извѣстія объ этомъ событіи не упоминаютъ, но сообщаютъ, что Ханенко бился съ отрядомъ Дорошенкова войска, бывшаго подъ начальствомъ наказнаго Якова Лизогуба на рѣкѣ Лыбеди, близъ Кіева. Какъ эта битва кончилась — неизвѣстно, но Ханенко послѣ того приблизился къ Кіеву и послалъ кіевскому воеводѣ, князю Трубецкому, объявить, что онъ съ своими козаками, тѣс-

---

1) А. Ю. и З. Р., XI, 284.
2) Ojcz. Spom., II, 228.
3) А. Ю. и З. Р., XI, 286—296.
4) Велич., II, 339—340.

нимый Дорошенкомъ, не въ состояніи сладить съ своимъ врагомъ, не желаетъ болѣе служить польскому королю, недоволенъ будучи коороннымъ гетманомъ Яномъ Собѣскимъ, и проситъ принять его въ подданство царю. Воевода прогонялъ его отъ Кіева къ Димеру, но Ханенко не пошелъ туда [1]), а перешелъ на островъ, образуемый Днѣпромъ и Чарторыею, и обратился къ Самойловичу съ просьбою пропустить его въ Запорожье. Самойловичъ послалъ въ приказъ просить на это разрѣшеніе и не получалъ отвѣта въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, а Ханенковы козаки поодиночкѣ уходили искать селитьбы въ царскихъ областяхъ. Ханенко, не дождавшись разрѣшенія, съ умаленною въ значительной степени своею ватагою, двинулся на Полѣсье въ городъ Димеръ, съ намѣреніемъ отмстить своему личному врагу, польской службы полковнику Пиво-Запольскому [2]).

Пиво-Запольскій былъ типичною личностью поляка своего времени. Посланный въ полѣсскій край по сосѣдству съ Кіевомъ, онъ набралъ себѣ своевольный отрядъ, постоянно возбуждавшій жалобы малороссіянъ на безчинства и насилія. Лѣтомъ 1678 г. онъ напалъ на Кіевъ и надѣлалъ тамъ разоренія. Нѣсколько времени въ Кіевѣ боялись, что этотъ польскій полковникъ снова сдѣлаетъ нападеніе на Кіевъ съ цѣлью отобрать его во власть польскаго короля. Но вдругъ Пиво-Запольскій изъявилъ готовность перейти на службу къ московскому государю; ему отказали, не желая входить въ недоразумѣнія съ польскимъ королемъ [3]). Тогда Пиво-Запольскій предложилъ себя на службу Дорошенку и уже въ Паволочи,

---

[1]) Симбирс. Сборн., Малорос. дѣла, стр. 4, 15—16.

[2]) А. Ю. и З. Р., XI, 318, 320.

[3]) Ibid., 215, 222. — Письма Лаз. Барановича, стр. 183. О нападеніи на Кіевъ.

передъ Дорошенковымъ генеральнымъ асауломъ Шуликомъ, произнесъ присягу украинскому гетману, турецкому подручнику [1]). Такія измѣны у поляковъ въ тотъ вѣкъ оправдывались шляхетскою вольностію. Вотъ съ этимъ-то господиномъ былъ Ханенко во враждѣ. Въ предшествовавшемъ году Ханенко отбилъ на дорогѣ плѣнницу, черкешенку изумительной красоты, которую Дорошенко посылалъ въ даръ падишаху. Ханенко отдалъ ее на сбереженіе вь Бѣлую-Церковь къ коменданту Лобелю до своего востребованія. Провѣдавши о ней, Пиво-Запольскій сочинилъ фальшивое письмо отъ имени Ханенка и такъ искусно подписался подъ его руку, что Лобель выдалъ дѣвушку подателю письма. Пиво-Запольскій жилъ съ нею четверть года, потомъ, какъ говорятъ, на ней женился. Ханенко, пока служилъ Польшѣ, таилъ въ себѣ желаніе мести, но послѣ пораженія Дорошенкомъ, недовольный притомъ поляками за то, что его мало наградили, рѣшился отступить отъ Польши и на прощанье расправиться съ своимъ врагомъ. Не открывая никому своего намѣренія, онъ прибылъ въ Димеръ, расположился передъ зȁмкомъ, пригласилъ Пиво-Запольскаго къ себѣ на пирушку, убилъ его въ своемъ шатрѣ [2]), потомъ выступилъ изъ Димера въ Брагинъ и оттуда послалъ новую просьбу къ Самойловичу о дозволеніи пройти въ Запорожье [3]). Самойловичъ тогда уже получилъ рѣшеніе московскаго правительства. Царская грамата отъ 23-го октября дозволяла Самойловичу пропустить Ханенка на Запорожье, а его разбѣжавшихся козаковъ, шатавшихся на лѣвой сторонѣ, водворить на жительство въ лѣвобережной

---

[1]) А. Ю. и З. Р., XI, 231, 232.
[2]) Ojcz. Spom., II, 251, 253.
[3]) А. Ю. и З. Р., XI, 321.

Украинѣ, но приказать начальнымъ людямъ по полкамъ смотрѣть за ними, чтобъ отъ нихъ не было ничего дурного [1]). Вслѣдъ за уходомъ Ханенка на Запорожье, множество жителей изъ уманскаго полка, признавшіе Ханенка, не хотѣли подчиняться Дорошенку и турецкой власти, покинули, по выраженію украинскаго лѣтописца, свои красныя жилища и угодья, перешли на лѣвый берегъ Днѣпра и поселились въ разныхъ мѣстахъ полтавскаго полка близко къ днѣпровскому побережью [2]). Стремленіе переселяться въ царскія владѣнія охватило и тѣхъ малороссіянъ, которые жили въ краѣ, непосредственно принадлежавшемъ Польшѣ. Поляки стали не допускать народъ до такихъ переходовъ, и весною 1673 года, подъ Любаромъ, остановили большую партію «прочанъ» (такъ назывались въ то время переселенцы). Дорошенко роптал, что ляхи «не пропускаютъ нашихъ», но, заступаясь за прочанъ, желалъ, чтобъ они селились въ его пустѣвшихъ владѣніяхъ, а перевозиться черезъ Днѣпръ претилъ имъ не менѣе поляковъ [3]).

Осенью, между тѣмъ, у поляковъ возобновлялся разрывъ съ Турціею. Вопреки бучацкому договору, поляки не платили опредѣленной дани, не выводили своихъ «залогъ» изъ подольскихъ городковъ и даже стали выгонять турецкія и татарскія залоги, помѣщенныя въ Подоліи [4]). Падишахъ грозилъ наказать поляковъ военною силою за вѣроломство; но поляки, съ своей стороны, понадѣялись на измѣну Турціи господарей: молдавскаго Гики и ва-

[1]) А. Ю. и З. Р., XI, 319.
[2]) Величка, II, 340.
[3]) Ojcz. Sp., II, 215.
[4]) Симбирск. Сборн., Малорос. дѣла, стр. 42.

лахскаго Петриченка [1]). Коронный гетманъ Собѣскій съ наступленіемъ осени двинулся къ Хотину. Услышавши объ этомъ движеніи, турецкій сердарь (главнокомандующій) отправилъ Гуссейна-пашу съ небольшимъ отрядомъ и къ усиленію его приказалъ идти другому турецкому генералу, Капланъ-пашѣ, съ двадцатью тысячами войска. Но, прежде чѣмъ Капланъ-паша успѣлъ придти, поляки атаковали Гуссейна-пашу. Силы враговъ оказались неравномѣрными: у поляковъ было 30,000 человѣкъ да еще 4,000 валаховъ, у турокъ — только 10,000. Гуссейнъ и бывшіе съ нимъ паши покинули свои становища, добѣжали до моста, построеннаго черезъ Днѣстръ, и ушли въ Каменецъ. За ними, по тому же направленію къ мосту, бросилась большая часть турецкаго войска, но отъ многолюдства мостъ обломился, много турокъ потонуло, умѣвшіе хорошо плавать спаслись, а поляки съ берега по нимъ стрѣляли; остальные турецкіе воины, не бѣжавшіе черезъ Днѣстръ, были натиснуты на глубокую и узкую пропасть между двумя скалами и тамъ погибли съ своими лошадьми [2]). Въ тотъ же вечеръ сдался полякамъ Хотинъ.

Поляки, какъ часто съ ними случалось, не воспользовались своею побѣдою. Приближалась зима. Жолнѣры стали роптать и требовать, чтобъ ихъ отпустили на зимнія квартиры [3]). Кромѣ того, въ самый день побѣды умеръ во Львовѣ король Михаилъ. Начиналось междукоролевье, паны рвались къ участію въ выборѣ новаго

---

[1]) Collect. II, 93.

[2]) Collect. II, 99. — Ojcz. Spom., I, 201.—Симб. Сборн., Малорос. дѣла, стр. 50, 57, 58.

[3]) Ojcz. Spom., II, 284.

короля. И султанъ, съ своей стороны, не хотѣлъ продолжать военныхъ дѣйствій въ зимнее время.

Послѣ хотинской побѣды, торжествующій Собѣскій отправилъ къ Дорошенку находившагося у него въ плѣну козацкаго сотника Савву Туптала (родителя св. Димитрія Ростовскаго) — уговаривать гетмана отступить отъ бусурманъ и вмѣстѣ съ христіанами идти противъ невѣрныхъ на освобожденіе христіанскихъ народовъ изъ неволи. Дорошенко и митрополитъ Тукальскій оба выставляли себя передъ Тупталомъ ревнителями и поборниками христіанства [1]; но вслѣдъ затѣмъ, явились къ Дорошенку посланцы отъ турецкаго султана съ приказаніемъ быть готовымъ на весну къ содѣйствію султану. Не могъ предвидѣть Дорошенко, чья сторона возьметъ теперь верхъ въ возобновившейся борьбѣ Турціи съ Польшею, особенно когда поляки старались заручиться содѣйствіемъ христіанскихъ державъ. И счелъ Дорошенко на то время за лучшее мирволить и тѣмъ, и другимъ. Онъ отправилъ на содѣйствіе Гуссейну-пашѣ два полка: брацлавскій и могилевскій, съ наказнымъ полковникомъ Шумскимъ, а Собѣскому написалъ, что посланные къ туркамъ козаки не будутъ вредить польскимъ войскамъ. Такимъ образомъ, Дорошенко, исполняя для вида обязанность турецкаго вассала, въ виду одержанной уже поляками надъ турками побѣды, приготовлялъ себѣ иную дорогу — на случай, если и далѣе счастье измѣнитъ Турціи.

---

[1]) А. Ю. и З. Р., XI, 330.—Симбирск. Сборн., Малорос. дѣла, стр. 51.

IV.

Зажигатели. — Посольство монаха Серапіона къ Дорошенку. — Условія, предложенныя Дорошенкомъ, и отвѣтъ на нихъ московскаго правительства. — Отзывы Самойловича. — Походъ русскихъ войскъ на правый берегъ Днѣпра. — Сдача городовъ. — Разсказъ Лизогуба о радѣ у Дорошенка. — Возвращеніе Самойловича и Ромодановскаго на лѣвую сторону Днѣпра. — Рада въ Переяславѣ. — Избраніе Самойловича гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. — Мазепа.

Намѣреніе склонить Дорошенка къ подданству московскому государю пріостановилось по представленіямъ Самойловича, находившаго, что, вмѣсто мирныхъ попытокъ, лучше прибѣгнуть прямо къ военной силѣ. Самойловичъ старался возбудить недовѣріе московскаго правительства къ искренности Лизогуба, а о Дорошенкѣ писалъ, что онъ подсылаетъ тайныхъ зажигателей въ лѣвобережную Украину [1]. По этому донесенію московское правительство для осторожности приказало воеводамъ въ Малороссіи учредить строгій надзоръ за всѣми пріѣзжавшими съ праваго берега Днѣпра [2], но не покидало мысли мирно сойтись съ Дорошенкомъ. Самъ Дорошенко, видя въ народѣ правобережной Украины сильное тяготѣніе къ Москвѣ и соображая, что, быть можетъ, рано или поздно ему придется отдаться ей въ руки, опять дѣ-

---

[1]) Въ іюнѣ 1673 года въ Конотопѣ поймали зажигателя, объявившаго подъ пыткою, что его наняли за три рубля съ полтиною зажечь городъ, и что Дорошенко разослалъ по лѣвобережной Украинѣ «паліевъ», въ видѣ слѣпыхъ нищихъ съ поводырями, и назначилъ надъ ними главнаго атамана, Өедора Ольшанскаго, который ходитъ въ красномъ кафтанѣ и въ желтыхъ сапогахъ (А. Ю. и З. Р., XI, 266). Это извѣстіе едва ли можно признавать вполнѣ достовѣрнымъ: оно исходитъ отъ врага Дорошенкова — Самойловича, который заимствовалъ его изъ народной молвы.

[2]) А. Ю. и З. Р., XI, 257.

лалъ дружелюбные шаги, писалъ кіевскому воеводѣ, князю Трубецкому, что считаетъ для себя высшимъ счастьемъ милость православнаго монарха, и обѣщалъ не пускать въ царскія области своихъ союзниковъ татаръ [1]). Въ Кіевѣ ревностно поддерживалъ мысль о мирномъ соглашеніи съ Дорошенкомъ печерскій митрополитъ Иннокентій Гизель, и, по его совѣту, кіевскій воевода отправилъ 10-го августа въ Чигиринъ умнаго іеромонаха печерскаго монастыря Серапіона Палчовскаго.

Серапіонъ пробылъ въ Чигиринѣ до 4-го сентября. Дорошенко далъ ему статьи, на которыхъ соглашался отдаться подъ московскую протекцію. Онъ требовалъ, чтобъ Кіевъ былъ отданъ въ козацкое управленіе, чтобъ гетманъ надъ обѣими половинами Украины былъ одинъ, чтобы Украина состояла въ предѣлахъ прежнихъ польскихъ воеводствъ: кіевскаго, черниговскаго и брацлавскаго, чтобы Запорожье было въ повиновеніи у гетмана и чтобъ московскій царь обязался защищать Украину отъ турокъ, если турецкій султанъ захочетъ мстить козакамъ.

Серапіонъ замѣтилъ ему, что Самойловичъ уже избранъ на радѣ козаками гетманомъ и утвержденъ царемъ. Дорошенко сказалъ:

— Пусть Самойловичъ не хвалится, чтобъ онъ былъ такой козакъ, какъ я — отъ прадѣдовъ козакъ! Развѣ онъ видалъ запорожскія рѣчки и море? Гдѣ онъ бывалъ? къ чему присмотрѣлся? Съ какими государями о войнѣ и о мирѣ добрымъ обычаемъ переговаривалъ? Съумѣетъ ли онъ что́ нужно для царскаго величества начать? Пусть укажетъ: коли все знаетъ и можетъ доброе дѣло вести, я ему уступлю и низко поклонюсь за то, что сниметъ

---

[1]) А. Ю. и З. Р., XI, 230.

съ меня тягость гетманскаго чина. Но знаетъ то Богъ и люди: не давній онъ козакъ. Развѣ переходилъ онъ всѣ войсковые чины, отъ малаго до большаго? Я такъ многажды былъ полковникомъ и всѣ старшинскіе чины прошелъ! Пусть царское величество самъ разсудитъ, что̀ это будетъ, когда подъ царскою рукою будетъ состоять разомъ насъ два гетмана! Я его не люблю, а онъ меня не любитъ, — и станетъ у насъ дѣлаться въ Украинѣ то же, что дѣлается въ Польшѣ, гдѣ два гетмана и вѣчно между собою ссорятся. Ты говоришь: Самойловичъ избранъ вольными голосами; знаемъ мы, какое это вольное избраніе: иной бы не хотѣлъ подать за него голосъ, да принужденъ былъ подавать, — оттого, что за него держалъ руку бояринъ!

— Онъ царскимъ величествомъ утвержденъ, — повторилъ монахъ. — Ка́къ теперь его отставить или понизить?

— Я не желаю его пониженія, — сказалъ Дорошенко. — Панъ Самойловичъ можетъ инымъ способомъ быть награжденъ отъ царскаго величества. Я желаю за вѣру христіанскую и за цѣлость державы его царскаго величества въ поганскихъ земляхъ умирать, а онъ пусть себѣ спокойно жительствуетъ безъ хлопотъ. Всегда я желалъ — и теперь желаю — добра его царскому величеству и землѣ московской, только одною стороною Украины нельзя намъ отъ турокъ и татаръ оборониться; затѣмъ-то мы и принуждены были поддаться турецкому государю: если я это сдѣлалъ, то сдѣлалъ для вѣры христіанской. Самъ о себѣ я всего менѣе помышлялъ; сыновей вѣдь у меня нѣтъ! Мнѣ идетъ дѣло о людяхъ: не хочу, чтобъ кто-нибудь по моей волѣ погибъ!

Былъ потомъ Серапіонъ у Тукальскаго. Митрополитъ восхвалялъ благочестіе Дорошенка и превозносилъ его за то, что давно уже хочетъ отдать Украину цар-

ской власти. Въ бытность Серапіона у Тукальскаго пришелъ туда и Дорошенко.

— Дай Богъ, — сказалъ Дорошенко, — чтобъ я, недостойный, того дождался, когда бы его царское пресвѣтлое величество покорилъ своей власти стольный градъ греческій, идѣже есть святая святыхъ! Пусть только великій государь изволитъ отвратить свой гнѣвъ отъ христіанъ и обратить его на невѣрныхъ. Николи не бывало такого удобнаго времени турка воевать, какъ теперь. Лишь бы царь только началъ, а то многіе помощники у него обрящутся. Начать бы надлежало ранѣе и не медлить, покамѣстъ турки поляковъ подъ свою власть не подбили, — а то коли подобьютъ, то и поляки на царскую державу недобромъ станутъ! —

Еще не простился Серапіонъ съ Дорошенкомъ, какъ явились къ гетману посланцы отъ крымскаго хана просить козацкой помощи противъ непокорныхъ ногайскихъ мурзъ, а вслѣдъ за ними пріѣхали ногайцы просить Дорошенка не оказывать противъ нихъ содѣйствія крымскому хану. Дорошенко, разсказавши объ этомъ Серапіону, воскликнулъ: «дай Богъ, чтобъ эти бусурманы сами себя разрывали, и чтобы ненависть, которая до сихъ поръ была между христіанскими народами, обратилась на невѣрныхъ» [1]).

Серапіонъ не получилъ отъ Дорошенка ничего писаннаго и только самъ записалъ слышанныя имъ рѣчи [2]).

---

[1]) Архивъ Юстиціи, кн. 24, листъ 39 — 60.

[2]) Въ какой степени искренно было то, что Дорошенко говорилъ о себѣ, — о томъ можетъ быть сомнѣніе; но онъ безспорно говорилъ правду на счетъ турокъ. Изъ одинаковыхъ показаній разныхъ лицъ, посѣщавшихъ тогда турецкія области, ясно оказывается, что Московское государство было нравственно сильнѣе, чѣмъ само это со-

Когда въ Москвѣ узнали о бесѣдѣ съ Серапіономъ, послали къ Дорошенку царскую грамату, въ которой похваляли его за то, что желаетъ отречься отъ агарянъ и поступить подъ высокодержавную царскую руку [1]); но на предложенныя условія дали отрицательный отвѣтъ. Московское правительство увѣряло, что не будетъ отдачи Кіева и Украины полякамъ, которые уже сами отреклись отъ Украины договоромъ съ Турціею, но на единое гетманство въ Украинѣ, котораго добивался Дорошенко, не соглашалось; предоставляли Дорошенку быть только гетманомъ на правой сторонѣ Днѣпра, а лѣвая останется подъ управленіемъ Самойловича. Отецъ Серапіонъ Палчовскій снова поѣхалъ къ Дорошенку съ такимъ отвѣтомъ. Дорошенко, прочитавши отвѣтъ, сказалъ: «Не знаю, что̀ теперь и молвить, — все здѣсь противно. Я съ моимъ желательствомъ о подданствѣ отозвался и теперь не отмѣняюсь, обѣщаю, пока Богъ здоровье дастъ, служить, сколько силъ моихъ станетъ, великому государю».

Самойловичъ былъ еще болѣе недоволенъ этими сношеніями съ Дорошенкомъ, чѣмъ прежними. Когда царскій гонецъ передалъ ему для прочтенія отвѣтъ, посылаемый къ Дорошенку, Самойловичъ сказалъ:

знавало. Не только народъ въ правобережной Украинѣ предпочиталъ соединеніе съ Московскимъ государствомъ всякой иной для себя судьбѣ — и у христіанъ Балканскаго полуострова возрастала надежда, что Россіи суждено избавить ихъ отъ мусульманской неволи. Приходили вѣсти, что греки, валахи, болгары, сербы, всѣ христіанскіе народы, какъ только услыхали, что великаго государя ратные люди вмѣстѣ съ поляками хотятъ идти на турокъ, обрадовались и молятъ Бога, чтобы это скорѣе сталось: хотятъ они соединиться съ государевыми людьми и вмѣстѣ съ ними подняться на турокъ войною, потому что всѣ они «у турецкаго султана въ тяжелой неволи и безпрестанно чинится имъ отъ турокъ великая налога» (А. Ю. и З. Р., XI, 277 — 299).

[1]) Архивъ Юстиціи, кн. 24, л. 193.

«И прежде я писалъ къ царскому величеству, и теперь то же скажу: и Дорошенко, и Тукальскій только баломутятъ. Умышляютъ они, какъ бы выманить у великаго государя выступленія ратныхъ царскихъ людей изъ Кіева, чтобъ Кіевъ потомъ туркамъ отдать! Дорошенко разомъ и къ великому государю, и къ польскому королю посылаетъ — и обоихъ обманываетъ, а дружитъ съ однимъ туркомъ. Кабы онъ искренно хотѣлъ поддаться, такъ не выдумывалъ бы то того, то другаго, а просто — просилъ бы только принять его подъ высокодержавную руку — и ничего больше».

Гетману не нравилось, что царь соглашался оставить Дорошенка гетманомъ даже и на одной правой сторонѣ. «Если Дорошенко останется тамъ гетманомъ, — говорилъ онъ, — то станетъ и подъ меня подъискиваться.»

По настоянію гетмана Самойловича, послѣ неудавшихся толковъ отца Серапіона съ Дорошенкомъ, въ концѣ ноября состоялся царскій указъ князю Ромодановскому и гетману Самойловичу идти съ войсками за Днѣпръ на Дорошенка. Если Дорошенко самъ заранѣе пришлетъ съ желаніемъ поддаться царю, предводители должны были пригласить его въ свой станъ и безъ напрасныхъ проволочекъ принять отъ него присягу на подданство, давши обѣщаніе защищать его отъ турокъ. Дозволялось предводителямъ, если самъ Дорошенко станетъ упрямиться, принять въ подданство правобережные полки и мимо Дорошенка, и допустить ихъ избрать себѣ иного гетмана, хотя бы и самого Самойловича [1]).

Походъ соединенныхъ войскъ — великорусскаго, подъ начальствомъ Ромодановскаго, и малороссійскаго, съ гетманомъ Самойловичемъ во главѣ — открылся въ концѣ

---

[1]) Арх. Юст., кн. 24, л. 420 — 442.

января 1674 года. Дошли до Днѣпра противъ Крылова. Сожгли Вороно́вку, Боровицу, Бужинъ. Отъ Бужина отправили подъѣздъ къ Чигирину, бояринъ — своего товарища Скуратова, гетманъ — Дмитрашку Райчу. Дорошенко выслалъ противъ нихъ 2000, на половину конныхъ, на половину пѣшихъ. Дорошенковцы не выдержали боя и ушли. Скуратовъ и Дмитрашка Райча сожгли переднюю часть чигиринскаго посада и воротились къ Бужину [1]).

Русское войско двинулось вверхъ по Днѣпру, по льду — и 2-го февраля дошло до Черкасъ; тамъ находился Дорошенковъ обозный Гулакъ съ черкасскимъ полковникомъ Григоровичемъ. Когда къ нимъ прислано было въ Черкасы приглашеніе сдаться — они отказались. Начался бой, продолжавшійся два дня. Взяты были два города, изъ которыхъ второй заключался въ серединѣ перваго; затѣмъ оставался третій городъ — въ серединѣ втораго. Какъ только приступили къ этому третьему, осажденные замахали шапками и закричали, что сдаются. Выѣхали обозный Гулакъ, полковникъ Григоровичъ, протопопъ Семенъ Лукьяновичъ и значный товарищъ Левко Потапенко съ нѣкоторыми другими: они принесли присягу на вѣчное подданство великому государю. Въ Черкасахъ, кромѣ черкасскаго полка, находились тогда временно двѣ сотни, принадлежавшія корсунскому полку, — и тѣ присягнули вмѣстѣ съ черкасцами. Жители Черкасъ во время взятія города потерпѣли немного, потому что сидѣли запершись въ домахъ. Предводители велѣли Гулаку и Григоровичу съ черкасскими козаками идти за собою чинить промыселъ надъ другими городками, а въ Черкасахъ оставили: Самойловичъ — прилуцкаго пол-

---

[1]) Арх. Юст., кн. 24, л. 520.

ковника Лазаря Горленка, а Ромодановскій — острогожскаго полковника Герасима Карабута съ ихъ полчанами [1]).

Февраля 8-го прибыли войска къ Мошнамъ. Этотъ городокъ, вѣроятно тогда немноголюдный, послѣ перехода оттуда многихъ жителей на лѣвый берегъ, сдался и присягнулъ царю безъ сопротивленія. Отсюда предводители отправили отрядъ приглашать къ сдачѣ Каневъ а сами, вслѣдъ затѣмъ, потянулись съ обозомъ по льду къ тому же городку. Въ Каневѣ сидѣлъ генеральный асаулъ Лизогубъ, назначенный отъ Дорошенка наказнымъ гетманомъ: къ нему для усиленія послалъ Дорошенко 300 серденятъ съ полковникомъ Щуренкомъ. Лизогубъ, обѣщавшій заранѣе дѣйствовать въ пользу царскаго дѣла, теперь сдержалъ свое обѣщаніе, склонилъ къ тому же каневскаго полковника Ивана Гурскаго и Щуренка, вмѣстѣ съ ними выѣхалъ въ станъ боярина и билъ челомъ о принятіи Канева со всѣмъ каневскимъ полкомъ въ подданство. Предводители послали привести къ присягѣ всѣхъ, раздѣлявшихъ чувствованія Лизогуба. Всѣ въ Каневѣ — и козаки, и посполитые — присягнули безпрекословно; съ каневскими козаками были тамъ и присягнули двѣ сотни уманскаго полка и одна корсунскаго. Послѣ присяги предводители послали начальниковъ этихъ сотенъ съ убѣдительными письмами къ полковникамъ уманскому и корсунскому послѣдовать примѣру каневцевъ, не допуская надъ собою принудительныхъ мѣръ. Каневскіе козаки должны были слѣдовать за гетманомъ Самойловичемъ въ дальнѣйшій походъ.

11-го февраля Лизогубъ пригласилъ предводителей на обѣдъ. Былъ тамъ генеральный обозный Гулакъ. Онъ

---

[1]) Арх. Юст., кн. 24, л. 596.

сообщилъ, что у Дорошенка недавно была рада въ Чигиринѣ. Дорошенко убѣждалъ, что козакамъ и посполитымъ слѣдуетъ уповать только на милость турецкаго государя, могущественнѣйшаго между земными владыками, потомъ сдѣлалъ радѣ вопросъ: кого намъ держаться — турокъ или поляковъ, а о московскомъ царѣ не спрашивалъ. «Въ пользу поляковъ не могло раздаться ни одного голоса, — замѣтилъ Гулакъ, — а на московскую сторону всѣ бы склонились, только самимъ навязываться съ этимъ именемъ было бы не безопасно: не разъ случалось, что Дорошенко нарочно выпытаетъ, чтобы держать у себя на худой примѣтѣ того, кто сунется съ противными ему мыслями, а потомъ, при случаѣ, придерется къ нему какъ-будто за что-нибудь другое; поэтому всѣ на радѣ завопили, что лучше держаться протекціи турецкаго султана, и Дорошенко объявилъ, что таковъ войсковой приговоръ [1]).

Рѣдкій, однако, въ душѣ мирился тогда съ подданствомъ бусурманскому властителю, и это наглядно могли видѣть Ромодановскій и Самойловичъ: къ ихъ табору толпами валили жители правобережной Украины съ женами и дѣтьми, умоляли принять ихъ и переправить на лѣвый берегъ Днѣпра; намѣревались они найти себѣ новоселье въ царскихъ областяхъ, покинувши на вѣкъ землю своихъ прародителей, поступавшую подъ власть турокъ. 12-го февраля, Самойловичъ отрядилъ цѣлый лубенскій полкъ подъ командою полковника Сербина въ разные украинскіе правобережные городки приводить ихъ въ подданство царю [2]). Сами предводители не пошли уже отъ Канева далѣе по причинѣ ожидаемой распутицы,

---

[1]) А. Ю. и З. Р., XI, 378.
[2]) Ibidem, 374 — 375.

перешли назадъ черезъ Днѣпръ вмѣстѣ съ толпою правобережныхъ прочанъ и расположили свои обозы на лѣвомъ берегу противъ Канева, а потомъ, при недостаткѣ корму и запасовъ, 15-го февраля отступили къ Переяславу.

Въ Москвѣ были недовольны, когда получили извѣстіе, что отправленный къ Чигирину подъѣздъ воротился рановременно и не держалъ Дорошенка въ осадѣ. Въ своемъ оправданіи, бояринъ и гетманъ писали, что подъѣзды ходили къ Чигирину не безъ пользы, сожгли посады, истребили живность и приготовили большую тѣсноту Чигирину, а долѣе нельзя было тамъ оставаться: городъ Чигиринъ укрѣпленъ, у Дорошенка тысячъ шесть козаковъ и не сегодня — завтра могли придти къ нему татарскія силы [1]).

Примѣру Канева и Черкасъ послѣдовали многіе другіе городки правобѣрежной Украины. Тотчасъ же по прибытіи предводителей въ Переяславъ, явились къ нимъ козацкіе старшины и выборные изъ поспольства городковъ: Стаекъ и Триполья — съ челобитьемъ принять ихъ въ подданство царю. Гетманъ отправилъ полковника Солонину отобрать присягу отъ всѣхъ тамошнихъ жителей, а вслѣдъ затѣмъ, по просьбѣ Лизогуба, послалъ на залогу въ Каневъ переяславскаго полковника Дмитрашку Райча и нѣжинскаго — Филиппа Уманца; бояринъ придалъ имъ слободскихъ полковниковъ ахтырскаго и сумскаго [2]).

17-го февраля, пріѣхалъ въ Переяславъ Ханенко съ предложеніемъ положить свою булаву: съ нимъ было до двухъ тысячъ козаковъ и три польскихъ хоругви. Ромодановскій и Самойловичъ отправили ихъ въ Ржищевъ въ

---

[1]) А. Ю. и З. Р., XI, 379.
[2]) Арх. Юст., кн. 24, л. 634.

качествѣ сторожевой залоги отъ непріятеля вмѣстѣ съ приданными къ нимъ царской службы козаками и ратными людьми. Между тѣмъ, близкіе къ Кіеву городки: Мотовиловка, Хвастовъ, Черногородка, Бышевка сдались безъ сопротивленія кіевскому воеводѣ, выславшему къ нимъ отряды [1]).

Городъ Корсунъ не сдался на предложеніе посланнаго туда Кіяшки, но корсунскаго полка мѣстечки Стебловъ, Каменный Бродъ и иныя склонились къ подданству, а бѣлоцерковскій полковникъ Степанъ Бутенко съ городками и мѣстечками своего бѣлоцерковскаго полка поддался подъ высокодержавную руку великаго государя, лично прибылъ въ Богуславъ и принесъ присягу передъ Самойловичемъ и генеральнымъ войсковымъ асауломъ Лысенкомъ [2]). Дошло до предводителей извѣстіе, что въ Корсунѣ собираются силы гетмана Дорошенка: братъ его Андрей и полковники — корсунскій, торговищенскій, уманскій, паволоцкій, брацлавскій, калницкій и могилевскій, да пѣшіе серденяцкіе полки, а другой братъ Дорошенка, Григорій — находится въ Лисянкѣ. По такому извѣстію Самойловичъ, 20-го февраля, отрядилъ нѣсколько десятковъ тысячъ козаковъ къ Корсуну; съ ними были Лизогубъ и Ханенко съ своею пестрою толпою, состоявшею на половину изъ запорожцевъ, на половину изъ поляковъ [3]); бояринъ Ромодановскій придалъ къ нимъ отрядъ царскихъ ратныхъ людей, а черниговскій полковникъ Борковскій пошелъ къ Лисянкѣ противъ Грицька Дорошенка. Грицько Дорошенко съ серденятами сперва удачно отбилъ Борковскаго и пошелъ къ Корсуну на соединеніе съ своимъ братомъ Андреемъ и семью полковниками. Но подъ

---

[1]) Арх. Юст., кн. 24, л 658. Симбир. Сборн. Малор. Дѣл., стр. 119.
[2]) Арх. Юст., кн. 24, л. 700.
[3]) Симбир. Сборн. Малорос. Дѣл., стр. 114.

городомъ Медвинымъ напали на Грицька Дорошенка и на бывшихъ при немъ татаръ — козаки, посланные Самойловичемъ къ Корсуну, разбили и гнали на протяженіи 15-ти верстъ; Грицько съ одною частью татаръ заперся въ Лисянкѣ, другіе его татары ушли въ Тарасовку. И въ Лисянкѣ, и въ Тарасовкѣ жители поднялись на татаръ, многихъ перебили, 90 взяли живьемъ въ плѣнъ, связали самого Грицька Дорошенка и провозгласили себя подданными великаго государя. Вслѣдъ затѣмъ произошло волненіе въ Корсунѣ. Бывшіе тамъ въ сборѣ полковники и начальные люди зашумѣли противъ Дорошенка; упрямые сторонники гетмана Петра: братъ его Андрей, шуринъ гетмана Яненченко и паволоцкій полковникъ Гамалѣя, видя, что противники берутъ верхъ, убѣжали въ Чигиринъ, а остальные полковники и всѣ полковые старшины какъ ихъ полковъ, такъ и покинутаго Гамалѣею паволоцкаго полка, принесли присягу на вѣрность великому государю передъ генеральнымъ асауломъ Самойловича, Лысенкомъ, и послали къ гетману Дорошенку приглашеніе положить свой бунчукъ и булаву [1]). 4-го марта привезли въ Переяславъ къ предводителямъ плѣнныхъ татаръ и Грицька Дорошенка, а 5-го марта прибыли полковники: брацлавскій Павелъ Лисица и подольскій Остапъ Гоголь, съ извѣстіемъ о переходѣ на царскую сторону полковниковъ въ Корсунѣ. Предводители приказали всѣмъ присягнувшимъ полковникамъ, не ожидая порчи зимняго пути, съѣзжаться въ Переяславъ на раду, для избранія себѣ новаго гетмана по своимъ правамъ и вольностямъ; разомъ отправилъ Самойловичъ универсалы во всѣ правобережные полки, чтобъ всѣ начальные люди, нимало не мѣшкая, спѣшили на раду для той же

---

[1]) А. Ю. и З. Р., XI, 556.

цѣли [1]). Убѣжавшіе изъ Корсуна въ Чигиринъ сторонники Дорошенка показывали не слишкомъ бодрый духъ. Проѣзжая черезъ Медвѣдовку, Андрей Дорошенко говорилъ вслухъ передъ всѣми: «буду совѣтовать брату, чтобъ не губилъ міра, не надѣялся больше ни на какіе турскіе и татарскіе посилки и сдавался бы царю». Жители тѣхъ мѣстъ, черезъ которыя они слѣдовали, не изъявляли готовности стоять за дѣло Дорошенка [2]).

15-го марта съѣхались въ Переяславъ правобережные старшины, полковники, полковые старшины, войсковые товарищи и многіе значные козаки. Назначена избирательная рада 17-го марта. Она происходила въ большомъ городѣ на майданѣ, въ присутствіи Ромодановскаго.

Прежде всего явился, по приглашенію боярина и Самойловича, носившій гетманское званіе Ханенко. Передъ нимъ несли булаву и бунчукъ — знаки его достоинства, пожалованные польскимъ королемъ. Поклонившись на всѣ стороны, онъ сказалъ:

— Вѣдомо всѣмъ вамъ, что я не своею волею, а по королевскому повелѣнію сдѣлался гетманомъ и ходилъ во всемъ по королевскому указу; если я кому либо изъ старшинъ, либо какому простому козаку учинилъ чѣмъ-нибудь досаду, — въ томъ вы меня простите!

Съ этими словами онъ положилъ на столъ булаву.

— Мы всѣ, и старшины, и войско, во всемъ тебя прощаемъ, — возгласили козаки.

Ханенко отошелъ, а козакъ, который несъ бунчукъ его, продолжалъ стоять, держа этотъ знакъ гетманства для передачи тому, кого рада изберетъ [3]).

---

[1]) Арх. Юст., кн. 24, л. 730.
[2]) Ibid., л. 753.
[3]) Арх. Юст., кн. 24, л. 806.

Князь Ромодановскій объявилъ: «Великій государь, его царское величество, которому всѣ присягнули на вѣрное и вѣчное подданство, изволилъ указать выбрать вамъ, по вашимъ правамъ и вольностямъ, новаго гетмана, вмѣсто Ханенка и Дорошенка».

Сказавши это, князь Ромодановскій отошелъ. Не пришлось долго козакамъ совѣщаться о выборѣ. Собраніе провозгласило сразу имя Самойловича, и обозный Гулакъ, отъ лица всѣхъ, произнесъ:

— Желаемъ всѣ, чтобъ великій государь пожаловалъ насъ, старшинъ и поспольство, велѣлъ бы у насъ учинить гетмана Ивана Самойловича на обѣихъ сторонахъ Днѣпра единымъ гетманомъ надъ всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ, и быть бы намъ въ подданствѣ у великаго государя по нашимъ стариннымъ правамъ не на иныхъ статьяхъ, а на такихъ, какими онъ, великій государь, пожаловалъ со стороны гетмана и старшинъ, и все поспольство [1]).

Всѣ стали кланяться Самойловичу. По козацкимъ обычаямъ надобно было ему отказываться отъ предлагаемой почести, и онъ произнесъ:

— Изберите себѣ особаго гетмана изъ своей стороны — такого, который бы вашу сторону лучше меня зналъ.

— Мы, — говорили правобережные, — ужъ и такъ за многими гетманами пришли въ конечное разореніе. Не нужны намъ многіе гетманы. Пусть великій государь пожалуетъ насъ, велитъ быть у насъ одному гетману на лѣвой сторонѣ и на правой — Ивану Самойловичу.

— Великій государь, — сказалъ бояринъ, — жалуетъ васъ: дозволяетъ вамъ избрать по вашему хотѣнію, и

---

[1]) А. Ю. и З. Р., XI, 390.

будете вы на прежнихъ правахъ и вольностяхъ вашихъ въ вѣчномъ подданствѣ великому государю.

Старшины и полковники опять принялись упрашивать Самойловича. Тотъ все не соглашался. Наконецъ, противъ его воли, схватили его подъ-руки такъ сильно, что изодрали на немъ платье, крикнули: «ты намъ любъ, ты намъ любъ!» поставили на скамьѣ, прикрыли тѣмъ бунчукомъ, который держалъ Ханенковъ козакъ, и вкладывали ему въ руки булаву, положенную Ханенкомъ на столѣ. Раздавались обѣщанія быть ему послушными, раздавалась просьба, чтобъ онъ оставилъ на своихъ мѣстахъ всѣхъ старшинъ, какіе были при Дорошенкѣ [1]). Потомъ читались статьи, составленныя въ московскомъ приказѣ и привезенныя гонцомъ Колобовымъ. Ихъ смыслъ былъ таковъ: правобережная Украина отдавалась царю на-вѣки въ подданство. Государь будетъ охранять ее отъ турокъ и татаръ и извѣщать о всякихъ сношеніяхъ съ иностранными державами, насколько они касаться будутъ малороссійскаго края. Въ случаѣ войнъ между Турціею и Польшею, украинцы не будутъ помогать ни одной, ни другой сторонѣ. Если бы гетманъ затѣялъ какую смуту, каждый обязанъ извѣстить о томъ царя; но гетмана можетъ судить только одинъ великій государь. Послѣ кончины гетмана, новый избирается вольными голосами. Бѣглецовъ великороссійскихъ всякаго званія не слѣдовало принимать и скрывать въ Украинѣ, но малороссійскихъ полонениковъ, взятыхъ прежде и поселенныхъ въ Великороссіи, если они, не сдѣлавши воровства, уйдутъ на свою родину, дозволялось не выдавать. Малороссіянамъ — не ввозить въ великороссійскій край табаку и вина. Безъ совѣта старшинъ, гетманъ и на правой сторонѣ, какъ на

---

[1]) Арх. Юст., кн. 24, л. 806.

лѣвой, не могъ никого казнить и ни у кого отнимать вотчинъ. Затѣмъ слѣдовали челобитья о такихъ статьяхъ, которыя уже прежде были приняты московскимъ правительствомъ для лѣвой стороны и теперь безъ всякаго спора и безъ представленія въ Москву утвердились для правой бояриномъ Ромодановскимъ. Главнѣйшія были: сохраненіе козацкихъ имуществъ за вдовами и дѣтьми, свобода козаковъ отъ подводной и постойной повинности, вписываніе въ козацкій реестръ въ числѣ 20,000 для правой стороны Днѣпра изъ козацкихъ, а при надобности — мѣщанскихъ и поселянскихъ дѣтей, сборы съ маетностей въ пользу содержанія козацкаго войска, исключая маетностей архіерейскихъ и монастырскихъ, право козацкихъ чиновниковъ, владѣющихъ имѣніями, судить своихъ крестьянъ.

Послѣ всего этого присягали по записи генеральные чины, обозный Гулакъ, асаулъ Лизогубъ, судья Петренко, полковники, сотники и всякіе чиновные люди Войска Запорожскаго праваго берега Днѣпра. Всѣ прикладывали руки къ просительнымъ статьямъ.

Кто-то изъ полковниковъ сказалъ:

— Мы просимъ, чтобъ гетманъ жилъ въ Чигиринѣ или въ Каневѣ, а буде невозможно — хоть въ Переяславѣ, поближе къ нашей правой сторонѣ Днѣпра.

— Радъ я жить тамъ, гдѣ мнѣ великій государь укажетъ, — сказалъ Самойловичъ.

Старшины, полковники и простые козаки лѣвой стороны, бывшіе на этой радѣ, стояли поодаль и не принимали ни малѣйшаго участія во всемъ, что передъ ихъ глазами происходило.

По окончаніи рады явился отъ Дорошенка генеральный писарь Мазепа. Дорошенко писалъ своему сопернику дружелюбнымъ тономъ, что готовъ поступить во

всемъ по указу царскаго пресвѣтлаго величества, лишь бы ни въ чемъ не были нарушены стародавнія права и вольности [1]).

Бояринъ и гетманъ стали разспрашивать Мазепу, Мазепа сказалъ:

— Когда меня гетманъ Дорошенко отпускалъ, то присягнулъ, что хочетъ самъ идти въ Переяславъ бить челомъ, чтобъ великій государь изволилъ принять его въ подданство и вины его простилъ; тебя же, бояринъ, приказалъ гетманъ Дорошенко просить, чтобъ ты прислалъ ему знатныхъ и вѣрныхъ людей, съ кѣмъ можно было бы ему сюда пріѣхать.

— Я пошлю, — сказалъ бояринъ, — только тебя надобно привести къ присягѣ на томъ, что посланнымъ отъ меня не будетъ порухи и задержанія.

Мазепа присягнулъ. Бояринъ отправилъ съ нимъ дворянина Василія Гринева, а гетманъ — стародубскаго полковаго судью Андрея Авраменка [2]).

Тотчасъ послѣ рады правобережные старшины послали отъ себя въ Москву полковниковъ ка̀невскаго и уманскаго съ челобитною, въ которой выражались такъ: «не подай насъ, вѣрныхъ подданныхъ и слугъ твоихъ, отступникамъ и давнимъ врагамъ нашимъ, ляхамъ, въ поруганье! Изволь, ваше царское пресвѣтлое величество, писать къ польскому королю, чтобъ ляхи вышли изъ города Бѣлой-Церкви» [3]). Московскій царь приказалъ разослать всѣмъ правобережнымъ полковникамъ граматы за отворчатою печатью. «Вы, — сказано было отъ царскаго имени, — приняты подъ нашу высокодержавную

---

[1]) Арх. Юст., кн. 24, л. 811, 818.
[2]) Ibidem, л. 937.
[3]) А. Ю. и З. Р., XI, 409.

руку изъ-подъ турецкаго, а не изъ-подъ польскаго подданства, а потому и нынѣ, и впередъ никогда Коронѣ польской уступлены не будете» [1]).

Успокоительныя увѣренія московскаго царя не вязались однако съ вѣстями, полученными Самойловичемъ изъ Побужья. Польскій предводитель Мондржіевскій вступилъ съ войскомъ, назначеннымъ для подчиненія Украины Рѣчи-Посполитой. Узнавши, что власть Дорошенка шатается, поляки покушались скорѣе захватить снова его владѣнія. Жолнѣры безчинствовали надъ людьми въ полкахъ брацлавскомъ и кальницкомъ, забирали у жителей послѣдніе пожитки и самихъ людей жгли огнемъ, а между тѣмъ край уже былъ до того истощенъ, что люди питались мякиною («плеву ѣдятъ») [2]). Мондржіевскій занялъ Винницу, и брацлавскій полковникъ Лисица писалъ гетману: «если насъ добромъ не обнадежишь, то народъ разбредется; скоро въ Забужьи и Поднѣстріи не останется людей: тутъ каждый часъ татаръ съ поля ожидаемъ, а сверху ляхи наступаютъ»! — Польскій же предводитель писалъ Самойловичу, что вступилъ въ общихъ видахъ дѣйствій противъ турокъ и татаръ, и просилъ доставлять содержаніе польскому войску. На донесеніе объ этомъ, посланное Самойловичемъ въ Москву, послѣдовалъ царскій указъ требовать отъ Мондржіевскаго вывода польскихъ войскъ изъ тѣхъ полковъ, которые уже добровольно поступили въ подданство великому государю, а ко всѣмъ вообще жителямъ правой стороны гетманъ долженъ былъ разослать универсалъ, чтобъ они не принимали никакихъ писаній отъ польскихъ людей и въ городы къ себѣ не впускали поляковъ [3]).

---

[1]) А. Ю. и З. Р., XI, 421, 424.

[2]) Ibid., 425.

[3]) Ibid., 459.

Тѣмъ не менѣе изъ правобережныхъ полковниковъ — поднѣстровскій полковникъ Гоголь, недавно присягнувшій съ другими царю, перешелъ на польскую сторону и по городамъ полка своего сталъ вводить поляковъ. Но какъ непроченъ былъ такой переходъ малороссіянъ на польскую сторону, показываетъ примѣръ Шарогрода: едва Гоголь ввелъ туда на королевское имя залогу, какъ явился самойловичевъ охочій полковникъ Мурашка, и все шарогродское поспольство снова присягнуло царю [1]).

V.

Увертки Дорошенка. — Непріязненныя дѣйствія съ Дорошенкомъ. — Посольство Терпигорева. — Дорошенко посылаетъ къ хану Мазепу. — Мазепа попадается въ плѣнъ. — Мазепа въ Москвѣ. — Его показанія. — Нашествіе турокъ. — Взятіе Лодыжина и Умани. — Неудачный походъ боярина и гетмана къ Чигирину. — Паника въ Украинѣ. — Сильное переселеніе народа.

Дорошенко не поѣхалъ по своему обѣщанію въ Переяславъ, а началъ выдумывать разные предлоги къ проволочкѣ: въ письмѣ своемъ къ Самойловичу, онъ клялся исполнить данное слово, но прежде своего пріѣзда въ Переяславъ просилъ прислать довѣренныхъ лицъ для отобранія у него присяги въ Чигиринѣ [2]). Гетманъ и бояринъ отправили къ нему: первый — черниговскаго полковаго асаула Калиника Ничипоренка, а второй — стрѣлецкаго голову Романа Ефимьева. Эти посланцы, пріѣхавши въ Черкасы, потребовали изъ Чигирина присылки на свое мѣсто аманатовъ, прождали шесть дней, не дождались ни аманатовъ, ни письма отъ Дорошенка

---

[1]) А. Ю. и З. Р., XI, 469 — 472.
[2]) Арх. Юст., кн. 24, л. 944.

и воротились назадъ ни съ чѣмъ, а привезли только полученныя въ Черкасахъ вѣсти, что Дорошенко послалъ за помощью къ турецкому султану и крымскому хану [1]).

Послѣ того цѣлый апрѣль не откликался уже Дорошенко къ боярину и гетману, а между тѣмъ къ нему пришло 4,000 татаръ, и онъ, отобравъ часть этой орды, поручилъ брату своему Андрею подчинять отпавшіе отъ него города. Мѣстечки Балаклея и Орловка сдались безъ боя, повѣривши обѣщаніямъ помилованія, но гетманъ Дорошенко всѣхъ жителей этихъ мѣстечекъ приказалъ отдать въ неволю татарамъ. Говорили даже, что послѣ занятія этихъ мѣстечекъ тамошнимъ старшинамъ буравили глаза [2]). По такимъ извѣстіямъ бояринъ и гетманъ выслали на правую сторону подъѣздъ — бояринъ рейтарскаго строя полковника Беклемишева, а гетманъ, въ качествѣ наказнаго, Дмитрашку Райчу, съ полками переяславскимъ, полтавскимъ, миргородскимъ, гадяцкимъ и лубенскимъ, приказавши имъ еще сойтись съ правобережными полками — черкасскимъ, каневскимъ, уманскимъ и торговицкимъ, да съ охочими полками и стоять, выжидая дальнѣйшаго поворота обстоятельствъ [3]). Но царь Алексѣй Михайловичъ и теперь все еще не терялъ надежды раздѣлаться съ Дорошенкомъ мирнымъ путемъ, и по царскому указу бояринъ и гетманъ послали еще разъ въ Чигиринъ царскую убѣдительную грамату съ головою московскихъ стрѣльцовъ Терпигоревымъ [4]).

По извѣстію, сообщенному впослѣдствіи Мазепою, Дорошенко, получивши черезъ Терпигорева царскую гра-

---

[1]) А. Ю. и З. Р., XI. 428—429.

[2]) Ibid., 462. — Симбирс. Сборн., Малор. дѣла, стр. 213.

[3]) Ibid. 464—467. Симбирс. Сборн., Малор. дѣла, стр. 215.

[4]) Арх. Юст., кн. 24., л. 1,026.

мату, созвалъ чигиринцевъ и приказалъ прочитать ее передъ всѣми вслухъ.

Чигиринцы въ одинъ голосъ закричали: «всѣ мы хотимъ быть у царя въ подданствѣ.»

Дорошенко сказалъ имъ: — «И я былъ бы радъ, коли бъ намъ прислали подлинную царскую грамату, а то у нихъ вотъ какъ ведется: пришлютъ въ полки къ боярину, а также къ гетману Самойловичу неписанную бумагу, и на такой бумагѣ тѣ сами напишутъ какую угодно имъ грамату, потомъ, смотря по времени, къ намъ ее пошлютъ. Только прельщаютъ насъ!» [1])

Позвавши къ себѣ Терпигорева, Дорошенко говорилъ ему такъ:

«Я подданный его величества турецкаго султана. Двѣ сабли висятъ у меня постоянно надъ шеею: султанская и крымскаго хана! Напередъ сего я точно хотѣлъ быть въ подданствѣ у великаго государя, а наши старшины и полковники того не пожелали, но приговорили быть въ подданствѣ у турецкаго султана».

— Нынѣ, — сказалъ Терпигоревъ: — твои старшины и полковники уже сами безъ тебя учинились въ подданствѣ царскому величеству и присягу на вѣрность принесли.

— Это, — сказалъ Дорошенко, — учинили они для соболей. Не вѣчно они останутся въ подданствѣ! Скоро измѣнятъ: увидите сами. А въ царской граматѣ, что ты привезъ, мнѣ грозятъ, что князь Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ учнутъ надъ Чигириномъ воинскій промыселъ чинить. Я готовъ имъ отпоръ давать, лишь бы орды дождаться. И теперь уже два крымскихъ сал-

---

[1]) А. Ю. и З. Р., XI, 630.

тана стоятъ съ шестью тысячами татаръ за 20 верстъ отсюда. Пусть бояринъ и гетманъ идутъ на меня.

Терпигоревъ просилъ отпустить его для передачи отвѣта. Дорошенко сказалъ, что отпуститъ черезъ непродолжительное время, но потомъ приказалъ Терпигорева заковать и посадить въ тюрьму [1]).

Ромодановскій и Самойловичъ, пославши Терпигорева сообразно царской волѣ, дожидались отвѣта и, выславши за Днѣпръ подъѣздъ, удерживались переводить все войско на правую сторону. Между тѣмъ посланный въ подъѣздъ Дмитрашка Райча, между городками Балаклеею и Смѣлою, 9-го іюня разбилъ и взялъ въ плѣнъ Андрея Дорошенка [2]). Вслѣдъ затѣмъ приносились изъ-за Днѣпра боярину и гетману вѣсти, что къ Дорошенку собираются турецкія и татарскія вспомогательныя силы, и вдобавокъ Дорошенко сталъ надѣяться на союзъ съ поляками, которые злобились на Россію за намѣреніе вырвать изъ польскихъ рукъ правобережную южную Русь: избранный въ маѣ новый польскій король Янъ Собѣскій (прежній коронный гетманъ) приказалъ въ іюнѣ своему полковнику Преоровскому писать къ Андрею Дорошенку, что братъ его гетманъ Петръ можетъ надѣяться на помощь со стороны Польши противъ московскаго царя, несправедливо присвоивающаго себѣ Украину [3]). По донесеніямъ предводителей послѣдовалъ наконецъ царскій указъ немедленно «чинить надъ Дорошенкомъ воинскій промыселъ» [4]). 5-го іюля, перешелъ Самойловичъ въ Черкасы. За нимъ стали переправляться великороссійскіе полки.

---

[1]) Арх. Юст., кн. 108, л. 65.
[2]) Ibidem, кн. 24, л. 1,109.
[3]) А. Ю. и З. Р., XI, 479.
[4]) Ibidem, 531.

Въ Чигиринѣ сдѣлалась тревога. Туда набѣжало множество народа изъ мѣстечекъ и селъ въ осаду. Отъ многолюдства наступилъ голодъ; люди заволновались, кричали, чтобы Дорошенко сдалъ городъ и присягалъ царю. Такихъ крикуновъ было много, и Дорошенко не смѣлъ прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ, увѣрялъ окружавшихъ его, что скоро придетъ сильное мусульманское войско, а самъ постоянно скрывался въ за̀мкѣ и не отваживался выходить въ большой городъ, гдѣ могъ встрѣтить открытый противъ себя мятежъ. «Если»,— говорилъ онъ ближнимъ: — «царскія войска станутъ меня доставать, я сяду на пороховую бочку и взорву себя, а живой въ руки не дамся москалямъ». У Дорошенка во власти, кромѣ Чигирина, оставалось всего только два городка: Жаботынъ и Медвѣдовка, а главная сила, на которую онъ надѣялся, были его союзники: турки и татары. Но татары стояли еще за два дня пути отъ Чигирина на берегу рѣки Ингула, а турецкое войско еще было по ту сторону Днѣстра. Падишахъ шелъ тогда не выручать Дорошенка, а противъ поляковъ — наказывать ихъ за несоблюденіе Бучацкаго договора, и польскіе коронные гетманы, ссылаясь на Андрусовскій договоръ, домогались военной помощи съ московской стороны. Но падишахъ на пути получилъ вѣсть, что москали берутъ у Дорошенка города̀ и за̀мки и уже угрожаютъ самому Чигирину [1]. По такой вѣсти, падишахъ нашелся вынужденнымъ измѣнить свой планъ, отложить на будущее время расправу съ Польшею, спѣшить выручать своего подручника и вступить во враждебныя отношенія къ Московскому государству. Онъ поручилъ крымскому хану

[1]) Ibidem, 534 — 535. — Арх. Юст., кн. 24, л. 116, 1,224. — Симбир. Сборн., Малор. дѣла, стр. 175 — 185, 189 — 191.

спасать скорѣе гетмана Дорошенка и далъ затѣмъ обѣщаніе немедленно двинуться со всѣми турецкими силами [1]).

Надѣясь единственно на помощь отъ турокъ и татаръ, Дорошенко отправилъ своего генеральнаго писаря Мазепу съ письмами къ разнымъ правительственнымъ лицамъ Турціи и Крыма. Посланцу Дорошенка придано было 9 татаръ, которые стерегли и вели 15 христіанскихъ невольниковъ, жителей лѣвой стороны Днѣпра: Дорошенко посылалъ ихъ своимъ союзникамъ въ подарокъ. Когда Мазепа съ татарами и невольниками приближался къ Ингулу, ему перегородили путь запорожцы, шедшіе изъ Сѣчи до рѣки Буга съ своимъ кошевымъ атаманомъ Сѣркомъ. Запорожскіе товарищи Алексѣй Борода и два брата Темниченки остановили Мазепу, побили татаръ, бывшихъ съ нимъ, освободили христіанскихъ невольниковъ, а самого Мазепу доставили своему атаману съ перехваченными письмами [2]). Запорожцы пришли въ сильное негодованіе, какъ увидали, что Дорошенковъ посланецъ велъ христіанскихъ невольниковъ въ даръ бусурманамъ, и хотѣли убить Мазепу, но его отстоялъ Сѣрко̀. «Не убивайте, братцы, этого человѣка», — говорилъ онъ: — «быть можетъ, онъ на что-нибудь отчизнѣ и пригодится!» И запорожцы ограничились тѣмъ, что только заковали Мазепу [3]), а Сѣрко̀ извѣстилъ о томъ гетмана Самойловича. Гетманъ потребовалъ присылки къ нему схваченнаго Дорошенкова гонца, но Сѣрко̀ опасался, что Самойловичъ отправитъ Мазепу въ Москву и тѣмъ будетъ нарушено старинное право не

---

[1]) Collect. II, 113.
[2]) А. Ю. и З. Р., XI, 525.
[3]) Величко, II, 342.

выдавать никого изъ Сѣчи. Сѣрко́ отказалъ Самойловичу въ выдачѣ Мазепы. Тогда Ромодановскій, узнавши объ упорствѣ кошевого, по совѣту гетмана, послалъ въ Харьковъ взять подъ караулъ проживавшую тамъ жену Сѣрка́ и зятя его Ортеменка, требуя, чтобы они побудили Сѣрка выдать гетману пойманнаго Дорошенкова посланца [1]. Ортеменко, имѣвшій на тестя большое вліяніе, упросилъ кошевого исполнить приказаніе гетмана [2].

Сѣрко́ прислалъ Мазепу къ гетману, а гетманъ, побесѣдовавши съ нимъ, передалъ его боярину. У гетмана пробылъ Мазепа два дня. Іюля 15-го его отправили въ Москву. Самойловичъ на отпускѣ написалъ къ Мазепѣ: «повторяю тебѣ то, о чемъ говорилъ съ тобою при свиданіи и въ чемъ далъ тебѣ слово. Ты останешься въ цѣлости при всѣхъ своихъ пожиткахъ со всѣмъ своимъ домомъ. Посылаю съ тобою Павла Михаленка, полковаго писаря нѣжинскаго, онъ тебя и въ Москву, и назадъ изъ Москвы будетъ провожать. Только ты въ Малороссійскомъ приказѣ откровенно разскажи все, что́ намъ здѣсь говорилъ о Дорошенковыхъ замыслахъ и о ханѣ, и о Сѣркѣ, и объ иномъ обо всемъ, никакого дѣла, хоть и малаго, не утай! Желаю тебѣ счастливаго пути и скораго къ намъ возврата» [3].

Мазепа былъ человѣкъ очень ловкій и сообразительный, притомъ одинъ изъ такихъ, которые обладаютъ врожденною способностію сразу всякому нравиться и располагать къ себѣ людскія сердца. Избѣжавши крайней опасности въ полѣ отъ запорожцевъ, онъ успѣлъ понравиться Самойловичу и Ромодановскому; сразу по-

[1] А. Ю. и З. Р., XI, 591.
[2] Ibidem, 562.
[3] Арх. Юст., кн. 27, листъ 547. — А. Ю. и З. Р., XI. 535 — 536.

нравился онъ, кому нужно было, и въ Москвѣ. Мазепа сообразилъ, что служить Дорошенку нѣтъ болѣе разсчета, потому что дорошенково дѣло было уже почти совсѣмъ проиграно; Мазепа уразумѣлъ, что кто изъ близкихъ къ Дорошенку въ пору и кстати отъ него отречется и окажетъ услугу его противникамъ, тотъ много выиграетъ въ жизни. Въ такомъ именно положеніи сознalъ себя тогда Мазепа. Онъ въ Малороссійскомъ приказѣ все разсказалъ о своихъ отношеніяхъ къ Дорошенку, объ извѣстныхъ ему замыслахъ правобережнаго гетмана и о разныхъ обстоятельствахъ событій послѣдняго времени.

«Почему — спросили Мазепу — Дорошенко не послалъ аманатовъ въ Черкасы, когда бояринъ и гетманъ отправили къ нему посланцовъ принять отъ него присягу?»

Мазепа объяснилъ: — Пріѣхало 23 человѣка отъ Сѣрка́ и стали говорить Дорошенку, чтобъ онъ не ѣздилъ къ боярину и гетману въ Переяславъ, не отдавалъ бы своей булавы и бунчука, а попрежнему оставался бы гетманомъ на правой сторонѣ и пріѣхалъ въ Сѣчь для подтвержденія своего гетманства. А тутъ пришли вѣсти, что изъ Крыма идетъ къ Дорошенку въ помощь орда. Дорошенко не поѣхалъ въ Запорожскую Сѣчь, опасаясь государевыхъ людей на дорогѣ, но съ посланнымъ стрѣлецкимъ головою не сталъ уже ссылаться. Я просился у него въ Корсунъ къ женѣ своей, а Дорошенко не пустилъ меня и сказалъ: тебя, вѣрно, Ромодановскій соблазняетъ соболями, хочешь мнѣ измѣнить! Онъ приказалъ мнѣ присягнуть, а потомъ послалъ меня къ турецкому визирю съ письмомъ и приказалъ на словахъ сказать ему, чтобы прислано было поскорѣе турецкое или татарское войско. Съ тѣмъ отправилъ меня Дорошенко; а на степи меня перенялъ Сѣркѐ. Провожатыхъ

татаръ запорожцы побили, а я отъ нихъ не бѣжалъ и не бился и былъ у нихъ на степи недѣль пять [1]).

Взятыя у Мазепы дорошенковы письма были писаны къ турецкому главному визирю, къ крымскому хану, къ ханскому визирю и къ нѣкоторымъ мурзамъ, ханскимъ любимцамъ. Дорошенко извѣщалъ своихъ союзниковъ, что враги «барабаши» (такую кличку давали правобережные лѣвобережнымъ козакамъ) подступаютъ подъ Жаботынъ, а Ромодановскій и гетманъ «барабашскій» уже «переправляются черезъ Днѣпръ подъ Каневомъ. Хотя москали не страшны и прежніе гетманы при помощи однихъ татаръ съ ними справлялись, но у меня теперь людей мало» [2]).

Ласково приняли въ Москвѣ Мазепу и отпустили, дозволивши перейти съ семьею и съ пожитками на лѣвый берегъ Днѣпра, о чемъ просилъ за него гетманъ Самойловичъ [3]). Отсюда начался поворотъ въ судьбѣ этого замѣчательнаго человѣка.

Неудача посольства Мазепы къ туркамъ не помѣшала туркамъ подать помощь дорошенкову дѣлу. Вмѣсто Мазепы, Дорошенку пособилъ тогда Гоголь, который, передавшись, какъ выше было сказано, послѣ переяславской рады Польшѣ, измѣнилъ полякамъ, опять перешелъ на сторону Дорошенка и въ пору извѣстилъ турецкаго султана объ опасности, грозившей чигиринскому гетману [4]). Спѣша спасать турецкаго подручника, въ началѣ іюня турецкое войско перешло черезъ Днѣстръ у Сороки; турки взяли городокъ Костницу и истребили тамъ всѣхъ жителей, потомъ подошли подъ Куничное; туда стеклось

---

[1]) А. Ю. и З. Р., XI, 554 — 566.
[2]) Ibidem, 510, 511.
[3]) Ibidem, 579 — 580.
[4]) Крат. Опис. Малор. въ прил. къ изд. Самов. 1878 г., стр. 278.

множество людей изъ другихъ городковъ, и въ теченіи одиннадцати дней осажденные упорно отбивались, наконецъ турки жестокимъ приступомъ взяли Куничное и все живое въ немъ истребили, а городъ сожгли [1]). Гоголь между тѣмъ разбилъ вѣрнаго царю поднѣстровскаго полковника Зеленскаго [2]). 29-го іюля брацлавскій полковникъ Лисица доносилъ Самойловичу, что турки ворвались въ Тульчинъ, осадили его въ тамошнемъ зàмкѣ, и просилъ о выручкѣ [3]). По этому письму Самойловичъ приказалъ Дмитрашкѣ Райчѣ идти туда изъ-подъ Смѣлой, но Дмитрашко Райча, дошедши до города Буки [4]), отправилъ своего наказного Войцу-Сербина съ двумя тысячами къ Лодыжину, а самъ воротился въ Корсунъ, и оттуда въ Каневъ, потому что взятые въ плѣнъ турецкіе языки вспологшили козаковъ, наговоривши имъ подъ пыткою, будто турки помирились съ поляками и идутъ на Кіевъ [5]). Войца-Сербинъ соединился съ Андреемъ Мурашкою, котораго Самойловичъ отправилъ также въ Лодыжинъ съ охотницкимъ полкомъ. Едва они успѣли вступить въ этотъ городокъ, какъ подъ Лодыжинъ подошла турецко-татарская сила. Лодыжинскія предмѣстья были сожжены [6]). Козаки заперлись въ зàмкѣ. Но лодыжинское поспольство пришло въ страхъ: выбросили бѣлое знамя. Великій визирь, при самомъ началѣ этой войны, объявилъ повелѣніе «обрекать всѣхъ невѣрныхъ побѣдоносному мечу» [7]), и турки, не обращая вниманія

---

[1]) Самов. изд. 1878 г., стр. 123. — Арх. И. Д. 1674 г., № 47.
[2]) А. Ю. и З. Р., XI, 587.
[3]) Ibid. 548.
[4]) Буки — нынѣ село сквирск. уѣзда, при р. Раставицѣ.
[5]) А. Ю. и З. Р. XI, 651. — Симбир. Сборн. Малор. дѣла, стр. 219.
[6]) А. Ю. и З. Р., XI, 600. — Collect., II, 114.
[7]) Collect., II, 112.

на бѣлое знамя, продолжали палить въ Лодыжинъ. Мѣщане выслали къ нимъ еще депутатовъ: тѣ кланялись туркамъ и увѣряли, что всѣ жители Лодыжина остаются вѣрными подданными падишаха, что враждебныя дѣйствія оказываютъ не они, а 2,000 барабашевцевъ, которые пришли къ нимъ незваными и засѣли въ зàмкѣ. Великій визирь далъ имъ такой отвѣтъ: «коли бы вы были на самомъ дѣлѣ вѣрные подданные Высокаго Порога, то вы бы должны были или выдать пришедшихъ къ вамъ, или отлучиться отъ нихъ. Побѣдителямъ невозможно дѣлать между вами различія». Пальба усилилась. и мѣщане въ третій разъ выслали депутацію: на челѣ ея былъ лодыжинскій протопопъ. Жители предавались на волю побѣдителя и просили только выпустить ихъ живыми съ семьями и пожитками [1]). Неумолимый визирь сказалъ: «чтó нибудь одно изъ двухъ выбирайте — или неволю, или смерть, иной судьбы не будетъ вамъ; если еще разъ съ этимъ придете, прикажу картечами васъ встрѣтить». На другой день мѣщане выслали сказать, что сдаются совершенно на волю побѣдителя. Вышло 800 козаковъ, положили оружіе. Турки тотчасъ забили ихъ въ колодки и отправили невольниками на свои галеры. Такой же участи подверглись всѣ лодыжинскіе мѣщане съ своими семьями [2]). Мурашка ни за что не хотѣлъ сдаться, держался нѣсколько дней съ своими козаками, пока отъ безпрестанныхъ битвъ, отъ зноя и безводья, всѣ не изнемогли и не полегли одинъ на другомъ [3]). Такъ гласитъ одно извѣстіе. По другому извѣстію [4]), Мурашка сдался

---

[1]) А. Ю. и З. Р., XI, 607.
[2]) Collect., II, 115. — Лѣт. Самов., 123.
[3]) Крат. Опис. Малор., къ Лѣтоп. Самов., изд. 1878, стр. 279.
[4]) Арх. Юст., кн. 32, л. 144 и дал.

самъ съ двѣнадцатью человѣками, въ числѣ которыхъ были сотникъ и протопопъ. Но когда визирь сталъ допрашивать, сколько при Ромодановскомъ и Самойловичѣ войска, Мурашка отвѣчалъ: такъ много, что могутъ побѣдить и султана, и хана. Это не понравилось визирю. Онъ крикнулъ на Мурашку, а Мурашка смѣло сталъ укорять визиря: «вы — говорилъ онъ — воровски пришли на насъ; такъ между государями не водится; обступили нежданно въ Лодыжинѣ насъ и побили. Если бы царю было заранѣе вѣдомо о вашихъ затѣяхъ, такъ вашего султана встрѣтили бы не то что за Днѣстромъ, но еще и за Дунаемъ». Разгнѣванный визирь приказалъ увести его и отрубить голову, но, обдумавшись, воротилъ его снова, а Мурашка сталъ ругать визиря и султана и всѣхъ турокъ жестокою бранью и проклинать мугамеданскую вѣру. Визирь приказалъ казнить его [1]).

---

[1]) Это показаніе Анастаса Черкеса, грека, занимавшагося въ Лисянкѣ торговлею, послѣ взятія въ плѣнъ Грицька Дорошенка прибывшаго въ Переяславъ и назначеннаго ротмистромъ въ охотномъ войскѣ. Самойловичъ отправилъ его съ отрядомъ на Подоль, гдѣ, соединившись съ Мурашкою и Войцою-Сербиномъ, онъ засѣлъ въ Лодыжинѣ. Анастасъ показывалъ, что, послѣ появленія турецкихъ силъ, Войца-Сербинъ тайно ушелъ, а потомъ Мурашка сдался туркамъ, и оставшіеся выбрали старшимъ Анастаса. Шесть сутокъ турки палили въ городъ, на седьмыя сдѣлали два приступа. Анастасъ отбилъ ихъ. Но мѣщане сдались и были всѣ обращены въ неволю, а малыхъ ребятъ бусурманы покололи копьями и ножами. Анастасъ, избѣгая жестокой кары, которая постигла бы его какъ начальнаго человѣка, переодѣлся мужикомъ, былъ проданъ, выкупленъ волошскимъ господаремъ Дукою и отправленъ черезъ Венгрію въ Польшу, представился тамъ королю, былъ имъ обласканъ, одаренъ и отпущенъ въ Украину, а Самойловичъ послалъ его въ Москву. Его показаніе исполнено хвастовства и несообразностей. Въ Лодыжинѣ, кромѣ 20,000 мѣщанъ съ ихъ женами и дѣтьми, было воинскихъ людей всего полторы тысячи, всего одна пушка и та испорчена, а валъ зѣло худъ, у турокъ же до 40,000 воиновъ и 80 пушекъ, но Анастасъ такъ храбро отбивался, что побилъ 19,000 не-

Главный визирь изъ-подъ Лодыжина отрядилъ товарища своего, или каимъ-мекама, султанскаго любимца Мустафу-пашу, подъ Умань — съ приказаніемъ сжечь городъ и жителей увести въ неволю, а если окажутъ сопротивленіе, то перебить всѣхъ безъ разбора.

Вмѣстѣ съ турками подъѣхали къ Умани дорошенковы старшины и стали уманцамъ дѣлать предложеніе сдаться, обѣщая милость. Уманскій полковникъ Яворскій соблазнился такимъ обѣщаніемъ и отправился въ турецкій станъ на поклонъ; его объявили невольникомъ и заковали. Умань осталась безъ начальника. Турки требовали безусловной покорности. По этому требованію явились въ турецкій станъ полковые чины, знатнѣйшіе козаки и мѣщане. Турки всѣхъ объявили невольниками, а городъ, вмѣсто пощады, стали истреблять. Но въ Умани набралось людей не мало, и были они хорошо вооружены, а городъ укрѣпленъ. Они стали защищаться [1]. Тогда турки повели подъ зáмокъ шанцы отъ Грекóваго лѣса, насыпали валы и бойницы вровень съ городскими, палили изъ пушекъ и въ то же время начали подводить подкопы. Взорвана была значительная часть зáмковой стѣны на лѣвой сторонѣ отъ дороги къ Мени. Уманцы закладывали прорывы возами, навозомъ, землею... но турки подземнымъ ходомъ проникли въ городъ. Уманцы отчаянно отбивались отъ нихъ съ заборовъ, съ домовыхъ кровель; кровь потоками полилась по улицамъ, турки

пріятелей; султанъ казнилъ янычарскаго начальника, досадуя, зачѣмъ не взялъ города, и назначилъ 500 червонцевъ за голову Анастаса! О Мурашкѣ — такое противорѣчіе: сначала говорится, что Мурашка сдался и письменно убѣждалъ Анастаса послѣдовать его примѣру, а потомъ сообщается, что визирь казнилъ Мурашку за смѣлыя и дерзкія выходки. Поэтому показаніе это маловажно.

[1]) А. Ю. и З. Р., XI, 583.

безъ разбора умерщвляли всѣхъ. Остатокъ уманцевъ столпился около городскихъ воротъ, называемыхъ Рашевскою брамою, и тамъ защищались они до тѣхъ поръ, пока турки всѣхъ ихъ не побили; нѣкоторые заползли въ погребъ: турки натащили туда соломы, зажгли и всѣхъ подушили дымомъ. Такъ погибла Умань вся до тла съ церквами и народомъ христіанскимъ, на седьмой день по прибытіи къ ней турокъ [1]). По сторонамъ отъ Умани турецкіе отряды истребляли сосѣдніе городки и забирали въ неволю жителей, которыхъ вообще въ этомъ краѣ оставалось тогда уже мало послѣ бѣгства на лѣвую сторону. Такъ разорены были до основанія: Тростянецъ, Бершадъ [2]), Манковка [3]), Полонное Малое и другіе городки [4]).

Когда на западной сторонѣ Украины такъ расправлялись турки за Дорошенка, самъ Дорошенко засѣлъ въ верхнемъ городкѣ или за́мкѣ Чигиринскомъ. У него, по показанію сидѣвшаго въ неволѣ Терпигорева, было до четырехъ тысячъ войска, состоявшаго изъ чемерисовъ (польскихъ татаръ), турецкихъ янычаръ, крымскихъ татаръ и такъ-называемыхъ жолдаковъ (наемное войско), не считая мѣщанъ и согнанныхъ въ осаду поселянъ, всего тысячъ до пятнадцати [5]). 23-го іюля бояринъ и гетманъ подступили къ Чигирину и въ этотъ день прислали къ нимъ изъявленіе покорности городки: Медвѣдовка, Су́ботово и Жаботынъ; предводители послали привести ихъ къ присягѣ [6]). Осадное войско расположи-

---

[1]) Лѣт. Сам. изд. 1878, стр. 124. — Pam. Jem., 239.
[2]) Мѣст. Ольгопольск. уѣзда, при р. Бершадѣ.
[3]) Село Уманск. уѣзда, при р. Тикачѣ.
[4]) Велич., II, 355.
[5]) Арх. Юст., кн. 108, л. 65.
[6]) Арх. Юст., кн. 24, л. 1279. — А. Ю. и З. Р., XI, 591, 595.

лось по сю сторону Тясьмина: бояринъ сталъ подъ боромъ подлѣ озерца, а по лѣвую сторону отъ того озерца, на перестрѣлъ отъ города, сталъ гетманъ [1]). На другую сторону отъ Чигирина посланъ былъ генеральный бунчужный и слободскіе полки сумскій и острогожскій.

Возвели одиннадцать шанцевъ, поставили на нихъ пушки и начали палить. Но изъ Чигирина можно было отвѣчать тѣмъ же: въ обоихъ городкахъ — нижнемъ и верхнемъ — было до ста пушекъ и достаточно боевыхъ запасовъ; только искусствомъ мало могли похвалиться защитники, и выстрѣлы царскихъ войскъ были дѣйствительнѣе: разбили домъ Тукальскаго, митрополитъ убѣжалъ въ верхній городъ и отъ страха заболѣлъ, а поселяне, бывшіе въ осадѣ, перебѣгали въ русскій станъ и говорили, что чигиринцы готовы сдаться, и самъ Дорошенко обѣщаетъ поддаться, если черезъ недѣлю не придетъ къ нему ожидаемый ханъ съ ордою [2]). Бояринъ и гетманъ, услыхавши объ этомъ, хотѣли завязать сношенія съ Дорошенкомъ и воспользовались тѣмъ, что у нихъ въ станѣ находился плѣнный братъ гетмана Дорошенка Григорій; они приказали ему написать письма къ своей матери и къ брату, увѣщевая сдаться и положиться на царскую милость [3]). Съ этими письмами послали стрѣльца. Гетманъ Дорошенко отвѣчалъ, что если бояринъ желаетъ съ нимъ толковать о мирѣ, то пусть пришлетъ не простаго стрѣльца, а какого-нибудь знатнаго человѣка [4]). Дорошенко хотѣлъ этимъ показать, что помнитъ о своемъ достоинствѣ; но стрѣлецъ, ходившій въ Чигиринъ съ

---

[1]) А. Ю. и З. Р., XI, 654.
[2]) Ibidem, XI, 601 — 604.
[3]) Ibidem, 581.
[4]) Ibidem, 630.

письмами, разсказывалъ, что Дорошенко, видя свой последній часъ, хочетъ насильно себя развеселить и всѣмъ показать, будто ничего не боится: безпрестанно напивается пьянъ, ходитъ по шинкамъ, а передъ нимъ играютъ волынки и скрипки [1]).

28-го іюля, предводители дали приказаніе переходить войску на другую сторону Тясьмина и готовиться къ приступу, но приведенные языки показали, что турецкій султанъ уже перешелъ черезъ Днѣстръ и отправилъ хана съ ордою на выручку Чигирина [2]). Казалось бы, такой слухъ долженъ былъ побудить предводителей скорѣе кончать расправу съ Дорошенкомъ, прежде чѣмъ придетъ къ нему помощь. Но предводители простояли до 9-го августа, не предпринявши ничего рѣшительнаго, а въ этотъ день получили извѣстіе, что турецкій визирь съ войскомъ стоитъ уже подъ Лодыжиномъ; ханъ же идетъ къ Чигирину. Предводители рѣшили, что не безопасно дожидаться хана, 10-го августа приказали зажечь свой таборъ и снялись, а 12-го дошли до Черкасъ [3]). Крымскій ханъ, черезъ день по отступленіи русскаго войска, былъ встрѣченъ Дорошенкомъ за десять верстъ отъ Чигирина и на первыхъ порахъ, въ видѣ привѣтственнаго дара, получилъ отъ гетмана человѣкъ до двухсотъ невольниковъ изъ лѣвобережныхъ козаковъ, а для всѣхъ своихъ татаръ — дозволеніе брать сколько угодно людей въ неволю изъ окрестностей Чигирина за то, что жители съ приходомъ русскихъ войскъ отпали отъ Дорошенка [4]). Вслѣдъ затѣмъ ханъ погнался за отступившими отъ Чигирина

---

[1]) А. Ю. и З. Р., XI, 571.
[2]) Ibidem, 622.
[3]) Ibidem, 636.
[4]) Арх. Юст. кн. 108, л. 65.

русскими войсками [1]), догналъ подъ Черкасами 13-го августа, но послѣ незначительной передовой стычки повернулъ обратно къ Чигирину [2]). Объ успѣхахъ турецкихъ войскъ въ западной части Украины русскіе предводители, правда, еще не знали, хотя у гетмана въ рукахъ были жалобныя письма, писанныя изъ Лодыжина и Умани въ послѣдніе роковые дни для этихъ городковъ; но бояринъ и гетманъ не сочли возможнымъ посылать туда помощь, тѣмъ болѣе, что силы ихъ умалялись: не только у боярина, но и у самого гетмана изъ полковъ самовольно разбѣгались подчиненные, такъ что козацкихъ силъ при гетманѣ оставалось не болѣе пятнадцати тысячъ [3]). Гетманъ и бояринъ разсудили за благо убраться на лѣвую сторону, и отходя приказали сжечь Черкасы: укрѣпленія этого города находились въ дурномъ состояніи, все подгнило, обвалилось, не было ни тайниковъ, ни колодцевъ, ровъ обмелѣлъ и поправлять было некѣмъ: много черкасцевъ жило на Запорожьѣ. Оставшіеся въ Черкасахъ жители безъ ропота, по приказанію боярина и гетмана, послѣдовали на лѣвый берегъ за войсками, зная, что иначе ихъ бы забрали татары.

Ханъ, отступивши отъ Черкасъ, отправился къ Умани, а Дорошенко, пробывъ нѣсколько дней въ своей столицѣ для распоряженій объ ея оборонѣ, послѣдовалъ за ханомъ [4]). Тогда многіе изъ посполььства, находившагося въ

---

[1]) Вѣсти о причинахъ такого быстраго ухода, приносимыя выходцами, были различны: одни говорили, что татары думаютъ перебраться на лѣвую сторону Днѣпра, другіе — что татары пойдутъ подчинять власти Дорошенка отпавшіе отъ него правобережные городки. По иному извѣстію (Pam. Jem. 239), татары услыхали, что Сѣрко съ запорожцами безпокоитъ окрестности Перекопа и ногайцевъ.

[2]) А. Ю. и З. Р., XI, 637.

[3]) Ibidem, 642.

[4]) Арх. Юст., кн. 108, л. 67.

осадѣ въ Чигиринѣ, убѣжали на лѣвый берегъ Днѣпра. 26-го августа, освободился задержанный Дорошенкомъ Терпигоревъ: разломалъ окно своей тюрьмы и выползъ оттуда въ оковахъ, вмѣстѣ съ сидѣвшими тамъ узниками. За нимъ была погоня, но онъ счастливо избѣжалъ ее, переправился черезъ Днѣпръ и добрался до Кременчуга, откуда его проводили въ полкъ къ Ромодановскому. Дорошенко, какъ говорили, приказалъ повѣсить тѣхъ, которые не догнали Терпигорева [1]).

Русскія войска, такъ рѣшительно собиравшіяся переходить на правый берегъ, стремительно въ одну ночь перебрались на лѣвый [2]). За ними валили толпы правобережныхъ прочанъ. Примѣръ однихъ увлекалъ другихъ. Въ половинѣ августа изъ Лисянки полковникъ Мигалевскій писалъ, что долго удерживалъ поспольство «отъ волокиты», обнадеживая помощью отъ Самойловича, но когда разнеслась въ народѣ вѣсть, что бояринъ и гетманъ возвратились на лѣвый берегъ, то уже невозможно было ничѣмъ удерживать народа. Опустѣлъ Крыловъ. Изъ большихъ и малыхъ городковъ, изъ селъ и деревень шли обозы съ возами, нагруженными прочанами, ихъ семьями и пожитками [3]). Слѣдуя ихъ примѣру, и жители Лисянки всѣ ушли за Днѣпръ. Городъ, прежде многолюдный и крѣпкій, дававшій отпоръ Чарнецкому, Тетерѣ, Суховѣенку, теперь совершенно опустѣлъ, — говоритъ украинскій лѣтописецъ [4]); безпрепятственно вошли въ него татары, тогда какъ прежде боялись и смотрѣть на этотъ городъ. Движеніе народа къ переселенію, уже много лѣтъ сряду возраставшее послѣ посѣ-

---

[1]) Арх. Юст., кн. 108, л. 67.

[2]) Лѣт. Самов. изд. 1878 г., стр. 125.

[3]) А. Ю. и З. Р., XI, 619. Арх. Юст. кн. 32, стр. 114—118.

[4]) Прилож. къ лѣтоп. Самов. изд. 1878 г., стр. 278.

щенія Украины турками, теперь дошло до высшей степени. Паника овладѣла жителями Украины. Гдѣ только услышатъ, что близко появились бусурманы, тотчасъ обыватели поднимаются съ семьями и съ пожитками, какіе успѣютъ на̀-скоро захватить. Часто они сами не знали, гдѣ имъ искать пріюта, и шли, какъ выражались тогда, «на мандрівку» или на волокиту. Большая часть ихъ направлялась на лѣвую сторону; на перевозахъ противъ Черкасъ и Канева каждый день съ утра до вечера толпилось множество возовъ съ прочанами, ожидая очереди для переправы; едва успѣвали ихъ перевозить; перешедши за Днѣпръ, они тянулись на востокъ къ слободскимъ полкамъ, искать привольныхъ мѣстъ для новаго поселенія [1]). Но нѣкоторые съ западной части Украины бѣжали на Волынь и въ Червонную Русь, въ польскія владѣнія. Множество прочанъ, не добравшись до новоселья, погибали отъ скудости пищи, безводія и крайняго утомленія силъ въ непривѣтной пустынѣ, въ которую обращалась тогда правобережная Украина, недавно еще называемая поляками ихъ благодатнымъ Египтомъ. Покидая на вѣки родину своихъ предковъ, нерѣдко прочане сожигали свои дворы. Такъ, Дорошенко, слѣдуя изъ Чигирина за ханомъ, услыхалъ, что жители Богуслава собираются сжечь свои жилища и бѣжать въ волокиту; онъ издалъ универсалъ, въ которомъ писалъ: «узнавайте добродѣтель нашу изъ того, что мы васъ по чужимъ угламъ шататься не посылаемъ, а радѣемъ о вашемъ добрѣ и за васъ не жалѣемъ собственнаго здоровья. Не сомнѣвайтесь же ни въ чемъ и задерживайте тѣхъ, которые идутъ въ волокиту; совѣтуйте имъ возвращаться къ своимъ жилищамъ, къ своему достоянію.

[1]) А. Ю. и З. Р., XI, 656.

Тѣ же, которые насъ не послушаютъ и не захотятъ воротиться назадъ отъ Днѣпра въ свои прежнія жилища, не уйдутъ отъ бѣды и тамъ, куда укрыться думаютъ, потому что мы, не покончивши съ заднѣпрянами, не помышляемъ оставить своего дѣла, хотя бы война и на нѣсколько лѣтъ потянулась» [1]).

Городки и села, которые соблазнились такими универсалами и сдались Дорошенку, были жестоко наказаны за свое довѣріе: Дорошенко отдавалъ татарамъ всѣхъ тамошнихъ жителей въ неволю [2]). Были и такіе случаи, когда поспольство само отъ крайняго голода отдавалось татарамъ; такъ, изъ окрестностей Корсуна 3000 поселянъ, не видя для себя удобнымъ пробраться на лѣвый берегъ Днѣпра, хотѣли бѣжать въ Орду, но Андрей Дорошенко заворотилъ ихъ [3]).

Дорошенко, мимо разоренной и залитой кровью Умани [4]), направился къ султанскому стану, находившемуся гдѣ-то недалеко отъ Лодыжина [5]). Когда гетманъ въѣзжалъ въ турецкій обозъ, ему загородила путь густая толпа украинскихъ невольниковъ, кланявшихся въ землю и моливших о заступленіи передъ султаномъ [6]). 5-го сентября, гетманъ представился падишаху, получилъ бархатный колпакъ, отороченный собольимъ мѣхомъ, золотую булаву, коня съ богатымъ уборомъ и халатъ — обычный даръ султанскаго благоволенія подручникамъ [7]). Дорошенко выпросилъ у падишаха свободу нѣкоторымъ невольникамъ:

---

[1]) Арх. Юст., кн. 108, л. 110.
[2]) Лѣт. Самов., изд. 1878 г., стр. 126.
[3]) Арх. Юст., кн. 32, л. 316.
[4]) Прибав. къ лѣт. Самов., изд. 1878 г., стр. 279.
[5]) Арх. Юст., кн. 30, л. 24.
[6]) Величко, II, 355.
[7]) Collectanea, II, 119.

то были, разумѣется, немногіе изъ громады наловленныхъ людей всякаго рода, преимущественно молодыхъ парубковъ и дѣвицъ [1]).

Отпущенный падишахомъ, Дорошенко съ ханомъ пошелъ въ Синицу [2]). Города одинъ за другимъ присылали къ гетману изъявлять покорность. Присталъ тогда къ Дорошенкѣ и брацлавскій полковникъ Лисица, который вѣрно служилъ царю, но, не получивши отъ Самойловича въ пору помощи, теперь по неволѣ поклонился Дорошенку. Отъ Букъ [3]), ханъ отправилъ часть орды съ многочисленнымъ ясыромъ, который, однако, успѣли отбить и освободить на дорогѣ малороссіяне. Самъ ханъ шелъ вмѣстѣ съ Дорошенкомъ ко Днѣпру; на пути Дорошенко приказалъ захватить и заковать въ кандалы начальныхъ людей городковъ: Насташки [4]), Рокитны [5]), Вахновки [6]) и Богуслава за то, что они возбуждали народъ къ отпаденію отъ Дорошенка, а Степанъ Бутенко, бѣлоцерковскій полковникъ, убѣжалъ съ женою въ Бѣлую-Церковь, но бѣлоцерковскій комендантъ польской службы приказалъ изрубить его подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ прежде измѣнялъ Ханенку и переходилъ къ Дорошенку [7]). Дорошенко съ ханомъ подступили къ Днѣпру у Ржищева и уже собирали паромы, чтобы перебираться на лѣвый берегъ, какъ вдругъ ханъ быстро повернулъ въ Крымъ, услыхавши, что царскія рати, калмыки и донскіе козаки безпокоятъ крымскіе улусы. Дорошенко сталъ

---

[1]) Велич., II 355.
[2]) Село Каневскаго уѣзда, при рѣкѣ Роси.
[3]) Мѣстечко Уманскаго уѣзда, при р. Горномъ Тикачѣ.
[4]) Нынѣ мѣстечко Васильсковскаго уѣзда.
[5]) Нынѣ мѣстечко Васильсков. уѣзда, при рѣкѣ Рокитной.
[6]) Нынѣ мѣстечко Бердичевскаго уѣзда.
[7]) Арх. Юст., кн. 30, л. 19, 49.

въ Корсунѣ; ему оставлено было татаръ, какъ говорятъ, тысячъ до десяти. Тутъ услыхалъ Дорошенко, что тысячъ болѣе десяти прочанъ ѣдутъ изъ Побужья и Поднѣстрья обозомъ, направляясь за Днѣпръ. Дорошенко съ татарами перегородилъ имъ путь подъ Смѣлою; прочане стали было сопротивляться. Дорошенко приказалъ ихъ всѣхъ рубить, не разбирая ни пола, ни возраста, а тѣхъ, которые не сопротивлялись и сразу покорились, отдалъ татарамъ въ неволю [1]).

Положеніе Дорошенка стало теперь по истинѣ трагическимъ. Приходъ на помощь къ нему турокъ и татаръ не только не поддержалъ его дѣла, но окончательно подорвалъ. Не въ силахъ были его бусурманскіе союзники насильно заставить народъ любить гетмана. Напротивъ, южноруссы сильнѣе рвались покидать землю предковъ, лишь бы не быть въ подчиненіи у Дорошенка, и уже изъ его родныхъ, которыхъ было много въ Украинѣ, и изъ самыхъ рьяныхъ его сторонниковъ стали уходить на лѣвую сторону [2]). Собранное имъ козацкое войско въ Корсунѣ подняло противъ него шумъ: «онъ насъ голодомъ поморилъ», — кричали козаки, — «весь край опустошилъ, посполььство въ прахъ разорилъ, христіанъ въ неволю отдалъ». Даже наиболѣе вѣрные Дорошенку сердената стали оставлять гетмана: серденецкій полковникъ Ѳедоръ Мовчанъ съ пятьюстами серденятъ своихъ прибылъ къ Каневъ и присягнулъ царю [3]). Его примѣру послѣдовало еще 200 серденятъ [4]), и напрасно Дорошенко писалъ къ отшедшимъ отъ него, убѣждая во-

---

[1]) Арх. Юст., кн. 30, л. 63, 65, 118

[2]) Ibidem, кн. 32, л. 461.

[3]) Ibidem, кн. 108, л. 866.

[4]) Арх. Ин. Д., связка 45, № 3.

ротиться [1]). Вдобавокъ турецкій султанъ приказалъ Дорошенку послать въ Турцію 500 мальчиковъ и дѣвочекъ до пятнадцатилѣтняго возраста, и это возмутило противъ Дорошенка самыхъ близкихъ людей, даже тестя его Яненка, такъ что Дорошенко вышелъ изъ Чигирина и скрывался три дня въ лѣсу съ своими вѣрными сердюнятами, пока не улеглось волненіе въ городѣ [2]).

Память объ этой кровавой эпохѣ народнаго бѣдствія, когда сами туземныя власти отдавали въ бусурманскую неволю малороссіянъ сотнями и тысячами, отразилась въ народной поэзіи въ формѣ аллегорическихъ пѣсенъ; такъ, напримѣръ, соколъ отлетаетъ въ чужую сторону, и оставляетъ наблюдать за своими дѣтьми и за своимъ достояніемъ орла. Когда соколъ прилетаетъ назадъ, орелъ сообщаетъ ему, что дѣти его — соколята, — пришедши въ возрастъ, разлетѣлись по разнымъ деревамъ; по дорогѣ ѣхали паны, изрубили деревья, на которыхъ сидѣли соколята, и самихъ соколятъ отправили въ подарокъ невѣрному царю. Соколъ, услыша такую вѣсть, восклицаетъ: О, чтобъ не довелось болѣе пановать этимъ панамъ, за то, что они задали моихъ дѣтокъ въ чужой край!

---

[1]) Арх. Юст., кн. 108, л. 881.
[2]) Ibidem, кн. 30 л. 133.

VII.

Посѣщеніе польскимъ королемъ Украины. — Переполохъ въ народѣ. — Походъ Ромодановскаго и Самойловича. — Полемика Самойловича съ Дорошенкомъ. — Смерть митрополита Тукальскаго. — Кочубей. — Его извѣстія о Дорошенкѣ. — Дорошенко и Сѣрко. — Дорошенко сдаетъ запорожцамъ клейноты. — Неудовольствія Москвы и Самойловича противъ Сѣрка. — Привозъ въ Москву турецкихъ санджаковъ и турецкихъ граматъ. — Новыя увертки Дорошенка. — Принудительныя мѣры. — Послѣдній походъ противъ Дорошенка. — Дорошенко сдается царю.

Послѣ ухода турокъ за Днѣстръ, польскій король Янъ Собѣскій съ войскомъ вступилъ въ Украину и достигъ до Паволичи и до Бѣлой-Церкви. Оставленные турками городки Рашковъ, Немировъ, Баръ, Межибожъ, Кальникъ покорились полякамъ [1]), и король поставилъ тамъ гарнизоны, но то было на короткое время, и вслѣдъ затѣмъ жители этихъ городковъ и окрестныхъ селъ бѣжали искать новоселья въ царскихъ областяхъ за Днѣпромъ. Поляки, гдѣ только могли, старались препятствовать такому переселенію народа. Бунчужный Полуботокъ писалъ гетману Самойловичу изъ Канева: «ляхи, словно рыболовы съ удками, стерегутъ нашихъ людей, а тѣ безпрестанно идутъ на лѣвый берегъ Днѣпра» [2]). Въ слѣдующую затѣмъ зиму, на лѣвомъ берегу Днѣпра появилось такое множество прочанъ, что Самойловичъ не зналъ что́ съ ними дѣлать: «ихъ набралось, — писалъ онъ въ Приказъ, — семей тысячъ двадцать; всѣ безъ пріюта, лошади у нихъ отъ безкормицы пропали и самимъ людямъ ѣсть нечего». Польскій король издалъ къ русскимъ обывателямъ Украины универсалъ, въ которомъ называлъ

---

[1]) Лѣт. Самов., изд. 1878 г., стр. 126 Pam. Jem., 246.
[2]) Арх. Юст., кн. 108, л. 602.

себя ихъ законнымъ государемъ, пытался употребить дружелюбныя мѣры съ Дорошенкомъ, посылалъ къ нему знакомаго ему архіерея Шумлянскаго и, ничего не сдѣлавши, ушелъ въ концѣ января въ Польшу, оставивши на время своихъ гетмановъ съ войскомъ. Это посѣщеніе короля надѣлало переполохъ въ народѣ. пошли противорѣчивые толки; одни говорили, будто ляхи сходятся съ Дорошенкомъ и съ бусурманами и хотятъ воевать царскую державу, другіе — будто польскій король сложился съ московскимъ царемъ на̀-зло козачеству, разомъ войдутъ въ Украину русскія и польскія военныя силы и станутъ принуждать малороссіянъ къ покорности полякамъ. Самойловичъ, самъ нерасположенный къ полякамъ, по царскому указу своими универсалами старался успокоить народную тревогу, но послѣ ухода короля писалъ къ польскимъ гетманамъ, чтобъ они не вступались въ города и села, поступившіе въ царскую державу изъ-подъ турецкой власти, потому что тамошніе жители не хотятъ быть подъ властію поляковъ и ни за что не отдадутся имъ.

Поляки, при всякомъ случаѣ показывавшіе намѣреніе захватить себѣ Украину, не предпринимали никакихъ непріязненныхъ дѣйствій противъ Москвы; напротивъ, сами нуждались въ помощи московскаго правительства тогда, когда весною 1675 г. татары произвели опустошительный набѣгъ на польскія области. Московское правительство не отрекалось оказать Польшѣ помощь, но приступало къ этому дѣлу вяло и неохотно, какъ-будто насмѣхаясь надъ поляками, по ихъ выраженію; еще неохотнѣе относился къ нему Самойловичъ, и на совѣщаніяхъ съ царскими гонцами и съ бояриномъ Ромодановскимъ твердилъ все одно и то же, что полякамъ ни въ чемъ

не слѣдуетъ довѣрять [1]). Сообразно такимъ внушеніямъ гетмана, московское правительство тѣмъ и ограничилось, что приказало войскамъ двигаться медленно къ Днѣпру, а за Днѣпръ не переходить, и такимъ образомъ водить поляковъ, пока не услышатъ, что татары вышли изъ Польши, а тогда написать польскимъ гетманамъ, что уже воевать теперь не съ кѣмъ. Напрасно нѣсколько разъ въ своихъ письмахъ польскіе гетманы извѣщали, что ханъ взялъ тотъ городъ, осадилъ другой, что надобно спѣшить; отъ нихъ отдѣлывались, писали, что русскія войска пристанутъ къ королевскимъ только тогда, когда коронныя войска соединятся съ литовскими. Самойловичъ и Ромодановскій, собравшись съ своими обозами раннею весною у Артополота [2]), не ранѣе какъ въ сентябрѣ достигли Яготина [3]) и тамъ встрѣтили польскихъ посланцовъ съ извѣстіемъ, что ханъ уже ушелъ изъ польскихъ предѣловъ къ Каменцу. Предводители, сообразно царскому указу, отвѣчали, что если такъ, то уже нѣтъ повода соединяться съ польскими войсками [4]). Въ продолженіе этого лѣта, Самойловичъ и Дорошенко вели между собою, такъ сказать, письменную полемику универсалами и письмами, стараясь каждый обвинить другаго, а себя выгородить. «Ты меня хулишь за союзъ съ бусурманами», — писалъ Дорошенко, — «но вѣдь и давніе князья россійскіе противъ своихъ недруговъ призывали бусурманскія силы, и Богдану Хмельницкому пришлось дружить съ татарами, когда ляхи-христіане стали намъ главными непріятелями... И я, предковъ своихъ пѣстуя

---

[1]) А. И. Д., св. 45, № 3. Pam. Jem., 246.

[2]) Бывшая рѣка въ Роменскомъ уѣздѣ, Полтавской губ.

[3]) Мѣстечко Пирятинскаго уѣзда, Полтавской губ.

[4]) Арх. Ин. Д., связка 45, № 4.

славу, прежде всего милости и обороны искалъ у польскаго короля, но польскій король милости мнѣ не далъ, а къ царю послѣ андрусовской коммиссіи, насъ разлучившей, невозможно уже было намъ обращаться; и такъ мы, всего Войска Запорожскаго совѣтомъ, склонились къ турскому султану подъ оборону». — Куда намъ равняться съ князьями россійскими! — писалъ на это Самойловичъ, — равные съ равными должны быть сравниваемы, а россійскіе князья были независимые владѣтели. Впрочемъ, про этихъ князей хроники свидѣтельствуютъ, что немного они отъ помощи бусурманской воспріяли себѣ; напротивъ, ихъ державы оттого на долгое время разорвались и ни во что обратились. И гетманы, союзами съ невѣрными, никакого добра народу и войску не учинили, а только досталь отчизну свою и благочестіе на правой сторонѣ искоренили и завели многое множество братіи своей въ вѣчную неволю бусурманскую. Вотъ и теперь, кто виноватъ, что народъ на сю сторону валитъ: не отъ великой прохлады сюда идутъ, оставя свое имущество, а отъ турецкой неволи съ душами убѣгаютъ [1]).

Отправивши письма къ польскимъ гетманамъ изъ Яготина, Ромодановскій и Самойловичъ послали на правый берегъ отряды подъ начальствомъ — первый Вульфа, а второй — генеральнаго асаула Лысенка. Серденята, остававшіеся въ Корсунѣ, бѣжали въ Чигиринъ, а послѣ ихъ ухода жители изъ Корсуна, Мошны, Млѣева, Богуслава, Насташки и окрестныхъ селеній пошли на лѣвый берегъ. Самойловичъ давалъ приказаніе переяславскому полковнику Войцѣ Сербину и полковнику охотному Новицкому не разселять ихъ вблизи Днѣпра, но отправлять на новоселье въ дальнѣйшія мѣста. Не такъ легко

[1]) А. И. Д., св. 45, № 4. А. Ю., кн. 108, л. 986. Кн. 32, л. 512 и дал.

удалось бѣглецамъ изъ Торговицы, въ числѣ трехъ тысячъ, собравшимся на лѣвую сторону по поводу слуха, что Дорошенковъ резидентъ Астаматій ведетъ турокъ. Дорошенко послалъ противъ бѣглецовъ татаръ, а тѣ захватили ихъ въ полонъ [1]). Въ началѣ сентября каневскій полковникъ доносилъ Самойловичу, что атаманы ольховскій и звенигородскій привезли въ Каневъ 1000 возовъ съ переселенцами, и полковникъ всѣхъ ихъ переправилъ черезъ Днѣпръ [2]). Тогда къ Ромодановскому и Самойловичу пріѣхали корсунскіе козаки — пасынокъ Богдана Хмельницкаго Степанко съ товарищами: они объявили, что Дорошенко посылалъ ихъ съ судьею Чернявскимъ находиться при ханѣ во время ханскаго похода въ Польшу, а когда ханъ съ Ибрагимъ-пашею, сопровождавшимъ его, повернулъ въ Волощину, козаки, отпущенные ими къ Дорошенку, не пошли въ Чигиринъ, а отправились на лѣвую сторону и присягнули царю [3]). Польскія войска проникли тогда въ Корсунъ, нашли его совершенно безлюднымъ и сожгли [4]). Тогда окончательно опустѣло и все Побужье. Жители, остававшіеся еще тамъ, выгнали отъ себя поставленные польскія залоги и пустились въ волокиту.

Все это приближало Дорошенка къ неизбѣжному паденію. 10-го августа лишился онъ своего многолѣтняго друга и совѣтника, митрополита Тукальскаго, который скончался, ослѣпши незадолго до смерти. Не было у Дорошенка ни малѣйшихъ средствъ остановить бѣгущаго въ царскія области народа; не присылали къ нему для

---

[1]) Арх. Юст., кн. 38, л. 152. Акты Зап. Росс. V, 135. Арх. Юст., кн. 32, л. 556.

[2]) Арх. Ин. Д., связка 45, № 4.

[3]) Арх. Юст., кн. 38, л. 183.

[4]) Лѣт. Самов., изд. 1878 г., стр. 127.

удержанія прочанъ ни турецкихъ, ни татарскихъ силъ, и ему представлялась возможность скоро остаться одинокимъ въ пустынѣ. Въ числѣ пришедшихъ съ правой стороны къ Самойловичу, былъ Василій Леонтьевичъ Кочубей, которому суждено было пріобрѣсти громкую трагическую извѣстность впослѣдствіи. Начавши службу еще при Бруховецкомъ въ гетманской канцеляріи, тогда онъ былъ подпискомъ или канцеляристомъ у Дорошенка, пріобрѣлъ у него большую довѣренность, и чигиринскій гетманъ посылалъ его въ Турцію. На возвратномъ пути челядникъ укралъ у Кочубея важныя бумаги и убѣжалъ. Кочубей послѣ того не смѣлъ явиться къ Дорошенку, переправился къ Самойловичу и сообщилъ такія вѣсти о Дорошенкѣ. «Грызетъ самъ себя Дорошенко, — говорилъ онъ: — надѣялся на турокъ и татаръ, но тѣ и другіе мало подаютъ имъ надежды. Крымцы гнѣваются на него за то, что мало почиталъ и цѣнилъ ихъ, а считалъ за такихъ союзниковъ, которые, по приказанію турецкаго султана, должны дѣлать ему услуги. Да и у самихъ турокъ такое слово носится: взять бы этого Дорошенка, со всѣми будучими при немъ козаками, да и задать на каторги, чтобъ они больше насъ, турокъ, не смущали и не чинили смуты промежъ монархами. Вотъ какъ про Дорошенка говорятъ его союзники, а свои украинскіе люди, какіе еще остаются въ его владѣніи, всѣ гнушаются имъ отъ бòльшаго до малаго. Въ самомъ Чигиринѣ при немъ нѣтъ ни полковника, ни обознаго, ни другаго кого изъ старшинъ, чтобъ ему былъ дружелюбенъ, кромѣ развѣ родни его, да писаря, да судьи».

Увидѣлъ Дорошенко, что приходитъ пора ухватиться за послѣднее средство спасенья, которое онъ приберегалъ къ концу: не манить болѣе московскаго государя, а отдаться ему прямо, искренно. Но ему хотѣлось все-

таки сдаться такъ, чтобы выговорить себѣ и безопасность, и спокойное житье на старость, а еели можно, то сохранить и гетманскій титулъ. Довѣриться безусловно Самойловичу, котораго онъ оскорблялъ, казалось ему слишкомъ рискованнымъ дѣломъ; во всякомъ случаѣ, ему пришлось бы проститься со своимъ гетманствомъ. Дорошенко рѣшился еще разъ сдѣлать опытъ — устроиться такъ, чтобы, присягнувши московскому государю, остаться въ гетманскомъ достоинствѣ. И прибѣгнулъ Дорошенко къ такому извороту: получилъ онъ свое гетманское достоинство отъ войска — войску онъ и сдать его долженъ, а это войско можетъ его и снова избрать гетманомъ. Но козацкаго войска на правомъ берегу у него уже не стало; правобережные полковники отъ него отступились, козаки или ушли на лѣвую сторону, или, оставаясь еще на правой, не хотѣли ему повиноваться; поспольство безпрестанно бѣжало, возсоздать и пополнить войско было уже не изъ кого. Дорошенко рѣшился показать, что считаетъ настоящимъ Войскомъ Запорожскимъ Сѣчь, и задумалъ передъ сѣчевиками сдать свое гетманство, положить клейноты и принести передъ ними присягу на вѣрность царю. Недаромъ старѣйшій гетманъ Богданъ Хмельницкій въ первый разъ получилъ свое гетманское достоинство въ Сѣчѣ; съ тѣхъ поръ въ Сѣчѣ сохранялась высокомѣрная увѣренность, что сѣчевое товариство есть лучшій цвѣтъ козачества, что оно-то и должно управлять судьбою всей Украины. Когда Дорошенково письмо съ такимъ предложеніемъ пришло въ Сѣчу, тамъ находились донскіе козаки съ своимъ атаманомъ Фроломъ Минаевымъ, прибывшимъ туда, чтобы воевать вмѣстѣ съ запорожцами противъ крымцевъ. Кошевой атаманъ, знаменитый Иванъ Сѣрко́, постоянно былъ той мысли, что гетманъ долженъ быть избранъ въ Сѣчѣ; потому-то онъ и поддерживалъ Ханенка противъ Доро-

шенка, но когда Ханенко сошелъ со сцены, Сѣрко́ возобновилъ прежнюю дружбу съ Дорошенкомъ, и давалъ ему совѣтъ не отдавать клейнотовъ ни московскому боярину, ни лѣвобережному гетману. Теперь, получивши Дорошенково письмо, Сѣрко̀ созвалъ на раду все сѣчевое товариство. То была «черневая рада»: въ ней участвовали всѣ запорожцы, не по чинамъ. И донцы, хотя гости, но все же по званію козаки, приглашены были къ участію въ радѣ. Письмо Дорошенка было прочитано, и вся рада приняла его предложеніе съ восторгомъ.

10-го октября Сѣрко́ и Фролъ Минаевъ съ толпою запорожцевъ, донцовъ и калмыковъ прибыли къ Чигирину. Дорошенко встрѣтилъ ихъ въ предшествіи духовенства съ хоругвями и образами, и созвалъ на раду всѣхъ остававшихся у него въ Чигиринѣ козаковъ и посполитыхъ. Въ этомъ собраніи Дорошенко положилъ свои войсковые клейноты — булаву, бунчукъ и знамя, и предъ св. Евангеліемъ произнесъ присягу на вѣчное подданство Царю Алексѣю Михайловичу. Взамѣнъ, запорожцы произнесли присягу въ томъ, что» Дорошенко будетъ принятъ царскимъ пресвѣтлымъ величествомъ въ отеческую милость и останется въ цѣлости при ненарушимомъ здоровьѣ, чести и пожиткахъ, со всѣмъ войскомъ, при немъ находящимся, сохранивши свои войсковые клейноты, не подвергаясь отмщенію за свои прежнія вины, и отъ всѣхъ непріятелей: татаръ, турокъ и ляховъ — будетъ царскими войсками защищаемъ и обороняемъ, а всѣ запустѣлыя мѣста на правой сторонѣ наполнятся снова людьми и будутъ во-вѣки тѣшиться вольностями и разживаться, какъ и лѣвая заднѣпровская сторона.»

Сѣрко́ взялъ отъ Дорошенка войсковые клейноты и увезъ въ Сѣчу, а 15 октября извѣстилъ Малороссійскій приказъ о происшедшемъ важномъ событіи и отъ имени

всего запорожскаго коша билъ челомъ, чтобъ Дорошенко былъ принятъ милостиво, сообразно данной имъ присягѣ вѣрно служить царскому пресвѣтлому величеству [1]).

Архіепископъ Лазарь Барановичъ послалъ Дорошенку похвальную грамату, но гетману Самойловичу было до крайности непріятно это происшествіе, и онъ писалъ въ малороссійскій приказъ въ такомъ смыслѣ: «Поступокъ Дорошенка не болѣе какъ лукавство. Не приходитъ ему помощи ни отъ турокъ, ни отъ татаръ, а тутъ ляхи въ гостяхъ, да и мы недалеко, свой же край подъ его владѣніемъ совсѣмъ опустѣлъ. Вотъ онъ, въ соумышленіи съ Сѣркомъ, и пустился на обманъ, чтобы время какънибудь протянуть и перезимовать, съѣстные припасы съ нашей стороны получать и бѣжавшихъ людей снова перезвать къ себѣ, а весною попрежнему смуту завести». Въ Москвѣ приняли продѣлку Сѣрка также неблагосклонно и написали ему [2]), что онъ взялся не за свое дѣло, а за такое, которое по царской волѣ уже положено было на боярина Ромодановскаго и на гетмана Самойловича. Сѣрко въ это время шагнулъ еще далѣе въ своемъ самоуправствѣ, и 29 декабря разослалъ универсалы въ полки черниговскій, стародубскій, нѣжинскій и прилуцкій о подданствѣ Дорошенка. За это новое присвоеніе правъ гетмана, который одинъ только могъ посылать къ полковникамъ универсалы, Сѣрко немедленно получилъ опять изъ малороссійскаго приказа выговоръ съ такимъ предостереженіемъ: «коли ты начнешь писать мимо гетмана къ полковникамъ или къ какимъ-нибудь другимъ урядамъ, которые тебѣ вѣдать не указано, то

---

[1]) Арх. И. Д., св. 45, № 10.—Рус. Арх. 1876, 440. Лазаревскій, о Кочубеѣ.

[2]) Арх. И. Д., св. 45, № 9. — Письма Лазаря Барановича, стр. 206.

знай, что такихъ твоихъ писаній не велѣно имъ слушать» [1]).

Въ январѣ 1676 года пріѣхали въ Москву Дорошенковы посланцы: тесть его Яненко и Семенъ Тихій [2]). Они привезли бунчукъ и санджаки, которые турецкій султанъ назадъ тому четыре года присылалъ Дорошенку, когда тотъ стоялъ подъ Уманью. Санджаки эти были: два тафтяныхъ знамени, одно красное, другое желтое съ красною каймою. Такія знамена, какъ знакъ повѣряемой отъ падишаха власти надъ краемъ, давались всегда крымскому хану и всякому турецкому подручнику. Посылая эти санджаки въ Москву, Дорошенко писалъ, что оставилъ у себя еще одинъ клейнотъ — булаву, подаренную ему турецкимъ султаномъ подъ Каменцомъ, оставилъ ее для того, чтобъ можно было ему прилично явиться въ Москву, когда великій государь дозволитъ ему видѣть свои царскія очи. «Я давно уже, — писалъ Дорошенко, — хотѣлъ совершить доброе дѣло, но не могъ за препоною отъ властолюбцевъ, потому что, когда на съѣздахъ предъявлялись граматы царскія, польскія и турецкія и спрашивалось: при которомъ государѣ намъ оставаться, — всѣ приговаривали держаться турецкаго султана. Еслибъ я противился — они бы иного гетмана себѣ выбрали, а всетаки держались бы поганыхъ. Да не меньше того и заднѣпровской Украины власти нашему доброму дѣлу старались помѣшать изъ зависти, чтобъ мы не получили отъ вашего царскаго пресвѣтлаго величества такой же благодати, какою они пользовались».

Приглашенные къ боярину Матвѣеву, посланцы объявили, что «Дорошенко не стоитъ на томъ, чтобъ ему оста-

---

[1]) Арх. И. Д., св. 45, № 11.
[2]) Арх. Юст., кн. 37, л. 333.

ваться гетманомъ, а только проситъ, чтобъ ему съ его сродниками и со всѣмъ поспольствомъ, при немъ будучимъ, дозволили жить на правой сторонѣ и не переводили никого насильно на лѣвую сторону; этого они всѣ боятся, потому что у нихъ слухъ носится, будто прикажутъ на правой сторонѣ всѣ города и дворы пожечь и жителей перевести.»

— Зачѣмъ, — спросилъ Матвѣевъ, — Дорошенко самъ не ѣдетъ къ Ромодановскому и Самойловичу, или въ Москву къ великому государю?

— Остерегается, — отвѣчалъ Яненко, — чтобъ съ нимъ не поступили такъ, какъ поступилъ Бруховецкій съ Самкомъ: боится, чтобъ не схватили его на дорогѣ.

— А зачѣмъ, — спросилъ Матвѣевъ, — Дорошенко принялъ санджаки отъ поганаго турецкаго султана?

— Онъ не хотѣлъ ихъ принимать, да войско приказало, — былъ отвѣтъ.

Пріемъ привезенныхъ отъ Дорошенка знаковъ гетманскаго достоинства происходилъ 12-го января съ торжественною церемоніею. Козаки везли съ малороссійскаго двора въ царскій дворецъ бунчукъ, булавы, санджаки и султанскія граматы [1]). Знамена везли волоча по землѣ тафту. Ихъ принесли передъ столовую палату, откуда

---

[1]) Привезено было двѣ булавы: первая «съ напоями золотыми и съ каменьями; черневыя мѣста и гнѣзда, куда вставлялись каменья — золотыя; тринадцать камней, шесть изумрудовъ, семь лаловъ; межъ черневыхъ мѣстъ земля и рукоять серебряныя, чеканныя. Другая булава съ золотымъ яблокомъ и съ золотою рукоятью турецкой работы, яблоко сквозное, въ яблокѣ камень яхонтъ, граненый, расшибенъ, рукоять черезъ полосу черневая, а въ концѣ рукояти бирюза; на яблокѣ и на рукояти три пояса, въ нихъ одиннадцать изумрудныхъ искорокъ». Граматъ или привилегій турецкаго султана прислано четыре. Онѣ были на пергаментѣ, писаны черезъ строку и черезъ двѣ золотомъ, съ огромнымъ султанскимъ титуломъ. Эти граматы были тогда же переведены въ малороссійскомъ приказѣ (А. И. Д., кн. 37, л. 378).

смотрѣлъ государь, потомъ тѣмъ же путемъ унесли на малороссійскій дворъ и тамъ угощали посланцевъ [1]).

При отпускѣ Яненка дана была отвѣтная грамата Дорошенку въ такомъ смыслѣ. Государь похвалялъ его за желаніе отступить отъ турецкаго султана и отдаться въ подданство царю, обѣщалъ дозволить ему со всѣми сродниками жить, гдѣ пожелаетъ, но гетманство свое онъ долженъ былъ сложить съ себя; гетманомъ надлежало быть на обѣихъ сторонахъ одному Самойловичу. Народъ въ правобережной Украинѣ могъ жить на своихъ мѣстахъ, не страшась ни насильственнаго переселенія, ни отдачи полякамъ во владѣніе. Однако присяга, данная Дорошенкомъ передъ запорожцами въ Чигиринѣ, не признавалась дѣйствительною, и Дорошенко, сообразно прежнему царскому указу, непремѣнно долженъ былъ ѣхать на лѣвую сторону и присягнуть передъ св. Евангеліемъ въ присутствіи гетмана Самойловича и князя Ромодановскаго [2]). Вмѣстѣ съ посланцами Дорошенка, были въ Москвѣ посланцы и отъ Сѣркà; отправляясь въ обратный путь, они повезли съ собою царскую грамату кошевому съ выговоромъ за самовольное принятіе на себя того, что̀ поручено было отъ царя не ему, а другимъ.

30 января того же 1676 года скончался царь Алексѣй Михайловичъ. Отъ имени преемника его, царя Ѳеодора Алексѣевича, изъ малороссійскаго приказа въ мартѣ былъ посланъ къ Дорошенку стольникъ Деримедонтовъ (или Деримонтовъ) съ тѣмъ, чтобъ отъ него принять присягу царю на мѣстѣ, не обязывая Дорошенка ѣхать къ Самойловичу и Ромодановскому для этой цѣли. Посла-

---

[1]) Кромѣ Яненка и Тихаго въ Москву прибыли тогда писарь, асаулъ; хорунжій, 2 сотника и 38 рядовыхъ козаковъ.

[2]) Арх. Юст., кн. 37, л. 390–407.

нецъ заѣхалъ прежде къ Самойловичу. Гетманъ, увидавши, что грамата къ Дорошенку написана ласковымъ тономъ и притомъ съ *вичемъ* (чтó означало уважительное обращенiе), ужаснулся, понявши, что новое правительство хочетъ измѣнить прежнiй способъ обращенiя съ Дорошенкомъ. Самойловичъ взялъ на свой страхъ смѣлость задержать Деримедонтова и написалъ въ приказъ представленiе, что съ Дорошенкомъ не слѣдуетъ обращаться такъ уважительно и вовсе не посылать въ Чигиринъ для отобранiя у него тамъ присяги, а привести Дорошенка на сю сторону, хотя бы и военною силою. По такимъ представленiямъ гетмана указано было снова поступать сообразно указамъ покойнаго государя и приглашать Дорошенка на лѣвую сторону для произнесенiя присяги передъ княземъ Ромодановскимъ и гетманомъ Самойловичемъ.

Тогда гетманъ и бояринъ Ромодановскiй опять начали посылать къ Дорошенку гонцовъ одного за другимъ, повторяя приглашенiе ѣхать на лѣвую сторону, присягнуть и сдать свое гетманство Самойловичу. Дорошенко подъ разными предлогами увертывался: то говорилъ, что ожидаетъ возврата посланцевъ своихъ изъ Москвы, то — что нельзя ему оставить Чигирина изъ опасенiя непрiятельскаго нашествiя, то, наконецъ, что не можетъ сдать булавы безъ войсковой рады и т. п. Посланцы, посылаемые къ нему, замѣчали, что онъ какъ-бы издѣвался. При одномъ, напримѣръ, онъ, упомянувши объ отправкѣ санджаковъ въ Москву, сказалъ: «не велика потеря для султанскаго величества какое-нибудь портище тафты!» Другой, прiѣзжавшiй къ Дорошенку отъ князя Ромодановскаго, приглашенный къ обѣду, былъ свидѣтелемъ такой сцены. За столомъ сидѣли оставшiеся при Дорошенкѣ старшины, какой-то прiѣхавшiй отъ Са-

мойловича игуменъ и запорожцы, прибывшіе изъ Сѣчи. Когда гости подпили, запорожцы стали убѣждать Дорошенка не отдавать булавы гетману-поповичу.

Дорошенко налилъ вина и возгласилъ:

— На томъ пью передъ вами, что мнѣ гетману Самойловичу булавы не отдавать! Войско мнѣ булаву дало — войску я и отдамъ ее назадъ! Кому захотятъ, тому пусть и передадутъ!

— Мы булавы никогда не отдадимъ, — сказалъ обозный Бережецкій, — а станетъ у насъ силою ее поповичъ отнимать, такъ будемъ за нее биться.

— Пане гетмане! поѣзжай съ войсковыми клейнотами и съ булавою къ намъ на кошъ, — сказали запорожцы.

Дорошенко обратился къ игумену, который до сихъ поръ не вмѣшивался въ разговоръ, и промолвилъ:

— Скажите гетману Самойловичу, что Петро Дорошенко своихъ клейнотовъ и булавы ему никогда не отдастъ!

Игуменъ продолжалъ молчать. Къ концу обѣда Дорошенко разгорячился и, обратясь къ запорожцамъ, сказалъ:

— Панове товарищи, не выдавайте меня какъ донцы Стеньку Разина выдали; пусть донцы своихъ выдаютъ, а вы не выдавайте!

— Не выдадимъ, ни за что не выдадимъ! — восклицали запорожцы.

Желая, однако, показаться передъ Ромодановскимъ вѣрнымъ доброжелателемъ московскаго государя, Дорошенко послалъ къ боярину письмо, полученное изъ Турціи отъ Ибрагима-паши. Въ этомъ письмѣ изъявлялось удивленіе, что Дорошенко давно ничего не пишетъ, и въ Турціи не знаютъ, чтó происходитъ въ Украинѣ. «Но-

сятся у насъ слухи, — писалъ турокъ, — будто ты, согласившись съ плутомъ Сѣркóмъ, склонился на обманъ, спятилъ съ ума и отступилъ отъ нашего храбраго, могущественнѣйшаго государя. Если точно такъ ты поступилъ, то вѣрить тебѣ уже впередъ нельзя, и храбрый, непобѣдимый, могущественнѣйшій, грозный государь нашъ пошлетъ на тебя свои войска. Тогда покаешься, да ужь не вò-время; если же хочешь быть съ нами попрежнему, пиши ко мнѣ въ Бабу.»

Самойловичъ, весною, послалъ-было къ Чигирину сильный козацкій отрядъ подъ начальствомъ черниговскаго полковника Борковскаго, но долженъ былъ отозвать его, получивши царскій указъ не принимать противъ Дорошенка слишкомъ суровыхъ мѣръ. Самойловичъ, зная, что Дорошенка къ непокорности побуждаетъ Сѣркò, запретилъ изъ Малороссіи возить въ Запорожье хлѣбные запасы: это средство у гетмановъ всегда было уздою, сдерживавшею запорожское своеволіе, потому что братчики, занимаясь только войною, не вели у себя сельскаго хозяйства; сверхъ того, гетманъ запретилъ принимать въ городахъ запорожцевъ на зимовье, такъ какъ у нихъ было въ обычаѣ всегда шататься по городамъ и селамъ полтавскаго полка. Съ Дорошенкомъ волею-неволею пришлось гетману и князю Ромодановскому, сообразно царскимъ указамъ, обращаться попрежнему, то-есть посылать безполезныя приглашенія, а Дорошенко въ концѣ іюня сказалъ наотрѣзъ: «не поѣду и не сдамъ гетманства безъ войсковой рады: это безчестно». Въ іюлѣ Самойловичъ представилъ въ малороссійскій приказъ, что посылать къ Дорошенку далѣе унизительно, что онъ издѣвается надъ всѣми, что онъ посылалъ уже къ Ибрагиму-пашѣ своего челядника съ письмомъ, заложеннымъ въ сапогъ, что лучше всего отправить за Днѣпръ войско

и силою принудить его сдать свое гетманство. По такимъ представленiямъ гетмана, нѣсколько разъ повтореннымъ, рѣшилось наконецъ московское правительство указать Ромодановскому и Самойловичу двинуться къ Днѣпру съ своими войсками. Предводители прежде выслали передовой подъѣздъ, Ромодановскiй —Косáгова съ пятнадцатью тысячами царскихъ ратныхъ людей, а Самойловичъ — генеральнаго бунчужнаго Леонтiя Полуботка съ полками: гадяцкимъ, миргородскимъ, лубенскимъ и своею конною надворною компанiею. Приказано имъ перейти Днѣпръ и подступить къ Чигирину. За передовымъ отрядомъ двинулись бояринъ и гетманъ съ остальнымъ войскомъ. 15-го августа они приблизились къ Днѣпру выше Крылова, противъ мѣстечка Вороновки. Крыловскiе и вороновскiе жители не допустили ихъ пять верстъ до Днѣпра и прислали депутацiю съ изъявленiемъ подданства царю [1]).

17-го августа гетманъ отправилъ въ Сѣчь къ Сѣркỳ требованiе примкнуть съ запорожскимъ товариствомъ къ гетманскому войску, чтобы принудить Дорошенка снять съ себя гетманство и предаться на волю царя. Сѣркò отвѣчалъ: «не приклоняемся къ твоему замыслу. Хотя у Дорошенка немного военной силы, но онъ будетъ стоять за свои войсковые клейноты. Совѣтуемъ вашей милости оставить свое намѣренiе и пребывать себѣ спокойно на своемъ мѣстѣ. Пошлите бить челомъ великому государю, чтобъ не указалъ начинать междоусобной войны. Приберегите вашу воинственность противъ непрiятеля креста святаго. Если-жь вы насъ не послушаете — мы не станемъ терпѣть. Ваше наступленiе будетъ не на Дорошенка, а на наше здоровье, и мы будемъ стараться,

---

[1]) Арх. Ин. Д., связка 46, № 15.

чтобы клейноты войсковые изъ стольнаго города Чигирина никуда не переносились, развѣ въ Сѣчу на корень, гдѣ скарбница для клейнотовъ войсковыхъ устроена. Въ десятый разъ просимъ: не начинайте богомерзкаго междоусобія» [1]). О такой новой выходкѣ Сѣркà Самойловичъ извѣстилъ приказъ. Сѣрку изготовлена была внушительная грамата, но не дошла до него, потому что желанное дѣло и безъ того совершилось.

Бояринъ Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ стали переправлять свое войско черезъ Днѣпръ частями, и тѣмъ, которыя успѣли переправиться, приказано было идти къ городамъ, еще державшимся Дорошенка: къ Черкасамъ, Жаботину, Су́ботову и Медвѣдовкѣ. Жители этихъ городковъ предупредили приходъ подъѣздовъ и прислали депутацію съ изъявленіемъ готовности присягнуть царю на вѣчное подданство. Коса́говъ и Полуботокъ остановились за нѣсколько верстъ отъ Чигирина и отправили къ Дорошенку увѣщательную грамату отъ царскаго имени, а на другое утро придвинулись ближе къ городу. Завязался бой, но не долговременный. Дорошенко созвалъ всѣхъ чигиринцевъ на раду, прочелъ царскую грамату, и всѣ безпрекословно рѣшили отдаться на милость царскаго величества. Бой прекратился по данному отъ Дорошенка приказанію.

На слѣдующее затѣмъ утро Дорошенко выѣхалъ за три версты отъ Чигирина къ рѣкѣ Янчаркѣ. Ему предшествовало духовенство съ хоругвями и образами; его провожали старшины и чигиринское поспольство. Тамъ, въ присутствіи Косàгова, Полуботка и прибывшихъ съ ними лѣвобережныхъ полковниковъ, Дорошенко произнесъ предъ св. Евангеліемъ присягу на вѣрное и вѣчное под-

---

[1]) Арх. Юст., кн. 43, л. 297.

данство царю и уѣхалъ обратно въ Чигиринъ, а потомъ выслалъ къ Косагову и Полуботку своего двоюроднаго брата Кондрата Тарасенка и своего генеральнаго писаря Вуеховича; онъ просилъ отправить ихъ къ боярину Ромодановскому для извѣщенія, что Дорошенко за ними вслѣдъ прибудетъ для сложенія съ себя гетманства. Посланцы повезли статьи, на которыхъ желалъ быть принятымъ въ подданство Дорошенко: великій государь обнадежилъ бы его, что онъ, Дорошенко, остается при неизмѣнной монаршей милости, при цѣлости своей особы и своего имущества, со всѣми старшинами и со всѣмъ поспольствомъ города Чигирина, съ церквами и селами, принадлежащими къ этому городу, особенно же съ сохраненіемъ для всѣхъ — войсковыхъ правъ и вольностей, надлежащей чести и пребыванія на старыхъ мѣстахъ своего жительства нынѣ и впредь на грядущія времена. Косàговъ и Полуботокъ немедленно отправили дорошенковыхъ посланныхъ, а сами оставались съ своимъ подъѣздомъ подъ Чигириномъ, до ихъ возвращенія. Согласуясь съ милостивыми царскими граматами, бояринъ и гетманъ «именемъ царскимъ при всѣхъ тѣхъ желаніяхъ ихъ сохранити цѣло и ненарушимо обѣщали и обовязательствомъ совѣсти своей подтвердили». Получивши въ такомъ смыслѣ удовлетворительный отвѣтъ, Дорошенко, въ сопровожденіи своихъ козаковъ, которыхъ у него оставалось тогда только до двухъ тысячъ, выѣхалъ изъ Чигирина и отправился за Днѣпръ. Съ нимъ вмѣстѣ поѣхали Косàговъ и Полуботокъ съ частью бывшихъ при нихъ военныхъ силъ; прочіе оставались въ полѣ подъ Чигириномъ. Правобережный гетманъ привезъ съ собою гетманскіе клейноты: бунчукъ, булаву, знамена, граматы, а за нимъ везли 12 пушекъ. Все вручилъ онъ въ распоряженіе Ромодановскаго, а Ромодановскій передалъ все

Самойловичу, какъ гетману обѣихъ сторонъ Днѣпра. По его словесному челобитью, бояринъ и гетманъ словесно обнадежили его въ принятіи тѣхъ статей, которыя прежде подали его посланцы. Тогда Дорошенко объявилъ себя слагающимъ гетманское достоинство и присягнулъ на вѣрность и вѣчное подданство, а за нимъ присягали всѣ сопровождавшіе его съ правой стороны, которые были изъ жителей чигиринскихъ, жаботинскихъ, суботовскихъ, медвѣдовскихъ, черкасскихъ, крыловскихъ и вороновскихъ. Послѣ того бояринъ пригласилъ къ обѣду Дорошенка и Самойловича, и въ этотъ же день посланы были въ Москву съ радостнымъ извѣстіемъ отъ боярина стольникъ Иванъ Ивановичъ Ржевскій, а отъ гетмана — канцеляристъ Радичъ.

Самойловичъ зналъ и былъ увѣренъ, что покорность Дорошенка недобровольная, что передъ самымъ приходомъ русскаго подъѣзда къ Чигирину Дорошенко посылалъ въ Крымъ къ хану и въ Каменецъ къ турецкому пашѣ просить помощи, не получилъ ее ни откуда, и потому сдался. Но Самойловичъ уже не поминалъ этого Дорошенку и, какъ увидимъ, рѣшился крѣпко стоять на соблюденіи обѣщанія, даннаго царскимъ именемъ.

На другой день послѣ сложенія съ себя гетманства Дорошенко уѣхалъ обратно въ Чигиринъ. Бояринъ и гетманъ разсудили, что за нимъ вслѣдъ надобно послать военную силу и занять ею городъ. Бояринъ назначилъ стольника Михайла Ромодановскаго съ ратными царскими людьми, а Самойловичъ — черниговскаго полковника Борковскаго съ его полкомъ. За ними самъ гетманъ лично поѣхалъ въ Чигиринъ.

Дорошенко, въ качествѣ прежняго хозяина, выѣхалъ на встрѣчу гетману за три версты отъ города. Царскихъ

ратныхъ [1]) помѣстили въ верхнемъ, а козаковъ [2]) — въ нижнемъ городѣ. Положеніе послѣднихъ было лучше, потому что они помѣстились въ домахъ чигиринскихъ обывателей, а въ верхнемъ городѣ не было никакого жилья, кромѣ четырехъ избъ да крытыхъ сараевъ, гдѣ у Дорошенка хранились запасы; притомъ тамъ колодезь былъ чрезвычайно глубокъ, хотя вода въ немъ — хороша. Дорошенко передалъ Самойловичу городовые ключи и 16 пушекъ, находившихся въ верхнемъ городѣ. Въ знакъ своего видимаго удовольствія, Дорошенко приказалъ палить изъ пушекъ. Гетманъ и стольникъ Ромодановскій переночевали въ Чигиринѣ, а на другое утро уѣхали обратно, приказавши всѣмъ Дорошенковымъ серденятамъ слѣдовать за собою [3]).

Оставаться долѣе съ войскомъ близъ Днѣпра военачальники признали и ненужнымъ, и неудобнымъ: на лѣвой сторонѣ за фуражемъ надобно было посылать верстъ за пятьдесятъ, а на правой была совершенная пустыня, и только Чигиринъ съ окрестными городками представлялъ жилыя мѣстности, но жители тамошніе находились въ крайней нищетѣ и не могли доставлять содержанія войску. Поэтому бояринъ и гетманъ, сдѣлавши свое дѣло, воротились. Самойловичъ, прибывши въ Батуринъ, распустилъ козаковъ на отдыхъ, а потомъ поѣхалъ въ Кіевъ благодарить Бога и печерскихъ чудотворцевъ за совершенный имъ благополучно подвигъ. «Ничему иному, токмо Божіему милостивому призрѣнію и царскаго пресвѣтлаго величества особому счастію причитаю, что такое дѣло совершилось безъ кровопролитія», писалъ онъ въ

---

[1]) 1,600 человѣкъ солдатъ полка Шепелева.

[2]) 1,000 человѣкъ.

[3]) Арх. Ин. Д., связка 46, №, 15. Арх. Юст., кн. 43, л. 322—363.

своемъ донесенiи, отправленномъ въ малороссiйскiй приказъ [1]).

Взятые у Дорошенка клейноты доставлены были въ столицу отъ Ромодановскаго ротмистромъ Братцовымъ, а отъ Самойловича охочимъ полковникомъ Новицкимъ. Эти посланцы достигли Москвы 12-го октября и остановились въ селѣ Коломенскомъ. По царскому повелѣнiю указано было десяти стрѣльцамъ взять оттуда клейноты и нести въ городъ, держа въ наклонномъ положенiи, въ сопровожденiи лицъ, которыя привезли ихъ изъ Малороссiи. Шествiе слѣдовало Козьмодемьянскою улицею и Болотомъ, черезъ Бальчикъ, на Живой мостъ въ Китайгородъ, до посольскаго приказа. 17-го октября государь указалъ «тайнымъ обычаемъ» присоединить сюда и санджаки, доставленные при покойномъ царѣ. Ротмистръ Братцовъ со стрѣльцами и полковникъ Новицкiй съ козаками повезли клейноты въ Кремль. Ротмистръ ѣхалъ по правой сторонѣ, полковникъ — по лѣвой; близъ ротмистра несли клейноты, присланные Ромодановскимъ, а близъ полковника — присланные Самойловичемъ. Знамена слѣдовало нести, положа древки на лѣвыя руки, распустивши по землѣ тафту, булавы держать внизъ головами, привилегiи нести особо отъ влагалищъ. Передъ клейнотами стрѣльцы очищали дорогу, а по сторонамъ шесть человѣкъ разгоняли толпу батожьемъ.

На показъ народу выставлены были клейноты на крыльцѣ посольскаго двора, и въ это время ротмистръ и полковникъ сидѣли въ приказѣ. Спустя часъ они двинулись во дворецъ. Полковникъ несъ въ рукахъ развернутую гетманскую грамату. Шли во дворецъ Благовѣщенскою папертью, а клейноты несли среднею лѣст-

[1]) Арх. Юст., кн. 43, л. 333.

ницею; потомъ всѣ вошли въ столовую палату. Въ столовой палатѣ сидѣлъ въ царскомъ нарядѣ царь Θедоръ Алексѣевичъ, по правую руку отъ него стоялъ бояринъ князь Θедоръ Алексѣевичъ Куракинъ, по лѣвую — Иродіонъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ, а противъ государева мѣста стоялъ бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, за нимъ — стольники и дворяне. Думный дьякъ Иларіонъ Ивановъ стоялъ противъ средняго окна.

Ротмистръ и полковникъ приблизились къ государю, а у входныхъ дверей палаты остановились тѣ, что принесли клейноты. Думный дьякъ явилъ государю посланцевъ, а посланцы ударили челомъ. Новицкій проговорилъ короткую рѣчь о присылкѣ клейнотовъ, подалъ грамату и велѣлъ положить клейноты у подножья царскаго сѣдалища.

По царскому приказанію, думный дьякъ принялъ грамату, спросилъ о здоровьѣ боярина и гетмана, объявилъ царскую похвалу боярину и гетману, а посланцамъ сказалъ, что, по царской милости, вмѣсто стола, будетъ посланъ имъ кормъ вдвое. Затѣмъ они были отпущены. Бунчукъ [1]), двѣ булавы и знамена лежали на полу столовой палаты, нижними концами къ царскому мѣсту, а верхними — ко входнымъ дверямъ палаты. Когда посланцы вышли, бояринъ князь Никита Одоевскій, а за нимъ всѣ члены царской думы клянялись государю и поздравляли его съ дорошенковымъ подданствомъ. Царь велѣлъ стрѣльцамъ отнести клейноты въ посольскій приказъ и выставить по-прежнему на перилахъ крыльца для показа народу. Пролежали эти вещи такимъ обра-

---

[1]) Бунчукъ, изъ конскихъ волосъ (по-перемѣнно черныхъ съ бѣлыми), обшитъ былъ волосянымъ плетенымъ снуркомъ; яблоко на немъ мѣдное, позолоченное; лежалъ онъ въ чемоданѣ, котораго одна половина была кожаная, а другая — суконная, малиноваго цвѣта.

зомъ съ часъ, потомъ думный дьякъ приказалъ отнести эти вещи въ оружейную палату, а привилегіи оставить для храненія въ дѣлахъ малороссійскаго приказа.

Такъ кончилось гетманство Дорошенка и съ нимъ вмѣстѣ политическая жизнь этого замѣчательнаго человѣка. Несомнѣнно, онъ былъ искренно преданъ и постоянно вѣренъ идеѣ независимости и самобытности своей родины, но вмѣстѣ съ тѣмъ упорно и ревниво желалъ, чтобы этотъ идеалъ для нея былъ добытъ имъ, а не кѣмъ-нибудь другимъ. Хотя во многихъ его поступкахъ и замѣтно было лукавство, но оно возбуждалось внѣшними, налегавшими на него обстоятельствами. Вѣрный продолжатель того, что́ намѣчено было Богданомъ Хмельницкимъ, неудачно приводилось въ исполненіе Выговскимъ и, наконецъ, попорчено другими по ихъ неспособности, — Дорошенко видѣлъ невозможность сойтись съ поляками и искренно желалъ отдаться Москвѣ, какъ отдался ей и Богданъ Хмельницкій; но Москва не хотѣла принимать Дорошенка; во-первыхъ, потому, что заключила съ Польшею договоръ, ненавистный для малороссіянъ и гибельный для идеи самобытности Малороссіи, во-вторыхъ — потому, что Дорошенко соглашался отдавать Украину въ подданство съ условіями такой широкой мѣстной свободы, которая противорѣчила видамъ московской государственной политики. Только невозможность сойтись съ Москвою бросила его въ подданство Турціи. По тогдашнимъ близорукимъ государственнымъ понятіямъ, ему представлялась въ розовомъ свѣтѣ зависимость отъ Турціи; онъ вѣрилъ въ обѣщанія и льготы, основанныя на бумажныхъ привилегіяхъ, точно также какъ довѣрялъ имъ и Богданъ Хмельницкій. Дорошенко даже, можно сказать, поступалъ прямодушнѣе Богдана Хмельницкаго: онъ отдался Турціи послѣ того,

какъ уже испыталъ рѣшительную невозможность сойтись съ Москвою. Дорошенко оказался виновнымъ болѣе передъ малороссійскимъ народомъ, чѣмъ передъ Москвою. Желая достигнуть самобытности, чего бы она ни стоила, Дорошенко не останавливался ни предъ какими мѣрами, присутствовалъ въ Каменцѣ при поруганіи мусульманами христіанской святыни, отдавалъ въ турецкую и татарскую неволю толпы крещенаго народа — все это съ надеждою достигнуть самобытности и упрочить ее за Украиною, и былъ жестоко наказанъ; вмѣсто признательности отъ народа, — раздражилъ противъ себя народъ; малороссіяне не пошли за нимъ, покинули его, и онъ долженъ былъ, лишенный всякаго сочувствія подчиненныхъ, отдаться на милость того монарха, которому прежде не захотѣлъ отдаваться безусловно.

VIII.

Дѣло стародубскаго полковника Петра Рославца и нѣжинскаго протопопа Симеона Адамовича.

Не разъ уже въ Малороссіи ловкіе искатели счастья затѣвали посылать въ Москву доносы на своихъ начальствующихъ лицъ, съ цѣлью войти въ милость у московскаго правительства. Доносчики соображали, что малороссіянамъ ничѣмъ нельзя было такъ угодить Москвѣ, какъ самимъ предупреждать ея всегдашнее тайное желаніе — скрѣпить возможно тѣснѣе связь Малороссіи съ остальною московскою державою и умалить отдѣльную самобытность присоединившагося края. На этомъ пути выѣхалъ протопопъ Филимóновичъ, преобразившійся въ блюстителя митрополичьяго престола подъ именемъ епископа Меѳодія; по тому же пути шелъ Бруховецкій —

и изъ бывшаго слуги Хмельницкаго сдѣлался гетманомъ. Оба не удержались на своей высотѣ и, не поладивши съ Москвой, измѣнили ей; но ихъ примѣры еще не должны были останавливать другихъ вслѣдъ за ними, а могли только давать имъ полезную науку. Дѣло съ Многогрѣшнымъ было еще въ свѣжей памяти, а оно обошлось очень счастливо для доносчиковъ. Самъ Рославецъ былъ участникомъ паденія, мстивши Демьяну за то, что тотъ, отрѣшивши Рославца отъ полковничьяго уряда, назначилъ вмѣсто него своего брата Савву [1]). Не было ничего естественнѣе явиться намѣренію, посредствомъ тайнаго доноса, столкнуть Самойловича съ гетманства, какъ уже удалось, вмѣстѣ съ этимъ Самойловичемъ, столкнуть Демка̀ Многогрѣшнаго. Намѣреніе это явилось у стародубскаго полковника Петра Рославца и протопопа Семена Адамовича, человѣка уже извѣстнаго намъ своею двуличностью.

Рославецъ, управлявшій самымъ обширнѣйшимъ изъ малороссійскихъ полковъ, былъ очень богатъ и пользовался между полковниками первенствующимъ значеніемъ. Самойловичъ обращался съ нимъ дружелюбно, но всегда съ осторожностью, — и вотъ этотъ-то Рославецъ сталъ искать пути нанести вредъ гетману.

Возникла у Рославца мысль отдѣлить стародубскій полкъ отъ гетманскаго управленія и отчислить къ разряду слободскихъ полковъ. Ему казалось, что это должно было придтись по вкусу московскому правительству, такъ какъ оно само прежде принимало малороссійскихъ поселенцевъ, отводило имъ привольныя земли, утѣшало обѣщаніями хранить малороссійскія права и обычаи, но не отдавало переселенцевъ подъ управленіе гетмана. Мысль

---

[1]) Письма Лазаря Барановпча, стр. 161.

эта возникла у Рославца отъ бесѣды съ сумскимъ полковникомъ Герасимомъ Кондратьевымъ, который со своимъ полкомъ, населеннымъ чистокровными малороссіянами, не подчинялся гетману. Въ іюлѣ 1676 года Рославецъ началъ распространять эту мысль между своими полчанами; нѣкоторые пристали къ его умыслу, въ ожиданіи царской милости. Но полковые старшины и значные стародубскіе козаки сообразили, что пока гетманъ Самойловичъ пользуется въ Москвѣ довѣріемъ и благосклонностью, едва ли тамъ сдѣлаютъ угодное одному изъ подчиненныхъ полковниковъ и едва ли повѣрятъ обвиненіямъ, которыя этотъ полковникъ необходимо долженъ будетъ взводить на гетмана, чтобы оправдать свое желаніе выдти изъ-подъ его зависимости. Они дали знать гетману о затѣѣ своего полковника и просили дозволить имъ выбрать, вмѣсто Рославца, иного полковника. Самойловичъ дозволилъ. Тогда Рославецъ увидѣлъ, что послѣ этого ему приходится или бросить затѣянное дѣло вовсе и принести гетману повинную, или отважиться на рѣшительную борьбу съ гетманомъ и ѣхать самому въ Москву. Рославецъ рѣшился на послѣднее [1]).

---

[1]) Самойловичъ въ письмѣ своемъ, посланномъ въ приказъ, говоритъ: «Ставшися цале мнѣ и всему Войску Запорожскому городовому противникомъ, людей значныхъ полку своего до того приводилъ, же бы регименту моему не повиновалися. Людская однакъ справила то ростропность и ку своему добру посполитому зычливость, же его превратныя рады не слухаючи, до мене одозвалися зъ своимъ неодмѣннымъ послушенствомъ черезъ значныхъ своихъ присланныхъ особъ и давши о его нестанку вѣдати, просили мене о позволене на обране иншого собѣ полковника. Зачимъ я хотячи, жебы они непорушно при першомъ могли зоставати порядку, позволилемъ имъ ведлугъ давнего звычаю войскового зъ межъ себе обрати кого злюблять полковникомъ. Онъ за тымъ, видячи, же въ надѣѣ своей омылился, дався зъ тимъ на потомъ чути же мѣлъ удатися забравши всѣ знаки войсковые до вашего царскаго пресвѣтлаго величества къ Москвѣ» (А. И. Д., подлинники, іюля 27, 1676 г., № 334).

Съ Рославцемъ поѣхали въ Москву полковой асаулъ, полковой писарь, по прозвищу Подгурскій, четыре сотника, три городовыхъ атамана, восемнадцать сотенныхъ чиновъ, сорокъ-семь рядовыхъ козаковъ, трубачи, литаврщики и тридцать-два челядника. Самойловичъ объяснялъ, что чиновные люди, съ нимъ поѣхавшіе, были не тѣ, которые занимали должности въ то время, когда онъ сообщалъ полчанамъ о своей затѣѣ, а новые, которыхъ Рославецъ, передъ самою своею поѣздкою въ столицу, возвелъ въ чины. Лошадей подъ ними было 177 [1]).

Рославецъ былъ принятъ въ Москвѣ съ подобающею честью: ему отвели помѣщеніе въ посольскомъ дворѣ. 11-го августа подалъ онъ доносъ на гетмана въ такомъ смыслѣ: «гетманъ, въ противность постановленіямъ избирательной рады, набираетъ компаніи и, призвавши изъ-за Днѣпра 500 козаковъ, приказалъ расположить ихъ на становище въ стародубскомъ полку; — гетманъ безъ совѣта со старшинами облагаетъ народъ новоустановленными податьми [2]), берутъ даже съ козачьихъ мельницъ и съ козачьихъ винокурень, чего не слѣдовало по войсковому праву; кромѣ того, берутъ на дворъ гетманскій всякіе запасы [3]); гетману воспрещено, безъ совѣта старшинъ, отставлять чиновныхъ людей, а онъ меня отъ полковничества отставилъ и далъ полковничество атаману

---

[1]) Самойловичъ, передъ отправленіемъ въ столицу Рославца, написалъ ему: «поѣзжай здоровъ, а мы будемъ ожидать, какой указъ будетъ на ваше челобитье, чего вы тамъ хотите добиваться. — мы же, по совѣту генеральной старшины, сами кого-нибудь пошлемъ».

[2]) Берутъ отъ хлѣба, соли, отъ винныхъ котловъ по рублю, а отъ пивныхъ полъ-сорока алтынъ, отъ мельничныхъ колесъ по 3 рубля, и съ борововъ и съ пріѣзжихъ торговыхъ людей, которые чрезъ то не хотятъ ѣздить въ Стародубъ.

[3]) Яловицами, баранами, боровами, конопляныхъ масломъ, сыромъ, коровьимъ масломъ, гусями, курами и деньгами, а козакамъ, разставленнымъ на становища, люди даютъ всякое одѣяніе.

Тимохѣ». Рославецъ билъ челомъ также на архіепископа Лазаря Барановича: за то, что въ Стародубѣ убили священника Якова Халчинскаго, архіепископъ запретилъ стародубскому протопопу и всѣмъ священникамъ совершать богослуженіе и требы, и оттого многіе умерли безъ напутствія и погребены безъ отпѣванія, младенцы остаются безъ крещенія, родильницы — безъ молитвы. Для избѣжанія такихъ стѣсненій Рославецъ желалъ, чтобы стародубскій полкъ съ городами Стародубомъ, Почепомъ, Погаромъ и Мглиномъ былъ изъятъ отъ гетманскаго регимента и перешелъ въ завѣдываніе боярина Ромодановскаго наравнѣ со слободскими полками, а въ церковномъ отношеніи подчинялся бы непосредственно московскому патріарху. При этомъ указывалось, что стародубскій полкъ былъ издавна отчина московская, потомъ уступленъ Польшѣ и возвращенъ разомъ съ Малороссіей, а потому и присоединенъ къ ней. Самойловича во многихъ полкахъ не любятъ и не желаютъ имѣть его гетманомъ, — прибавлялъ въ своей челобитной Рославецъ.

Ошибся сразу въ своемъ разсчетѣ Рославецъ. Въ малороссійскомъ приказѣ ему замѣтили: для чего онъ, видя злоупотребленія, не отнесся прежде къ совѣту старшинъ, а безъ гетманскаго вѣдома пріѣхалъ въ Москву?

«Я, — сказалъ Рославецъ, — къ нимъ на раду не поѣхалъ, потому что у нихъ рада безъ убивства не бываетъ. Что жь, я не къ ляхамъ и не къ туркамъ поѣхалъ, а къ своему законному государю. Я вѣрный царскій холопъ, служилъ покойному царю 20 лѣтъ и теперь желаю служить великому государю царю Ѳедору Алексѣевичу. Меня со всѣмъ полкомъ моимъ ненавидятъ по зависти, оттого что въ городахъ моего полка я съ товарищами строилъ мельницы; и за то еще ненавидятъ меня, что я велѣлъ въ городахъ моего полка остерегаться отъ черне-

цовъ и всякихъ лазутчиковъ литовскихъ и украинскихъ, чтобъ не приводили народъ къ измѣнѣ и шатости. Я служу государю вѣрою и правдою, а другіе старшины и полковники въ своихъ маетностяхъ позаписывали себѣ въ крестьяне старинныхъ козаковъ». На всѣ эти представленія Рославцу данъ былъ такой отвѣтъ:

«Великій государь указалъ и бояре приговорили: сдѣлать тебѣ, Рославцу, выговоръ за то, что противно войсковому праву и должному послушанію ты пріѣхалъ въ столицу. Хоть бы тебѣ и какія трудности были, ты все-таки долженъ былъ прежде переговорить съ старшинами и совѣтъ свой гетману подать. Ты сдѣлалъ такое, чего никогда не бывало; и тебѣ, Петру, надобно было другихъ отъ своеволія унимать, а не подавать имъ собою примѣръ сопротивленія гетману. За такое непослушаніе стоило бы тебя отправить тотчасъ же къ гетману, но такъ какъ прибыло отъ гетмана посольство, то указано задержать тебя въ Москвѣ, а къ гетману отправить знатную особу для объясненій».

Прибылъ гетманскимъ посланцемъ кіевскій полковникъ Солонина съ товарищами. Призванный въ приказъ, онъ далъ объясненіе по поводу обвиненій, взводимыхъ Рославцемъ на гетмана. По вопросу о компаніяхъ сказано было, что «гетманъ принималъ изъ-за Днѣпра Мовчана съ сердюками и другихъ козаковъ отъ Дорошенка по царскому указу. Неправда, будто гетманъ въ стародубскомъ полку допускаетъ грабленіе людей. У гетмана ежедневные великіе расходы: и государевыхъ пословъ принимаетъ, и всякихъ войсковыхъ людей довольствуетъ, а тутъ еще, спасаясь отъ непріятелей креста святаго, съ правой стороны Днѣпра, изъ Побужья, изъ Поднѣстрья, изъ Волыни, приходятъ на сю сторону не только простые люди, но и шляхта, и духовенство на житье. Всѣ просятъ хлѣбнаго

жалованья и всякаго вспоможенія, а у гетмана приходу немного, гетманъ же никому не отказываетъ. Прежде аренды были, теперь нѣтъ. Грабежа нигдѣ никому не было, только осенью съ мельниковъ берется поколесчина, со свинопасовъ — покабанщина, отъ винокуровъ — показанщина, а отъ посполитыхъ пахатныхъ людей — отмѣръ хлѣбный, и этого всего собирается такъ немного, что на годъ не станетъ, притомъ показанщина берется только въ стародубскомъ да въ черниговскомъ полкахъ, а въ другихъ полкахъ вина вовсе не курятъ. Съ козаковъ же нигдѣ ничего не берется. Неправда и то, будто Самойловича козаки не хотятъ имѣть гетманомъ.»

Такія данныя представлены были Солониною въ защиту гетмана. Вмѣстѣ съ тѣмъ Солонина подалъ отъ гетмана извѣтъ на нѣжинскаго протопопа Симеона Адамовича и приложилъ показаніе войсковаго товарища Быстроновскаго, который, явившись къ гетману въ присутствіи старшинъ, доносилъ, что протопопъ по секрету съ нимъ говорилъ, что онъ постарается ссадить гетмана съ уряда и что многія знатныя особы съ нимъ въ согласіи. Гетманъ черезъ Солонину просилъ отобрать у Рославца полковничьи клейноты (перначъ, знамя, литавры, двѣ пушечки, три мѣдныхъ трубы и суремки) и шесть лошадей, для передачи всего этого новому стародубскому полковнику Тимоѳею Алексѣевичу.

По этому представленію велѣно было всѣхъ пріѣхавшихъ съ Рославцемъ отпустить, а Рославца посадить подъ стражу до царскаго указа.

15-го августа отвели Рославца на греческій дворъ. Съ нимъ велѣно сидѣть безотходно стрѣлецкимъ начальнымъ людямъ, сотнику и пятидесятнику, съ двумя караульными стрѣльцами; у дверей палаты и у воротъ поставлено было 27 стрѣльцовъ на караулѣ: имъ на-крѣпко

было запрещено пускать кого бы то ни было къ арестованному полковнику.

20-го августа были на караулѣ у Рославца стрѣлецкій сотникъ, пятидесятникъ и рядовые стрѣльцы — всего 36 человѣкъ. Въ этотъ день, во время смѣны дневныхъ часовъ на ночные, къ дневальному головѣ Данилу Барашеву прибѣжалъ съ караула стрѣлецъ съ вѣстію: колодникъ Петрушка ушелъ; ходилъ за нимъ пятидесятникъ Никита и упустилъ его.

Дѣло происходило такъ. Бывшій при Рославцѣ стрѣлецкій сотникъ Василій Шиловъ приказалъ «собрать столъ», чтобъ ужинать вмѣстѣ съ своимъ колодникомъ. Рославецъ попросилъ позволенія выдти, сотникъ приказалъ идти за нимъ пятидесятнику. Чуть переступили они за двери, какъ раздался крикъ пятидесятника: колодникъ ушелъ! Бросились въ погоню, но не догнали. Бѣгство колодника повлекло за собою арестъ тѣхъ, которые обязаны были его стеречь. Шиловъ послалъ стрѣльца Митрошку къ своей матери извѣстить ее, что онъ посаженъ подъ караулъ. Братъ Шилова Тимоѳей пошелъ за стрѣльцомъ Митрошкою навѣстить брата, и когда они проходили мимо рядовъ мясныхъ за Смоленскими воротами, — вдругъ Митрошка узналъ Рославца, шедшаго изъ Бѣлаго-Города въ Земляной-Городъ, нагналъ его, схватилъ, привелъ къ Смоленскимъ воротамъ и сдалъ караульнымъ стрѣльцамъ. Рославца привели въ малороссійскій приказъ. Тамъ онъ показалъ:

«Какъ вышелъ я на дворъ, взошелъ на церковь, а съ ней спустился на улицу и пошелъ. Хотѣлъ я пробраться къ карачевцу Григорію Юрасову, но двора его не нашелъ и хотѣлъ идти въ Новодѣвичій монастырь, чтобъ тамъ перебыть, пока не уѣдетъ изъ Москвы гетманскій посланецъ Солонина, который домогался, чтобъ

ему отдали меня отвезти къ гетману. Какъ бы только Солонина уѣхалъ, я опять пришелъ бы въ Приказъ. Не нашедши Юрасова двора, я ночевалъ подлѣ церкви, не знаю какой, а утромъ пошелъ за Смоленскія ворота; тамъ встрѣтилъ меня стрѣлецъ и привелъ сюда. Изъ Москвы я бѣжать не думалъ, совѣтниковъ къ побѣгу не было у меня и подкупа никому не давалъ. Взялъ я съ собой на харчъ пять рублей, и тѣ цѣлы».

По розыску оказалось, что Григорій Юрасовъ умеръ, а сынъ его Аѳанасій объявилъ, что не знаетъ Рославца.

Указано держать Рославца за карауломъ.

Вслѣдъ затѣмъ произошелъ случай, который не могъ послужить въ пользу Рославца. Жена его Анна, урожденная Васютинская, жившая въ Брянскѣ, послала на подводѣ стародубскаго мѣщанина Яська Ничипоренка, пріѣхавшаго къ ней отъ Рославцева благопріятеля, Ивана Киселевскаго, священника села Гордова, въ двадцати верстахъ отъ Стародуба, съ поддѣльною челобитною, будто бы составленною отъ жителей стародубскаго полка, ходатайствующихъ у царя за своего любимаго полковника, на самомъ же дѣлѣ сложенною самимъ Киселевскимъ, безъ всякаго участія тѣхъ, отъ имени которыхъ посылалась. Рославцева приложила и отъ себя письмо къ мужу и отдала мѣщанину, ѣхавшему съ челобитною [1]). Мѣщанинъ «кравецъ» Ясько Ничипоренко, достигнувши Москвы, отправился прямо на посольскій дворъ, спрашивать полковника Рославца. Его схватили и привели къ Солонинѣ, а Солонина, отобравши у него всѣ бумаги, представилъ ихъ какъ доказательство плутней Рославца, котораго благопріятели составляютъ въ его пользу

---

1) Арх. Юст., кн. 43, л. 139.

фальшивыя челобитныя отъ всего поспольства стародубскаго полка.

Рославца держали въ оковахъ, а по дѣлу о немъ послали къ Самойловичу стольника Семена Алмазова. 19-го августа Алмазовъ подалъ Самойловичу царскую грамату самаго милостиваго содержанія: Самойловичъ долженъ былъ объяснить Алмазову обстоятельства и причины Рославцевой затѣи.

Алмазовъ спросилъ Самойловича: «съ твоего ли гетманскаго вѣдома архіепископъ Лазарь Барановичъ положилъ на него клятву, какъ онъ жалуется?»

— Безъ моего вѣдома, — отвѣчалъ гетманъ, — но мнѣ было извѣстно, что Рославецъ приказалъ бить передъ церковью дубинами священника и притомъ въ тотъ самый день, когда священникъ служилъ литургію. Я писалъ Рославцу, чтобы онъ просилъ у архіепископа прощенія, архіепископа же письменно просилъ, чтобъ онъ положилъ милость на Рославца и разрѣшилъ отъ клятвы. Рославецъ мое благорасположеніе ни во что поставилъ и злословилъ меня. Дивно мнѣ, что Рославецъ задумалъ мнѣ учинить зло, когда я былъ всегда съ нимъ хорошъ и обѣщалъ не смѣнять его съ полковничьяго уряда.

Алмазовъ сказалъ: «Рославецъ учинилъ такъ своею дуростію. Буде возможно, ты бы, гетманъ, простилъ его, а онъ тебѣ учинитъ послушаніе. Только я это отъ себя говорю и совѣтую, а великій государь въ наказѣ не велѣлъ мнѣ такъ тебѣ говорить».

На самомъ дѣлѣ у Алмазова въ наказѣ велѣно было такъ говорить, но какъ будто отъ себя. Гетманъ на это отвѣчалъ:

— Хотя бы Рославецъ учинилъ мнѣ и бо́льшую досаду, я бы ему отпустилъ, а такого дѣла нельзя отпустить, потому что Рославецъ говорилъ, что у него въ

томъ дѣлѣ много совѣтниковъ, и будто меня на сей сторонѣ Днѣпра не любятъ и гетманомъ имѣть не хотятъ. Пусть старшины разберутъ это дѣло по нашимъ войсковымъ правамъ и допросятъ его, какіе у него были совѣтники и кто не любитъ меня и гетманомъ имѣть не хочетъ? Не только у насъ есть плуты и своевольники, много ихъ и въ другихъ странахъ, и у васъ въ великороссійскихъ городахъ есть они; только у васъ всѣ подъ страхомъ пребываютъ, а у насъ въ малороссійскихъ городахъ — вольность. Кабы не было мнѣ государской милости, то у насъ бы на всякій годъ было по десяти гетмановъ. —

Прощаясь съ Алмазовымъ, Самойловичъ вручилъ ему грамату въ приказъ, въ которой просилъ прислать Рославца на войсковой судъ всѣхъ старшинъ, и вмѣстѣ съ нею далъ Алмазову для передачи Рославцу письмо такого содержанія:

«Рославецъ! Что это пришло тебѣ? Безъ всякой данной отъ насъ причины, сверхъ ожиданія моего и всѣхъ украинскихъ людей, учинился ты намъ противникомъ, направился туда, куда не долженъ былъ ѣхать, и дерзнулъ безъ стыда и страха Божія оговаривать насъ предъ царскимъ престоломъ въ томъ, чего намъ и не грезилось! Не думаю, чтобъ самъ собою ты затѣялъ такое шалопутное дѣло. Кто-то подалъ тебѣ въ томъ совѣтъ. По чьимъ возбужденіямъ ты схватился за такое малоуміе? Исповѣдай все по святой правдѣ передъ синклитомъ царскаго величества, и тебѣ самому будетъ легче. Прежде желательный тебѣ Иванъ Самойловичъ, гетманъ Войска Запорожскаго».

Рославецъ, получивши это письмо, подалъ въ приказъ челобитную, въ которой приносилъ раскаяніе и сознавался, что прогнѣвилъ гетмана и архіепископа Ла-

заря, но увѣрялъ, что поступалъ такъ безъ злаго умысла и безъ хитрости, единственно отъ страха не поѣхалъ къ нимъ, а убѣжалъ въ Москву. Онъ умолялъ государя написать къ гетману и къ архіепископу о прощеніи ему вины противъ того и другаго. По этой челобитной послана была прямо къ гетману царская грамата, въ которой говорилось уже отъ имени царя то, чтó прежде Алмазовъ совѣтовалъ какъ-бы лично отъ себя: чтобъ гетманъ простилъ преступленіе Рославца въ уваженіе къ его слезному раскаянію. Но эта грамата посылалась уже разомъ при отправкѣ самого Рославца, котораго велѣно было везти къ гетману въ оковахъ за крѣпкимъ карауломъ изъ московскихъ стрѣльцовъ. Гетманъ, давши ему прощеніе, долженъ былъ написать къ архіепископу, чтобъ и тотъ поступилъ также милостиво съ виновнымъ [1]).

10 сентября вывезли изъ Москвы скованнаго Рославца. Разомъ поѣхалъ и Алмазовъ для передачи преступника гетману. Алмазовъ не засталъ гетмана въ Батуринѣ, но отъ гетманскаго наказнаго услыхалъ радостную вѣсть, что Дорошенко, наконецъ, добилъ великому государю челомъ и сдалъ Чигиринъ. Алмазовъ поѣхалъ въ Переяславъ, прибылъ туда 2-го октября, засталъ тамъ гетмана

---

[1]) При отправленіи Рославца взяты были у него вещи, находившіяся при немъ въ Москвѣ: шкатулка польская съ четырьмя мѣшками, наполненными деньгами: орлянками, польскими ортами, чехами и левками; другая шкатулка съ чехами и рублями; третья съ письмами. Сундучокъ съ платьемъ: ферезея алая, суконная на рысяхъ, пять кафтановъ, два бархатныхъ вишневаго и червчатаго цвѣта; два покрытые атласомъ и байберековою тафтою съ золотою нашивкою и одинъ суконный червчатый кафтанъ на куницахъ. Чемоданъ съ восемью кафтанами суконными, цвѣта коричневаго и чернаго, тафтяной бѣлый, атласный зеленый и камчатный лазоревый кафтаны на бѣлкахъ, одинъ изуфреневый (?) кирпичнаго цвѣта, и два кафтана объяринныхъ на соболяхъ, одинъ цвѣта вишневаго,

и подалъ царскую грамату, гдѣ говорилось о помилованіи Рославца:

Гетманъ, прочитавши грамату, сказалъ:

«Безъ указа великаго государя я Петра Рославца не только смертію казнить не буду, но и никакого наказанія не учиню ему. Только теперь новое открылось у насъ. Былъ у Рославца тайный совѣтъ съ протопопомъ Адамовичемъ и нѣжинскій протопопъ списывался съ Дорошенкомъ, совѣтуясь какъ бы меня погубить, а гетманомъ на обѣихъ сторонахъ быть Петру Дорошенку. Теперь, какъ Дорошенко съ себя гетманство снялъ, его генеральный писарь Воеховичъ мнѣ все открылъ и сказку на письмѣ подалъ: присылалъ Адамовичъ боровицкаго козака Дубровскаго и передавалъ черезъ него, что на лѣвой сторонѣ желаютъ гетманомъ имѣть Дорошенка, а меня не хотятъ, и знатныя особы съ нимъ, протопопомъ, въ соумышленіи: полковники: стародубскій Рославецъ, переяславскій Дмитрашко Райча, прилуцкій Горленко и бывшій генеральный писарь Карпо Мокріевичъ. Обѣщали они съ Самойловичемъ поступить такъ, какъ Дорошенко прикажетъ: либо убить, либо учинить ему то, что Многогрѣшному. На томъ цѣловалъ протопопъ крестъ и отдалъ крестъ этотъ козаку для передачи Дорошенку.

другой зеленаго; четыре польскія книги; лубяная коробочка съ порохомъ, два сѣдла нѣмецкія, окованныя серебромъ по краямъ, три узды, оправленныя серебромъ, два саадака, двѣ сабли оправленныя, двѣ простыя, девять пищалей и въ томъ числѣ четыре винтовки, три крашенинныхъ палатки. Сверхъ того, билъ челомъ Рославецъ, что Солонина, пріѣхавши въ Москву, отнялъ у него насильно образъ Воскресенья Христова, золотую панагію въ 140 червонцевъ, 2 суконныхъ кармазинныхъ кафтана, одинъ коричневаго, другой голубаго цвѣта. Солонина воспользовался пребываніемъ своимъ въ Москвѣ, чтобы выпросить подтвержденіе гетманскихъ универсаловъ на пожалованныя ему маетности въ Остерскомъ повѣтѣ — сёла: Евминки, Боденки, Кряжева, Воропаева, а въ Козелецкомъ — село Вовчаки.

Дорошенко, добивши челомъ великому государю, мнѣ самъ все это разсказалъ и крестъ этотъ мнѣ передалъ».

На другой день, 3-го октября, Алмазову было передано письменное показаніе Воеховича, и Алмазовъ говорилъ Рославцу: «повинись, скажи правду! гетманъ вину твою тебѣ отпуститъ».

— Ничего я не знаю, — говорилъ Рославецъ, — съ протопопомъ совѣта не держалъ, съ Дорошенкомъ не ссылался.

Привели Рославца караулившіе его въ дорогѣ стрѣльцы передъ гетмана. И Алмазовъ пришелъ къ гетману. Съ гетманомъ находились всѣ генеральные старшины, кланялись Алмазову, благодарили царя за милость, оказанную присылкою Рославца, а гетманъ послѣ того, обратившись къ Рославцу, сказалъ:

«Не такъ ты, Петре, учинилъ, какъ обѣщалъ на первой и на второй радѣ великому государю служить, а мнѣ всякаго добра хотѣть и ни на какіе совѣты не поддаваться. Я надѣялся, что такого другаго пріятеля, какъ ты, мнѣ и не было, а ты за мою добродѣтель хотѣлъ меня сгубить; но видишь: Богъ мздовоздаятель не помогъ тебѣ!»

— Я, — говорилъ Рославецъ, — въ совѣтѣ съ нѣжинскимъ протопопомъ не былъ и дѣлъ никакихъ не знаю. Въ томъ только передъ тобою виноватъ, что поѣхалъ въ Москву безъ твоего отпуска и вѣдома, а сдѣлалъ я это оттого, что боялся черневой рады, чтобъ на ней меня не убили.

Рославецъ повалился на землю, лежалъ распростершись, рыдалъ и просилъ помилованія.

Самойловичъ поручилъ генеральному бунчужному Полуботку держать Рославца подъ карауломъ, отыскать

протопопа и доставить къ суду. Судъ надъ ними назначенъ былъ къ 6 января 1677 года.

Рославца отправили въ Батуринъ, а въ концѣ октября доставленъ былъ туда же взятый въ Оболони протопопъ Адамовичъ.

Судъ производился послѣ Богоявленія 1677 года въ Батуринѣ. Засѣдали генеральный обозный Забѣла, генеральные судьи Домонтовичъ и Животовскій при участіи полковниковъ, полковыхъ судей и войтовъ городовъ Кіева, Нѣжина и Чернигова. Гетманъ въ качествѣ истца уполномочилъ вмѣсто себя генеральнаго бунчужнаго Полуботка и генеральнаго писаря Прокоповича. О Рославцѣ недолго приходилось толковать: его вина была явна, его присудили къ смертной казни. Но съ Адамовичемъ пришлось потягаться, такъ какъ онъ ни въ чемъ не сознавался. Его уличали свидѣтельствами другихъ. Важнѣе всѣхъ свидѣтельствъ было показаніе Дорошенкова писаря Воеховича и отзывъ самого Дорошенка. Представлены были къ суду, какъ вещественныя улики: крестъ, который протопопъ посылалъ къ Дорошенку, отвѣтное письмо Дорошенка въ одобрительномъ смыслѣ, серебряная зубочистка, которую потомъ протопопъ отправлялъ къ Дмитрашкѣ Райчѣ съ запискою, что онъ отъ своихъ «наступниковъ» бѣжитъ въ Москву и поручаетъ Дмитрашкѣ Райчѣ продолжать, вмѣсто себя, вести сношенія съ Дорошенкомъ. Кромѣ этихъ уликъ, представленныхъ братомъ Дорошенка Андреемъ, на Адамовича показывалъ войсковой товарищъ Грембецкій, что протопопъ поручалъ ему передать своему свояку Карпу Мокріевичу о намѣреніи скинуть съ гетманства Самойловича и поставить Дорошенка. О томъ же показалъ на Адамовича полковой нѣжинскій писарь Михаловскій. На

этомъ основаніи духовныя особы, бывшія на судѣ [1]), приговорили протопопа Адамовича лишить священнаго сана и предать мірскому суду.

12-го января, въ день, когда должна была совершиться казнь Рославца, Самойловичъ объявилъ царскую грамату о дарованіи преступнику жизни. Судъ измѣнилъ свой приговоръ и постановилъ Петра Рославца отдать за крѣпкій караулъ на вѣчное безчестье съ тѣмъ, чтобъ онъ никогда не былъ назначенъ ни въ самый наименьшій чинъ, былъ бы отлученъ отъ жены и сродниковъ и во все время житія своего ни въ какомъ съѣздѣ между честными особами въ Малороссійскомъ краѣ не имѣлъ участія. Протопопа, уволивъ отъ смертной казни, духовныя особы и генеральные старшины положили постричь.

«Я давно того и хотѣлъ, — сказалъ протопопъ, — по сіе время все откладывалъ, и видно Богъ меня за то и покаралъ.»

Дмитрашкѣ Райчѣ и Лазарю Горленку, которыхъ участіе не было доказано, велѣли присягнуть въ ихъ невинности, а Карпа Мокріевича, хотя и подвергли такой же присягѣ, но какъ за нимъ уже водились какія-то козни противъ гетмана, то его осудили на изгнаніе изъ Малороссійскаго края, назначивъ ему четыре недѣли сроку на выѣздъ изъ Чернигова, гдѣ онъ жилъ; впрочемъ его изгнали безъ конфискаціи имущества.

Протопопъ Адамовичъ выпросилъ себѣ срокъ до сырной недѣли, чтобъ учинить расправу съ женою и устроить свои домашнія дѣла. По минованіи срока, гетманъ от-

---

[1]) Духовникъ Лазаря Барановича, Θеодосій Гугуревичъ, черниговскаго елецкаго монастыря архимандритъ Іоанникій Голятовскій, кіевскаго Кирилловскаго монастыря игуменъ Дзикъ и протоіереи: черниговскій, менскій, лохвицкій и лубенскій.

правилъ Полуботка представить Адамовича для постриженія предъ архіепископа. Съ Лазаремъ Барановичемъ протопопъ имѣлъ прежде вражду за то, что архіепископъ упросилъ гетмана отобрать отъ протопопа владѣемыя послѣднимъ имѣнія, село Воловицу и деревню Степановку, и присоединить къ архіепископскимъ маетностямъ на основаніи ихъ прежней принадлежности къ достоянію архіепископской каѳедры [1]. Въ Черниговѣ въ начальномъ монастырѣ (Елецкомъ) собрались духовные сановники, положили монашеское одѣяніе и позвали осужденнаго. Адамовичъ объявилъ, что не хочетъ постригаться, потому что женатъ. Тогда ему объявили, что его извергаютъ изъ сословія духовнаго чина и отдаютъ войсковому суду.

Адамовичъ подвергнутъ былъ допросу и опять во всемъ запирался. Полуботокъ посадилъ его въ «тѣсное узилище», въ которомъ протопопу стало черезчуръ тѣсно, и онъ объявилъ, что хочетъ всенародно открыть всѣ тайны своего преступленія.

Тогда въ Черниговѣ, въ домъ генеральнаго бунчужнаго приглашены были мѣстныя духовныя особы [2], черниговскіе полковые старшины [3] и отъ горожанъ войтъ, бурмистръ и знатныя мѣщанскія особы.

Адамовичъ сознался, что велъ сношенія съ Дорошенкомъ, посылалъ къ нему крестикъ, а Дмитрашкѣ Райчѣ зубочистку, показывалъ на Дмитрашку, что онъ грозилъ застрѣлить гетмана, на Лазаря Горленка, на полковаго нѣжинскаго писаря Михаленка и на Быстроновскаго,

---

[1]) Письма Лазаря Барановича, стр. 209.

[2]) Степанъ Шуба — воскресенскій, Максимъ Гашевскій — благовѣщенскій протопопы и священники съ ними.

[3]) Обозный Константинъ Угревецкій, городовой атаманъ Янъ Харитоновичъ, нѣсколько сотниковъ и знатныхъ товарищей.

что они были ему помощниками въ замыслѣ противъ гетмана, а на Карпа Мокріевича показалъ, что онъ ему дважды говорилъ, что пойдетъ бунтовать запорожцевъ противъ гетмана. И Рославца въ томъ же оговаривалъ протопопъ, прибавляя, что когда Рославца взяли, то Рославчиха просила Адамовича, чтобъ на ея мужа не показывалъ.

И Рославца и Адамовича содержали въ тюрьмѣ. По волѣ государя Самойловичъ обязанъ былъ избавить ихъ отъ смертной казни, но это, видно, было не по̀-сердцу ему; по крайней мѣрѣ говорили въ Малороссіи съ ропотомъ, что гетманъ своихъ враговъ держитъ въ жестокой тѣснотѣ, да и самъ Самойловичъ сознавался въ своемъ письмѣ, что они «в вязеню на полъ южъ живыми зостаютъ». По войсковымъ правамъ слѣдовало у такихъ осужденныхъ конфисковать имущество, и теперь допрашивали у нихъ, гдѣ оно находится. Рославецъ объявилъ за собою 13,720 злотыхъ и 20 фунтовъ серебра въ разной утвари, находившихся у его брата Ивана, жившаго въ Почепѣ, и, сверхъ того, показалъ, что много денегъ, вещей серебряныхъ, мѣдныхъ и оловянныхъ и всякой домашней рухляди отдалъ онъ на сохраненіе своимъ знакомымъ въ Трубчевскѣ и Брянскѣ. Гетманъ, по совѣту старшинъ, посылалъ отыскивать это имущество и писалъ о томъ же къ воеводамъ брянскому и трубчевскому. Посланные въ Почепъ не застали Рославцева брата Ивана, убѣжавшаго въ Смоленскъ, но застали другаго брата Андрея, отъ котораго взяли показанныя деньги и дорогія вещи. Изъ нихъ Самойловичъ роздалъ охочему полку Мовчана, надъ которымъ былъ уже тогда полковникомъ Илья Новицкій, по 20 злотыхъ на рядоваго козака, что̀ составило 10,000 злотыхъ, а 1000 злотыхъ на полковыхъ старшинъ. Однако послѣ того еще не малое время до-

искивался Самойловичъ остальнаго имущества своихъ враговъ [1]).

По царскому указу, Рославецъ и Адамовичъ были препровождены въ Москву и тотчасъ же сосланы въ Сибирь. Спустя нѣсколько лѣтъ, Адамовичъ изъ Сибири посылалъ царю челобитную, въ которой увѣрялъ въ своей невинности и твердилъ, что наговорилъ на себя подъ страхомъ мученій. Неизвѣстно, какое послѣдствіе имѣла эта челобитная [2]). Дмитрашка Райча и Лазарь Горленко были удалены отъ полковничьихъ урядовъ: прилуцкимъ полковникомъ поставленъ Мовчанъ, а по немъ Чернявскій, переяславскимъ Войца Сербинъ. Дмитрашка ушелъ за Днѣпръ, передался полякамъ, но жена его, вдова казненнаго Золотаренка, не послѣдовала за нимъ, и онъ самъ вскорѣ воротился и былъ прощенъ Самойловичемъ, оставаясь въ званіи значнаго войсковаго товарища. Горленко спустя нѣсколько времени опять получилъ прилуцкое полковничество и сталъ вѣрнымъ сторонникомъ Самойловича, тогда какъ Дмитрашка Райча затаилъ къ гетману злобу и впослѣдствіи, какъ увидимъ, имѣлъ случай опять стать его открытымъ и уже не безсильнымъ врагомъ. Горленко остался гетману вѣренъ до положенія живота своего [3]).

---

[1]) Арх. Ин. Д., связка 47, № 10.

[2]) Списокъ челобитной сообщенъ мнѣ П. И. Мельниковымъ.

[3]) Лазаревскій, Очерки Малор. фамилій, Рус. Арх., 1875, стр. 249, 403. (У Лазаревскаго событіе съ Рославцемъ и все послѣдовавшее съ Дмитрашкомъ отнесено ошибочно къ болѣе раннему времени.)

IX.

Переходъ Дорошенка на лѣвую сторону. — Царь требуетъ его въ Москву. — Представленія Самойловича противъ отправки Дорошенка въ столицу. — Пребываніе Дорошенка въ Москвѣ. — Его послѣдняя судьба.

Самойловичъ указалъ Дорошенку перейти на житье на лѣвую сторону, оставляя за нимъ право владѣнія имуществомъ, находившимся въ Чигиринѣ, гдѣ оставались его родные. Дорошенко не противился и не роп-талъ, переѣхалъ на лѣвую сторону съ женою и съ братомъ Андреемъ 1-го ноября 1676 года и прежде всего прибылъ въ Батуринъ. Самойловичъ встрѣтилъ его чрезвычайно радушно и по поводу пріѣзда его три дня пировалъ. Прежніе враги, казалось, стали друзьями. Дорошенко просилъ дозволить ему жить какъ возможно поближе къ гетману, и Самойловичъ назначилъ ему жить въ Сосницѣ. Тамъ приготовляли Дорошенку дворъ, куда привезли изъ Чигирина 30 двуконныхъ возовъ съ его пожитками, а при дворѣ назначено быть 15 душъ челяди. Гетманъ далъ Дорошенковой матери на прокормленіе доходы съ чигиринскихъ мельницъ. Кромѣ матери, остались на прежнихъ мѣстахъ жительства тесть Дорошенка Яненко и двоюродный братъ Кондратъ Тарасенко съ нѣкоторыми бывшими старшинами; но бывшій Дорошенковъ писарь Вуеховичъ поселился въ имѣніи жены своей, въ селѣ Жукинѣ, кіевскаго полка, которое утвердилъ за нимъ и его женою гетманъ своимъ универсаломъ.

Недолго пришлось Дорошенку спокойно прожить на новосельѣ. Въ первыхъ числахъ декабря того же года, пріѣхалъ къ Самойловичу стольникъ князь Иванъ Ѳедоровичъ Волконскій съ подъячимъ Часовниковымъ. Они

привезли гетману указъ прислать Дорошенка въ Москву къ царскому величеству.

Самойловичъ сказалъ: — по царскому указу обѣщано Дорошенку мѣсто жительства въ Украинѣ, и мы съ бояриномъ Ромодановскимъ назначили ему жить въ Сосницѣ. За нимъ ничего подозрительнаго не замѣчено.

Волконскій возразилъ: — Боярину было указано назначить Дорошенку мѣсто жительства до государева указа, а вотъ нынѣ и указъ государевъ пришелъ къ тебѣ такой, чтобъ быть Дорошенку на Москвѣ.

Гетманъ сказалъ: — Да вѣдь Дорошенко недавно только переѣхалъ на сю сторону и дворъ ему начали строить въ Сосницѣ; еще и всѣхъ его пожитковъ изъ Чигирина не привезли. Дорошенко отдался, повѣривши нашему обѣщанію, что ему дозволятъ жить, гдѣ пожелаетъ, и прежнія вины его не будутъ воспомянуты.

Волконскій отвѣчалъ: — Великій государь обѣщанія своего не нарушаетъ; вины Дорошенковы не будутъ вспоминаться и великій государь приказываетъ послать его въ Москву при прежней обнадежительной граматѣ; зовутъ его для того только, чтобъ онъ видѣлъ государевы пресвѣтлыя очи и подтвердилъ бы свою присягу на вѣрность и вѣчное подданство.

«Если по Божіей и царской милости и по изволенію всего Войска Запорожскаго на меня положено оберегать цѣлость и спокойствіе края, — сказалъ гетманъ, — то я долженъ доложить царскому пресвѣтлому величеству, что скорый и нечаянный отъѣздъ Дорошенка нарушитъ между здѣшнимъ народомъ спокойствіе, котораго мы добивались много лѣтъ. Мы съ генеральными старшинами и полковниками на свою совѣсть взяли Дорошенка по царскому указу и руками своими подписались, чтобъ ему жить здѣсь въ тихомирномъ и безопасномъ пребываніи

со всѣми пожитками. Если теперь, послѣ такого нашего обѣщанія, отправить Дорошенка въ Москву, то по всей Украинѣ между козаками и поспольствомъ разславится, что мы не держимъ нашего слова, а запорожцамъ съ ихъ кошевымъ Сѣркóмъ это будетъ особенно кстати, такъ какъ они и прежде удерживали Дорошенка отъ переѣзда на лѣвую сторону, стращая Сибирью. За Днѣпромъ остаются еще Дорошенковы старшины: уже они намѣтили себѣ мѣсто жительства на лѣвой сторонѣ, были у меня, я имъ позволилъ переселяться и далъ имъ проѣзжіе листы; какъ теперь они узнаютъ, что Дорошенка повезли въ Москву, то не поѣдутъ на сю сторону. Есть у Дорошенка друзья на обѣихъ сторонахъ Днѣпра: какъ бы они смуты не устроили!»

Князь Волконскій не нашелся ничѣмъ опровергнуть доводовъ гетмана, но промолвилъ:

— Гетманъ! учини во волѣ великаго государя. Пошли Дорошенка со мною безъ всякаго сумнительства. Положись на волю Всемогущаго Бога и на царскую милость. Ни старшинамъ, чтó на правой сторонѣ остались, ни свойственникамъ, ни друзьямъ Дорошенка сомнѣваться нечего, а ты, гетманъ, о Дорошенковой посылкѣ объяви по своему разсмотрѣнію, какъ пристойно, чтобъ они опасенія въ томъ не имѣли; Дорошенка-де не въ Сибирь засылаютъ, а великій государь по своей прежней обнадежительной граматѣ указалъ прислать его для того, чтобъ онъ видѣлъ государевы пресвѣтлыя очи, да и того ради, чтобъ разспросить его о городахъ на правой сторонѣ, какъ пристойнѣе ихъ укрѣпить на случай, Боже сохрани, прихода турецкаго султана и крымскаго хана, чтобы Дорошенко далъ совѣтъ, съ которой стороны великаго государя ратнымъ людямъ отпоръ непріятелю давать.

Самойловичъ отвѣчалъ: — Хоть я такъ и объявлю о посылкѣ Дорошенковой, только никто мнѣ не повѣритъ, а всѣ думать будутъ, что его заслали въ Сибирь. А чтобъ его спрашивать о приходѣ турскаго султана, такъ вѣдь его братъ Григорій въ Москвѣ; тотъ столько же знаетъ, сколько и самъ Петро Дорошенко.

Волконскій сказалъ: — Этотъ братъ взятъ въ плѣнъ и привезенъ въ Москву давно; не знаетъ онъ о послѣднихъ замыслахъ турецкихъ и татарскихъ.

Самойловичъ представлялъ: — Всѣ письма, какія были у Дорошенка отъ турецкаго султана и визиря и крымскаго хана, онъ уже мнѣ передалъ и о турецкихъ замыслахъ все мнѣ объявилъ; я о томъ писалъ уже великому государю и впередъ буду спрашивать Дорошенка и писать къ великому государю о всемъ, что̀ отъ него узна́ю. Посылать же Дорошенка въ Москву никакъ нельзя, для зазора малороссійскихъ жителей не только правой, но и нашей лѣвой стороны.

Князь Волконскій продолжалъ: — Гетманъ, учини волю великаго государя, пошли Дорошенка безъ всякаго сумнительства. Великій государь беретъ его въ Москву, жалуючи тебя же. Вѣдь Дорошенко твой давній непріятель; онъ всяческія мѣры пріискивалъ на твою пагубу, на смуту и на разореніе всего малороссійскаго народа. Тебѣ самому дѣла эти лучше вѣдомы. Опасно, чтобъ онъ, будучи на сей сторонѣ Днѣпра, попрежнему своему злоковарству не вымышлялъ бы какихъ-нибудь дѣлъ противныхъ для тебя и не побуждалъ бы на зло нежелающихъ покоя.

«Хоть онъ, — сказалъ гетманъ, — и былъ мнѣ давній непріятель, только мы сами призывали его въ подданство, и я, гетманъ, со всѣми старшинами, обѣщали и присягнули хранить его въ цѣлости и прежнихъ винъ его уже

не вспоминать, а онъ отъ себя далъ присягу вѣрно служить и быть въ вѣчномъ подданствѣ великаго государя. Опасаться его нечего. И прежде, когда онъ не былъ еще въ подданствѣ у царя, я все зналъ, что́ у Дорошенка дѣлалось, а теперь наипаче все мнѣ будетъ извѣстно».

Князь Волконскій возразилъ: — Дорошенко и прежде учинилъ присягу царю передъ кошевымъ Сѣрко́мъ и прислалъ съ тестемъ своимъ въ Москву турецкіе санджаки, а послѣ того опять списывался съ турецкимъ султаномъ и крымскимъ ханомъ. Его непостоянство видимо, и впередъ его надобно опасаться. Поэтому, гетманъ, учини по волѣ великаго государя, пошли Дорошенка со мною безъ сумнительства.

«Челомъ бью на милости монаршей, — сказалъ гетманъ, — что жалѣючи меня велитъ мнѣ остерегаться Дорошенка. Я уже приказалъ жителямъ Сосницы смотрѣть за нимъ, и если онъ хотя малое что затѣетъ, мнѣ о томъ тотчасъ дадутъ знать. Только вотъ что я еще скажу: Дорошенко оттого пріѣхалъ ко мнѣ и къ боярину царскому въ обозъ для учиненія присяги, что довѣрился нашему обнадеживанію, иначе бы онъ къ намъ и не пріѣхалъ. Послѣ того, къ нему пришло на помочь тысячи двѣ татаръ, и еслибъ то случилось прежде его присяги, то нелегко было бы намъ его доставать въ Чигиринѣ. Теперь же ему невозможно ничего дурнаго намъ учинить: въ Чигиринъ посланы ратные люди, а самъ онъ, Дорошенко, на сей сторонѣ. Чуть только что услышу, сейчасъ указъ учиню надъ нимъ!»

«Господь Богъ, — говорилъ князь Волконскій, — сотворилъ человѣка словеснымъ и разумнымъ: надобно быть осторожнымъ въ такихъ дѣлахъ, отъ которыхъ уже было зло. Тебѣ, гетманъ, очень хорошо извѣстно, что Дорошенко принялъ подданство и свое гетманство тебѣ сдалъ

не отъ истиннаго своего желательства, а по самой великой неволѣ. Письмо, которое писали къ нему запорожцы прежде вашего прихода, ясно показываетъ, что онъ хотѣлъ сопротивляться. Гетманъ, имѣй и нынѣ опасеніе отъ Дорошенка, а если ты его теперь со мною отправишь и станешь о немъ писать къ великому государю, великій государь укажетъ учинить съ нимъ все по твоему гетманскому прошенію.»

«Дайте мнѣ время подумать, — сказалъ Самойловичъ, — посовѣтуюсь со старшинами, которые нынѣ въ Батуринѣ.»

Стольникъ сказалъ: — Жалуючи тебя за твою вѣрность и за радѣтельную службу, великій государь указалъ мнѣ съ тобою объ этомъ дѣлѣ говорить наединѣ втайнѣ.

Гетманъ произнесъ: — «Не посовѣтовавшись со старшинами, невозможно мнѣ этого учинить. У насъ пра́ва; я, гетманъ, не самовластенъ. Помыслю со старшинами и за тобой пришлю.»

6-го декабря прислалъ за царскимъ посломъ гетманъ и на этотъ разъ бесѣдовалъ съ нимъ въ присутствіи старшинъ. «Вотъ, — сказалъ онъ, — я мыслилъ со старшинами о тѣхъ дѣлахъ, о которыхъ я съ тобою, князь, говорилъ: — никакъ нельзя послать теперь Дорошенка за вышесказанными причинами! Притомъ, теперь Дорошенко нуженъ для суда надъ Рославцемъ и Адамовичемъ, а послѣ суда я стану его наговаривать: пусть самъ добровольно пожелаетъ ѣхать въ Москву и видѣть царскія очи. Ты же, князь, поѣзжай въ Москву, а я въ граматѣ своей къ великому государю напишу, за какими причинами невозможно посылать Дорошенка.»

«Безъ указа великаго государя, не привозя Дорошенка, мнѣ ѣхать нельзя, — сказалъ князь Волконскій: — не смѣю этого сдѣлать, а стану писать къ великому го-

сударю, то заранѣе вѣдаю подлинно, будетъ тебѣ царскій указъ таковъ, чтобъ Дорошенка послать со мною. Черезъ это дѣлается одно мѣшканіе. Лучше бы ты, гетманъ, послалъ Дорошенка со мною безъ всякаго сумнительства, надѣясь на милость великаго государя.»

«Обожди царскаго указа, князь Иванъ Ѳедоровичъ, — сказалъ Самойловичъ: — Я пошлю въ Москву своего посланца съ граматою и въ ней объясню, почему невозможно посылать Дорошенка. Чаю себѣ за то царской милостивой граматы, потому что и прежде указано было мнѣ послать къ Дорошенку въ Чигиринъ стольника Деримонтова, а я написалъ къ великому государю, что этого стольника послать невозможно, и за то мнѣ выговора не было, а прислана была отъ великаго государя милостивая грамата.»

Въ заключеніе всего, князь Волконскій остался въ Батуринѣ, а Самойловичъ отправилъ въ Москву канцеляриста Ивана Дорошкевича съ граматою, въ которой излагались причины, по которымъ не слѣдовало отсылать Дорошенка въ Москву. Кромѣ доводовъ, изложенныхъ словесно въ бесѣдѣ съ княземъ Волконскимъ, гетманъ указывалъ еще и на обстоятельства, случившіяся недавно въ Польшѣ. Съ Турціею возобновилась у поляковъ война, но скоро окончилась новымъ миромъ Журавницкимъ, который былъ повтореніемъ Бучацкаго мира съ нѣкоторыми измѣненіями: часть Украины — Полѣсье и Бѣлоцерковщина возвращалась подъ державу Рѣчи-Посполитой, и король Янъ Собѣскій положилъ назначить тамъ жительство козакамъ, признававшимъ надъ собою польскую власть. Гетманомъ надъ этими козаками король назначилъ Гоголя, бывшаго поднѣстранскаго полковника, нѣсколько разъ измѣнявшаго и Польшѣ, и Москвѣ, и Дорошенку. Гоголь долженъ былъ, собравши

своихъ козаковъ, которыхъ у него было тогда четыре полка, расположить въ Полѣсьѣ на жительство, раздѣлить по сотнямъ и пополнять убылыя мѣста новыми козаками изъ малороссійскихъ жителей Волыни и другихъ краевъ. Города: Димеръ, Черноградъ, Коро́стышевъ, Черно́быль, по королевскому универсалу, отдавались въ вѣдомство новаго козацкаго гетмана. Гоголь сносился письменно съ печерскимъ архимандритомъ Иннокентіемъ Гизелемъ, увѣрялъ его, что, какъ истинный сынъ православной церкви, онъ болѣе всего желателенъ престолу православнаго монарха: по такимъ сношеніямъ Самойловичъ надѣялся перезвать Гоголя подъ царскую державу съ его козаками и этимъ путемъ опять соединить все козачество подъ единою властію царя и подъ единымъ управленіемъ утвержденнаго царемъ гетмана. Это казалось тѣмъ удобнѣе, что часть козаковъ, подчиненныхъ Гоголю, уже тотчасъ послѣ паденія Дорошенка признала надъ собою власть Самойловича [1]). И въ этихъ видахъ, чтобъ не подать Гоголю и его козакамъ опасеній, Самойловичъ находилъ вреднымъ отправить Дорошенка въ Москву и нарушить данное ему царскимъ именемъ обѣщаніе оставить его жить въ Украинѣ.

Московское правительство на время приняло соображенія Самойловича, и 24-го декабря Волконскій объявилъ гетману, что ему указано ѣхать въ Москву, а Дорошенка не указано везти съ собою.

— Великій государь, — сказалъ Волконскій: — не для иныхъ причинъ хотѣлъ-было взять въ Москву Дорошенка, какъ только жалѣючи тебя, чтобъ Дорошенко къ прежнимъ своимъ дѣламъ не обратился.

— Бью челомъ великому государю за такую ми-

---

[1]) Арх. Юст., кн. 43, лл. 525, 532, 556.—Акты Зап. Рос., V, 140.

лость, — сказалъ Самойловичъ, — только Дорошенка никакъ не слѣдуетъ отправлять въ Москву: у него здѣсь и теперь найдется болѣе ста друзей, а тѣ могутъ наговорить ко злу не одну тысячу. Дорошенко же, согласно своей присягѣ, ничего дурнаго здѣсь не сдѣлалъ и обѣщается впередъ ни къ какому злу не приставать.

Дѣйствительно, Дорошенко, живя въ Сосницѣ, держалъ себя самымъ надежнымъ образомъ. Онъ писалъ къ гетману, что ничего такъ не желаетъ, какъ жить въ дружбѣ съ Самойловичемъ, сколько возможно къ нему поближе и быть ему во всемъ полезнымъ. Зная положеніе Турціи, Дорошенко первый сдѣлалъ гетману предостереженіе, что султанъ держитъ Юраска Хмельниченка не для чего инаго, какъ для того, чтобы его провозгласить козацкимъ гетманомъ подъ турецкою верховною властію и теперь сдѣлаетъ это, когда Дорошенко отъ него отпалъ; уже назначена сумма 15,000 червонцевъ на подкупъ, чтобы склонить запорожцевъ на сторону Хмельниченка; у Хмельниченка же въ Чигиринѣ, Жаботинѣ и Медвѣдовкѣ найдутся и пріятели, и родные. Дорошенко указывалъ также, что не слѣдуетъ въ Чигиринѣ держать жены бывшаго Дорошенкова полковника Шульги́, послѣ перехода Дорошенкова приставшаго на польскую сторону: «женщина эта сама дьяволъ во плоти», выразился о ней Дорошенко. Затѣмъ Дорошенко обѣщалъ еще сообщать гетману, если что-нибудь услышитъ новое или припомнитъ прежнее.

Вскорѣ опасность, о которой предостерегалъ Самойловича Дорошенко, оправдалась. Въ Константинополѣ, узнавши навѣрное, что «негодный и неблагодарный Дорошенко» — какъ выражается турецкій источникъ [1]) —

---

[1]) Collect., II, 123.

забывши всѣ благодѣянія падишаха, измѣнилъ ему и отдался московскому государю, положили отправить войско для удержанія Украины подъ турецкою властью. Надобно было назначить новаго гетмана для козаковъ отъ руки турецкаго падишаха. Тогда пришелъ чередъ сидѣвшему въ темницѣ Хмельниченку. Его вывели изъ Едикула, привели къ великому визирю, возложили ему на голову бархатный колпакъ, а на плечи соболью шубу и провозгласили гетманомъ и «княземъ малороссійской Украины». Турецкая политика выдумала этотъ новый титулъ, какого еще никому не давали, и самому Дорошенку; турки этимъ хотѣли подѣйствовать на украинское населеніе, такъ какъ сыну Хмельницкаго давалось какъ-бы наслѣдственное право. Хмельницкій отговаривался, представляя, что онъ уже постригся въ монахи, но великій визирь приказалъ константинопольскому патріарху разрѣшить его отъ монашескаго обѣта [1]). Находясь во власти турокъ, и Хмельницкій, и патріархъ должны были исполнять ихъ волю. Визирь приказалъ сердарю (главнокомандующему турецкими силами) вручить Юраскѣ знаки гетманскаго достоинства, бунчукъ, булаву, знамя и берэтъ или султанскую грамату, а при наступленіи лѣта съ войскомъ вести новаго князя на владѣніе. Объ этомъ Самойловичъ получилъ извѣстіе сперва отъ немировскаго старосты Куницкаго, вмѣстѣ со спискомъ универсала Хмельницкаго, а потомъ отъ кіевскаго торговаго человѣка, бывшаго въ Яссахъ и тамъ узнавшаго, что самъ турецкій султанъ и крымскій ханъ хотятъ вести Хмельницкаго подъ Чигиринъ и подъ Кіевъ.

Самойловичъ, получивши эти извѣстія, тотчасъ сообщилъ ихъ въ Москву, и они произвели тамъ большую

---

[1]) Арх. Юст., кн. 46, л. 105.

тревогу. Туча, поднимавшаяся со стороны Турціи, на первыхъ же порахъ внушила московскому правительству мысль, что теперь уже никакъ нельзя оставлять въ Украинѣ Дорошенка, недавно еще наводившаго въ этотъ край турокъ. Притомъ же изъ Чигирина царскій воевода Кровковъ писалъ, что чигиринцы изъ-за Дорошенка произносятъ дерзкія слова противъ царской власти. Къ Самойловичу прибылъ царскимъ посланцомъ знакомый ему стольникъ Семенъ Алмазовъ и привезъ новое требованіе послать съ нимъ Дорошенка въ Москву.

Самойловичъ сказалъ Алмазову: — Народъ нашъ мнителенъ: какъ узнаютъ, что Дорошенко посланъ въ Москву, учнутъ распускать плевосѣятельныя слова, а какъ дойдутъ они до Сѣрка́, тотъ еще и своего прибавитъ. Какова будетъ воля великаго государя: чтобъ Дорошенко оставался на житье въ Москвѣ, или чтобъ онъ только великому государю ударилъ челомъ и потомъ ѣхалъ назадъ?

— Того не вѣдаю, — сказалъ Алмазовъ, — но если ты, гетманъ, напишешь объ отпускѣ его изъ Москвы, великій государь укажетъ его отпустить.

— Пусть бы, — сказалъ гетманъ: — коли на то воля великаго государя, оставили его жить и въ Москвѣ, но только такъ, чтобъ мои посланцы и Сѣрковы могли всегда его видѣть и знать, что онъ живетъ не въ неволѣ, а при милости его величества. Хорошо было бы, еслибъ великій государь при этомъ отпустилъ на свободу Дорошенкова брата Грицька̀; обрадовались бы сродники и мать его, а она уже не разъ меня просила ходатайствовать о его отпускѣ.

6-го марта отпустилъ Самойловичъ Алмазова въ Сосницу за Дорошенкомъ, а отъ себя послалъ съ нимъ генеральнаго судью Домонтовича. «Ты, Семенъ, — сказалъ

гетманъ Алмазову, — не очень торопи его и побудь въ Сосницѣ хоть бы и недѣлю, пока Дорошенко соберется». Дорошенку гетманъ писалъ, чтобъ онъ ѣхалъ въ Москву смѣло, ничего не опасаясь: его зовутъ не для чего иного, какъ только для того, что хотятъ разпросить о способахъ турецкихъ и татарскихъ.

— Хотя бы кому на смерть приказывали идти, и того бы заранѣе увѣдомили, — сказалъ Дорошенко, когда ему объявили о предстоящей поѣздкѣ. — Суди Богъ гетману, что заранѣе мнѣ вѣдомости не учинилъ!

Не долго собирался Дорошенко. 8-го марта вечеромъ онъ выѣхалъ съ Алмазовымъ и Домонтовичемъ. Ихъ провожали отъ города до города отъ тридцати до сорока козаковъ [1]).

За Дорошенкомъ вслѣдъ прибылъ въ Москву гетманскій посланецъ, генеральный писарь Савва Прокопо́вичъ. 20-го марта оба прибывшіе отъ гетмана — и Домонтовичъ, и Прокопо́вичъ были допущены къ царской рукѣ. Съ ними былъ представленъ предъ царскую особу и Дорошенко. Сначала гетманскимъ посланцамъ объявлена была похвала гетману и милостивое слово, потомъ думный дьякъ обратился съ рѣчью къ Дорошенку. Пересчитаны были подробно всѣ его вины: какъ неоднократно онъ обѣщалъ пріѣхать въ обозъ, но не исполнилъ обѣ-

---

[1]) Въ виду обереганія Чигирина, гетманъ послалъ туда новаго полковника Григорія Карповича-Коровченко, велѣлъ согнать жителей изъ сосѣднихъ городковъ, чтобъ навозили лѣсу на починку чигиринскаго замка и приказывалъ вмѣстѣ съ воеводою унимать легкомысленныхъ людей отъ непристойныхъ словъ. Самойловичъ, въ донесеніи своемъ въ Приказъ, изъявлялъ опасеніе, чтобъ чигиринскіе жители, услышавши о новомъ нашествіи турокъ, не стали убѣгать на лѣвую сторону; тамъ они произведутъ переполохъ и жители полковъ: переяславскаго, миргородскаго и полтавскаго станутъ оставлять свои жилища и бѣжать — кто въ слободскіе полки, кто къ полякамъ, а кто и къ туркамъ.

щанія и потомъ призывалъ бусурманъ, пока наконецъ опомнился и исполнилъ свое обѣщаніе. Объявлялось ему, что великій государь всѣ вины его и преступленія прощаетъ и никогда уже вины тѣ ему воспомянуты не будутъ, а за учиненіе присяги царю и за отлученіе отъ агарянскаго ига, великій государь его милостиво похваляетъ. Затѣмъ объявлялось, что великій государь указалъ ему «быть на Москвѣ при своей государской милости для способовъ воинскихъ противъ непріятельскаго наступленія турецкаго султана и крымскаго хана въ Украину». Братъ его Григорій, который уже прежде былъ раскованъ и ходилъ по волѣ, былъ отпущенъ въ Малороссію.

Спрошенный въ Приказѣ, Дорошенко сообщилъ маршрутъ, которымъ по его предположенію пойдетъ въ Украину турецкое войско, открылъ, что у турокъ есть замыселъ покорить Запорожье и построить тамъ крѣпость. Чтобъ Юраско не могъ найти пристанища въ Чигиринѣ, Дорошенко совѣтовалъ свезти изъ Жаботина и Медвѣдовки всѣхъ жителей, а тестя своего Яненка, который приходился Хмельницкому дядею и братомъ жены Григорія Дорошенка, переселить на лѣвую сторону. 28-го марта написалъ Дорошенко къ кошевому Сѣрку письмо, въ которомъ убѣждалъ его на старости лѣтъ полагать душу свою и здоровье за православную вѣру и за его царское пресвѣтлое величество. «Я, пріѣхавши въ Москву, — писалъ онъ, — паче моего достоинства удостоился премного царскаго милосердія и великой чести: меня сподобили видѣть царское лицо и быть у руки его царскаго пресвѣтлаго величества, а брата моего тотчасъ домой отпустили».

Давая правительству полезные совѣты, Дорошенко билъ челомъ о своихъ дѣлахъ: просилъ дать указъ чиги-

ринскому воеводѣ и козацкому полковнику, находившемуся въ Чигиринѣ, чтобъ матери его, братьямъ и сродникамъ не было обидъ и не отнимали бы у нихъ угодій и имуществъ. По совѣтамъ и по челобитію Дорошенка посланы были соотвѣтствующіе указы гетману и чигиринскому воеводѣ.

Находя нужнымъ оставить Дорошенка навсегда въ Великороссіи и не пускать его болѣе въ Украину, апрѣля 20-го въ Приказѣ велѣли ему подать челобитную о доставленіи къ нему жены его. «Вѣдаю, — писалъ Дорошенко къ гетману, — что я здѣсь не потребенъ и пріѣздъ жены моей не нуженъ, но что́ повелѣваютъ, то и творю по нуждѣ. Если милость твоя, благодѣтель мой, напишешь письмо о моемъ отпускѣ, то можетъ быть и пріѣздъ жены моей въ забвеніе положатъ, и меня отпустятъ.»

24-го апрѣля выѣхалъ изъ Москвы подъячій Юдинъ съ порученіемъ привезти въ Москву Дорошенкову жену. 4-го мая прибылъ онъ въ Батуринъ.

Гетманъ, послѣ обычныхъ привѣтствій, говорилъ ему: — Я исполню указъ великаго государя и жену Петра Дорошенка изъ Сосницы къ мужу ея отпущу и подводы дамъ. Только долженъ я сказать, что по царскому указу, когда мы принимали Дорошенка, то обнадежили ему, чтобъ жить ему съ женою, братьями и родичами, гдѣ они захотятъ въ Украинѣ на сей сторонѣ Днѣпра. Онъ изъ Москвы ко мнѣ писалъ, чтобъ я билъ челомъ великому государю объ отпускѣ его назадъ въ Сосницу, а объ отпускѣ жены своей къ нему въ Москву онъ мнѣ не писалъ.

«Петръ Дорошенко, — сказалъ Юдинъ, — билъ о томъ челомъ не по принужденію; его челобитная за его рукою въ Приказѣ.»

Гонецъ показалъ гетману списокъ съ челобитной. Самойловичъ сказалъ: «Я еще до царскаго указа, какъ послышалъ про Юрасковъ приходъ, велѣлъ перевести изъ Чигирина мать Дорошенка, тестя его Яненка, жену Григорія Дорошенка и бывшихъ старшинъ. Тесть со старшинами живетъ въ Новыхъ-Млинахъ, мать — въ Сосницѣ, иные же — при мнѣ, въ Батуринѣ. Что Дорошенко совѣтуетъ вывести людей изъ городковъ и селъ около Чигирина, такъ уже люди оттуда и сами почти всѣ вышли на сю сторону. А что онъ проситъ, чтобъ обидъ его имуществамъ не было, такъ вѣдь у него пасѣки и сѣножати за Чернымъ лѣсомъ: никто не возбраняетъ туда его людямъ ѣздить, только имъ самимъ нельзя туда ѣздить оттого, что тамъ стоятъ татары.»

6-го мая Юдинъ у Самойловича увидалъ Дорошенкову мать, старицу Митродору, братьевъ Григорія и Андрея и Петрову жену. Дорошенко изъ Москвы прислалъ къ гетману еще письмо съ козакомъ Левченкомъ. Онъ писалъ, что, по царскому указу, велѣно жену его къ нему прислать, — онъ же самъ желаетъ, чтобъ гетманъ его самого взялъ въ малороссійскіе городы, помня свое обѣщаніе.

— Видишь, — сказалъ гетманъ Юдину: — Дорошенко не пишетъ, что онъ билъ великому государю объ отпускѣ жены своей. Я Дорошенковы листы пошлю съ тобою къ великому государю, а Дорошенковой жены насильно посылать невозможно. Буде я ее насильно отошлю, то его мать и братья, оставаясь въ малороссійскихъ городахъ, да и жена, ѣдучи дорогою, станутъ жаловаться малороссійскимъ людямъ, и будутъ въ народѣ ходить толки, что я Петрову жену послалъ насильно въ Москву за тѣмъ, чтобъ его вмѣстѣ съ нею заслали въ Сибирь, и легкомысленные люди, малороссійскіе жители, что переѣхали

съ той стороны на сю сторону, послышавши такія слова, станутъ сомнѣваться и мыслить, что я и другихъ многихъ также въ Москву зашлю, а ихъ оттуда въ Сибирь упрячутъ.

— Вели, — сказалъ Юдинъ, — мнѣ поговорить съ Петровой матерью и съ братьями объ отпускѣ Петровой жены.

Гетманъ дозволилъ, и Юдинъ, повидавшись съ матерью и братьями Дорошенка, пришелъ къ гетману съ Андреемъ Дорошенкомъ и сказалъ:

— Мать говоритъ: мы царскому указу не противны, когда поволитъ гетманъ Самойловичъ.

— Точно такъ ли? — спросилъ гетманъ Андрея Дорошенка въ присутствіи старшинъ: войсковаго писаря, судьи и бунчужнаго.

— Дай намъ, пане гетмане, сроку на двѣ недѣли, чтобъ я собралъ, какія есть, потребы моего брата и къ нему послалъ, а для иныхъ потребъ надобно послать въ Чигиринъ, — сказалъ тогда Андрей Дорошенко.

— Дожидаться тебѣ, — сказалъ гетманъ Юдину, — пока они соберутъ жену Дорошенкову, а я тогда отпущу ее съ тобою безъ мотчанія.

Дорошенковы родные уѣхали въ Сосницу. Юдинъ съѣздилъ въ Кіевъ по дѣламъ и воротился въ Батуринъ 17-го мая. Пріѣхали Григорій и Андрей Дорошенки, но безъ жены Петровой. Войсковой бунчужный Леонтій Полуботокъ прибылъ къ Юдину съ Андреемъ Дорошенкомъ и сказалъ: «Андрей бьетъ челомъ, чтобъ не посылать жены Дорошенковой, а по какой причинѣ, онъ самъ пусть тебѣ скажетъ».

Андрей Дорошенко говорилъ: «Писалъ ко мнѣ братъ Петро́ съ козакомъ Левченкомъ, чтобъ я прислалъ къ нему жену его, буде она отъ своихъ дурныхъ дѣлъ от-

стала и живетъ по обѣщанію, данному тогда, когда онъ ее взялъ къ себѣ изъ чернаго платья, а буде за нею есть какіе-нибудь дурные поступки, то я бы описалъ ему о томъ; я гетману уже говорилъ и тебѣ также объявляю вотъ что̀: братъ мой Петро̀, за ея злыя дѣла, положилъ на нее черное платье, а потомъ, видя дочь свою въ младыхъ лѣтахъ въ сиротствѣ, умилосердился надъ нею и принялъ ее опять къ себѣ; она тогда обѣщала по смерть живота своего ничего хмѣльнаго не пить, потому что въ хмѣлю отъ ней чинится всякое злое дѣло, но по отъѣздѣ Петра къ великому государю начала она опять пить и вести себя безобразно: безъ вѣдома моего таскается и чинитъ злыя дѣла. Нынѣ, пріѣхавши въ Сосницу, я велѣлъ ей собираться ѣхать къ мужу своему, а она при отцѣ своемъ Яненкѣ съ крикомъ отвѣчала: коли меня въ Москву насильно пошлешь, то брату твоему Петру недолго придется жить! Слыша такія слова, я билъ челомъ, чтобъ ее къ брату Петру до времени не отсылать.»

Юдинъ отправился къ гетману и въ присутствіи Андрея Дорошенка сталъ просить отослать Петрову жену въ Москву по царскому указу. Самойловичъ опирался на заявленіе Андрея Дорошенка. Юдинъ сказалъ:

— Это Андрей выдумалъ для того, чтобы жену братову не отпускать. Какъ къ нему отъ брата челядникъ пріѣзжалъ и пробылъ здѣсь три дня, я былъ у тебя, гетмана, при Андреѣ. Отчего же онъ ничего такого въ тѣ поры не сказывалъ?

Самойловичъ рѣшительно сказалъ: «Невозможно отправлять Петровой жены противъ ея воли насильно. Я напишу о томъ въ своей граматѣ великому государю.»

— Коли братъ Петръ,— сказалъ Андрей Дорошенко,— вѣдая о злодѣйскихъ поступкахъ жены своей, напишетъ мнѣ, чтобъ къ нему ее прислать, тогда я ее отпущу. Я

долженъ здоровье брата своего беречь, а не ее, злодѣйку, жалѣть.

Самойловичъ отпустилъ Юдина въ Москву и сообщилъ, что задержалъ Дорошенкову жену по заявленію Андрея о ея поведеніи и объ угрозахъ. «Если, — присовокуплялъ онъ, — мимо всего этого прикажетъ Петръ, чтобъ она къ нему ѣхала, я тогда не стану возбранять ей ѣхать.»

Дорошенко послѣ этого благодарилъ Самойловича, что онъ «за высокоблагочестнымъ мудрымъ разсужденіемъ» удержалъ его «малоумную господыню», и, снова «падая къ ногамъ господскимъ», умолялъ исходатайствовать ему отпускъ въ Украину. Въ дѣлахъ малороссійскаго приказа значится, что іюля 27 того же года прибыла въ Москву Дорошенкова жена Евфросинья. Неизвѣстны обстоятельства ея выѣзда изъ Украины. Дорошенко былъ вначалѣ помѣщенъ, какъ выше сказано, на новомъ греческомъ дворѣ, но съ пріѣздомъ жены переведенъ во дворъ Григорія Никитина; однако — жаловался, что въ этомъ новомъ помѣщеніи его безпокоитъ дымъ и течь. Тогда Дорошенку купили дворъ за 700 рублей и назначили построить новый домъ о девяти покояхъ. 7-го августа онъ спрашивалъ въ своей челобитной, отпустятъ ли его въ Украину, или же навсегда прикажутъ оставаться въ Москвѣ, и если онъ долженъ пребывать въ Москвѣ, то просилъ, чтобъ ему пожаловали деревню. Ему назначили съ семействомъ и со всею прислугою, въ числѣ 24-хъ человѣкъ, поденный кормъ, что составляло въ годъ 936 рублей 16 алтынъ, и обѣщали деревню. Въ 1679 году въ апрѣлѣ ему предложили быть воеводою въ Вяткѣ съ жалованьемъ по 1000 рублей въ годъ. Онъ пробылъ тамъ до 1682 года и воротился снова въ Москву. Царь подарилъ ему изъ дворцовыхъ волостей 1000 дворовъ въ

селѣ Ярополчѣ (Волоколамскаго уѣзда Моск. губ.) со всѣми принадлежащими къ нимъ угодьями. Въ Украину его не отпустили, впрочемъ онъ и самъ пересталъ проситься послѣ того, какъ Чигиринъ, его родина, былъ разоренъ до основанія, и съ нимъ пропало все право Дорошенка на прежнія доходныя статьи. Онъ примирился съ мыслію сдѣлаться навсегда жителемъ Московской земли и доживалъ вѣкъ то въ Москвѣ, то въ своемъ имѣніи Ярополчѣ: тамъ онъ и окончилъ жизнь въ 1698 г. ноября 9-го, на 71 году отъ рожденія.

X.

Первая чигиринская война. — Вступленіе Юраска Хмельницкаго въ Украину. — Его наказной гетманъ Астаматій. — Универсалы. — Тревога при появленіи Хмельницкаго. — Приготовленія къ оборонѣ Чигирина. — Извѣстія, приносимыя Самойловичу о Хмельницкомъ. — Ссора Самойловича съ Сѣркомъ. — Приступъ Юраска Хмельницкаго и турокъ къ Чигирину. — Прибытіе соединеннаго великороссійскаго и малороссійскаго войска. — Бѣгство турокъ. — Отступленіе русскихъ войскъ.

Весною перешелъ Дунай новоназначенный султаномъ гетманъ съ титуломъ князя. Съ перваго раза видно было, что этотъ князь выставленъ былъ только какъ значокъ; турки разсчитывали на обаяніе, которое, по ихъ соображеніямъ, должно было произвести на малороссіянъ имя сына Богданова. Все веденіе военныхъ дѣлъ возлагалось на Ибрагимъ-пашу, прозваннаго *шайтаномъ* (т. е. чортомъ). Турецкаго войска назначалось въ Украину, какъ говорили, до сотни тысячъ, а у князя Хмельницкаго было вначалѣ только полтораста козаковъ. Юраска назначилъ своимъ наказнымъ гетманомъ Евстафія Гиновскаго [1]),

[1]) Такимъ именемъ подписался онъ въ своемъ универсалѣ.

который былъ извѣстенъ въ свое время подъ именемъ Астаматія. Этотъ наказной отъ имени своего князя началъ разсылать универсалы по Подоліи, требуя, чтобы польскія залоги немедленно выходили изъ подольскихъ городковъ, такъ какъ весь край уступленъ Польшею турецкому падишаху. Одинъ изъ такихъ универсаловъ былъ посланъ немировскому старостѣ Стефану Куницкому, сообщившему списокъ съ него гетману Самойловичу [1]). Жители селъ Подоліи извѣщались о скоромъ вступленіи «безчисленныхъ» турецкихъ силъ и обнадеживались, что если признаютъ своимъ княземъ Хмельницкаго, то могутъ себѣ спокойно предаваться мирнымъ занятіямъ, не страшась оскорбленій отъ турокъ и татаръ. 7-го апрѣля Юраска отправилъ посланцевъ въ Сѣчу съ письмомъ къ Сѣркꙋ, изъявлялъ желаніе всѣхъ благъ отъ Бога, «ему же возможно нищаго и смиреннаго вознести и посадить со князи, а сильнаго низложить», намекнулъ о подвигахъ своего родителя, вспоминалъ о собственномъ прошломъ, о томъ, какъ много бѣдъ онъ претерпѣлъ, пока Богъ не «подвигнулъ сердце непобѣдимаго цесаря турецкаго, тремя частями свѣта обладающаго, даровать ему свободу, утвердить гетманомъ и княземъ малороссійской Украины.» Письмо его оканчивалось убѣжденіемъ склониться къ нему и прислать посольство. Грамата Юраскова была запечатана новоизобрѣтенною печатью: на ней въ кругу было изображеніе всадника на конѣ, съ булавою въ распростертой рукѣ; выше конской головы, украшенной пучкомъ перьевъ — яблоко со крестомъ, а подлѣ всадника находилось изображеніе стоящаго на землѣ человѣка съ мушкетомъ. На печати была подпись: «печать княжества Малороссійскаго». Юрасковы посланцы требо-

---

[1]) Арх. Юст., кн. 46, л. 288.

вали, чтобъ Сѣрко́ лично выступилъ на встрѣчу вступавшему въ свое наслѣдіе князю.

Не съ довѣріемъ встрѣтили запорожцы это обращеніе къ нимъ Юраски. Раздался крикъ: «турки думаютъ съ нами такъ поступить, какъ съ уманцами, хотятъ выманить часть нашихъ въ поле, а остальныхъ въ Сѣчѣ забрать и нашъ кошъ разорить!» Но у запорожцевъ почти всегда дѣлалось такъ: пошумятъ, покричатъ, а потомъ склонятся къ уступкамъ. И теперь такъ случилось. Запорожцы соблазнились надеждою доставить чрезъ ходатайство Хмельницкаго свободу своимъ товарищамъ, захваченнымъ татарами въ Лодыжинѣ во время взятія этого города, и отправили къ Хмельницкому трехъ своихъ товарищей [1]). Сѣрко́, однако, увѣдомилъ о томъ Самойловича, объяснивши, что запорожцы для избавленія своихъ братій заключили перемиріе съ Крымомъ, и эти поступки не должны побуждать къ подозрѣніямъ въ вѣрности ихъ царю. За это Самойловичъ послалъ Сѣрку́ выговоръ, замѣтивши, что освобожденіе плѣнныхъ могло быть отложено и до другаго времени [2]).

Появленіе Хмельницкаго произвело тревогу и лихорадочную дѣятельность въ Москвѣ. Посланы были въ малороссійскіе полки и въ Сѣчу царскія граматы о томъ, чтобъ не слушать прельстительныхъ универсаловъ Юраски [3]). Въ Чигиринъ отправленъ былъ генералъ-маіоръ Аѳанасій Трауэрнихтъ, стрѣлецкіе головы Титовъ и Мещериновъ съ ихъ приказами и полковникъ инженеръ Фанъ-Фрастенъ. Въ посланныхъ туда трехъ стрѣлецкихъ приказахъ было до 24,000 человѣкъ [4]). Ромодановскому,

---

[1]) Арх. И. Д., связка 48, № 14.

[2]) Арх. Юст., кн. 46. л. 312.

[3]) Ibid., л. 161, 163.

[4]) Gord. II, 434.

стоявшему въ Курскѣ, указано быть въ постоянныхъ пересылкахъ съ Самойловичемъ и идти къ нему на соединеніе по его требованію [1]). Въ подмогу имъ назначено другое войско, которому слѣдовало стоять въ Путивлѣ подъ главнымъ начальствомъ боярина Василія Васильевича Голицына. Гетманъ отправилъ въ Чигиринъ четыре съ половиною тысячи выборныхъ козаковъ изъ пяти полковъ [2]) и охочихъ козаковъ, назначивши надъ всѣми наказнымъ чигиринскаго полковника Карповича-Коровченко [3]). Тогда же гетманъ выпросилъ у верховнаго правительства разрѣшеніе бить въ Путивлѣ особую монету подъ названіемъ *чехи,* собственно на жалованье малороссійскому войску, и, кромѣ того, выпросилъ 10,000 червонцевъ на раздачу охочему войску заимообразно, обязываясь произвести уплату изготовленными чехами [4]).

Запорожскіе посланцы, явившись къ Хмельницкому, были позваны къ Ибрагиму-пашѣ, который сказалъ имъ: «признайте Юрія Хмельницкаго наслѣдственнымъ княземъ Украины, и тогда ни запорожцамъ, ни украинскому народу не окажется никакого непріятельскаго поступка отъ турокъ и татаръ». Хмельницкій послалъ Сѣрку́ новое увѣщательное письмо, обѣщалъ сохраненіе правъ и вольностей, увѣрялъ, что исходатайствуетъ свободу запорожскимъ плѣнникамъ, но не могъ этого исполнить потому, что Ибрагимъ-паша его не слушался.

Пошли недѣли за недѣлями. Сѣрко̀ не шелъ къ Хмельницкому, но ссорился съ гетманомъ Самойловичемъ, не

---

[1]) Арх. Юст., кн. 46, л. 312, 364.

[2]) Нѣжинскаго, стародубскаго, кіевскаго, черниговскаго и прилуцкаго.

[3]) Арх. Юст., кн. 46, л. 288, 316.

[4]) Каждый червонецъ цѣнился тогда въ 1 рубль, 16 алтынъ, 4 деньги. А. И. Д., связка 48, № 13.

ѣхалъ къ нему для совѣта, отписываясь, что боится, чтобъ гетманъ не заслалъ его въ Сибирь [1]), а Самойловичъ, въ своихъ донесеніяхъ въ Приказъ, выставлялъ Сѣрка́ измѣнникомъ. Въ Москвѣ продолжали относиться дружелюбно и довѣрчиво къ гетману, но не раздражали Сѣрка̀, такъ какъ знали, что Самойловичъ и Сѣрко́ личные недруги, а потому естественно склонны были одинъ на другаго наговаривать. Послѣ извѣстій, доставленныхъ Куницкимъ, гетманъ не имѣлъ никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній о движеніи непріятеля до половины іюня. Наконецъ, въ это время ватажники, отправленные для вѣстей, напали на турецкій обозъ съ припасами и взяли турецкихъ языковъ. Тогда Самойловичъ узналъ, что Хмельницкій уже переправился черезъ Днѣстръ и разсчитываетъ въ 16 дней достигнуть до Чигирина, а между тѣмъ послалъ отпущенныхъ изъ турецкаго полона малороссіянъ съ универсалами въ Немировъ, Кальникъ и другіе города склонять къ себѣ малороссійскій народъ ласковыми убѣжденіями, грозя приступить къ оружію, когда ему добровольно не покорятся [2]).

Въ самомъ Чигиринѣ дѣла шли такимъ образомъ: прибывшій въ концѣ іюня генералъ-маіоръ Трауэрнихтъ прилежно занялся приведеніемъ въ порядокъ укрѣпленій чигиринскаго верхняго города, а нижній городъ вмѣстѣ съ *мѣстомъ* (т. е. съ посадомъ) оставленъ былъ защитѣ козаковъ [3]). Царскіе ратные люди возводили дубовыя стѣны, недавно сгорѣвшія отъ пожара [4]). Козаки въ ниж-

---

[1]) Арх. Ин. Д., подлинники, № 338.

[2]) Арх. Ин. Д., связка 48, № 16.

[3]) Ibid., связка 49, № 52. Гетманъ прислалъ въ подкрѣпленіе еще одинъ охочій пѣхотный полкъ, роту гетманской драгуніи и три сотни полковъ гадяцкаго и лубенскаго.

[4]) Gord., II, 434.

немъ городѣ рубили стѣны, тарасы, насыпали каменьемъ, углубляли рвы [1]). Такъ прошелъ іюль. 28-го іюля явился въ Чигиринѣ дезертиръ и объявилъ, что онъ былъ козакъ, взятъ въ плѣнъ турками, поступилъ къ нимъ въ службу, а потомъ убилъ своего товарища и бѣжалъ. Онъ сообщилъ, что турки уже недалеко, надѣются взять Чигиринъ дня въ три, либо четыре, а потомъ пойдутъ на Кіевъ [2]). Извѣстили объ этомъ гетмана, бывшаго въ то время съ войскомъ въ Ромнахъ [3]). 3-го августа въ виду Чигирина стали появляться непріятели, а утромъ 4-го числа все огромное турецкое войско раскинулось по восточной и южной сторонѣ отъ Чигирина [4]). На 216 саженяхъ разстоянія отъ рва, окружавшаго верхній городъ, былъ старый валъ. Непріятели сразу заняли его, стали насыпать шанцы, дѣлать траншеи и апроши, уставлять орудія. Людей у нихъ было много, и потому работа шла очень спѣшно. Въ тотъ же день къ вечеру, они открыли пальбу.

Всѣ усилія непріятеля обращались сначала на верхній городъ [5]). Нижняго, примыкавшаго къ мѣсту или

---

[1]) Арх. Юст., кн. 46. л. 511.

[2]) Gord., II, 455.

[3]) Арх. Ин. Д., связка 49, № 33.

[4]) По извѣстію одного плѣннаго, у Ибрагимъ-паши подъ командою было 14 пашей, при нихъ 40,000 кавалеріи, 20,000 янычаръ и прочей пѣхоты, да 12,000 молдаванъ и волоховъ; по другому — пашей было только 8; по третьему, которое современникъ Гордонъ считаетъ вѣрнѣйшимъ, съ Ибрагимъ-пашею было 15,000 янычаръ, 30,000 прочихъ турокъ и волоховъ и 20,000 татаръ при 28 пушкахъ (Gord., II, 448).

[5]) По извѣстію Гордона (Gord., II, 447), зàмокъ или верхній городъ занималъ 88 саженъ, шириною къ полю — 65, къ сторонѣ нижняго города только 17, окружностію съ бастіонами, выступами и валомъ до рѣки — 375 саженъ; нижній городъ съ *мѣстомъ*, съ каменною стѣною и палисадами—982 сажени окружностію. Отъ зàмка до старыхъ окоповъ, занятыхъ турками, было 219 саженъ.

посаду, они почти не трогали. Хмельницкій послалъ къ сидѣвшимъ тамъ козакамъ универсалъ, убѣждалъ признать себя княземъ, обѣщалъ отъ падишаха всякія милости и, сверхъ того, сулилъ каждому козаку жалованье за два года и по два новыхъ жупана.

Нѣсколько дней послѣ того турки не дѣлали никакого нападенія на нижній городъ и не палили въ него, ожидая, какое дѣйствіе произведетъ универсалъ Хмельницкаго. Находившіеся въ верхнемъ городѣ московскіе воеводы стали подозрѣвать, не сговариваются ли козаки съ Хмельницкимъ и не думаютъ ли отступать отъ царя, и когда турки свои змѣеобразныя траншеи подвели къ верхнему городу на сто шаговъ, Трауэрнихтъ, испытывая вѣрность козаковъ, приказалъ имъ идти на вылазку; козаки не перечили и вышли въ ночь съ 5-го на 6-е августа въ числѣ тысячи человѣкъ; къ нимъ присоединили 800 царскимъ ратныхъ людей, хотя не безъ труда, потому что Трауэрнихтъ былъ человѣкъ смирный и добрый и притомъ нѣмецъ: его подчиненные не боялись, не долюбливали и мало слушали. На этотъ разъ русскіе побили много турокъ въ непріятельскихъ траншеяхъ. Съ той поры турки, уразумѣвши, что убѣжденія Хмельницкаго не дѣйствуютъ, стали палить и въ нижній городъ, какъ и въ верхній, а великороссіяне перестали бояться измѣны отъ козаковъ, пускали ихъ въ верхній городъ и повѣрили имъ охраненіе вала отъ рѣки [1]). 10-го августа прибыли къ туркамъ крымскіе татары въ числѣ двухъ тысячъ со своимъ ханомъ и расположились въ той сторонѣ отъ Чигирина, которая лежала по направленію къ Черкасамъ.

Въ этотъ же самый день, 10-го августа, гетманъ на

---

[1]) Gordon., II, 439.

Артополотѣ соединился съ Ромодановскимъ, и оба войска разомъ двинулись по направленію къ Днѣпру; на пути предводители получали безпрестанно новыя извѣстія о состояніи осажденныхъ, которые умоляли спѣшить имъ на помощь скорѣе, иначе турки разобьютъ и сожгутъ городъ. 17-го августа гетманъ отрядилъ туда еще пѣхотный серденятскій полкъ, а бояринъ 1,000 драгуновъ [1]).

Не довольствуясь безпрестанною пушечною пальбою по верхнему и нижнему городу, турки подъ Чигириномъ стали вести разомъ три подкопа. Первый взрывъ былъ неудаченъ: русскіе заранѣе узнали о замыслѣ своихъ непріятелей отъ одного перебѣжчика и, не умѣя копать контръ-мины, сдѣлали, однако, въ своемъ валу пещеры для прохода въ воздухъ пороха во время взрыва. Благодаря этимъ пещерамъ, взрывъ не удался. 23-го августа взорвало еще одинъ турецкій подкопъ, но осажденные снова узнали о немъ заранѣе черезъ молдаванина, и козаки отбили турокъ, бросившихся въ прорывъ. На другой день послѣ взрыва, 24-го августа, осажденные со стѣнъ замѣтили, что значительная часть непріятельскаго полчища куда-то отдаляется. Это значило, что съ лѣвой стороны Днѣпра уже подходили войска русскія: осажденные только-что узнали объ этомъ отъ прибывшихъ къ нимъ отрядовъ, которые, пройдя благополучно сквозь орду въ виду турецкаго войска, вошли въ городъ съ музыкою и съ распущенными знаменами [2]).

Препятствовать переходу русскихъ войскъ черезъ рѣку Днѣпръ сначала отправился ханъ съ ордою, а за

---

[1]) Арх. Ин. Д., связка 49, № 32.

[2]) Тогда говорили, что татары умышленно ихъ пропустили изъ зависти и изъ недоброжелательства къ туркамъ (Арх. Юст., кн. 125, л. 101).

нимъ вслѣдъ Ибрагимъ-паша съ большею половиною своихъ силъ. Оставленнымъ подъ Чигириномъ приказано было не подавать осажденнымъ и вида, что нападеніе на нихъ уменьшается, и въ самомъ дѣлѣ турки въ эти дни, какъ замѣтили осажденные, стали сильнѣе палить по городу изъ своихъ ломовыхъ пушекъ [1]).

Цѣлый день 25-го августа турки и татары, расположась по правому берегу Днѣпра, не допускали русскихъ переходить черезъ рѣку и палили изъ пушекъ и ручнаго оружія. Но козаки, по приказанію своего гетмана, поплыли въ лодкахъ по Днѣпру, перешли на правый берегъ и зашли туркамъ въ тылъ, такъ что туркамъ пришлось отстрѣливаться съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Наступила между тѣмъ ночь, и русское войско, пользуясь темнотою, благополучно переправилось. Утромъ въ воскресенье, 26-го августа, турки не безъ изумленія увидали, что всѣ ихъ непріятели уже на правомъ берегу. «Жалостно стало имъ зѣло, — говоритъ современное донесеніе, — что не оборонили переправу, а тамъ еще и чигиринская крѣпость стояла имъ костью въ горлѣ» [2]).

Турки отступили къ Крылову, а потомъ, пробираясь по-за Тясьминомъ, достигли Чигирина къ ночи и уже не думали болѣе добывать города. Они продолжали еще канонаду по городу только для того, чтобъ осажденные не узнали, что́ будетъ происходить въ турецкомъ станѣ. Между тѣмъ, въ это время турки вывозили свой обозъ и артиллерію, а на слѣдующій день въ 3 часа утра зажгли свой станъ и быстро ушли. Когда развид-

---

[1]) Арх. Ин. Д., связка 49, № 32. — Арх. Юст., кн. 125, л. 127.— Gord., II, 445.

[2]) Арх. Юст., кн. 125, л. 128 и дал.

нѣлось, осажденные бросились за городскія стѣны, но въ турецкихъ траншеяхъ нашли одного только турка, забытаго своими, и тотъ оказался такъ глупъ, что не могъ дать русскимъ никакихъ свѣдѣній о своихъ соотечественникахъ [1]).

Прибывши къ Чигирину 29-го августа, гетманъ и Ромодановскій увидали удивившее ихъ зрѣлище: земля около Чигирина была изрыта глубокими змѣеобразно идущими рвами, окаймленными земляными насыпями, на которыхъ для повышенія клались еще бревна; за такими-то насыпями укрывался «поганый народъ»... Было покинуто десять раскатовъ, на которыхъ уставлялись ломовыя орудія, палившія въ городъ. Деревянныя стѣны города во всѣхъ направленіяхъ были сильно повреждены, хоромы въ «мѣстѣ» были разбиты. Болѣе всего обращали вниманіе русскіе на турецкіе подкопы, съ удивленіемъ замѣчая, что для турковъ и камень «не былъ препоною».

Предводители не погнались тотчасъ за ушедшими непріятелями: отправленъ былъ только для провѣдыванія о нихъ трехтысячный отрядъ и привелъ плѣннаго, по одному извѣстію, болгарина [2]), по другому — серба [3]). Этотъ плѣнникъ сообщилъ: турки такъ скоро бѣжали, что на переправахъ кидали лошадей и наметы; татары отъ Буга поворотили домой, а турки направились въ свои владѣнія къ Днѣстру [4]). Гетманъ по такимъ вѣстямъ отправилъ большой отрядъ козаковъ, которые, нагнавши за Ингуломъ партію татаръ, разсѣяли ихъ, а сами воз-

---

[1]) Gord., II, 446.
[2]) Gord., II, 449.
[3]) Арх. Ин. Д., связка 48, № 24.
[4]) Gord., II, 449. — Арх. Ин. Д., связка 48, № 21.

вратились съ добычею [1]). Князь Ромодановскій приказалъ засыпать землею турецкія траншеи и сравнять бугры, насыпанные непріятелемъ для своихъ орудій [2]).

Сдѣлавши надлежащее распоряженіе къ охраненію Чигирина до дальнѣйшихъ мѣръ правительства, Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ отправили свои донесенія въ Москву [3]), а сами съ войсками своими 9-го сентября пошли обратно на лѣвую сторону Днѣпра, гдѣ встрѣтили другое войско, шедшее на подмогу подъ главнымъ начальствомъ боярина князя Василія Васильевича Голицына. Но враговъ уже подъ Чигириномъ не было. Предводители воротились каждый къ своимъ мѣстамъ— Ромодановскій въ Курскъ, гетманъ въ Батуринъ, князь Голицынъ въ Путивль.

XI.

Вторая чигиринская война. — Мысль разорить Чигиринъ. — Самойловичъ своими представленіями удерживаетъ правительство. — Самойловичъ и Сѣрко. — Посольство Порозукова въ Турцію. — Вѣсти о новомъ нашествіи. — Приготовленія къ защитѣ Чигирина. — Религіозное значеніе войны. — Воевода Ржевскій и генералъ Гордонъ въ Чигиринѣ. — Прибытіе турецкаго полчища. — Переправа русскихъ войскъ черезъ Днѣпръ.— Первое сраженіе. — Побѣда русскихъ. — Смерть Ржевскаго. — Бездѣйствіе Ромодановскаго. — Сожженіе Чигирина. — Отступленіе войскъ. — Послѣдняя битва у Днѣпра.

Въ первыхъ числахъ октября 1677 года прибылъ къ гетману царскій посолъ за важнымъ дѣломъ: узнать мнѣніе гетмана и малороссійскихъ старшинъ — что дѣлать съ Чигириномъ? По взгляду, образовавшемуся тогда у

---

[1]) Арх. Ин. Д., связка 48, № 23.
[2]) Gord., II, 449.
[3]) Арх. Ин. Д., связка 48, № 24.

московскихъ государственныхъ людей, слѣдовало, въ чаяніи скораго повторительнаго нашествія непріятеля, разорить этотъ укрѣпленный пунктъ, потому что, послѣ недавняго разрушенія, поправки и отстройки потребуютъ слишкомъ большихъ издержекъ; главное же, въ Москвѣ не были увѣрены, останется ли навсегда въ подданствѣ царю заднѣпровская Украина. Поляки безпрестанно заявляли притязанія на этотъ край, какъ на древнее владѣніе своей Рѣчи Посполитой. Московское правительство не разъ отвѣчало на такія притязанія польскимъ посламъ, да не разъ твердило и малороссіянамъ, что не отдастъ Польшѣ этого края, доставшагося московской власти не отъ поляковъ, а отъ Дорошенка, данника Турціи. Но поляки не давали съ своей стороны одобренія московскимъ заявленіямъ; и въ Москвѣ понимали, что могутъ повернуться обстоятельства, когда поляки заговорятъ объ этомъ рѣшительнѣе, и Москвѣ придется быть уступчивѣе по отношенію къ Польшѣ. Такое-то опасеніе возбуждало мысль не стоять крѣпко за Чигиринъ, чтобъ напрасно не потратиться на сохраненіе за собою того, что можетъ нѣкогда стать чужимъ достояніемъ. Такихъ соображеній, однако, не высказывали московскія власти малороссіянамъ, хотя послѣдніе сами о нихъ догадывались и безпрестанно высказывали боязнь, чтобъ ихъ не возвратили снова подъ польскую власть. Пріѣхавшій теперь къ гетману царскимъ посломъ стольникъ Василій Тяпкинъ, одинъ изъ замѣчательно умныхъ московскихъ людей того времени, сталъ говорить Самойловичу о трудностяхъ обороны Чигирина отъ турокъ и спрашивалъ, не разорить ли этотъ городъ.

Гетманъ на рѣчи Тяпкина сказалъ:

«Если Чигиринъ будетъ содержаться крѣпко подъ царскою рукою, то и обѣ стороны Днѣпра будутъ пре-

бывать въ вѣрности великому государю; если же Чигиринъ разорить, то ужь лучше прежде сказать украинскому народу, что онъ царю не надобенъ, а потому-то Чигиринъ разоряется, либо непріятелю отдается! У насъ въ народѣ говорятъ: за кѣмъ Чигиринъ, за тѣмъ и Кіевъ, а за тѣмъ и всѣ мы въ подданствѣ. Засядетъ въ Чигиринѣ Юраска—всѣ тѣ, что съ правой стороны къ намъ сюда перешли, пойдутъ къ нему опять на правую сторону, и намъ трудно будетъ ихъ удержать! Если же Боже сохрани, овладѣютъ Чигириномъ турки и посадятъ тамъ своихъ людей, тогда царь турецкій велитъ брать запасы съ сей стороны Днѣпра! и всѣ наши малороссійскіе города станутъ поневолѣ отдавать ему послушаніе: тогда и въ великороссійскіе города проста будетъ туркамъ дорога! Вотъ и теперь уже козаки только того и ждутъ, чья сторона верхъ возьметъ въ Чигиринѣ. Хорошо, что вотъ намъ теперь удалось; отъ этого тотчасъ два полковника изъ-подъ Гоголева гетманства къ намъ отозвались; есть надежда, что и Гоголь съ остальными въ подданство царю перейдетъ; а какъ Юраска шелъ еще къ Чигирину, то Гоголь уже подумывалъ: не придется ли ему пристать къ Юраскѣ, если Юраска одолѣетъ насъ?»

Тяпкинъ изъ Батурина съѣздилъ въ Чигиринъ, взялъ составленную тамъ опись укрѣпленіямъ и, воротившись къ гетману, опять велъ съ нимъ бесѣду о Чигиринѣ, но уже въ присутствіи старшинъ. Всѣ въ одинъ голосъ твердили, что Чигиринъ слѣдуетъ поправить и охранять, иначе Украинѣ придетъ бѣда отъ турокъ. Самойловичъ, поглядывая на образъ Богородицы, со слезами произнесъ: «о! не дай Богъ попасть намъ въ бусурманскія руки» [1])

---

[1]) Арх. Ин. Д., связка 48, № 25.

Послѣ отъѣзда Тяпкина гетманъ посылалъ въ Москву войсковаго канцеляриста, Василія Кочубея, толковать о томъ же и отстаивать Чигиринъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ ему представлять московскому правительству, что малороссіянамъ никакъ нельзя вести противъ бусурманъ войны за-одно съ поляками, которыхъ льстивому благорасположенію отнюдь не слѣдуетъ довѣрять. Въ этихъ вопросахъ Самойловичъ одержалъ верхъ на время: Чигиринъ не приказывали ни разорять, ни покидать, напротивъ, придумывали мѣры и способы къ защитѣ противъ ожидаемаго новаго непріятельскаго вторженія.

Самойловичъ, въ бесѣдахъ съ Тяпкинымъ и другими, посѣщавшими его, царскими послами и гонцами, чернилъ своего недруга Сѣркà, увѣрялъ, что онъ тайно сносится съ врагами и только притворно выставляетъ себя вѣрнымъ царю. Московское правительство, сохраняя прежній тактъ, ласкало гетмана, награждало посылкою объярей и соболей, но отправило къ самому Сѣркý царскую милостивую грамату съ подарками, какъ ни противно было это гетману. Сѣркò принялъ царскаго посланца Перхурова съ почестями, приносилъ благодарность царю, но просилъ для себя знамени и бунчука, знаковъ верховнаго начальства надъ сѣчевыми козаками [1]). Ясно видно было его намѣреніе находиться въ независимомъ положеніи отъ нелюбимаго гетмана, а можетъ быть, возобновлялась надежда современемъ замѣнить Самойловича въ гетманскомъ достоинствѣ, которое ускользнуло отъ Сѣркà во время конотопской рады. Московское правительство, оставаясь благосклоннымъ и къ Самойловичу, и къ Сѣркỳ, не сдѣлало угожденія ни тому, ни другому въ ихъ взаимной недружбѣ.

---

[1]) Арх. Юст., кн. 125, л. 654.

Каждый часъ въ Москвѣ ожидали услышать о новой попыткѣ турокъ вторгнуться въ Украину, но рѣшились попробовать мирнымъ соглашеніемъ съ турецкимъ правительствомъ отстранить отъ себя грозу: въ Турцію отправленъ былъ гонецъ Поросуковъ извѣстить о вступленіи на престолъ царя Өедора Алексѣевича, предложить возобновленіе дружественныхъ отношеній между государствами и представить, что нѣтъ достаточныхъ поводовъ къ ихъ нарушенію. Гетману поручили съ своей стороны провѣдывать о замыслахъ турокъ [1]). Исполняя царскій указъ, Самойловичъ, подъ видомъ купцовъ, посылалъ лазутчиковъ въ турецкія владѣнія, велъ сношенія съ немировскимъ старостою Куницкимъ и тайную корреспонденцію съ молдавскимъ господаремъ, сообщавшимъ ему, что́ дѣлается у турокъ. Такъ, въ продолженіе зимы получилъ онъ разными путями свѣдѣнія, что турецкій султанъ разгнѣвался за неудачу подъ Чигириномъ и вмѣсто него назначилъ воинственнаго Капланъ-пашу, а на будущее лѣто собирается самъ идти подъ Чигиринъ съ несмѣтнымъ войскомъ — 17 пашей пойдутъ съ нимъ и «бѣлые арабы». Съ раннею весною стали посылать ватаги или поѣзды въ степь для добытія языковъ. Ватажники, отправляясь за Днѣпръ, бродили по опустѣлой странѣ, терпя всякія лишенія, питаясь по цѣлымъ недѣлямъ валявшимися жолудями, и считали особымъ благополучіемъ, когда удавалось застрѣлить какого-нибудь звѣря себѣ въ пищу; однако, успѣли наловить татарскихъ языковъ изъ загоновъ, отправлявшихся изъ Крыма съ такою же цѣлію, съ какою выѣзжали въ степь малороссійскіе ватажники. Отъ нихъ узнали, что ханъ Селимъ смѣненъ, вмѣсто него назначенъ Мурадъ-Гирей,

---

[1]) Арх. Ин. Д., связка 50, № 31.

когда-то прославившій себя пораженіемъ московскаго войска подъ Чудновомъ, и этотъ новый ханъ, по приказанію турецкаго султана, собирается лѣтомъ съ ордою на Чигиринъ [1]).

Сообщая обо всемъ этомъ въ приказъ, гетманъ просилъ выслать скорѣе въ Малороссію царскія ратныя силы, а для увеличенія средствъ содержанія охочаго козацкаго войска въ Малороссіи, представилъ постановленіе старшинъ о заведеніи орандъ (отдачи на откупъ) «на винную, дегтяную и тютюнную (табачную) продажу» срокомъ на годъ [2]).

Правительство утвердило постановленіе старшинъ объ орандахъ, назначило въ Чигиринъ новымъ воеводою окольничаго Ивана Ивановича Ржевскаго, давно уже знакомаго малороссіянамъ, а инженеромъ при немъ — шотландца Петра Гордона, оставившаго любопытныя записки о своемъ долговременномъ пребываніи въ Россіи, — и подъ ихъ начальствомъ — пять стрѣлецкихъ приказовъ съ головами и сѣвскій драгунскій полкъ; гетманъ долженъ былъ доставлять въ Чигиринъ черезъ малороссійскихъ жителей хлѣбные запасы царскимъ ратнымъ на продовольствіе.

Царскій гонецъ Поросуковъ, проведенный въ Турцію козаками, нашелъ тамъ не совсѣмъ благосклонный пріемъ. Его не допустили къ самому падишаху и наотрѣзъ объявили, что если московскій царь не отступится отъ Чигирина и Украины, то война неизбѣжна. Гонецъ былъ свидѣтелемъ поспѣшнаго сбора военныхъ силъ Турціи и не безъ труда сообщилъ объ этомъ въ Москву. По полученіи этихъ извѣстій 12-го апрѣля, царь, по совѣту съ

---

[1]) Арх. Юст., кн. 125, л. 720, 742, 803.
[2]) Арх. Ин. Д., связка 50, № 35; св. 51, № 5.

духовенствомъ и боярами, указалъ князю Ромодановскому идти съ войскомъ въ Малороссію, но прежде военныхъ дѣйствій противъ турецкаго войска вступить съ визиремъ въ переговоры, попытаться убѣдить его, что Малороссія изстари — достояніе Россіи и Дорошенко неправильно отдавалъ ее Турціи, а потому къ войнѣ нѣтъ причинъ; въ случаѣ же неудачи переговоровъ, Ромодановскому велѣно было попытаться защищать Чигиринъ, но если онъ увидитъ, что нельзя его защитить, то долженъ разорить его до основанія, а съ турками постановить такой договоръ, чтобъ на тѣхъ мѣстахъ городовъ никакихъ не строить, и всѣхъ оставшихся тамъ жителей перевести на лѣвую сторону Днѣпра. Но Ромодановскому предписывалось дѣлать это такъ, чтобъ не произошло оттого ропота и смятенія въ малороссійскомъ народѣ [1]).

Ожиданіе турецкаго вторженія возбуждало не панику, а тревогу, смѣшанную съ какимъ-то таинственнымъ чувствомъ страха и рѣшимости. Самойловичъ далъ приказаніе готовиться въ отраженію врага не только козакамъ, но и поспольству; всѣ мѣщане и поселяне должны были поставить каждый изъ семьи своей по воину, — богатые изъ трехъ членовъ семьи одного, а убогіе — съ пяти одного. Къ этому обязывались и ремесленники, и художники, и скрипари, и дудари, по выраженію лѣтописи. Архіепископъ Лазарь Барановичъ, своею архіерейскою граматою, наложилъ по всей Малороссіи трехдневный постъ каждую седмицу, по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ: всѣ должны были въ эти дни воздерживаться отъ всякой пищи и питья и пребывать въ благоговѣйной молитвѣ. Гетманъ своимъ универсаломъ предписывалъ всѣмъ начальствующимъ надзирать за соблюденіемъ архіепископ-

---

[1]) Соб. гос. гр. IV, 357, 366.

скаго распоряженія [1]). И въ другихъ русскихъ краяхъ всего Московскаго государства разосланы были отъ архіереевъ печатныя молитвословія о побѣдѣ надъ супостатами: ихъ опредѣлили читать по всѣмъ монастырямъ и приходскимъ церквамъ въ реченный день въ недѣлю, и въ этотъ день всѣ должны были поститься съ утра до вечера, и въ ночь, и на слѣдующее утро до конца литургіи; во все это время монастыри должны быть заперты, чтобъ никто не выходилъ ни изъ монаховъ, ни изъ служекъ. Такъ слѣдовало поступать до окончанія войны [2]).

Самойловичъ выступилъ въ походъ въ первыхъ числахъ іюня и сошелся съ Ромодановскимъ на Артополотѣ. Тамъ предводители устраивали другъ другу пиры. На пиръ, данный бояриномъ, приглашены были козацкіе чины, которымъ отдавалось большое предпочтеніе предъ великорусскими, и послѣдніе за то озлобились [3]). Отсюда двинулись они къ Лубнамъ, куда прибыли 12-го іюня [4]). Впередъ отправленъ былъ отрядъ въ 12,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Косагова — пріискать удобное мѣсто для переправы огромному соединенному войску. За нимъ гетманъ и бояринъ къ концу іюня приблизились къ

---

[1]) Ригельмана, Лѣт. Пов. о Мал. Рос. 160.—Акты Зап. Рос., V, 141—144. Святогорскаго Аѳонскаго монастыря игуменъ Исакій, извѣщая гетмана, что турки собираются на Кіевъ, писалъ: «у васъ духовные ведутъ себя безчинно, молебни поютъ пьяные, ни страха Божія, ни поста у нихъ нѣтъ, какъ скоты безсмысленные живутъ; прикажи въ монастыряхъ и въ приходахъ наложить постъ три дни въ седмицу: въ понедѣльникъ, среду и пятокъ, въ понедѣльникъ пусть всенощное служатъ арх. Михаилу, въ среду Покрову, въ пятницу молебенъ, а въ субботу акаѳистъ и въ войскѣ чтобъ у васъ женщинъ не было, тогда увидишь милость Божію». (Арх. Ин. Д., связка 51, № 10).

[2]) Акты Историч. IV, 310, 312, 315—317.

[3]) Gord., II, 468. Акты Зап. Россіи, V, 147.

[4]) Gord., II, 545.

Днѣпру, а 1-го іюля пришло къ нимъ извѣстіе, что турецкія силы приближаются къ Бугу [1]). Тогда предводители сообразили, что переходъ въ томъ мѣстѣ, куда они отправили Косагова, неудобенъ, потому что имъ придется идти къ Чигирину три мили черезъ лѣса и болота, и если непріятели тамъ нападутъ на нихъ, то имъ некуда будетъ повернуться со своимъ тѣсно замкнутымъ вагенбургомъ. Они рѣшили повернуть вверхъ по теченію рѣки Сулы, перешли черезъ нее 3-го іюля, а потомъ дошли до Бужинскаго перевоза на Днѣпрѣ. Въ этихъ мѣстахъ было приготовлено много байдаковъ; началась переправа, на которую оказалось потребно не менѣе четырехъ сутокъ по причинѣ большаго количества войска [2]). Тутъ пришелъ Ромодановскому указъ подождать прибытія князя Каспулата Муцаловича Черкасскаго съ калмыками и татарами. Такимъ образомъ, къ большой досадѣ сидѣвшихъ тогда въ осадѣ въ Чигиринѣ, войско, шедшее къ нимъ на выручку, оставалось продолжительное время на берегу Днѣпра до 28-го іюля, пока не явился долго ожидаемый князь Каспулатъ Муцаловичъ.

Теперь посмотримъ, что̀ дѣлалось въ то время въ Чигиринѣ.

Назначенные туда начальниками воевода Иванъ Ивановичъ Ржевскій и генералъ-инженеръ Патрикъ Гордонъ прибыли въ концѣ апрѣля и съ тѣхъ поръ, до появленія подъ городомъ непріятелей, Гордонъ дѣятельно занимался устроеніемъ всякаго рода укрѣпленій, бастіоновъ, равелиновъ, валовъ, стѣнъ, шанцевъ, фашинъ и проч., употребляя на работы ратныхъ людей. Онъ учредилъ эстафетное сношеніе съ Москвою. 12-го мая прибыли въ

---

[1]) Арх. Юст., кн. 125, л. 1524.
[2]) Gord., II. 546.

Чигиринъ назначенные въ «залогу» отъ гетмана гадяцкіе козаки съ своимъ полковникомъ Ѳедоромъ Криницкимъ: ихъ должно было быть 6,000, но пока пришло на лицо только 4,500. 17-го іюня присланы гетманомъ еще козаки полковъ нѣжинскаго и лубенскаго собственно для веденія земляныхъ работъ. Нижній зȁмокъ или городъ былъ предоставленъ исключительно козакамъ гетманскаго регимента, а главное начальство надъ всѣми ими было поручено въ званіи наказнаго гетмана Павлу Животовскому. Двѣ сотни слободскихъ полковъ, сумскаго и ахтырскаго, находились съ великороссіянами въ верхнемъ городѣ [1]). Всего войска въ верхнемъ городѣ было 5,520 человѣкъ, въ нижнемъ 6,163.

8-го іюля появился передъ Чигириномъ передовой турецкій отрядъ, и на первой схваткѣ съ нимъ козаковъ былъ убитъ серденецкій полковникъ Рубанъ. За передовымъ турецкимъ отрядомъ появились молдаване и валахи съ своими господарями, а за ними стали показываться непріятельскіе ряды все гуще и гуще. На слѣдующій день, 9-го іюля, вся окрестность подъ Чигириномъ покры-

---

[1]) По извѣстію Гордона (т. II, 478), пороху было до двухъ тысячъ пудовъ въ запасѣ, кромѣ розданнаго по полкамъ,—всякаго рода пушечныхъ ядеръ 3,600 штукъ, но бомбъ только 500, да и годныхъ къ дѣлу мортиръ оказалось только 4. Въ зȁмкѣ или верхнемъ городѣ было 4 сорока-фунтовыхъ орудія и, сверхъ того, еще два добытыя когда-то отъ поляковъ Богданомъ Хмельницкимъ въ Барѣ. Кромѣ нихъ было 6 восьми и десяти-фунтовыхъ пушекъ и 8 меньшихъ, 14 полевыхъ, 14 картечныхъ, 8 кулевринъ двухъ и трехъ фунтовыхъ и 11 желѣзныхъ разнаго калибра. Ручныхъ гранатъ было 1,200 штукъ. Въ нижнемъ городѣ у козаковъ было всего 15 желѣзныхъ пушекъ, немного пороху и боевыхъ запасовъ, хотя Гордонъ заранѣе предупреждалъ объ этомъ гетмана. Ржевскій берегъ боевые запасы и даже Гордону не дозволялъ дѣлать опыты пальбы изъ пушекъ до пришествія непріятеля.

лась непріятельскими полчищами [1]). На холмахъ завиднѣлись нарядные шатры турецкихъ военачальниковъ; за ихъ передними рядами красовался шатеръ верховнаго визиря съ пятью высокими верхами, а отъ него въ почтительномъ разстояніи шатры другихъ знатныхъ пашей. Въ длину весь турецкій станъ простирался верстъ на десять. Турецкая пѣхота вооружена была мечами и щитами; конница, составлявшая показистую часть турецкаго войска, отличалась породистыми лошадьми, щегольскимъ оружіемъ и личною ловкостію всадниковъ.

На первыхъ порахъ визирь отправилъ письма къ козакамъ въ нижній городъ [2]) и къ осажденнымъ въ верх-

---

[1]) Человѣка два-три сербовъ убѣжали къ своимъ русскимъ единовѣрцамъ и сообщили о числѣ и расположеніи турецкаго войска. По ихъ показаніямъ, съ верховнымъ визиремъ пришло тогда 15,000 янычаръ и такое же число воиновъ, называемыхъ «семѐни», 15,000 копачей, 3,000 спаговъ султанской гвардіи, до десяти тысячъ другихъ гвардій, до двухъ тысячъ состоящихъ при орудіяхъ и боевыхъ запасахъ и до десяти тысячъ молдаванъ и валаховъ съ ихъ господарями. Крымскій ханъ велъ съ собой 50,000 орды. Въ войскѣ были четыре большія осадныя пушки, которыхъ везли 32 пары буйволовъ, 27 батарейныхъ орудій разнаго калибра, 130 полевыхъ орудій, 6 мортиръ для бомбъ во 120 пудъ и 9 мортиръ для бомбъ отъ 30 до 40 пудъ, 8,000 возовъ, 5,000 верблюдовъ подъ боевыми запасами, 8,000 пастуховъ и 10,000 провіантскихъ повозокъ. Копачи, пастухи и погонщики были изъ турецкихъ христіанъ (Gord., II, 485).

[2]) Письмо къ козакамъ сохранилось въ дѣлахъ Малороссійскаго приказа въ современномъ русскомъ переводѣ въ такомъ видѣ: «Чигиринскимъ сидѣльцамъ, барабашевскимъ козакамъ, украинскимъ начальнымъ и прочимъ военнымъ людямъ. Напередъ сего благосчастному, могучему, великому государю нашему мусульманскому величеству козацкій гетманъ на Украинѣ учинился въ подданствѣ и въ холопствѣ, а послѣ того, въ небытность государя нашего, пришли въ Чигиринъ московскія ратныя силы. Нынѣ Божіею милостію благосчастный великій государь нашъ мусульманское величество, меня, холопа своего, послалъ съ многими несчетными силами взять Чигиринъ подъ его высокую руку, и я нынѣ съ несчетными ратными людьми на васъ пришелъ. Буде безъ боя городъ сдадите, то вамъ никакого убытка не будетъ: которые козаки изъ васъ похотятъ

немъ городѣ великороссіянамъ. Верховный визирь писалъ послѣднимъ, чтобъ они сдали Чигиринъ, принадлежность падишаха, и за то обѣщалъ имъ свободное возвращеніе во-свояси. Великороссійскіе начальные люди оставили безъ отвѣта визирское письмо, а малороссійскіе — полученное ими письмо послали въ верхній городъ.

Съ этого времени, въ продолженіе мѣсяца шла непрерывная война: турки копали траншеи одна за другою, все ближе и ближе подходя ко рву, окаймлявшему валы и стѣны, а между тѣмъ усердно палили по городу изъ орудій, уставленныхъ на земляныхъ насыпяхъ. Русскимъ пушкарямъ, отвѣчавшимъ пальбою непріятелямъ, по замѣчанію очевидца, не доставало сноровки и опытности, но за то русскіе удачно тушили водою и мокрыми рогожами и кожами пожары, начинавшіеся отъ брошенныхъ въ зàмокъ и городъ огненныхъ снарядовъ. У осажденныхъ силы понемногу прибывали: въ верхній городъ вошелъ ахтырскій слободской полкъ 1,200 человѣкъ, а въ нижній — полкъ серденятъ [1]. Войска Ромодановскаго и Самойловича, переправившись черезъ Днѣпръ 12-го іюля подлѣ Бужина [2]) при селѣ Шабельникахъ [3]), встрѣтили отрядъ турецкаго войска, высланный визиремъ. Отъ третьяго часа дня (8-го часа утра) до вечера шелъ бой:

идти за Днѣпръ и имъ идти за Днѣпръ вольно, а которые козаки и начальные люди похотятъ быть въ городѣ и они будутъ въ прежнихъ чинахъ своихъ безо всякаго убытка жить въ покоѣ. Буде въ отдачѣ учините упрямство и дадите бой — и то въ воли Божіей какъ кому Богъ помочи дастъ. А если его величеству помощь Бога будетъ, всѣ вы будете порабощены, посѣчены и въ полонъ поиманы, и тогда покаяніе будетъ вамъ не въ пользу. Визирь Асанъ-Мустафа паша».

[1]) Gord., II, 491.

[2]) Село на Днѣпрѣ, Чигир. уѣзда.

[3]) Лѣт. Самов., 143.

русскіе отбили напоръ непріятеля. Въ слѣдующіе затѣмъ семь дней повторялись битвы съ турками, подходившими изъ-подъ Чигирина, но, какъ доносилъ Самойловичъ, «враги не получили утѣшенія»; они даже не воспрепятствовали русскимъ вести сношенія съ осажденными въ Чигиринѣ соотечественниками [1]). Ромодановскій, исполняя царскій указъ, все дожидался князя Черкасскаго съ калмыками и не шелъ впередъ, какъ ни убѣдительно изъ Чигирина звали войско поспѣшить на выручку города. 26-го числа гетманъ Самойловичъ получилъ «прелестный» листъ Хмельницкаго, оставленный безъ отвѣта и отправленный въ Малороссійскій приказъ [2]).

---

[1]) Арх. Юст., кн. 125, л. 1112.

[2]) Письмо, обращенное къ гетману Самойловичу и ко всей старшинѣ, въ современномъ русскомъ переводѣ гласитъ такъ: «Вѣдомо вамъ, каковымъ способомъ Украина за отцовъ нашихъ стала подъ обороною прежде найяснѣйшей Порты Оттоманской, нежели царскаго московскаго величества. Знати, что Божіимъ смотрѣніемъ было столько причины на вѣру нашу и народъ нашъ русскій, что, будучи подъ поляками въ великомъ утѣсненіи, искали обороны найяснѣйшаго хана Исламъ-Гирея, а потомъ благополучно царствовавшимъ наслѣднымъ монархамъ подданство предки наши крѣпко подтверждали, о чемъ довольно буди, потому что еще не вышло изъ памяти милостей вашихъ; потомъ крѣпко то подтвердилъ панъ Дорошенко самому найяснѣйшему султанову величеству, яко самимъ милостямъ вашимъ лучше то вѣдомо. Потребно было мнѣ для общей нужды и послѣднимъ здоровьемъ упадшую нашу Украину заложить. Язъ и нынѣ тѣмъ закончаемъ и радѣемъ по изволенію найяснѣйшаго визиря, яко и найяснѣйшаго ханскаго величества, которые особами своими пресвѣтлыми здѣсь пребываютъ, о цѣлости васъ всѣхъ яко дѣдичъ, а не наемникъ есмь съ той земли. Извольте милости ваши умилитися сами надъ собою и надъ остаточною пагубою нашею, а не поддаватися въ большее разореніе, и отступиться отъ россійскаго, а къ намъ привратитесь, сохраняя цѣлость свою аки голуби: увидите милости ваши купно и Войско Запорожское милость вельможныхъ монарховъ и нашу притомъ; но во́-время изволите радѣть милости ваши о себѣ, а не потомъ, когда уже наступятъ бо́льшія силы. Не расширяя письма своего совѣту и высокому разсужденію милостей вашихъ то предая, желаю вскорѣ намъ ви-

Черезъ день, 28-го іюля, прибылъ, наконецъ, долго ожидаемый князь Каспулатъ Муцаловичъ, но привелъ калмыковъ вовсе не въ такомъ числѣ, какъ ожидали: ихъ было всего какихъ-нибудь четыре тысячи. Ромодановскій и Самойловичъ на другой же день выслали ихъ и, кромѣ того, первый — рейтаровъ и копейщиковъ, а гетманъ — охочихъ козаковъ, всего тысячъ до двадцати. Вслѣдъ за ними и все войско двинулось съ Бужинскаго поля къ Чигирину [1]).

Чигиринцы съ каждымъ днемъ приходили въ стѣсненное положеніе, и 27-го іюля трудно уже было доставлять Ромодановскому безпрестанныя просьбы о скорѣйшемъ поспѣшеніи на выручку. Непріятельская канонада усиливалась; зной былъ такъ великъ, что козаки не въ силахъ были работать для утушенія пожаровъ; къ непріятелю прибыли новыя силы и съѣстные запасы съ Капланъ-пашою; турки стали вести подкопы. 29-го іюля былъ первый взрывъ, 30-го второй и третій съ такимъ оглушающимъ трескомъ, что въ нижнемъ городѣ подумали, что въ верхнемъ не осталось уже никого въ живыхъ; въ срединѣ одного больверка открылся прорывъ отъ 12 до 15 саженъ; турки бросились въ прорывъ, — однако Гордонъ заранѣе распорядился устроить въ валу дыры и пещеры для сообщенія вспыхивающаго пороха съ воздухомъ. Русскіе удачно отбили враговъ, пытавшихся вторгнуться черезъ прорывъ, и кое-какъ засыпали

дѣтися съ собою въ любви и поцѣловаться, и безъ кровопролитія подъ однимъ монархомъ найяснѣйшимъ и непобѣдимѣйшимъ султанскимъ величествомъ турскимъ оставаться. Про то сказавши, отвѣту отъ милостей вашихъ желаемъ и насъ самихъ и славу христіанскую милостямъ вашимъ вручаемъ. Данъ въ Бердычовкѣ вашимъ милостямъ всѣмъ благожелательный Георгій Гедеонъ Венжикъ Хмельницкій, князь Украины».

[1]) Арх. Юст., кн. 125, л. 1074.

его, потерявши 68 убитыми и 97 ранеными. 1-го августа, въ виду осажденныхъ, часть войскъ съ Капланомъ-пашою двинулась противъ Ромодановскаго и Самойловича; оставшіеся продолжали метать въ городъ и за̀мокъ ядра и бомбы еще сильнѣе, чѣмъ въ прежніе дни [1]).

Между Днѣпромъ и Чигириномъ были горы, въ которыя упиралась равнина, простиравшаяся отъ Днѣпровскаго побережья. На этихъ горахъ расположились турецкія войска подъ начальствомъ Капланъ-паши, чтобы не давать впередъ хода русскимъ войскамъ. Съ турками были крымскія орды, молдавскія и валахскія силы. Турки взвели батареи, уставили пушки и стали защищать всходъ на гору. Попытки русскихъ овладѣть высотами 1-го и 2-го августа были неудачны. 3-го августа, въ субботу, Ромодановскій выслалъ значительный отрядъ [2]); козаки влѣво пошли отдѣльнымъ ополченіемъ [3]), а по-

---

[1]) Съ перваго дня осады бросали ежедневно по нѣскольку сотъ ядеръ и бомбъ, а 2-го августа число первыхъ дошло до 1008, послѣднихъ же до 387. Вслѣдъ затѣмъ ночью татары, стоявшіе на другой сторонѣ рѣки Тясьмина, тайно извѣстили козаковъ, что бояринъ и гетманъ отъ нихъ уже не далеко и съ часу на часъ надобно имъ ждать желанной выручки (Gord., II, 495—508).

[2]) Генералъ-лейтенанта Аггея Алексѣевича Шепелева и генералъ-маіора Кровкова съ выборною инфантеріею отъ 5 до 6 тысячъ, составлявшею правое крыло; въ резервѣ у него было 10,000 конницы и пѣхоты подъ командою генерала Змѣева. Центръ образовали 9 стрѣлецкихъ полковъ, при нихъ дѣти боярскіе; въ резервѣ у него 15,000. Лѣвое крыло и резервъ къ нему образовали бѣлогородскій и сѣвскій полки (Gord., II, 549).

[3]) Гетманъ — подъ начальствомъ наказнаго Василія Борковскаго отправилъ полки: Черниговскій (полковника Василія Борковскаго), Лубенскій (полковника Максима Ильяшенко), Миргородскій (полковника Павла Апостоленка), Прилуцкій (полковника Ѳедора Мовчана), Нѣжинскій (полковника наказнаго Василія Игуменскаго) пѣхотные полки Герасима да Иванія, конные Ильяша Новицкаго да Якова Павловскаго со всѣмъ ихъ товариствомъ, съ которыми полковники были изъ Переяславскаго, Стародубскаго, Полтавскаго

томъ за ними послѣдовали бояринъ и гетманъ съ остальными войсками и обозами [1]), оставивъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра охотные полки съ приказаніемъ ловить и вѣшать бѣглецовъ изъ войска, если окажутся на лѣвомъ берегу.

Турки и татары, допустивши высланныхъ русскихъ до горы, выступили противъ нихъ изъ зарослей и стали пускать на нихъ гранаты. Выборная пѣхота Шепелева и Кровкова взошла на высоты, но конные турки и татары сбили и прогнали ее. Русскихъ было убито до тысячи и столько же раненыхъ: въ числѣ послѣднихъ былъ и генералъ Шепелевъ. 500 русскихъ было отрѣзано и окружено непріятелями; защищаясь упорно, они всѣ погибли бы, если бы на выручку уцѣлѣвшимъ изъ нихъ не отвлекли турокъ стрѣлецкіе полки, сражавшіеся на лѣвомъ крылѣ; а вслѣдъ затѣмъ бросился на высоты резервъ праваго крыла; отрѣзанные соединились снова со своими, и турки, видя, что затѣмъ надвигается еще новая конная сила русскихъ, стали подаваться, и когда вслѣдъ затѣмъ еще русская конница примкнула къ своимъ, стоявшимъ уже на высотахъ — тутъ одержана была полная побѣда надъ турками [2]). По извѣстіямъ очевидцевъ [3]), они бѣжали въ безпорядкѣ за Тясминъ къ Чи-

---

полковъ, мужественные товарищи и козаки, а тѣ три полка были сами на заставѣ позади обоза (Арх. Юст., кн. 125, л. 1112. Донесеніе гетмана отъ 17-го августа). Акты Зап. Росс. V, 148. (Письмо гетмана полковнику Новицкому).

[1]) «И тѣ ваши великаго государя войска пославъ прежде себя, сами вслѣдъ за ними шлисьмо съ обозами и со всѣмъ войскомъ въ обозѣ будучимъ» (Ibidem).

[2]) Gord., II, 550.

[3]) «А какъ войска ваши храбро и смѣло на непріятеля пошли и мы съ обозами и со всѣмъ войскомъ къ горамъ приблизились и тѣхъ непріятелей турокъ спаговъ полки и крымскія силы и иныхъ земель собранія побили, отъ окоповъ, шанцевъ, выводовъ и наря-

гирину и истребили за собою огнемъ мосты, сдѣланные заранѣе молдаванами и валахами между Чигириномъ и Суботовымъ [1]). Татары бѣжали къ Медвѣдовкѣ; за ними гнались и истребляли ихъ закоренѣлые враги калмыки. По извѣстію Гордона [2]), въ этомъ бою, продолжавшемся три часа, турки потеряли 5000 человѣкъ, а русскіе 1500 убитыми и до тысячи ранеными. Плѣнные турки показывали число своихъ убитыхъ до восьми тысячъ [3]). Русскіе овладѣли 28 пушками и богатыми турецкими шатрами.

Въ этотъ самый день (5-го августа, въ субботу), когда русскія войска одерживали надъ врагами побѣду, въ 2 часа пополудни турки зажгли подкопъ и взорвали значительную часть вала, потомъ бросились въ прорывъ. Въ

довъ ихъ и отъ шатровъ отбили и самихъ множество на голову побивъ и живьемъ побравъ, и знамена, прогнали страхомъ такъ. что того сполоха наполнясь, уходя на мостахъ своихъ черезъ рѣку Тясму подѣланныхъ, другъ друга давили и мосты поломали и, на ту сторону Тясмы переправляясь, многіе потонули и послѣ того своего вредительнаго переходу и мостъ пожгли» (Арх. Юст., кн. 125. Донесеніе Самойловича). «И какъ бояринъ и гетманъ на гору всходили и въ то время были бои великіе съ утра до полудня, и Капланъ-пашу съ войскомъ сбили, и шатры, и обозъ, и пушки русскіе взяли; ничего съ собою турки не унесли и побито ихъ въ то время письмяннаго люду тысячъ съ восемь, а Капланъ-паша съ войскомъ убѣжалъ черезъ Тясму на мосты и ратные люди царскіе гоняли ихъ и били до самаго мосту, а перебѣжавъ мосты, турки зажгли ихъ за собою и поставили караулы, чтобы царскіе ратные люди черезъ мостъ не дѣлали надъ ними промысла и еслибы царскіе люди ихъ тутъ осилили, они бы всѣ побѣжали, оставя промыселъ надъ Чигириномъ» (Арх. Ин. Д., связка 52, № 10. Показаніе плѣннаго турка).

[1]) Арх. Юст., кн. 125, л. 1074. — Лѣт. Сам., изд. 1878 г., стр. 144.

[2]) Gord. II, 551.

[3]) Арх. Ин. Д., связка 52, № 19. Надобно замѣтить, что восточные люди всегда имѣютъ склонность преувеличивать; когда же находятся въ плѣну, то дѣлаютъ это такъ, чтобы сказать пріятное побѣдителямъ.

продолженіе двухъ часовъ шла отчаянная рѣзня. Въ это время воевода Ржевскій вышелъ на валъ верхняго зáмка и былъ убитъ осколкомъ бомбы или гранаты, поразившимъ его въ подбородокъ [1]). Начальство надъ всѣми силами въ Чигиринѣ осталось за Гордономъ. Услыхавши о побѣдѣ, одержанной русскими войсками, онъ посылалъ къ Ромодановскому просьбу прибыть скорѣе и тѣмъ завершить свое побѣдное торжество, потому что тогда непріятели уйдутъ отъ Чигирина.

Но Ромодановскій, переночевавши на полѣ побѣды, двинулся съ войскомъ далѣе и, остановившись за двѣ съ половиною версты отъ Чигирина, послалъ на подкрѣпленіе Гордону только одинъ драгунскій полкъ. 5-го августа Гордонъ снова посылалъ приглашать Ромодановскаго и указывалъ для стана мѣсто на острову, пониже Чигирина, откуда можно будетъ обстрѣливать непріятельскій станъ. Но бояринъ прислалъ Гордону еще только около трехъ тысячъ ратныхъ, предоставляя Гордону сдѣлать вылазку [2]) Если бы Ромодановскій послушался Гордона, то вѣроятно турки убѣжали бы отъ Чигирина: и безъ того, какъ показывали ихъ плѣнные, послѣ пораженія на горѣ, они думали разбѣжаться, но визирь удержалъ ихъ, убѣдивши попытаться еще повести подкопы и давши обѣщаніе сняться, если подкопы въ теченіе недѣли не поведутъ къ рѣшительному покоренію города [3]). Исполняя приказаніе Ромодановскаго, Гордонъ 6-го августа предпринялъ вылазку, но она не удалась [4]).

И послѣ того бояринъ не переходилъ со всѣмъ вой-

---

[1]) Арх. Юст., кн. 125, л. 1071.—Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г.—Gord. II, стр. 210.

[2]) Gord. II, 512.

[3]) А. И. Д., св. 52, № 10.

[4]) Gord. II, 518.

скомъ за рѣку ближе къ непріятельскому стану, какъ домогался Гордонъ, но ограничился только тѣмъ, что отрядилъ Косагова и Вульфа занять два островка на Тясминѣ, а къ Гордону отправилъ еще 1,800 человѣкъ сумскихъ козаковъ и рыльскихъ служилыхъ людей для новыхъ вылазокъ; съ тою же цѣлью Самойловичъ отъ себя посылалъ въ нижній городъ прибавочныя сотни козаковъ разныхъ полковъ, замѣняя ими посланныя туда прежде. Вылазки не удавались ни изъ верхняго города, ни изъ нижняго, потому что янычары очень ловко устроились въ своихъ шанцахъ: одни сидѣли во рву подъ прикрытіемъ земляныхъ краевъ рва и оттуда стрѣляли, а выше ихъ сидѣли по горѣ другіе; верхніе берегли нижнихъ, а нижніе верхнихъ, и выбить ихъ оттуда было трудно [1]).

У Косагова, посланнаго на островокъ, ратные люди при непріятельскомъ наступленіи разбѣжались, а Вульфа послѣ того отозвалъ самъ Ромодановскій [2]). Такъ вяло дѣйствовалъ Ромодановскій для выручки Чигирина. Между тѣмъ полякъ Кирпицкій, бывшій у турокъ въ плѣну и перешедшій къ русскимъ, сообщилъ, что у турокъ ощущается недостатокъ продовольствія, и они при первой неудачѣ станутъ уходить [3]). Дѣло въ томъ, что еще 12-го іюля Сѣркò, постоянно выставляемый гетманомъ союзникомъ враговъ, напалъ съ запорожцами на турецкій караванъ, плывшій изъ Кизыкерменя по Днѣпру съ запасами для войска, отнялъ запасы, и это оказалось такъ надолго чувствительнымъ для турокъ, что привезенные потомъ Капланъ-пашою запасы не могли уже замѣнить

---

[1]) Арх. Юст., кн. 125, лл. 1084, 1091.
[2]) Gord. II, 518.
[3]) Ibidem, 523.

имъ этой утраты [1]). Гордонъ по этому извѣстію еще умолялъ Ромодановскаго принять болѣе рѣшительный образъ дѣйствія, но бояринъ снова ограничился посылкою въ городъ отряда для вылазки, который вскорѣ потомъ самъ и отозвалъ.

11-го августа, въ воскресенье, въ часъ пополудни взорвало мину подъ валомъ нижняго города; образовался прорывъ; бывшіе тамъ близко козаки въ числѣ 500 погибли, другіе бѣжали; ужасный громъ оглушилъ всѣхъ: пустились въ бѣгство и тѣ, которые находились подалѣе [2]); иныхъ засталъ взрывъ пьяными, другихъ спящими [3]). Нестройною толпою кинулись козаки изъ города черезъ московскій мостъ, думая уйти въ войсковой обозъ. Но за мостомъ уже стояли турки, пробравшіеся туда черезъ болото; они подломили мостъ; козаки въ тѣснотѣ давили другъ друга [4]); много козаковъ потонуло, и въ томъ числѣ гадяцкій полковникъ Криницкій; турки зажгли башню съ воротами, стоявшую на московскомъ мосту; успѣвшихъ перейти за мостъ козаковъ гнали и истребляли непріятели. Между тѣмъ, отъ взрыва по всему нижнему городу сдѣлался пожаръ; вступившіе въ прорывъ враги распространяли его, зажигая строенія. Три полка серденецкихъ: Герасимовъ, Иванѣевъ и Ребриковскаго убѣжали черезъ плотину въ верхній городъ. Турки зажгли внѣшнія стѣны верхняго города, называемыя новымъ городомъ; оставались пока въ цѣлости внутреннія — старый городъ. Никакія попытки Гордона спасти погибавшій Чигиринъ не могли удаться, подчиненные не слу-

---

[1]) Арх. Юст., кн. 125, л. 1112.
[2]) Gord. II, 532.
[3]) Лѣт. Сам., стр. 144.
[4]) Ibidem.

шали команды [1]). Вечеромъ одинъ стрѣлецкій голова по секрету сказалъ Гордону, что Ромодановскій прислалъ своего адъютанта съ повелѣніемъ вывести гарнизонъ изъ верхняго города, но адъютантъ не хотѣлъ войти въ городъ, а только у воротъ передалъ словесный приказъ боярина. Гордонъ на это промолвилъ: «мнѣ дано повелѣніе лучше погибнуть, чѣмъ оставить свой постъ; и другимъ я того не позволю, не получивши письменнаго приказа.» Онъ продолжалъ дѣлать распоряженія о погашеніи пожара, и чтобъ не подать солдатамъ подозрѣнія, что онъ покинетъ свой постъ, приказалъ готовить ужинать и поставить на столъ свой серебряный сервизъ.

Часовъ въ 10 вечера (въ третьемъ часу ночи) явился барабанщикъ полковника Карандѣева, стоявшаго у воротъ съ боярскимъ адъютантомъ, который все-таки не смѣлъ войти въ замокъ и передалъ письменный приказъ Ромодановскаго такого содержанія: Гордонъ долженъ

---

[1]) «11-го въ недѣлю вечеромъ подкопы взорвало къ рѣкѣ Тясмѣ близко хоромъ и землю раскидало по сторонамъ и отъ того взрыву хоромы загорѣлись и учинился пожаръ, и осадные сидѣльцы, видя пожаръ, изъ города побѣжали въ обозъ черезъ московскій мостъ, и турки, увидя то, прибѣжали отъ болота къ московской башнѣ и зажгли, чтобъ осаднымъ сидѣльцамъ изъ города выпуска не дать, и мостъ обломился, и съ того мосту утонулъ гадяцкій полковникъ Ѳедоръ Криницкій и иные потонули многіе, да на Пляцовой было козаковъ человѣкъ 500 и тѣ всѣ отъ подкоповъ пропали, и турки, вбѣжавъ въ городъ, зажигали хоромы и въ то время три серденецкіе полка Герасимовъ, Иванѣевъ и Ребриковскаго въ московскую башню изъ города не побѣжали, а приложились къ верхнему городу и башню, которая на плотинѣ, захватили и непріятелю ее не дали. А верхній городъ, что сдѣлалъ было вновь воевода Ржевскій, непріятели зажгли въ то же время, какъ въ большомъ нижнемъ городѣ учинился пожаръ отъ подкоповъ. И ратные царскіе люди и сердюки при верхнемъ городѣ за каменною церковью до самаго вечера непріятеля изъ города выбивали дважды и башню съ плотиною боронили и имъ не давали». (Арх. Юст., кн. 125, л. 1091. См. также Лѣт. Сам., стр. 144; Ригельмана, стр. 162; Величка, II, 462.)

выступить съ ратными царскими людьми, взять съ собою тѣ пушки, которыя были полегче, а другія закопать, разорить укрѣпленія, истребить боевые запасы и порохъ. Гордонъ показалъ приказъ начальнымъ офицерамъ, при немъ остававшимся, велѣлъ оставить фитили въ амбразурахъ и зажечь ворота, устроенныя для вылазокъ, а самъ собственноручно зажегъ запасный и аммуниціонный магазины. Въ это время всѣ солдаты, не ожидая команды, съ ужаснымъ крикомъ побросали оружіе и пустились бѣжать изъ пылающаго зàмка; много ихъ было застигнуто и изрублено турками, много ихъ потонуло въ рѣкѣ, черезъ которую пытались пройти вплавь. Самъ Гордонъ вышелъ черезъ мостъ, держа въ одной рукѣ пистолетъ, а въ другой саблю, счастливо прошелъ посреди непріятелей, носившихъ на копьяхъ отрубленныя головы русскихъ, и въ чрезвычайномъ утомленіи добрался до стана. Первымъ его словомъ боярину Ромодановскому былъ упрекъ за то, что военачальникъ не только не подалъ ему во-время помощи, но даже не увѣдомилъ заранѣе о томъ, что́ онъ долженъ будетъ оставить чигиринскій зàмокъ, и тѣмъ самымъ не далъ возможности гарнизону выдти въ надлежащемъ порядкѣ. Ромодановскій съ неудовольствіемъ слушалъ упреки и мало отвѣчалъ на нихъ. Гордонъ, уходя отъ Ромодановскаго въ отведенное для себя помѣщеніе, зашелъ къ полковнику Бурнету, и въ это время раздался въ Чигиринѣ ужасный оглушительный трескъ: взорвало пороховой магазинъ и, какъ послѣ узнали, отъ этого взрыва погибло тамъ болѣе 4000 турокъ, успѣвшихъ вступить въ чигиринскій замокъ тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ русскіе его покинули [1]).

---

[1]) Gord. II, 544.

По извѣстіямъ современниковъ, въ войскѣ Ромодановскаго господствовалъ большой безпорядокъ, какъ и вообще во всемъ тогдашнемъ военномъ русскомъ строѣ. «У насъ въ походѣ, — говорилъ впослѣдствіи въ Москвѣ гетманскій посланецъ Мазепа, — «съ Ромодановскимъ людей было много, а на бояхъ было ихъ мало, только солдатскіе полки да стрѣлецкіе приказы, да и стрѣльцовъ было немного; прочее все пряталось въ обозѣ на телегахъ, отъ рейтаръ, городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ только одинъ крикъ! Гетманъ много разъ посылалъ къ нимъ, а они не шли, и гетманъ принужденъ былъ послать въ бой всѣ свои козацкіе полки, а самъ остался со своимъ дворомъ и драгунами, которые всегда находились неотлучно при немъ» [1]). Изъ царскаго войска безпрестанно толпами бѣгали ратные люди, такъ что когда войско дошло до Чигирина, то его осталась едва половина противъ того числа, какое было при началѣ похода. Поэтому-то Ромодановскому не осталось болѣе ничего какъ уходить.

И вотъ, бояринъ и гетманъ, оба съ своими войсками, двинулись отъ Чигирина къ Днѣпру въ обратный путь, на другое утро послѣ разрушенія Чигирина, 12-го августа. Они вели свои войска четвероугольниками, окаймивши ихъ нѣсколькими рядами возовъ, какъ-бы шанцами. Всѣ конные спѣшились; только самъ Ромодановскій да гетманъ ѣхали сидя верхомъ на лошадяхъ. Турки и татары съ разныхъ сторонъ дѣлали на нихъ нападенія, но безуспѣшно [2]). На ночлегѣ нападенія на нихъ не было. Съ разсвѣтомъ 13-го августа войска двинулись далѣе, и при переходѣ черезъ болотистыя мѣста безпокоили ихъ не-

---

[1]) Арх. Юст., кн. 50, л. 603.
[2]) Gord. II, 552.

пріятели, но такъ же, какъ и вчера, безуспѣшно. Къ полудню русскіе достигли прежняго своего становища у Бужина и стали въ своихъ прежнихъ ретраншаментахъ; они начали посылать возы къ самому Днѣпру въ видахъ начать переправу, но тутъ турки, по оплошности русскихъ, овладѣли брошенными окопами и начали палить. Это заставило русскихъ отложитъ переправу и давать непріятелямъ отпоръ до тѣхъ поръ, пока не принудятъ отступить. Въ тотъ же день калмыки, не желая помогать русскимъ, ушли на другую сторону Днѣпра, а потомъ направились въ свой край, но по пути «надѣлали не мало бѣдъ малороссійскимъ людямъ» [1]). На другой день послѣ того гетману доставлено было письмо отъ крымскаго хана. Называя Самойловича Иваномъ-Поповичемъ, гетманомъ заднѣпровскимъ, Мурадъ увѣрялъ въ расположеніи къ козакамъ и убѣждалъ гетмана отступить отъ Москвы, но при этомъ давалъ слово не побуждать его черезъ то въ подданство турецкому падишаху.

Такое же письмо отъ хана прислано было ко всѣмъ старшинамъ собирательно. Эти письма не имѣли никакого успѣха и на нихъ не отвѣчали. Но зато многіе козаки не расположены были долѣе драться и самовольно уходили за Днѣпръ. Это заставило гетмана учредить сторожу, чтобы не пропускать бѣглецовъ, а нѣсколько человѣкъ, пытавшихся переплыть Днѣпръ, поймали и отстегали плетьми [2]). Непріятели, послѣ неудачныхъ попытокъ склонить на свою сторону козаковъ, продолжали напирать на русскіе обозы и палили изъ пушекъ; доходило дѣло до того, что сражались не только оружіемъ, но вступали и въ рукопашку; подъ самимъ визи-

---

[1]) Арх. Юст., кн. 125, л. 1094.

[2]) Велич. II, 463.

ремъ убито двѣ лошади; очень хотѣлось непріятелямъ разгромить русскіе обозы или припереть ихъ къ Днѣпру [1]), но русскіе, особенно козаки, держались стойко, сдѣлали двѣ ночныхъ вылазки, убили и взяли въ плѣнъ многихъ турокъ, хотя и турки принесли въ свой обозъ 90 русскихъ головъ [2]). Такъ прошло время до 19-го августа. Наконецъ визирь, видя, что не удается овладѣть русскими таборами, а своихъ воиновъ пропадаетъ не мало, въ ночь съ 19-го на 20-е августа со всѣмъ своимъ полчищемъ отступилъ къ Чигирину [3]), а князь Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ со своими войсками переправились черезъ Днѣпръ уже безъ всякаго препятствія отъ непріятеля [4]).

Неудачный походъ Ромодановскаго въ свое время подалъ поводъ къ толкамъ. Говорили, что турки подкупили его, что русскій бояринъ продалъ имъ Чигиринъ и нарочно велъ дѣло такъ, что они могли имъ овладѣть. Въ малороссійскомъ и великороссійскомъ войскахъ ходили такіе толки: въ неволѣ у бусурманъ былъ сынъ князя Ромодановскаго Андрей, взятый въ плѣнъ Суховѣенкомъ въ 1668 году; — визирь турецкій заранѣе послалъ къ Ромодановскому тайно сказать: если московскій полководецъ допуститъ визиря взять Чигиринъ, то визирь отпуститъ сына его Андрея на волю; если же не допуститъ, то къ боярину пришлютъ голову его сына, набитую сѣномъ. Ромодановскій, ради спасенія жизни своего сына, велъ дѣла такъ, чтобы все сталось по желанію визиря [5]). Въ турецкихъ областяхъ говорили, что туркамъ пришлось

---

[1]) Лѣт. Сам., изд. 1878 г., стр. 145. — Велич., II, 463.
[2]) А. И. Д., св. 52, № 10.
[3]) Арх. Юст., кн. 50, л. 64.
[4]) Лѣт. Сам., изд. 1846 г. стр. 69. — Ригельм., 163.
[5]) Велич., II, 463.

бы пропасть подъ Чигириномъ, еслибъ ихъ непріятель Ромодановскій дѣйствовалъ иначе; гетманъ же долженъ былъ потакать боярину, какъ царскому намѣстнику, противъ собственной воли; когда-жь бы дѣлалось такъ, какъ гетману хотѣлось, то ни одинъ человѣкъ не ушелъ бы цѣлымъ изъ турецкаго войска. О такихъ толкахъ извѣщалъ Самойловича Куницкій [1]). Самойловичъ, передавая о томъ въ Приказъ, прибавлялъ отъ себя, что это басни ложныя. Гетманъ былъ расположенъ къ Ромодановскому и когда узналъ, что московское правительство намѣревается замѣнить его другимъ лицомъ въ командѣ надъ царскимъ войскомъ въ Малороссіи, то въ письмахъ своихъ, посылаемыхъ въ Приказъ, изъявлялъ сожалѣніе и прибавлялъ, что желаетъ, дабы всякій другой, кто будетъ на мѣстѣ Ромодановскаго, пребывалъ съ гетманомъ въ такомъ совѣтѣ и дружбѣ, какъ Ромодановскій [2]).

Въ какой степени былъ виновенъ Ромодановскій — рѣшить трудно при недостаткѣ матеріаловъ, которые пролили бы свѣтъ на тайныя событія того времени; но несомнѣнно, что Ромодановскій имѣлъ возможность и передъ правительствомъ, и передъ потомствомъ совершенно отклонить отъ себя упреки въ потерѣ Чигирина: еще прежде, чѣмъ онъ съ войскомъ достигъ до этого города, у него былъ уже царскій указъ — покинуть оборону Чигирина и предать его истребленію, если окажется слишкомъ труднымъ его удерживать. Такимъ образомъ, Ромодановскій поступилъ сообразно царскому указу; должно думать, что, сообразно тому же указу, онъ заводилъ или по крайней мѣрѣ пытался заводить съ визиремъ сношенія о мирѣ. Въ дѣлахъ мы не нашли о томъ донесенія; во всякомъ случаѣ это вѣроятно, потому что въ

---

[1]) Арх. Юст., кн. 50, л. 255.
[2]) А. И. Д., подлинники, № 348.

царскомъ указѣ ему повелѣвалось разорить Чигиринъ и попытаться завести съ турками сношенія о мирѣ; если половина указа была имъ исполнена, то нельзя предполагать, чтобы другая оставалась безъ исполненія, тѣмъ болѣе, что условія, которыя велѣно было предложить тогда туркамъ объ оставленіи впустѣ правобережной Украины, дѣйствительно состоялись по договору, заключенному двумя годами позже, а потому есть основаніе думать, что они тогда были сообщены туркамъ. Въ Москвѣ, однако, послѣ чигиринской катастрофы, какъ кажется, не признавали Ромодановскаго способнымъ вести далѣе дѣло обороны Малороссійскаго края, и онъ уже болѣе не показывался въ Малороссію. Малороссіяне сильно соболѣзновали о разореніи Чигирина и приписывали это бѣдствіе «незычливости и нерадивости принципала». Сѣркȯ написалъ Самойловичу чрезвычайно рѣзкое и ѣдкое письмо, обвинялъ его въ потачкѣ Ромодановскому, уже навѣрное считаемому имъ измѣнникомъ. Что малороссіяне могли заблуждаться на счетъ Ромодановскаго — это было естественно, когда повелѣніе истребить Чигиринъ и завести сношенія съ турками дано было ему секретно, съ оговоромъ, чтобы не произошло ропота въ народѣ и, слѣдовательно, осталось невѣдомымъ для малороссіянъ.

По переходѣ черезъ Днѣпръ, Самойловичъ, находя, что козацкое войско отъ тяжелаго похода въ опустѣлую страну «изнужало и изнищало», распустилъ по домамъ полки полтавскій, прилуцкій, лубенскій, миргородскій и гадяцкій, а кіевскій, переяславскій, черниговскій, нѣжинскій и стародубскій двинулъ къ Переяславу, потому что услыхалъ о новыхъ затѣяхъ непріятеля [1]).

---

[1]) А. И. Д., св. 52, № 10.

XII.

Покушеніе Юраски Хмельницкаго. — Его универсалы. — Походъ на лѣвый берегъ Днѣпра. — Переселеніе жителей на правую сторону. — Изгнаніе Хмельницкаго съ лѣвой стороны. — Покушеніе татаръ и турокъ на Сѣчу. — Послѣдніе подвиги Сѣрка подъ Крымомъ. — Походъ Семена Самойловича. — Истребленіе городковъ. — Сгонъ остальныхъ жителей на лѣвую сторону. — Правленіе Хмельницкаго въ Немировѣ. — Неудачныя попытки склонить его къ покорности царю. — Толки о водвореніи переселенцевъ. — Кончина Сѣрка. — Сношенія съ Крымомъ и Турціею. — Бахчисарайскій миръ.

Воротившись отъ Днѣпра къ Чигирину, визирь приказалъ истребить остатки города и за̀мка, а потомъ всему турецкому войску двигаться въ путь. Оно остановилось въ Капустиной долинѣ [1]). Турки терпѣли отъ болѣзней и отъ скудости продовольствія. Дороговизна въ турецкомъ обозѣ была такъ велика, что за мѣхъ пшеничной муки платили по 10 ефимковъ, а ячменной по пяти; турки одинъ передъ другимъ бросались брать у татаръ добычу, когда тѣ возвращались съ загона, но и добычи привозили татары немного: негдѣ было набрать ее въ пустынѣ [2]). Стоя на Капустиной долинѣ, Хмельницкій, по совѣту съ визиремъ, разослалъ гонцовъ съ универсалами въ Корсунъ, Каневъ, Черкасы, извѣщалъ, что назначаетъ Ивана Яненченка-Хмельницкаго для приведенія городовъ подъ свою власть и оборону. «Не такая это будетъ оборона,» писалъ онъ, «какова была московская: князь Ромодановскій и Самойловичъ, не сдержавши силъ наияснѣйшаго султана турецкаго и крымскаго хана,

---

[1]) А. И. Д., св. 52, № 10. Капустина долина — бывшее мѣстечко нынѣ село Звенигородскаго уѣзда при р. Шполѣ.
[2]) Арх. Юст., кн. 50, л. 64.

сожгли до основанія Чигиринъ, погубили много душъ христіанскихъ, а сами со стыдомъ ушли. Просите же скорѣе, пока есть время, милости у верховнаго визиря и отзовитесь къ намъ съ дружбою и послушаніемъ. Буде насъ не послушаете, постигнетъ васъ конечная погибель.» Подобное посланіе отправлено было и отъ визиря, требовавшаго покорности Хмельницкому и подданства турецкому султану, подъ страхомъ разоренія, плѣна и гибели.

Корсунцы поддались. Города западные: Кальникъ, Немировъ и другіе, гдѣ поставлены были польскія залоги, также покорились и приглашали Хмельницкаго избавить ихъ отъ поляковъ. Но каневцы отвѣчали, что не могутъ быть послушны, опасаясь московскихъ людей. Пославши такой отказъ Юраскѣ, каневцы стали переводить семьи свои на лѣвый берегъ Днѣпра, а Самойловичъ, остановившійся послѣ перехода изъ-за Днѣпра въ Переяславѣ, послалъ въ Каневъ, для обороны оставшихся тамъ людей, нѣсколько сотенъ пѣхотнаго полка Кожуховскаго, надѣясь, что Юраска придетъ съ небольшимъ числомъ татаръ, и въ то же время совѣтовалъ всѣмъ остальнымъ убираться скорѣе за Днѣпръ. Визирь отправилъ на почти безлюдный Каневъ нѣсколько десятковъ тысячъ турокъ съ 15 пушками; и Яненченко былъ тамъ съ ними вмѣсто Хмельницкаго [1]). Посланная Самойловичемъ козацкая пѣхота не удержала напора вломившагося въ городъ непріятеля и вся погибла въ битвѣ [2]). Немногочисленные жители, остававшіеся въ Каневѣ, вбѣжали въ каменную церковь, но турки, разложивши около церкви огонь, всѣхъ ихъ подушили дымомъ. Испу-

---

[1]) Арх. Юст., кн. 125.

[2]) А. И Д., св. 52, № 10. — Акты Зап. Рос., V, 150—151.

ганные судьбою Канева, городки: Черкасы, Мошна и Жаботынъ покорились Хмельницкому [1]).

По возвращеніи посланнаго въ Каневъ турецкаго отряда, визирь съ Капустиной долины двинулся со всѣмъ войскомъ въ турецкія владѣнія, и на прощанье съ Хмельницкимъ сказалъ ему: «если не удастся тебѣ подчинить своей власти Украину, не посылай просить помощи отъ турецкаго султана, а обратись къ Каменецкому пашѣ.» Тотчасъ послѣ ухода союзниковъ, Хмельницкій отправилъ къ польскому королю какого-то Губаря-Бершадскаго требовать вывода польскихъ залогъ изъ украинскихъ городовъ и хотѣлъ не только той полосы, которая была уже уступлена Польшею Турціи, но также Бѣлой-Церкви, Паволочи, Черногородки, — однимъ словомъ, всего, что́ при отцѣ Юраски, Богданѣ Хмельницкомъ, успѣла захватить козацкая сабля. Король, сообразно Журавницкому договору, недавно утвержденному посломъ Рѣчи-Посполитой при турецкомъ дворѣ, Гнинскимъ, приказалъ выступать польскимъ жолнѣрамъ изъ Кальника, Немирова, Межибожья и другихъ подольскихъ городковъ, входившихъ въ черту уступленныхъ Турціи земель, но въ остальномъ отказалъ Юраскѣ; напротивъ, войска Рѣчи-Посполитой изъ покинутыхъ подольскихъ городковъ должны были уйти въ Бѣлую Церковь, Паволочъ, Димеръ, Коростышевъ для усиленія тамошнихъ залогъ [2]). Немировъ подаренъ былъ отъ падишаха Юраскѣ въ вѣчное владѣніе и былъ избранъ послѣднимъ своею резиденціею.

Юраска съ татарами и турками, своими защитниками, вступилъ туда не ранѣе какъ за нѣсколько дней до рождественскаго заговѣнья. Яненченка-Хмельницкаго

---

[1]) Лѣт. Сам., изд. 1846 г., стр. 70.
[2]) А. И. Д., подлинники, № 348.—Szujski, Dzieje Polski, IV, 71.

оставилъ въ Корсуни, Коваленка въ Кальникѣ[1]): эти города подарены были послѣднимъ отъ падишаха во владѣніе. У Хмельницкаго, по отходѣ визиря, осталось 700 человѣкъ татаръ, да отъ господарей 800 «семэнъ» [2]); изъ этого числа по 200 человѣкъ тѣхъ и другихъ отправилъ Юраска въ Корсунъ, а остальныхъ оставилъ при себѣ въ Немировѣ.

Юраска расположился въ опустѣломъ посадѣ, называемомъ Выкитка, помѣстивши близко своего жилья по десячи человѣкъ янычаръ въ одной хороминѣ, а другихъ турокъ и татаръ помѣстилъ въ другомъ посадѣ города Немирова, называемомъ Шполовцы. Своихъ малороссіянъ было мало у Хмельницкаго въ отцовской землѣ. Самъ онъ имъ не довѣрялъ, и съ перваго раза стали они испытывать тягость управленія новопоставленнаго малороссійскаго князя. По распоряженію Юраски, подчиненные ему малороссіяне обязаны были его татарамъ и «семэнамъ» поставлять достаточное количество мяса, масла, сыра и иного съѣстнаго и, кромѣ того, по три осьмачки овса на каждаго коня [3]). Нуждаясь въ средствахъ для проведенія своихъ замысловъ, Юраска сталъ вымогать денегъ отъ богатыхъ обывателей, сажалъ ихъ въ тюрьму и по турецкому обычаю приказывалъ бить палками по подошвамъ, пока не получалъ отъ нихъ нѣсколько сотъ червонцевъ. Не щадилъ онъ и тѣхъ, которые пристали къ нему при первомъ его появленіи; визирь, будучи съ нимъ подъ Чигириномъ, давалъ ему совѣтъ не приближать къ себѣ козаковъ, возведенныхъ въ старшины, а надѣяться исключительно на оборону отъ турокъ. Сооб-

---

[1]) Нынѣ село Липовец. уѣзда при р. Соби.

[2]) У татаръ назывались этимъ именемъ вооруженные огнестрѣльнымъ оружіемъ.

[3]) Арх. Юст., кн. 50, л. 135.

разно такому совѣту, Юраска убилъ Астаматія, бывшаго у него недавно наказнымъ гетманомъ, и кальницкаго полковника Вареницу, поставивши на мѣсто послѣдняго Коваленка. Другіе, даже и такіе, что были сродни Хмельницкому, ежедневно, какъ волъ обуха, по выраженію современника, дожидались той же судьбы. Затѣвая походъ на лѣвую сторону Днѣпра, Юраска послалъ немировскаго сотника Берендѣя къ крымскому хану просить присылки орды. Юраска въ особенности злился на запорожцевъ: «Кабы мнѣ, — говорилъ онъ, — хоть бы ихъ 1000 человѣкъ изъ коша удалось выманить, тотчасъ бы заслалъ ихъ къ турецкому султану на каторги». Но онъ надѣялся на расположеніе къ себѣ малороссіянъ лѣвой стороны и говорилъ: «мнѣ достаточно какихъ-нибудь двухъ-трехъ тысячъ; я, зашедши отъ Днѣпра, въ Кіевѣ на Подолѣ посреди города стану». Дѣйствительно, многолѣтніе перевороты въ краѣ до того сбили съ толку малороссійскія головы, что даже Юраска могъ на нѣкоторое время быть опаснымъ, особенно когда ему покровительствовала грозная турецкая сила [1]. По извѣстію Куницкаго, изъ Черкасъ и изъ лѣвобережной Малороссіи присылались къ Юраскѣ приглашенія [2].

По этимъ приглашеніямъ Хмельницкій изъ Немирова 27-го декабря послалъ универсалъ къ лѣвобережнымъ малороссіянамъ и приглашалъ всѣхъ, и старѣйшихъ и

---

[1]) Арх. Юст., кн. 50, л. 212.

[2]) Ibidem, л. 225. Уже осенью 1678 года были охотники уходить на жительство съ лѣвой стороны на правую. Самойловичъ приказывалъ охотному полковнику Новицкому, поставленному на сторожу надъ Днѣпромъ: «Прочанъ на той бокъ надъ заказъ тиснучихся зо всего обирайте, а хоча бы и самыхъ не живити допустите; бо и тые туды намѣрившися, ничого добраго намъ не мыслятъ» (Акты Зап. Рос., V, 153).

меньшихъ, покориться ему для избѣжанія разореній [1]). Вслѣдъ затѣмъ Яненченко съ двумя крымскими мурзами, присланными ханомъ, перешелъ Днѣпръ у Стаекъ и, миную городки переяславскаго полка, направился на Остеръ и Козелецъ [2]). Награбивши добычи и набравши плѣнниковъ, татары ворочались, но на дорогѣ въ селѣ Глубокомъ переяславскій полковникъ Лисенко разгромилъ ихъ загонъ и отбилъ яссыръ [3]). Яненченко ушелъ въ Корсунъ. Это было предварительное нашествіе на лѣвобережный край [4]). Отецъ Яненченка, Павелъ Яненко, шуринъ Дорошенковъ, проживавшій въ Сосницѣ, не только не присталъ къ Юраскѣ, но посылалъ сыну своему выговоръ за его поступки; неизвѣстно, впрочемъ, дѣлалъ ли онъ это по собственному побужденію или по волѣ гетмана, разославшаго по всей управляемой имъ странѣ увѣщаніе не «вѣрить обманчивымъ прельщеніямъ разстриги, который попралъ христіанскій законъ, преданія церкви и угождаетъ бусурманамъ, хотя тѣ сами его ставятъ ни во что и презираютъ» [5]).

По донесеніямъ Самойловича московское правительство, въ ожиданіи вступленія Хмельницкаго съ своими союзниками, отправило въ Переяславъ отрядъ ратныхъ людей подъ начальствомъ стольника Неплюева, въ качествѣ резервовъ указало быть съ другими ратными князю Козловскому въ Путивлѣ и князю Урусову въ Кіевѣ, а Косагову въ Сумахъ со слободскими полковниками сумскимъ и ахтырскимъ [6]). Гетманъ придалъ Неплюеву по

---

[1]) Арх. Юст., кн. 50, л. 225.
[2]) Ibidem, л. 301.
[3]) Ibidem, л. 320.
[4]) Арх. Ин. Д., связка 51, № 2.
[5]) Арх. Юст., кн. 50, лл. 150, 155, 201.
[6]) Ibidem, 267.

нѣскольку сотъ человѣкъ выборныхъ козаковъ полковъ нѣжинскаго, лубенскаго, прилуцкаго и кіевскаго, и велѣлъ имъ занять поднѣпровскіе городки: Ирклеевъ, Крапивну, Золотоношу, сносясь съ переяславскимъ полковникомъ, которому поручалось главное веденіе защиты края, образовавшаго его полкъ [1]). Попытались между тѣмъ мирнымъ путемъ подѣйствовать на Хмельницкаго.

По приказанію гетмана, знаменитый въ свое время ученый проповѣдникъ, черниговскій архимандритъ Іоанникій Галятовскій, бывшій когда-то учителемъ Юраски, 4-го декабря 1678 года послалъ Хмельницкому письмо, совѣтовалъ снять съ себя мірское платье и облечься снова въ иноческое, доказывалъ, что передъ Богомъ великій грѣхъ отречься отъ даннаго разъ монашескаго обѣта, а въ примѣръ приводилъ бывшаго французскаго маршала Геброна, снявшаго съ себя монашескій санъ: когда онъ умеръ, то бѣсы ликовали, душу его въ адъ несли [2]). Хмельницкій получилъ это письмо въ Корсунѣ, будучи уже на походѣ въ лѣвобережную Украину, и отвѣчалъ на него длиннымъ письмомъ, наполненнымъ школьною болтовнею, гдѣ ни къ селу, ни къ городу приводились имена Перикла, Улисса, Брута и другихъ античныхъ героевъ, но о себѣ, о своихъ видахъ, намѣреніяхъ и побужденіяхъ Юраска почти не говорилъ и только вскользь привелъ указаніе на 19-й стихъ 48 главы Бытія, а въ заключеніе выразился такъ: «никогда не пиши ко мнѣ, превысокость твоя, чтобы не раздразнить шершней» [3]).

Не удались попытки обратить на истинный путь за-

---

[1]) Арх. Юст., кн. 50, л. 284.
[2]) Ibidem, л. 215.
[3]) Ibidem, л. 301 и далѣе.

блудшаго Хмельницкаго: Юраска съ татарами перешелъ на лѣвый берегъ Днѣпра [1]). Первое мѣстечко, которымъ онъ овладѣлъ, была Веремѣевка: тамъ козаковъ не было вовсе, а мужики не въ силахъ были обороняться и потому сдались [2]). За Веремѣевкою послѣдовали Чигринъ-Дуброва, Горошинъ, Городище, Жовнинъ. Хмельницкій писалъ въ своемъ универсалѣ: «не отговаривайтесь и не медлите, приказываю вамъ идти на житье за Днѣпръ съ семьями и пожитками; тамъ будетъ вамъ назначено мѣсто по нашему отеческому радѣнію; а не пойдете — такъ увидите надъ собою такое, чего я вамъ не желаю.» Сдавшихся въ числѣ трехъ тысячъ, Хмельницкій приказалъ водворить въ Жаботынѣ [3]). Другіе, назначаемые къ переселенію, отпрашивались, указывая на зимнее время, и давали обѣщаніе непремѣнно перейти весною. Многіе изъ такихъ оказались уроженцами правобережной Украины; недавно въ разные годы по доброй волѣ перешли они на лѣвую сторону отъ ненависти къ польскому панству, а потомъ отъ страха быть подъ бусурманскимъ владычествомъ, но, поживши на лѣвой сторонѣ, многое тамъ имъ не полюбилось и они стали порываться на прежнія пепелища, примиряясь съ мыслію, что очутятся въ турецкой державѣ. Турецкой власти близко надъ собой они не испытали, а польскихъ пановъ уже не боялись, зная, что король уступилъ весь край Турціи [4]). Перея-

---

[1]) Число пришедшихъ съ нимъ молва считала тысячами (Арх. Юст., кн. 50, л. 751), но одинъ современникъ малороссіянинъ по этому поводу выразился такъ: «у насъ въ Украинѣ народъ какъ послышитъ, что пришли татары, тотчасъ потревожится и самъ не зная куда бѣжитъ. Съ воромъ Юраскою пришло какихъ-нибудь сотъ пять или семь, а нашимъ кажется тысячъ семь» (Ibidem, л. 479).

[2]) Арх. Юст., кн. 50, л. 356.

[3]) Ibidem, л. 608.

[4]) Въ гетманскомъ письмѣ въ Приказъ говорится: «тое стороны Украины жители, хотя на сей сторонѣ безпрестанно за сторожею

славскій полковникъ еще 5-го ноября, до появленія Хмельницкаго, писалъ къ гетману, что расположилъ въ разныхъ побережныхъ городахъ сторожевые козацкіе отряды для удержанія легкомысленнаго народа.

27-го января изъ-подъ Жовнина Юраска послалъ универсалы въ городки миргородскаго полка, требуя, чтобы къ нему присылали выборныхъ людей съ поклономъ, и грозя скорымъ пришествіемъ турецкихъ войскъ, послѣ чего уже не будетъ пощады [1]). Между тѣмъ Яненченко подходилъ къ Лубнамъ, гдѣ заперлись лубенскій полковникъ Ильяшенко и охотный Новицкій: они съ козаками присягнули стоять крѣпко, но, по выраженію гетмана нашлись малоумные, которые стали склоняться къ Хмельницкому. Къ счастію, противъ Хмельницкаго шли миргородскій и полтавскій полковники съ своими полками, а за ними Косаговъ изъ Сумъ; самъ гетманъ выступилъ уже изъ Батурина и былъ въ Конотопѣ [2]). Полтавскій полковникъ Левенецъ напалъ на Хмельницкаго подъ Жовнинымъ [3]) и заставилъ отступить къ Лукомлѣ [4]); простоявъ тамъ три дня и не успѣвши склонить жителей къ сдачѣ, Юраска ушелъ за Днѣпръ съ 300 татаръ, а за нимъ послѣдовалъ Яненченко, котораго подъ Лукомлею

у меня обрѣталися, однакоже безпрестанно различныхъ способовъ употребляя, многіе вывозились опять за Днѣпръ на житье, не опасаясь, что заднѣпрская сторона черезъ полные договоры поступитъ также въ турскую державу, а къ господамъ полякамъ никто изъ нихъ не прибѣгаетъ: знатно, же тягчайши суть чрезъ то надъ бусурмана, когда насильственно, что всему свѣту явно есть, и нынѣ неволятъ православныхъ къ своей уніи, бусурманы же въ неволи будучимъ христіанамъ разумливіи того не чинятъ, чтобъ ихъ имѣли чему не достоитъ приневоливати» (А. И. Д., св. 51, № 6).

[1]) Арх. Юст., кн. 50, л. 374. — Акты Зап. Рос., V, 156.

[2]) Ibidem, л. 292.

[3]) Мѣст. Золотоношскаго уѣзда, при р. Сулѣ.

[4]) Мѣст. Лубенск. уѣзда, при р. Сулѣ.

чуть-было не застрѣлили и котораго спасъ только панцырь [1]). Перешедши за Днѣпръ, Хмельницкій отправился нѣскоро въ свой Немировъ, а Яненченко въ свой Корсунъ; крымскіе же салтаны, прибывшіе помогать Юраскѣ, разошлись: Калга съ исхудалыми лошадьми пошелъ въ Крымъ, а Нуррединъ съ 7000 орды снова перешелъ на лѣвую сторону, ударилъ на городки миргородскаго полка, наловилъ яссыру, но на возвратномъ пути подъ Менжелѣевкою [2]) напалъ на него Косаговъ съ царскою ратью и съ козаками, приданными гетманомъ изъ полковъ гадяцкаго, миргородскаго и компанейскаго. Они отняли яссыръ, овладѣли татарскимъ знаменемъ и чуть-было не схватили самого салтана Нурредина: раненый изъ лука, онъ съ остаткомъ своей орды поворотилъ не по дорогѣ, а прямо по полямъ, пролагая себѣ новый путь въ снѣгахъ, и такъ добрался онъ, преслѣдуемый погонею 30 верстъ, до Днѣпра, перешелъ на другой берегъ, но за нимъ перешли русскіе, гнали его еще 35 верстъ до рѣки Малаго-Ингульца, и такъ какъ за большими снѣгами далѣе гнаться было трудно, то воротились назадъ въ Кереберду.

Къ эпохѣ зимняго вторженія Хмельницкаго въ лѣвобережную Украину слѣдуетъ отнести нападеніе турокъ и татаръ на Сѣчь, за которымъ вскорѣ послѣдовало послѣднее въ жизни Сѣрка побѣдоносное вторженіе въ Крымъ съ запорожцами [3]). Крымскій ханъ подалъ совѣтъ

---

[1]) Арх. Юст., кн. 50, л. 389.

[2]) Мѣст. Кременчугск. уѣзда, при р. Пслѣ.

[3]) Объ этихъ событіяхъ ни малѣйшаго намека не нашли мы въ современныхъ архивныхъ документахъ, хотя сохранились повидимому всѣ сполна сношенія Сѣчи съ Москвою; нѣтъ о нихъ извѣстія и въ лѣтописи Самовидца, вѣрнѣйшемъ лѣтописномъ источникѣ. Онѣ подробно описаны у Величка, но отнесены къ 1674 — 1675 годамъ. Величко вообще такой мутный источникъ, что мы вездѣ дозволяемъ

визирю сдѣлать нападеніе на Сѣчу, выбравши ночь на Рождество Христово, когда, по его соображенію, сѣчевики должны были ради праздника Господня быть пьяными [1]). Визирь прислалъ 15,000 турокъ. Ханъ далъ имъ лошадей и съ своею ордою самъ проводилъ ихъ до Сѣчи благополучно и незамѣтно. Запорожцы, не ожидая бѣды, не разставили как слѣдовало, карауловъ. Орда обступила кругомъ Сѣчь, а янычары прошли въ городъ, наполнили узкія улицы Сѣчи и всѣхъ бы могли забрать, но на счастіе запорожцевъ, одинъ, занимавшійся сапожнымъ ремесломъ, проснувшись рано, отворилъ окно, замѣтилъ неожиданно явившихся чужихъ людей и всполошилъ козаковъ своего куреня. Началась пальба изъ оконъ, тревога сообщилась другимъ куренямъ, и вся Сѣча принялась за оружіе. Туркамъ неудобно было поворачиваться въ тѣсныхъ улицахъ, и когда козаки изъ своихъ оконъ поражали ихъ выстрѣлами почти въ упоръ, турки не могли направить своихъ ружей на окна и палили вверхъ на воздухъ. Къ разсвѣту непріятели были совершенно побѣждены; едва малая часть ихъ успѣла ускользнуть изъ Сѣчи, и ханъ, видя, что янычарамъ не удалось, поворотилъ въ степь съ своею ордою. Утромъ запорожцы выволакивали трупы убитыхъ и стаскивали въ проруби подъ ледъ. Тогда Сѣрко отправилъ хану замѣчательное письмо, укорялъ его въ томъ, что онъ поступаетъ не по-рыцарски, нападаетъ тайкомъ и выбираетъ такое время, когда войско

себѣ пользоваться имъ съ большою осторожностію и, если бы нигдѣ, кромѣ лѣтописи Величка, не находили извѣстія объ этомъ событіи, то готовы были бы самое событіе считать сомнительнымъ. Но объ этомъ событіи есть извѣстіе короче чѣмъ у Величка, въ лѣтописномъ повѣствованіи Ригельмана (стр. 166): тамъ событіе это отнесено ко времени покушенія Хмельницкаго на лѣвобережную Украину.

[1]) «Когда завше войско звыкло гуляти и подпивати.»

гуляетъ, припоминалъ подвиги козаковъ надъ мусульманами и давалъ обѣщаніе съ наступленіемъ весны отдать крымцамъ надлежащій визитъ [1]). И дѣйствительно, съ наступленіемъ весны Сѣрко съ запорожцами ворвался въ Крымъ черезъ Сивашъ, козаки надѣлали опустошеній и навели большой страхъ на всѣхъ обитателей полуострова и на самого хана. Возвращаясь обратно, козаки вели съ собою отнятыхъ у татаръ плѣнниковъ: въ числѣ ихъ были такъ называемые «тумы» — дѣти христіанскихъ матерей или отцовъ, рожденныя въ Крыму во время неволи ихъ родителей. Многіе были совершенные татары, мусульманской вѣры, и не знали ни слова по-русски. Въ степи на стоянкѣ, гдѣ козаки стали пасти лошадей и варить себѣ кашу, Сѣрко́ объявилъ тумамъ, что если они захотятъ, то могутъ воротиться къ Крымъ. Порядочная толпа такихъ тумъ воспользовалась этимъ дозволеніемъ, объяснивши, что у нихъ въ Крыму есть жилища, а въ Русской землѣ нѣтъ ничего. Сѣрко́ отпустилъ ихъ, а самъ взошелъ на курганъ и провожалъ ихъ глазами, пока они скрылись изъ глазъ. Тогда онъ сбѣжалъ съ кургана, крикнулъ на своихъ козаковъ и погнался вслѣдъ за ушедшими. Онъ догналъ ихъ и всѣхъ приказалъ побить, а потомъ, похоронивши ихъ тѣла, передъ всѣми товарищами произнесъ, обращаясь къ побитымъ, такія слова: «простите, братья, намъ смерть свою, спите себѣ здѣсь до страшнаго суда Божія; лучше вамъ преждевременно умереть, чѣмъ жить бусурманами и размножаться на наши христіанскія молодецкія головы и на свою вѣч-

---

[1]) Это письмо надолго осталось въ памяти малороссіянъ и переписывалось лѣтописцами въ разныхъ варіантахъ (Симоновскій, Крат. Опис. о Коз. Малор. напр., стр. 5 — 8. Ригельмана. Лѣтоп. Пов. о Мал. Рос., часть II, стр. 167 — 170. Величко, II. 378 — 382).

ную погибель, оставаясь безъ крещенія». Воротившись въ Сѣчу, онъ, по козацкому обычаю, подуванилъ добычу, состоявшую изъ множества скота и овецъ, и распустилъ на волю освобожденныхъ христіанскихъ плѣнниковъ мужескаго и женскаго пола, которыхъ повели съ собою запорожцы до полуторы тысячи. Это былъ, кажется, послѣдній подвигъ знаменитаго запорожскаго героя.

Послѣ изгнанія Хмельницкаго изъ лѣвобережной Украины, Самойловичъ, по волѣ московскаго правительства и съ совѣта старшинъ, рѣшилъ истребить городки въ Украинѣ на правомъ побережьѣ Днѣпра и выселить оттуда на лѣвую сторону весь остатокъ народонаселенія. Эта мысль давно уже заявлялась московскимъ правительствомъ, еще до второй чигиринской войны, но теперь ея исполненіе казалось еще необходимѣе: оставшееся въ маломъ числѣ населеніе отъ безсилія покорялось Хмельницкому, а на правую сторону Днѣпра стали стремиться перешедшіе оттуда ранѣе, увлекали за собою другихъ, даже коренныхъ лѣвобережныхъ уроженцевъ, и такимъ образомъ правобережная Украина могла снова заселиться, но уже оставаясь подъ турецкимъ владычествомъ. Такая будущность Украины не согласовалась съ выгодами московской державы. Оставлять правобережный край населеннымъ, значило давать Хмельницкому возможность имѣть подданныхъ, изъ которыхъ онъ могъ набирать себѣ военную силу и посылать ее безпокоить лѣвую сторону Днѣпра.

Гетманъ отправилъ сына своего Семена въ качествѣ наказнаго гетмана съ выборными сотнями полковъ переяславскаго и кіевскаго и съ компанейцами. Воевода переяславскій Неплюевъ присоединилъ къ нимъ царскихъ

ратныхъ людей [1]). 24 февраля они подступили ко Ржищеву [2]), гдѣ находился присланный отъ Яненченка наказной корсунскій полковникъ Трушенко и двое татарскихъ мурзъ. Татары тотчасъ по приближеніи Семена Самойловича съ козаками быстро ушли изъ Ржищева; козаки Самойловича за ними погнались, не мало ихъ изрубили, а шестерыхъ взяли въ плѣнъ: тѣ показали, что въ городѣ Ржищевѣ осталось татаръ еще человѣкъ тридцать съ мурзами; на масляницѣ Трушенко напоилъ ихъ допьяна, и похмѣлье помѣшало имъ убѣжать изъ города; съ самимъ Трушенкомъ было до восьмидесяти козаковъ корсунскихъ, деренковскихъ и драбовскихъ. Семенъ Самойловичъ послалъ Трушенку въ зàмокъ письменное убѣжденіе сдаться. Трушенко заупрямился. Тогда Семенъ Самойловичъ, съ совѣта бывшихъ при немъ полковниковъ и полковыхъ старшинъ, вступилъ въ неукрѣпленный посадъ (мѣсто), приказалъ построить туры, поставить на нихъ орудія и палить въ зàмокъ. Деревянныя укрѣпленія зàмка подались, козацкія пушки разбили три башни, но валъ былъ высокъ, а ровъ глубокъ, вломиться въ зàмокъ было трудно, и Семенъ Самойловичъ предпринялъ вести осаду, хотя бы она продлилась многіе дни. Повысили туры, такъ что ядра могли доставать въ средину зàмка. У осажденныхъ недоставало воды, ее замѣняли снѣгомъ, но скоро снѣгъ потаялъ отъ огня; осажденные пили, вмѣсто воды, свекольный разсолъ, но этого стало бы не надолго и не на многихъ. Осажденные выслали сказать, что сдаются. Тогда, 25 февраля, козаки вошли въ зàмокъ, забрали въ плѣнъ татаръ и козаковъ, стоявшихъ за Хмельницкаго, сожгли до основанія и зàмокъ,

---

[1]) Арх. Юст., кн. 50, л. 571.

[2]) Мѣст. Кіевск. уѣзда, при р. Днѣпрѣ.

и посадъ, а всѣхъ обывателей перевели въ Переяславъ и въ Воронковъ, плѣнныхъ же отправили въ Березань и Барышевку. Участь Трушенка предоставили рѣшить гетману.

Воротившись въ Переяславъ, Семенъ Самойловичъ присоединилъ къ своему трехтысячному отряду еще 3,000 нѣжинскаго полка и 3,000 полковъ прилуцкаго, лубенскаго и коннаго охотнаго съ ихъ полковниками. 2-го марта отправился онъ снова въ походъ на Каневъ.

Каневъ покорился добровольно. Семенъ съ козаками двинулся къ Корсуну не по дорогѣ, а прямо полемъ («манивцемъ»), думая захватить враговъ врасплохъ. Яненченко только-что отпраздновалъ заговѣнье и не успѣлъ еще отрезвиться: въ корсунскомъ за́мкѣ, недурно укрѣпленномъ, было у него нѣсколько десятковъ татаръ и столько же козаковъ изъ Жаботына, да стрѣлковъ изъ «Лисянскихъ лѣсовъ» [1]). Яненченко, услыхавши о взятіи Ржищева, хвастливо говорилъ, что Корсуна не постигнетъ такая же судьба, но какъ только 3-го марта явился подъ городомъ передовой отрядъ козацкаго войска, татары тотчасъ изъ города пустились скорымъ бѣгомъ по направленію къ опустѣвшей Лисянкѣ. Яненченко, оставшись съ незначительнымъ числомъ своихъ, пожегъ около за̀мка строенія и сталъ стрѣлять на подступавшихъ къ за̀мку козаковъ; но когда смерклось, подошли всѣ козаки со всѣмъ своимъ таборомъ; изъ Корсуна явились въ козацкій таборъ двое товарищей Яненченка; они сказали, что Яненченко вознамѣрился ночью убѣжать, какъ только увидалъ, что козаковъ противъ него пришло много. По такому сообщенію отправили козацкую сторо́жу загородить путь Яненченку; но Янен-

---

[1]) Вѣроятно, это были малороссіяне, занимавшіеся тамъ охотою.

ченко съ нѣсколькими товарищами въ полночь вышелъ изъ Корсуна потайнымъ ходомъ, пробрался между валами и убѣжалъ въ поле. Поставленная караулить его сторо́жа не могла догнать бѣглецовъ, потому что у нихъ лошади были быстры. Оставшіеся корсунцы на разсвѣтѣ принесли повинную; татаръ, остававшихся еще въ за́мкѣ, побили, а знатнѣйшихъ изъ нихъ выдали. Семенъ Самойловичъ приказалъ всѣмъ корсунцамъ немедленно перебираться съ семьями и съ домашнею рухлядью за Днѣпръ, найденныя въ Корсунѣ четыре желѣзныя пушки отдалъ кіевскому полку, а весь городъ Корсунъ съ посадомъ приказалъ сжечь до основанія.

4-го марта, поутру, Семенъ Самойловичъ двинулся къ Деренковцу, Драбовцу [1]) и Староборью [2]) внизъ по берегу рѣки Роси. На дорогѣ заранѣе являлись къ нему жители съ хлѣбомъ-солью, приносили повинную и привели связанныхъ татаръ. Семенъ Самойловичъ всѣмъ жителямъ этихъ городковъ велѣлъ перевозиться съ семьями и пожитками на житье за Днѣпръ, а самые городки приказалъ сжечь. Между тѣмъ, гадяцкій полковникъ съ козаками и Косаговъ съ царскими ратными людьми переправились черезъ Днѣпръ ниже и подступили къ Жаботыну; поймавши какого-то жаботынца, они послали его въ городъ увѣщевать жителей покориться царю, не допуская до новаго кровопролитія. Вмѣсто требуемой покорности, жаботынцы стали палить изъ пушекъ по передовымъ козакамъ, подступившимъ къ городу, двухъ ранили, одного убили: но когда подоспѣли остальные козаки, духъ жаботынцевъ тотчасъ измѣнился: въ наступившую затѣмъ ночь они учинили у себя раду и передъ

---

[1]) Оба села на р. Роси Черкасскаго уѣзда.
[2]) Вѣроятно, нынѣ Староселье при р. Ольшанѣ Черкасск. уѣзда.

разсвѣтомъ выслали священника съ нѣсколькими особами просить помилованья. «Будьте надежны на милость монарха и вельможнаго пана гетмана, — сказалъ полковникъ, — идите съ семьями своими и пожитками за Днѣпръ: тамъ вамъ отведутъ жилье, да только подальше, чтобы опять не вздумали утекать на правую сторону». На протяженіи отъ Жаботына до Чигирина уже начались строиться селенія для тѣхъ трехъ тысячъ, которыхъ Юраска выслалъ съ лѣвой стороны на правую. Все теперь было тамъ разорено, и хаты, и мельницы, и всякое заводившееся строеніе, и самыя церкви — все было предано огню. Всѣхъ людей погнали за Днѣпръ съ семьями и пожитками. Отъ Жаботына Косаговъ и гадяцкій полковникъ двинулись къ Черкасамъ, куда также съ другой стороны шелъ Семенъ Самойловичъ. О сожженіи Черкасъ и о выселеніи тамошнихъ обывателей въ современныхъ актахъ нѣтъ особаго донесенія, вѣроятно потому, что тамъ было уже все пусто [1]).

Это важное событіе въ исторіи Малороссійскаго края, по преданіямъ, осталось въ народной памяти подъ названіемъ «сгона»: остатокъ народонаселенія правобережной Украины былъ теперь окончательно выведенъ оттуда по распоряженію власти (согнанъ), и Самойловичъ могъ положительно вѣрно донести московскому правительству, что вся правобережная Украина обезлюдѣла, и Хмельницкій, оставаясь въ своемъ Немировѣ, не могъ, какъ бывало прежде, вредить пограничнымъ городамъ и селеніямъ царской державы [2]). Яненченко, потерявши Кор-

---

[1]) Лѣт. Сам., изд. 1878, стр. 147. — Лѣт. Симоновскаго, 105. — Ригельмана, 164. — Акт. Зап. Рос., V, 157 — 158.

[2]) «Всѣ жители ржищевскіе, каневскіе, корсунскіе, староборскіе, мошенскіе, грабовскіе, бѣлозерскіе, таганковскіе, драбовскіе, черкаскіе на сю сторону согнаны и отъ непріятеля отстранены, а города

сунъ, помѣстился въ Хмельникѣ всего съ 50 козаками, а Коваленко сидѣлъ въ Кальникѣ съ семидесятью.

За совершонный гетманскимъ сыномъ походъ царскій посланецъ, стольникъ Карандѣевъ, привезъ гетману Самойловичу царскую похвальную грамату и дары, состоявшіе въ шелковыхъ матеріяхъ, расшитыхъ золотомъ и серебромъ, собольихъ и горностаевыхъ мѣхахъ и вооруженіяхъ [1]).

Хмельницкій и прежде держался единственно турецкимъ страхомъ, а добровольно малороссіяне къ нему не шли. Теперь же, владѣя незначительнымъ населеніемъ въ Подоліи, онъ окончательно вооружилъ противъ себя всѣхъ своею алчностію и жестокостію. Во дворѣ у него выкопана была яма саженъ 20 глубиною, и въ такой ямѣ перебывали почти всѣ зажиточные подданные, особенно бывшіе орандари, державшіе откупы при польскомъ владѣніи и успѣвшіе зашибить себѣ деньгу; съ кого захочетъ сорвать, того прикажетъ схватить, бросить въ яму и держать, пока тотъ для своего избавленія не отдастъ всего, что́ у него есть; другихъ приказывалъ бить палками, и немировскому сотнику Берендѣю, вѣрно служившему Юраскѣ, дано было 300 ударовъ по подошвамъ, отчего тотъ чуть не умеръ. Неутомимый товарищъ Юраски и родственникъ Яненченко отступилъ отъ своего «князя», ушелъ къ полякамъ и въ сентябрѣ 1679 года находился уже при воеводѣ рускомъ во Львовѣ [2]). Скоро, однако, онъ опять повернулъ на прежній путь и написалъ къ Каменецкому пашѣ, что городъ Львовъ охра-

---

и села, и мѣстечки, и деревни ихъ, гдѣ они прежде жили на той сторонѣ, всѣ безъ остатку выжжены» (Арх. Юст., кн. 50, л. 667. Донесеніе Самойловича).

[1]) Арх. Юст., кн. 50., л. 677.

[2]) А. И. Д., св. 53. № 34.

няетъ небольшое число войска и взять его нетрудно, если турки подойдутъ къ нему тихо и неожиданно. Письмо это было перехвачено, и гетманъ Яблоновскій приказалъ разстрѣлять Яненченка [1]). При Юраскѣ оставалось только 80 малороссіянъ козаковъ; кромѣ нихъ было у него татаръ 800, волоховъ 200 и 28 сербовъ. Татары и турки, надѣясь на потачку со стороны Хмельницкаго, безчинствовали, хватали и били жителей; однимъ словомъ, — говорилъ одинъ современникъ немировецъ: — у насъ такая неволя, что и въ турецкой землѣ горше быть не можетъ. Гетману Самойловичу сообщали, что немировцы только того и желаютъ, чтобъ козаки и московскія войска пришли освободить ихъ; гетману давались совѣты послать туда войско. Но не такъ легко было предпринять походъ черезъ опустошенную вконецъ правобережную Украину, гдѣ козацкое войско не могло себѣ найти никакого продовольствія, а возить за войскомъ запасы въ большихъ размѣрахъ въ Малороссіи еще не обыкли. Одинъ жившій въ Молдавіи аѳонскій архимандритъ черезъ письмо совѣтовалъ Самойловичу исходатайствовать у московскаго царя обѣщаніе милости Хмельницкому, если онъ поддастся великому государю. «Подайте ему хлѣбъ, — писалъ архимандритъ, — и увѣрьте его царскимъ именемъ, что ему обиды не будетъ. Онъ, бѣдный, всякій день и часъ жалѣетъ о христіанствѣ. Я самъ съ нимъ бесѣдовалъ. Отче, — говорилъ онъ мнѣ, — я бѣду терплю, а съ туркомъ въ войскѣ иду! Что́ мнѣ дѣлать, невольнику? Что́ велятъ, то и приходится дѣлать! Хочется Хмельницкому къ вамъ, только боится Сибири. Выпроси у государя обѣщаніе милости и увидишь, какая срамота постигнетъ турокъ и какъ они

---

[1]) Pam. Jem., стр. 286.

сердце потеряютъ». Самойловичъ сообщилъ такой совѣтъ въ Москву, и на это послѣдовала царская грамата, гдѣ было сказано, что Самойловичъ въ этомъ дѣлѣ можетъ поступать по своему усмотрѣнію, и если Юраска подлинно пожелаетъ быть въ государской милости и въ послушаніи у гетмана, а отъ бусурманскаго соединенія и отъ прежнихъ своихъ злыхъ дѣлъ отстанетъ, то великій государь повелитъ отпустить вины его; пусть онъ ѣдетъ къ гетману безъ опасенія!

Было ли потомъ дальнѣйшее сношеніе съ Хмельницкимъ — не знаемъ. Быть можетъ, вскорѣ постигшая его кончина, которой точнаго времени современники не указываютъ, помѣшала этому [1]).

Крымскія власти помышляли уже о мирѣ съ Москвою: и крымскій ханъ и Калга-салтанъ дважды писали объ этомъ царю [2]). Въ іюлѣ 1679 года царь отвѣчалъ, что готовъ мириться, если турки и татары не станутъ болѣе безпокоить царской державы. Но къ Самойловичу приходили вѣсти изъ турецкихъ владѣній, что падишахъ и визирь хотятъ съ большимъ войскомъ идти войной на Кіевъ [3]), и въ виду такихъ слуховъ въ Кіевѣ цѣлое лѣто великороссійскіе ратные люди и малороссійскіе козаки производили работы по возведенію и исправленію укрѣпленій, а стольникъ Перхуровъ съ 15,000 войска стоялъ близъ устья Самары, ожидая появленія непріятеля.

Но среди такихъ воинственныхъ предосторожностей между Москвою и мусульманскими державами велись сношенія о мирѣ. Были посланы думные дворяне: Даудовъ въ Турцію, а Сухотинъ въ Крымъ. Вдругъ являются въ Москву польскіе послы Бржостовскій и Гнинскій и предлагаютъ

---

[1]) Арх. Юст. кн. 50, л. 799.
[2]) Ibidem, л. 697.
[3]) А. И. Д., св. 52. №№ 10, 17.

заключить союзъ христіанскихъ государей противъ магометанъ. Тогда посланъ былъ дьякъ Емельянъ Украинцевъ спросить объ этомъ мнѣнія малороссійскаго гетмана.

Самойловичъ съ совѣта старшинъ представилъ, что неудобно вступать въ союзъ противъ турокъ и отправлять русскія войска въ турецкія владѣнія. Онъ отъ имени всего малороссійскаго народа просилъ о скорѣйшемъ заключеніи мира съ Турціею и Крымомъ, однако не иначе, какъ на выгодныхъ условіяхъ, съ тѣмъ, чтобы границею отъ Турціи былъ Днѣстръ или по крайней мѣрѣ Бугъ, но въ послѣднемъ случаѣ такъ, чтобы пространство отъ Днѣпра до Буга оставалось незаселеннымъ для избѣжанія взаимныхъ ссоръ. Кромѣ своего мнѣнія, онъ указывалъ также на мнѣнія Сѣрка́ и запорожцевъ [1]). На случай, если бы мусульмане упрямились, гетманъ совѣтовалъ быть готовыми къ войнѣ и оборонѣ Кіева.

Совѣты, данные гетманомъ, были приняты въ Москвѣ, и польскіе послы, пріѣзжавшіе толковать о союзѣ противъ турокъ, уѣхали въ ноябрѣ безъ успѣха.

Всю слѣдующую зиму, а затѣмъ весну и лѣто 1680 г. Малороссія была въ тревогѣ ожиданія турокъ и татаръ. Печерскіе монахи заранѣе просили у великаго государя права скрыться въ брянскихъ и трубчевскихъ монастыряхъ въ случаѣ нашествія турокъ на Кіевъ [2]). Самойло-

---

[1]) «Атаманъ Иванъ Сѣрко́ говорилъ, же «зо всѣхъ мѣръ потреба абы его царскаго величества полномочные особы по Богъ рѣку землю межи великимъ государемъ нашимъ и межи турчиномъ розграничили; бо тотъ увесь степъ отъ Богу рѣки к Днѣпрови лежачій его царскаго величества державѣ велце есть потребный, потому что з того степу многіе у Днѣпръ плывутъ рѣчки, якие здавна войску запорожскому належали, безъ которыхъ якъ нынѣ, такъ и впредь войско запорожское жити не можетъ...» (Арх. Иностр. Дѣлъ, подлин. № 358).

[2]) А. И. Д., св. 53, № 5.

вичъ наблюдалъ за работами надъ укрѣпленіями противъ межигорскаго монастыря [1]). Сѣрко́ сообщалъ, что мугамедане злятся на Сѣчу, и умолялъ прислать заранѣе туда военную помощь. Посылая въ Приказъ письма Сѣрка̀, гетманъ, однако, доносилъ на своего давняго соперника и недоброжелателя, что онъ принимаетъ отъ короля польскаго тайныхъ посланцевъ, старающихся склонить запорожцевъ къ поступкамъ, угоднымъ Польшѣ, но не полезнымъ для московской державы, и держитъ при королѣ отъ себя какого-то крещенаго татарина, своего племянника.

Однако непріязненное отношеніе между гетманомъ и кошевымъ прекратила смерть Сѣрка̀, постигшая его въ пасѣкѣ близъ Сѣчи, 1-го августа 1680 года. Извѣщая объ этомъ событіи гетмана [2]), новый кошевой атаманъ Иванъ Стягайло писалъ, что товарищи запорожскіе взяли на Азовскомъ морѣ турецкій корабль, и плѣнные турки объявили, что дожидаться турецкаго султана съ войскомъ въ этомъ году нечего, потому что ему угрожаетъ война

---

[1]) А. И. Д. № 8. Подлинники, №№ 364, 369.

[2]) Ознаймуемъ, же з волѣ Божои славнои памяти на пана Сѣрка̀ Ивана атамана кошевого нашого в семь году августа 1-го пришедши часъ смертный взялъ от насъ его с земного мѣшканя, которого мы з жалемъ нашимъ отстрадавши обычаемъ христіанскимъ з набожнымъ обрядомъ церковнымъ поховалисьмо тѣло его при кошѣ на поли августа 2-го». — (Арх. И. Д., подлинникъ № 379). Могила Сѣрка̀ сохранилась до сихъ поръ близъ села Покровскаго, въ деревнѣ Капиловкѣ, въ огородѣ, принадлежащемъ двору одной вдовы. Это — невысокій холмъ, на вершинѣ его стоитъ каменный крестъ съ надписью, гласящею, что 2-го августа 1680 года тамъ погребенъ кошевой атаманъ Іоаннъ Димитріевичъ Сѣрко́, скончавшійся 1-го августа. Мы видѣли эту могилу, посѣщая мѣсто бывшей Запорожской Сѣчи. Кромѣ могилы Сѣрка, близъ той же деревни Капиловки, сохранились двѣ или три другихъ могилы простыхъ запорожскихъ товарищей, также съ каменными крестами.

съ французскимъ королемъ, и, быть можетъ, только незначительныя орды сдѣлаютъ набѣгъ на Украину [1]).

Дѣйствительно, тревога оказалась напрасною: татары, точно, нападали на берега рѣки Мерли въ слободской Украинѣ, а весною загоны ихъ появлялись около Кіева [2]). Но тѣмъ тогда и ограничились. Носились слухи, что приходившіе загоны были передовыя силы турокъ; страхъ бусурманскаго нашествія до того охватилъ-было весь малороссійскій народъ, что гетманъ не нашелъ заподрядить посполитыхъ людей для доставки хлѣбныхъ запасовъ въ Кіевъ на продовольствіе царскихъ ратныхъ людей [3]). Войско было въ сборѣ даже еще и въ началѣ 1681 года, однако силы непріятельскія не появлялись.

Тогда, въ виду скоро могущаго послѣдовать примиренія съ мусульманами и уступки опустѣлой правобережной Украины, отправлены были гетманомъ въ Москву посланцы: знатный войсковой товарищъ Мазепа и гадяцкій полковникъ Михайло Василевичъ, племянникъ гетмана, толковать о важномъ дѣлѣ.

Гетманъ представлялъ, что не знаетъ, какъ ему поступить со множествомъ переселенцевъ съ правой стороны Днѣпра, которыхъ оставалось еще тогда въ гетманскихъ владѣніяхъ болѣе 20,000 семей, кромѣ тѣхъ, которые, перешедши на лѣвый берегъ Днѣпра, успѣли уже уйти на новоселье въ слободскіе полки. — «Обнадежены они, — доносилъ гетманъ, — милостивыми государевыми граматами, что имъ на сей сторонѣ Днѣпра учинено будетъ всякое довольство, но до сихъ поръ довольства никакого не учинено; просятся они на ту сторону Днѣпра на свои прежнія поселенія, но ихъ на ту сто-

---

[1]) А. И. Д., подлинникъ № 379.

[2]) Лѣт. Самов., изд. 1878 г., стр. 149.—Акты Зап. Рос., V, 160 — 162.

[3]) А. И. Д., подлинн. № 389.

рону не пускаютъ.» Нѣсколько разъ уже гетманъ говорилъ объ этомъ боярину Василію Васильевичу Голицыну и стольнику Михаилу Головнину, но указа о томъ отъ великаго государя не послѣдовало. Теперь Мазепѣ и гадяцкому полковнику поручено было сооообщить чрезъ боярина Василія Семеновича Волконскаго словесную просьбу о томъ, чтобы скитающихся «межи дворы въ малороссійскихъ мѣстахъ» правобережныхъ прочанъ поселить на бѣлогородской чертѣ въ слободскихъ полкахъ, потому что въ Малороссіи негдѣ селить ихъ. Гетманъ умышленно не далъ на письмѣ никакой инструкціи о болѣе точномъ распредѣленіи мѣстъ для новопоселенцевъ, желая во всякомъ случаѣ удержать ихъ послѣ поселенія на новыхъ мѣстахъ подъ своимъ управленіемъ. Когда бояринъ Василій Семеновичъ Волконскій спросилъ посланцевъ, гдѣ желаютъ гетманъ и старшины поселить ихъ, посланцы объявили, что указанія никакого не имѣютъ, а думаютъ — что у гетмана мысль поселить ихъ въ слободскихъ полкахъ, съ тѣмъ, чтобы всѣ слободскіе полки находились подъ его гетманскимъ управленіемъ [1]). На это послѣдовалъ такой отвѣтъ: по бѣлогородской чертѣ уже построено много городовъ и селъ и деревень, и въ нихъ поселилось не мало жителей; всѣ эти слободскіе жители исправляютъ по бѣлогородской чертѣ городовыя работы и посылаютъ людей стоять въ укрѣпленіяхъ для осторожности изъ опасенія прихода

---

[1]) «Жителямъ селиться по бѣлогородской чертѣ въ новопостроенныхъ городѣхъ и слободѣхъ въ Сумскомъ и въ Ахтырскомъ и въ иныхъ полкѣхъ, потому что въ тѣхъ мѣстахъ поселились и живутъ малороссійскихъ же городовъ жители, ихъ отцы и братья, и дядья и племянники, и чтобъ тѣмъ жителямъ поселясь въ тѣхъ полкѣхъ быти подъ его жъ гетманскимъ регментомъ» (Арх. Юст., столбецъ № 5,967 — 156).

воинскихъ людей, а судомъ и расправою вѣдаются у бояръ и воеводъ Бѣлогородскаго разряда, а потому въ тѣхъ мѣстахъ невозможно поселять вновь перешедшихъ изъ заднѣпровскихъ городовъ [1]).

Здѣсь желанія малороссіянъ столкнулись съ противоположною имъ политикою московскою. По мѣрѣ опустѣнія правобережной Украины, возрастало населеніе слободской Украины, пространства, занимаемаго четырьмя слободскими полками: харьковскимъ, ахтырскимъ, сумскимъ, острогожскимъ. Возрастаніе это шло чрезмѣрно быстро: съ каждымъ годомъ возникали слободы за слободами, но все-таки пустыхъ мѣстъ было такъ много, что достало бы для гораздо бо̀льшаго количества населенія. Переселившіеся жители были и козаки, и посполитые [2]). И тѣ, и другіе, переходя на новоселье, зависѣли не отъ гетмана, а отъ Бѣлогородскаго разряда. Естественно было у малороссіянъ желаніе, чтобъ ихъ земляки находились всѣ подъ единымъ управленіемъ. Такъ точно, какъ прежде думали о соединеніи правобережной Украины съ лѣвобережною, такъ теперь, послѣ опустѣнія праваго берега, мѣсто правобережной Украины заняла слободская. Желаніе гетмана и старшинъ подчинить этотъ край гетманскому регименту казалось тѣмъ законнѣе, что въ слободской Украинѣ селились не только правобережные прочане, но къ нимъ примѣшивались и лѣвобережные, искавшіе себѣ на новосельѣ лучшихъ льготъ. Гетманщина теряла такимъ образомъ и своихъ жителей, и доходы,

---

[1]) А. И. Д., св. 56, № 7.

[2]) Въ харьковскомъ полку было тогда козаковъ: въ городѣ Харьковѣ — 10 сотенъ, въ городѣ Золочевѣ — три, въ городахъ Валкахъ, Змѣевѣ и Ольшаной — по двѣ, въ городкахъ Мереѳѣ, Соколовѣ, Салтовѣ, Печенѣжской слободѣ и Волчьихъ Водахъ по одной (А. И. Д., св, 56, № 16).

собираемые съ поспольства. Притомъ между слободами прилегавшими къ гетманщинѣ, и жителями гетманскаго регимента, происходили недоразумѣнія и споры за земли, которые разрѣшать было трудно, такъ какъ рубежи гетманщины, за которыми начинались пустыя поля, были тогда не точны, неопредѣленны и не общеизвѣстны. Такъ, по близости къ Конотопу явились слободы: Бочечки, Козацка Дуброва, Грузкое [1]), и въ эти слободы бѣгали на поселеніе изъ гетманщины [2]). Въ гадяцкомъ полку шелъ многолѣтній споръ между опошенскими жителями и новопоселенными въ слободѣ Рублевкѣ [3]) надъ рѣкою Мерломъ. Слобожане овладѣли землями и лѣсами между Мерломъ и Ворсклою, а опошенцы показывали притязаніе на прежнюю принадлежность этихъ земель Опошнѣ. Опошенскіе козаки, убѣгая отъ частой службы, переселялись на слободы, и особенно послѣ второй чигиринской войны Опошня потеряла ихъ много. То же дѣлалось и въ полтавскомъ полку: полтавскій полковникъ Чернякъ доносилъ, что на Коломакѣ завелась слобода, населенная пришлыми съ правой стороны Днѣпра людьми, которые захватили пасѣки, лѣсныя заводи и сѣножати знатныхъ товарищей полтавскаго полка. Полтавцевъ безпокоили слухи, что скоро заведено будетъ еще болѣе слободъ къ устью Коломака, къ вершинѣ Орели, на Орчикѣ и на Берестовой, а также и на Самарѣ. Съ другой стороны, и новопоселенные слобожане терпѣли отъ старожитныхъ козаковъ и жаловались, что товарищи полтавскіе и миргородскіе завели себѣ въ пустыхъ мѣстахъ хутора и пасѣки, ловятъ рыбу и звѣря, и ради своихъ корыстей не

---

[1]) Всѣ села Путивльск. уѣзда, между Конотопомъ и Путивлемъ.
[2]) А. И. Д., подлинникъ № 349.
[3]) Богодух. уѣзда.

допускаютъ пришедшимъ изъ-надъ Буга и Забужья заводить слободы по Орели. Такимъ образомъ, для пресѣченія всѣхъ этихъ жалобъ гетманъ добивался власти надъ слободскою Украиною, а вмѣстѣ съ тѣмъ и права переводить назадъ на прежнія мѣста жительства самовольно ушедшихъ въ слободы [1]). Московскія власти, не желая ни въ какомъ случаѣ отдавать изъ Бѣлогородскаго разряда слободскихъ полковъ гетману, отвѣчали его посланцамъ:

— Пусть гетманъ укажетъ поселить правобережныхъ гдѣ нибудь на порожнихъ земляхъ, кромѣ слободскихъ полковъ, и тогда эти новые козаки пусть останутся подъ его региментомъ.

Гетманскіе посланцы на это замѣтили, что за многолюдствомъ невозможно поселить ихъ въ краѣ, принадлежащемъ къ гетманскому регименту, и снова просили отдать слободской край подъ гетманскій региментъ, указывая, что если бы не доставало земли для ихъ поселенія, то можно будетъ прибавить дикихъ полей, прилегающихъ къ рѣкѣ Донцу-Сѣверскому.

— Если, — сказалъ имъ бояринъ Волконскій, — поселить ихъ по Сѣверскому Донцу, то имъ придется быть въ службѣ со слободскими козаками въ Бѣлогородскомъ разрядѣ, а если ихъ оставить подъ гетманскимъ региментомъ, то у нихъ со слободскими жителями будутъ происходить ссоры за земли и угодья. Сами же вы говорите, что съ правой стороны Днѣпра перешедшихъ теперь будетъ у васъ тысячъ двадцать и больше: для такого большаго числа нужно много мѣста! Сами знаете, что Лебединъ и иные слободскіе городки въ близости съ малороссійскими городами находятся въ безпрерывныхъ

---

[1]) А. И. Д., св. 55, № 22.

ссорахъ, и если тѣхъ новыхъ правобережныхъ поселить по сосѣдству съ слободскими, то у нихъ будутъ ссоры.

— На сю сторону, — сказали посланцы, — съ той стороны Днѣпра перешло одиннадцать полковъ, но теперь ихъ осталась у насъ одна треть, а двѣ доли пошли прежде въ слободскіе полки и тамъ жительствуютъ. Пусть бы великій государь указалъ полки слободскіе, населенные малороссіянами — сумскій, харьковскій, ахтырскій и рыбинскій — отдать подъ гетманскій региментъ, потому что всѣ эти полки, какъ и гетманъ и все войско запорожское, такіе же малороссіяне и одного государя подданные, и тогда бы гетманъ вѣдалъ, гдѣ этихъ правобережныхъ жителей разселить, и надъ всѣми начальствовалъ бы гетманъ, какъ нынѣ бояре начальствуютъ.

На это бояринъ, не представляя причинъ, почему московское правительство не соглашается исполнить желаніе малороссіянъ, такъ настойчиво заявляемое, въ видѣ отговорки сказалъ, что уже указано послать межевщиковъ для проведенія рубежей между слободскимъ краемъ и малороссійскимъ, состоящимъ подъ гетманскимъ регментомъ.

По этому поводу Мазепа сказалъ: «Намъ сомнительно, что указано отмежевать и отграничить слобожанъ отъ насъ. Межевать ихъ не для чего: и слободская Украина, и малороссійскіе городы — подъ державою одного великаго государя, и всѣ жители — и въ томъ, и въ другомъ краѣ — его вѣрные подданные.»

На это посланцы получили окончательный отвѣтъ, въ такомъ видѣ: «Великій государь укажетъ послать добрыхъ дворянъ разсмотрѣть и описать порожнія земли, годныя къ поселенію, и сообразить, сколько на нихъ можно поселить людей, надѣливши ихъ пашнями и сѣнными покосами, а по описи такихъ земель, гетману бу-

детъ сообщенъ царскій указъ о поселеніи оныхъ заднѣпрянъ [1]).

Между тѣмъ дѣло примиренія съ Крымомъ и Турціею шло къ концу. Въ Крымъ (въ сентябрѣ 1680 года) отправленъ былъ стольникъ Василій Тяпкинъ съ дьякомъ Никитою Золотовымъ. Проѣзжая черезъ Малороссію, они пробыли у гетмана 8 дней. Самойловичъ отправилъ съ Тяпкинымъ въ Крымъ отъ себя войсковаго товарища Раковича, «значнаго человѣка, бусурманскихъ языковъ и латинскаго языка свѣдущаго.»

Посольство прибыло въ Крымъ въ послѣднихъ числахъ октября 1680 года. Съ перваго раза мурзы, которымъ отъ хана поручено было вступить въ переговоры, заявили, что миръ иначе не можетъ состояться, какъ только тогда, когда границею между владѣніями россійскими и турецкими будетъ Днѣпръ. Русское посольство отвергло такое домогательство. Привезли плѣннаго боярина Василія Борисовича Шереметева и задержаннаго царскаго гонца Сухотина; требовали, чтобъ они, съ своей стороны, убѣждали соотечественниковъ согласиться на днѣпровскую границу. Плѣнники не хотѣли поступать по желанію мурзъ; плѣнниковъ засадили въ земляную тюрьму. Тяпкинъ и Зотовъ все-таки не поддавались, упорно стояли на томъ, чтобъ границею была рѣка Бугъ. Прошло два мѣсяца. Царскихъ пословъ пугали, что татары начнутъ дѣлать разоренія въ украинныхъ земляхъ Московскаго государства. Соображаясь съ своимъ тайнымъ наказомъ, гдѣ имъ дозволялось дѣлать уступки въ крайнемъ случаѣ, послы объявили, что согласны измѣнить свои требованія, если имъ дозволятъ переговариваться съ самимъ ханомъ. Ханъ дозволилъ — и, послѣ объясненій съ нимъ, послы

---

[1]) А. И. Д., св. 56, № 7.

представили ему проектъ шертной (перемирной) граматы въ татарскомъ переводѣ, а ханъ сказалъ, что отправитъ ее къ турецкому падишаху. Прошло еще два мѣсяца. 1-го марта 1681 года ханскій ближній человѣкъ Сулешовъ объявилъ, что пришло утвержденіе отъ падишаха и послы должны быть на отпускѣ.

Послы просили мурзъ показать имъ шертную грамату въ томъ видѣ, въ какомъ она утверждена падишахомъ, но мурзы съ гнѣвомъ и досадою сказали имъ:

— Вы развѣ пріѣхали сюда учить государей нашихъ и московскіе обычаи къ намъ вводить? Берите то, что́ вамъ даютъ. Всякій государь воленъ въ своемъ государствѣ дѣлать, что́ хочетъ. Не учите насъ и не указывайте намъ, а то ханъ свою шертную грамату и турецкаго султана грамату пошлетъ къ вашему царю съ своими послами, а васъ велитъ заковать въ кандалы и зашлетъ въ вѣчную неволю.

Послы ссылались на ханское обѣщаніе, что имъ хотѣли дать грамату противъ образцоваго письма, которое они подали хану. Имъ отвѣчали:

— Какъ надобно было писать, такъ ханъ и велѣлъ написать. Вы же будьте готовы къ отпуску, когда васъ позовутъ.

Ихъ позвали къ хану на отпускъ 24-го марта. Ханъ былъ тогда въ полѣ въ шатрѣ, близъ Бахчисарая. Тамъ присягнулъ онъ на коранѣ хранить шертную грамату въ теченіе перемирныхъ двадцати лѣтъ. Въ томъ же присягнули салтаны Калга и Нуреддинъ. Отпуская Тяпкина и Зотова, Мурадъ-Гирей сказалъ:

— Пусть братъ нашъ, великій государь, пошлетъ къ турскому падишаху своихъ пословъ съ любительными поминками вскорѣ и не мѣшкая. Смотрите, чтобъ отъ державы великаго государя, съ Дона и Запорожья, во-

инскихъ задоровъ не было ни моремъ, ни сухимъ путемъ. Поѣзжайте черезъ Малороссійскій край: пусть тамъ народъ вѣдаетъ о нашемъ мирномъ постановленіи и никакихъ зацѣпокъ противъ насъ не позволяетъ себѣ дѣлать [1]).

Примиреніе съ Крымомъ въ главномъ основаніи было по́-сердцу гетману и старшинамъ, но тяжело отозвалась имъ утрата правобережной Украины. Когда Тяпкинъ на возвратномъ пути, проѣзжая черезъ Малороссію, прибылъ въ Батуринъ, его дважды приглашали къ обѣду, торжествовали заключеніе мира пушечными выстрѣлами, но гетманъ передъ Тяпкинымъ и старшинами со вздохомъ сказалъ:

— Отошла-таки заднѣпровская сторона; прежде я писался гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, а теперь уже такъ писаться мнѣ нельзя! Пусть бы хоть великій государь умилосердился надъ народомъ, который жилъ на правой сторонѣ, а нынѣ скитается безъ пристанища; будетъ онъ смотрѣть на свои прежнія пожитки, пашни и угодья, оставленныя за Днѣпромъ, и приходить въ негодованіе. А я въ Малой-Россіи не имѣю угодныхъ мѣстъ и земель, чтобъ имъ дать на поселеніе. Да и лѣвой стороны посполитый народъ станетъ нарекать на меня, потому что ся сторона тою стороною живится: возятъ лѣсъ на городовое и на дворовое строеніе и на дрова, промышляютъ тамъ звѣроловствомъ и рыболовствомъ. Указалъ бы великій государь поселиться тѣмъ людямъ въ слободскихъ мѣстахъ около Сумъ, Ахтырки, Харькова, Богодухова, Ольшанки, Змѣева, Торца и въ иныхъ тамошнихъ мѣстахъ. А какъ тѣ люди тамъ поселятся, тогда указалъ бы великій государь отдать весь тотъ край — полки:

---

[1]) А. И. Д., Крымскія дѣла, св. 66, № 1-й и 2-й.

сумскій, ахтырскій, харьковскій и рыбинскій — подъ мой гетманскій регименть: этимъ можно бы народъ малороссійскій возвеселить и на ту сторону Днѣпра не отпустить въ вѣчное порабощеніе подъ иго мусульманское, въ пожитокъ поганству. Я же, гетманъ, паче прежняго со всякимъ усердіемъ радѣтельство мое казать буду. А если великій государь не укажетъ имъ такъ поселиться, то опасно, чтобъ тѣ люди, не истерпя своей нужи, не отошли бы въ заднѣпровскую сторону, не поселились бы тамъ подъ бусурманскою властью и потомъ не чинили бы смутъ и ссоръ.

Объ этомъ снова заявлялъ Самойловичъ съ своимъ особымъ посольствомъ и въ Приказъ, но получилъ отвѣтъ, что надобно дожидаться царскаго указа. Московское правительство никогда не согласилось бы сдѣлать того, что́ было угодно для малороссіянъ, но что́ казалось опаснымъ въ видахъ московской политики.

Получивши извѣстіе о перемиріи, гетманъ сообщилъ въ Сѣчу, что въ теченіе перемирныхъ двадцати лѣтъ запорожцы могутъ ловить рыбу отъ верху до низу въ Днѣпрѣ, но должны соблюдать миръ съ татарами и предавать наказаніямъ своевольниковъ, которые задумаютъ идти за татарскою добычею [1]). 15-го апрѣля послѣдовалъ универсалъ ко всему малороссійскому народу съ объявленіемъ о постановленномъ мирѣ, по которому правая сторона, кромѣ Кіева съ его окрестностями, должна оставаться въ турецкомъ владѣніи вполнѣ незаселенною, и ни съ той стороны на сю сторону, ни съ сей на ту не позволялось переходить на жительство. Гетманъ приказывалъ воинскимъ людямъ не ходить съ ватагами и не чинить убытковъ крымскому и турецкому государствамъ

---

[1]) А. И. Д., св. 56, № 8 и 9.

подъ страхомъ смертной кары за непослушаніе, и всякій, кто замыслитъ съ мѣста своего жительства на лѣвой сторонѣ переходить на правую сторону и инымъ подавать собою примѣръ къ непостоянному житію, тотъ подвергнется безъ милосердія отобранію всего своего имущества и всегдашнему сидѣнію въ тюрьмѣ [1]).

3-го ноября 1681 года, въ Переволочнѣ происходило трогательное и радостное для русскихъ событіе — послѣдствія мира съ Крымомъ и Турціею. Татары привезли боярина Василія Борисовича Шереметева, взятаго въ неволю подъ Чудновымъ въ 1660 году и съ тѣхъ поръ сидѣвшаго въ тяжкомъ заключеніи въ Мангупѣ. На одномъ днѣпровскомъ берегу стояла орда съ Капланъ-мурзою, на противоположномъ — пѣшіе и конные царскіе ратные люди. Съ русской стороны положили въ лодку окупныя деньги и отправили къ другому берегу, а съ противоположной стороны повезли татары въ лодкѣ боярина. Его принималъ князь Петръ Ивановичъ Хованскій и козацкіе старшины съ гадяцкимъ полковникомъ. Когда приблизилась лодка къ берегу, князь Хованскій отдалился отъ другихъ и поѣхалъ въ шатеръ государевъ, нарочно устроенный для пріема освобожденнаго боярина. Приставшаго къ берегу Шереметева встрѣтили залпомъ изъ пушекъ и мелкаго оружія, потомъ подвели ему коня и проводили съ немалымъ числомъ конныхъ къ государеву шатру. Когда бояринъ подъѣхалъ къ шатру — забили барабаны и литавры, заиграли трубы, сдѣланы были ему двѣ почетныхъ встрѣчи и всѣ «здравствовали» его съ освобожденіемъ отъ неволи, продолжавшейся 21 годъ. Бояринъ кланялся всѣмъ до земли, потомъ сѣли всѣ за накрытый столъ и тѣшились дружескою бесѣдою. «И мы, — гово-

[1]) А. И. Д., св. 56, апр. 15.

ритъ гадяцкій полковникъ, — не могли отговоритись, чтобъ не учинить тому освобожденію здравствованія». На другой день послѣдовало освобожденіе сына князя Ромодановскаго Андрея, а потомъ и множества другихъ русскихъ невольниковъ по росписи [1]).

Съ заключеніемъ мира совершенно исчезаетъ изъ исторіи Юраска Хмельницкій. Конецъ его не записанъ ни въ какихъ извѣстныхъ намъ современныхъ ему документахъ, и въ бахчисарайскомъ договорѣ уже нѣтъ о немъ помина. Въ лѣтописи Величка [2]) разсказывается, что, проживши нѣсколько лѣтъ въ Немировѣ, этотъ поставленный отъ турокъ князь малороссійской Украины отличался страшными тиранствами надъ подданными, перемучилъ многихъ совершенно невинныхъ и однажды приказалъ схватить и привести къ себѣ богатаго іудея Оруна. Іудей, остерегаясь бѣды, убѣжалъ; вмѣсто него взята была и приведена къ Хмельницкому его жена. Юраска, обвиняя и мужа и жену за то, что безъ его дозволенія отправили свадьбу своего сына, приказалъ живьемъ облупить еврейку. Орунъ, узнавши о такомъ варварскомъ поступкѣ надъ своею женою, пріѣхалъ въ Каменецъ, подалъ пашѣ жалобу на Хмельницкаго и выставилъ на видъ рядъ свирѣпостей, совершенныхъ имъ надъ многими другими. Каменецкій паша донесъ о томъ въ Константинополь. Отъ верховнаго двора получено было повелѣніе произвести о его поступкахъ розыскъ и судить его. Юраска, призванный въ Каменецъ, не могъ оправдать себя противъ уликъ, представленныхъ Оруномъ и другими лицами. Трое пашей вывезли Юраска изъ Каменца къ Дунаю, у конца моста дунайскаго произнесли

---

[1]) А. И. Д., № 16. Донесеніе гадяцкаго полковника.

[2]) Лѣт. Велич., II. 547.

ему смертный приговоръ, а янычары, по данному приказанію, накинули ему на шею снурокъ и удавили. Въ этомъ разсказѣ есть правдоподобное, потому что онъ сходится съ извѣстными намъ изъ современныхъ документо́въ свѣдѣніями о томъ, что Юраска Хмельницкій, властвуя въ Немировѣ, былъ чрезмѣрно жаденъ и свирѣпъ. Но, вѣроятно, расправа надъ Хмельницкимъ произошла не на Дунаѣ, а въ Константинополѣ, потому что посыланный въ Турцію отъ польскаго короля Гольчевскій, въ октябрѣ 1681 года, встрѣтилъ Юраску на дорогѣ въ Константинополь; его вели 50 турокъ, а съ нимъ было нѣсколько козаковъ; онъ казался очень хворымъ, и говорили, что обѣщалъ онъ принять исламъ [1]). Въ народѣ сложилась о Юраскѣ такая легенда. Когда турки проводили Юраску къ Чигирину, то, подступивши къ Суботову, визирь приказалъ ему выстрѣлить изъ пушки въ верхъ церкви, построенной Богданомъ Хмельницкимъ, и тѣмъ доказать, что онъ искренно побасурманился. Юраска сдѣлалъ угодное мусульманамъ и услышалъ надъ собою такой Божій приговоръ: проклятъ ты, и земля тебя не приметъ, и будешь ты скитаться по землѣ ни живымъ, ни мертвымъ многіе вѣка! — Съ тѣхъ поръ ходитъ онъ по Украинѣ ни живъ, ни мертвъ, и чумаки гдѣ-то видѣли его.

---

[1]) Ambr. Grabowski, Starożytn. Polskie, II, 528.

XIII.

Попытки со стороны Турціи къ заселенію правобережной Украины.— Дука и Драгиничъ.— Письма и универсалы ихъ.— Жалобы Самойловича.— Объясненія съ московскимъ приказомъ черезъ Мазепу.— Назначеніе мѣстъ для поселенія прочанъ.— Польскія интриги.— Враги Самойловича.— Кончина царя Ѳедора.— Утвержденіе мирнаго договора съ Турціею въ Константинополѣ.— Критика этого договора, составленная Самойловичемъ.

Тогда какъ съ русской стороны свято исполнялся мирный договоръ, постановленный въ Бахчисараѣ, и Самойловичъ всѣми мѣрами старался не допускать заселенія правобережной Украины, съ турецкой стороны не съ такою честностію относились къ этому вопросу. Турецкій султанъ отдалъ Украину, какъ свое завоеванное достояніе, во владѣніе молдавскому господарю Іоанну Дукѣ. Въ противность статьямъ мирнаго договора, Дука приказалъ заводить тамъ слободы, нарекъ новымъ козацкимъ гетманомъ Яна Драгинича, а послѣдній тотчасъ назначилъ полковниковъ козацкихъ въ Корсунъ и другіе города, которые предполагалось возобновить. Эти лица носили тогда названіе осадчихъ или осадниковъ, оттого что ихъ главное дѣло было осаживать новыхъ поселенцевъ на опустѣлыхъ мѣстахъ. По лѣвобережной Украинѣ стали ходить въ народѣ универсалы молдавскаго господаря, завлекавшіе народъ на слободы обѣщаніями льготъ: разсчетъ былъ явный — приманивать малороссіянъ изъ-подъ царской державы. Самойловичъ въ мартѣ 1682 г. года черезъ посланца своего Мазепу извѣщалъ Приказъ, что универсалы эти производятъ волненіе на лѣвой сторонѣ Днѣпра: не только оставшіеся безъ поселенія правобережные прочане, но и коренные лѣвобережные малороссіяне и даже жители слободскихъ полковъ стали

порываться на правую сторону Днѣпра, прельщаясь льготами, которыя въ воображеніи представлялись въ преувеличенномъ видѣ [1]).

Мазепу, привезшаго въ Приказъ зазывные листы Дуки и Драгинича, спросили:

— Не приманиваютъ ли народа къ переселенію обѣщаніемъ вольнаго производства виннаго питія?

---

[1]) Изъ письма Драгинича къ Леонтію Полуботку, полковнику переяславскому: «Имѣемъ врученіемъ отъ ясневольможнаго господина воеводы и господаря земель молдавскихъ и земель украинскихъ. А то изъ явственнаго изволенія самого цезаря Порты Оттоманской, роздалъ есьмъ полки на сей сторонѣ Днѣпра окромѣ кіевскаго украинскіе достойнымъ людемъ, которые полковники отъ насъ постановлены, дабы вольно призывали своихъ полковъ людей на тѣ же пепелища, отколь вышли и гдѣ родилися; равнымъ подобіемъ и Губаренко полковникъ корсунскій врученіемъ имѣетъ отъ господаря тамошнихъ мѣстъ полку корсунскаго, которые есть въ Украинѣ въ дачѣ найяснѣйшей Порты, людей откуда ни буди призывати старожитныхъ корсунскихъ, уготовляя тѣмъ вольное возвращеніе на ихъ подлинныя жилища.»

Универсалъ молдавскаго господаря Губаренку на зазывъ людей въ слободы:

«Вѣдомо чинимъ симъ нашимъ универсаломъ, кому токмо вѣдати о томъ надлежитъ. Жителямъ корсунскимъ и всѣмъ того полку какъ войсковому товариству, такъ и посполитымъ людямъ добраго отъ Бога воспріяти здравія желаю и спокойнаго житія. Скоро по отобраніи владѣтельства украинской земли тотчасъ тщательно почалъ есмь прилагати радѣніе, дабы опустошенная Украина вновь цвѣла въ поселеніи людей, Корсунь мѣсто и весь полкъ къ Корсуни належачій далъ есмь въ поселеніе уроженому и мужественному и въ дѣлехъ военнихъ искусному господину Иваву Губаревѣ осаду и полковничество корсунское, чтобъ людей со всѣхъ сторонъ какъ давнихъ жителей, такъ и новоприходящихъ сбиралъ, которымъ-то людямъ даетъ свободу на 15 лѣтъ, что ни меньшей одъ насъ обиды не увидятъ, и паче позволяемъ вино сидѣти, медъ ставити, пива варити и всякія вольности себѣ употребляти, якія и преже сего бывали, и отъ татаръ ни малыя препоны имѣть не будутъ и купцемъ торги свои различные отправлять милость нашу объявляемъ, что для лучшей вѣры руку свою подписую и печать изъ канцеляріи нашей приказали приготовить. Изъ Немирова, ноября 20-го 1681 года. Дука воевода.»

— Это приманка соблазнительная, — отвѣчалъ Мазепа, — потому что въ краѣ гетманскаго регимента винная продажа отдана на откупъ, устроены оранды, и никому не вольно держать питія, а прежде того не бывало. Людямъ, которые отъ того питались, это не безъ досады.

— Нельзя ли отмѣнить орандъ? — спросили Мазепу.

— Невозможно, — отвѣчалъ Мазепа. — Нечѣмъ будетъ содержать охотное войско.

— Но война прекратилась, и охотное войско можно распустить, — замѣтили въ Приказѣ.

Мазепа сказалъ: — Если охочихъ козаковъ распустить, то они всѣ пойдутъ на ту сторону къ Драгиничу, и отъ тѣхъ людей станутся ссоры и задоры. Люди они бездомовные и привыкли жить въ своевольствѣ: такимъ людямъ молдавскій воевода будетъ радъ.

— А нельзя ли обмыслить иныхъ доходовъ на содержаніе охотнаго войска? — спросили въ Приказѣ.

— Иныхъ доходовъ взять негдѣ, — отвѣчалъ Мазепа. — Если арендные сборы оставить, то придется положить на посполитый народъ поборъ, а это будетъ малороссійскимъ людямъ еще противнѣе. Нынѣшній арендный откупной доходъ только тѣмъ людямъ противенъ, которые прежде держали шинки, да и тѣмъ, правду сказать, досадовать нечего. Кто захочетъ, тотъ и теперь можетъ тѣмъ промысломъ промышлять, пусть только явится къ откупщику; а поборъ, положенный на весь посполитый народъ, всѣмъ равно будетъ тягостенъ [1]).

Опасеніе, чтобъ народъ, перешедшій съ праваго берега на лѣвый и скитавшійся безъ пріюта, не уходилъ по призыву Дуки и Драгинича за Днѣпръ, пробуждало

---

[1]) А. И. Д., св. 58, № 12.

скорѣе назначить мѣсто для поселенія правобережныхъ прочанъ. Въ мартѣ 1682 года пріѣхалъ въ Батуринъ Косаговъ и привезъ Самойловичу чертежъ новопоказываемаго края и планъ строенія вала, который долженъ будетъ охранять этотъ край отъ татарскихъ нападеній. Мысль о возведеніи такого вала была уже давно, но откладывалась по военнымъ обстоятельствамъ, отвлекшимъ вниманіе въ иную сторону. Край, назначаемый для поселенія прочанъ, занималъ южную часть нынѣшней губерніи Полтавской, частицу Харьковской и сѣверныя полосы уѣздовъ Екатеринославской губерніи: Новомосковскаго, Верходнѣпровскаго и Павлоградскаго. Косаговъ привезъ гетману соображенія о возведеніи вала трудомъ малороссійскаго народа [1]), а Самойловичъ представлялъ причины, по которымъ затруднительно было гонять на такія работы людей изъ полковъ гетманскаго регимента,

[1]) «Чертежъ краю украинного од вершины рѣчокъ в Донецъ котючихъ, а з вершинъ рѣчокъ в Днѣпръ идучихъ до самаго берега Днѣпрового протягуючагося видѣлемъ и мѣстца в устю рѣчокъ Берестовенки и Берестовои и пониже устья рѣчки Орчика также и в низу рѣчки Коломака на осаду людей назначенные зрозумѣлемъ. На томъ чертежѣ показалъ мнѣ енералъ и воевода Григорій Ивановичъ Косаговъ, же взявши од Водолажскаго ровка черезъ Муравскіе шляхи до устья рѣчки Берестовенки, а оттоль по рѣчкѣ Берестовои до рѣчки Орели, а по рѣчцѣ Орели до городка Нехвороши потребно быти помененому валу, а валъ тотъ чтобы былъ учиненъ и иншіе крѣпости якихъ указуетъ потреба абы были здѣланы працею малороссійскихъ людей. А такъ что я устне о томъ дѣлѣ енералу и воеводѣ Косагову говорилемъ, тое и листовне вашему царскому величеству найпокорне ознаймую, же регименту моего люди именно полтавскаго и иншихъ полковъ украинскихъ жители такому крѣпостей оныхъ строенію не могутъ выдолати, а другихъ полковъ переяславскаго, кіевскаго, черниговскаго, стародубскаго, нѣжинскаго, прилуцкаго и лубенскаго обыватели оттого на новый валъ назначеннаго мѣстца в далекои одлеглости знайдуются и гнати ихъ на работу згола трудно». (А. И. Д., подлинники, № 411. Письмо Самойловича въ Приказъ).

притомъ замѣчалъ, что если бы означенныя по чертежу крѣпости и засѣки и были устроены, то жители полковъ полтавскаго и другихъ не были бы совершенно защищены отъ татарскихъ набѣговъ. Въ заключеніе Самойловичъ обѣщалъ на слѣдующій годъ самъ лично или черезъ довѣренное лицо сдѣлать осмотръ края, назначеннаго для поселенія. Валъ, тогда предпринятый, былъ продолженіемъ уже прежде сдѣланнаго вала, шедшаго отъ Валуекъ къ Царевоборисову, а оттуда до Валокъ и до рѣки Коломака. Новая черта долженствовала быть ведена по одной линіи вдоль рѣки Коломака до устья ея въ Ворсклу, а по другой линіи отъ Водолажскаго ровка по Берестовой и по Орели до городка Нехворощи [1]).

Между тѣмъ Дука и его подначальные «осадчіе» продолжали сманивать малороссіянъ, и тѣ съ лѣвой стороны тайкомъ пробирались на правую, несмотря на поставленныя сторо́жи. Самойловичъ въ іюлѣ 1682 года писалъ объ этомъ къ Дукѣ, но господарь отвѣчалъ, что онъ отнюдь не покушается сманивать подчиненныхъ гетману царскихъ подданныхъ, а только возвращаетъ на прежнія мѣста жительства правобережныхъ людей, которые стали законными подданными Турціи тѣмъ самымъ, что ихъ родина уступлена была по мирному договору Турціи [2]). Кромѣ зазывныхъ универсаловъ, приманивавшихъ къ переселенію обѣщаніями льготъ, употреблялись и другія мѣры: назначенный въ Чигиринъ полковникомъ Уманецъ тайно подсылалъ на лѣвый берегъ Днѣпра поджигателей съ тою цѣлью, чтобы заставить потерпѣвшихъ отъ пожаровъ жителей искать новоселья и бѣжать на правый берегъ [3]).

---

[1]) А. И. Д., св. 59, № 9.
[2]) Ibidem, св. 59, № 27.
[3]) Соловьевъ, т. XIV, 36.

Самойловичу приходилось бороться съ тайными врагами внутри управляемаго имъ края. Въ Конотопѣ какой-то великороссіянинъ Аѳонька болталъ въ народѣ, что козаки соберутъ въ Путивлѣ раду и позовутъ гетмана на расправу, а если не поѣдетъ, то возьмутъ и силою. По гетманской жалобѣ велѣно было Аѳоньку, если окажется виновнымъ, казнить смертію. Въ кіевскомъ кириловскомъ монастырѣ схвачены были чернецы, прибывшіе изъ польскихъ владѣній, агенты принявшаго унію епископа Шумлянскаго. У нихъ найдена инструкція и письма оскорбительнаго содержанія какъ для московскаго правительства, такъ и для гетмана. Чернецы эти приходили съ цѣлію распространять между малороссіянами неудовольствіе къ Москвѣ и склонять ихъ къ Польшѣ, увѣряя, что Рѣчь-Посполитая стала совсѣмъ иная, что теперь тамъ уже не будетъ гоненія на православіе, народъ не станетъ терпѣть отъ пановъ и всѣ будутъ жить въ вольности. Привезенныя ими писанія были отысканы одно въ узелкѣ, положенномъ въ ведро съ дегтемъ, а другія вдолблены въ край телѣги. Чернецы имѣли порученіе обѣщать именемъ короля деньги и почести знатнымъ козацкимъ лицамъ, если покажутъ склонность къ королю. Самойловичъ препроводилъ этихъ монаховъ въ Москву на расправу, а изъ Москвы ихъ заслали въ Троицко-Сергіевъ монастырь [1]). Вслѣдъ за этими чернецами прибылъ изъ Польши такой же эмиссаръ Искрицкій [2]). Въ качествѣ союзника русскаго царя, крымскій ханъ былъ увѣдомленъ письмомъ отъ Самойловича о томъ, что поляки побуждаютъ Россію къ враждѣ противъ Турціи и Крыма, но русскій государь предпочитаетъ возобновлен-

---

[1]) Арх. И. Д., св. 59, № 40.
[2]) А. И. Д., подлинники, № 418.

ную «старинную предковскую и прiятельскую прiязнь» съ ханомъ всякимъ лживымъ и хвастливымъ подущенiямъ ляховъ, которые хвалятся, «что противъ ихъ лядское валечное шабли никто не постоитъ» [1]).

И свои малороссiйскiе враги дѣлали смуты и козни противъ Самойловича: нѣкто попъ Денисъ подучалъ жителей Опошни и Котельвы бѣжать на правую сторону Днѣпра въ слободы; его за то сослали въ монастырь, объявивши, что избавляютъ отъ смертной казни только по случаю кончины царя Ѳеодора.

Торговые люди, ѣздившiе въ Малороссiю по своимъ дѣламъ, произвели тревогу въ народѣ своими разсказами о стрѣлецкихъ возстанiяхъ, происшедшихъ въ Москвѣ послѣ кончины царя Ѳеодора Алексѣевича. Слыша объ этомъ, малороссiяне начали толковать, что не дурно было бы и въ Малороссiи подняться народу, перебить и обобрать значныхъ старшинъ и орандарей, возбудившихъ противъ себя народную ненависть. Самойловичъ узналъ о такихъ толкахъ въ-пору, написалъ къ народу успокоительный универсалъ и сообщилъ объ этомъ боярину Василiю Васильевичу Голицыну [2]); по его донесенiю данъ былъ изъ Москвы указъ боярину Хованскому, начальствовавшему бѣлогородскимъ краемъ — подтвердить торговымъ людамъ, чтобъ они подъ опасенiемъ смерт-

---

[1]) Арх. И. Д., подлинники № 427.

[2]) «Досадны намъ зѣло неразсудныхъ людей великороссiйскихъ слова бездѣльныя, что межъ народомъ нашимъ неразмышленно вносятъ расколъ, толкуя вездѣ черни тотъ случай, который въ царствующемъ градѣ Москвѣ по допущенiю Божiю великимъ людямъ учинился, и поведенiе инако изворачивая подкидаютъ допущенiя той же черни, чтобъ и здѣсь надъ нами, надъ старшиною, отъ чего Боже сохрани, учинили вредительство, а дѣется то отъ путивльцевъ и отъ иныхъ горожанъ людей торговыхъ.»

ной казни не смѣли разсѣевать въ народѣ пустыхъ рѣчей [1]).

Гетманъ получилъ изъ Москвы сообщеніе о томъ, что дьякъ Прокофій Возницынъ прислалъ утвержденіе турецкимъ султаномъ бахчисарайскаго договора, котораго и копія прислана была на просмотръ и замѣчаніе Самойловичу. Гетманъ отправилъ въ Приказъ интересное донесеніе, заключавшее критику этого договора, составленную отъ лица гетмана и всѣхъ старшинъ. Онъ указалъ, что въ граматѣ турецкаго султана сдѣланы измѣненія противъ бахчисарайскаго договора: не сказано о дозволеніи запорожцамъ ловить рыбу и звѣрей въ низовьяхъ Днѣпра; выражено, чтобы не строить вновь городовъ и не поправлять старыхъ на обоихъ берегахъ Днѣпра, тогда какъ въ бахчисарайскомъ договорѣ это касалось только праваго берега, гдѣ уже не было городовъ, а не лѣваго. Турецкій султанъ оставлялъ за собою право заводить селитьбы между Днѣпромъ и Богомъ, тогда какъ царскіе послы имѣли повелѣніе настаивать, чтобъ этотъ край оставался незаселеннымъ и татарамъ не вольно было тамъ кочевать. Но болѣе всего находилъ гетманъ вреднымъ, что въ султанской подтвердительной граматѣ было сказано, чтобъ съ русской стороны не чинить никакого задержанія посполитымъ людямъ, которые съ лѣвой стороны Днѣпра пожелаютъ перейти для жительства на правую сторону въ турецкія владѣнія [2]). Самойловичъ опасался, что многіе изъ цар-

---

[1]) А. И. Д., св 59. Письмо Самойловича въ русскомъ переводѣ августа 8-го. Универсалъ въ Акт. Зап. Рос., V, 168.

[2]) «Найтяжчая намъ прикрость, же отчего въ Крыму будучіе послы ваши монаршие устереглися въ договорахъ своихъ, теперь салтанъ турскій въ свою утверженую грамоту уписалъ: же бы людямъ посполитымъ якие з сеи стороны Днѣпра на той бокъ в тур-

скихъ подданныхъ соблазнятся приманками льготъ и плодородіемъ правобережнаго края и станутъ уходить туда, предпочитая власть турецкую власти московской.

XIV.

Попытки поляковъ склонить Москву къ союзу противъ Турціи. — Противодѣйствіе Самойловича. — Козацкіе гетманы на правой сторонѣ, поставленные поляками: Куницкій, Могиленко. — Палій. — Бесѣда Самойловича съ думнымъ дьякомъ Украинцевымъ о союзѣ съ Польшею. — Семейныя потери Самойловича. — Избраніе кіевскаго митрополита. — Его подчиненіе московскому патріарху. — Посольство Неплюева къ гетману о мирѣ съ Польшею. — Миръ Россіи съ Польшею и союзъ противъ невѣрныхъ. — Письма Самойловича къ польскому королю и къ бѣлоцерковскому коменданту.

Въ правобережномъ краѣ съ 1683 года сталисъ важныя перемѣны. Возобновившаяся между Польшею и Турціею война пошла удачнѣе для поляковъ, чѣмъ въ прежніе годы. Они овладѣли нѣсколькими подольскими

скую сторону на житье идти похочуть, задержанія не чинено; якая статя хитростю бусурманскою доложена на шкоду и ошукане стороны вашое пресвѣтлыхъ царей христіанскихъ. Когды-жъ если мы отселя людей черезъ границю в сторону турскую не пущатимемъ, теды почитатимутъ они тое нарушенемъ мирныхъ договоровъ, а если бы смо людей туды пустили (чего учинити не годится), теды сей край оскудѣлъ бы значне в жителяхъ и згола было бы тутъ малолюдство, альбовѣмъ многіе, не поглядаючи на православную христіанскую вѣру, якая в православной вашей государской державѣ ку хвалѣ Божіей и ку спасеню людей благочестивыхъ маетъ свое расширене и не уважаючи суровое владзы турское, подъ которою подданные христіанскіе не могутъ жити безъ утисненя, для жизноѣ тое землѣ з сего боку на той бокъ Днѣпра пойти захочутъ. Прето годилось было вашему великихъ государей послови, дьяку Возницыну, противъ сее турскіе хитрымъ вымысломъ о незадержаню людей приписанное статьѣ крѣпко постояти, щоб оная в утверженую султанскую грамоту не была вписана. (Арх. Ин. Дѣлъ, подлин. л. 417. Донес. іюня 20-го 1682).

городками и въ томъ числѣ Немировымъ. Польскій король отъ своей руки поставилъ Стефана Куницкаго гетманомъ надъ козаками, признающими надъ собою власть Рѣчи-Посполитой. Между тѣмъ польскія посольства въ Москвѣ продолжали склонять московское правительство къ союзу противъ Турціи, а Самойловичъ и малороссійсійскіе старшины старались всѣми силами отговорить московское правительство отъ такого союза, возбуждали недовѣріе къ полякамъ и опасеніе нарушить недавно постановленный миръ съ турками [1]). Тогда, видя, что не легко вовлечь Москву въ войну, поляки для усиленія своихъ военныхъ силъ стали завлекать на свою сторону лѣвобережныхъ козаковъ и приглашать ихъ къ переходу на правую сторону подъ региментъ Куницкаго, назначеннаго быть главнымъ осадчимъ съ польской стороны на всю Украину. У послѣдняго были зазывщики, подъ разными видами тайно ѣздившіе на лѣвую сторону Днѣпра и тамъ подущавшіе людей къ переходу; много нашлось недовольныхъ правленіемъ Самойловича, особенно по поводу установленія орандъ — винной, дегтярной и тютюнной, особенно винной, и это располагало слушаться польскихъ подговоровъ; да не только въ земляхъ гетманскаго регимента, и въ слободскихъ полкахъ быстро возникло волненіе и люди оттуда стали уходить къ Куницкому, прельщаясь тѣмъ, что для переселенцевъ обѣщались льготы [2]). Гетманъ приказалъ разставить по днѣп-

---

[1]) А. И. Д. Малорос. дѣла, св. 60.

[2]) Ibidem, св. 60, № 7. — Акты Зап. Рос. V, стр. 172. Упоминается «о здрайцѣ Крембашевскомъ и объ иншихъ на тогобочномъ Днѣпра побережью зъ оманами своими прослывающихся и о здрадзецкомъ поступку запамяталаго Бѣлевича, который и присягою двукратною ихъ царскимъ пресвѣтлымъ величествамъ былъ обовязанный» и проч.

ровскому берегу караулы, главные центры которыхъ находились въ городкахъ Песчаномъ и Золотоношѣ. Приказывалось ловить бѣглецовъ; угрожали смертію тѣмъ, которые станутъ сопротивляться. Но бѣглецы ускользали отъ бѣды, пробирались дикими степями, и въ опустѣлой правобережной Украинѣ стали возникать тамъ и сямъ поселенія. Такъ появились дворы и хаты въ Мошнѣ, Ромитнѣ, Богуславѣ и въ другихъ мѣстахъ: въ отстроенномъ на̀-скоро Богуславѣ засѣла жена Куницкаго, женщина дѣятельная и смѣлая; она принимала бѣглыхъ мужиковъ и спроваживала ихъ въ Немировъ къ своему мужу. Даже и между начальными людьми гетманскаго регимента нашлись лица, сочувствовавшія и содѣйствовавшія народному волненію. Оказался такимъ переяславскій полковникъ Войца-Сербинъ, а къ нему пристали и другіе соумышленники; но гетманъ заранѣе узналъ о ихъ замыслахъ, арестовалъ ихъ въ Кіевѣ и отправилъ, въ оковахъ, въ Сѣвскъ [1]). Тогда Самойловичъ намѣревался отправить за Днѣпръ отрядъ и схватить Куницкую въ Богуславѣ; Куницкая успѣла впору узнать объ опасности и ушла въ Немировъ.

Соблазнившіеся польскими призывами малороссіяне скоро стали недовольны начальствомъ Куницкаго и, пришедши къ нему въ Немировъ, замышляли тотчасъ же бѣжать отъ него назадъ. Нѣсколькихъ такихъ, не допустивши до обратнаго побѣга, Куницкій приказалъ повѣсить, а тѣ, которые избѣжали такой участи, сами не знали что̀ имъ дѣлать: боялись они идти къ Куницкому съ повинною головою, страшно было имъ ворочаться и на лѣвый берегъ, гдѣ они опасались кары отъ Самойловича; народъ это былъ своевольный, — стали они въ

---

[1]) А. И. Д., св. 65, № 34.

лѣсахъ составлять шайки и разбивать проѣзжихъ греческихъ торговцевъ, слѣдовавшихъ изъ турецкихъ владѣній въ Польшу и Московское государство, — доставалось тогда и новымъ бѣглецамъ, шедшимъ по слѣдамъ прежнихъ на службу къ Куницкому.

Въ декабрѣ 1683 года Куницкій, съ подчиненными ему козаками, пошелъ въ походъ противъ татаръ въ Буджакъ (Бессарабію), но въ день праздника Рождества Христова въ селеніи Трояновѣ былъ разбитъ на-голову ханскимъ сыномъ, едва самъ спасся отъ плѣна, а потомъ былъ убитъ козаками [1]). Вмѣсто него, козаки выбрали Андрея Могиленка, уроженца изъ лѣвобережной Украины. Тогда Самойловичъ поручилъ назначенному имъ управлять переяславскимъ полкомъ Леонтію Полуботку перезывать назадъ бѣглецовъ, накопившихся около правобережнаго гетмана. Полуботокъ послалъ на правую сторону ловкаго козака Ѳедора Яковенка и бра́та его Дмитра̀: они должны были убѣдить козаковъ къ возвращенію домой, и если будетъ возможно — склонить къ тому же и самого Могиленка, обѣщая всѣмъ царское прощеніе и милость. Посланные, прибывши въ Немировъ, прикинулись сначала соумышленниками Войцы-Сербина, сошлись съ козаками и приблизились къ самому Могиленку, съ которымъ были прежде знакомы; они пробыли въ Немировѣ пять недѣль, самого Могиленка не могли склонить, но успѣли подѣйствовать на его подчиненныхъ, которые были тогда недовольны малостью королевскаго жалованья. Яковенки подговорили полковниковъ Палія, Дробязгу и Крышталя, а съ ними было до четырехъ тысячъ, убѣжавшихъ съ лѣваго берега. Недовольные под-

---

[1]) А.И.Д., св. 61. Донес. Самойловича отъ 15 янв. 1684 г. — Акты Зап. Рос. V, 175.

нялись противъ Могиленка, кричали на него, ругались надъ нимъ, даже «таскали за шею» и, наконецъ, ушли отъ него. Съ Могиленкомъ осталось только 200 человѣкъ. Одна часть отступившихъ отъ Могиленка ушла съ Паліемъ въ Сѣчу, другая, гдѣ были и донскіе козаки, — къ Терехтемирову [1]). Полуботокъ, позволивъ имъ перейти на лѣвый берегъ, часть изъ нихъ распустилъ по домамъ, а другихъ въ числѣ 400 конныхъ и 200 пѣшихъ разставилъ на становищахъ, и гетманъ повелѣлъ вмѣстить ихъ въ охотный полкъ [2]).

Палій пріобрѣлъ тогда между козаками такую славу, что когда съ своею ватагою прибылъ въ Сѣчу, то запорожцы хотѣли было его поставить кошевымъ, и не поставили только по причинѣ его молодыхъ лѣтъ; за то уважали его и слушали. Въ іюнѣ 1684 года, въ бытность Палія въ Сѣчѣ, король польскій прислалъ туда пана Порадовскаго и пана Монтковскаго склонять запорожцевъ къ содѣйствію полякамъ въ войнѣ противъ турокъ и татаръ. Эти послы привезли запорожцамъ отъ короля въ даръ 1000 червонныхъ [3]). То была уже не первая засылка отъ короля къ сѣчевикамъ: еще прежде король присылалъ въ Сѣчу бывшаго когда-то полковникомъ у Ханенка Игната Макуху съ войсковыми клейнотами отъ королевскаго имени, и многіе запорожцы поддались тогда польскимъ увѣщаніямъ, однако послѣ того испытали ихъ несостоятельность, когда пошли на королевскую службу. Теперь, въ другой разъ, не такъ легко соблазнялись запорожцы, особенно находясь подъ вліяніемъ Палія, который, какъ истый козакъ стараго по-

---

[1]) А. И. Д., св. 65, № 29. — Акты Зап. Рос., V, 176.
[2]) Ibidem, № 28.
[3]) А. И. Д., подлинники, № 446.

шиба, ненавидѣлъ всѣхъ ляховъ вообще. Когда Порадовскій сталъ читать на сѣчевой радѣ королевскую грамату, въ которой обѣщались козакамъ всякія вольности и изъявлялась надежда, что слѣдующую зиму король будетъ проводить за Дунаемъ, а на весну пошлетъ войско съ пушками подъ Очаковъ, запорожцы подняли грамату на смѣхъ и говорили: «вотъ какъ, ничего еще не поймали, а уже всѣмъ управляете! Не видя отъ насъ согласія, да ужь и наказы намъ даете!» Они не отвѣчали на королевскую грамату, а Палій, человѣкъ въ обращеніи грубый, пришелъ въ такой гнѣвъ, что даже, какъ говорятъ, ударилъ въ лицо Порадовскаго и кричалъ: «вотъ тебѣ за то, что пріѣхалъ къ намъ съ лядскимъ обманомъ, а не съ правдою» [1]). Не всѣ, однако, запорожцы единодушно отвергли польское приглашеніе: были и такіе, что показывали склонность служить ляхамъ противъ невѣрныхъ, да и самъ тогдашній кошевой, Грыцько Еремѣенко-Сагайдачный, мирволилъ польской сторонѣ — и во время пріѣзда въ Сѣчу Порадовскаго, опасаясь Палія, удалился въ Каменный-Затонъ, и тамъ сидя, прислалъ для польскаго посольства въ Сѣчу рыбу и запасы, а потомъ, слѣдуя наущенію польскаго короля, отправилъ къ донскимъ козакамъ зазывъ — оказывать полякамъ содѣйствіе противъ турокъ [2]). Кошевой, однако, таился съ этимъ отъ гетмана, прислалъ къ нему королевскую грамату, увѣрялъ, что запорожцы не поддадутся польскимъ наговорамъ, и спрашивалъ, какъ поступать прикажетъ гетманъ [3]). Бѣлоцерковскій комендантъ отправилъ отъ себя къ полковникамъ Войска Запорожскаго окружное

---

[1]) А. И. Д. св. 65. №№ 28, 31.
[2]) А. И. Д., подлинники, № 449.
[3]) Ibidem, подлинники, № 447.

письмо, приглашалъ ихъ во имя старинной славы козацкой служить своему наслѣдственному государю, королю польскому, и содѣйствовать ему въ текущей войнѣ противъ невѣрныхъ [1]). Поляки хвалились, что по ихъ призывамъ идутъ къ нимъ «купы» бѣглецовъ, оглашали повсюду, что вся Украина, недовольная московскою властію, опять скоро станетъ польскимъ достояніемъ. Однако, пришедшіе по призыву бѣлоцерковскаго коменданта козаки также скоро ушли отъ него, какъ и тѣ, которые пришли было къ Могиленку и убѣжали отъ послѣдняго. Поляки преслѣдовали бѣжавшихъ отъ нихъ козаковъ [2]), а Самойловичъ, противодѣйствуя польскимъ оглашеніямъ, выдалъ универсалъ, въ которомъ убѣждалъ малороссіянъ не довѣрять исконнымъ своимъ врагамъ ляхамъ, а въ Москву писалъ, что у польскаго короля есть коварный замыселъ, помирившись съ турками и татарами, идти войною въ Московское государство, чтобы отвоевать все уступленное по андрусовскому договору [3]).

Въ концѣ октября 1684 года пріѣхалъ въ Батуринъ думный дьякъ Украинцевъ толковать съ гетманомъ о союзѣ съ поляками и другими западными христіанскими государствами противъ мусульманъ. Не смотря на неоднократное представленіе Самойловича, московское правительство все-таки колебалось насчетъ польскихъ приглашеній и послало своего лучшаго тогдашняго дипломата

---

[1]) А. И. Д., подлинники, № 445.

[2]) «О утечцѣ козаковъ вельми межи себе заколотились ляхи и оразъ ординатъ нибы королевскій былъ таковый, абы гдекольвекъ у мѣстахъ або селахъ що охотника того застало́сь, конѣ одбираны были и оружіе и самихъ ихъ якобы волоцюгъ до чернилъ (?) и къ селитреннымъ могиламъ на голову погнано» (А. И. Д., подлинники, № 457).

[3]) А. И. Д. Малорос. дѣла, св. 66, №№ 28 и 36. — Акты Зап. Рос., V, 178 — 181.

къ гетману съ разными доводами въ пользу предлагаемаго поляками союза. Думный дьякъ представлялъ гетману, что теперь-то наступило благопріятное время соединиться всѣмъ христіанамъ противъ враговъ Креста Христова, что поляки заручились союзомъ съ западными христіанскими державами и есть большая надежда на побѣду надъ бусурманами. Гетманъ, какъ и прежде, твердилъ одно — что полякамъ, по ихъ обычному вѣроломству, не слѣдуетъ ни въ чемъ вѣрить. «Они, — говорилъ онъ, — присягнутъ и предадутъ, а папа и ксендзы ихъ разрѣшатъ отъ присяги: по ихъ вѣрѣ это можно. И теперь, что они толкуютъ о своемъ союзѣ, такъ все только хвастаютъ: на самомъ дѣлѣ у нихъ одинъ только союзникъ — цесарь, котораго они скоро предадутъ, заключивши съ бусурманами отдѣльный миръ. Курфюрстъ Бранденбургскій и другіе князья нѣмецкой имперіи могутъ оказать развѣ незначительное содѣйствіе военными силами, которыхъ у нихъ немного; папа же, испанскій король и Венецейская рѣчьпосполитая хоть и дадутъ на войну денегъ, да немного. Польскій король и теперь уже слабъ, и если Московское государство пристанетъ къ союзу съ нимъ, то польскій король можетъ покинуть дѣло, не доведя до конца, и помириться съ турками, и тогда придется нашимъ великимъ государямъ однимъ вести войну! А ужь куда какъ сладка съ турками война: послѣ чигиринскихъ битвъ мало не цѣлый годъ во снѣ тревожили меня великіе страхи и слышалъ я въ ушахъ ужасающій громъ! Нѣтъ, намъ лучше, помирившись уже съ бусурманами, хранить съ ними добрый миръ: султанъ турецкій уже знаетъ, что поляки и цесарь приманиваютъ насъ къ союзу съ ними, а мы не поддаемся; за то султанъ цѣнитъ правду нашу и не пойдетъ на насъ войною! Съ польскимъ же королемъ турки никогда не сло-

жатся противъ насъ; туркамъ вѣдь хорошо вѣдомо польское непостоянство и вѣроломство».

Когда дьякъ хотѣлъ тронуть чувство гетмана идеею священной войны за христіанскую вѣру, гетманъ сказалъ:

«Пресвятое и великое намѣреніе за церковь Божію воевать. Только исполнить это теперь трудно: правда, что церковь греческая у турокъ находится въ большомъ утѣсненіи, что же дѣлать: то сотворилось по волѣ Божіей! Но вѣдь и у короля польскаго православная вѣра въ гоненіи и разореніи. Поговори съ епископомъ луцкимъ, что къ намъ пріѣхалъ. Пусть онъ разскажетъ тебѣ, что тамъ у поляковъ дѣется!»

Епископъ луцкій Гедеонъ, князь Четвертинскій, прибылъ еще въ 1683 году въ лѣвобережную Малороссію и поселился въ Крупецкомъ монастырѣ близъ Батурина. Украинцевъ поѣхалъ къ нему и услышалъ отъ него такую рѣчь:

— Я переѣхалъ въ державу великихъ государей, спасаясь отъ великаго гоненія. Неволили меня принять римскую вѣру. Отъѣзжая въ походъ на войну, король и королева призвали меня къ себѣ и сказали: «коли воротимся съ войны и застанемъ тебя, что ты не учинишься въ римской вѣрѣ или не примешь уніи, то зашлютъ тебя въ Мальборкъ на вѣчное заточеніе». Я убоялся и убѣжалъ: желаю пребывать въ царской державѣ и животъ свой скончать въ благочестіи. Нынѣ безъ меня, конечно, всѣхъ приневолятъ къ римской вѣрѣ и совершенно изсякнетъ благочестіе въ Коронѣ и въ княжествѣ Литовскомъ, потому что король на томъ сталъ, чтобъ вѣру благочестивую въ Коронѣ и въ Литвѣ искоренить.

Послѣ этого свиданія съ епископомъ, думный дьякъ

опять велъ бесѣду съ гетманомъ о томъ же предметѣ. Самойловичъ говорилъ:

«Подъ игомъ турецкимъ есть много народовъ нашей православной вѣры: волохи, мультане, сербяне, болгаре, словене, греки — у нихъ есть славные монастыри и многія церкви; теперь они отъ папина начальства укрываются и, будучи подъ турецкимъ султаномъ, свою вѣру сохраняютъ, папистовъ берегутся, и однимъ только именемъ великихъ русскихъ государей утѣшаются, чаючи отъ нихъ когда-нибудь для себя отрады. Если-жь бы королю польскому и цесарю въ войнѣ посчастливилось и войска ихъ вступили бы вдоль турецкой области и расширились, то оныхъ христіанъ стали бы въ житіи и въ вѣрѣ насильствовать и обращать въ унію тамошнія святыни: либо войною, либо договорами, а ужь довели-бы до того, чтобъ возвысить свой римскій костелъ, а наше православіе понизить. Сталась бы черезъ то православнымъ народамъ неутолимая жалость! Поэтому, ужь если съ ними вступать въ союзъ, то развѣ съ тѣмъ только договоромъ, чтобы, въ случаѣ счастія въ войнѣ, оные народы были оставлены въ своей православной вѣрѣ по восточному исповѣданію. Великимъ государямъ союзъ съ поляками только затѣмъ и можетъ быть нуженъ, чтобъ сохранить и множить святую вѣру и расширить предѣлы нашего государства по Днѣстръ и по Случъ. Только вотъ въ томъ и дѣло, что хоть и заставить ихъ присягнуть прежде союза съ ними, то на ихъ присягу положиться нельзя, потому что, какъ я говорилъ уже, у нихъ папа и ксендзы всякую присягу разрѣшаютъ» [1]).

Въ началѣ 1685 года гетманъ отправилъ въ Москву

---

[1]) А. И. Д., св. 66, № 36.

посланцомъ Кочубея съ инструкціею, въ которой обширно описывались коварные поступки поляковъ и излагались желанія малороссіянъ: отыскивать у поляковъ русскихъ исконныхъ владѣній [1]), заступиться за православную вѣру, которая терпитъ въ польскихъ областяхъ гоненія и поруганія, и оставить во владѣніи Войска Запорожскаго села по сю сторону рѣки Сожи, издавна принадлежавшія Войску Запорожскому и въ недавнее время «заѣханныя» сыномъ гетмана, стародубскимъ полковникомъ Семеномъ Самойловичемъ.

Эту полосу земли просили удержать собственно для того, чтобъ тамъ поселить остававшихся еще безъ пріюта правобережныхъ прочанъ [2]).

Чтобы болѣе расположить Москву къ своимъ взглядамъ, Самойловичъ послалъ въ Приказъ письмо ясскаго архимандрита Исаіи, сообщавшаго о разговорѣ съ великимъ сераскиромъ Сулейманомъ-пашою; изъ этого письма можно было заключить, что турки цѣнятъ миръ съ Московскимъ государствомъ, и Россія можетъ надѣяться для

---

[1]) «Поневажъ вся тогобочная Днѣпра сторона — Подоле. Волынь. Подляше, Подгорье и вся Червонная Русь, которыхъ славныя и старинныя мѣста Галичъ, Львовъ, Перемышль, Ярославъ, Люблинъ, Луцкъ, Владиміръ, Острогъ, Заславле, Корецъ и иншіе знайдуются, всегда до монарховъ россійскихъ отъ початку бытія здѣшнихъ народовъ належали и тылько сто лѣтъ з невеликимъ злишкомъ тому времени якъ Польское Королевство ними овладѣло, теды при такихъ полское стороны незычливостяхъ, же оны всегда на упадокъ Россійской монархіи чыгаютъ, безгрѣшно было бы преславнаго царства россійскаго сторонѣ свое искони вѣчное, хотя по троху одисковати при Божой помочи, углядаючи способнаго времени». (А. И. Д., подлинники, 458).

[2]) «Многіе тогобочные якъ войсковые такъ посполитые люди старинные малороссійскіе обыватели, прихилившихся сюда до насъ, не могутъ мѣти доволнаго прожитія за тѣснотою земли». (А. И. Д., подлинники, № 458).

себя выгодъ отъ дружбы съ Турціею болѣе, чѣмъ отъ союза съ поляками [2]).

Такъ, малороссіяне, находясь подъ вліяніемъ давней вражды своей къ полякамъ, отбивались и руками и ногами отъ дружбы и союза съ ними и хотѣли вовлечь Московское государство снова въ войну съ Польшею. И духовныя лица и свѣтскія, и старшины и простые козаки, и поспольство — всѣ сходились на этой старой непріязни; для всѣхъ было прискорбно, что дѣло свободы малороссійскаго народа остановилось на полдорогѣ; всѣ видѣли, что виною этому поляки, и у всѣхъ было завѣтное желаніе выручить весь православный русскій народъ отъ власти католическихъ пановъ.

1685 годъ былъ тяжелъ для гетмана Самойловича. Онъ перенесъ разомъ двѣ семейныя потери. Его дочь Прасковья недавно была выдана за боярина Ѳедора Петровича Шереметева, и гетманъ упросилъ боярина Василія Васильевича Голицына назначить его зятя въ Кіевъ воеводою, хотя малороссіяне были недовольны тѣмъ, что гетманъ разсаживаетъ на начальническія мѣста своихъ родныхъ и свойственниковъ. Молодая боярыня Прасковья Ивановна разрѣшилась отъ бремени, и хотя уже оправлялась отъ родильной болѣзни, но получивши извѣстіе о томъ, что мужъ ея внезапно заболѣлъ, такъ была потрясена, что лишилась чувствъ и, послѣ двухдневныхъ страданій, умерла 20-го марта. Она была погребена въ Михайловскомъ монастырѣ въ Кіевѣ, въ присутствіи Мазепы, прибывшаго отъ гетмана узнать о здоровьѣ боярыни [2]). Ея смерть подала поводъ къ подозрѣніямъ, что молодая боярыня была испорчена. Она

---

[1]) А. И. Д. Подлинники, № 463.

[2]) А. И. Д. Малор. Дѣла, св. 65, № 26. — Gord. II, 70.

оставила новорожденнаго сына, и гетманъ потребовалъ возвращенія даннаго дочери приданаго, для чего въ іюлѣ 1685 года посланы были въ Кіевъ Неплюевъ и генеральный асаулъ Мазепа: они отобрали не только все, данное покойной въ приданое, но и подарки, врученные ей и мужу во время свадьбы старшинами, полковниками и ихъ женами, присутствовавшими на свадебномъ пиру, на томъ основаніи, что каждый, дарившій новобрачныхъ, имѣлъ въ виду угодить тѣмъ гетману [1]). Оригинальная черта тогдашнихъ нравовъ! Затѣмъ постигло Самойловича другое горе: 19-го мая, въ Троицынъ понедѣльникъ, скончался старшій сынъ его Семенъ, стародубскій полковникъ [2]). Когда горестная вѣсть объ этомъ пришла къ Самойловичу, у него былъ тогда окольничій Леонтій Романовичъ Неплюевъ; онъ утѣшалъ отца и вмѣстѣ съ нимъ ѣздилъ въ Макошинскій монастырь учинить покойному послѣднее цѣлованіе [3]). Этотъ Не-

---

[1]) «Все теди тое щоколвѣкъ паны полковники даровали такъ бояриму, якъ и самой небощцѣ бояринѣ, мается безъ жадныхъ споровъ в домъ ясневельможнаго пана гетмана ворочати отъ боярина его милости для того, же каждой собѣ на ласку гетманскую зароблялъ, а не о якую иншую побочную стараючись ласку». (А. И. Д. Мал. Дѣла, св. 67).

[2]) А. И. Д. Малор. Дѣла, св. 67, № 10.— Акты З. Р., т. V, стр. 185.

[3]) «По первой моей тяжкой печали якая з преставленія дщери моей боярыни Прасковіи еще не утишилася, постигла мене з судебъ Божихъ другая тяжкая печаль, же любимый сынъ мой первородный Семенъ Ивановичъ, полковникъ стародубскій, надежда старости моей, скончалъ животъ свой. О якои скорби, власне того дня якъ околничаго малемъ пріймовати, упередила до мене смутная и жалостливая вѣдомость и еще з нимъ околничимъ не видѣвшися, рыдалемъ горько и обливалемъ себе слезами моими цѣле того дня, а околничій, увидѣвшися зо мною, объявилъ мнѣ превеликую мнѣ ихъ царскаго величества милость. Тогда тая монаршая благость двигнула мене з плачу глубокого и воздыханія моего и надеждою обрадованія осклабила мя. А притомъ и онъ околничій, будучи здраваго разума и разсуженія, увѣщательными словесы своими в той тожъ горькой

плюевъ привезъ тогда гетману грамату на пожалованныя ему деревни въ Кромскомъ уѣздѣ [1]). Всемогущій тогда любимецъ царевны Софіи, Василій Васильевичъ Голицынъ, получивши извѣстіе о смерти гетманскаго сына, писалъ гетману утѣшительное сочувственное письмо, называя Самойловича пріятелемъ и любезнѣйшимъ братомъ [2]).

Уже нѣсколько мѣсяцевъ шла переписка московскаго правительства съ гетманомъ объ избраніи въ Кіевѣ митрополита съ такимъ условіемъ, чтобъ митрополія кіевская зависѣла не отъ константинопольскаго, а отъ московскаго патріарха. Еще осенью 1684 года гетманъ получилъ внушеніе устроить это дѣло. Кандидатомъ на митрополію былъ тогда архимандритъ кіево-печерскій Гизель, и въ февралѣ 1685 года по просьбѣ, посланной къ константинопольскому патріарху, патріархъ Парѳеній прислалъ грамату, которою предоставлялъ «архіепископу московскому, созвавши трехъ архіереевъ, посвятить соборне въ митрополиты Иннокентія Гизеля [3]). Но Гизель умеръ и Самойловичъ сталъ рекомендовать въ санъ митрополита луцкаго епископа Гедеона Четвертинскаго. Заручившись граматой константинопольскаго патріарха, гетманъ, по волѣ московскаго правительства, намѣревался воспользоваться ею для избранія, вмѣсто Иннокентія Гизеля, другаго лица въ санъ кіевскаго ми·

печали помогъ мнѣ много. Онъ же потрудился зо мною не мало 6 миль отъ Батурина за рѣку Десну до монастыря Макошинскаго, где тому покойному сынови чинилъ послѣднее цѣлованіе, котораго тѣло по его за живота желанію на погребеніе рѣкою Десною проводилисмо до Кіево-Печерскаго монастыря». (А. И. Д. подл., № 464. Письмо Самойловича къ Голицыну).

[1]) А. И. Д. Подлинники, № 465.

[2]) А. И. Д. Малор. Дѣла, св. 67, № 11.

[3]) А. И. Д. Подлинники, № 460.

трополита, и поручилъ Лазарю Барановичу, какъ блюстителю митрополичьяго престола, разослать универсалы къ особамъ духовнаго чина, призывающіе ко дню святыхъ апостоловъ Петра и Павла съѣхаться въ Кіевъ на вольную элекцію, которая должна будетъ совершаться въ храмѣ св. Софіи, а отъ свѣтскаго чина гетманъ назначалъ туда генеральнаго асаула Мазепу и четырехъ полковниковъ: черниговскаго — Борковскаго, нѣжинскаго — Жураховскаго, переяславскаго — Полуботка и кіевскаго — Карповича. Разговаривая объ этомъ съ Неплюевымъ, гетманъ, однако, просилъ московское правительство списаться съ константинопольскимъ патріархомъ и получить отъ него грамату на уступку своей духовной власти, чтобъ иначе не пало патріаршее неблагословеніе какъ на него, такъ и на всѣхъ участниковъ избранія. Лазарь Барановичъ разослалъ свое пастырское посланіе ко всему духовенству, какъ кіевской митрополіи, такъ и черниговской архіепископіи [1]). Разомъ отправилъ и гетманъ свой универсалъ ко всему малороссійскому народу [2]). Состоялась элекція въ назначенный срокъ, но неполная: Лазарь Барановичъ не поѣхалъ самъ лично на соборъ, куда приглашалъ другихъ, не было тамъ и духовныхъ особъ его епархіи. Большинство участниковъ собора состояло изъ мірянъ, и митрополитомъ былъ избранъ Гедеонъ, къ тайной досадѣ Лазаря Барановича, видѣвшаго къ себѣ невниманіе [3]) въ томъ, что не на него возложили санъ первосвятителя, тогда какъ онъ уже много лѣтъ былъ блюстителемъ митрополіи. Но духовенство малороссійское, избравшее Гедеона, сильно

---

[1]) А. И. Д. Подл., № 465.
[2]) Ibidem. № 470.
[3]) А. И. Д. Малор. Дѣла, св. 67, № 14.

протестовало тогда противъ подчиненія кіевской митрополіи московскому патріаршеству, опасаясь прекращенія прежней свободы въ духовныхъ дѣлахъ и введенія чуждыхъ Малороссіи церковныхъ обычаевъ московскихъ [1]). 8-го октября новоизбранный митрополитъ отправился въ Москву для посвященія, въ сопровожденіи многихъ духовныхъ особъ: архимандритовъ [2]), игуменовъ и протопоповъ епархій кіевской и черниговской [3]), а гетманъ въ томъ же мѣсяцѣ отправилъ въ Москву Кочубея просить, чтобы новоизбранный кіевскій митрополитъ считался первымъ въ ряду русскихъ іерарховъ и сохранилъ право носить крестъ на верху митры, причемъ замѣчалось, что если бы, въ виду уравненія русскихъ іерарховъ, былъ снятъ крестъ съ митры кіевскаго митрополита, то это возбудило бы отъ католиковъ посмѣяніе надъ униженіемъ достоинства кіевскаго митрополита. Гедеонъ былъ посвященъ въ Москвѣ, отправлялъ литургію въ разныхъ церквахъ въ Кремлѣ, въ селѣ Измайловѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, получилъ отъ царей золотую панагію, серебряный рукомойникъ съ лоханью, значительное количество соболей, матерій, винъ, разныхъ съѣстныхъ запасовъ и 500 рублей деньгами, а всѣмъ при немъ бывшимъ духовнымъ были розданы соотвѣтствующіе дары [4]). Посланный въ Константино-

---

[1]) Арх. Югоз. Росс., ч. I, т. V, стр. 55 — 59.

[2]) Въ числѣ архимандритовъ былъ только-что посвященный выдубицкій Ѳеодосій Углицкій, впослѣдствіи черниговскій владыка, почитаемый святымъ, хотя Лазарь Барановичъ въ письмахъ своихъ (193, 196) обвиняетъ его въ неслишкомъ святыхъ поступкахъ.

[3]) А. И. Д., подлинникъ, №№ 477, 478. — Митр. Евгенія, Опис. Кіев. Соф. Соб. Прилож. № 18.

[4]) А. И. Д. Малор. Дѣла, св. 68, № 19. См. грамату объ избраніи Гедеона, напечатанную въ Собраніи Государств. Граматъ, т. IV, № 175.

поль подьячій Алексѣевъ, вмѣстѣ съ гетманскимъ посланцемъ Лисицею, для испрошенія отпуска кіевской митрополіи отъ константинопольскаго патріаршества въ подчиненіе патріаршеству московскому, повезъ константинопольскому патріарху въ даръ червонцы и соболей, однако, встрѣтилъ большое сопротивленіе, особенно отъ ученаго іерусалимскаго патріарха Досиѳея, доказывавшаго, что въ настоящемъ случаѣ дѣло кіевское зависитъ не отъ одного константинопольскаго патріарха, но отъ согласія всѣхъ вселенскихъ и ни за что не соглашался на требуемое измѣненіе іерархическаго порядка, освященнаго вѣками. Тогда, по совѣту одного грека Тафляри, московскій посланникъ обратился къ великому визирю, и тотъ, дорожа сохраненіемъ мира съ Россіею и желая угодить русскому престолу, приказалъ патріархамъ и константинопольскому, и прочимъ вселенскимъ исполнить волю московскаго правительства [1]). Такъ совершилось это важное дѣло, сообразное болѣе съ государственными цѣлями московской политики, чѣмъ съ національными сочувствіями малороссіянъ.

Къ слѣдующему, новому 1686 году возбудился опять вопросъ, заключать ли миръ съ Польшею и союзъ съ нею противъ невѣрныхъ. Какъ ни старались малороссіяне не допустить Москву до примиренія съ поляками, но виды московской политики не сходились съ завѣтными желаніями малороссіянъ, тѣмъ болѣе, что если бы возобновилась война съ Польшею и велась даже съ полнымъ успѣхомъ для русскихъ, то и тогда выиграли бы отъ ней болѣе малороссіяне, чѣмъ Московское государ-

---

[1]) Арх. Югоз. Росс. ч. I, т. V, стр. 129—144. — Ibidem. №№ XXXIX—XL, стр. 166—171.—№№ XLIII, стр. 182—184, XLVI, стр. 189—191.

ство: освобожденная совершенно отъ польскаго владычества, южная Русь, хотя и признала бы надъ собою власть единовѣрнаго московскаго государя, но всѣми силами старалась бы удержать свою національную самобытность, а по присоединеніи къ ней прочихъ русскихъ земель, оставшихся у Польши, на столько была бы велика, что Москва нашла бы неудобнымъ противиться ея стремленіямъ. Но Москва всегда хотѣла быть централизованною державою, а не федеративною, не такою державою, въ которой бы связывалось только единствомъ верховной власти нѣсколько національностей; такова была, такъ сказать, исконная традиція Московскаго государства, и съ самаго присоединенія Малороссіи, московскіе государственные люди домогались тѣснѣйшаго слитія присоединеннаго края, покровительствуя тѣмъ малороссіянамъ, которые, изъ угодливости властямъ, отзывались съ такими видами. Москва, со времени андрусовскаго перемирія, колебалась, когда являлся вопросъ объ окончательномъ мирѣ съ Польшею. Противодѣйствія со стороны малороссіянъ долго мѣшали успѣху въ Москвѣ польскихъ предложеній, которыя стали чаще послѣ неудачъ, испытанныхъ Польшею въ борьбѣ съ Турціею. Теперь, могучій любимецъ царевны Софіи, Голицынъ совершенно склонился къ мысли о вѣчномъ мирѣ съ Польшею и о героическомъ союзѣ христіанства противъ мусульманства. Въ январѣ 1686 года прибылъ въ Батуринъ знакомый уже гетману Леонтій Неплюевъ извѣстить, что польскій король опять прислалъ въ Москву новыхъ пословъ: Гримултовскаго, воеводу познанскаго, и князя Марціана Огинскаго, канцлера литовскаго, съ предложеніемъ заключить вѣчный миръ и союзъ противъ невѣрныхъ, съ уступкою отъ Польши царской сторонѣ завоеванныхъ и оставшихся по андру-

совскому договору за Россiею городовъ. Гетманъ повторялъ и теперь то же, что говорилъ прежде: доказывалъ, что полякамъ по ихъ коварству не слѣдуетъ ни въ чемъ вѣрить, что союзъ христiанскихъ государей противъ невѣрныхъ, которымъ поляки подманиваютъ Москву, не будетъ проченъ до тѣхъ поръ, пока французскiй король не пристанетъ къ этому союзу, что, отказавши полякамъ, опасаться союза Польши съ Турцiею и съ Крымомъ противъ Москвы вовсе не слѣдуетъ, и что, наконецъ, благоразумнѣе всего будетъ, не вступая въ союзъ и не раздражая мусульманъ, выждать нѣсколько лѣтъ и присмотрѣться, чѣмъ кончится война западныхъ государей съ турками. «Наши монархи, — говорилъ гетманъ, — еще малолѣтни; лучше бы имъ свои юныя лѣта проводить тихо и безмолвно безъ войны, и такимъ образомъ достигнуть совершеннаго возраста, а тѣмъ временемъ пополнилась бы царская казна, умаленная прежними войнами» [1]. Въ январѣ того же года гетманъ отправилъ въ Москву своего сына Григорiя и Мазепу съ предостереженiями въ прежнемъ духѣ и съ нѣкоторыми замѣчанiями на случай, если правительство московское вѣритъ полякамъ и непремѣнно желаетъ съ ними постановить миръ и союзъ противъ невѣрныхъ: чтобъ Запорожье отдано было подъ единую власть русскаго государя, а не состояло, какъ прежде, подъ двумя державами разомъ; чтобъ съ польской стороны дано было обязательство оставить въ свободѣ и полноправности греческое вѣроисповѣданiе и всѣхъ его послѣдователей въ польскихъ владѣнiяхъ [2]. Только эти замѣчанiя и были приняты во вниманiе.

---

[1]) А. И. Д. Подлинникъ, № 482.

[2]) Чтенiя Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. 1858, I, 289.

Усилія Самойловича остались напрасными. Въ Москвѣ былъ заключенъ съ польскими послами вѣчный миръ съ Польшею на основаніи андрусовскаго перемирія и вмѣстѣ взаимный союзъ противъ турокъ и татаръ. По отношенію къ Малороссіи, новый договоръ передавалъ во власть Россіи на вѣчныя времена лѣвобережную Украину съ городами Нѣжиномъ, Переяславомъ, Батуриномъ, Полтавою и со всѣми другими тамъ находящимися, со всѣми землями и урочищами, подъ какими бы то ни было прозвищами, а король, отъ имени своего и всей Рѣчи Посполитой, на вѣчныя времена отказывался отъ правъ на владѣніе всѣмъ этимъ краемъ. На правой сторонѣ Днѣпра въ царскую державу отходилъ городъ Кіевъ съ полосою земли въ такихъ предѣлахъ: «берегъ Днѣпра вверхъ Кіева почавъ отъ устья Ирпени внизъ отъ Кіева Днѣпромъ съ городами Триполъемъ и Стайками, а за Стайками внизъ Днѣпромъ съ милю, а оттуда отъ Днѣпра почавъ прямымъ путемъ черезъ поля по пяти миль въ ширину, а отъ того мѣста прямо полемъ до рѣки Стугны, а около Кіева всѣ земли межъ рѣками Ирпенемъ и Стугною и по теченію Стугны по Васильковъ, и тому мѣстечку Василькову быть въ державѣ царской, а отъ Василькова вверхъ отъ Стугны въ поля на полъмилю выше и оттуда полемъ прямо къ берегу Ирпени». Все пространство въ этой чертѣ между Стугною и Ирпенемъ должно быть отведено въ державу царскую и отмежевано черезъ назначенныхъ съ обѣихъ сторонъ коммиссаровъ. Запорожцы, живущіе въ Сѣчѣ, Кодакѣ, по днѣпровскимъ островамъ и въ поселеніяхъ, находящихся вверхъ отъ Сѣчи, по Днѣпру до устья Тясьмина, отдавались исключительно въ царскую державу на вѣчныя времена, а рубежъ отъ устья Тясьмина долженъ быть проведенъ вверхъ поля прямою чертою, не занимая Чи-

гирина къ лѣсу, называемому Чернымъ. Россія обязалась заплатить Польшѣ 146,000 рублей. Съ обѣихъ сторонъ положили не принимать своевольниковъ, и король обязывался не оказывать содѣйствія тѣмъ малороссіянамъ, которые бы возъимѣли намѣреніе оторваться отъ царской державы и отдаться Польшѣ. Съ своей стороны король обѣщалъ содержать своихъ подданныхъ православнаго исповѣданія въ совершенной свободѣ. Оба государства заключали взаимный союзъ противъ турокъ и татаръ. Россія обязалась послать войско въ Крымъ, и въ случаѣ, если бусурманы двинутся ко Львову въ королевскую державу, посылать Польшѣ военныя силы на помощь, а король обязывался отвращать своимъ войскомъ турецкаго султана отъ царскихъ земель, если онъ двинетъ свои войска на Кіевъ. Король обѣщалъ стараться склонить къ союзу противъ невѣрныхъ французскаго короля Людовика XIV. Одной сторонѣ безъ другой не слѣдовало заключать отдѣльнаго мира, тѣмъ болѣе, что союзъ противъ Турціи и Крыма предпринимался съ конечною цѣлью освободить христіанскіе народы, «стенящіе въ тяжкой неволѣ подъ бусурманскимъ игомъ».

Но самый щекотливый для Малороссіи вопросъ оставилъ нерѣшеннымъ этотъ миръ, несмотря на то, что носилъ наименованіе «вѣчнаго». Во время переговоровъ, когда зашла рѣчь о разоренныхъ городахъ и селахъ въ полосѣ внизъ по Днѣпру отъ мѣстечка Стаекъ по рѣку Тясьминъ [1]), о той правобережной Украинѣ, которая составляла центръ владѣнія Дорошенка, — бояре настаивали, чтобъ край этотъ отдать въ царское владѣніе, но королевскіе послы уперлись и уже хотѣли было уѣзжать

[1]) Ржищевѣ, Трехтемировѣ, Каневѣ, Мошнахъ, Сокольнѣ, Черкасахъ, Боровицѣ, Бужинѣ, Воронковѣ, Крыловѣ, Чигиринѣ.

изъ Москвы, однако, одумались и снова, вступивши въ переговоры съ боярами, предложили заключить вѣчный миръ, предоставивши разрѣшеніе вопроса королю, а до тѣхъ поръ положили спорнымъ землямъ оставаться впустѣ, городковъ и мѣстечекъ не строить и старыхъ не починять; если же бы и впослѣдствіи по этой статьѣ не послѣдовало соглашенія, то отложить ея рѣшеніе на дальнѣйшее время съ тѣмъ, чтобъ она до своего разрѣшенія, ни въ какомъ случаѣ не была поводомъ къ нарушенію вѣчнаго мира между Россіею и Польшею [1]).

Понятно, что малороссіяне не могли быть довольны такимъ исходомъ многолѣтней кровавой борьбы, возникшей за свободу ихъ родины. Вѣсть объ окончательномъ соглашеніи съ польскими послами и о составленіи мирнаго договора привезъ къ Самойловичу все тотъ же Леонтій Романовичъ Неплюевъ. Съ грустію выслушалъ гетманъ царскую грамату и не утерпѣлъ, чтобъ не высказать того, что у него было на душѣ. «Вотъ увидите, — сказалъ онъ: — не всякъ изъ вашихъ московскихъ чиновъ будетъ васъ благодарить за то, что поддались польскимъ хитростямъ и по наущенію ляховъ хотите миръ разорвать съ Турціею и Крымомъ и начать съ бусурманами войну!» — Смѣлѣе выражался гетманъ по отъѣздѣ Неплюева въ кругу своихъ старшинъ: «Купила Москва собѣ лиха за свои гроши, данные ляхамъ. Ось увидите, что они въ томъ миру, съ ляхами учиненномъ, себѣ зищутъ и что противъ хана учинятъ. Жалѣли малой дачи татарамъ давать, будутъ большую казну имъ давать, сколько татары похотятъ!»

Такъ говорилъ гетманъ, не сообразивши, что слушавшіе рѣчи его записывали ихъ втайнѣ, чтобъ потомъ

---

[1]) А. И. Д. Польскія Дѣла, св. 229, 230.

употребить ихъ ко вреду ему [1]). Онъ не далъ повелѣнія молебствовать въ церквахъ, по случаю мира. Между тѣмъ въ письмахъ своихъ, посылаемыхъ въ Приказъ, гетманъ долженъ былъ, скрѣпя сердце, изъявлять удовольствіе о прекращеніи долголѣтней брани и о союзѣ, заключенномъ между христіанскими государями противъ «зловреднаго чудовища» [2]), въ надеждѣ исторгнуть изъ неволи христіанъ. Какъ больно отозвалось въ сердцахъ малороссіянъ оставленіе нерѣшеннымъ вопроса объ ихъ древней родинѣ, показываетъ письмо Самойловича къ польскому королю отъ 31 мая; въ этомъ письмѣ гетманъ отъ имени Войска Запорожскаго изъявляетъ готовность въ предпринимаемой войнѣ дѣйствовать тамъ, куда обратитъ его воля правительства, но при томъ сообщаетъ, что Войско Запорожское очень скорбитъ о потерѣ древняго своего достоянія, правобережной Украины, и проситъ возвратить малороссіянамъ этотъ опустѣлый край [3]).

---

[1]) Чтен. Им. Об. Ист. и Древ. 1858, т. I, стр. 298.

[2]) «На того черезъ вѣки не мало шкодячого смока» (А. И. Д. Подлинникъ, № 487).

[3]) «Власная наша Войска Запорожскаго земля на томъ боку рѣки Днѣпра по рѣчкамъ Собу и Каменкахъ и по рѣцѣ Бугу будучая, не остаючи цале при насъ захована, въ якоись нашои вонтпливости и отлученіи завѣшена. А не только то многимъ окрестнымъ народамъ, але и самому вашему королевскому величеству и всей Рѣчи Посполитой есть вѣдомо, ижъ Войско Запорожское з давныхъ вѣковъ ажъ до сего времени всегда ее заживало. За ихъ царскихъ величествъ позволенемъ покорне до вашего королевскаго величества просимъ унижене милостивого респекта, абы тая земля пустая, яко наша власная, при насъ была вѣчнымъ постановленемъ утвержена. Нехай бы при такой васъ пресвѣтлѣйшихъ и найяснѣйшихъ монарховъ о вѣчномъ мирѣ радости и нашъ народъ премилосердымъ ихъ царскихъ величествъ призрѣніемъ и милостію вашего королевскаго величества тоеи земли будетъ утѣшенъ и жебы теперь коли непріятелей за границею шукати належитъ, Войско Запорожское домашнихъ своихъ по отцахъ, дѣдахъ и прадѣдахъ власностей не отпавши ве-

Отправляя къ королю Гречанаго съ этимъ письмомъ, гетманъ при старшинахъ говорилъ: «Не такъ оно станется, какъ Москва въ мирныхъ договорахъ своихъ съ ляхами постановила. Учинимъ мы такъ, какъ надобно намъ!» [1]). Въ томъ же духѣ, въ какомъ писалъ было къ королю, въ августѣ писалъ Самойловичъ коменданту бѣлоцерковскому, выставляя на видъ, что край правобережный достался Россіи не отъ поляковъ, а отъ турокъ, въ послѣднее время былъ окончательно отвоеванъ отъ Юраски Хмельницкаго Семеномъ Самойловичемъ, покойнымъ гетманскимъ сыномъ, и присоединенъ къ остальному малороссійскому краю. «Вы, — писалъ онъ къ коменданту: — призываете Войско Запорожское къ войнѣ съ невѣрными, но какая бы охота была намъ биться съ бусурманами, когда мы видимъ надъ собою такое безправіе, когда у насъ отобрали нашу исконную собственность, правую сторону Днѣпра?» Гетманъ предостерегалъ коменданта, чтобъ онъ не посылалъ отъ себя никого въ спорную правобережную Украину, потому что гетманъ приказалъ уже людямъ своего регимента наблюдать, чтобъ никто посторонній не покушался обращать этого края въ свое владѣніе.

Эти домогательства не только оставлены безъ вниманія, но польскій король сообщилъ московскому правительству о выходкѣ Самойловича; изъ Москвы, чрезъ окольничаго Неплюева, посланъ былъ Самойловичу выговоръ за его «противенство». Испуганный этимъ, гетманъ тотчасъ послалъ просить прощенія, и въ октябрѣ 1686 года получилъ его черезъ письмо Голицына, кото-

---

селыми серцами и охотными одвагами в промыслахъ военныхъ предлежащихъ ставати могло». (А. И. Д. Подлинникъ, № 487).

[1]) Чт. Мос. Общ. Ист. и Древ. 1858 г., т. I, стр. 302.

рый увѣрялъ гетмана, что милость государей къ нему уменьшена не будетъ [1]).

Такъ поляки, по миру съ Московскимъ государствомъ, получили въ неполное владѣніе правобережную Украину, разоренную и опустошенную, получили ее со страннымъ условіемъ, обязательнымъ для обѣихъ сторонъ: не заводить тамъ поселенія. Желаніе малороссійскаго народа снова заселить ее проявилось тотчасъ же, какъ мы это видѣли; но первыя попытки были безуспѣшны, и страна много лѣтъ оставалась впустѣ, и еще долѣе виднѣлись въ ней слѣды эпохи руины, пережитой этимъ краемъ. Намъ остались отъ близкихъ современниковъ любопытныя черты о положеніи края, спустя четверть столѣтія послѣ изображенной нами эпохи руины. Малороссійскій лѣтописецъ Величко въ началѣ XVIII вѣка проходилъ черезъ этотъ край, находясь въ козацкомъ отрядѣ, отправленномъ на содѣйствіе полякамъ во время шведской войны. Вотъ какъ онъ передаетъ впечатлѣніе, оставленное на него картиною, какую представляла тогда правобережная Украина.

«Видѣлъ я — пишетъ онъ: — многіе городы и зàмки безлюдные, опустѣлые, валы высокіе какъ горы, насыпанные трудами рукъ человѣческихъ; видѣлъ развалины стѣнъ приплюснутыя къ землѣ, покрытыя плѣсенью, обросшія бурьяномъ, гдѣ гнѣздились гады и черви, видѣлъ покинутыя впустѣ привольныя украино-малороссійскія поля, раскидистыя долины, прекрасныя рощи и дубравы, обширные сады, рѣки, пруды, озера, заросшія мхомъ, тростникомъ и сорною травою; видѣлъ на разныхъ мѣстахъ и множество костей человѣческихъ, которымъ было

---

[1]) Gord. II, 179. — Соловьевъ, XIV, 37. Ссылка на дѣла Архива Юстиціи Приказнаго стола.

покровомъ одно небо, видѣлъ, и спрашивалъ въ умѣ своемъ: кто были эти? Вотъ она — эта Украина, которую поляки нарекли раемъ свѣта польскаго, эта Украина, которая передъ войнами Хмельницкаго была второю обѣтованною землею, прекрасная, всякими благами изобиловавшая наша отчизна, Украина малороссійская, обращенная Богомъ въ пустыню, лишенная безвѣстно своихъ прежнихъ обитателей, предковъ нашихъ» [1]).

Другой современникъ, великорусскій священникъ Лукьяновъ, проходивши черезъ Украину въ то время, когда уже сѣверную часть ея началъ заселять полковникъ Палій, разсказываетъ, что когда онъ выступилъ изъ Паволочи, послѣдняго жилаго мѣста, недавно возникшаго Паліева владѣнія, то въ теченіе пяти дней пути до Немирова, пришлось ему идти совершенно пустынею: гдѣ прежде были красивые города и большія села, тамъ теперь нельзя было встрѣтить ни человѣческаго жилья, ни человѣческаго лица; только дикія козы, волки, лоси, медвѣди скитались по краю, въ которомъ порою виднѣлись остатки былаго человѣческаго довольства — одичалые сады съ яблонями, сливами, грушами, волоскими орѣхами. Земля эта показалась такова путешественнику, что онъ назвалъ ее золотою, но татары не давали тамъ никому поселиться. Городъ Немировъ стоялъ одинъ посреди пустыни; онъ принадлежалъ полякамъ, и недавно передъ тѣмъ былъ раззоренъ татарами; жителей въ немъ было мало и тѣ — преимущественно евреи. Тамъ жить было и неудобно, и дорого. По ту сторону рѣки Буга опять шла пустыня, но уже не ровная, а холмистая, на четыре дня пути вплоть до города Сороки на молдавской границѣ [2]).

---

[1]) Лѣт. Вел., I, стр. 4—5.
[2]) Рус. Арх. 1863 г., стр. 155—158.

Въ описанный нами періодъ «Руины» естественно не могло въ малороссійскомъ краѣ процвѣтать умственное и культурное движеніе. О правобережной Украинѣ, превращенной наконецъ въ совершенную пустыню, нечего и говорить; но въ лѣвобережной, находившейся болѣе въ спокойномъ состояніи, сохранились еще остатки прежняго довольства и давали новые ростки. Въ Кіевѣ, основанная Петромъ Могилою при Братскомъ монастырѣ, коллегія стала-было центромъ умственной жизни для всей Украины, но въ періодъ «Руины» находилась въ такомъ плачевномъ состояніи, что до 1673 года въ ней почти не было непрерывнаго ученія, а съ этого года начало оно отправляться, но только въ низшихъ классахъ, и не ранѣе 1677 возстановилось въ высшихъ. Главною причиною было крайнее обнищаніе Братскаго монастыря, котораго имѣнія были почти всѣ на правой сторонѣ Днѣпра и подвергались раззоренію. Хотя цари жаловали монастырю съ коллегіею новыя села, польскіе короли подтверждали привилегіи своихъ предшественниковъ на монастырскія мѣстности, а митрополитъ Іосифъ Тукальскій уступилъ Братскому монастырю и коллегіи мѣстечко Стайки, полученное имъ отъ Дорошенка на собственное свое содержаніе, но такіе дары оставались преимущественно только на бумагѣ, за невозможностію получать изъ пожалованныхъ маетностей доходы. Преподаватели коллегіи, принадлежа къ числу братіи монастыря и не получая никакого опредѣленнаго содержанія, довольствовались только одеждою и пищею, и то въ нищенскомъ видѣ; студенты и ученики питались подаяніемъ. Несмотря на гнетущую житейскую нищету, изъ наставниковъ были лица, съ любовію занимавшіяся педагогическими обязанностями и составлявшія даже учебники въ тяжелыя

времена смутъ и разореній [1]). Здѣсь не мѣсто распространяться о способахъ тогдашняго преподаванія, но замѣтимъ, что при многихъ сторонахъ его, для насъ теперь уже неумѣстныхъ, въ немъ было то хорошо, что, не ограничиваясь теоретическимъ изложеніемъ предмета, заставляли воспитанниковъ ворочать собственнымъ умомъ: въ этихъ видахъ въ низшихъ классахъ задавались «экзерциціи и оккупаціи», состоявшія въ грамматическихъ разборахъ, переводахъ и сочиненіяхъ на указанныя тэмы, а въ высшихъ производились диспуты, когда раздѣляли воспитанниковъ на двѣ половины, и каждая съ своей точки зрѣнія должна была отстаивать какое-нибудь спорное научное положеніе. При всемъ упадкѣ кіевской коллегіи — центра тогдашней классной образованности, мы въ періодъ «Руины» встрѣчаемъ не мало малороссіянъ, преимущественно духовныхъ, оставившихъ по себѣ литературные труды, болѣе или менѣе замѣчательные для своего времени. То были или воспитанники прежнихъ временъ кіевской коллегіи, или такіе, которые, при невозможности получать образованіе на своей родинѣ, получали ее заграницей. Таковы были: митрополитъ Тукальскій, не только политическій дѣятель и патріотъ, но и проповѣдникъ; печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель, авторъ «Мира души съ Богомъ» и «Сvнопсиса Русской Исторіи» — сочиненія, въ свое время служившаго руководствомъ къ преподаванію; игуменъ кіевскаго Никольскаго монастыря Радивиловскій, авторъ

---

[1]) Напр. по риторикѣ: Subsidium Rhetoricum, другое: Penuarium Tullianæ Eloquentiæ Кроковскаго, бывшаго тогда профессоромъ, а впослѣдствіи кіевскимъ митрополитомъ; по философіи: въ 1679 году Cursus Philosophicus Doctrinam Aristotelis complectens и другой курсъ, читанный Кроковскимъ въ 1686 году, подъ названіемъ Philosophia Peripatetica. (Ист. Кіев. Академіи, Булгакова, стр. 59).

многихъ проповѣдей. Еще замѣчательнѣе ихъ былъ въ свое время архіепископъ черниговскій Лазарь Барановичъ, который, кромѣ множества писемъ, написанныхъ имъ по разнымъ поводамъ въ качествѣ участника общественныхъ событій своего времени [1]), оставилъ много сочиненій въ прозѣ и стихахъ на русскомъ, а еще болѣе на польскомъ языкѣ: они, однако, отличаются болѣе риторическою вычурностію, чѣмъ свѣтлостію таланта и богатствомъ мысли. Другой, котораго надобно поставить рядомъ съ Лазаремъ, хотя съ признаками бо́льшаго дарованія, былъ Іоанникій Галятовскій, нѣкогда воспитанникъ и преподаватель кіевской коллегіи, а потомъ архимандритъ Елецкаго монастыря въ Черниговѣ. Кромѣ праздничныхъ поученій, собранныхъ въ особой книгѣ: «Ключъ Разумѣнія», и кромѣ отдѣльныхъ описаній разныхъ чудесъ, этотъ писатель имѣетъ для насъ значеніе потому, что не былъ чуждъ вопросовъ, возбуждавшихъ умы въ его вѣкъ: онъ вступалъ въ полемику за православіе противъ папизма [2]), противъ реформатскихъ ересей [3]), противъ іудейства [4]) и даже противъ мугаметанства [5]) по случаю возникшаго союза Россіи съ Польшею противъ Турціи. Многія сочиненія этого писателя являлись не на русскомъ, а на польскомъ языкѣ — доказа-

---

[1]) Письма Лаз. Бар. изд. въ Черниговѣ, въ 1865 г.

[2]) «Бесѣда Бѣлоцерковская» — описаніе диспута, который авторъ велъ съ іезуитомъ Пекарскимъ въ 1663 году; «Старая восточная вѣра новозападной церкви» — сочиненіе, написанное противъ Циховича, составившаго сочиненіе въ римско-католическомъ духѣ противъ православія; «Отвѣты римлянамъ на книгу Фундаментъ Вѣры» — сочиненіе, написанное противъ іезуита Скарги; «Души людей умершихъ» — направленное противъ западнаго ученія о чистилищѣ.

[3]) «Алфавитъ Еретиковъ».

[4]) «Мессія Правдивый».

[5]) «Лебедь» и «Алкоранъ Магометовъ отъ Когелета Христова разрушенный и ни во что обращенный».

тельство, что въ тотъ періодъ польскій языкъ продолжалъ еще быть культурнымъ языкомъ въ Малороссіи, такъ что самые борцы за православіе употребляли этотъ языкъ, и при поверхностномъ взглядѣ тогдашніе образованные малороссіяне могли бы намъ показаться поляками, отличными отъ прочихъ только по вѣроисповѣданію. Нельзя сказать, чтобъ это усвоеніе польской культуры не отражалось и на чистотѣ ихъ православія, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія тогдашнихъ не-малороссійскихъ православныхъ богослововъ. Такъ, жившій въ тотъ же періодъ игуменъ кіевскаго Михайловскаго монастыря Софоновичъ написалъ книгу: «Выкладъ или ученіе о церковныхъ тайнахъ»; хотя книга его считалась въ Малороссіи вполнѣ православною и была уже три раза издаваема въ печати (1666, 1668 и 1674 годовъ), но въ Москвѣ патріархъ Іоакимъ нашелъ въ ней неправославныя, а римско-католическія воззрѣнія. Павелъ Негребецкій, воспитанникъ львовскій [1]), жившій въ Москвѣ, находилъ вреднымъ, что въ Малороссіи, какъ и въ Бѣлоруссіи, учились болѣе латинскому языку и мало занимались греческимъ. По его указаніямъ, только малая часть изъ воспитанниковъ такимъ образомъ не впала въ унію, «да и въ тѣхъ, которые не падаютъ, — говоритъ онъ, — познаваются въ нихъ останки іезувитскіе, понеже іезувиты не учатъ ихъ высокими науками, покамѣстъ передъ Богомъ не обѣщаются держати латинской религіи». Здѣсь зацѣплена была дѣйствительно слабая сторона реформы Петра Могилы, который увлекся мыслію давать отпоръ римской вѣрѣ приблизительно ея же оружіемъ и поэтому устроилъ свою коллегію на об-

---

[1]) Преосвященный черниговскій Филаретъ приписываетъ ему книгу «Доводъ» (Обз. Рус. Литер., I, 296).

разецъ римско-католическихъ, а черезъ то незамѣтно стали туда входить нѣкоторыя западныя богословскія воззрѣнія и благочестивые пріемы, свойственные болѣе западной, чѣмъ восточной церкви.

Съ упадкомъ правобережной Украины, умственная дѣятельность нашла себѣ какъ-бы исключительный пріютъ въ черниговской епархіи. Кромѣ указанныхъ выше писателей, тамъ, въ періодъ «Руины», славились и другіе проповѣдники: новгородъ-сѣверскій «казнодѣй» (проповѣдникъ) Тимоѳей Богдановичъ, Варлаамъ Михневичъ и болѣе всѣхъ знаменитый Димитрій Туптало — впослѣдствіи ростовскій митрополитъ, причисленный къ лику святыхъ. Онъ въ очень молодыхъ лѣтахъ постригся въ кіевскомъ Кирилловскомъ монастырѣ, не имѣвши возможности окончить какъ слѣдуетъ своего образованія, но этотъ недостатокъ восполнилъ своимъ громаднымъ природнымъ талантомъ: посвященный въ 1675 году въ іеромонахи въ Густынскомъ [1]) монастырѣ, онъ въ теченіе двухъ лѣтъ привлекалъ своимъ талантомъ проповѣдника въ этотъ монастырь массы благочестивыхъ посѣтителей. Уѣхавши на время въ Литву, онъ потомъ скоро явился въ батуринскомъ Крупецкомъ монастырѣ игуменомъ, а черезъ непродолжительное время отказался отъ этого сана и проживалъ въ томъ же монастырѣ въ качествѣ проповѣдника до 1684 года, когда архимандритъ Варлаамъ Ясинскій вызвалъ его въ кіево-печерскую лавру для составленія житій святыхъ.

Кромѣ указанныхъ писателей изъ духовнаго званія, были въ тотъ періодъ въ Украинѣ и свѣтскіе историческіе писатели: мы разумѣемъ автора лѣтописи Самовидца — несомнѣнно современника всей второй поло-

---

[1]) Близъ города Прилуки, Полтавской губерніи.

вины XVII вѣка, Грабянку, Величку и другихъ, но подробная оцѣнка ихъ сочиненій, относящихся не исключительно къ одному періоду «Руины», а ко всей исторіи Малороссіи, должна быть предметомъ особаго изслѣдованія.

Ремесла, промыслы и торговля главнымъ образомъ имѣли своихъ дѣятелей въ городахъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, гдѣ существовали устроенные на нѣмецкій средневѣковой образецъ цехи, но во всѣхъ другихъ городахъ были, хотя и не въ большомъ числѣ, люди, отдѣльно посвящавшіе себя этимъ занятіямъ. Въ этотъ періодъ въ большомъ ходу въ Малороссіи было плотничное и землекопное дѣло, такъ какъ защита отъ безпрестанныхъ татарскихъ нападеній требовала постройки городковъ, которыхъ укрѣпленія состояли изъ рвовъ и валовъ съ деревянными стѣнами на послѣднихъ. Почти каждое значительное село было обведено такими укрѣпленіями и называлось городомъ. Кромѣ того, послѣ каждаго татарскаго разоренія приходилось отстраивать разоренные и сожженные дворы. Отъ этого въ Малороссіи было тогда много плотниковъ, называвшихся «будниками, горододѣлями, теслями», и землекоповъ, называвшихся «грабарями» и «могильниками» [1]). Искусствомъ строить каменныя зданія малороссіяне не отличались, и потому при постройкѣ каменныхъ церквей въ Черниговѣ и Кіевѣ приглашали великороссіянъ. За то между малороссіянами было тогда въ ходу кузнечное ремесло. Независимо отъ большихъ городовъ, гдѣ въ числѣ цеховъ былъ «ковальскій» (кузнечный) цехъ, вездѣ было не мало «ковалей» и оружейниковъ, потому что козакамъ часто нужно было чинить свое оружіе. Главнѣйшее занятіе

---

[1]) Могилою называется по-малороссійски всякая земляная насыпь.

посполства состояло въ земледѣліи, и въ урожайные годы хлѣба было большое обиліе: поселяне сбывали его главнымъ образомъ на Запорожье, такъ какъ сѣчевики вовсе не занимались хлѣбопашествомъ, а изъ Запорожья въ гетманщину доставлялась рыба и соль. Отправляли также хлѣбное зерно и въ Польшу.

Внутри гетманщины избытокъ хлѣбнаго зерна шелъ на винокуренье, которое, однако, было распространено преимущественно въ сѣверныхъ полкахъ, гдѣ было больше лѣсовъ. Винокуреніе было подчинено, какъ мы уже говорили, арендамъ наравнѣ съ дегтемъ и табакомъ. Деготь вырабатывался въ стародубскомъ полку разомъ со смолою и поташомъ. Малороссіяне находили выгоднымъ возить вино и табакъ въ Московское государство, но то была контрабанда, сурово преслѣдуемая московскимъ правительствомъ. Пенькою занимались исключительно въ стародубскомъ полку и сбывали великороссійскимъ купцамъ, которые продавали ее въ Ригу. Скотоводство распространено было въ полкахъ переяславскомъ, миргородскомъ и полтавскомъ; рогатый скотъ и воловьи кожи въ значительной степени сбывались отчасти въ Польшу, но болѣе всего въ Великороссію, гдѣ уже былъ извѣстенъ лучшій сортъ рогатаго скота подъ названіемъ черкасскаго. Лошадей водилось вездѣ множество, такъ какъ конь для козака былъ необходимостью, но о сбытѣ лошадей за предѣлами гетманщины мы не знаемъ. Самымъ любимымъ и гораздо болѣе чѣмъ теперь распространеннымъ промысломъ было пчеловодство, такъ какъ во всей гетманщинѣ едва ли можно было встрѣтить одного зажиточнаго хозяина, у котораго бы не было пасѣки, а послѣ опустошенія правобережной Украины обитатели поднѣпровскаго прибережья лѣвой стороны стали самовольно заводить въ лѣсахъ на правой сторонѣ огромныя

пасѣки. Земледѣльцы находили для себя выгоднымъ заниматься производствомъ селитры; особенно заводили много селитренныхъ майдановъ на югѣ по Орели. Сбывали селитру въ Москву, гдѣ она шла въ казну на выдѣлку пороха. Для взаимнаго обмѣна произведеній между купцами въ Малороссіи служили многочисленныя ярмарки, пригоняемыя ко времени разныхъ праздниковъ; туда пріѣзжали купцы изъ Великороссіи и Польши съ произведеніями своихъ странъ. При частыхъ татарскихъ набѣгахъ, при внутреннихъ нестроеніяхъ, при плохихъ дорогахъ, торговля никакъ не могла процвѣтать и собственно предметы культурнаго житейскаго комфорта были рѣдки, дороги и доступны только высшимъ и богатымъ лицамъ. Тѣмъ не менѣе народъ малороссійскій, казалось, проживалъ въ лѣвобережной гетманщинѣ въ довольствѣ, по крайней мѣрѣ сравнительно съ несчастною правою стороною, лишившеюся, наконецъ, всѣхъ своихъ жителей, которыхъ остатки нищенски уходили искать новаго отечества съ жалкими обломками своего хозяйства, и часто, не дойдя еще до цѣли, погибали отъ голода и холода съ своими семьями. Спасшіеся изъ нихъ и водворившіеся въ слободской Украинѣ начинали новую жизнь въ привольѣ и довольствѣ, но судьба ихъ уже не зависѣла отъ гетманскаго регимента.

Миромъ, прекратившимъ войну, возникшую главнымъ образомъ за Малороссію между Польшею и Московскимъ государствомъ, собственно и заканчивается эпоха «Руины», которую предприняли мы изобразить, пользуясь бывшими въ нашихъ рукахъ современными источниками. Затѣмъ предлагаемъ, въ видѣ эпилога, описаніе низложенія гетмана Самойловича. Это событіе стоитъ въ связи со всѣмъ

предшествовавшимъ, потому что катастрофа, постигшая малороссійскаго гетмана, главнымъ образомъ была слѣдствіемъ заявленнаго имъ недовольства миромъ, оставившимъ народный малороссійскій вопросъ того времени неразрѣшеннымъ такъ, какъ хотѣлъ разрѣшить его весь народъ малороссійскій.

ЭПИЛОГЪ.

Приготовленія къ войнѣ съ Крымомъ. — Царскія граматы. — Походъ въ Крымъ. — Степной пожаръ. — Возвращеніе войскъ. — Доносъ на Самойловича. — Неудовольствіе малороссіянъ къ гетману. — Арестованіе гетмана. — Отрѣшеніе отъ гетманскаго уряда. — Григорій Самойловичъ. — Ссылка гетмана Самойловича и казнь его сына.

Въ теченіи 1686 года происходили приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ. Въ маѣ были посланы царскія граматы къ гетману и въ Сѣчь къ кошевому атаману: исчислялись неправды крымцевъ, указывалось запорожцамъ, собравшись всѣмъ своимъ низовымъ войскомъ, чинить промыселъ на перелазахъ, черезъ которые обыкли переходить татары во время своихъ набѣговъ на русскіе предѣлы [1]). Въ ноябрѣ того же года послѣдовалъ царскій указъ съ боярскимъ приговоромъ, обращенный ко всѣмъ служилымъ людямъ Московскаго государства — строиться къ службѣ въ походъ противъ крымцевъ, долженствовавшій начаться въ слѣдующемъ году [2]). Причины, побуждавшія Московское государство разрывать миръ, приводились въ такомъ видѣ:

И прежде крымскіе татары многажды дѣлали нападенія на царскія области и уводили безчисленное мно-

---

[1]) А. И. Д. Малор. Дѣла, св. 69, № 15.

[2]) Полн. Собр. Зак. Рос. Имп. XI, 835.

жество православнаго народа въ неволю, продавали его какъ скотъ и въ разныя земли, ругались надъ именемъ Христа-Спасителя, а своего проклятаго лжепророка Магомета величали; при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ постановлено было съ крымскимъ ханомъ перемиріе на 20 лѣтъ; несмотря на то, до окончанія перемирнаго срока, возобновились набѣги. Вскорѣ послѣ перемирія, приходили татары подъ Торгъ [1]), подъ Изюмъ, подъ Соленый городокъ, и на торжскихъ соленыхъ озерахъ захватили многихъ рабочихъ людей и угнали въ полонъ. Въ 1682 г. азовскіе, крымскіе и ногайскіе татары приходили подъ городокъ Валуйки, и взяли въ плѣнъ тамошняго воеводу Мезенцова со многими людьми. Въ 1684 году бусурмане на рѣкѣ Міусѣ побили ватаги зинковцевъ, полтавцевъ и кобылякцевъ и на рѣкахъ Орели и Самарѣ нападали на людей, которые, будучи обнадежены миромъ, ходили на рыбныя ловли и пасли свой скотъ въ поляхъ: татары угоняли ихъ скотъ, а самихъ людей забирали въ полонъ. Въ 1685 году азовскіе люди приходили подъ Балаклею [2]) и въ Степановку [3]), взяли 50 человѣкъ въ неволю, забрали имущество и скотъ и выжгли село; вслѣдъ затѣмъ на торжскихъ соленыхъ озерахъ и на сѣнныхъ покосахъ взяли въ полонъ многихъ людей и захватили скотъ. Послѣ того, набѣгали они на харьковскій полкъ и тамъ побили и увели въ неволю множество людей. Кромѣ всего этого, въ разные годы бусурманы захватывали въ полонъ запорожцевъ, которые, надѣясь на мирный договоръ, отправлялись на звѣриные и рыбные промыслы въ ни-

---

[1]) Нынѣ Торжская слобода, Харьков. губ. Купенскаго уѣзда, при рѣкѣ Жеребцѣ.

[2]) Слобода Харьков. губ. Зміевскаго уѣзда, при р. Балаклейкѣ и Сѣверномъ Донцѣ.

[3]) Деревня Харьков. губ., Зміевск. уѣзда, при р. Орелкѣ.

зовья Днѣпра. По всѣмъ такимъ поводамъ посылаемы были къ хану крымскому требованія, чтобъ онъ приказалъ казнить своевольниковъ, отпустить русскихъ плѣнниковъ и воротить награбленное, но справедливыя требованія не исполнялись, а царскихъ посланниковъ, ѣздившихъ въ Крымъ, безчестили: одного изъ нихъ, Никиту Тараканова, ханъ и Калга-салтанъ приказали бить обухами и выставить предъ народомъ въ утѣху бусурманамъ, а православнымъ христіанамъ въ укоризну и посмѣяніе. Посылались жалобы на крымскаго хана къ турецкому султану, и турецкій султанъ приказывалъ хану освободить русскихъ плѣнниковъ и возвратить похищенное, но ханъ не сдѣлалъ ничего. По изложеннымъ поводамъ, великіе государи, вступивши въ союзъ съ польскимъ королемъ, рѣшили чинить промыселъ надъ крымцами.

Не ранѣе какъ въ началѣ декабря отправленъ былъ Косаговъ съ ратною силою въ Запорожскую Сѣчу съ тѣмъ, чтобы укрѣпиться въ Каменномъ-Затонѣ [1]). Между тѣмъ поляки нѣсколько ранѣе, осенью, сдѣлали нападеніе на Молдавію, но оно окончилось для нихъ неудачно; татары зажгли степь, и польскія войска должны были попятиться назадъ [2]).

Самойловичъ продолжалъ ненавидѣть смертельно поляковъ, и передъ своими старшинами не скрывалъ нерасположенія къ успѣхамъ христіанскихъ державъ, воевавшихъ тогда противъ турокъ, и показывалъ довольство неудачами христіанъ. Когда гетману приносили газеты (куранты), гдѣ сообщалось, что цесарскія войска овладѣли городомъ Будою, а венеціане сдѣлали высадку въ

---

[1]) А. И. Д., св. 70, декабря 10-го.
[2]) Szujskiego, Dzieje Polskie, т. IV, стр. 130.

Море́ и побрали тамъ турецкіе города, — гетманъ не хотѣлъ заглядывать въ газеты, но разразился веселымъ смѣхомъ, когда ему сказали, что поляки ушли со срамомъ изъ Молдавіи, а татары, ворвавшись на Волынь, надѣлали тамъ опустошеній. Бесѣдуя наединѣ съ генеральнымъ бунчужнымъ Полуботкомъ, гетманъ говорилъ: «Ахъ, какъ бы я былъ радъ, когда бы ляхи въ Волоской землѣ, утѣсненные татарами, помирились! Чай бы Москва и насъ тогда узнала и не почитала бы насъ легко за то, что мы хотимъ соблюсти пріобѣщанную и надежную дружбу съ Крымскимъ государствомъ» [1]). Полуботокъ, хотя и преданный Самойловичу, проговаривался о его отзывахъ передъ тѣми, которымъ они пригодились ко вреду гетмана.

Но гетманъ, вѣрный по долгу московскому престолу, во исполненіе царской воли разсылалъ полковникамъ универсалы о распоряженіяхъ къ предстоявшей войнѣ [2]) и писалъ въ Москву, что если уже рѣшено воевать, то необходимо выслать сколько возможно большее войско и выступать въ походъ раннею весною [3]). Впослѣдствіи враги его толковали эти совѣты такъ, какъ будто гетманъ давалъ ихъ съ коварною цѣлью, чтобъ затѣваемое военное предпріятіе не удалось. Но такое побужденіе приписывалось ему невѣрно, по злобѣ: и прежде, много разъ, когда у него изъ Москвы спрашивали совѣтовъ, онъ всегда твердилъ, что противъ Крыма надобно сразу двинуть огромное войско, чтобъ имѣть возможность однимъ походомъ кончить войну, а выступать въ походъ слѣдуетъ не иначе, какъ раннею весною, чтобъ имѣть для себя впереди все лѣтнее время въ распоряженіи.

---

[1]) Чт. М. О. И. и Д., 1858 г., I, 299.
[2]) А. И. Д., Малор. дѣла, св. 70.
[3]) Чт. М. О. И. и Д., 1858 г., I, 300.

Нѣсколько времени, однако, у Самойловича оставалась надежда — авось либо въ Москвѣ одумаются, отстанутъ отъ союза съ ляхами и не начнутъ войны противъ Турціи и Крыма. Москва готовилась къ войнѣ очень медленно, какъ будто чего-то выжидая. Константинопольскій патріархъ Діонисій писалъ въ Москву убѣжденія не разрывать мира съ бусурманами и представлялъ, что это принесетъ вреда болѣе христіанамъ, чѣмъ бусурманамъ, потому что турки станутъ тогда изливать свое мщеніе надъ подвластными имъ христіанскими народами [1]). Крымскій ханъ писалъ въ Москву, что воевать не изъ-за-чего, просилъ жить въ мирѣ съ Крымомъ, не помогать польскому королю, а для улаженія недоразумѣній учинить съѣздъ. Стольникъ Алмазовъ привезъ гетману ханское письмо и спрашивалъ, гдѣ учинить такой съѣздъ. Самойловичъ тогда находилъ удобнымъ устроить съѣздъ въ Каменномъ-Затонѣ, куда посланъ Косаговъ, и приэтомъ замѣтилъ, что будетъ кстати двинуть войско, чтобъ задать страху крымцамъ. Это намъ показываетъ искренность Самойловича: война ему была непріятна, но когда уже рѣшено было высшею властію двинуть войско, гетманъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ извлечь изъ этого пользу, чтобъ укрѣпить миръ съ Крымомъ на болѣе выгодныхъ для Россіи условіяхъ. Въ кругу своихъ старшинъ онъ безбоязненно говорилъ: «Не послухалатаки мене дурная Москва, замирились зъ ляхами! приходитъ, однако, время: станутъ скоро меня просить, чтобъ я сталъ посредникомъ къ примиренію между Москвою и Крымскимъ государствомъ. Только я буду знать, какъ ихъ примирить. Будутъ они меня па-

---

[1]) Соловьевъ. Истор. Рос., т. XIV, 37. Ссылка на Сборникъ синод. библіотеки.

мятовать; будутъ вѣдать москали, какъ насъ почитать»! [1]).

Надежды гетмана не сбылись. Съѣздъ съ крымцами не устроился и гетмана о посредничествѣ не просили, а весною 1687 года получилъ онъ грамату, указывавшую ему слѣдовать со всѣмъ войскомъ въ походъ.

Въ концѣ апрѣля все козачество поднялось на ноги по новому универсалу своего гетмана. Когда самъ гетманъ выѣзжалъ изъ своего батуринскаго за̀мка, подъ нимъ на мосту споткнулась лошадь. «Худой прогностикъ» — замѣтили тогда нѣкоторые.

Гетманъ слѣдовалъ къ Гадячу. Тамъ встрѣтили его нѣсколько полковъ въ сборѣ, ожидавшихъ его прибытія. Оттуда съ ними онъ двинулся къ Полтавѣ и тамъ встрѣтили его другіе полки, также въ сборѣ.

Въ Полтавѣ старый священникъ Іоаннъ Величковскій поднесъ гетману въ даръ икону патрона его Іоанна Кущника и при ней вирши своего сочиненія [2]). Съ гетманомъ были тогда всѣ генеральные старшины, всѣ полковники [3]) и значные войсковые товарищи. Въ концѣ мая между рѣками Орелью и Самарою въ поляхъ присоединилось войско малороссійское къ войску великороссійскому. Малороссіянъ было до 50,000, великороссіянъ около ста тысячъ. По извѣстію участвовавшаго въ походѣ Гордона, обозъ великороссійскаго войска со-

---

[1]) Чт. М. О. И. и Д., 1858, т. I, стр. 301.

[2]) Величко, Лѣтопись, т. III, стр. 10.

[3]) Gord., II, 172. Стародубскій и черниговскій Яковъ и Григорій, гетманскіе сыновья, гадяцкій Михайло Баруховичъ, полтавскій Павло Герцикъ, миргородскій Данило Апостолъ, лубенскій Максимъ Иляшенко, переяславскій Леонтій Полуботокъ — онъ же генеральный бунчужный, прилуцкій Лазарь Горленко, нѣжинскій Степанъ Забѣла и кіевскій Константинъ Солонина.

стоялъ изъ 20,000 повозокъ и простирался въ ширину на 557, а въ длину на 1,000 саженъ. Правую сторону прикрывалъ генералъ Аггей Шепелевъ; лѣвую — генералъ Гордонъ; въ центрѣ находилось пять стрѣлецкихъ полковъ. Главнокомандующимъ былъ тогдашній временщикъ, любимецъ царевны Софіи, князь Вас. Вас. Голицынъ. По соединеніи съ малороссійскимъ войскомъ, двинулись они далѣе въ степь. Нестерпимъ былъ зной; во все это лѣто съ весны не было ни разу дождя, по ночамъ не падали росы, травы посохли, духота и пыль томили ратныхъ людей, у многихъ разболѣлись глаза, и болѣе всѣхъ терпѣлъ гетманъ, уже прежде страдавшій глазною болѣзнью; онъ ворчалъ, говоря окружавшимъ: «неразсудная эта война московская совсѣмъ лишила меня здоровья! Чертовскую тягость взяла на себя Москва! Вславились по всему свѣту, что повоюютъ крымское царство, а они себя-то не умѣютъ поборонить. Сидѣть бы имъ у себя дома при нашемъ промыслѣ, да своихъ рубежей сторожить» [1]).

Добрались до рѣки Конскія-Воды, перешли эту рѣку 13-го іюня верстъ за 15 ниже острова Хортицы и 45 верстъ выше Запорожской Сѣчи; расположились на стоянкѣ въ Великомъ Лугѣ. Тутъ невыносимый смрадъ сталъ безпокоить воиновъ: на южной сторонѣ показалась черная туча, а за нею появилось вдалекѣ и пламя. Посланные на провѣдки принесли извѣстіе, что впереди степь горитъ. Очевидно стало, что непріятели, вмѣсто всякаго другаго оружія изожгли на степи траву, высохшую отъ зноя, чтобы такимъ способомъ не пустить русскихъ идти далѣе. Въ предшествовавшемъ году этимъ способомъ татары прогнали поляковъ изъ Молдавіи;

---

[1]) Чт. Им. Мос. Об. Ист. и Др., 1858 г., I, 300.

тотъ же способъ избрали они, чтобъ не допустить русскихъ до крымскихъ предѣловъ.

Стали военачальники размышлять, — что́ имъ теперь дѣлать. Непріятель, видимо, уклонялся отъ боя. Но передъ тѣмъ отправленъ былъ въ Крымъ изъ Москвы царскій гонецъ, и военачальники рѣшились попытаться двигаться далѣе въ надеждѣ встрѣтить этого гонца на возвратномъ пути его изъ Крыма, либо татаръ, съ которыми придется вступить въ бой. Двинулись по выжженной степи. Ратные чуть могли тащиться. Пепельная пыль, взбиваемая вѣтромъ и движеніемъ войска, разъѣдала имъ глаза. Заболѣвали и люди, и лошади. Но не встрѣчали они ни гонца своего, ни татаръ; встрѣчали только дикихъ свиней, которыя, спасаясь отъ степнаго пожара, метались изъ стороны въ сторону [1]).

Войска достигли, наконецъ, небольшой степной рѣчки Анчакрака. 16-го іюня выпалъ дождь и всѣ сперва обрадовались, думая, что теперь зной уменьшится, пыль прибьется и травы станутъ расти. Но, подходя къ рѣчкѣ, увидали новое затрудненіе: отъ проливнаго дождя прибавилось воды, и не безъ труда устроили черезъ небольшую рѣчку плотины изъ фашинъ.

Перешедши рѣчку Анчакракъ, двинулись снова по выжженной степи, задыхаясь отъ копоти [2]). Прошли еще 6 верстъ и дошли до другой степной рѣчки Карачакрака. Остановились.

На другой день военачальники собрались на совѣтъ.

«Невозможно слѣдовать далѣе! раздавались голоса въ совѣтѣ. Лошади всѣ падутъ. И теперь онѣ уже не

---

[1]) Gordon, II, 175.

[2]) Соб. Гос. Гр. и Дог., IV, 540 (Донесеніе Самойловича).

въ силахъ везти не только пушки, во и повозки съ запасами. Чѣмъ ихъ кормить въ выжженной степи?»

«Травы было бы довольно на днѣпровскихъ плавняхъ, да вода еще не спала», — замѣтили нѣкоторые.

«Нѣтъ, и тамъ травы было бы недостаточно для такого множества лошадей», — возразили другіе.

«Отъ дыма и копоти ничего не видно, говорили третьи: — когда явятся татары, невозможно будетъ распознать — гдѣ свои, гдѣ чужіе!»

«У всѣхъ монарховъ, — произнесъ гетманъ, — разумные региментари обыкновенно не столько гоняются за тѣмъ, чтобъ выиграть битву, сколько стараются соблюсти цѣлость своего войска. И мы теперь, если зададимся намѣреніемъ покорить Крымъ и поведемъ войска далѣе по выжженной степи.... какъ бы намъ не испытать бѣды не столько отъ непріятельскаго оружія, сколько отъ конской безкормицы и отъ людскаго голода!».

Не мало времени длился споръ, наконецъ, порѣшили большинствомъ голосовъ — уходить назадъ. Военачальники въ свое утѣшеніе говорили: «не затѣмъ ворочаемся, чтобъ уходить совсѣмъ въ городы. Мы сыщемъ себѣ привольныя кормовыя мѣста и тамъ остановимся, напишемъ къ царямъ и подождемъ указа».

— Но если непріятели провѣдаютъ, могутъ напасть на насъ тамъ, гдѣ мы остановимся, — сдѣлано было такое замѣчаніе.

На это было подано и принято мнѣніе: послать сильные отряды къ Сѣчѣ, гдѣ находился Григорій Ивановичъ Косаговъ, соединиться съ нимъ и чинить промыселъ надъ Кизикерменемъ, чтобъ не допустить хана ни самому идти въ походъ, ни орды своей посылать противъ польскаго короля. «Этимъ, — говорили въ военномъ

совѣтѣ, — мы окажемъ услугу и польскому королю, союзнику нашихъ великихъ государей».

Бояринъ князь Голицынъ назначилъ Леонтія Романовича Неплюева съ 20,000 ратныхъ людей, а гетманъ далъ наказное гетманство своему сыну Григорію, черниговскому полковнику, и поручилъ подъ его начальство четыре полка: черниговскій, прилуцкій, переяславскій и миргородскій, да четыре полка охотныхъ, изъ которыхъ было два конныхъ, а два пѣшихъ, такъ что все козацкое войско, посланное туда, состояло также изъ двадцати тысячъ. Сверхъ того, гетманъ словесно приказалъ кошевому Сагайдачному, бывшему тогда въ гетманскомъ войскѣ, примкнуть къ посланному отряду со своими запорожцами [1]).

Отправивши отряды на югъ, остальныя войска были двинуты къ сѣверу въ обратный путь, и 20 іюня, дошедши до Конскихъ-Водъ, остановились. Тамъ увидѣли, что мѣсто привольное, травы достаточно, вода хорошая. Гетманъ съ козаками сталъ на одной сторонѣ рѣки, бояринъ съ великорусскимъ войскомъ на другой [2]).

Тамъ простояли войска двѣ недѣли. Посланы были гонцы отъ боярина и гетмана съ донесеніями въ Москву. Бояринъ въ своемъ донесеніи представлялъ дѣло такъ, какъ будто крымскій ханъ отъ трусости не рѣшился вступить въ битву съ русскими, а приказалъ татарамъ зажечь степь; бояринъ доносилъ, будто русскія войска доходили до тѣхъ мѣстъ, откуда оставалось только 90 верстъ до Перекопа. Все выжидали появленія непріятеля не малое время, а непріятель не являлся, и

---

[1]) Лѣт. Самов., изд. 1878 г. стр. 167. — Собр. Гос. Гр. и Дог. IV, 540.

[2]) Gord. II, 177.

предводители, находя невозможнымъ долѣе стоять въ выжженной пустынѣ, отодвинулись къ Конскимъ-Водамъ [1]).

Во время двухнедѣльной стоянки у Конскихъ-водъ начались зловѣщіе толки между великороссіянами.

«Это не татары зажгли степь, а сами козаки, — говорили нѣкоторые: — гетманъ далъ имъ тайный приказъ».

— Зачѣмъ же это козакамъ могло понадобиться? — спрашивали другіе.

«Затѣмъ, — отвѣчали имъ, — что козаки и татары между собою въ дружбѣ и согласіи. Козаки не хотятъ, чтобъ царское войско завоевало Крымъ».

Тѣ, которые чувствовали срамъ отступленія совершеннаго, не видавши въ глаза непріятеля, ухватились за такіе толки, какъ за первое средство свалить съ себя вину на другихъ. Болѣе всѣхъ казалось это полезнымъ самому главнокомандующему, и приближенныя къ нему особы стали оговаривать Самойловича и объясняли предполагаемую измѣну гетмана такъ: «Вѣдь козаки, безъ помощи московскихъ войскъ, но съ помощію татаръ отбились противъ поляковъ и освободились изъ польской неволи. У московскаго царя выпросили они протекцію уже послѣ и ни за что не хотѣли зваться царскими холопами, а звали себя царскими подданными. Теперь, когда московскіе цари окончательно помирились съ Польшею и поляки уже уступили Москвѣ свое дѣдичное право надъ ними, козаки опасаются: не стала бы Москва держать ихъ такъ же, какъ держитъ своихъ прочихъ подвластныхъ, и не укоротила бы ихъ правъ и вольностей, добытыхъ кровью, а за свои права и вольности козаки крѣпко стоятъ. Есть между козаками та-

---

[1]) Устряловъ, Ист. Петра Вел., т. I, стр. 199.

кіе, что попрозорливѣе прочихъ, и гетманъ ихъ именно изъ такихъ: тѣ смекнули, что̀ выйдетъ, когда Москва Крымъ завоюетъ! И крымскіе татары, какъ и козаки почитаютъ себя людьми вольными; царь ихъ, крымскій ханъ, управляетъ своими подвластными, на сколько тѣ ему позволяютъ; и татары, и козаки служатъ на войнѣ безъ жалованья; оба народа одинаково дорожатъ своими привилегіями. Вотъ они между собой и поразумѣли, что имъ надобно другъ за друга стоять, потому что конечное покореніе одного народа отзовется вредно на другомъ. Козаки разочли, что государи поопасаются нарушать ихъ права и вольности, если оба народа, козаки и татары, — живучи между собою въ дружбѣ и союзѣ, будутъ готовы подняться одни за другихъ».

Въ-пору были такіе толки и объясненія послѣ того, какъ въ Москвѣ разъ уже поколебалось довѣріе къ гетману, и мысль о томъ, что гетманъ способенъ противодѣйствовать Москвѣ, не казалась уже невозможною, какъ прежде. Кромѣ того, у всемогущаго любимца царевны Софіи были давніе счеты съ гетманомъ Самойловичемъ. Самойловичъ, какъ мы видѣли, подружился съ княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ, а Голицынъ былъ не расположенъ къ послѣднему. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ Голицынъ скрывалъ свое неудовольствіе, и въ письмахъ къ гетману именовалъ его своимъ искреннимъ пріятелемъ, но въ душѣ его ненавидѣлъ. Когда Голицынъ поднялся до крайней высоты, а гетманъ навлекъ на себя подозрѣніе своими совѣтами не мириться съ Польшею, Голицынъ поручилъ Л. Р. Неплюеву сойтись съ лицами, близкими къ гетману и черезъ нихъ вывѣдать задушевныя мысли и намѣренія гетмана. По извѣстію Гордона, Неплюевъ нашелъ для этого подходящими двухъ малороссіянъ, которымъ гетманъ по-

ручалъ важнѣйшія дѣла: одного Гордонъ называетъ генералъ-адъютантомъ, другого секретаремъ. Такихъ титуловъ въ Малороссіи не существовало; ясно, что Гордонъ окрестилъ ими какихъ-то лицъ, носившихъ иныя мѣстныя чиновныя названія. Думаютъ, и не безъ основанія, что подъ генералъ-адъютантомъ онъ разумѣлъ генеральнаго асаула Мазепу, а подъ секретаремъ — Кочубея, бывшаго войсковымъ канцеляристомъ, а потомъ сдѣлавшагося генеральнымъ писаремъ. Дѣйствительно, Самойловичъ въ послѣднее время этимъ лицамъ, болѣе чѣмъ инымъ, повѣрялъ важнѣйшія дѣла. Отъ нихъ-то Неплюевъ узналъ многое такое, что набрасывало тѣнь на преданность гетмана московскимъ властямъ [1]). Надобно прибавить, что бояринъ Голицынъ и мимо всякаго посредника имѣлъ возможность близко узнать Мазепу, который въ послѣднее время чуть не каждый годъ, а иногда не однажды въ годъ, ѣзжалъ въ Москву, и при своемъ вкрадчивомъ характерѣ, любезности въ обхожденіи, образованности и умѣ успѣлъ уже понравиться Голицыну.

Подозрѣніе, возникшее въ кругу великороссійскихъ военачальниковъ, какъ подлитіе масла въ огонь, пришлось кстати той непріязни, которая существовала противъ гетмана между малороссіянами. Много было у него враговъ въ средѣ управляемыхъ имъ — и очень мало друзей. «Сначала, — говоритъ малороссійскій лѣтописецъ [2]): — «этотъ человѣкъ былъ ко всѣмъ ласковъ и покорливъ, но когда укрѣпился въ своей власти и разбогатѣлъ, то сталъ гордъ и заносчивъ». Такая перемѣна въ характерѣ гетмана стала ощутительною послѣ взятія Доро-

---

[1]) Gord. II, 179.

[2]) Лѣт. Самов., изд. 1878 г., стр. 169.

шенка. То было время самаго милостиваго вниманія къ нему московскаго правительства. Событіе съ Рославцемъ и Адамовичемъ показывало, какъ трудно было столкнуть Самойловича съ высоты величія. Безпрестанныя похвалы и часто присылаемые изъ Москвы подарки избаловали его. Самойловичъ сталъ держать себя не только съ народомъ, но и съ знатными людьми, какъ самодержавный деспотъ. Съ нимъ нельзя было говорить иначе, какъ стоя; даже старшины и полковники не садились въ его присутствіи; никто не дерзалъ ему ни въ чемъ перечить, никто не смѣлъ подавать ему совѣтъ въ наложеніи поборовъ, въ назначеніи расходовъ, тѣмъ менѣе требовать отъ него какихъ-нибудь отчетовъ; всѣмъ воинскимъ скарбомъ распоряжался онъ по своему произволу, куда хотѣлъ и кому хотѣлъ давалъ деньги, кого хотѣлъ жаловалъ имѣніями и отнималъ все, у кого хотѣлъ отнять [1]). Къ нему во дворъ никто не смѣлъ войти съ палкою въ рукѣ и съ покрытой головой. Даже къ духовному сану не оказывалъ онъ уваженія, забывая, что самъ по происхожденію былъ поповичъ. Когда случалось ему быть въ церкви, онъ не ходилъ съ прочими богомольцами получать антидоръ изъ рукъ священника, а священникъ долженъ былъ самъ подносить его гетману, что̀ соблазняло тогдашнее малороссійское общество; а если, куда-нибудь ѣдучи, напримѣръ, хоть бы на охоту, встрѣчалъ гетманъ священника, то считалъ это для себя дурнымъ предзнаменованіемъ и гнѣвался на священника [2]). По выраженію поданной на него старшинами челобитной, старшины отъ его похвальныхъ словъ и гнѣва бывали «какъ мертвы» и каждый часъ могли ожидать себѣ всего

---

[1]) Gord. II. 180.

[2]) Лѣт. Сам., изд. 1878, стр. 169.

дурнаго [1]). Малороссіянъ соблазняло даже и то. что этотъ разбогатѣвшій и расчванившійся гетманъ-поповичъ ѣздилъ не иначе, какъ въ каретѣ. и сыновья его полковники усвоили такой же панскій обычай, противный для малороссіянъ, такъ какъ онъ напоминалъ имъ польскихъ пановъ. Алчность гетмана и сыновей его, казалось, не имѣла предѣловъ: за полученіе урядовъ брались посулы, а получившіе эти уряды старались вознаградить себя всякими утѣсненіями надъ подчиненными; безъ взятки не было приступа къ гетману, а кто ничего не дастъ, тотъ ничего и не добьется. Онъ окружалъ себя людьми мелкими, которыхъ самъ поднялъ, и эти люди, раболѣпствуя передъ нимъ, именемъ его дозволяли себѣ всевозможныя насилія и несправедливости. Во всей гетманщинѣ въ управленіе Самойловича не было ни суда, ни расправы безъ взятокъ, и много козацкихъ мельницъ было захвачено у владѣльцевъ и приписано къ гетманскимъ; ничья собственность не была обезпечена: что́ у кого ему полюбится, то себѣ и беретъ, а коли не онъ самъ, такъ дѣти его возьмутъ [2]). Такими описывали гетмана и сыновей его старшины въ своемъ доносѣ.

Приписываемая ему алчность подтверждается большимъ движимымъ имуществомъ, оставшимся послѣ его низложенія и состоявшимъ въ большомъ изобиліи наличной монеты (4916 червонцевъ, 47,432 талера, 2,286 левковъ, 3,814 серебряныхъ копеекъ и 3,000 чеховъ), столовой серебряной посуды, золотыхъ и серебряныхъ украшеній съ драгоцѣнными камнями, дорогаго оружія, огромнѣйшаго гардероба съ мѣхами и богатыми мужскими и

---

[1]) Чт. М. Об. Ист. и Др., изд. 1868 г., 302.

[2]) Ibidem — Лѣт. Самов., изд. 1878 г., стр. 169. — Лѣт. Вел., III, 16.

женскими одеждами, породистыхъ лошадей, экипажей, сбруи, упряжи и проч. и проч. [1]).

Масса народа (посполъство) раздражена была противъ гетмана заведеніемъ орандъ (арендъ) или откуповъ на вино, деготь и табакъ (винная, дегтярная и тютюнная оранда), и налога за помолъ съ мельницъ. Поборы эти съ разрѣшенія высшаго московскаго правительства установлялись на содержаніе охотнаго войска, которое, кромѣ обычнаго козацкаго, набиралось изъ приходящихъ наемныхъ охотниковъ, состояло не только изъ малороссіянъ, но изъ чужеземцевъ (особенно поляковъ, сербовъ и волоховъ) и образовало полки конные (охочекомонные или компанейцы) и пѣшіе (сердюки). Охотники, записанные по полкамъ своимъ, разставлялись на лежи, т. е. на квартиры, въ разныхъ малороссійскихъ полкахъ, смотря по волѣ гетмана, помѣщались въ жилищахъ посполитыхъ обывателей, получали отъ хозяевъ содержаніе и, кромѣ того, годичное жалованье изъ казначейства (войсковаго скарба), куда доставлялось оно съ арендгаго сбора. По этой системѣ устроены были горѣлчаные, дегтярные и тютюнные шинки. За торговлю этими предметами вносилась въ войсковой скарбъ заранѣе опредѣленная сумма и годичнымъ срокомъ для такого взноса обыкновенно назначался праздникъ Пасхи. Никто ни изъ козаковъ, ни изъ посполитыхъ не могъ торговать этими предметами, не получивши дозволенія, а тѣ, которые пріобрѣтали это право, не могли продавать за предѣлами шинка въ размѣрѣ менѣе ста квартъ горѣлки. Дегтю, внѣ шинка, нельзя было продавать не только квартами

[1]) Арх. Юст., кн. № 60. (Опись имущества Самойловича чрезвычайно драгоцѣнный матеріалъ для изслѣдованія о внутреннемъ бытѣ и домашней жизни малороссіянъ).

и ведрами, но даже и бочками, какъ и тютюну — локтемъ, фунтомъ и камнемъ, безъ вѣдома особъ, завѣдующихъ орандами. Кто бы дерзнулъ поступать въ ущербъ постановленной оранды, того позволялось, за вѣдомостію полковника того полка, гдѣ совершалось преступленіе, «обирать зо всего». Варить медъ, пиво и брагу дозволялось всѣмъ свободно, но въ универсалѣ, въ которомъ говорится о такой свободѣ, назначается съ посполитыхъ по «полъ-золотому» (полъ-злота) отъ варенія пива. Обывателямъ въ полкахъ предоставлялось внести опредѣленную сумму и устроить у себя по своему разсмотрѣнію арендное управленіе. Такой взносъ назывался «ратою». Не всѣ мѣстечки и села, лежащія въ полкахъ, подчинялись орандной «ратѣ», наложенной на полкъ; для нѣкоторыхъ дѣлались исключенія, и это естественно производило путаницу и недоразумѣнія. По заключеніи мира Россіи съ Польшею, всѣ думали, что теперь дадутся народу льготы и орандъ не будетъ. Но вышло не такъ. Предполагавшаяся война противъ бусурманъ требовала поборовъ, и «раты» не только не были уничтожены, но размѣръ ихъ увеличился, какъ это можно видѣть изъ того, что съ лубенскаго полка въ 1685 году размѣръ раты простирался до 7,010 злотыхъ [1]), а въ 1686 году до 17,000 злотыхъ [2]). Оранды были до крайности всѣмъ противны, народъ приписывалъ ихъ алчности и произволу гетмана-поповича, хотя на самомъ дѣлѣ онѣ установлялись съ разрѣшенія московскаго правительства. Впрочемъ, народъ возмущался не столько самыми орандами, сколько злоупотребленіями, сопровождавшими взиманіе этого рода поборовъ, какъ

---

[1]) Лѣт. Вел., II, 544.
[2]) Акты. Зап. Рос., V, 190.

объ этомъ свидѣтельствуетъ и современный лѣтописецъ [1]).

Все это, однако, были условія, содѣйствовавшія отрѣшенію Самойловича; но главною причиною его паденія было охлажденіе къ нему московской власти за нерасположеніе его къ миру съ Польшею и къ союзу противъ Турціи и Крыма. Старшины, не любившіе гетмана за его высокомѣріе, алчность и самоуправство, смекнули, что настало время, когда ихъ доносу повѣрятъ.

Войска снялись съ береговъ Конскихъ-Водъ и 4 іюля достигли рѣки Самары. Прежде переправилось козацкое войско, а великороссійское оставалось еще на другомъ берегу. Въ это время какимъ-то случаемъ сгорѣли мосты, построенные черезъ рѣку еще заранѣе стараніемъ Неплюева. Козацкіе старшины нашли удобнымъ изъ этого случая сдѣлать новый пунктъ обвиненія на Самойловича въ своемъ доносѣ: какъ будто гетманъ умышленно приказалъ это сдѣлать, чтобъ оставить великороссіянъ отрѣзанными [2]). Потрачено было не мало времени и трудовъ на построеніе вновь этихъ мостовъ.

Двигаясь далѣе, войска 7 іюля остановились у рѣчки Кильчени. Здѣсь генеральные старшины, обозный Борковскій, судья Воеховичъ и писарь Прокоповичъ, полковники Солонина, Лизогубъ, Гамалѣя, Дмитрашко Райча и Степанъ Забѣла, да Кочубей подали доносъ боярину князю В. В. Голицыну. Подозрѣваютъ, что главнымъ заправщикомъ здѣсь былъ Мазепа, и подозрѣніе это основательно, потому что впослѣдствіи старшины спрашивали частнымъ образомъ у Голицына, кого бы онъ желалъ

---

[1]) Лѣт. Самов., изд. 1878 г., стр. 168: «великіи драчи и утиснення арендами».

[2]) Чт. Моск. Общ. Ист. и Др., изд. 1858 г., I, 301.

видѣть гетманомъ, и Голицынъ указалъ имъ на Мазепу. Черезъ два года послѣ описываемыхъ событій, Мазепа представилъ роспись деньгамъ и вещамъ, даннымъ отъ него Голицыну въ видѣ взятки, всего на 17,390 рублей, изъ которыхъ 11,000 было дано наличною монетою, а прочее серебряными и золотыми вещами и дорогими тканями. Это, какъ показывалъ тогда Мазепа, дано было болѣе поневолѣ, чѣмъ добровольно, съ подущенія и безпрестанныхъ угрозъ Леонтія Романовича Неплюева, которому особо дано было 2,000 червонцевъ и на двѣ тысячи разныхъ драгоцѣнностей: все это поступило изъ конфискованнаго тогда домашняго имущества Самойловича [1]). Изъ этого извѣстія видно, что при отрѣшеніи Самойловича дѣйствовали взятки, данныя или обѣщанныя Мазепою сильному временщику. Въ доносѣ, поданномъ боярину, старшины въ подробностяхъ сообщали, какъ Самойловичъ заявлялъ неудовольствіе къ союзу Россіи съ Польшею и къ войнѣ противъ турокъ и татаръ, что́ въ сущности московскому правительству было уже давно достаточно извѣстно, такъ какъ и самъ гетманъ въ своихъ чувствованіяхъ не скрывался передъ московскими посланниками. Затѣмъ доносчики указывали, что гетманъ во время настоящаго похода противодѣйствовалъ успѣху русскихъ войскъ: ему ставилось въ вину, что онъ давалъ совѣты выступить въ походъ съ большими силами и непремѣнно раннею весною, что онъ не предпринималъ никакихъ мѣръ къ погашенію степнаго пожара и вѣроятно самъ произвелъ его, что онъ, наконецъ, тайно велѣлъ сжечь мосты, построенные на Самарѣ во время обратнаго перехода русскихъ войскъ черезъ эту рѣку. Была очевидна несостоятельность этихъ обвиненій: у

---

[1]) Чт. Моск. Общ. Ист. и Др., изд. 1858 г., стр. I, 326.

гетмана не было столько ни силъ, ни средствъ, чтобъ угасить степной пожаръ, охватившій разомъ пространство на многія сотни верстъ во всѣ направленія, а сожженіе мостовъ не могло быть полезнымъ ни для какой цѣли, и, наконецъ, еслибъ гетманъ посылалъ производить пожары, то надлежало бы разомъ указать и на исполнителей такого приказанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ старшины обвиняли гетмана въ высокомѣрномъ обхожденіи со старшинами, полковниками и знатными духовными и свѣтскими людьми, въ алчности, самоуправствѣ, нерасположеніи къ московскому правительству и къ великороссійскимъ людямъ, — въ скрытномъ намѣреніи образовать изъ Малой-Россіи отдѣльное владѣніе: послѣднее очень странно доказывалось тѣмъ, что Самойловичъ не захотѣлъ ни за кого ни изъ малороссіянъ, ни изъ великороссіянъ отдавать своей меньшо́й дочери въ замужство, а пригласилъ для ней изъ-за рубежа князя Юрія Четвертинскаго. Разомъ доносчики обвиняли и сыновей гетмана въ такихъ же порокахъ, какими отличался ихъ родитель. Доносъ этотъ, въ формѣ челобитной [1]), былъ составленъ на̀-скоро и чрезвычайно неосмотрительно. Въ немъ, между прочимъ, сообщалось, что однажды гетманъ былъ на обѣдѣ у генеральнаго обознаго Борковскаго, куда приглашены были московскихъ войскъ полковники. Козацкій полковникъ Гамалѣя, заспоривши съ великороссійскимъ полковникомъ Борисовымъ, сказалъ: «что ты меня, полковникъ, порекаешь! не саблею насъ взяли!» Гетманъ, слышавши это, разсмѣялся, не сдѣлалъ Гамалѣю никакого замѣчанія, и — должно думать — въ умѣ своемъ похвалилъ его за эти рѣчи. Такимъ образомъ, въ доносѣ на гетмана, обвинялся Гамалѣя, какъ его единомышленникъ, между

---

[1]) Чт. Моск, Общ. И. и Др., изд. 1858 г. I, 297—304.

тѣмъ имя того же Гамалѣи стоитъ въ числѣ подписавшихъ этотъ доносъ.

Боярину Голицыну, давно уже недоброжелательствовавшему къ гетману, былъ на руку такой доносъ — и онъ отправилъ его съ гонцомъ въ Москву, а гетману не подалъ ни малѣйшаго вида.

Войска, слѣдуя обычнымъ путемъ, 11-го іюля достигли до рѣки Орели и тамъ остановились на нѣсколько дней. 12-го числа пріѣхалъ толмачъ изъ Крыма съ письмомъ къ Голицыну отъ салтана Нуреддина, который изъявлялъ удивленіе, что миръ нарушенъ безъ всякихъ причинъ, и русскія войска предприняли походъ на Крымъ [1]. Вслѣдъ затѣмъ изъ Москвы прибылъ думный дьякъ Шакловитый, тогдашній приближенный царевны Софіи. Онъ привезъ боярину Голицыну похвалы за его подвиги, а гетману вопросъ: зачѣмъ онъ приказалъ жечь траву на степи? Гетманъ отвѣчалъ, что никому не давалъ такого приказа. Тогда уже могъ уразумѣть гетманъ, что ему устраиваютъ западню; однако, скрывая внутреннюю душевную тревогу, онъ, по поводу прибытія думнаго дьяка, устроилъ пиръ и пригласилъ знатнѣйшихъ военачальниковъ. Во время провозглашенія царскаго здоровья палили изъ пушекъ, а по окончаніи пира всѣ участвовавшіе въ немъ дарили гетмана по тогдашнему обычаю. Между тѣмъ доносъ былъ уже посланъ, пропасть подъ гетманомъ вырыта.

15-го іюля двинулись войска далѣе; 21-го іюля достигли рѣки Коломака, перешли ее и расположились на возвышенномъ берегу этой рѣки двумя лагерями: въ одномъ на правой сторонѣ были бояре: Алексѣй Семеновичъ Шеинъ и князь Владиміръ Дмитріевичъ Долго-

---

[1]) Gord., II, 182.

руковъ, въ другомъ, на лѣвой сторонѣ — гетманъ и князь Константинъ Осиповичъ Щербатовъ; разстояніе отъ одного лагеря до другаго было около трехъ верстъ. На другой день гетманъ угощалъ у себя польскаго резидента, прибывшаго къ войску, и не зналъ, что бѣда уже висѣла у него надъ шеею....

Въ этотъ самый день прискакалъ изъ Москвы гонецъ съ отвѣтнымъ указомъ на отписку боярина о доносѣ, поданномъ старшинами на гетмана. Князю Голицыну указывалось арестовать гетмана, сообразно желаніямъ старшинъ отрѣшить его отъ гетманскаго уряда и послать въ великороссійскіе городы, назначивъ ему пребываніе по своему усмотрѣнію, а затѣмъ устроить выборъ новаго гетмана.

Бояринъ Голицынъ, получивши такой указъ, позвалъ къ себѣ великороссійскихъ полковниковъ, находившихся въ лагерѣ гетмана, и сказалъ имъ:

«Окружите ставку гетмана вашими полками, такъ чтобъ ни къ нему никто не могъ придти, ни отъ него выдти, и скажите старшинамъ, чтобъ они гетмана доставили сюда ко мнѣ. Сдѣлайте только это безъ шума, а то козаки, народъ пьяный и буйный, какъ бы не произвели тревоги, потому что они своего гетмана не терпятъ».

Это предпринято было для того, чтобъ кто-нибудь не вышелъ отъ гетмана и не переслалъ преждевременно вѣсти его сыну Григорію, находившемуся со значительною частью козацкаго войска близъ Сѣчи.

Великороссійскіе полковники сообщили по секрету обо всемъ старшинамъ, и съ приближеніемъ ночи окружили ставку гетмана сторожею изъ великороссійскихъ стрѣльцовъ [1]). Одинъ изъ малороссійскихъ лѣтопис-

---

[1]) Gord., II, 185. Лѣт. Самов., изд. 1878 г., стр. 168. — Велич. III, 14.

цевъ [1]) сообщаетъ, что этихъ стрѣльцовъ самъ гетманъ передъ тѣмъ выпросилъ для обереженія своей особы, такъ какъ онъ не довѣрялъ уже своимъ козакамъ. Враги Самойловича, старшины и полковники, всю ночь не спали, и, находясь въ сообщеніи съ великороссійскими, дожидались разсвѣта.

Самойловичъ догадался, что́ значитъ неожиданное появленіе великороссійской стражи, провелъ ночь тревожно, а на разсвѣтѣ отправился къ заутрени въ походную церковь, устроенную въ особой палаткѣ, неподалеку отъ гетманскаго шатра. Когда читалось шестипсалміе, въ церковь вошли старшины и стояли до окончанія богослуженія, считая грѣхомъ прерывать его [2]). Когда заутреня кончилась, къ гетману подошелъ Войца-Сербинъ, бывшій переяславскій полковникъ, за подущеніе народа въ пользу поляковъ отставленный Самойловичемъ и сосланный въ великороссійскіе городы, отпущенный оттуда послѣ мира съ Польшею и, однако, не забывшій давней ссоры съ гетманомъ. Онъ взялъ гетмана Самойловича за руку и грубо сказалъ: «пане гетмане! потребу́е тебе війско!» Гетманъ повиновался и молча вышелъ изъ церкви. Тогда на него посыпались упреки и ругательства, а кіевскій полковникъ замахнулся на него обухомъ, но товарищи удержали его, ограничиваясь только тѣмъ, что по малороссійскому обычаю обзывали «скурвымъ сыномъ» своего гетмана, передъ которымъ еще наканунѣ не смѣли стоять въ шапкѣ [3]). Самойловичъ сказалъ, что онъ желаетъ видѣть великороссійскихъ

---

[1]) Чт. М. О. И. и Др., 1847 г. Симоновскій, Крат. Опис. о козац. малорос. народѣ, стр. 107.

[2]) Gord., II, 185.

[3]) Чт. М. Об. Ист. и Др., 1847 г. — Симоновскій, 107.

полковниковъ и говорить съ ними; полковники эти не замедлили явиться и безъ зова; они вели на встрѣчу гетману его сына Якова, стародубскаго полковника. Находясь при своемъ полку, Яковъ Самойловичъ провѣдалъ, что́ угрожаетъ его родителю, и пошелъ къ нему на зарѣ, но пройти къ гетману было уже невозможно; Якова схватили, привели къ отцу, когда тотъ вышелъ изъ церкви, и повели вмѣстѣ съ отцомъ. Къ ставкѣ боярина пут былъ не близокъ для пѣшаго хожденія; гетмана посадили въ простую тележку, а сына его верхомъ на клячѣ безъ сѣдла [1]). Въ такомъ видѣ обоихъ привезли въ великороссійскій станъ и приставили къ нимъ караулъ.

Бояринъ Голицынъ приказалъ собраться всѣмъ боярамъ, генераламъ и полковникамъ у приказнаго шатра и позвать старшинъ, обвинителей гетмана.

Передъ собраніемъ начальныхъ великороссійскихъ лицъ, сидѣвшихъ на своихъ мѣстахъ по чинамъ, козацкіе старшины въ короткой рѣчи изложили суть того что́ у нихъ было написано въ челобитной, и въ заключеніе просили учинить надъ гетманомъ правосудіе.

Всѣ начальные люди привстали съ своихъ мѣстъ и князь Голицынъ сказалъ козацкимъ старшинамъ:

«Не затѣяно ли все это вами изъ досады и ненависти къ гетману по какимъ нибудь частнымъ оскорбленіямъ, которыя могли бы вознаградиться инымъ путемъ?»

На этотъ вопросъ послѣдовалъ такой отвѣтъ:

— Хотя много досадъ и оскорбленій дѣлалось отъ него многимъ изъ насъ и всему народу малороссійскому, но мы бы не посмѣли поднять на него рукъ, еслибъ онъ не былъ измѣнникъ; теперь-же, по долгу присяги, намъ умолчать объ этомъ невозможно. Онъ такъ ожесточилъ

---

[1]) Лѣт. Самов. изд. 1878 г., стр. 168: «на ковницю худую охлябь».

противъ себя всѣхъ, что намъ стоило не малаго труда удержать народную злобу, а то его растерзали бы козаки.

Голицынъ приказалъ привести гетмана.

Вошелъ Самойловичъ. Голова у него была повязана мокрымъ платкомъ: онъ постоянно прикладывалъ себѣ мокрый платокъ на голову, спасаясь отъ безпокоившихъ его головныхъ и глазныхъ болей. Онъ опирался на трость съ серебрянымъ набалдашникомъ.

Князь Голицынъ въ короткихъ словахъ сообщилъ ему, въ чемъ его обвиняли. Гетманъ все отрицалъ и заявилъ готовность оправдать себя передъ судомъ. Но старшины подняли противъ него крикъ и брань; Дмитрашка Райча хотѣлъ ударить его саблею: бояринъ остановилъ его и сказалъ:

— Онъ приведенъ сюда для того, чтобъ судить его, а не для того, чтобъ его убивать безъ суда беззаконно!

Бояринъ велѣлъ стрѣльцамъ увести Самойловича и караулить [1]).

Затѣмъ бояринъ объявилъ: такъ какъ Самойловичъ войску неугоденъ, то онъ отрѣшается отъ гетманскаго уряда и весь войсковой порядокъ до избранія новаго гетмана поручается генеральному обозному Борковскому [2]).

Старшины передали боярину бунчукъ и булаву и просили вручить тому, кто будетъ вновь избранъ гетманомъ. Для открытія избирательной рады необходимо царское знамя, и бояринъ послалъ за нимъ думнаго дьяка Емельяна Украинцева. Тогда бояринъ приказалъ писать

---

[1]) Gord., II, 187. — Ригельманъ, Лѣт. Пов. о Мал. Россіи, ч. II, 193. — Чт. М. О. Ист. и Др. 1847 г. Симоновскій, 107.

[2]) Лѣт. Самов., изд. 1878 г., 169.

къ духовнымъ лицамъ и къ отсутствовавшимъ значнымъ козакамъ, чтобъ они прибыли на избирательную раду. Двое гонцовъ были посланы въ тотъ же день — одинъ въ Москву съ извѣстіемъ объ арестованіи гетмана, другой — къ Неплюеву съ приказаніемъ арестовать Григорія Самойловича и всѣхъ благопріятелей гетмана, изъ которыхъ первымъ на виду казался Леонтій Полуботокъ, генеральный бунчужный, управлявшій тогда переяславскимъ полкомъ. Старшины отъ себя послали туда же полтавскаго асаула Черняка [1]).

Между тѣмъ разнеслась по войску вѣсть объ отрѣшеніи Самойловича и произвела волненіе, но не изъ сочувствія къ гетману, а изъ ненависти къ нему и къ его управленію. Прежде всего забурлили козаки гадяцкаго полка, убили своего полкового обознаго Кіяшку и съ нимъ нѣсколько человѣкъ товарищей. Бояринъ Голицынъ, услышавши о такихъ безпорядкахъ, послалъ великорусскихъ ратныхъ людей для усмиренія мятежныхъ гадячанъ. Но своевольство быстро распространилось въ другихъ полкахъ; козаки стали уходить компаніями, съ тѣмъ, чтобы волновать поспольство и подущать мужиковъ бить орендарей и жечь владѣльческія усадьбы [2]). Это побудило Голицына ускорить выборъ новаго гетмана, чтобъ скорѣе возстановить въ краѣ власть и порядокъ. Онъ назначилъ избирательную раду на 25 іюля.

Посланный отъ козаковъ Чернякъ опередилъ Неплюева и первый увидѣлся съ Григоріемъ Самойловичемъ, сообщилъ ему объ отрѣшеніи отъ гетманства отца его и потребовалъ, чтобы Григорій передалъ булаву наказного гетманства миргородскому полковнику Апостолу.

---

[1]) Gord. II, 188. — Велич. III, 20. Лѣт. Самов., изд. 1878 г., стр. 172.
[2]) Лѣт. Сам., изд. 1878 г., стр. 169.

«А тожъ мой отецъ виненъ!» — произнесъ со вздохомъ Григорій Самойловичъ, отдалъ булаву Апостолу, но удержалъ еще свой полковничій перначъ, такъ какъ его не отрѣшали отъ полковничества, и вслѣдъ за Апостоломъ пошелъ къ Кодаку. Неплюевъ шелъ за нимъ вслѣдъ. По извѣстію Величка, Григорій тогда написалъ и отправилъ къ князю Голицыну письмо, въ которомъ просилъ пощады и правосудія для родителя и поручалъ покровительству князя своихъ семейныхъ и родныхъ [1]). Дошли до Кодака.

Въ Кодакѣ стояли съ своими полками высланные въ отрядъ козацкіе полковники. Козаки прилуцкаго полка, услышавши, что нелюбимаго Самойловича уже нѣтъ въ гетманствѣ, пришли въ ярость противъ своихъ полковыхъ старшинъ, схватили своего полковника, стараго Лазаря Горленка, и живого сожгли въ горящей печи; другихъ побили. И въ иныхъ полкахъ, стоявшихъ тамъ, происходило волненіе, но убійствъ было меньше: переяславскаго полковника Полуботка и наказного нѣжинскаго Ярему только арестовали [2]). У Григорія Самойловича нашлись тогда охранители противъ народной ярости — пѣшіе охотные козаки, сердюки: они окопали ставку полковника окопомъ и готовились защищать его оружіемъ [3]). Но Неплюевъ успокоилъ ихъ, и самъ Григорій Самойловичъ, видя, что сопротивленіе во всякомъ случаѣ безполезно, сдался, явился къ Неплюеву и положилъ передъ нимъ свой полковничій перначъ. «Здравствуй, Гриша!» сказалъ ему Неплюевъ со злобною улыб-

---

[1]) Лѣт. Вел., III, 21.

[2]) Gord. II, 194. — Лѣт. Сам., изд. 1878 г., стр. 172.— Ригельманъ, Лѣт. Пов. о Малой Россіи, ч. III, 3.

[3]) Чт. М. О. И. и Др. 1847 г. Симоновскій, 108.

кою, и тотчасъ приказалъ его заковать въ кандалы, а все имущество бывшее съ нимъ взялъ, по выраженію малороссійскаго лѣтописца, «до своей ласки и протекціи» [1]). Неплюевъ доставилъ Григорія Самойловича Голицыну, который поручилъ генералу Гордону везти его въ Сѣвскъ подъ строжайшимъ карауломъ. Гордонъ 23-го августа сдалъ его тамошнему дьяку [2]).

Князь Голицынъ счелъ совершенно безполезнымъ чинить розыскъ по поводу обвиненій гетмана, считая достаточнымъ для отрѣшенія его отъ гетманскаго уряда только то обстоятельство, что войско не желало имѣть его гетманомъ, и предоставлялъ Богу разсудить, если доносъ противъ него былъ только злословіемъ. При этомъ онъ указывалъ на примѣръ турецкаго султана, который смѣнялъ крымскихъ хановъ, не розыскивая, по одному только челобитью татаръ [3]). Продержавши нѣсколько времени Самойловича подъ карауломъ при своемъ обозѣ, онъ отправилъ его въ Орелъ, потомъ рѣкою Окою повезли гетмана съ сыномъ Яковомъ въ Нижній-Новгородъ, и въ сентябрѣ того же года состоялся царскій указъ послать ихъ въ Кукарку [4]), и, тамъ дождавшись зимняго пути, отправить въ Тобольскъ, а сына его Якова съ женою въ Енисейскъ [5]). Такъ — замѣтилъ лѣтописецъ [6]).— Богъ караетъ тѣхъ, кто по гордости считаетъ ни за что̀ другихъ: вмѣсто маетностей и сокровищъ — великое убожество, вмѣсто дорогихъ каретъ — московская телѣжка съ подводчикомъ, вмѣсто парадныхъ слугъ — караулъ

---

[1]) Лѣт. Вел., III, 21.
[2]) Gord., II, 196—198.
[3]) Устрял., Ист. Петра Вел., I. Прилож. № 7, стр. 352.
[4]) Нынѣ слобода Вятской губ. Яранскаго уѣзда, при р. Пижмѣ.
[5]) Чт. М. О. И. и Др. 1848 г., т. I, 322—328.
[6]) Лѣт. Самов., изд. 1878 г., стр. 71.

изъ стрѣльцовъ, вмѣсто музыкальныхъ инструментовъ — ежедневный плачъ и сожалѣніе о своей глупой гордости, вмѣсто роскоши — бѣдственная неволя. Все огромное домашнее имущество Самойловича было описано а отобрано: половина его пошла въ царскую казну, а другая въ казну войсковую малороссійскую. Жена низложеннаго гетмана была отослана въ Сѣднево [1]) на житье: ей въ видѣ милостыни дали изъ бывшаго собственнаго состоянія часть платья, выбравши для нея такое, какое было попроще, все бѣлье и 200 рублей денегъ. Тамъ осуждена была она жить съ дочерьми въ крайней бѣдности.

Сыну гетмана, Григорію, суждена была иная доля. Современникъ говоритъ, что онъ, подобно отцу былъ высокомѣренъ и заносчивъ, надменно обращался съ козаками и поспольствомъ, звался не полковникомъ, а паномъ; дворъ его былъ постоянно охраняемъ сердюками, состоявшими у него на годовомъ жалованьѣ и бывшими единственными людьми, ему преданными. Все прочее ненавидѣло его; онъ былъ неприступенъ и даже священники по нѣскольку дней должны были домогаться доступа къ этому поповскому внуку [2]). Въ доносѣ, поданномъ на его родителя, о Григоріѣ Самойловичѣ разсказывается слѣдующее: черниговскій войтъ хотѣлъ поставить на городской ратушѣ изображеніе орла въ знаменіе того, что городъ Черниговъ — древнѣйшая собственность царскаго рода; полковникъ не дозволилъ этого и говорилъ: «не будете, мужики, жить на свѣтѣ, когда хотите выламываться изъ подданства пану-отцу моему и отдаться Москвѣ» [3]). Вѣроятно, полковникъ въ выходкѣ войта уви-

---

[1]) Мѣстечко Черниговской губер. и уѣзда, при р. Сновѣ.
[2]) Лѣт. Самов. изд. 1878 г. 71.
[3]) Чт. М. О. Пст. и Др., 1858 г., I, 300.

дѣлъ повтореніе продѣлокъ Рославца, новую попытку угодить Москвѣ намѣреніемъ отдать часть Малороссіи въ непосредственную власть царскихъ воеводъ, изъявши изъ-подъ гетманскаго регимента. Послѣ взятія подъ стражу Григорія Самойловича, послѣднее событіе, бывшее съ нимъ въ Кодакѣ, растолковано было намѣреніемъ сопротивляться царской волѣ; Григорія подвергли въ Сѣвскѣ допросу и пыткѣ; онъ увѣрялъ, что укрѣплялъ свою ставку, охраняя себя отъ ярости козаковъ, а не отъ царскаго воеводы, но такихъ увѣреній не приняли и осудили Григорія на смертную казнь. Такую суровость надъ Григоріемъ Самойловичемъ объясняютъ [1]) тѣмъ, что Неплюевъ боялся, какъ бы гетманскій сынъ, оставшись живымъ, не уличилъ его, что онъ присвоилъ себѣ его имущество въ Кодакѣ. Казнь была совершена за городомъ Сѣвскомъ [2]) мучительнымъ способомъ: Григорію Самойловичу отрубили голову не съ-разу, но въ три пріема, нарочно за тѣмъ, чтобъ увеличить страданія [3]).

О дальнѣйшей судьбѣ сосланнаго гетмана и сына его сохранились такія извѣстія. Въ 1690 году Ивана Самойловича уже не стало. Въ это время сына его Якова перевели изъ Енисейска въ Тобольскъ къ отцу, но онъ не успѣлъ застать родителя въ живыхъ, а самъ окончилъ жизнь 9-го іюля 1695 года. Вдова его, Анна Владиміровна, дочь генерала Швейковскаго, подала челобитную о дозволеніи ей, ради средствъ къ пропитанію,

---

[1]) Лѣт. Вел. III, 59.

[2]) Ibidem. Лѣтописецъ обозначаетъ мѣстность казни словами: «гдѣ колыски», — вѣроятно это значитъ: тамъ, гдѣ стояли качели, которыя въ Великороссіи обыкновенно строились на выгонахъ городовъ и селеній.

[3]) Лѣт. Сам., изд. 1878 г., стр. 173.

воротиться къ братьямъ, смоленской шляхтѣ Швейковскимъ, и въ сентябрѣ того же года состоялся царскій указъ о препровожденіи ея въ Москву въ сибирскій приказъ, откуда велѣно будетъ сдать ее въ Приказъ Малой Россіи [1]).

КОНЕЦЪ XV ТОМА.

---

[1]) Туманскій. Собран. разн. записокъ объ исторіи Петра Вел., II, 84—85.

ОГЛАВЛЕНІЕ XV ТОМА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЕТМАНСТВО МНОГОГРѢШНАГО.

стр.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЕТМАНСТВО САМОЙЛОВИЧА.

стр.